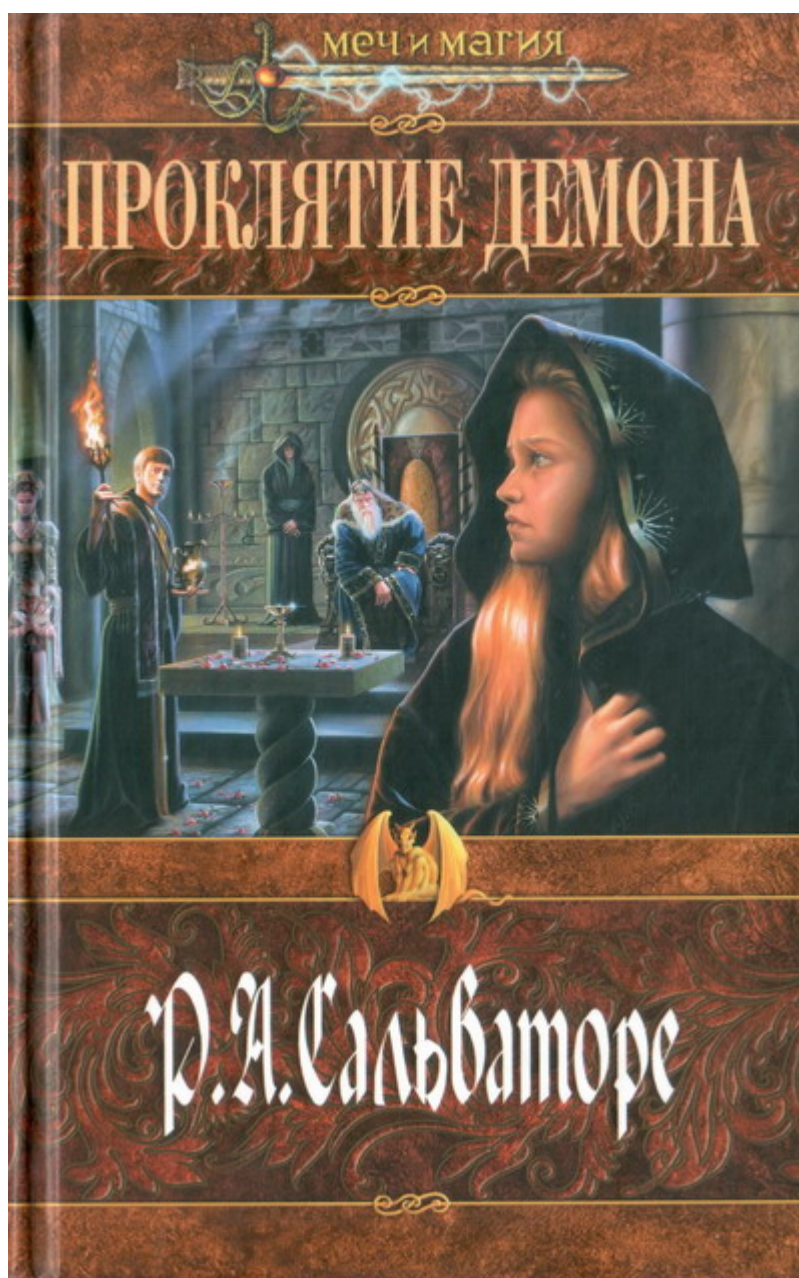


**Роберт Сальваторе
Проклятие демона**

Демонические войны – 4



, OCR & ReadCheck - Vahmurka <http://oldmaglib.com>

«Р. А. Сальваторе "Проклятие демона"»: Эксмо, Домино; Москва, СПб.; 2004
ISBN Эксмо

Аннотация

Демон повержен! Долгая кровопролитная борьба с силами Тьмы, стоившая жизни многим, окончена. Победой над Злом жители королевства Корона обязаны в первую очередь отважной Джилсепони и силе ее магических камней. Но даже они не смогли уберечь от гибели верного спутника девы-воительницы Элбрайна.

Стремясь залечить душевные раны, Джилсепони отправляется на север королевства, где надеется обрести новые силы. Однако и там ее ждут испытания; обитатели северных земель тысячами умирают от не поддающейся лечению болезни. Откуда пришла столь

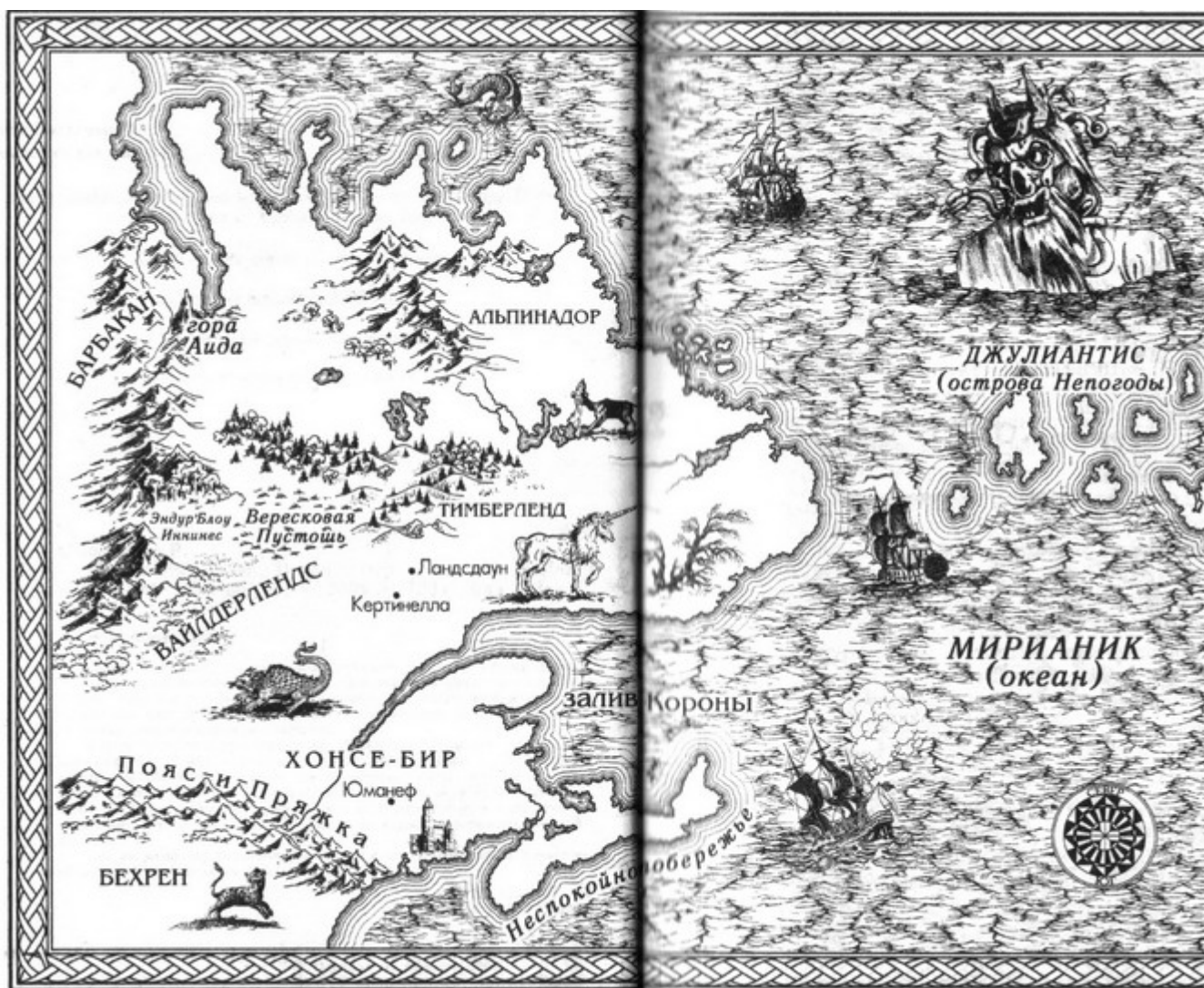
жестокая чума? Неужели силы Зла вновь поднимают голову? А что, если дух уничтоженного демона по-прежнему витает над миром? Недоумение и ужас охватывают жителей Короны.

Все уверены, что только магия камней и дар целительницы, которым обладает Пони, способны победить страшный недуг.

Роберт Сальваторе «Проклятие демона»

Книга для Гэри.
И этим все сказано.

КАРТЫ





ПРОЛОГ

Джилсепони — или просто Пони — сидела на крыше одной из невысоких бойниц монастыря Сент-Прешес. Она смотрела на запорошенные снегом городские крыши Палмариса, то и дело переводя взгляд на раскинувшиеся в отдалении темные беспокойные воды широкого залива Мазур-Делавал. Дул пронизывающий ветер, но Пони, погруженная в воспоминания, не чувствовала холода. Зима наступила рано. В Палмарисе, как и во всей северо-западной части Хонсе-Бира, снег выпал неделю назад, и зима начала уверенно входить в свои права, хотя на исходе был только десятый месяц года.

Несомненно, война против демона Бестесбулзибара и его армии — гоблинов, поври и великанов — закончилась на удивление успешно. Людские потери были незначительными. Не был разрушен ни один крупный город. Однако теперь, с наступлением зимы, последствия войны начали сказываться, и самым серьезным из них был голод в деревнях. Большинство

деревенских припасов перекочевало в города, где размещались королевские войска. До Палмариса доходили слухи о деревенских бунтах против короля Дануба и церкви Абея, глава которой, как оказалось, служил демону. Этим слухи не ограничивались. Говорили о каких-то таинственных смертях, произошедших возле побережья со странным названием Лапа Богомола. Говорили и о шайке фанатиков, угрожавших отколоться от церкви Абея, но в то же время полностью отрицавших любую церковь, преданную идеалам Эвелина Десбриса.

Для Палмариса война окончилась, но охваченной горем Пони казалось, будто тяготы ее только начинались.

А может, продолжались? Может быть, все эти войны, бунты и пародии на справедливость являлись лишь отражением человеческой натуры, стремящейся к бесконечным войнам и страданиям? Мысль эта не давала покоя Пони. Если все обстоит именно так, то к чему они пришли? Чего сумели добиться, заплатив за все страшную цену?

И ради чего погиб тогда Элбрайн — ее горячо любимый муж?

Тщетно, все тщетно. Пони вспомнила затерянную в Тимберленде далекую деревню Дундалис, где когда-то (наверное, целую вечность назад) они с Элбрайном родились и выросли. Она вспомнила, как детьми они беззаботно бегали по лесным тропинкам, вспомнила сосновую рощу к северу от деревни, устланную белым оленьим мхом. Однажды поздним холодным вечером они поднялись на северный склон холма, чтобы полюбоваться сиянием Гало, полыхавшим на небе всеми цветами радуги. Казалось, что сияние озаряет весь мир. Позже Пони узнала, что Гало посылает на землю благословенные магические самоцветы, являющиеся основанием вероучения церкви Абея и ее силой.

Тогда Пони и Элбрайн провели на холме всю ночь, а под утро встретили своих отцов, которые вместе с другими мужчинами Дундалиса возвращались домой с последней перед наступающей зимой охоты. Она и сейчас ясно помнила, как бросилась навстречу взрослым, радостная, ликующая... И в следующую секунду охваченная ужасом.

Охотники несли маленького мертвого уродца. Гоблина. Даже мертвый, этот злобный карлик внушал ужас. Вскоре на Дундалис напали гоблины. Они сожгли деревню и перебили всех ее жителей. Спасти удалось только Элбрайну и Пони. Дети остались живы, но они ничего не знали о судьбе друг друга.

В конце концов Пони оказалась в Палмарисе. Она не помнила, кто она и откуда. Девочку подобрали Грейвис и Петтибва Чиличанк — владельцы трактира «У доброго друга».

Пони бросила взгляд туда, где когда-то стоял трактир. Какие резкие повороты уготовила ей судьба: брак с племянником барона Бильдборо — могущественного властителя Палмариса. Брак этот был поспешно расторгнут по инициативе ее мужа. Потом — насильственная отправка на службу в королевскую армию, переход в отборные части береговой охраны и назначение в Пирет Талме. В крепость, которая впоследствии пала под натиском поври... С тех пор прошло немало лет, но Пони казалось, что это было только вчера. Ее и сейчас пробирал холод при воспоминаниях о бегстве из обреченной крепости, окруженной студеными водами залива Короны.

Что свело ее с Эвелином Десбрисом? Веление судьбы или простая случайность? Но как бы то ни было, безумный монах из Санта-Мир-Абель спас ее. Его собственная участь была ничуть не легче: церковь преследовала Эвелина за убийство магистра и похищение бесценных магических самоцветов. Вместе с Эвелином Пони добралась до Дундалиса, где неожиданно вновь встретила Элбрайна. И узнала, что Элбрайн был учеником эльфов — таинственного народа тол'алфар. Пройдя обучение, он стал Защитником — умелым и могущественным воином.

И вновь перед мысленным взором Пони пронеслись события прошедших лет. Долгий и мрачный путь, полный трагических событий... Поход на север, к горе Аида, чтобы уничтожить демона-дракона (это стоило жизни Эвелину и другим ее друзьям). Путь назад через земли, кишасшие гоблинами, поври и великанами. Проникновение в неприступный монастырь Санта-Мир-Абель, чтобы освободить ее приемных родителей и Смотрителя

(удалось вызволить только кентавра; Петтибва и Грейвис погибли в монастырских застенках). И вновь возвращение на север.

Увы, на этом ее страдания не закончились. Предстояли еще более тяжелые испытания, ибо был жив Бестесбулзибар — дух демона-дракона. Бестесбулзибар вселился в отца-настоятеля Маркворта, и с тех пор старый монах стал их злейшим врагом, одержимым лишь одной мыслью — уничтожить Элбрайна и Пони.

По странной иронии судьбы последнее сражение с Марквортом происходило в том же дворце, где Пони провела свою брачную ночь с Коннором Бильдборо. Именно в этих покаях Пони и Элбрайн дали последний бой Маркворту. И победили. Но... ценой жизни Элбрайна.

Сейчас Пони сомневалась, что они действительно одержали победу и что принесенная жертва не была напрасной. Ее жизнь шла почти по кругу, и сейчас она будто вновь оказалась на отправной точке. Вместо душевного покоя — неутрачивающая тревога и ощущение западни.

— Здесь так холодно. Того и гляди, продрогнешь, — послышался сзади негромкий голос.

Голос принадлежал брату Браумину Херду — предводителю группы монахов, последователей покойного магистра Джоджонаха. Эти монахи не разделяли официальный путь церкви и, подобно самому Джоджонаху, поддерживали Эвелина. Брат Браумин помогал Элбрайну и Пони в их борьбе против Маркворта.

Она обернулась. Брату Браумину было чуть более тридцати. Он был на несколько лет старше Пони. Черные курчавые волосы, красивое, смуглое лицо — природа щедро наградила Браумина.

— Мне все равно, продрогну я или нет, — тихо ответила Пони.

Она снова стала глядеть на город.

— Думаешь об Элбрайне? — спросил брат Браумин.

Пони слегка улыбнулась; ответ и так был очевиден.

— Многие скорбят о нем, — сказал монах.

Пустые слова. Сколько раз за последние три месяца ей приходилось их слышать! Конечно же, люди говорили искренне. Лучше бы они оставили ее в покое.

— Время исцеляет, — начал было брат Браумин, но, поймав взгляд Пони, умолк.

Затем заговорил снова:

— Твоя боль вполне понятна. Тебе нужно черпать утешение и веру в Боге, и в сознании блага, которое свершилось благодаря вам.

Пони буквально обожгла его взглядом.

— Ты говоришь о благе? — спросила она.

Браумин в недоумении развел руками.

— А они опять начали сражаться, — сказала Пони, глядя на заснеженный город. — Или правильнее будет сказать, что они и не прекращали?

— Кто «они»?

— Главари твоей церкви, которые воюют с королем Данубом и его советниками, — пояснила Пони. — Снова война, вечная война. Ничего не меняется.

— Если в церкви благополучно, причина вполне очевидна, — твердо возразил Браумин. — Мы ведь лишились Отца-настоятеля.

— Вы лишились его задолго до того, как он был убит, — бросила Пони.

— Верно, — согласился монах. — Но многие сторонники Далеберта Маркворта до сих пор не могут оправиться от удара. Невозможно поверить, что проклятый Бестесбулзибар, это исчадие тьмы, сумел подчинить себе отца-настоятеля.

— Но теперь, когда настоятеля нет, всем вам дышится легче, — заметила Пони.

Брат Браумин ответил не сразу, и Пони поняла, что ее слова задела монаха. «Нельзя так», — подумала она. Как-никак Браумин — ее друг. Он делал все возможное, стараясь помочь Элбрайну и ей. Естественно, ему больно слышать от нее эти слова. Она посмотрела на Браумина, желая как-то загладить свою бестактность, но промолчала. Будь что будет. Нет сейчас в ее сердце великодушия, и неизвестно, когда оно появится.

— В конечном итоге, нам всем дышится легче, — сказал Браумин. — А могло бы еще легче, если бы Джилсепони хорошенько подумала над сделанным ей предложением.

Пони знала, что монах скажет это, а потому, не дослушав, покачала головой. Браумин и его сторонники хотели, чтобы Пони стала настоятельницей церкви Абея, хотя за всю долгую историю ордена ничего подобного не случалось: Джилсепони официально не состояла в ордене, и никогда еще этот высокий пост не занимала женщина. Инициатива эта принадлежала брату Фрэнсису — когда-то ревностному последователю Маркворта. Элбрайну и Пони благодаря их вере и силе удалось уничтожить демона, убив самого Маркворта. Брат Фрэнсис был свидетелем сражения и все видел. Пони убила демона, которым стал Маркворт, и теперь несколько высокопоставленных монахов хотели, чтобы Пони стала настоятельницей.

По крайней мере, кое от кого она это слышала. Однако Пони не обманывалась. Поломать традицию, избрав главой церкви женщину, да еще убившую предыдущего отца-настоятеля, — значит вызвать в рядах остальных высокопоставленных монахов бешеное сопротивление. Нескончаемые и бессмысленные распри — вот что стало бы итогом ее избрания!

Было и другое, не менее ошеломляющее предложение. Сам король Дануб предложил ей титул баронессы Палмариса, хотя ни по своему происхождению, ни по положению Пони никак не могла на него претендовать. Очевидно, титул баронессы предлагался ей в знак уважения. Но Пони прекрасно понимала, что скрывается за обоими предложениями. С окончанием войны не прекратилась борьба за власть между церковью и государством. Любая из сторон, которой удалось бы объявить Пони — спутницу Элбрайна — своим другом, получила бы преимущество в соперничестве за сердца простого люда в Палмарисе и прилегающих землях.

Пони тихонько рассмеялась, глядя на запорошенные снегом крыши. Она любила снег, особенно когда он обильно падал с хмурых небес. Такая погода давала ей передышку, возможность тихо посидеть у пылающего огня и хоть ненадолго забыть о делах. Вдобавок из-за того, что зима наступила так неожиданно рано, король Дануб отложил свое возвращение в Урсал. Если непогода не уляжется, королю, возможно, придется зимовать в Палмарисе. А это значит, что у Пони будет время всесторонне обдумать предложение короля.

Судя по всему, погода была на стороне Пони, но передышки не получалось. Когда-то Пони называла Палмарис своим домом. То время давно миновало. Лежащий в развалинах трактир, потеря приемных родителей и, наконец, гибель Элбрайна. Слишком много горьких воспоминаний связано у Пони с Палмарисом. Слишком много боли, слишком глубокие раны...

— Если герцог Калас сохранит за собой баронский титул, монастырю Сент-Прешес придется туго, — сказал брат Браумин.

Жестокий герцог, временный правитель Палмариса. Сейчас он занимал дворец, где когда-то был заключен, а затем рухнул ее брак с Коннором Бильдборо и где был убит Элбрайн.

— Как же нам выстоять, если героическая Джилсепони не будет нашей предводительницей? — решился спросить Браумин.

Он обнял Пони за плечи, и на ее лице впервые появилась искренняя, теплая улыбка.

— Или Джилсепони более импонирует предложение короля?

— Я что, знаковая фигура для церкви и для короля? — спросила Пони. — Живой символ, позволяющий Браумину и его друзьям одержать верх?

— Ни в коем случае! — с деланным негодованием воскликнул монах, прекрасно понимая, что Пони шутит.

— Я обещала Смотрителю и Роджеру Не-Запрешь, что приеду в Дундалис, — произнесла она.

Пони и в самом деле подумывала вернуться в город своего детства. Туда, где погребен

Элбрайн и где как-то... чище. Пожалуй, это правильное слово. Чище. Подальше от бесконечных и бессмысленных подковерных игр. Правда, возможно, и ей придется зимовать в Палмарисе, поскольку в это время года пробраться на север нелегко.

Пони взглянула на брата Браумина. Ей по-настоящему нравился этот человек. Он и его сторонники были идеалистами, уверенными, что, следуя учению Эвелина, смогут вернуть церковь на ее истинный путь. Пони вновь улыбнулась, но промолчала. Чего доброго, Браумин решит, что она насмехается над ним. Однако ситуация и в самом деле была смешной. Ни Браумин, ни его друзья даже толком не знали Эвелина — настоящего Эвелина, человека, которого называли Безумным Монахом. Браумин вступил в орден Абеля в восемьсот пятнадцатом году, на год раньше Эвелина. Магистр Фрэнсис и ближайший друг Браумина Мальборо Виссенти были зачислены в монастырь вместе с Эвелином осенью восемьсот шестнадцатого. Но как только группу монахов, в числе которых был Эвелин, стали готовить к путешествию на остров Пиманиникуит, их изолировали от сверстников. Таким образом, Браумин, Виссенти и Фрэнсис видели Эвелина в последний раз в день отплытия четверки избранных монахов к тропическому острову, где им предстояло собирать священные камни. После бегства Эвелина из Санта-Мир-Абель Браумину ни разу не довелось встретиться с ним. К тому времени Эвелин превратился в Безумного Монаха, отличавшегося чрезмерными возлияниями и скандалами в тавернах. Канонизация буяна... да, живописное будет зрелище.

— Здесь слишком холодно, — повторил брат Браумин, крепче обнимая Пони, чтобы хоть немного согреть. — Умоляю тебя, пойдем внутрь, посидишь у огня. Война принесла болезни, и, если еще и Джилсепони заболит, наши дела станут совсем плохи.

Пони подчинилась. Да, ей действительно нравился брат Браумин и его сподвижники. Они рисковали всем, пытаясь отстоять правду, после того как Эвелин Десбрис унес из монастыря магические самоцветы. Чувствуя, с какой заботой Браумин относится к ней, Пони осознала, что испытывает не просто симпатию. Ей нравилось его доброе, красивое лицо, нравилась сильная, энергичная походка. Пони завидовала брату Браумину. Будучи старше ее по возрасту, казалось, душой он был намного моложе, чем она.

Она понимала: брат Браумин обладает тем, чего у нее теперь не было.

Надеждой.

— Бреннили! Ты опять не накормила цыплят, ленивая девчонка? — распекала дочку Мери Каузенфед, стоя на пороге дома. — Бреннили! Еще и спряталась. Где ты?

Мери недовольно покачала головой. Семилетняя Бреннили была самой младшей из ее детей — сорванец, каких мало. Дома ей не сиделось. Девочка всюду искала приключений и любила спускаться по скалам вниз — туда, где за дюнами начинались воды Фалидского залива. А с приливом шутки плохи. Не успеешь глазом моргнуть, как накроет шестифутовой волной и отшвырнет на берег.

Оказываясь за воротами, Бреннили начисто забывала об обязанностях по дому. Каждое утро Мери Каузенфед слышала жалобный писк голодных цыплят, и каждое утро ей приходилось выходить за порог и звать свою непутевую дочь.

— Я здесь, мамочка, — донесся рядом тихий голосок.

Ну и ну! Обычно непоседливая Бреннили говорила звонким, веселым голосом.

— Ты опять забыла про завтрак, — сказала, оборачиваясь к ней, Мери. — А вот цыплята, между прочим, не забыли.

— Я их покормлю, — пообещала Бреннили все таким же едва слышным голосом.

Мери быстро наклонилась к непривычно тихой дочери и, приложив руку к ее лбу, почувствовала жар.

— Ты никак заболела, доченька? — спросила Мери и не на шутку испугалась: у Бреннили пылало все тело.

— Мне что-то не так, мамочка, — призналась девочка.

— Пойдем-ка скорее в дом. Я уложу тебя в постельку и дам супчику, чтобы ты

согрелась.

— А цыплята?

— Подождут. Сначала надо тебя согреть. Потом и их покормим, — ласково улыбаясь дочке, сказала Мери.

Улыбка тут же пропала, когда женщина увидела на худенькой ручке Бреннили розовое пятнышко, окруженное белой каймой.

Мери быстро совладала с собой, боясь испугать дочь, и стала тщательно разглядывать ее руку.

— Ты что, поранилась? — спросила она, отчаянно надеясь услышать положительный ответ.

— Нет, — ответила Бреннили, также разглядывая руку, чтобы понять, что так заинтересовало маму.

Мери быстро отвела глаза от розового пятнышка.

— Ложись в постельку, — велела она. — Я накрою тебя простынкой, чтобы тебе не было очень жарко.

— А я что, буду болеть? — невинным тоном спросила Бреннили.

Мери через силу улыбнулась.

— Что ты, девочка моя! Все скоро пройдет, — прошептала она, прекрасно сознавая, насколько велика ее ложь. — А теперь ложись в постельку, и я принесу тебе суп.

Бреннили улыбнулась.

Мери Каузенфед вышла из комнаты. Она тряслась от страха. Ее охватили рыдания.

Надо поскорее бежать за городским лекарем — пусть осмотрит ребенка. Мери без конца твердила себе, что здесь нужен более опытный и мудрый человек, что розовое пятно может быть вызвано совсем другой причиной. Скажем, укусом паука или ссадиной — Бреннили постоянно лазает по камням. Не нужно терять голову. Так говорила себе Мери Каузенфед.

Розовое пятнышко, белый ободочек.

Эту старую песню знали в Фалиде и в большинстве городов Хонсе-Бира.

То была песня про чуму.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Время перехода

Стоила ли победа принесенных жертв?

Мне мучительно больно даже произносить эти слова вслух. Подобный вопрос оскорбляет память тех, кто отдал свою жизнь, сражаясь с тьмой, пришедшей на нашу землю. Скорбя о том, что нет в живых Элбрайна, Эвелина и многих других, не подвергаю ли я сомнению принесенную ими жертву? Ведь я сражалась рядом с Элбрайном. Мы были едины, мы стояли плечом к плечу в борьбе против демона-дракона, который вселился в отца-настоятеля Маркворта. Я видела и ощущала, как душа Элбрайна уменьшается и уходит в ничто, равно как я видела и другое — разрушение тьмы и сокрушение Бестесбулзибара.

Помимо этого, я чувствовала готовность Элбрайна пожертвовать собой, желание довести битву до конца, даже если победа будет стоять ему жизни. Он был готов к этому. Он был воином, воспитанным и обученным народом тол'алфар; он был служителем и защитником человечества, и это требовало от него ответственности и самопожертвования.

Он умер, сознавая, что сумел победить тьму.

С тех самых пор, как я вернулась в Дундалис и вновь встретила с Элбрайном, вся наша совместная жизнь была полна постоянного риска. Сколько сражений выпало на нашу долю, а ведь многих из них мы могли бы избежать! Мы совершили поход в Барбакан, к Аиде, в самое логово дракона, хотя и считали подобную затею безнадежной и думали, что погибнем понапрасну, пытаясь

одолеть зло, безмерно превосходившее нас. И все же мы туда отправились. Добровольно. С надеждой и сознанием необходимости своей миссии ради блага всего мира, какую бы цену нам ни пришлось за это заплатить.

Круг замкнулся в тот самый день, когда в Чейзвинд Мэнор мы наконец... наконец достигли не телесное воплощение Бестесбулзибара, но дух демона, самую суть зла. В тот день мы победили, уничтожив зло.

Но стоила ли победа принесенных жертв?

Оглядываясь на несколько последних лет своей жизни, я не могу не задать такой вопрос. Я вспоминаю замечательных и благородных людей, с которыми начинала это путешествие и которые не дожили до сего дня, и временами мне кажется, что их великая жертва была напрасной.

Я понимаю, что, испытывая подобные чувства, я оскорбляю память Эвелина и, быть может, гневлю его дух, однако именно это я чувствую.

Мы бились и сражались, отдавая все, что могли, и даже сверх того. Иногда мне думается, мы только и делали, что хоронили погибших друзей. И все же, надеялась я, неимоверная цена заплачена не напрасно. Я помню короткие светлые мгновения, когда я возвращалась к жизни, пробудившись после битвы с демоном-драконом. Я слышала, как брат Браумин, брат Фрэнсис и сам король Дануб заявляли, что Элбрайн погиб не напрасно и мир благодаря нашей победе станет лучше. Тогда я отваживалась надеяться, что принесенная нами жертва и гибель моего любимого позволят изменить человеческую природу и сделают жизнь всех людей светлее.

Но принесла ли смерть Маркворта облегчение всем живущим в Хонсе-Бире?

Тогда ответ казался очевидным... Да, в те блистательные мгновения надежды и триумфа он казался очевидным.

Боюсь, что время надежд миновало. В наступившей затем неразберихе, в возобновившихся интригах между двором и церковью мгновения славы, скорби и надежды растаяли, уступив место обычным спорам и сварам между людьми.

Подобно душе Элбрайна, слава, скорбь и надежда утратили осязаемость и унеслись куда-то на невидимых ветрах.

Меня оставили в покое. Я вижу, как мир вновь погружается в хаос. Заклятие демона? Возможно, и так. А возможно (и этого я боюсь больше всего), таково свойство человеческой натуры, столь же вечное, как человеческий дух. Нескончаемый круг мучительных страданий и жертв, перемежающийся краткими мгновениями ослепительных надежд, которые вскоре меркнут подобно звездам на рассвете. И что тогда сделали мы с Элбрайном? Вывели мир из мрака или помогли ему пройти сквозь долгую ночь, за которой обязательно наступит другая?

Меня пугают подобные мысли, но я не могу заставить себя думать иначе. Когда я сижу и вспоминаю всех, кто отдал свою жизнь, чтобы мы смогли пройти этот путь до конца, меня охватывает страх. Мне кажется, мы просто сделали круг и вернулись к его началу.

И теперь я говорю со всей искренностью и убежденностью: победа не стоила принесенных жертв.

Джилсепони Виндон

ГЛАВА 1 ДЕМОНСТРАЦИЯ СИЛЫ

Он шел по узкому, темному коридору. Вооруженные солдаты следовали чуть поодаль. Условия здесь, конечно, скверные. Как бы его «узники» не заупрямились.

За поворотом дышать стало легче и света тоже прибавилось. Коридор оканчивался надежно запертой дверью камеры — помещения более просторного и не столь грязного. Герцог Таргон Брей Калас остановился и, обернувшись, подал знак одному из солдат. Звеня ключами, тот поспешно открыл дверь. Солдаты устремились было внутрь, желая уберечь своего командира от неожиданностей, но Калас знаком остановил их и прошел вперед.

Два десятка уродливых квадратных лиц обернулось в его сторону. Обычно краснолицые поври после нескольких месяцев плена выглядели изможденными.

Калас изучающе глядел на эти лица. От него не ускользнули сощуренные глаза поври — признак ненависти. Ненависть эта распространялась не лично на герцога, а была направлена на всех людей.

Окинув герцога взглядом, карлики вернулись к прерванным разговорам и нескончаемым играм, которые они придумывали, чтобы убить время.

Кто-то из солдат хотел заставить поври умолкнуть, однако Калас поспешно подал ему знак. Герцог велел оставить его наедине с пленными. Он остался стоять у двери, терпеливо ожидая, когда поври соизволят обратить на него внимание.

— Эй, он ведь так и проторчит здесь весь этот паршивый день, если мы не поговорим с ним, — произнес наконец один из поври.

Пленный стянул с головы ярко-красный берет, буквально светящийся от впитавшейся крови многочисленных жертв, и поскреб спутанные, завшивленные волосы. Потом поври снова нацепил берет, вскочил на ноги и подошел к герцогу.

— Явился поглазеть, как мы тут развлекаемся? — спросил поври.

Калас суровым, немигающим взглядом смотрел на карлика. То был их главарь, вечно язвительный, которому нужно было постоянно напоминать, что он и его гнусные соплеменники находятся в плену, куда они попали в результате войны с королевскими войсками, и что они до сих пор живы лишь благодаря великодушию герцога Каласа.

— Ну? — нетерпеливо спросил главарь, которого звали Даламп Кидамп.

— Как я уже говорил, с наступлением зимы мне потребуется ваша помощь, — ровным голосом произнес герцог Калас.

— А откуда нам знать, что наступает зима? — с неизменным сарказмом спросил Кидамп.

Он повернулся к соплеменникам.

— Как по-вашему, солнце теперь висит ниже на своих паршивых небесах? — спросил главарь, злобно рассмеявшись.

— Хотел бы ты снова увидеть солнце? — поинтересовался у него герцог, отнюдь не настроенный шутить.

Даламп Кидамп угрюмо поглядел на него.

— Думаешь нас купить? — спросил карлик. — Дурак ты. Нам приходилось болтаться по морю в посудине гораздо дольше, чем мы сидим тут. И там было еще теснее и грязнее, чем в этой каморке.

Калас выждал какое-то время, не сводя глаз с карлика. Потом безразлично пожал плечами и вышел в коридор, плотно закрыв за собой решетчатую дверь.

— Что ж, отлично, — сказал он. — Быть может, через несколько дней я наведаюсь сюда снова и буду первым, кого вы увидите за все это время. Это я вам обещаю. А когда голод заставит вас убить и съесть несколько своих товарищей, быть может, вы захотите выслушать мои предложения.

С этими словами герцог вместе с солдатами зашагал прочь. Калас не сделал и нескольких шагов, как Даламп окликнул его.

— Эй, ты ж не просто так перся сюда. Наверное, что-то задумал, а?

Калас улыбнулся и вернулся к двери камеры. Теперь все поври, внезапно заинтересовавшись разговором, сгруппировались вокруг своего главаря.

— У вас есть возможность посытнее есть и потеплее спать, — начал издали герцог.

— Хо, а ты ж раньше говорил, что нас отпустят, — возразил Даламп Кидамп. — Или дадут корабль, и мы поплывем домой.

— Не сейчас, дружок мой, не сейчас, — ответил Калас. — Сейчас мне нужен враг, чтобы продемонстрировать толпе силу Бригады Непобедимых. Внушить людям чувство защищенности, в котором они так нуждаются. Помогите мне, и тогда получите свободу.

Вперед протолкнулся один из поври. На его лице застыла гримаса недоверия.

— А если не поможем? — сердито спросил он.

Не успел поври и глазом моргнуть, как сверкающий тонкий меч герцога оказался приставленным к его горлу. Калас надавил на рукоятку.

— Тогда пеняйте на себя, — спокойно ответил герцог, переводя взгляд на Далампа.

— С самой первой нашей встречи я был честен в отношениях с вами. Так что, Даламп Кидамп, делай выбор.

Главарь свирепо посмотрел на своего ретивого солдата.

— Вы находитесь в плену, — напомнил герцог Калас.

Калас говорил правду. Даламп и его отряд были захвачены в плен на поле боя во время нападения на Палмарис. В отношениях с поври Калас не был связан никакими уставами или положениями. Он мог публично казнить их на городской площади или обречь на голодную смерть в застенках Чейзвинд Мэнор, позабыв об их существовании.

Даламп то и дело переводил взгляд с Каласа на своего сердитого соплеменника. Судя по выражению его лица, ему хотелось задушить обоих. Главарь вообще был готов задушить всех, только бы дать выход накопившемуся отчаянию.

— Давай выкладывай свой паршивый замысел, — неохотно согласился поври.

Герцог Калас кивнул и снова улыбнулся.

Спустя несколько дней, ранним утром, герцог Калас вышел на заднюю галерею дворца Чейзвинд Мэнор. Клубился туман, моросил мелкий дождь. Все предвещало ненастный осенний день, но герцогу нравилась такая погода. Вновь потеплело, хотя до зимнего солнцестояния оставалось еще более месяца. Снег быстро таял, и по сведениям, полученным герцогом накануне, на полях к западу от города, там, где вечно дуют ветры, вновь показалась трава.

Это обстоятельство, а также свинцовые тучи, которые могли принести новый ураган, побуждали герцога действовать незамедлительно. Едва ли можно желать более подходящего дня, чем нынешний, когда в двух шагах ничего не видно. Калас услышал, как сзади распахнулась дверь, и обернулся. На галерею вышел король Дануб Брок Урсальский.

Король был на несколько лет старше Каласа и круглее и талии, однако его волосы оставались темными и густыми, и борода, которой недавно обзавелся Дануб, была черна как смоль.

— Надеюсь, через неделю мы сможем отплыть, — заметил Дануб.

Калас не удивился словам короля, поскольку уже слышал их вчера вечером от Брезерфорда, герцога Мирианского, командующего королевским флотом.

— На всем пути в Урсал вам будет сопутствовать отличная погода, — заверил Калас короля, хотя сам отнюдь не был в этом уверен и весьма опасался принятого решения отправиться в путь. Если разгуливающая стихия застигнет флот в северной части Мазур-Делавала, катастрофа неминуема.

— Брезерфорд тоже так считает, — ответил Дануб. — По правде, меня больше волнует то, что я оставляю здесь.

Калас недовольно поморщился.

— Похоже, брат Браумин пользуется авторитетом и простой народ его любит, — продолжал король. — Если на его сторону встанут эта женщина Джилсепони и бывший помощник Маркворта Фрэнсис, их популярность среди жителей Палмариса подпрыгнет до небес. Не забывай, что брат Фрэнсис весьма полюбился здешним обывателям, когда в последние дни жизни Маркворта служил городским епископом.

Каласу было нечего возразить; они с Данубом много раз подробно обсуждали этот вопрос — с тех самых пор, как в этом дворце погибли Маркворт и герой Элбрайн.

— Выходит, Джилсепони окончательно отказалась от вашего предложения? — спросил Калас.

— Я поговорю с ней, но сомневаюсь, что она согласится, — ответил король Дануб. — Старик Джеховит провел в Сент-Прешес немало времени. Он утверждает, что эта женщина

действительно сломлена горем и ей не до честолюбивых замыслов.

При одном лишь упоминании имени Джеховита — настоятеля монастыря Сент-Хонс и ближайшего советника Дануба — Калас подозрительно сощурился. При дворе знали, что Джеховит ненавидит Джилсепони. Джеховит был человеком Маркворта, которого убили эта женщина и ее возлюбленный. Со смертью Маркворта надежный церковный мирок Джеховита развалился, как карточный домик. Джеховит подводил короля Дануба к тому, чтобы сделать Джилсепони баронессой. По мысли старика, имея светский титул и будучи подчиненной королю, Пони могла бы оказывать лишь *внешнее* влияние на церковь, которое куда менее опасно, нежели влияние *изнутри*.

— Настоятель Джеховит приветствует произведение Джилсепони в баронессы, — напомнил Дануб.

— Настоятель Джеховит с большей радостью приветствовал бы ее казнь, — ответил Калас.

Дануб рассмеялся. Действительно, Маркворт бросил Пони и Элбрайна в застенки Сент-Прешес и приговорил их к казни.

Тут из дворца донесся шум.

— Поступили сведения о появлении отряда поври близ западной городской стены, — усмехнувшись, пояснил герцог Калас.

— Опасную игру ты затеял, — ответил на это король, но затем кивнул, поскольку и сам понимал ее необходимость. — И не пойду к стене, — решил он, хотя прежде они с Каласом обсуждали его появление там. — Меньше подозрений в том, что все подстроено.

Герцог Калас призадумался, затем согласился.

В дверях появилась еще одна близкая к королю особа — придворная дама Констанция Пемблбери. Лицо ее пылало от волнения.

— «Красные шапки», — выдохнула она. — Поступают сведения, что поври штурмуют западные ворота!

Калас мгновенно изобразил на своем лице тревогу.

— Я сейчас же подниму Бригаду Непобедимых, — сказал он и покинул галерею.

Констанция пододвинулась к королю, а тот как бы невзначай коснулся ее руки и поцеловал в щеку.

— Не бойся, дорогая Констанция, — сказал он. — Герцог Калас и его гвардейцы легко отразят нападение.

Придворная дама несколько успокоилась. Она хорошо знала силу доблестной Бригады Непобедимых и много раз любовалась их великолепием на парадах. Да и могла ли она чего-либо бояться здесь, на галерее роскошного дворца, вблизи обожаемого ею человека?

* * *

Пони разбудил шум. В ее комнатку вбежал монах в коричневой сутане.

— Поври! Поври у западных ворот! — прокричал он.

Пони вскочила. Нынче мало что могло вывести ее из состояния душевной апатии, в которую она погрузилась после смерти Элбрайна. Но от крика «Поври!» в ее сознании моментально возникли образы коренастых уродцев, беспощадных и кровожадных, и ее охватила ярость. Пони быстро оделась и понеслась по полутемным монастырским коридорам. Наконец ей удалось разыскать Браумина Херда, Фрэнсиса, Андерса Кастинагиса и Мальборо Виссенти. Они собрались в нефе просторной монастырской церкви — той самой, где она когда-то венчалась с Коннором Бильдборо.

— Поври уже в городе? — спросила она.

— Этого мы не знаем, — ответил Фрэнсис, даже сейчас казавшийся совершенно спокойным.

Пони бросила на него испытующий взгляд. Еще совсем недавно она ненавидела Фрэнсиса и считала его врагом. Она видела, как он лежал бездыханным в подземелье Санта-

Мир-Абель после схватки с Элбрайном. Но какая разительная перемена произошла с этим человеком с того момента, когда он узнал правду об отце-настоятеле Маркворте и стал свидетелем его смерти! Пони и сейчас не испытывала особой любви к Фрэнсису, однако в какой-то мере научилась доверять ему.

— Говорят, они находятся где-то вблизи от западной стены, — сказал брат Браумин. — Так что пока не ясно, сумели ли они проникнуть в город...

— Пока не ясно, достоверны ли эти сведения, — поспешил добавить брат Виссенти — нервный человек небольшого роста, с редящими русыми волосами, который постоянно о чем-то беспокоился и потирал руки.

Поймав на себе суровый взгляд Браумина, Виссенти продолжал:

— Народ в смятении. Разве можно верить тому, что они выкрикивают?

— Нельзя, конечно, — согласился Браумин. — Однако нам нужно быть готовыми ко всему.

В церковь вошли еще несколько монахов — один из них держал в руках небольшой мешочек.

Пони сразу догадалась, в чем дело. Монахи принесли самоцветы — в основном гематиты, на тот случай, если будут раненые и им понадобится помощь.

— Мы идем к стене, — сказал ей брат Браумин, направляясь к выходу. — Пойдешь с нами?

Пони задумалась. Честно говоря, она не хотела более воевать. Но если возле западных ворот Палмариса появились поври, сражения не избежать. Никто во всем королевстве не умел так, как она, обращаться с самоцветами. Да и существовала ли рана, которую Пони не смогла бы исцелить?

Существовала. Рана в ее сердце.

Пони направилась вслед за братом Браумином к западной городской стене.

* * *

Герцог Калас следил из близлежащего переулочка за тем, что творилось на западной стене.

— Там! — крикнул кто-то, и городские стражники молниеносно вскинули луки.

«А они напуганы, — подумал Калас. — Напуганы едва ли не до потери рассудка». Во время войны Палмарис, как никакой другой город Хонсе-Бира, узнал, что такое сражения. Надо признать, защитники города действовали доблестно. Но Калас знал: люди сыты войной по горло, и любой, кому доводилось сражаться с поври, не хотел новой стычки с этими тварями... Если, конечно, эта стычка не продумана заранее и ее исход не предрешен задолго до начала.

Вновь послышались крики, и со стены опять полетели стрелы. Затем толпа дрогнула; часть горожан спрыгнули с десятифутовой стены вниз и со всех ног дали стрелача.

Вскоре остававшиеся на стене зашумели еще сильнее — в стену ударились что-то тяжелое.

Калас улыбнулся. Вчера его стрелки полдня провозились с катапультой, нацеливая ее таким образом, чтобы удар по стене не повлек за собой разрушения.

Лучники ответили на удар новым залпом, затем послышались крики, вопли, и в общем шуме отчетливо слышались резкие голоса поври.

Герцог Калас скользнул в тень, не желая, чтобы его заметили монахи и Джилсепони. Они бежали к стене, чтобы присоединиться к стражникам и горожанам. Герцог следил за ними со смешанным чувством. Его радовало, что монахи спешат на помощь горожанам. Каласа особенно взволновало появление прекрасной Джилсепони: она станет свидетельницей его триумфа! Но одновременно герцог испытывал страх: а вдруг Джилсепони с помощью какого-нибудь самоцвета нанесет удар по поври и спутает ему все карты?

С этими тревожными мыслями Калас бросился на другой конец переулка и взмахнул рукой, подавая сигнал трубачам. Потом он уселся на своего боевого коня — рослого пегого тогайранского пони и занял место на правом фланге отряда из пятидесяти вооруженных рыцарей.

Над городом запели трубы. Казалось, их звук раздается с каждой крыши. Эта музыка звучала боевым маршем доблестной Бригады Непобедимых. Все, кто находился на стене, повернули головы. Вскоре к трубным звукам примешалось нарастающее цоканье копыт.

— Ворота настезь! — зычно потребовал кто-то из бойцов.

Городская стража моментально подчинилась — выход из города был открыт.

Бригада Непобедимых с шумом и грохотом помчалась в поле. Несмотря на тусклый, ненастный день, их доспехи отливали ярким серебряным блеском. Всадники привычно образовали идеально ровный клин, во главе которого мчался герцог Калас.

Какое-то время трубы еще продолжали звучать, потом боевая музыка стихла столь же внезапно, как началась. Все, кто был на стене, смолкли и уставились на легендарных бойцов из Бригады Непобедимых. Даже Пони, повидавшая немало подобных сцен, залюбовалась их великолепием. Цвет королевской гвардии, рыцари в серебристых латах. Найдется ли во всем королевстве, а то и во всем мире сила, способная противостоять им?

Но Пони, умевшей ударом магической молнии сразить великана и видевшей, как Эвелин с помощью аметиста снес вершину горы Аида, королевские воины не казались такими уж непобедимыми.

Герцог Калас стремительно выхватил из ножен свой меч и поднял его высоко над головой.

Воцарилась недолгая тишина, какая обычно бывает перед битвой.

И тут из тумана послышались проклятия, изрыгаемые поври.

Сражение началось: призывные звуки труб, гром копыт, звон стали, воинственные крики.

Со стены стоявшим были видны лишь призрачные фигуры, мечущиеся в тумане по полю. Неожиданно несколько поври вынырнули из тумана и бросились к стене. Прежде чем лучники успели вскинуть луки, прежде чем Пони сумела взять протянутый ей братом Браумином графит, герцог Калас и его рыцари ударили в спину нападавшим. Они косили поври мечами, давили копытами и в считанные секунды уничтожили всех. Затем они лихо развернули своих тогайранских коней и вновь скрылись в тумане.

Кое-кто на стене шептал молитвы, но большинство стояли, раскрыв от удивления рты. Людям еще не доводилось видеть, чтобы крепкие, упрямые поври были целиком уничтожены с такой быстротой и легкостью.

Судя по затихавшим звукам битвы, поври обратились в бегство, а герцог и его гвардейцы пустились за ними в погоню.

Сотни глоток издали крик ликования и слились в один приветственный возглас в честь герцога Каласа — нового палмарисского барона.

— Только бы их не заманили в ловушку, — заметил брат Фрэнсис.

Опасения Фрэнсиса не были беспочвенны; такое вполне могло случиться.

Пони, стоявшая рядом и пытавшаяся разглядеть что-либо за молочно-белой завесой тумана, отнюдь не разделяла его опасений. У нее не было ощущения, что герцог и его Бригада Непобедимых очень рискуют.

Что-то во всей этой битве было... не совсем настоящим.

Можно было бы, взяв гематит, отправиться духом через завесу и узнать, что делают герцог и его гвардейцы. Но Пони, покачав головой, отбросила эту мысль.

— Ты что? — спросил брат Браумин.

— Да так, ничего, — ответила Пони, проведя рукой по мокрым, густым и светлым волосам.

Она продолжала всматриваться, в туман, прислушиваясь к боевым выкрикам гвардейцев и стонам умирающих поври. Что-то явно было здесь не так.

— Это я о своем, — добавила Пони.

* * *

Из зарослей на другом конце поля за сражением следил еще один человек. То был Маркало Де'Уннеро. Его монашеские одежды давным-давно обветшали и истрепались. Он промок и перепачкался в грязи. Душу Де'Уннеро жестоко терзали демоны. Однако бывший настоятель не лишился рассудка и сейчас, притаившись в зарослях, мыслил вполне здраво и последовательно. Если поври отважились столь дерзко напасть на Палмарис, значит, силы их внушительны. Но как же они смогли подобраться к городу? Де'Уннеро бродил в этих местах уже несколько дней в поисках пищи и крова, пытаясь не умереть с голода и не сойти с ума. Он внимательно наблюдал за теми немногими крестьянами, которые отважились остаться в своих бедных жилищах на зиму, закрывшись на все засовы. Долгими часами Де'Уннеро изучал повадки и движения юрких лесных зверей.

Чаще всего бывший настоятель высматривал именно зверей — свою основную добычу. Он научился чувствовать их, научился видеть мир их глазами. Однако сейчас его ноздри не улавливали того особого, разлитого в воздухе запаха страха, какой вызывает любая приближающаяся армия, в особенности если она тянет за собой тяжелые катапульты.

Тогда откуда же появились поври?

Де'Уннеро нырнул в заросли. Сквозь деревья ему удалось разглядеть катапульту. Она была всего одна. Возле нее, на полянке, скрытой деревьями, находились не поври, а люди. Де'Уннеро видел, что катапультисты сделали только один выстрел и совсем не торопились стрелять снова.

— А ты умен, герцог Калас, — произнес Де'Уннеро.

Он тут же смолк, поскольку невдалеке хрустнула ветка. Где-то совсем рядом Де'Уннеро почуял запах крови.

— Хо, проклятый человечиска, — услышал он сердитое ворчание поври, а затем увидел и самого карлика, медленно бредущего по тропке.

Де'Уннеро заметил рану на плече карлика: яркая струйка крови была видна даже сквозь туман. Да, он увидел и почуял кровь, ее сладостный аромат, наполняющий ноздри и будоражающий чувства.

Превращение началось почти сразу же. Де'Уннеро негромко зарычал от внезапной и резкой боли в пальцах рук и ног. Затем от боли свело челюсть — изменения в челюсти всегда были самыми болезненными.

Спина Де'Уннеро изогнулась, и его плечи подались вперед. Он встал на четвереньки — так было удобнее совершать превращение.

Теперь в зарослях скрывался огромный оранжево-полосатый тигр.

— Проклятье, — продолжал ворчать приближавшийся поври. — Обещал же, скотина, что ударит не сильно!

Поври прислушался. Он насторожился, чувствуя, что здесь кто-то есть. Потом рванул назад, но оступился. Из кустов на него выпрыгнул могучий зверь. С легкостью тигр опрокинул поври на землю. Карлик отчаянно вырывался, но когти чудовища оказались сильнее. Наконец мощные челюсти тигра впились в горло своей жертвы.

Теперь Де'Уннеро мог спокойно приступить к завтраку.

Но вдруг услышал, что сюда приближаются всадники и сыплющие проклятья карлики. Де'Уннеро вцепился в плечо мертвого поври и потащил завтрак в глубь леса.

— Ты пришиб их насмерть в своем паршивом сражении!

Даламп Кидамп размахивал коротким, крючковатым пальцем в направлении герцога Каласа, кричал и брызгал слюной. Герцог, прямой, как струна, восседал на пегом белогривом тогайранском красавце.

— Я говорил, что кто-то из вас, вероятно, погибнет, — равнодушно ответил Калас.

— Но не столько же! — крикнул тот самый карлик, который несколько дней назад влез в разговор герцога с их главарем в застенках Чейзвинд Мэнор. — Ты обманул нас, вонючий пес!

Слегка пришпорив свою вышколенную лошадь, герцог мгновенно оказался рядом с поври. По части воинского мастерства Калас, возможно, не имел себе равных во всем Хонсе-Бире. Одним грациозным движением герцог выхватил сверкающий меч и отсек строптивому поври голову.

— Вы думали, это игра? — прикрикнул герцог на Далампа и его соплеменников. — Может, для полноты победы нам всех вас отправить на тот свет?

Далампа Кидампа не особо волновала гибель его соплеменников. Он даже обрадовался, что Калас убил этого горлопана. Главарь поври уперся кулаками в бока, наклонил голову и пристально поглядел на герцога.

— Думаю, теперь мы заслужили посудину, на которой можем отплыть домой, — сказал он.

Герцог Калас, успокоившись, немного помолчал.

— Весной, как только погода наладится, — пообещал он. — А пока с вами будут хорошо обращаться. Вы получите вдоволь еды и теплые покрывала.

— Покрывала оставь себе, а нам, чтобы согреться, дай лучше несколько ваших женщин.

Услышав такое, Калас едва не приказал перебить оставшихся поври прямо на месте. Нет, он, конечно, сдержит слово и позволит этим тварям вернуться на свою далекую родину. Он позаботится, чтобы на протяжении зимы с ними лучше обращались и давали больше пищи. Но если он когда-нибудь увидит, что кто-то из них дотронулся своей грязной рукой до женщины — пусть даже это будет последняя шлюха во всем королевстве, — он тут же отсечет негодяю голову!

— Вечером снова заковать их в цепи, — велел герцог одному из своих солдат. — И постарайтесь, чтобы все прошло как можно тише. Городской страже по дороге скажете, что пленных карликов мы допросим и затем казним. После чего отведете их назад в подземелье.

Калас пришпорил пони и направился к городским воротам. Его ближайшие командиры поспешили к своим коням, стремясь за ним вдогонку. Отъехав немного, герцог остановился и обернулся.

— Пересчитать живых и мертвых и прочесать поле, — распорядился он. — Отвечаете за каждого поври.

— Думаешь, кому-то из нас захочется остаться здесь, в вашей паршивой стране? — крикнул Даламп Кидамп, но Калас не обратил на него никакого внимания.

Его ожидало победное возвращение в город.

Герцог Калас и Бригада Непобедимых возвращались в город с триумфом. Кровь и грязь сражения лишь прибавили блеска их доспехам.

Калас выхватил свой перепачканный кровью меч и высоко поднял его над головой.

— Доблесть — солдатам, победа — королю! — выкрикнул он девиз Бригады Непобедимых.

Почти все, кто находился на стене и близ нее, ответили громогласными приветственными криками. Многие плакали.

Герцог Калас впитывал в себя это ликование, упивался славой и торжествовал. Теперь его власть, а следовательно, и власть короля Дануба в этом пограничном городе укрепились. Герцог удовлетворенным взглядом обвел возбужденные и мокрые от слез лица людей и наконец задержал свой взгляд на фигуре женщины, которая не выкрикивала приветствия и не плакала.

И все же Калас испытал восторг, оттого что прекрасная и опасная Джилсепони присутствует при его триумфе.

ГЛАВА 2

ДАЛЕКИЕ ГОЛОСА

— Мы должны выступать единым фронтом, — громко заявил настоятелю Джеховиту брат Виссенти Мальборо. Как всегда, он очень волновался. — Неужели вы хотите, чтобы король Дануб распоряжался делами церкви?

Начав с риторических заявлений, брат Виссенти неожиданно свел свое выступление к саркастическому вопросу. Браумин Херд и Фрэнсис, беседовавшие неподалеку, прекрасно это расслышали. Сегодня утром все монахи высших рангов, находившиеся в Палмарисе, собрались, чтобы истретиться с королем Данубом, перед тем как он покинет юрод. Здесь были Браумин Херд и его надежные союзники — Холан Делман, Кастинагис и Виссенти. Аббатство Санта-Мир-Абель представлял Фрэнсис, а Сент-Хонс, аббатство в Урсале, — его настоятель Джеховит. Помимо них присутствовали местные монахи младших рангов во главе с братом Талюмусом — молодым, но деятельным монахом, прекрасно проявившим себя во время драматических событий минувших месяцев. По мнению многих, в том числе и Браумина Херда, вся церковь Абеля была в большом долгу перед храбрым братом Талюмусом.

— Вы почему-то считаете короля врагом, — помолчав, ответил Виссенти настоятель Джеховит. — Это ошибка, и возможно, весьма опасная ошибка.

— Брат Виссенти не совсем точно выразился, — вмешался в разговор Браумин.

С братом Виссенти такое случалось очень часто: разнolновавшись, он часто заходил слишком далеко, и его резкие высказывания подчас не сулили ничего хорошего. Настоятель Джеховит не один десяток лет прожил в Урсале. Он помогал воспитывать юного Дануба вплоть до раннего восхождения последнего на престол. Неудивительно, что светские правители Хонсе-Бира поддерживали Джеховита.

— Мы не считаем короля врагом, — продолжал Браумин Херд, оттесняя брата Виссенти от Джеховита. — Но заботы короля Дануба отличны от наших. Они проистекают от мирских дел, тогда как наши должны восходить к делам духовным.

— Замечательные слова, — с явным сарказмом произнес Джеховит.

— И вполне отражающие истину, — быстро добавил подошедший к ним магистр Фрэнсис.

Джеховит недовольно поглядел на него. Они не испытывали симпатии друг к другу. В прошлом Фрэнсис был правой рукой Маркворта. Покойный отец-настоятель поспешил сделать его магистром, а затем и временным епископом Палмариса. Наконец Фрэнсис получил столь вожеленный для него пост настоятеля Сент-Прешес. Однако, когда Маркворта не стало и раскрылось, что отцом-настоятелем управлял дух демона, Фрэнсис немедленно ушел с этого поста. Но Джеховит также когда-то принадлежал к сторонникам Маркворта, а деловые связи между сторонниками вполне могли сохраниться и после гибели отца-настоятеля... если бы в тот момент, когда Элбрайн-Полуночник был уже мертв, а Джилсепони лежала без сознания, Фрэнсис и Джеховит начали действовать сообща. Тогда оба настоятеля могли бы взять бразды правления в свои руки и новым отцом-настоятелем сделался бы Джеховит. Но и Фрэнсис не был бы обделен. Джеховит позаботился бы о том, чтобы впоследствии брат Фрэнсис занял его место — ведь Джеховит уже не молод...

Вместо этого Фрэнсис, произвольно толкуя последние слова Маркворта, призвал церковь избрать матерью-настоятельницей Джилсепони Виндон!

— Король Дануб заставил бы нас действовать исключительно в его интересах, — продолжал Фрэнсис, самый молодой магистр церкви Абеля.

— А разве во времена отчаяния и смятения, когда столько народа погибло в сражениях, когда по всей стране свирепствуют голод и болезни, когда у многих появилось сомнение и в духовных, и в светских принципах мироустройства... разве в такое время союз церкви и государства не принесет простым людям уверенность в том, что их не бросили на произвол судьбы? — с пафосом провозгласил настоятель Джеховит. — Разве демонстрация общности между нашим любимым королем и новыми предводителями церкви не принесет уверенность

и надежду нашему пребывающему в отчаянии королевству?

— Такая общность обязательно будет, — ответил брат Браумин. — В рамках равноправного партнерства. Мы не станем подчиняться королю Хонсе-Бира. Да, сейчас наши цели после войны кажутся схожими, однако традиционные чаяния остаются весьма различными.

— Не преувеличивайте, — возразил настоятель Джеховит.

Брат Браумин медленно покачал головой, чтобы и Джеховиту, и всем собравшимся было ясно: в этом принципиальном вопросе он не уступит.

Собравшиеся понимали: если король Дануб попытается незаметно распространить свое влияние на церковь Абея, сделать это сейчас будет очень непросто, ибо нынешнему руководству церкви не доставало опыта и умения противостоять притязаниям монарха.

— Отец-настоятель Маркворт уже пытался объединить церковь и государство, — напомнил собравшимся магистр Фрэнсис, имея в виду недавнее назначение Маркало Де'Унnero епископом Палмариса.

Сан епископа совмещал в себе управление церковными делами и мирскую власть над городом. Палмарис оставался тогда без барона — всеми любимый Рошфор Бильдборо был убит по дороге в Урсал. В убийстве подозревали Де'Унnero: последующие свидетельства говорили о том, что он при помощи камня — тигриной лапы — обернулся тигром и расправился с бароном. Тогда Маркворт и воспользовался сложившейся в Палмарисе ситуацией.

Однако это обстоятельство побудило Дануба лишь отправиться на север вместе с армией и приближенными, чтобы защитить основы королевской власти в Палмарисе.

— Как вы помните, попытка Маркворта привела к катастрофе, — продолжал Фрэнсис. — И все повторится опять, если король вознамерится претендовать на власть и влияние в неподвластных и неподконтрольных ему сферах.

Брат Браумин взглянул на Фрэнсиса. Они не были друзьями (скорее наоборот!), несмотря на разительную перемену, произошедшую с Фрэнсисом после смерти Маркворта. Но сейчас, в этот решающий момент, Браумин оценил его поддержку. Если в ближайшие месяцы они не сумеют сделать правильный выбор, церкви грозит крах.

Браумин перевел глаза на Джеховита. Старый настоятель может оказаться серьезным противником. Джеховит не один десяток лет был наделен огромной властью и знал, что этим он обязан именно королю Данубу, а не ордену.

Браумин кивком головы пригласил Джеховита последовать за ним. Им необходимо было поговорить без свидетелей.

По утрам Пони почти всегда с трудом вылезала из постели, и нынешнее утро не было исключением. Браумин Херд считал: то, что должно произойти сегодня, намного важнее, нежели любое нападение поври, в особенности последнее, закончившееся столь быстрым их поражением. Однако для Пони это была просто очередная встреча в нескончаемой цепи таких же пустых и бесцельных встреч. Люди постоянно о чем-то договаривались, что-то замыслили, смещали равновесие сил в ту или иную сторону, но Пони теперь четко осознавала, что все эти игры не оказывают никакого влияния на ход событий, на историю и будущее окружающих ее людей.

Люди привыкли считать любое событие важным и знаменательным, но так ли это на самом деле?

Вопрос этот преследовал Пони с момента гибели Элбрайна; он неотступно преследовал ее и заставлял молчать во время подобных встреч, когда она знала, что достигнутое согласие недолговечно. Имело ли вообще происходящее какой-то смысл?

Взять хотя бы войну с демоном-драконом. Они дошли до Аиды и уничтожили телесное воплощение дракона. Казалось бы, они совершили замечательный, героический поступок, стоивший жизни Эвелину и Тантан. Однако победа над драконом привела лишь к большим несчастьям. Отец-настоятель Маркворт, боясь за власть, объявил Эвелина еретиком. Он

послал своего собрата — опытного и безжалостного убийцу — для расправы с беглым монахом. Впоследствии, узнав, что камни перешли в другие руки, Маркворт делал отчаянные попытки разыскать тех, у кого они находились, — Элбрайна и Пони. Подручные отца-настоятеля схватили приемных родителей Пони и их сына Греди, которого убили по дороге в Санта-Мир-Абель. Петтибва и Грейвис оказались в монастырских застенках, где и встретили мученическую смерть.

Пони надеялась, что этот конфликт окончится раз и навсегда, а он лишь приобретал все новые и новые трагические повороты. Впрочем, для двоих он действительно окончился — для самого Маркворта и для Элбрайна. Но не успели их тела остыть в земле, как борьба возобновилась. Возникли новые и не менее серьезные трудности, чреватые, как считал брат Браумин, уничтожением всего, что было достигнуто ценой невероятных жертв.

Размышляя обо всем этом, Пони провела рукой по животу. Демон Маркворт жестоко повредил ей чрево, забрав оттуда ребенка и оборвав биение сердца, стучавшего в одном ритме с ее собственным.

А люди меж тем продолжали воевать. Охваченная горем, Пони не могла представить, что эти сражения когда-нибудь кончатся. А без веры в будущее, без проблеска надежды как заставить себя вскакивать с постели и радостно нестись на очередную «важную» встречу?

И все же Пони встала, умылась и оделась. Она пойдет туда, уступая просьбам Браумина, Делмана, Кастинагиса и Виссенти. Она помнит, как эти монахи встали бок о бок с нею и Элбрайном в минуту тяжелых испытаний, как отказались выступить против них вопреки угрозе заточения и мучительной смерти. Она должна сделать это в память о брате Ромео Муллахи, который предпочел прыгнуть со священного плато в Барбакане и разбиться насмерть, но не сдать Маркворту. Наконец, она должна сделать это ради Эвелина и той церкви, какая виделась ему, — пусть сама она и не верит, что подобное когда-нибудь произойдет.

Пони неспешно шла по коридорам Сент-Прешес. Когда коридор сделал последний поворот и вывел в переднюю, за которой находился зал, подготовленный для встречи с королем, за спиной Пони слышались шаги — шаги сильного и энергичного мужчины.

— Приветствую тебя, Джилсепони, — сказал подошедший герцог Калас. — А я думал, что ты вместе с братьями готовишься к визиту короля.

— Я уже обсудила все с братом Браумином, — небрежно ответила Пони.

Она намеренно не назвала имен других высокопоставленных монахов, например настоятеля Джеховита, непрестанно обсуждавшего сложившуюся ситуацию.

Калас не ответил. В тишине раздавались лишь легкие шаги Пони и чеканный шаг обутого в тяжелые кованые сапоги герцога.

Возле двери Калас задержал Пони.

— Тяжелое сражение состоялось вчера утром, — сказал он.

Пони усмехнулась столь внезапной перемене темы.

— Не думаю, что это так, судя по количеству раненых, — ответила она.

— Спасибо искусству Бригады Непобедимых, — поспешно добавил горделивый Калас. — Многочисленные враги жаждали битвы, но точно выбранный нами порядок боевого построения и согласованность действий обратили поври в бегство.

Снедаемая подозрениями, Пони кивнула. У нее не было убедительных доказательств, чтобы оспаривать слова герцога.

— Мне доставило удовольствие видеть тебя на стене, когда мы возвращались в Палмарис, — сказал он, пристально глядя на Пони. — Хорошо, что ты знаешь, какую силу в нынешние тревожные времена представляют собой гвардейцы Бригады Непобедимых. Думаю, это придало тебе уверенности в том, что мы — ты и я — сражаемся против одних и тех же врагов.

Пони стоило значительных усилий не рассмеяться этому человеку прямо в лицо. Калас явно заигрывал с ней. Нет, он конечно же не ждал мгновенных результатов. Герцог, как и другие, прекрасно понимал, что овдовевшая менее четырех месяцев назад Пони скорбит по

Элбрайну. Калас действовал более тонко, в расчете на будущее, и она ясно это видела. На самом деле он был не первым, и подобное отношение к ней стало обычным. Пони не питала иллюзий, будто ее красота и обаяние заставляют аристократов из королевского окружения ухаживать за ней. Да, она красивая женщина, но в свите Дануба немало придворных красавиц, преуспевших в искусстве обольщения. Она понимала, что скрывается за словами Каласа. Пони стала важной персоной, и для нее возможность обретения церковной или светской власти была сейчас выше, чем у любой другой женщины в королевстве. Здесь она превосходила даже Делению — настоятельницу Сент-Гвендолин, самую высокопоставленную женщину церкви Абея. Монахи в Палмарисе предложили ей высокий пост в ордене. Пони не сомневалась: одного слова было бы достаточно, чтобы ее сделали главой Сент-Прешес. Король Дануб предложил ей титул баронессы и управление Палмарисом.

Будь у Пони желание, она могла бы в считанные дни оказаться на самых высотах власти.

Герцог Калас был искусным политиком. Он понимал ее настроение и умело использовал свои чары. Герцог не учитывал только одного: для Пони эти чары ничего не значили.

— Если бы на поле боя я был ранен, я бы обратился к Джилсепони с просьбой исцелить мои раны, — продолжал герцог, искренне считавший, что делает ей величайший комплимент.

Пони едва не расхохоталась. Она видела этого человека насквозь. Герцог Калас мог бы заполучить любую женщину в королевстве. Ему достаточно было провести рукой по своим густым, курчавым, темным волосам или взмахнуть такими же густыми, темными ресницами — и любая придворная дама упала бы к его ногам. Пони видела, что герцог Калас внешне очень привлекателен и даже красив.

Но по сравнению с Элбрайном все его великолепие бледнело! Калас был подобен мастерски написанному пейзажу, изображавшему величественные горы, он напоминал красивую картину. Однако красота Элбрайна была намного глубже. Элбрайн сам был этими горами с их бодрящим свежим воздухом, со всеми их красками и ароматами. Он был волнующим и *настоящим* переживанием. Щегольство и тщеславие Каласа не шли ни в какое сравнение с мужественностью Элбрайна, и даже рядом с призраком Полуночника герцог выглядел весьма бледно.

Внезапно Калас перестал улыбаться и, отойдя в сторону, закашлялся. Похоже, Пони не удалось сделать надлежащее лицо, и на нем, как в раскрытой книге, можно прочесть все ее мысли.

Пони отвернулась и закусила нижнюю губу, надеясь, что ей удастся скрыть едва не сорвавшуюся с губ презрительную усмешку.

— Королю пришлось задержаться, — послышалось сзади.

Пони и герцог обернулись и увидели придворную даму Констанцию Пемблбери, быстрыми шагами направлявшуюся к ним. Она повторила эту фразу, буквально поедая Пони глазами. Намек Констанции был понятен: королю Данубу пришлось задержаться из-за нее, Констанции!

Пони снова пришлось сделать над собой усилие, чтобы не рассмеяться. По слухам, Констанция не один год обхаживала короля Дануба. Придворная дама считала Пони, которая была на десять лет ее младше, своей соперницей и хотела открыто заявить о своих правах на короля!

Какая глупость! Как объяснить этой урсальской красавице, что Пони ей не соперница? Ведь не возьмешь ее за плечи и не встряхнешь со всей силой, чтобы зубы застучали!

— Король велел, чтобы мы дождались его здесь, — произнесла Констанция, переводя взгляд на герцога Каласа. — А ты, разумеется, можешь идти, — покровительственным гоном добавила она, обращаясь к Пони.

Пони усмехнулась, встряхнула головой и направилась к двери, чувствуя, что герцог

Калас готов испепелить ее взглядом.

Она понимала, что дала герцогу резкий отпор, возможно даже обидела его. Но скорее всего, он сочтет это вызовом для себя и через несколько дней сделает новую попытку. Такому человеку, как Калас, всегда необходимо что-то преодолевать.

— Прошел всего лишь год со времени последней Коллегии аббатов, — сказал брат Браумин настоятелю Джеховиту, когда они отошли в дальний конец просторного зала для аудиенций. — А как резко все изменилось с тех пор!

Джеховит с опаской разглядывал своего молодого собрата. Разумеется, прошлая Коллегия аббатов явилась сущим бедствием, если вспомнить, что произошло потом. Маркворт объявил магистра Джоджонаха еретиком. Джеховит ни тогда, ни сейчас не мог понять, зачем отцу-настоятелю понадобились тогда королевские гвардейцы. Неужели лишь затем, чтобы протаскать носилки с обреченным на смерть магистром по улицам близлежащего селения и сжечь Джоджонаха у позорного столба? На той же Коллегии Маркворт официально провозгласил еретиком и брата Эвелина, а теперь, похоже, церковь готова приступить к его канонизации!

Браумин сумел верно прочесть мысли Джеховита и, желая разрядить напряжение, негромко рассмеялся.

— За этот год мы многому научились, — сказал он. — Будем надеяться, орден Абея сумеет залечить открывшиеся раны.

— Канонизировав Эвелина Десбриса? — недоверчиво спросил Джеховит.

Браумин поднял руки.

— Со временем эта идея начнет обретать своих сторонников, — примирительно сказал он, не желая вступать в спор. — Но прежде чем мы начнем обсуждать подобные вещи, прежде чем мы даже начнем выяснять, кто же был прав — отец-настоятель Маркворт или магистр Джоджонах и брат Эвелин, — мы должны исполнить приказ короля и навести порядок в собственном доме.

Недоверчивость в глазах Джеховита вспыхнула ярким пламенем.

— Вы давно уже решили, кто из них шел правильным путем, — с упреком проговорил он.

— И в этом я как раз намерен выступить против вас, причем со всей силой, если после всего, что нам пришлось пережить, вы встанете на сторону Маркворта, — согласился брат Браумин. — Но опять-таки, у нас нет ни времени, ни безрассудства, чтобы начинать сражение прямо сейчас.

— Согласен, — отступил Джеховит.

— Мы должны быстро созвать Коллегию аббатов, чтобы избрать нового отца-настоятеля и решить вопрос о том, кто будет настоятелем в Сент-Прешес, — продолжал брат Браумин.

— Послушайте, брат Браумин, вы ведь даже еще не магистр. Вероятно, вас как безупречного пригласят на Коллегию аббатов, однако решающего голоса вы там не получите. Между тем вы говорите так, словно лично вознамерились созвать Коллегию.

— Не далее как сегодня в присутствии короля Дануба магистр Фрэнсис провозгласит меня настоятелем Сент-Прешес, — объявил Браумин. — Свидетелем будет брат Талюмус.

Он сделал паузу и посмотрел старому монаху прямо в глаза.

— А вторым свидетелем будет Джилсепони, отказавшаяся занять этот пост.

— Дети, ведущие детей! — гневно возвысил голос Джеховит.

Браумин знал: это у него от досады. Вряд ли у старого настоятеля есть шансы помешать назначению брата Браумина.

— Не хватало еще приплести сюда и эту Джилсепони! — кипел Джеховит. — Она вообще не имеет отношения к ордену! Нечего ей соваться в эти дела!

— Она имеет отношение к ордену, друг мой, — спокойно ответил брат Браумин. — Неужто вы решитесь отрицать, что она умело обращается с камнями? Разве это не ясный

знак Божьего благоволения к ней? Или вы решитесь отрицать последние слова отца-настоятеля Маркворта?

— Он бредил, — продолжал упираться Джеховит. — Маркворт был при смерти. Кроме того, он не провозглашал Джилсепони. Все это только слова неразумного брага Фрэнсиса.

— Нет, то был величайший момент просветления, пережитый отцом-настоятелем, — возразил Браумин Херд. — Ясности, какой Маркворт не испытывал с тех самых пор, как послал Карающего Брата, дабы выследить и убить Эвелина; с тех самых пор, как силой захватил семью Чиличанков и бросил в застенки Санта-Мир-Абель. Вы знаете, что мои слова справедливы и к ним обязательно прислушаются остальные настоятели и магистры, большинство из которых усомнились в деяниях Маркворта еще задолго до недавних разоблачений. Магистр Фрэнсис пошел вслед за Марквортом по дороге теней, но вернулся к свету и поведал нам правду.

Джеховиту понадобилось немало времени, чтобы обдумать возражения Браумина и найти ответ.

— Я не стану противиться вашему назначению на пост настоятеля, — сказал он.

Браумин улыбнулся, однако Джеховит сумел быстро погасить его улыбку. Старик ткнул в него длинным, тощим пальцем и добавил:

— Но только в том случае, если не вернется епископ Де'Уннеро.

— Даже если и вернется, ему нельзя доверять, — возразил Браумин. — Мы знаем, что в последнем сражении он был на стороне Маркворта.

— Мы об этом ничего не знаем, — саркастически заметил Джеховит.

— Он подозревается в убийстве барона Бильдборо.

— Вздор, — презрительно усмехнулся Джеховит. — Его подозревают лишь те, кто настолько ненавидел Маркворта, что готовы везде видеть «руку» отца-настоятеля. Нет никакой связи между убийством барона и Де'Уннеро. Да, епископ в совершенстве владеет магией тигриной лапы, но едва ли это обстоятельство может быть вменено ему в вину.

— Тогда почему он бежал? — спросил Браумин.

— Я поддерживаю ваше назначение, если Де'Уннеро не вернется и не представит убедительных доводов в пользу возобновления своей главенствующей роли в Сент-Прешес. Таково было мнение Маркворта, — решительно заявил Джеховит.

Брат Браумин, подумав, кивнул в знак согласия.

По манере, с какой держался старый настоятель, Браумин вскоре сообразил, что мнение Джеховита имеет определенную цену.

— Что вам нужно? — без обиняков спросил молодой монах.

— Две вещи, — ответил Джеховит. — Первое — это почтительное отношение к памяти отца-настоятеля Маркворта.

Удивление на лице Браумина быстро сменилось явным отвращением.

— Он был великим человеком, — настаивал Джеховит.

— Запятнавшим себя убийством, — тихо ответил Браумин.

Меньше всего ему хотелось, чтобы их разговор сейчас кто-либо услышал.

Джеховит покачал головой.

— Вам не понять, — ответил он. — Я не оспариваю вашей оценки Далеберта Маркворта, но вы не можете судить обо всей его жизни по одному ошибочному повороту.

— Точнее назвать это неверным выбором, — перебил его Браумин.

Джеховит кивнул, соглашаясь с доводом, но, как понял Браумин, его согласия надолго не хватит.

— Какими бы ни были наши словесные определения, Маркворт допустил ошибку, и дело его жизни пошло не в том направлении, — сказал Джеховит. — Но и мы поступили бы неправильно, если бы начали судить о том, что сделано этим человеком, учитывая только то, что им сделано в последние трагические дни.

Браумин знал, что трагическими были не только последние дни Маркворта. Таких дней было намного больше. Молодому монаху с его идеалистическими устремлениями претил

весь ход этого разговора, направляемого Джеховитом.

— Можно лишиться святости из-за одного опрометчивого шага, — напомнил он Джеховиту.

— Я же не прошу вас канонизировать Маркворта, — возразил тот.

— А о чем вы просите?

— Я прошу чтить его память в той же мере, в какой мы чтим память его предшественников — память каждого отца-настоятеля, за исключением тех, кто уводил церковь с истинного пути.

— Маркворт тоже принадлежит к их числу.

Джеховит покачал головой.

— Он оказался в трудном положении, усугубленном войной и действиями тех двух братьев, которых вы превозносите до небес. Вы можете возразить: он-де сделал роковой выбор, однако правление Маркворта на посту отца-настоятеля не было отягчено ни бесконечными богословскими спорами, ни репрессиями. Более того, под водительством Далеберта Маркворта церковь достигла новых высот власти. Разве в прошлом мы имели столь щедрый и обильный дар самоцветов?

— Это заслуга Эвелина, — сухо вставил Брамин, однако Джеховит, кажется, пропустил его замечание мимо ушей — настолько старик был поглощен красноречием.

— Под его водительством у нас в Палмарисе появился епископ. Пусть все окончилось не самым лучшим образом, но одно то, что король Дануб пошел на такой шаг, красноречиво говорит о политическом искусстве Маркворта и о его влиянии.

Брамин даже не стал качать головой. Он просто вздохнул. Ему не хотелось, чтобы в разговорах о нечестивом Маркворте звучал хоть какой-то намек на милосердное отношение к бывшему отцу-настоятелю. Нет, Маркворт должен остаться в истории как презренный грешник, каким он и являлся. Однако существовали и чисто практические обстоятельства. Джеховит может оказаться непреодолимым препятствием в любом предпринимаемом ими деле, будь то канонизация или что-то иное. В первую очередь это касалось официального статуса Эвелина и Джоджонаха, о чем пеклись Брамин и его союзники. Будущий настоятель Сент-Прешес не питал любви к Джеховиту, считая его сподвижником Маркворта. Но одновременно он понимал: Джеховит сейчас на перепутье. Этот человек может стать либо их врагом, либо просто посторонним наблюдателем, если Брамину удастся должным образом выстроить с ним отношения.

— Вам следует учитывать и настроения простых людей, — продолжал Джеховит. — Они обеспокоены и не знают, что возобладало в Чейзвинд Мэнор в тот судьбоносный день — добро или зло.

— Падение Маркворта произошло задолго до этого дня, — резко произнес Брамин Херд.

Джеховит кивнул, оскалившись подобием улыбки.

— Возможно и так. Возможно, что люди поверят этому. Однако поймите, мой юный друг: Маркворт не являлся врагом жителей Палмариса.

— Но Де'Уннеро... — начал возражать Брамин.

— Был не таким, как епископ Фрэнсис, — закончил за него Джеховит. — Люди возненавидели Де'Уннеро и по сей день проклинаят его имя, хотя я считаю, что его просто неправильно поняли.

Брамин Херд едва не поперхнулся.

— С другой стороны, народ вполне дружелюбно отнесся к Фрэнсису.

— Который отнюдь не восторгается Марквортом, — вставил Брамин.

— Во всяком случае, он не говорит об этом публично, — ответил Джеховит. — Поймите же, брат Брамин, жители Палмариса обеспокоены. Они знают об исходе битвы в Чейзвинд Мэнор, но не имеют представления, что все это значит. Люди слушают указы короля Дануба, но относятся к ним с осторожностью, ибо всем известно о вражде между Данубом и Марквортом.

Браумин Херд встряхнул головой, протестуя. Джеховит, пристально глядя на него, замолчал. И все же Браумин должен был признать, что доводы старого настоятеля не лишены оснований. Когда Пони в первый раз попыталась убить Маркворта и эта попытка удалась, на улицах Палмариса открыто оплакивали отца-настоятеля. В последние дни Маркворт сумел завоевать людские сердца. Он явился в город под знаменами, сопровождаемый торжественными звуками фанфар. При посредничестве Фрэнсиса он помирился с купцами, передав им магические самоцветы взамен тех, что отобрал у них Де'Уннеро. Споры Маркворта с королем Данубом происходили без свидетелей, и простому народу о них почти ничего не известно. Возможно, старый Джеховит действительно говорит мудрые вещи. Кто знает, может, более милосердное отношение к памяти Маркворта принесет в дальнейшем пользу им всем.

— А каково ваше второе требование? — спросил Браумин.

Джеховит ответил не сразу, и восприимчивый Браумин тут же понял, что старик колеблется.

— Никто не станет отрицать, что в церковной иерархии ныне существует вакантное место, — начал издалика Джеховит.

Браумин кивнул и стал ждать продолжения. Естественно, он знал, на что намекает Джеховит, но не собирался подыгрывать этой старой лисе.

— Магистр Энгресс умер, — продолжал Джеховит. — Хотя Маркворт и желал видеть молодого магистра Фрэнсиса своим преемником, вполне очевидно, что сейчас подобное назначение состояться не может. Столь молодого и неопытного человека просто не признают в качестве отца-настоятеля. Многие отказываются признавать его даже магистром.

— Грядущей весной Фрэнсис все равно был бы возведен в эту степень, — ответил Браумин. — Это его десятый год.

— А вы? — спросил Джеховит, и по тону старика Браумин понял, что тот готов поддержать его в обмен на определенные уступки с его стороны. — Вы ведь пришли годом раньше Фрэнсиса, но пока магистром не являетесь. Достаточно ли вы пробыли в ордене, брат Браумин, чтобы становиться настоятелем такого важного и влиятельного монастыря, как Сент-Прешес?

Возражения Джеховита против него и Фрэнсиса прозвучат весьма убедительно для любого собрания настоятелей и магистров. Это Браумин знал. Если Джеховит заявит, что Маркворт, больной и с помутненным сознанием, допустил ошибку, повысив статус Фрэнсиса, то смогут ли Браумин и Фрэнсис опровергнуть старого настоятеля? Ведь они сами пытаются дискредитировать Маркворта, называя те же причины — болезнь и помутнение сознания. Нет, решил Браумин, он проявит стойкость и не позволит Джеховиту взять верх.

— Вы просите, чтобы я поддержал ваши притязания на титул отца-настоятеля, но я не могу этого сделать, — без обиняков заявил он.

Глаза Джеховита сузились, губы сжались.

— Даже магистр Фрэнсис не поддержит вас, — добавил Браумин. — Хотя он, подобно вам, был тесно связан с отцом-настоятелем, его выход из коалиции с вами произведет сильное впечатление на тех, кому предстоит выбирать.

Браумин смотрел, не мигая, выдерживая взгляд рассерженного Джеховита.

— Нет, настоятель Джеховит, вы не будете избраны на этот пост, — сказал он. — Вы не готовы и никогда не были готовы к тому, чтобы стать отцом-настоятелем. К тому же ваша близость к королю в такое время, как наше, когда границы между церковью и государством настолько стерлись, а люди столь сильно настроены против вашего бывшего союзника Маркворта... она является лишь помехой.

Браумину показалось, что в ответ Джеховит разразится гневной тирадой. Однако в это время объявили, что король прибыл в монастырь. Этот факт, судя по всему, заставил старого настоятеля успокоиться. Браумин понял: Джеховит должен был выполнить требование короля — навести порядок в церкви Абея — и знал, что Дануб не потерпит никаких возражений.

— И кто ж тогда? — резко спросил Джеховит. — Эта женщина?

Браумин пожал плечами и, вскинув голову, отрицательно покачал ею.

— Если бы Джилсепони приняла предложение...

Теперь уже Джеховит решительно замотал головой.

— Предложение, высказанное отцом-настоятелем и переданное магистром Фрэнсисом, — поспешно добавил Браумин. — В таком случае мы с Фрэнсисом и многие другие поддержали бы ее от всего сердца.

— Не уверен, что сердце брата Фрэнсиса остается приверженным этой идее, — лукаво заметил Джеховит.

— У нас хватило бы поддержки и без него, — возразил Браумин, однако он и сам не слишком-то верил в свое заявление.

Он знал, что сейчас Фрэнсис противится избранию Пони, а без него (и даже с ним) убедить Коллегию аббатов в целесообразности отдать высший в церкви пост женщине, сделав ее матерью-настоятельницей, будет очень нелегко! Ведь Пони официально даже не принадлежит к церкви!

— Вы бы только раскололи церковь Абея, — не сдавался Джеховит.

— Тем лучше было бы для нашей церкви Эвелина! — отрезал Браумин. — Но не бойтесь, Джилсепони отклонила предложение. Так что очередным главой церкви Абея будет не она.

— Тогда кто же? — спросил Джеховит. — Неужто юный Браумин сам метит столь высоко?

Браумин действительно обдумывал такую возможность, и хотя его ближайшие друзья Кастинагис и Виссенти считали ее замечательной, колебался брат Фрэнсис. Он высказался без обиняков, заявив Браумину, что тот слишком молод и слишком неопытен, а потому не будет признан другими иерархами. К тому же он чрезвычайно наивен, что не позволит ему лавировать в политических хитросплетениях, неизбежных на этом посту.

Если бы Джеховит хоть как-то намекнул ему о своей поддержке, Браумин, возможно, продолжал бы размышлять о собственной кандидатуре.

— Вы даже отдаленно не готовы к тому, чтобы занять этот пост, — сказал Джеховит, и Браумин понял, что на сей раз старик говорит искренне. — Если бы вы поддержали меня и я был бы избран, тогда, возможно, я бы отнесся к вам как к своему преемнику.

— Нет, — не задумываясь ответил Браумин. — Вам не быть на этом посту, настоятель Джеховит.

Джеховит собирался что-то сказать в ответ, но лишь вздохнул.

— Есть еще настоятель Олин из монастыря Сент-Бондабрис в Энтеле.

Браумин даже ошетинился и затряс головой.

— Он будет сильным претендентом, — заметил Джеховит.

— Его интересы более устремлены к Бехрену, чем к нашему королевству, — возразил Браумин.

Здесь он был прав, и в церкви знали об этой особенности Олина. Энтел был самым южным из крупных городов Хонсе-Бира и располагался на побережье, у северных отрогов двойной горной цепи со странным названием Пояс-и-Пряжка. Почти рядом с Энтелом находилась Хасинта — столица Бехрена. Морской путь из одного города в другой отнимал совсем немного времени.

— И все-таки, если мы, будучи свидетелями тягостных событий последних недель, не выступим единым фронтом, настоятель Олин сможет одержать победу, — ответил Джеховит.

— Но ведь вы, как и я, не считаете его кандидатуру подходящей.

Джеховит пожал плечами.

— В Санта-Мир-Абель достаточно магистров, вполне опытных и обладающих надлежащим характером, — высказал свое предложение Браумин. По всему было видно, что Джеховиту такое предложение не по нраву. — Например, Фио Бурэй и Мачузо.

— Бурэй не готов, да и нрав у него сердитый. Мачузо более печется о благе окрестных крестьян, среди которых проводит едва ли не каждый день, — возразил Джеховит. — Тогда уж лучше Агронгерр из Сент-Бельфура.

Браумин не знал, что ответить. Он был едва знаком с настоятелем самого северного в королевстве монастыря, находящегося далеко на северо-востоке, в провинции Вангард.

— Да, настоятель Агронгерр был бы подходящей кандидатурой, — сказал Джеховит.

Браумину хотелось спросить о причинах такого выбора, но он тут же прикусил язык, вспомнив прошлогоднюю Коллегию аббатов. Тогда он впервые увидел настоятеля Агронгерра. Тот сидел рядом с Джеховитом, ведя с ним, словно с давним другом, непринужденный разговор.

Только теперь Браумин сообразил, что старик целенаправленно подводил его к этой кандидатуре. Джеховит и не собирался становиться отцом-настоятелем. Он прекрасно понимал, что его тесные связи с королем вызовут сопротивление других настоятелей, вынужденных постоянно соперничать с местными герцогами и баронами.

— В Санта-Мир-Абель есть и другие магистры, — стал возражать Браумин.

— Которые не станут пытаться занять этот пост, если брат Браумин и его друзья отдадут свои голоса в пользу настоятеля из другого монастыря, — перебил его Джеховит.

Брат Браумин усмехнулся и мысленно признал справедливость слов Фрэнсиса. Да, он действительно ничего не понимает в политике и не может быть отцом-настоятелем.

— Если желаете, спросите магистра Фрэнсиса, — предложил Джеховит, — или кого-нибудь из ваших друзей, кто знает Агронгерра. Он ни разу не дал повода усомниться в своей честности и мягкости. Конечно, Агронгерр не боец и не зажигатель сердец, каким когда-то был Маркворт. Но церковь, возможно, сейчас как раз нуждается не в борьбе, а в покое и исцелении.

Слушая рассуждения Джеховита, Браумин понял, отчего тот был так заинтересован в Агронгерре. Вне всякого сомнения, Агронгерр станет поддерживать Джеховита и защищать интересы Сент-Хонс. К тому же провинцией Вангард, где находится обитель этого настоятеля, управляет принц Мидалис, младший брат Дануба Брока Урсальского. Браумину было известно о дружеских, если не панибратских отношениях между церковью и светской властью в тех краях.

— Агронгерр — отличный человек с безукоризненной репутацией, — напирал Джеховит. — Вдобавок он уже в годах, ненамного моложе меня. Поймите, то, о чем я вас прошу, выгодно для нас обоих. Даже без вашей поддержки и без поддержки Фрэнсиса Коллегия переполюшится, узнав, что я претендую на пост отца-настоятеля. Возможно, мне и не удалось бы набрать нужное число голосов, однако я наверняка сумел бы отговорить собравшихся от поддержки лично вас или другого вашего кандидата. Таким образом, в любом случае этот пост займет либо настоятель Олин, либо настоятель Агронгерр.

— Зачем же вы тогда говорите со мной об этом? — удивился Браумин.

— Я опасаюсь, что Олин победит и попытается укрепить связи между церковью Абеля и *ятолами* — языческими бехренскими жрецами.

«Уж Олин наверняка не станет благосклонно терпеть Джеховита и его дружбу с королем Данубом», — подумал Браумин.

— Поэтому отнеситесь к памяти отца-настоятеля Маркворта с должным почтением, памятуя о нескольких десятках лет его преданного служения церкви, — сказал Джеховит.

Молчание Браумина Джеховит принял за столь необходимое ему сейчас согласие.

— И поддержите меня так же, как я поддерживаю Агронгерра, — продолжал старик. — И когда его не станет, а вы должным образом проявите себя на посту настоятеля Сент-Прешес... я поддержу ваше назначение... Если я к тому времени буду жив, даю вам слово, что поддержу вашу кандидатуру на высшую должность в нашей церкви, брат Браумин.

— Я разужнаю все, что смогу, о настоятеле Агронгерре, — согласился брат Браумин, — и, если все так, как вы говорите, я поддержу ваш выбор.

Браумин кивнул и слегка поклонился. Затем он повернулся, чтобы отправиться к своим

друзьям.

— Пойдите, брат Браумин. Есть еще одно обстоятельство, о котором вам будет небезынтересно узнать, — сказал Джеховит, удерживая его. — На прошлогодней Коллегии аббатов Агронгерр не согласился с обвинительным заявлением Маркворта против магистра Джоджонаха. Он поделился со мной своей озабоченностью по поводу слишком поспешного объявления брата Эвелина еретиком. Как сказал тогда Агронгерр, мы не знаем, действовал Эвелин в сговоре с демоном-драконом или против него.

Браумин стал склоняться к мнению, что разговор с Джеховитом прошел куда успешнее, чем можно было ожидать.

Пони видела, как Браумин и Джеховит, который явно не являлся ее другом, закончили разговор. Она не слышала, о чем они разговаривали, но по виду брата Браумина смогла заключить, что он удовлетворен беседой. Заметив Пони, монах направился прямо к ней.

— Сражался с врагом? — спросила она.

— Пытался выровнять дорогу, — ответил Браумин. — Она в глубоких рывинах, потому что Джилсепони игнорирует наше предложение.

Пони засмеялась столь неприкрытому напору. Не один их разговор с братом Браумином не обходился без того, чтобы он не склонял ее стать открытой и официальной союзницей церкви — новой церкви Абея, которую он и его союзники надеялись создать.

— Если ты считаешь, что от моего согласия стать матерью-настоятельницей ваша дорога станет ровнее, тогда ты просто глупец, брат Браумин, — ответила она.

— Ты получила предсмертное благословение отца-настоятеля.

— Павшего отца-настоятеля, — напомнила Пони. — Человека, который оказался на смертном одре благодаря мне.

— Но этот человек в последние минуты жизни обрел ясное сознание и покаялся, — ответил ей Браумин. — И церковь будет чтить эти минуты, поскольку она серьезно относится к покаянию.

Пони вновь рассмеялась неистребимому идеализму Браумина. Неужели он не видит ошибочности своих рассуждений? Неужели не понимает простой вещи: Коллегия аббатов никогда не допустит, чтобы последние заявления Маркворта, особенно в истолковании Фрэнсиса, нанесли ущерб престижу церкви.

Впрочем, они уже не раз говорили об этом, и Пони совсем не хотелось возобновлять спор. Тем более что в этот момент в зале появился герцог Брезерфорд и возвестил о прибытии короля Дануба Брока Урсальского.

Дануб стремительно вошел в зал в сопровождении Констанции и Каласа. Позади в сиянии доспехов шли рыцари из Бригады Непобедимых.

— Мое время ограничено, ибо вскоре прилив и мы сможем отплыть, — сказал король, делая жест в направлении громадного овального стола, специально поставленного для этой встречи.

Монахи и знать поспешили к своим местам. Пони тоже прошла к столу, толком не представляя, подобающим ли образом она одета для этой встречи и где ей надлежит сесть. Затем все терпеливо и почтительно дождались, пока король Дануб займет свое место.

— Благословите нас, — обратился король к настоятелю Джеховиту, как бы игнорируя Браумина, Талюмуса и в особенности Фрэнсиса.

Королевское пренебрежение не ускользнуло от внимания Пони.

Джеховит охотно согласился, воззвав к Божьему милосердию в нынешние тревожные времена и Божьему водительству, дабы в Его Церкви возобладал должный порядок и были устранены ошибки минувшего года.

Пони внимательно слушала и удивлялась, как умело старик избегал в своей молитве слов осуждения и не указывал на того, кто допустил эти ошибки. Да, Джеховит — опытный политик. Пони не доверяла ни единому его слову. Хорошо, если бы Браумин со своими друзьями поступали так же.

— Каковы ваши планы? — спросил король Дануб, едва окончилась молитва.

Говоря, он глядел прямо на Браумина, и королевская прямота застала монаха врасплох. Браумин быстро обернулся к Фрэнсису, ища поддержки.

— Мы созовем Коллегию аббатов, как только это станет возможным, — вмешался настоятель Джеховит. — Скорее всего, здесь, в Сент-Прешес, а не в Санта-Мир-Абель. В нынешнее беспокойное время, наверное, так будет благоразумнее.

Остальные монахи из числа присутствующих были настроены отнюдь не столь единодушно.

— Коллегия всегда собирается в Санта-Мир-Абель, — довольно резко выступил брат Виссенти.

— Но, возможно... — начал было Джеховит.

— Мы еще не обсуждали место ее проведения, — вмешался брат Браумин, — и сейчас не время объявлять о подобных решениях.

Брат Виссенти вновь пустился в возражения. Брат Фрэнсис от него не отставал. Талюмус и некоторые из местных монахов начали взволнованно рассуждать о возможности такой чести для их монастыря. Неожиданно король Дануб резко ударил кулаком по столу и вскочил со своего места.

— Я же вас предупреждал! — начал он. — Предупреждал всех до единого, чтобы вы, наконец, хоть о чем-то договорились. Вы претендуете на служение людям, а разве вы не видите страха на лицах этих людей? Неужели вам не понятно, что ваши дурацкие препирательства губительно действуют на состояние общества? Довольно, больше я этого не потерплю!

— Мы с братом Браumiном договорились о кандидатуре нового отца-настоятеля, — объявил Джеховит.

Вспышка королевского гнева явно вызвала в нем чувство неловкости — Джеховит теперь уже сожалел о своем предложении изменить место проведения Коллегии.

Король Дануб снова сел и взглянул на Браумина, ожидая подтверждения сказанного. Этого же ждали и монахи.

— Мы достигли... взаимопонимания, — начал Браумин. — Кандидатура, предложенная мной и отцом-настоятелем Марквортом (раскайавшимся отцом-настоятелем Марквортом), сидит рядом со мной, — пояснил он, дотронувшись до плеча Пони. — Но увы, Джилсепони не откликается на наш призыв, и потому мы с настоятелем Джеховитом пришли к некоему общему соглашению.

— Нельзя ли и нас просветить насчет этого общего соглашения? — нахмурившись, спросил магистр Фрэнсис.

— Непременно, — ответил брат Браумин. — Мы не принимали никаких решений — такое не в нашей власти. Мы просто попытались найти кандидатуру, которую я мог бы обсудить со своими братьями, а настоятель Джеховит — со своими.

Фрэнсис кивнул, показывая, чтобы Браумин продолжал дальше.

— Мы должны еще все обсудить, — повторил Браумин и обратился к королю: — Но заверяю вас, ваше величество, Коллегия аббатов успешно справится с назначением нового отца-настоятеля, и это назначение будет отвечать требованиям времени.

— Помимо этого, мы пришли к соглашению о кандидатуре нового настоятеля Сент-Прешес, — ко всеобщему удивлению, добавил Джеховит. — Магистр Фрэнсис с присущими ему великодушием и прозорливостью отказался от этого поста и планов избрать на него...

Джеховит умолк, сделав жест в сторону Фрэнсиса.

— Я д-думал, что брат Браумин, — заикаясь проговорил брат Фрэнсис, будучи явно застигнут врасплох. — Как только он будет официально избран магистром...

— Да! — с энтузиазмом подхватил брат Талюмус.

— Безупречный брат Браумин будет назначен временным настоятелем Сент-Прешес в течение этой недели, — заявил Джеховит. — Мы узаконим это назначение, как только выслушаем все аргументы за и против.

Король Дануб посмотрел на Браумина, и монах пожал плечами.

— Если меня призывают к служению, я не стану отказываться, — сказал он.

Дануб кивнул, явно удовлетворенный таким ответом. Затем он подпер рукой подбородок и отрешенно посмотрел на собравшихся, ни на ком не останавливая взгляда. Выражая почтение королю, собравшиеся тоже умолкли. Для Пони было понятно, что на этой встрече Дануб главенствует и братьям из церкви Абеля лучше его не раздражать. Чем реже король будет обращать свой взор на церковь, тем лучше для выживания церкви.

Дануб молчал довольно долго. У Пони возникло четкое ощущение, что этот человек испытывает терпение собравшихся и ждет, не осмелится ли кто-нибудь заговорить. Наконец король выпрямился и пристально взглянул на Пони.

— Что касается вашего соглашения, брат Браумин... или я должен назвать его компромиссом? Церковь Абеля будет возглавлять мужчина или женщина?

Пони, невзирая ни на что, спокойно выдержала взгляд Дануба.

— Если только настоятельница Деления из Сент-Гвендолин не станет претендовать на пост матери-настоятельницы, это будет мужчина, — ответил Браумин.

— У настоятельницы Делении нет шансов возглавить церковь, даже если бы у нее и возникло подобное желание, — поспешил добавить колючий Джеховит.

Тон старика заставил Пони обернуться в его сторону. Она безуспешно пыталась понять: то ли Джеховиту претит сама мысль о том, чтобы во главе церкви стояла женщина, то ли его задело, что король спросил не его, а брата Браумина.

— Значит, ты отказалась от предложения, — обращаясь к Пони, сказал Дануб. — Церковь Абеля готова возвести тебя на одно из самых могущественных мест в мире, но ты отклоняешь это предложение?

— Брат Браумин и некоторые другие братья предлагали поддержать мою кандидатуру на пост матери-настоятельницы, — поправила его Пони, — но в церковных кругах немало тех, кто воспротивился бы такому предложению. Это война, в которую я не хочу вступать. К тому же я не чувствую себя достойной руководить церковью.

— Золотые слова, — сказал Джеховит, но Дануб поднял руку, велел ему замолчать.

— Ты недооцениваешь свое влияние, Джилсепони, — продолжал король, — а также то, чего ты уже достигла и можешь достичь. Я ничуть не сомневаюсь, что под твоим правлением церковь Абеля процветала бы.

Пони кивнула в знак благодарности, несколько удивленная комплиментом.

— Но, может статься, то, что потеряли Джеховит и другие, окажется моей находкой, — сказал король. — Раз ты предпочла отвергнуть предложение церкви, я вновь спрашиваю тебя: могу ли я каким-то образом убедить тебя согласиться на титул баронессы, правительницы Палмариса?

Пони опустила глаза и вздохнула. Всем хотелось виндеть ее принадлежащей к королевскому двору. Ей было понятно это внимание: в глазах простого народа она являлась героиней, а простой народ выказывал изрядное недовольство и королем, и церковью. Однако она не могла понять, почему и церковные, и светские власти так уповают на нее.

— Ваше величество, разве я умею управлять городом? — спросила она.

Дануб разразился смехом и смеялся уж как-то слишком старательно. Во всяком случае, так показалось Пони, и не только ей одной. Она заметила, как тревожно переглядываются герцог Калас и Констанция Пемблбери.

Впрочем, удивляться нечему. Герцог как-никак дал понять, что испытывает к ней нежные чувства, а Констанция являлась королевской фавориткой. И не оказывалась ли теперь Пони, благодаря нарочитому смеху Дануба, втянутой в самую гущу интриги с этими двумя придворными?

Она вздохнула и оглянулась на брата Браумина, который с беспокойством смотрел на нее.

Наконец Пони не выдержала и тоже засмеялась.

— Значит, ты признаешь нелепость своих слов? — быстро спросил Дануб. — Разве

Джилсепони не умеет управлять и вести за собой?

— Нет, ваше величество, — ответила Пони. — Я смеюсь, потому что не могу поверить...

Она замолчала и беспомощно покачала головой.

— Я не гожусь в баронессы, равно как не подхожу и для любого другого титула, который вы пожелаете мне даровать, — сказала она. — Точно так же я не гожусь в матери-настоятельницы церкви, поскольку едва ли способна понять хитросплетения церковной политики.

— Чепуха, — возразил Дануб, но Пони отрицательно покачала головой.

— Пусть ты незнатного происхождения, благородство у тебя в крови, — продолжал король, — и твое вхождение в круг придворных окажется в высшей степени успешным.

Пони снова покачала головой.

Король долго и пристально глядел на нее, доставив Пони еще несколько неприятных минут, затем вздохнул.

— Видно, мне не удастся тебя убедить, Джилсепони Виндон. Ты обладаешь редким характером и удивительной решимостью.

— И упрямством тоже, — добавил брат Браумин, чтобы разрядить напряженную обстановку.

Король вновь засмеялся.

— Но упрямством, какое свойственно героям, — сказал Дануб. — Жаль, конечно, что ты не передумала. Воистину это потеря для нас обоих, не так ли, настоятель Джеховит?

— Конечно, — неуверенно отозвался старик.

Пони смотрела то на короля, то на двух его ближайших советников.

— Палмарис остается под крепким и умелым правлением, — продолжал король, обращаясь теперь уже ко всем собравшимся. — Герцог Калас будет вашим правителем до тех пор, пока сочтет это нужным. Увы, за городскими стенами по-прежнему беспокойно: гоблины, поври и даже великаны. Есть сведения, что в здешних краях опять появились их шайки. Поэтому в Палмарисе под командованием герцога остается половина отряда Бригады Непобедимых. Такого количества вполне достаточно, чтобы в какой-то мере успокоить население.

Пони мельком взглянула на лица Фрэнсиса, Браумина и других молодых монахов и прочла там тревогу и отчаяние. Монахи прекрасно поняли смысл королевского решения. Дануб не опасался ни гоблинов, ни поври, ни великанов — палмарисский гарнизон неоднократно доказывал, что способен справиться с ними. Нет, говоря о возможных врагах, король тонко намекал на врагов внутренних, с которыми может столкнуться герцог Калас. И прежде всего его намек касался Сент-Прешес. Рыцари из Бригады Непобедимых превратят Чейзвинд Мэнор в неприступную крепость, благодаря чему влияние герцога Каласа значительно возрастет.

Поначалу услышанное тоже глубоко задело Пони. Внутренне она ощущала себя на стороне брата Браумина; она верила в этого человека и в правоту его дела. И сейчас она едва не вскочила и не объявила, что передумала и принимает предложение церкви, но только не высокий пост матери-настоятельницы, а должность советницы брата Браумина в его новом качестве — настоятеля Сент-Прешес. Однако Пони тут же вспомнила об Элбрайне, о ребенке, которого она потеряла, и о тщетности всех подобных усилий. Ведь это означало бы включиться в битву, казавшуюся ей сейчас вечной.

Пони сдержала свой порыв и погрузилась в себя. Ни король, ни монахи не сделали более никаких неожиданных заявлений, поэтому встреча закончилась достаточно скоро. Покидая зал, Пони не обратила внимания на молнии, которые метали в ее сторону глаза Констанции Пемблбери. Придворная дама совсем помрачнела, когда король Дануб поцеловал руку Пони. Он вновь выразил ей свою благодарность за героические действия и принесенные жертвы. Король заявил, что жизнь в Хонсе-Бире стала намного лучше благодаря Джилсепони и Элбрайну, Эвелину Десбрису, Роджеру Не-Запрешь, кентавру

Смотрителю и, к немалому удивлению Пони и всех остальных, благодаря незримой работе эльфов тол'алфар.

Отзвучали слова благодарности. Король поспешно покинул монастырь, направившись вместе с Констанцией Пемблбери и герцогом Брезерфордом в порт, где их ожидали корабли. На Сент-Прешес опустилась тишина сумеречного дня.

«Недолгое перемирие», — думала Пони, вспоминая обращенные к ней слова короля.

Вскоре Пони вновь поднялась на крышу самой высокой монастырской башни. Отсюда был виден порт: высокие корабли с надутыми ветром парусами и толпы народа. Слышались приветственные крики и звуки фанфар. Но это зрелище быстро наскучило Пони, и она повернулась лицом к северу. За городской стеной виднелись крестьянские домики, разбросанные по холмам. Мысленный взор Пони был обращен к Дундалису — ее прошлому и, быть может, будущему.

ГЛАВА 3 ОБЪЕДИНЕННЫЕ ВОЙНОЙ

Ледяной дождь гулко барабанил по стволам и голым ветвям деревьев, двигаясь по лесу сплошной стеной и нещадно поливая принца Мидалиса и его армию. Все надеялись на снег, на густую метель, какие нередко бушевали над Вангардом. Такие метели зарождались над заливом Короны, где они поглощали воду и набирали силу, чтобы затем засыпать снегом окрестные земли. Но сейчас вместо снега шел холодный, отвратительный дождь, однако даже он не мог заставить уйти орды гоблинов, окопавшихся возле массивного уединенного строения — монастыря Сент-Бельфур. Монастырь стоял на невысоком холме среди деревьев.

Двое всадников в промокших плащах были вынуждены надвинуть капюшоны едва ли не на глаза. Молодой принц и его близкий друг и советник Лиам О'Блайт, эрл Тир-Матиасский, осторожно пробирались к вершине каменистого холма. Отсюда открывался вид на осажденный монастырь и вражескую армию.

— Две тысячи тварей — это самое малое, — произнес Лиам, разглядывая позиции гоблинов.

Он был типичным уроженцем Вангарда: худощавый, с громадными руками, серыми глазами, лицом, покрытым веснушками, и рыжими волосами.

— Их впятеро больше, чем нас, и то если считать, что монахи придут нам на помощь.

— Уж лучше бы братья помогли нам своими молниями, — отозвался принц Мидалис. Он говорил с едва уловимым местным акцентом, проникшим в его столичную, отшлифованную годами придворной жизни речь. Даже в сумраке ненастного дня его прозрачные синие глаза ярко сияли из-под капюшона. По внешности Мидалиса сразу чувствовалось, что родом он не из здешних краев. Он был среднего роста и такого же среднего телосложения, смуглый, с темно-русыми волосами. Любой, кто увидел бы принца рядом с королем Данубом, сразу понял, что они братья.

— Если у них еще остались силы на магию, — сказал Лиам.

Он приподнял промокший капюшон и убрал со лба прядь непокорных рыжих волос.

— За последние две недели они что-то не потчевали гоблинов ни молниями, ни огненными шарами.

— Силы у них есть, — убежденно ответил Мидалис. — Просто монахи знают: как только они применяют магию, гоблины перейдут в наступление. Гоблины тоже знают, что магические возможности монахов не беспредельны. Если братья растратят силы, им не сдержать вражескую орду.

Лиам кивнул, однако его лицо оставалось мрачным.

— Но пара хороших ударов не помешает, иначе гоблины увяжутся следом или просто перебьют нас.

Принц Мидалис не спорил. Если в других частях Хонсе-Бира говорили о более или менее тяжелых последствиях войны, то для Вангарда война еще не окончилась. Армии

демона-дракона наносили удары по здешним землям и с моря, и с суши. Южные и западные части королевства были более населенными, а потому более обжитыми и возделанными. Там вражеским ордам противостояла королевская армия. Но здесь, в глухих, покрытых лесами местах, с населением, счет которому шел на сотни человек, а не на десятки тысяч, поври и гоблины не торопились отступать. Вангард всегда считался самой дикой провинцией королевства. В здешних лесах в изобилии водились бурые медведи и тигры. С севера постоянно вторгались воинственные туземные племена альпинадорцев. Для жителей Вангарда поври и гоблины были отнюдь не сказками для непослушных детей, а реальностью, причем еще задолго до того, как демон-дракон пробудился и центральные провинции королевства узнали о существовании этих тварей.

Своей численностью поври и гоблины превосходили людей, однако вангардцы умели воевать со своими врагами.

И все же сейчас Мидалису не хотелось затевать сражение. Противостоявшая им армия гоблинов была слишком большой и весьма опытной. Скалы, окружавшие Сент-Бельфур, не позволяли воинам принца в полной мере использовать свое главное преимущество — лошадей. Мидалис надеялся, что мрачные тучи, собиравшиеся над морскими водами, принесут на сушу настоящий буран, и снег с ветром уменьшат желание гоблинов продолжать осаду монастыря.

— Такая погода долго не продержится, — заметил Лиам.

Мидалис с невеселой усмешкой покачал головой.

— Монахам тоже долго не продержаться. Гоблины осаждают их почти два месяца. Учитывая беженцев, которые укрываются за стенами монастыря, запасов провизии надолго не хватит.

Он умолк и стал глядеть, как дождь хлещет по каменным стенам монастыря и как трещат и чадят десятки костров вражеской армии.

— Ты ведь пойдешь на встречу с ним, правда? — спросил Лиам.

Мидалис повернулся к нему.

— У меня нет выбора, — ответил он. — Минувшей ночью мне во сне явился настоятель Агронгерр, умоляя о помощи. Продовольствие в монастыре на исходе. Послезавтра их ждет голод. Мы не можем больше ждать.

По лицу Лиама было видно, что он далеко не в восторге от грядущих событий.

— Меня все это тоже не радует, — признался ему Мидалис. — В иное время мы бы сражались с альпинадорскими дикарями, а теперь я прошу их о помощи.

— Помощи для церкви Абея, — напомнил ему Лиам.

— М-да, чего-чего, а уж дружбы между туземцами Альпинадора и церковью никогда не было, — согласился Мидалис.

Церковь делала неоднократные попытки утвердиться в краю диких северных соседей, и обычно эти попытки кончались крахом. Особенно впечатляющими были воспоминания о бойне, произошедшей в альпинадорском селении Фалдберроу.

— Но я должен попытаться ради настоятеля и его братьев, — добавил принц.

— Я разделю с тобой эту попытку, мой принц, — сказал Лиам. — Твои воины будут сражаться бок о бок с самим демоном, если ты назовешь его союзником.

Мидалис коснулся локтя Лиама, тронутый его верностью. Люди Вангарда еще ни разу его не подводили. Они переживали все испытания и удары судьбы, будь то убийственные бури или вражеское вторжение, сплотившись вокруг своего любимого принца Мидалиса — младшего брата короля Дануба Брока Урсальского. И принц платил своим подданным не меньшей верностью.

Будучи братом Дануба, Мидалис мог бы править любым герцогством. Например, землями побережья Лапы Богомола с их оживленной торговлей или краем Йорки, простиравшимся между Урсалом и Энтелом. Благоприятный климат, куда ни кинешь взгляд — возделанные поля в долинах и по склонам пологих холмов. Положение единственного королевского брата даже позволяло ему стать герцогом Урсальским и управлять столицей,

живя среди расточительной роскоши двора и пользуясь покровительством Дануба.

Но Вангард пленил сердце Мидалиса с детства — с того момента, когда он вместе с отцом совершил плавание в далекую крепость Пирет Вангард, чтобы поохотиться на могучих северных лосей. Природа тех мест, неподвластная завоеванию, затронула какие-то струны в душе юного принца, показав ему иную жизнь, отличную от жизни городов с их суматохой. Брат с большой неохотой позволил Мидалису стать правителем северной глуши. Он не знал, примут ли принца независимые и своенравные вангардцы. Если не примут, обойдутся без придворных интриг; достаточно будет «несчастливого случая» где-нибудь на охоте.

Страхи эти рассеялись, едва Мидалис сошел с корабля на низкий причал Пирет Вангард. Жители всех окрестных селений съехались, дабы встретить нового правителя и устроить ему пир с обильным угощением из оленины и дичи. Пока длился праздник, волынки неумолчно играли то меланхолические, то веселые мелодии, а местные девушки по очереди танцевали с принцем.

Вангард стал для Мидалиса родным домом. Когда армии демона-дракона вторглись в эти края, принц не только создал ополчение и обратился к брату за помощью, но и возглавил армию Вангарда. Не было случая, чтобы на поле боя Мидалис прятался за спины своих солдат или отдавал приказы, восседая на лошади где-нибудь в безопасном месте.

Поэтому, когда неделю назад в лагерь к Мидалису явился туземец по имени Андаканавар и принц согласился встретиться с ним, вангардцы, невзирая на свою традиционную враждебность к жителям Альпинадора, приняли решение своего героического правителя без малейшего ропота.

И все же Мидалис и Лиам испытывали сейчас беспокойство, неслышно двигаясь по поросшим лесом холмам к поляне, на которой Андаканавар и его соплеменники разбили лагерь. А вдруг им подстроили ловушку? Что, если этот могучий туземец, притворившись другом, вознамерился обезглавить армию Вангарда?

Мидалис подавил тревожные мысли, заставив себя думать об участии несчастного настоятеля Агронгерра, сорока монахов Сент-Бельфура и трех сотен крестьян, осажденных гоблинами.

На краю поляны Мидалиса и Лиам встретили трое крепких мускулистых людей. Рост принца достигал почти шести футов, однако самый низкорослый из троих был на добрую половину фута выше него. Держа в руках тяжелые копья, альпинадорцы приблизились к гостям, взяли лошадей под уздцы и крепко натянули поводья, пригнув лошадиные морды к низу.

— Который из вас Мидалис? — спросил третий, стоявший поодаль.

Принц выпрямился в седле и, откинув капюшон, стряхнул влагу со своих прямых русых волос.

— Я — принц Хонсе-Бира, — сказал он, заметив, как туземцы сощурились при этих словах.

— Ваш предводитель пригласил меня явиться к нему под знамена союзничества, — добавил Мидалис.

Альпинадорец, задавший вопрос, кивнул в сторону, веля гостям спешиться. Его соплеменники занялись лошадьми, а он жестом показал, чтобы пришедшие следовали за ним.

— Коней необходимо расседлать и вычистить, — заметил принц Мидалис.

Альпинадорец обернулся к нему и недоверчиво усмехнулся.

— Они мало знают о лошадях, — шепнул принцу Лиам. — Альпинадорцам не по вкусу ездить верхом.

— Зато нам по вкусу ваши лошадки, и мы немало их съели, — вмешался провожатый.

Он посмотрел на Лиам и засмеялся, поскольку голос последнего, как и его фигура, был достаточно тонок.

Мидалис и Лиам недоверчиво переглянулись: не слишком-то обещающее начало.

Гостей привели к огромному шатру, раскинутому посреди лагеря. Почему-то на их появление почти не обратили внимания. Однако, когда провожатый откинул полог шатра, Мидалис и Лиам поняли, в чем причина.

Внутри шатра собралось более трех сотен альпинадорских воинов. Все они были высоченные, с длинными, льняного цвета кудрями. У одних волосы были заплетены в косичку, у других — украшены туземными драгоценностями с затейливым орнаментом. Альпинадорцы размахивали тяжеленными кружками, наполненными пенистым элем. Шум был настолько оглушительным, что Мидалис удивился: как это они с Лиамом не услышали его еще за милю до поляны. Странно также, что звуки пиршества не достигли ушей гоблинов и те не послали сюда разведчиков.

Впрочем, гоблины, скорее всего, посылали разведчиков. Мидалис это понял, взглянув в сторону и увидев насаженные на палки головы мертвых тварей. Все это смахивало на принадлежности какого-то дьявольского карнавала.

— *Танно брен-де прин!* — зычно крикнул на своем языке их провожатый, перекрывая гул толпы.

Речь альпинадорцев, напоминавшую вращение и подпрыгивание брошенных камней, жители Вангарда в шутку называли «бедонга-донга-донга».

Под шатром почти мгновенно воцарилась тишина, и все повернулись в сторону двух незнакомцев у входа. Принц слышал, как тяжело Лиам глотает подступающую слюну. Он полностью разделял тревожные чувства друга. Невзирая на позднюю осень и холод, большинство альпинадорцев было одето в туники без рукавов, обнажавшие их массивные, мускулистые руки, равные по обхвату бедру Мидалиса.

Потом какой-то человек, подхватив две наполненные кружки, двинулся навстречу принцу и Лиаму. Собравшиеся медленно расступились, давая ему проход. Человек этот, судя по его лицу, прожил более пятидесяти зим, тогда как почти все, кто находился в шатре, были вдвое моложе его. Вопреки возрасту, он был силен и крепок. Он двигался уверенной поступью. Взгляд его оставался суровым. Чувствовалось, что Андаканавар (а это был он) пользуется явным уважением среди соплеменников. «В бою он один стоит двоих и даже троих из них», — подумал Мидалис.

Не произнеся ни слова, не сделав никакого жеста, Андаканавар остановился в десяти шагах от гостей. Подняв свою кружку, он одним залпом осушил ее. Затем, держа в каждой руке по кружке, медленно направился к принцу и Лиаму. Шатер замер. Единственными звуками оставались шелест шаровар Андаканавара, сшитых из оленьей кожи, да тяжелое дыхание Мидалиса и Лиамы.

Подойдя к гостям, Андаканавар вновь остановился, медленно развел руки и поднял их над головой.

Затем он закрыл глаза и завыл. Вой перешел в свирепый звериный рев. Такого жуткого звука никому из пришедших еще не доводилось слышать. Собравшиеся с воодушевлением присоединились, и стены шатра буквально затряслись от оглушающего рева трех сотен глоток. У гостей похолодели спины.

Продолжая исторгать этот дикий рев, Андаканавар открыл глаза и подал пришедшим сигнал, не ускользнувший от внимания Мидалиса. Принц тоже поднял руки и испустил чудовищный рев. Вслед за ним то же самое проделал и Лиам, хотя его рев больше напоминал писк. Это, казалось, лишь подзадорило альпинадорцев, и они заревели еще неистовее.

Внезапно Андаканавар опустил руки, разбрызгивая пену с кружек. Все смолкли, за исключением Мидалиса и Лиамы, которые, не поняв правил игры, еще продолжали реветь. Встретившись с пронизывающим взглядом Андаканавара, они замолчали. Некоторое время все трое пристально глядели друг на друга. Потом могучий альпинадорец протянул им кружки и, обернувшись назад, потребовал еще эля.

Лиам хотел было поднести свою к губам, но Мидалис удержал его.

Андаканавар протянул руку к гостям.

— Нам ведь вроде предстоит разделаться с горсткой гоблинов, не так ли? — спросил

рейнджер.

Мидалис воспользовался шансом. Он поднял свою кружку над головой. Немного эля выплеснулось на Андаканавара, но тот не обратил на это внимания.

— За смерть гоблинов! — прокричал принц.

Андаканавар шумно чокнулся с Мидалисом. Они оба смотрели на Лиаму, который поспешил присоединиться. Собравшиеся подхватили:

— За смерть гоблинов!

Андаканавар осушил свою кружку, а Лиам — свою. Никто в Хонсе-Бире не мог перепить уроженцев Вангарда. Мидалис не умел пить с такой скоростью, и в его кружке еще оставался эль, когда ее наполнили снова.

— Пейте вволю, друзья мои, — сказал Андаканавар.

— Но не забывая меру, — ответил Мидалис. — У нас важное дело.

Андаканавар кивнул.

— Мои соплеменники хотят знать, что у вас на самом деле за душой, — объяснил он. — Когда вы выпьете достаточно кружек, эль сделает ваши языки правдивыми, и тогда мы увидим, действительно ли можно заключить с вами дружественный союз.

Мидалис взвесил услышанное и бросил быстрый взгляд на своего друга. К ним подбежали юные альпинадорцы, почти мальчишки, держа в руках кожаные мехи, в которых булькал эль. Кружки гостей наполнились вновь.

— А это Брунхельд, предводитель Тол Хенгора, — пояснил Андаканавар.

Он указал на человека внушительного вида, белые волосы которого украшали перья и иные предметы. Лицо Брунхельда было суровым, с мощной квадратной нижней челюстью. Мидалису подумалось: если ударить в такую челюсть, то пострадает не челюсть, а рука. Глаза у предводителя были типично альпинадорские: синие, пылающие внутренним огнем.

— Они ваши ближайшие соседи, — продолжал Андаканавар. — Причем уже давно: до того, как вы двое успели подружиться.

По выражению лица Брунхельда Мидалис не мог заключить, согласен ли он с утверждением рейнджера. Однако грозный предводитель слегка кивнул и выставил свою кружку, предлагая Мидалису чокнуться с ним. Лиам хотел было присоединиться, но свирепый блеск глаз Брунхельда заставил его сникнуть.

— В чем дело? — резко спросил Мидалис.

Брунхельд с любопытством посмотрел на него, затем повернулся к Андаканавару.

— Мы встретились как друзья, — продолжал Мидалис. — Многие годы наши народы редко встречались, и еще реже эти встречи бывали дружественными.

— И ты обвиняешь в этом мой народ? — загремел в ответ Брунхельд.

Все альпинадорские воины зашумели. Несчастному Лиаму показалось, будто он растаял в этом гуле.

Мидалис не сводил глаз с Брунхельда.

— Обвиняю? — усмехнувшись, повторил он. — Я пришел сюда не за тем, чтобы кого-либо обвинять. Не будем ворошить прошлое. Чтобы рассуждать о наших былых столкновениях, надо учитывать их обстоятельства. Нет, — продолжал он, видя, как взгляд Брунхельда несколько смягчился, — я пришел не обвинять и не возлагать вину на свои плечи. Я принимаю то, что было, и надеюсь, что мы сможем извлечь из прошлого уроки и сделать так, чтобы оно не повторилось. Любезный Брунхельд, если вторжение армии демона-дракона принесет нашим народам взаимопонимание и сделает их союзниками, что ж, значит, в этих мрачных событиях есть и своя светлая сторона. Слишком долго между нашими народами происходили столкновения, губительные и для вас, и для нас. И пусть этот вечер Хенгорота заново объединит нас во имя общего блага.

Закончив говорить, Мидалис высоко поднял свою кружку.

Брунхельд и остальные альпинадорцы никак не подозревали, что Мидалис знает название их питейного праздника. Это явно застало их врасплох. Воцарилось долгое, томительное молчание. Брунхельд переглянулся с Андаканаваром, затем остановил свой

взгляд на Мидалисе. В шатре было совсем тихо; затаив дыхание, альпинадорцы ожидали ответа Брунхельда.

Предводитель шумно чокнулся с Мидалисом.

— Вряд ли можно найти более подходящего общего врага, чем вонючие гоблины! — загремел Брунхельд.

Предводитель издал громогласный боевой клич, подхваченный тремя сотнями глоток, клич, исполненный возбуждения и ярости. От боевого пыла и самого этого клича у Лиамы подкосились колени. Принц Мидалис, посмотрев на друга, понял, что у них общие мысли. Оба были рады приобрести таких союзников, как альпинадорцы.

Утром принцу предстояло вести свое войско в бой, однако они с Лиамом еще долго пробыли в шатре. До тех пор, пока Брунхельд не заставил их выпить не менее дюжины кружек эля, он не отпустил новых союзников.

— Даже не знаю, что лучше: дружить с ними или враждовать, — заметил Лиам на обратном пути через лес.

Оба всадника были изрядно пьяны и с трудом держались в седле.

— Завтра у меня голова затрещит еще до того, как по ней ударит палица гоблина, — с усмешкой добавил он.

— Им всем завтра будет не лучше, чем нам: головы раскалываются, языки не слушаются, — согласился Мидалис. — Впрочем, это лишь придаст альпинадорцам свирепости.

От одной мысли об этом по спине Лиамы пробежал холодок.

Неожиданно Мидалис остановился, и на лице у него появилось странное выражение.

— Что случилось? — спросил Лиам.

Мидалис поднял руку, прося друга подождать. У него возникло ощущение, схожее с тем, что посетило его прошлой ночью: молчаливый крик души о помощи. Принц понял: настоятель Агронгерр с помощью гематита пытается послать ему свой призыв. То было не словесное послание, а некое чувство, ощущение необходимости, и не более. Мидалис напряг всю свою волю, пытаясь ответить на призыв. Он надеялся, что дух Агронгерра, который сейчас парил над ним, сумеет воспринять ответ.

— Утром, — вслух произнес принц.

Он не знал, как действует магия самоцветов, и не был уверен, сумеет ли настоятель, находящийся в духе, услышать эти слова.

— Утром мы выступим против гоблинов, — повторил Мидалис.

— Как и договаривались, — ответил ошеломленный Лиам, но принц вновь сделал жест, призывая друга молчать.

Однако ощущение померкло, связь оборвалась, и Мидалису оставалось лишь надеяться, что настоятель услышал его слова.

— Это было Агронгерр, — пояснил он Лиаму. — Он опять приходил ко мне.

Встревоженный Лиам схватил его за руку.

— Снова магия? — спросил он. Мидалис кивнул.

— Интересно, что наши новые альпинадорские друзья подумают о монахах и их магии? — спросил принц.

Хотя монахи и считали магические самоцветы Божьим даром, альпинадорцы совершенно не доверяли силе камней и даже говорили о монашеской магии как о деяниях Феннерлоки — божества, олицетворяющего зло.

— Как бы не случилось так, что мы начнем сражение, монахи пустят огненный шар, отчего Брунхельд со своими молодцами обернутся против нас и камня на камне не оставят от Сент-Бельфура, — высказал мрачное предположение Лиам.

Мидалис вздохнул, затем решительно покачал головой.

— Андаканавар — рейнджер, и он знает о магии. Он предупредит Брунхельда и всех остальных. Они же знали, что мы будем сражаться с гоблинами, осадившими монастырь; тем не менее они согласились присоединиться к нам.

— Андаканавар, — с очевидным уважением повторил Лиам.

Остаток ночи принц провел без сна. За последние месяцы ему многократно приходилось участвовать в сражениях, но всегда против меньшего числа врагов. Сейчас с ним была основная часть его армии — более трехсот бойцов, а также все вангардские монахи, запертые в стенах Сент-Бельфура. Если гоблины победят, последствия для всей провинции будут самыми печальными. Возможно, оставшимся в живых придется отступать к Пирет Вангарду или даже садиться на корабли и переплывать залив, бросив эти земли на произвол судьбы.

На рассвете тревожные мысли покинули принца. Он с воодушевлением принялся готовить солдат к предстоящему бою, и заботы исцелили его голову, болевшую после ночного пиршества.

— Никого не видать, — сообщил вскоре Лиам О'Блайт. — Наши разведчики не обнаружили поблизости ни одного альпинадорца. Они даже свернули свой лагерь.

Мидалис всматривался в лес.

— Разведчики уверены в этом?

— Говорю тебе, они не обнаружили никаких следов присутствия альпинадорцев, — мрачно подтвердил Лиам. — Может, туземцы передумали и ушли.

— Или специально скрылись, чтобы подготовить неожиданное нападение, — с надеждой произнес Мидалис.

— И что же нам теперь делать? Ждать?

Мидалис задумался. Нужно ли ему дожидаться Андаканавара и Брунхельда? Или, доверяя их обещаниям, он должен напасть на гоблинов сейчас, до восхода солнца? У них с Андаканаваром речь шла именно о таком маневре. Принц вспомнил мольбу Агронгерра о помощи. С сегодняшнего дня монастырю грозит голод. Остается одно из двух: или выступить против гоблинов, или отступить ценою потери монастыря. Но такая мысль претила Мидалису.

— Мы выступаем, — решительно проговорил он.

— Нас разобьют, если только Андаканавар...

— Мы выступаем, — повторил Мидалис.

Он разглядел свиток с картой местности, лежавший на столике в его шатре. Принц прошел обучение в отряде Бригады Непобедимых и знал тактику ведения боя. Он привык оценивать собственные силы и слабые стороны противника. Он знал: если удастся ввести в бой лошадей, его воины смогут вдвое, а то и больше превзойти гоблинов. Но даже при таком раскладе сил число этих тварей все равно оставалось весьма значительным.

Мидалис внимательно разглядывал карту, обратив особое внимание на поле вокруг монастыря и на каменистые, поросшие лесом холмы, расположенные к западу от обители. В любом случае необходимо хотя бы перебросить в монастырь запасы провизии.

Принц обдумывал план действий. Потом он созвал всех своих командиров. Не прошло и часа, как войско двинулось в путь.

— Он услышал ваш призыв или нет? — с тревогой спросил Агронгерра брат Хейни — молодой монах, поднявшийся к настоятелю на колокольню.

Отсюда просматривались все окрестности. Дождь прекратился. Звезды меркли, и небо на востоке светлело, предвещая зарю. Заметно похолодало; на траве и деревьях блестел иней.

Настоятель Агронгерр вглядывался туда, где мерцали костры гоблинов. Он понимал всю ужасающую реальность их положения. Припасы кончились, да и те, что были, приходилось растягивать. Желудки братьев урчат от недоедания. Приход Мидалиса с войском необходим сейчас, как воздух. Но Агронгерр понимал ограниченные возможности армии принца. Даже если каждый солдат Мидалиса пойдет в бой, численное превосходство явно не на стороне принца. Настоятель не мог дать ответ на вопрос брата Хейни, потому что сам его не знал.

— Мы должны молиться, — ответил Агронгерр, поворачиваясь к монаху, которому

едва перевалило за двадцать.

Брат Хейни покачал головой.

— Они должны прорваться, — упрямо произнес он. — Если они не...

— Если они не придут, нам придется под покровом ночи покинуть Сент-Бельфур, — ответил Агронгерр.

Брат Хейни кивнул, ободренный решимостью, звучавшей в голосе Агронгерра.

Однако они оба знали, насколько безнадежно их положение. Похоже, на этот раз гоблины одержали победу.

— Они пока что затаились, — сказал Лиам, обращаясь к принцу.

До рассвета было совсем недалеко. Друзья двигались на лошадях по лесной тропе, пролежавшей за монастырем. Окружающий лес словно вымер, но возвратившиеся разведчики доложили, что в зарослях вокруг скрывается множество гоблинов.

Мидалис оглянулся на своих всадников. Лошадь каждого из них была навьючена тяжелыми мешками с провизией. Им предстояло подойти к монастырской стене и перебросить мешки монахам и крестьянам, нашедшим убежище в Сент-Бельфуре. Мидалис не сомневался, что они обязательно это сделают. Но принц знал и другое: обратный путь будет нелегким.

— Как по-твоему, сколько мы пробудем здесь? — спросил Лиам, прочитавший мысли друга.

— Мы двинемся к северо-восточной оконечности, — объяснил Мидалис, махнув рукой в том направлении.

Северная стена Сент-Бельфура почти вплотную примыкала к поросшему лесом холму. Правда, холм кишел гоблинами, однако Мидалис верил, что он со своими всадниками все же сумеет прорваться. Остальные три стены монастыря выходили на открытое поле, тянувшееся в каждом направлении на тридцать ярдов. За полем вновь начинался лес с деревьями, кустами и... гоблинами. И хотя на открытом пространстве Мидалис мог воспользоваться главным своим преимуществом — ввести в бой лошадей, одновременно рассчитывая на магию монахов, он понимал: если придется отступать, это может им дорого обойтись. Нужно будет очертя голову продираться сквозь кустарник, ожидая удара из-за каждого дерева. Еще хуже, если гоблинам удастся разбить строй. До сих пор вангардцы тщательно выбирали поле боя, что и обеспечивало им успех в сражениях. Однако на сей раз удача была явно не на стороне принца.

Но у них нет иного выбора — они должны доставить провизию голодающим монахам и крестьянам.

— Думаю, долго ждать боя нам не придется, — сказал Мидалис. — Нас начнут преследовать, и тогда гоблины полезут из-за каждого куста.

— Насколько нам могут помочь монахи?

Мидалис пожал плечами. Он не знал, какими возможностями располагает Агронгерр, но понимал, что магической силы монахов надолго не хватит.

— Если мы сумеем без боя добраться до стены и вернуться обратно, можно считать, что нам повезло, — сказал принц.

Несколько суровых воинов, стоявших поблизости, недовольно заворчали: они жаждали крови гоблинов.

— Предоставим зиме снимать осаду, — пояснил Мидалис. — Имея припасы, монахи смогут продержаться до первого глубокого снега.

— Гоблинов слишком много, — подхватил Лиам, обращаясь к воинам.

— Эти твари ударят по нам раньше, чем мы доберемся до стены, — произнес кто-то в задних рядах.

В голосе солдата звучала надежда на сражение, хотя его предположение было недалеко от истины.

— В таком случае мы будем сражаться изо всех сил и до тех пор, пока у нас есть

силы, — ответил принц. — Наша доблесть и магические удары со стен монастыря заставят гоблинов поспешно отступить к лесу. Там мы легко справимся с мелкими отрядами, уничтожая их один за другим.

Принц говорил убежденно, но опытные бойцы не хуже самого Мидалиса осознавали истинное положение, в котором они оказались. Гоблины несомненно обрушатся на них и нанесут ощутимый удар. Вряд ли они сумеют заставить этих маленьких злобных тварей поспешно отступить. У принца и его воинов оставался единственный маневр: отправить лучников в обход, приказав им не стрелять до тех пор, пока положение не станет отчаянным. Тогда они смогут сосредоточить удары на более слабом звене вражеской цепи, и это даст возможность прорваться всадникам.

То был замысел, предполагавший отступление и потери, а отнюдь не победу.

— Солнце восходит, — произнес Лиам, глядя на восток, где из-за горизонта медленно выплывал красный диск.

Мидалис и его близкий друг невесело взглянули друг на друга и обменялись крепким рукопожатием. Принц двинулся по тропе, постепенно убыстряя шаг лошади.

Настоятель Агронгерр, продолжавший стоять на колокольне Сент-Бельфура, услышал крики: «Всадники с юга!» — и облегченно вздохнул. Он обернулся и увидел темные силуэты, двигавшиеся по тропе к задней стене монастыря.

— Пошли людей к задней стене! Пусть принимают провизию, — велел он брату Хейни.

Сам настоятель, пыхтя и сопя, поспешил к передней стене, зная, что Мидалису и его храбрым воинам вскоре понадобится помощь.

Настоятель слышал крики и возгласы, долетавшие с холма. Потом к ним примешались крики монахов: «Гоблины!»

Агронгерр преодолел настойчивое желание броситься к задней стене и оказать воинам магическую помощь. Нет, принц Мидалис и его всадники сумеют оторваться от погони!

Настоятель стал спускаться по винтовой лестнице колокольни. Он догнал брата Хейни уже внизу, и они оба устремились в туннель, который вывел их на парапет, тянувшийся вдоль передней стены. Здесь, согласно приказу, уже находились несколько монахов, держа в руках графиты из скромных запасов монастыря. Монахи всматривались в кромку леса, темневшего впереди. Агронгерр присоединился к ним, достав серпентин и рубин. Брат Хейни извлек из мешочка графит — самый мощный графит во всем монастыре.

Сзади, с монастырского двора, послышались приветственные крики. Мидалис и его всадники миновали угол задней стены, замедлив бег коней ровно настолько, сколько требовалось, чтобы перебросить мешки с припасами через стену.

— Смотреть вперед! — отчитал брат Хейни кого-то из монахов, желавшего взглянуть на то, что происходило сзади. — Не сводить глаз с леса. Основная масса врагов должна появиться оттуда.

— Гоблин! — воскликнул монах на парапете, указывая на правый угол лесной чащи, простиравшейся за полем.

Молодой брат уже поднял руку с самоцветом, готовясь выпустить рукотворную молнию, но Агронгерр быстро отвел его руку вниз.

— Рано. Пусть их появится как можно больше, — объяснил настоятель.

Агронгерр сознавал ограниченность магических возможностей братьев. К тому же удары предназначались не только для уничтожения врагов, но и для их устрашения.

— Когда гоблины пойдут в наступление на войска принца, мы нанесем быстрый и мощный упреждающий удар, — продолжал Агронгерр. — Поглядим, хватит ли у них тогда духа вступить в сражение.

К этому времени первые всадники уже обогнули юго-восточную оконечность монастыря и двинулись к передней стене. Впереди скакали принц Мидалис и Лиам О'Блайт. Принц немного придержал коня, чтобы обменяться приветственными улыбками с настоятелем Агронгерром.

В следующее мгновение гоблины двинулись в наступление. Их были сотни и тысячи; казалось, они внезапно появились отовсюду.

Мидалис быстро оценил всю тяжесть положения. Гоблины двигались к монастырю с юга и запада ряд за рядом. Путь к отступлению был отрезан: вражеские силы наводнили холм и перегородили тропу. Оттуда во всадников принца полетели копья.

Затем послышалось: *бум, бум, бум!* Это ударили молнии с монастырских стен, опрокинув цепи гоблинов. Из руки настоятеля Агронгерра, защищенной серпентином, вырвался огненный шар, воспламенивший рослого гоблина, который лающим голосом отдавал приказы соплеменникам. Охваченный огнем гоблин отчаянно завопил и бросился бежать, размахивая руками. Настоятель, не теряя времени, выпустил второй шар, нашедший свою жертву.

Рукотворные молнии, сопровождавшиеся оглушительными раскатами грома, внесли немалое смятение в ряды низкорослых тварей, однако поверженных гоблинов было совсем немного, а убитых монашеской магией — и того меньше. Половина нападавших уже намеревалась повернуть назад, но первоначальный испуг быстро прошел. Гоблины сообразили, что магические удары ничуть не страшнее стрел дюжины лучников, и быстро сомкнули свои ряды.

Мидалис также приказал своим всадникам сомкнуть ряды и занять оборонительную позицию. В это время с монастырской стены вновь ударили рукотворные молнии: *бум, бум, бум!* Агронгерр выпустил еще один огненный шар, но, как и в первый раз, это почти не принесло результатов. Даже Мидалис почувствовал, что звук новых ударов был уже слабее прежних.

Наконец последние всадники, уже теснимые гоблинами, перебросили через стену мешки с провизией. Принц построил свое войско клином и повел в наступление на приближавшихся врагов. С монастырских стен ударили луки и арбалеты. Завидев лошадей, гоблины пустились врассыпную.

Гоблины, наседавшие сзади, никак не ожидали нападения лучников Мидалиса, которые, обогнув холм, ударили по врагам с тыла.

— Прорываемся к тропе! — послышался крик, и принц развернул острие клина в обратную сторону.

В ход пошли мечи, копья, лошадиные копыта — все ради прорыва к тропе и последующего отступления.

Но нужно ли отступать? Если им удастся уничтожить преследователей и открыть путь вокруг холма, они вполне могут остаться на поле и лишиться жизни еще немало гоблинов. Главное — не позволить врагам окружить себя; тогда в случае необходимости они смогут отступить.

Мидалис вновь повел своих воинов к юго-восточной оконечности стены. Завидев лошадей, гоблины замерли и приготовились отступать. Но в лесу их встретил град стрел лучников принца.

В воздухе зазвенели победные крики солдат и монахов. Ряды гоблинов вдоль восточной стены Сент-Бельфура быстро начали таять.

На какое-то мгновение принцу и его солдатам подумалось, что они одержали победу. Увы, это мгновение оказалось недолгим.

С вершины холма донеслись воинственные крики новых вражеских отрядов. Гоблины, обогнув холм, теснили лучников. Люди бежали, не разбирая дороги, спотыкаясь, падая, продираясь сквозь кусты и налетая на деревья. Раньше, чем Мидалис успел что-либо предпринять, враг перехватил инициативу. Теперь принцу и его всадникам пришлось отчаянными усилиями разгонять сгрудившихся гоблинов, давая возможность лучникам соединиться со своими.

Монахи продолжали наносить магические удары. В ответ слышались крики и яростные боевые возгласы гоблинов. Обернувшись назад, Мидалис был удручен зрелищем: вражеские копья перелетали через стену, а стрелы монахов уходили в воздух, не достигая цели.

Принц вновь развернул клин своих войск, сделав его еще острее. Пеших лучников он поместил внутри кольца всадников, отрезав их от гоблинов, которые перестраивались на вершине северного холма. Пробраться в лес с этой стороны было невозможно: холм кишел подоспевшими гоблинами. Принц двинулся к передней стене, надеясь каким-то образом прорвать вражескую цепь.

Однако, достигнув передней стены, они увидели, что буквально все поле усеяно гоблинами. Сотни копий и стрел летели к стене, и монахи не успевали перехватывать их и сбрасывать вниз. Принц понял тщетность своего замысла. Он подумал было прорваться к монастырским воротам и попросить открыть их, чтобы вместе с войском найти прибежище внутри монастыря.

Но тогда кто прорвет осаду? Да и смогут ли они, оказавшись за каменными стенами, продержаться хотя бы это утро?

— Сражайтесь, не жалея жизни! — закричал принц. — Во имя тех, кто находится за стенами Сент-Бельфура, и в память тех, кому суждено пасть в этом бою!

Магические удары монахов стали заметно слабее. Одного гоблина молния ударила прямо в грудь, но он удержался на ногах. Это не ускользнуло от внимания врагов, которые обладали выучкой и умели сражаться. Гоблины взвыли и усилили натиск.

Мидалис и несколько всадников вклинились в толщу врагов, круша их мечами и пронзая копьями. Но гоблины, словно стеной, окружили людей, выискивая каждую брешь. Им удалось сбить с лошади одного из всадников, и целая толпа тварей навалилась на несчастного, нанося бесчисленные удары. Под другим убило лошадь, а сам он погиб, не успев оказать сопротивления.

Лучники, находившиеся во второй цепи, неумоимо пускали стрелы, отбиваясь от гоблинов, напиравших со стороны холма. Но вскоре и им пришлось орудовать луками как палицами, нанося удары по головам гоблинов.

Принц Хонсе-Бира и настоятель Сент-Бельфура поняли: они обречены. Силы воинов и магическая энергия монахов были на исходе. Армия Вангарда вскоре будет разбита, и тогда здесь воцарится тьма запустения.

Со стороны леса замелькали тени. «Новые силы гоблинов», — подумал принц. Он застыл в немом изумлении: сколько же тварей явилось, чтобы сеять разрушение в этих местах, ставших для него родными!

Но звук, раздавшийся со стороны леса, был совсем иным. Свирепый, звериный вой, от которого каждого, кто его слышал, пробирала дрожь. Звук этот на какое-то время словно прекратил сражение.

На поле хлынули альпинадорские воины. Зеленые и коричневые одежды делали их неразличимыми на фоне леса. Передняя цепь альпинадорцев быстро достигла поля, затем замерла как вкопанная. Альпинадорцы повернулись, и с обеих концов цепи в гоблинов полетели тяжелые камни, пробивая в строю бреши и заставляя низкорослых тварей отступать.

И вновь зазвучал многоголосый боевой клич альпинадорцев, устроя гоблинов и вселяя надежду в Мидалиса и его доблестных воинов. В гуще альпинадорцев стремительно двигался Андаканавар. Каждый взмах его грозного меча лишал жизни не менее трех гоблинов. Рослые уроженцы Тол Хенгора заполняли поле, двигаясь гигантским клином.

— Не отступать! — крикнул Мидалис, но теперь в его голосе вместо покорности судьбе звучала надежда. В первый раз за всю битву гоблины по-настоящему дрогнули. Принц воспользовался моментом и перестроил всадников, чтобы под их прикрытием уязвимые для врагов лучники смогли достичь монастырских ворот.

Он подал сигнал стоящему на стене Агронгерру, надеясь, что мудрый старик правильно поймет его жест и пошлет монахов открывать ворота.

Исполненный решимости, Мидалис направился к воротам. Всадники защищали бегущих лучников от вражеских копий. Монахи настежь распахнули ворота и, отбиваясь от гоблинов, оказавшихся поблизости, впустили лучников внутрь.

Казалось, сражение вновь становится хаотичным, но это впечатление было обманчивым. Стойкие альпинадорцы с удивительной храбростью следовали за Андаканаваром, прочно удерживая линию обороны, помогая рейнджеру расправляться с гоблинами. Враги насели на Мидалиса и всадников у самой стены. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не подоспевший Андаканавар. Принц лишь поднял меч, а рейнджер своим оружием, дарованным ему эльфами, уже снес напавшему на Мидалиса гоблину половину туловища.

Прежде чем принц успел поблагодарить Андаканавара, тот вонзил меч в землю и издал боевой клич. Рейнджер взметнул над головой руки и соединил кончики пальцев. Получившаяся фигура в точности напоминала боевой клин альпинадорцев. Затем Андаканавар опустил пальцы правой руки к левому локтю. Альпинадорские воины подчинились его приказу и проворно развернулись. Теперь Андаканавар оказывался замыкающим на новом правом фланге, а Брунхельд, замыкавший прежде левый фланг, стал «острием» клина.

Принц Мидалис понял этот великолепный маневр и по достоинству оценил умело сделанный поворот. Он знал, какую роль должны сыграть его воины. Он отъехал от храброго рейнджера и, достигнув середины своей цепи, стремительно метнулся в поле, увлекая за собой оба фланга.

К тому времени спасшиеся лучники забрались на парпет, и их луки запели вновь, направляя атаку принца.

Настоятель Агронгерр по-прежнему стоял на стене Сент-Бельфура, наблюдая за битвой. Его кроткие глаза были полны слез. Он прожил в Вангарде тридцать лет и хорошо знал историю этой провинции. Он знал о бойне в Фалдберроу, где его церковь попыталась создать монастырь. Знал о многочисленных столкновениях вангардцев с суровыми и дикими альпинадорцами. Знал настоятель и о предрассудках, укоренившихся по обе стороны границы.

Но сейчас обоим народам угрожал общий враг, слишком многочисленный и злобный. И если эти прихвостни демона-дракона объединили оба народа, если альпинадорские дикари пришли сражаться за спасение монастыря церкви Абея!.. Кто знает, может, тучи рассеются и блеснет луч света!

Старый настоятель едва верил происходящему, и овладевшие им чувства наполнили его новой силой. Он взял от брата Хейни графит, поднял руку и произвел самый сильный за все утро удар. Ослепительная молния поразила не менее двух десятков вражеских копьеносцев. Гоблины умирали, не успев выпустить оружие из рук.

— Звоните в колокол! — закричал воспрянувший духом настоятель и метнул вторую молнию. — К оружию! К оружию! — повторял Агронгерр.

В сражении наступил перелом. Появление могущественных альпинадорских воинов придало мужества войску принца и осажденным монахам. Былая дисциплина гоблинов пошатнулась. Половина нападавших бежала с поля боя. Участь оставшихся была незавидной: стрелы лучников, молнии монахов, копыта лошадей и камни альпинадорцев — смерть поджидала их везде.

Прошло совсем немного времени, и в живых остались только те гоблины, которые валялись на земле и корчились от ран. Некоторые из них молили о пощаде, но ни воины Мидалиса, ни свирепые альпинадорцы не были склонны щадить этих тварей.

День принес победу. Осада была прорвана, вражеская армия рассеяна и обращена в бегство. Принц Мидалис поскакал через поле навстречу Андаканавару и Брунхельду, позади которых с обеих сторон стояли альпинадорцы.

— Сегодня мы в большом долгу перед вами, — с почтением произнес принц.

Андаканавар посмотрел на Брунхельда, но несгибаемый предводитель ничего не ответил Мидалису и вообще ни единым намеком не выразил своих чувств. Лицо Брунхельда

оставалось непроницаемым и свирепым. Он лишь мельком взглянул на монастырскую стену, и принц увидел, что предводитель поймал ответный взгляд настоятеля Агронгерра.

Монастырские ворота вновь широко распахнулись. Монахи поспешили на поле. Многие несли повязки. У некоторых в руках были камни души. Мидалис с горечью наблюдал, что все они направились вправо, к раненым вангардским воинам. Никто из монахов не свернул влево, где лежали раненые альпинадорцы.

Настоящей победы этот день пока не принес.

ГЛАВА 4 ЖЕСТОКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В горные перевалы на западе Хонсе-Бира пришла зима, обильно покрыв снегом Эндур'Блоу Иннинес — долину эльфов. Сильные ветры быстро намели высоченные сугробы. Но снег не был препятствием для Белли'мара Джуравилья. Изящный эльф двигался по белому покрову, не оставляя следов. В отличие от людей, крылатые эльфы никогда не прятались от капризов природы. Наоборот, вне своей защищенной долины эльфы вели себя в соответствии со сменяющимися временами года. Они по очереди праздновали все явления природы: весной танцевали в честь пробуждения и возрождения природы, летом — в честь тепла и наступающей с ним поры радости и веселья, осенью — в честь сбора урожая. Зимой — в честь наступившей передышки в трудах и занятиях. Эльфы в самую сильную метель любили поиграть в снежки, слепить снеговика или же просто уютно посидеть возле очага.

Ни одно из времен года никогда не заставляло эльфов врасплах.

Вот и сейчас это была всего лишь метель: такие же порывы ветра с обжигающим снегом. Когда Джуравиль выбрался из-за облачной завесы, накрывавшей их защищенную долину, ветер утих, но снег еще продолжал падать.

Но не в метели дело — эльфу хотелось побыть одному. Джуравилью было тоскливо. Госпожа Дасслеронд вновь отказалась отдать ему на воспитание сына Элбрайна и Джилсепони — младенца, которого его повелительница забрала у Пони на поле сражения близ Палмариса. Тогда Маркворт одолел Пони в поединке и она была при смерти. Затем в течение нескольких месяцев госпожа Дасслеронд давала Джуравилью одно поручение за другим, и хотя он подозревал, что она намеренно держит его вдали от младенца, все же до конца в этом уверен не был... Вплоть до сегодняшнего утра, когда Джуравиль спросил свою госпожу напрямик и получил недвусмысленный отказ.

И потому Джуравиль, покинув долину, бежал вверх по заснеженным склонам, чтобы в одиночестве унять гнев. Пусть неторопливо падающий снег развеет его разочарование.

Перескакивая с сугроба на сугроб, как по лестнице, он добрался до вершины скалистого выступа. Там, прямо на ветру, Джуравиль сидел, вспоминая Элбрайна и Пони, вспоминая свою дорогую подругу Тантан, погибшую на Аиде во время битвы с демоном-драконом.

Постепенно ветер стих, а вместе с ним утих и гнев. И тут он увидел, как кто-то выбирается из облачной завесы Эндур'Блоу Иннинес. Наверное, какому-то эльфу захотелось поиграть в снежки. А может, кто-то из собратьев решил убедиться, что с Джуравилем все в порядке. Но когда пришедший обернулся и глянул на Джуравилья из-под низко надвинутого капюшона, эльф буквально застыл на месте в неопишемом изумлении. К нему явилась сама госпожа Дасслеронд!

Джуравиль хотел спуститься, но она жестом остановила его, а затем так же легко и проворно, как это проделал Джуравиль, поднялась на выступ и села рядом.

— Твое предположение оказалось верным, — сообщила госпожа Дасслеронд. — Сегодня утром возвратился Тьен-Бризелль. Он узнал, где находятся «Ураган» и «Крыло Сокола».

Джуравиль облегченно вздохнул. Речь шла об оружии, некогда принадлежавшем Элбрайну. Меч, названный «Ураганом», был изготовлен для его дяди Мазера и завоеван

Элбрайном в честном поединке с духом дяди. «Крылом Сокола» именовался лук, который отец Джуравиль сделал специально для Элбрайна-Полуночника. Когда Элбрайн попал в плен к отцу-настоятелю Маркворту, меч и лук исчезли. Джуравиль, убежденный, что оружие находится в Палмарисе в монастыре Сент-Прешес, попытался найти его.

Однако в тот момент во дворце Чейзвинд Мэнор произошла финальная схватка между Элбрайном и Марквортом. Эльф вмешался, бросив поиски меча и лука. Кажется, оружие эльфов попало в Дундалис, к месту последнего упокоения Элбрайна. И тогда госпожа Дасслеронд направила Тьен-Бризелля проверить достоверность этих сведений.

— Смотритель подтвердил, что оружие находится там, — продолжала она, — и привел Тьен-Бризелля к могиле.

— Смотритель — замечательный друг, — сказал Джуравиль.

Госпожа Дасслеронд кивнула.

— Да, он замечательный друг, немало претерпевший от демона-дракона и взявший на себя ответственность называться другом эльфов.

Джуравиль сощурился, легко распознав за этими словами нелестный отзыв его повелительницы об Элбрайне и Джилсепони. Госпоже Дасслеронд очень не понравилось, что Элбрайн научил Джилсепони би'нелле дасада — особому танцу меча эльфов. В равной степени госпожа Дасслеронд не одобряла многих решений, принятых Джилсепони в последние дни сражения с Марквортом.

— Нас радует, что оружие находится в надежном месте под охраной духов двух Защитников, — добавила она. — Возможно, однажды меч и лук перейдут к *йельделен*.

Йельделен, — мысленно повторил Джуравиль. Значит, госпожа Дасслеронд до сих пор никак не назвала младенца. На языке эльфов *йельделен* означало просто «ребенок».

— Джилсепони не пыталась вернуть оружие, — рискнул заметить Джуравиль.

— Она в Палмарисе и, вероятно, ничего не знает ни о перемещении оружия на север, ни о том, что мы станем разыскивать меч и лук.

Джуравиль внимательно посмотрел на госпожу Дасслеронд: если «Ураган» и «Крыло Сокола» были погребены вместе с саркофагом Элбрайна, само собой разумеется, сделано это было по распоряжению Джилсепони.

— Джилсепони не стала бы противиться погребению оружия эльфов, — с уверенностью произнес Джуравиль. — И если бы мы решили забрать меч и лук, она тоже не возражала бы.

Госпожа Дасслеронд явно ожидала этих слов.

— Ты недооцениваешь ее, — без обиняков заявил Джуравиль. — Ты всегда ее недооценивала.

— Я сужу о ней то ее поступкам, — твердым голосом ответила правительница Кер'алфара.

Она встряхнула головой и усмехнулась.

— Ты поддался очарованию дружбы, хотя и знаешь, что твоих друзей скроет могила задолго до того, как истечет твоё время. Люди не живут по несколько веков.

— Разве я не могу подружиться с теми, кто созвучен мне сердцем?

— У людей своё место в мире, — довольно холодно проговорила госпожа Дасслеронд. — Переоценивать их — ошибка, Белли'мар Джуравиль. И тебе об этом известно.

Джуравиль отвернулся, чувствуя, как его золотистые глаза наполняются слезами.

— Причина в этом? — спросил он. Он справился со слезами и теперь смело и сурово глядел на свою повелительницу. — Ты по этой причине не подпускаешь меня к ребенку?

— Этот ребенок особенный, — сказала она. — Он будет носить оружие Полуночника и Мазера, оружие эльфов. Оружие настоящего Защитника.

— То будет великий день, — сказал эльф.

— Воистину так, — согласилась госпожа Дасслеронд. — И куда более великий, чем тебе представляется. Этот ребенок будет воином высшей пробы, с самого рождения

воспитанный по-нашему. И у него не будет никаких человеческих привязанностей, он будет человеком лишь внешне, по облику.

Джуравиль задумался.

— Но не в том ли истинная сила воина, что он соединяет в себе лучшие качества людей и эльфов? — спросил он, искренне полагая, что именно это обстоятельство является самым важным.

— Так и есть, — ответила она. — Но я всегда считала, что воин-Защитник — соединение взглядов эльфов с человеческим физическим обликом и свойственным людям нетерпением. По силе этот ребенок превзойдет своего отца. Он пройдет выучку эльфов, а жизнь в Эндур'Блоу Иннинес одарит его превосходным здоровьем. Мы привьем ему также понимание того, что жизнь его, по сравнению с нашей, будет недолгой. Итак, безотлагательность и нетерпение — предельно важные качества для настоящих воинов.

Джуравиль в недоумении уставился на госпожу Дасслеронд. Все, что она говорила, показалось ему бессмыслицей. Но госпожа Дасслеронд была властительницей Кер'алфара, предводительницей народа эльфов. Джуравиль пытался понять смысл ее слов, понять надежды и опасения, владевшие ею. Ведь она забрала ребенка у матери и решительно отказывалась вернуть его даже теперь, когда рассеялась тьма, порожденная Марквортом и Бестесбулзибаром. Джуравиль показалось, что его повелительница заявляет о правах Эндур'Блоу Иннинес на этого ребенка.

И тут Джуравиль понял, о чем думает госпожа Дасслеронд. Возможно, этот мальчик, обладая чистотой крови, силой тела и духа, сможет исцелить Эндур'Блоу Иннинес. Сын Полуночника сумеет помочь госпоже Дасслеронд защитить долину эльфов и приостановить ужасное гниение — след, оставленный демоном-драконом в Эндур'Блоу Иннинес.

— Он будет таким же сильным и быстрым, каким был Элбрайн, — сказал Джуравиль.

— Это более свойственно его матери, — ответила госпожа Дасслеронд.

Джуравиль удивленно вскинул брови, услышав неожиданную похвалу в адрес Джилсепони.

— С мечом в руках Джилсепони сильна и быстра, она знает *би'нелле дасада*, — пояснила госпожа Дасслеронд. — И хотя в танце с мечом она по силе уступала Полуночнику, из двух родителей ребенка она более совершенна. Вдобавок Джилсепони владеет магией самоцветов. Она совершенный воин, каким может быть человек. Ребенок получит все качества, какими обладала его мать, и даже более. Ведь его жизненный путь будет направлять тол'алфар.

Белли'мар Джуравиль кивнул, хотя и опасался, что в своих ожиданиях госпожа Дасслеронд, возможно, несколько преувеличивает. Ведь этому ребенку всего несколько месяцев от роду, и хотя он отличается чистотой крови (Джуравиль, одинаково любивший Элбрайна и Пони, понимал это яснее госпожи Дасслеронд!), это еще ни о чем не говорит. Более того, воспитание человека с младенческой поры в условиях Эндур'Блоу Иннинес было делом новым. Это Джуравиль также понимал яснее, нежели его госпожа.

— Джилсепони совершила недопустимые с нашей точки зрения ошибки, — сухо заявила госпожа Дасслеронд.

Эти внезапно прозвучавшие резкие слова напомнили Джуравилью, что отношение его госпожи к Пони не изменилось.

— Элбрайн, наш дорогой Полуночник, тоже совершил ошибку, научив ее *би'нелле дасада*. Можешь не сомневаться, мы будем пристально следить за нею.

Джуравиль был полностью согласен со своей повелительницей. Если бы Пони вдруг начала обучать других людей этому танцу и в особенности ключевым моментам *би'нелле дасада*, народу тол'алфар пришлось бы остановить ее: для Джуравилья это означало бы доставить Джилсепони в Эндур'Блоу Иннинес и держать ее здесь как пленницу. Но он не питал иллюзий, что госпожа Дасслеронд, на чьих плечах лежала ответственность за само существование тол'алфар, проявит подобное милосердие.

— И все же то была ошибка Полуночника, а не Джилсепони, — возразил он.

— Не только его ошибка.

Джуравиль снова кивнул, соглашаясь со своей госпожой. Впрочем, сейчас он, пожалуй, даже не стал бы называть это ошибкой. Он видел, как Элбрайн и Пони сражались вдвоем, совершенным образом дополняя друг друга. В этом танце оружие и человек сплетались воедино, и, видя это, эльф тогда не мог сдержать слез радости.

Неужели столь искусный танец был ошибкой?

— Ты ей доверяешь, — заявила госпожа Дасслеронд. — Ты любишь эту женщину так, словно она — одна из нас.

Джуравиль взглянул на госпожу Дасслеронд, но промолчал.

— Ты считаешь, что мы должны были бы простить ее и вернуть ей ребенка.

Эти слова обожгли эльфа.

— Если бы она обучалась в Эндур'Блоу Иннинес, из нее мог бы получиться великолепный Защитник, — только и сказал он.

— Верно, — быстро ответила госпожа Дасслеронд. — Но она не обучалась у нас. Всегда помни об этом, друг мой.

Помолчав, она заговорила снова:

— Я не собираюсь отрицать, опровергать или приуменьшать твои чувства к этой женщине. Твоя вера в нее дает мне надежду, что ошибка Полуночника не приведет к беде. Однако роль Джилсепони заключалась в том, чтобы выносить в своем чреве сына Элбрайна. Пойми и прими это. Теперь ребенок принадлежит нам. Он — наше оружие. Он — плата за все жертвы, которые мы принесли, дабы помочь людям в их борьбе с Бестесбулзибаром. Ее сын — это способ для нас уменьшить последствия тех жертв.

Джуравиль хотел было возразить, что война против демона-дракона велась не только в интересах людей, но и в интересах эльфов, однако промолчал.

— Учитывая все это, а также твои искренние чувства, пойми: тебе нельзя никоим образом общаться с ее ребенком, — продолжала госпожа Дасслеронд.

У Джуравилья сжалось сердце.

— Он не Полуночник. Когда он покажет свой истинный дух, мы подберем для него подходящее имя. Наступит время, и Белли'мар Джуравиль поймет, что я была права.

Джуравиль не удивился. На протяжении всех этих месяцев он без конца указывал на неправильное обращение с ребенком. Не важно, что его не допускали к младенцу. Джуравиль сетовал, что ребенка с первых дней жизни подвергают испытаниям. И никто не улыбнется. Такое обращение глубоко тревожило Джуравилья, и он достаточно резко говорил госпоже Дасслеронд о своих опасениях.

Его слова не встречали сочувствия. Поэтому сейчас удивляться было нечему.

— Тебе известно о другом человеческом ребенке? — спросила госпожа Дасслеронд.

— Да. Ее зовут Бринн Дариель.

Девочка-сирота, попавшая на воспитание к эльфам, была из Тогая — западной части государства Бехрен. Жители тех земель считались лучшими наездниками во всем мире.

— Она тебе понравится, — убежденно произнесла госпожа Дасслеронд. — В ней больше духа, чем способно вместить ее тельце. А по порывистости и внутреннему огню эта девочка очень напоминает юного Элбрайна Виндона.

Нечто подобное о Бринн Дариель Джуравиль уже слышал. И хотя девочка находилась на воспитании эльфов уже почти год, Джуравиль ее еще не видел. Просто он был очень занят. Его сердце было отдано Элбрайну и Пони. Демон-дракон, Маркворт, судьба мира людей — вот что заботило эльфа. Но знавшие Бринн Дариель высоко отзывались о ее способностях. Неужели тол'алфар обрел новую Полуночницу?

— Я поручаю ее тебе, — продолжала госпожа Дасслеронд. — Ты будешь воспитывать и учить ее, как в свое время воспитывал и учил Полуночника.

— Значит, ты не считаешь, что с Полуночником я потерпел неудачу? — решился спросить Джуравиль. — Разве он не нарушил свой обет, научив Пони *би'нелле дасада*?

Госпожа Дасслеронд громко рассмеялась. Разумеется, она гневалась на Элбрайна за

раскрытие секретов эльфов. Но и она, и все остальные эльфы знали, что Джуравиль великолепно справился со своей задачей. Ведь не кто иной, как Полночник, отправился к Аиде и сразился с Бестесбулзибаром, а когда демон обрел более коварного и опасного хозяина, Полночник сделал все, чтобы победить. Победить во имя людей и других народов, включая и эльфов тол'алфар.

— Будешь учиться на своих ошибках, — ответила госпожа Дасслеронд. — С этой девочкой ты добьешься больших успехов.

Джуравиль сдался. Понимает ли его госпожа, какие высокие цели она поставила для Бринн Дариель? Понимает ли, кем на самом деле был Элбрайн и что творится в сердце Джилсепони?

Или же он ошибся? Может, он был слишком ослеплен дружбой и любовью, чтобы признать недостатки этих людей?

Белли'мар Джуравиль глубоко вздохнул. Очень глубоко.

ГЛАВА 5 ДИПЛОМАТИЯ

Констанция Пемблбери смотрела сквозь утренний туман на удаляющуюся гавань Палмариса. Она была рада покинуть этот город, покинуть все, связанное с убийством Маркворта, покинуть его погрязшую в интригах церковь, его доведенных до отчаяния горожан. И главное, она уезжала от Джилсепони. Одна мысль об этой женщине заставляла Констанцию вздрагивать. Джилсепони. Героиня Пони, спасительница севера, участвовавшая в сражении с демоном-драконом на Аиде, а затем уничтожившая его дух, вселившийся в тело Маркворта... Джилсепони, которую в мгновение ока сделали бы настоятельницей Сент-Прешес, дай она согласие. И это было бы только началом; она могла бы стать матерью-настоятельницей всей церкви Абея... Джилсепони, которой король Дануб предложил титул баронессы и управление Палмарисом. Был ли какой-нибудь иной титул, который пожелала бы избрать эта своевольная особа? И какой еще титул мог предложить ей король?

Джилсепони не явилась в гавань, чтобы проводить «Речной Дворец» — королевскую барку, которую сопровождали пятнадцать военных кораблей. После встречи в стенах монастыря Сент-Прешес она вообще больше не показалась на глаза придворным, чему Констанция была только рада.

По правде говоря, Констанция восхищалась этой женщиной, ее горячей, решительной натурой. При иных условиях они могли бы даже стать близкими подругами. Но об этом Констанция ни при каких обстоятельствах никогда не скажет ни одной живой душе.

Сейчас об этом речи быть не может: от придворной дамы не ускользнули взгляды, брошенные королем Данубом на Джилсепони.

Прекрасная, героическая Джилсепони. В глазах большинства королевских подданных эта женщина превратилась из простолюдинки в аристократку. Разумеется, не по крови и происхождению, но по делам и заслугам.

А как король Дануб поедал ее глазами, как вился вокруг нее! Такого блеска в его усталых глазах Констанция не видела уже много лет. Естественно, сейчас он не станет делать никаких поползновений относительно Джилсепони, ведь ее муж Элбрайн, как говорится, едва успел остыть в могиле. Но память у короля цепкая, и расставлять чары он умеет. В этом Констанция не сомневалась.

Неужели, глядя тогда на Джилсепони, она видела новую Вивиану? Новую королеву Хонсе-Бира?

От этой мысли Констанция больно закусил губу. Да, она восхищалась Джилсепони, она ей даже нравилась. Но знала и другое: Дануб будет делить с ней ложе, но он на ней не женится. Быть так близко от желаемой цели и знать, что никогда ее не достигнет... Для Констанции подобная мысль была оскорбительной.

Констанции было за тридцать. Она была ровно на десять лет старше Джилсепони.

Возраст начинал брать свое: вокруг глаз появились морщинки, а сами глаза утратили блеск молодости. Фигура потеряла стройность. Констанция понимала: по сравнению с гладкой кожей Джилсепони, с лучистыми голубыми глазами этой женщины и ее пружинистой молодой походкой Констанция явно проигрывает.

И потому она беззастенчиво соблазняла Дануба. Вчера она добилась своего и позавчера тоже, опоив короля до такой степени, что он уже был не в состоянии противиться ей. Сегодня, на корабле, она вновь уложит Дануба в постель, и так будет повторяться на всем пути до Урсала и после возвращения тоже.

Так будет повторяться, пока она не забеременеет.

Констанции не нравилось то, что происходит, — ведь она шла на заведомый обман. Дануб был уверен, что она принимает особые настои трав, как поступала любая придворная дама, чтобы не допустить беременности. Но еще более не нравилась ей мысль о возможности попасть в услужение к королеве Джилсепони. Сколько лет Констанция находилась подле Дануба, помогая пережить невзгоды и являясь для него лучшим советником! Сколько лет она боролась вместе с ним против его врагов и незаметно подчеркивала его лучшие качества перед союзниками! Констанции думалось, что со времени смерти Вивианы она исполняла все обязанности королевы, кроме двух: она не делила изо дня в день с королем ложе и не была матерью его детей.

Теперь она намеревалась все изменить. Вряд ли король женится на ней. Но он признает ее детей, а при отсутствии официальной жены даже сможет даровать одному из них статус наследника престола. Да, тут король уступит ей. Остальные побочные дети Дануба (а таковых было по меньшей мере двое) уже выросли. Они не считались сыновьями короля, и их не готовили к наследованию престола. К своему единственному брату Мидалису король также не испытывал особой любви — они уже несколько лет не виделись. Констанция была уверена: Дануб полюбит ее ребенка и станет относиться к этому мальчику (или девочке) совсем нет так, как к прочим своим детям или к Мидалису. Ее ребенок будет наследником трона королевства Хонсе-Бира.

Констанция сознавала, насколько ничтожны ее шансы стать королевой. Ничего, ей достаточно будет титула королевы-матери.

Конечно, она по-прежнему желала, чтобы все было совсем не так и ей удалось бы пробудить в короле настоящую любовь. События в Палмарисе явились тяжким испытанием для правления Дануба, и Констанция надеялась, что сумеет завоевать более высокое положение. И действительно, в те тревожные недели она многого добилась. Но все меркло в сравнении с тем, что достигла Джилсепони, равно как и красота Констанции меркла перед очарованием молодости этой женщины!

— Пожалуй, теперь можно расслабиться, — неожиданно послышался у нее за спиной голос настоятеля Джеховита.

Старик внимательно глядел на ее руки. Проследив за сто взглядом, Констанция поняла, почему он произнес именно эти слова. Сама не замечая, она настолько крепко вцепилась в перила, что костяшки пальцев побелели.

— Да, испытания остались позади, — согласилась Констанция.

Она отпустила перила и спрятала руки в складках плаща из толстой шерсти.

— Возможно, большая часть испытаний и миновала, — задумчиво произнес Джеховит. — По крайней мере, для придворных и короля. Однако боюсь, меня еще ждет немало испытаний.

Старик встал рядом с Констанцией и, держась за перила, тоже начал смотреть на удалявшуюся гавань Палмариса.

Придворная дама взглянула на него с удивлением. Ее отношения с Джеховитом не были ни дружескими, ни враждебными. Во всяком случае, они не были такими, какими были отношения старого настоятеля с герцогом Каласом.

— Они слишком молоды и наивны, — продолжал Джеховит. — Я говорю о молодых братьях. Они восприняли свержение отца-настоятеля Маркворта как знак того, что настал их

черед взять бразды правления в свои руки. Они убеждены, что им открылась истина. Но мы-то с тобой, обремененные опытом и мудростью, понимаем: истина отнюдь не так проста. Они берут на себя непосильную задачу, и тяжело придется церкви, если мы — более зрелые настоятели и магистры — не сумеем обуздать пламень юности.

Констанция удивилась еще больше. С чего это вдруг старый Джеховит разоткровенничался с нею? Она ничуть не доверяла ему. Может он рассчитывает, что с ее помощью эти якобы искренние излияния дойдут до ушей короля Дануба? Или ищет тайного союзничества с королем, используя в качестве третьей стороны глупенькую и легкомысленную женщину? Если так, старик очень заблуждается, считая Констанцию Пемблбери таковой!

— «Молодые братья», как вы их называете, которые ныне возглавляют Сент-Прешес, не намного моложе меня, — напомнила она.

И в самом деле, Браумин, Мальборо Виссенти и Фрэнсис — каждому вскоре исполнится тридцать.

— А сколько лет они провели за стенами монастыря, отгороженного от внешнего мира? — возразил Джеховит. — Сама знаешь, ни один из монастырей не сравнится с Сент-Хонсом. Даже величественный Санта-Мир-Абель, в котором семьсот монахов, изолирован от окружающей жизни. Там не могут похвастаться широтой взглядов и плохо понимают то, что не относится к церкви Абеля. Сент-Хонс имеет преимущество, находясь в Урсале, в столице, в непосредственной близости от мудрого короля и его благородного двора.

На лице Констанции появилось выражение явного недоверия. Достаточно вспомнить недавние трения между церковью и государством. Однако если Джеховит вздумал призвать ее в союзницы, то момент он упустил.

— Прощай, Палмарис, — с усмешкой произнес король Дануб. — Удачи тебе, мой друг, герцог Калас. Тебе выпала нелегкая участь!

Он приблизился к Констанции и Джеховиту. На лице короля сияла широкая и искренняя улыбка. Для придворных не было тайной, что Дануб действительно рад возвращению домой.

— Мой король, — поклонившись, сказал Джеховит.

— А, так вы помните? — лукаво спросил Дануб.

Стоявшая позади настоятеля Констанция чуть не расхохоталась.

— Никогда не забывал, — совершенно серьезно ответил настоятель.

Дануб недоверчиво поглядел на него.

— Неужели вы сомневаетесь во влиянии отца-настоятеля? — произнес Джеховит.

Констанция сразу заметила, что на безмятежном лице короля промелькнула тень неуверенности.

— Сомневаюсь, что новый отец-настоятель будет иметь хоть какое-то влияние, — возразил король, давая понять, что устал от споров.

— Кем бы он ни был, это будет более мягкий и кроткий человек, — спокойно ответил настоятель Джеховит. — И не надо бояться за герцога Каласа, ваше величество, герцог Вестер-Хонса и барон Палмариса сумеет прийти к соглашению с братьями из Сент-Прешес.

— Что-то я в этом сомневаюсь, — возразил Дануб.

— Во всяком случае, они поймут, что в борьбе за жителей Палмариса они являются не врагами, а союзниками, — добавил Джеховит.

— А ради кого ведется эта борьба? — спросила Констанция. — Ради церкви или ради короля?

Джеховит с удивлением взглянул на придворную даму. Ее слова, несомненно, его задели. «Чего он добивается?» — думала Констанция. Ищет союза с нею, а если так, то что это ей даст?

— Мне нужно заняться делами, ваше величество, — быстро проговорил Джеховит. — Я должен составить письма о созыве Коллегии аббатов.

Настоятель вновь поклонился и, поскольку король не удерживал его, поспешил

удалиться.

Дануб, качая головой, смотрел ему вслед.

— Никогда не могу с уверенностью сказать, за кого же этот человек, — заметил король, подвигаясь ближе к Констанции. — За церковь или за короля?

— Скорее всего, за Джеховита, — сказала Констанция. — А поскольку его наставник Маркворт мертв и церковь осуждает деяния прежнего отца-настоятеля, Джеховиту ничего не остается, как искать союза с королем.

Дануб восхищенно поглядел на придворную даму.

— Ты всегда так ясно понимаешь суть вещей, — отпустил комплимент король, обнимая ее за плечо. — Ах, Констанция, что бы я делал без тебя?

Констанция прижалась к нему, наслаждаясь близостью этого сильного мужчины. Она знала правила, знала, что, согласно этим правилам, королевой ей не быть. Однако она верила, что Дануб любит ее. Пусть то была в большей степени дружба, чем страсть, ее удовлетворяло и это.

Почти удовлетворяло, напомнила себе Констанция и, подождав еще немного, увлекла короля в его роскошную каюту.

Принц Мидалис увидел, как рослый настоятель Агронгерр поспешно вышел из монастырских ворот. По его лицу струился пот, который он вытирал какой-то грязной тряпкой. Старый монах не переставая качал головой, шепча молитвы. В какой-то момент он поднес к лицу правую руку, опустил ее влево, вновь поднял и опустил вправо. То был знак неувядающей ветви — старый церковный символ. Сейчас люди осеняли себя им довольно резко.

Оглядев поле боя, принц понял, какие чувства владели Агронгерром. Повсюду валялись тела гоблинов. Однако кое-кто из поверженных врагов был еще жив, они корчились от ран и стонали. Потери среди людей также были велики. Справа от Мидалиса лежали тела его храбрых солдат, слева — альпинадорские воины. Монахи, вышедшие из ворот монастыря раньше Агронгерра, все повернули в правую сторону, чтобы оказать помощь своим соплеменникам.

Настоятель быстрым взглядом оценил положение, потом увидел, что Мидалис машет ему рукой. Настоятель поспешил ему навстречу.

— У нас ведь есть союзники, — с грустью в голосе заметил Мидалис. — Раненые союзники.

— Но согласятся ли они на наш способ врачевания? — вполне серьезно спросил настоятель. — Они считают нашу магию дьявольской силой, которую надо избегать.

— Вы думаете... — недоверчиво начал принц.

Агронгерр пожал плечами, не дав ему договорить.

— Я не знаю, — искренне ответил он. — И молодые братья тоже, почему они и направились к вангардцам.

— Приведите нескольких из них, и побыстрее, — распорядился принц.

Он развернул лошадь и рысью направился к позициям альпинадорцев. Основная часть туземных воинов сосредоточилась на краю поля. Многие углубились в лес, преследуя убежавших гоблинов. Кое-кто из раненых альпинадорцев все еще лежал на земле.

— Где Андаканавар? — спросил принц.

Затем, пытаясь вспомнить, как этот вопрос будет звучать на их дикий язык, повторил:

— *Тьюк ней* Андаканавар?

Альпинадорцы издали условный свист, и вскоре из-за кустов появилась могучая фигура. За ним показался Брунхельд. Они быстрыми шагами двинулись к Мидалису.

— Мы в большом долгу перед вами, — сказал принц, соскочив с лошади и почтительно поклонившись. — Без вас мы были бы разбиты.

— Между друзьями не существует долгов, — ответил Андаканавар.

Мидалис заметил, что при этом он несколько неуверенно глянул на Брунхельда.

— По правде сказать, мы не знали, придете ли вы нам на подмогу.

— А разве мы не вкусили вместе вина? — Брунхельд говорил так, словно это обстоятельство являлось гарантией данного альпинадорцами обещания.

— Просто я опасался, что на пути сюда вы могли столкнуться еще с каким-нибудь отрядом гоблинов или что мы не до конца обговорили наши совместные действия, — уловив намек, с поклоном ответил принц.

Брунхельд засмеялся.

— Чего там обговаривать, — пробурчал он, намереваясь сказать какую-то резкость.

— Мы и не могли обсудить совместные действия до мельчайших подробностей, — вмешался Андаканавар. — Нам мало известны ваши способы ведения боя, а вам — наши. Мы решили понаблюдать, как вы начнете, и выбрать подходящий момент, чтобы присоединиться.

Мидалис оглядев поле с десятками мертвых гоблинов и улыбнулся.

К ним быстро приближался настоятель Агронгерр с несколькими монахами. Вид у старика был несколько растерянный.

— Вы ранены, — обратился принц к Брунхельду. — Мои друзья умеют врачевать.

Выражение лица Брунхельда стало непроницаемым. Он взглянул на Андаканавара, и тот, обойдя Мидалиса, быстро зашагал к раненым альпинадорцам, жестом пригласив принца и Брунхельда следовать за ним.

— Только перевяжите раны, — тихо сказал Агронгерру Андаканавар.

Они долго глядели друг на друга, затем настоятель кивнул. Агронгерр распределил монахов, велел каждому перевязать одного из раненых альпинадорцев. Сам он направился к воину, находившемуся в очень тяжелом состоянии. Вокруг того хлопотали две туземные женщины, пытаясь остановить кровотечение. Андаканавар, Мидалис и Брунхельд тоже подошли к раненому. Принц нагнулся к настоятелю.

— Они боятся магии, — прошептал Мидалис. — Обычные повязки — это все, на что они согласны.

— Знаю, — ответил настоятель, покосившись на Андаканавара.

Старик что-то ворчал себе под нос, накладывая тугую повязку на грудь, плечо и верхнюю часть туловища раненого, изо всех сил пытаясь остановить обильное кровотечение.

— Другим, может, и хватит повязок, но этот без камня души не протянет и часа. Впрочем, даже с камнем уверенности нет.

Принц и настоятель снова повернулись к своим новым союзникам. Если на лице Андаканавара читалось некоторое сомнение, то лицо Брунхельда сохраняло все то же решительное и непреклонное выражение.

— Повязка не остановит кровотечение, — тихо произнес Агронгерр.

Он достал из мешочка, висевшего на поясе, гематит и показал обоим альпинадорцам.

— У меня есть магический самоцвет, который...

— Нет! — резко перебил его Брунхельд.

— Но он умрет без...

— Нет, — угрожающе повторил предводитель Тол Хенгора.

Мидалис схватил Агронгерра за руку и осторожно опустил ее вниз. Ошеломленный настоятель уставился на него, однако Мидалис медленно покачал головой.

— Но ведь он умрет, — твердил Агронгерр, взывая к Мидалису.

— Воины умирают, — произнес Брунхельд и пошел прочь. Но прежде он подозвал к себе двух воинов и на туземном наречии что-то сказал им.

Мидалис понял, что Брунхельд приказал воинам любым способом помешать Агронгерру применить дьявольскую магию для спасения их раненого товарища. И хотя ни принц, ни настоятель не могли позволить, чтобы человек умер у них на глазах, тем не менее Мидалис вновь медленно и решительно покачал головой.

Настоятель уступил. Он еще раз покосился на двух внушительного вида

альпинадорских стражников, затем убрал камень и вновь стал перевязывать раненого.

Не прошло и нескольких минут, как тот умер.

Агронгерр вытер перепачканные кровью руки, потом поднес их к щекам и смахнул слезы, оставив на лице несколько светло-красных следов. Потом он резко встал и пошел к монахам, перевязывавшим остальных раненых. Мидалис, Андаканавар и дозорные не отставали от него ни на шаг.

Явно тяготясь присутствием непрошенных наблюдателей и ворча на каждом шагу, настоятель Агронгерр двинулся туда, где находились раненые вангардцы. На ходу он вновь достал камень души и показал альпинадорским стражникам, демонстрируя свое неповиновение.

Туземцы заволновались. Принцу Мидалису тоже стало не по себе. Только не хватало еще, чтобы гнев старого монаха стал причиной новых бед в это и без того тяжелое утро. Однако Андаканавар, махнув рукой, отослал альпинадорцев, затем, дождавшись подошедшего Мидалиса, негромко заметил:

— Монах ошибается.

— Настоятель Агронгерр не может видеть, как человек умирает, — ответил принц жестко. — Особенно когда человека можно спасти.

— Ценою потери его души? — без тени иронии спросил Андаканавар.

Мидалис даже заморгал и попятился, удивленный прямолинейностью вопроса. Он долго, изучающе глядел на рейнджера, пытаясь разгадать его характер.

— Ты действительно в это веришь? — спросил принц.

Рейнджер пожал плечами.

— Я немало лет живу на свете, — начал он. — Я повидал много такого, что прежде казалось мне невозможным и несуществующим. Великанов, самого демона-дракона, монашескую магию. Я узнал несколько религий, и ваша — одна из них. Я прекрасно знаю утверждение церкви Абея, что самоцветы являются даром их бога.

— Но твой народ в это не верит, — возразил Мидалис.

— Ты не совсем понимаешь, в чем тут дело. Мой народ не верит в майю, — усмехнулся Андаканавар. — Ритуалы, нарушающие связь между стихиями, — будь то магия монахов церкви Абея, эльфов, демонов или бехренских ятолов — для нас совершенно одинаковы. Все это мистика, иллюзии и обман.

— И как же тогда мудрый и опытный Андаканавар рассматривает применение магических самоцветов? — решился спросить принц Мидалис.

— Я воспитывался за пределами Альпинадора, — ответил рейнджер. — Я понимаю, что одни виды магии отличаются от других.

— И тем не менее ты позволил своему воину умереть, — спокойным голосом произнес принц, но в словах его чувствовался упрек.

— Если бы твой Агронгерр попытался лечить раненого Теморстада с помощью камня души, Брунхельд со своими воинами все равно не допустили бы этого. Причем жестоким образом, можешь не сомневаться, — объяснил рейнджер. — Они — простые люди, имеющие твердые принципы. Они не боятся смерти, но мистический мир их пугает. Для них это был вопрос выбора: сохранить Теморстаду тело ценой погубленной души или сохранить душу, погубив тело. И они без особого труда сделали выбор.

Мидалис вздохнул — подобное объяснение его не убедило.

— Пойми, что наши союзнические отношения пока еще слишком хрупки, — предупредил его Андаканавар. — Твои страхи по поводу того, что Брунхельд со своими воинами могли сегодня не появиться на поле боя, были справедливы. Да, если бы его воинам дали выбирать, большинство предпочло бы отправиться на север, по домам, чтобы готовиться к зиме. Но Брунхельд — мудрый предводитель. Он смотрит дальше, думает о будущем. Он желает союза с вами, хотя открыто едва ли в этом признается. Но если ты или твои друзья-монахи попытаетесь навязать нам ваши правила, если будете упорствовать, пытаясь завлечь воинов Брунхельда в свои мистические сети — пусть даже с лучшими

намерениями, — тогда знайте: вас ждут такие беды, что гоблины покажутся вам детской забавой.

— Мне было больно видеть, как умирает человек, который мог бы остаться жить, — ответил Мидалис.

Андаканавар кивнул, соглашаясь.

— И настоятель Агронгерр так же к этому относится, — продолжал Мидалис. — Он добрый и мягкий человек.

— Разве он боится страданий?

Мидалис покачал головой.

— А смерти он боится?

Мидалис удивленно хмыкнул.

— Я считаю, если бы он боялся смерти, то не заслуживал бы звания настоятеля церкви Абея.

— Ну так вот: ни Брунхельд, ни его воины не боятся смерти, если это честная смерть в бою, — сказал Андаканавар.

Принц Мидалис долго обдумывал эти слова. Он даже обернулся и взглянул на мертвого Теморстада. Альпинадорские женщины снимали с мертвеца все, что представляло ценность, и оборачивали тело в плащаницу. Принц знал, что вынужден отступить. Он понимал: союз с альпинадорскими туземцами не будет простым и легким. Слишком уж сильно их представления разнились с представлениями жителей Вангарда. Принц видел, как альпинадорские женщины безжалостно добивают раненых гоблинов и на всякий случай ударяют ножами мертвых. У Мидалиса похолодела спина. Трудный союз, однако необходимый. Принц это ясно понимал. Ему не хотелось иметь таких врагов, как Брунхельд и эти свирепые альпинадорцы!

— Вы заставляете своих женщин сражаться, — нарушил молчание Андаканавар, заметив, что среди бойцов Мидалиса было немало женщин. — Брунхельд ни за что не позволил бы женщинам воевать. Их назначение — дарить наслаждение воинам, ухаживать за ранеными и добивать павших врагов.

— А сам Андаканавар тоже так считает? — лукаво улыбнувшись, спросил Мидалис.

— Я воспитывался среди народа тол'алфар, и эти маленькие, изящные существа, вне зависимости от своего пола, не раз сбивали с меня спесь, — ответил рейнджер и тоже улыбнулся. — Я говорю от имени Брунхельда и его людей, ибо понимаю их. Что я, что ты — мы можем соглашаться или не соглашаться с ними, но ни мне, ни тебе их не изменить. И твоим друзьям-монахам тоже. Горе им, если только они попытаются это сделать.

Мидалис был рад, что сумел поговорить с мудрым и понимающим рейнджером наедине. Принц знал историю Фалдберроу, когда церковь Абея попыталась обратить альпинадорцев в свою веру, а в итоге получила сожженный дотла монастырь и зверски убитых братьев.

— Возможно, я сумею убедить своих соплеменников, что нужно забыть ваши прошлые ошибки, а тебе удастся убедить в том же самом своих людей. Но и нам, и вам понадобится немало времени, чтобы научиться во главу угла ставить общие интересы, — сказал Андаканавар.

Он похлопал Мидалиса по плечу и пошел к своим.

Мидалис смотрел ему вслед, раздумывая над несомненно мудрыми словами рейнджера. Затем он повернулся и отыскивал глазами настоятеля Агронгерра. Тот усердно помогал раненому лучнику. Принц направился к нему, чтобы поговорить со старым монахом. Не стоит забывать: если бы не Брунхельд со своими отважными воинами, Агронгерр и его собратья были бы осаждены со всех сторон, а Мидалис со своим войском — либо пойманы в ловушку, либо тоже заперты внутри монастырских стен.

Да, этот союз будет трудным. Правда, замечания Андаканавара вселили в принца Мидалиса некоторую надежду. Война с гоблинами может положить начало взаимопониманию между Вангардом и Альпинадором.

— Общие интересы, — прошептал принц.

— Уверен, что вы замечательно провели время, — произнес настоятель Джеховит, обращаясь к Констанции Пемблбери. Придворная дама вновь стояла на палубе, вглядываясь в воды Мазур-Делавала. Она кисло посмотрела на Джеховита, не оценив его неуклюжей попытки пошутить.

— А скажи-ка мне, — допытывался настоятель, — король Дануб не забыл твое имя?

Женщина непонимающе уставилась на него.

— Я имею в виду в моменты страсти, — пояснил старый настоятель. — Восклицал ли он: «Констанция!»?

— Вас интересует, не восклицал ли он: «Джилсепони!»? — резко и язвительно dokonчила за него Констанция.

Пусть старая лиса знает, что ее не застигнешь врасплох.

— Ах да, Джилсепони, — произнес Джеховит, закатывая глаза и с притворным вздохом замирая. — Героиня севера. Какой титул явился бы наилучшей наградой за ее заслуги? Баронесса? Герцогиня? Настоятельница?

Констанция недовольно посмотрела на него и вновь уставилась на воду.

— Мать-настоятельница, — продолжал неугомонный старик. — Или, возможно, королева? Да, это был бы самый подходящий для нее титул!

Констанция обожгла его взглядом, отчего морщинистое лицо Джеховита расплылось в ухмылке.

— Никак я попал в точку?

Констанция не ответила.

— Ты же видела, как король Дануб глядел на нее, — не унимался Джеховит. — Ты не хуже моего знаешь, что Джилсепони сумела бы найти путь к его ложу, а затем и к месту на троне рядом с ним, если бы поставила такую цель.

— Она не приняла даже титула баронессы Палмариса, — напредила Констанция, но слова эти прозвучали как-то вяло и неубедительно.

Теперь уже Джеховит с удивлением посмотрел на придворную даму.

— Она скорбит о гибели Полночника. Такая рана может никогда не затянуться, — сказала Констанция.

— Полностью — да, — согласился Джеховит. — Но рана может затянуться в достаточной степени, чтобы жизнь Джилсепони продолжалась. Меня интересует, куда она предпочтет направиться? Для нее нет запретных дорог. Вайлдерлендс, Санта-Мир-Абель, Урсал... Разве где-нибудь решатся отказать Джилсепони?

Констанция вновь повернулась к воде, однако она чувствовала на себе изучающий, оценивающий взгляд Джеховита.

— Я знаю, чего ты желаешь, — сказал старый настоятель.

— Вам хочется унижить меня? — спросила Констанция.

— Я тебе друг или враг?

Констанция засмеялась. Она прекрасно знала, где здесь правда. Джеховиту нравятся подобные игры. Он думает, что в любом случае окажется в выигрыше. Если бы Дануб женился на ней или хотя бы признал ее детей и сделал их претендентами на трон, Джеховит обязательно оказался бы рядом — само внимание и предупредительность. Но это не сделало бы настоятеля ее союзником. Констанция понимала: основная забота Джеховита — держать Джилсепони подальше от его церкви и от возжеленного поста матери-настоятельницы. И разве выдать эту женщину замуж за короля — не лучший способ добиться желаемого?

— Джилсепони заинтересовала Дануба, — согласилась Констанция. — Впрочем, думаю, ее красота и сила заинтересовали бы любого мужчину.

Придворная дама холодно и решительно поглядела на настоятеля.

— Она и в самом деле красива, — заметил Джеховит.

— Но можете не сомневаться, ей до Урсала далеко, — продолжала Констанция. —

Далеко, и путь туда намного опаснее, чем вам представляется.

Джеховит молча долго глядел на нее, затем кивнул, отвесил легкий поклон и удалился.

Констанция смотрела ему вслед, мысленно повторяя его слова и пытаясь разгадать его намерения. Этот старый лицемер явно не хочет, чтобы она подпала под очарование Джилсепони и сделалась ее союзницей. Джеховит пытался посеять семена враждебности по отношению к Джилсепони, и Констанция легко попала на его замысел.

Все это серьезно задевало Констанцию Пемблбери, стоявшую сейчас на палубе и разглядывавшую темную воду за кормой. Когда она впервые узнала о Джилсепони, эта женщина ей понравилась. Констанция восхищалась ею и рукоплескала ее борьбе против Маркворта и его порочной церкви. В глазах придворной дамы Джилсепони была союзницей государства, союзницей ее любимого короля Дануба. Пусть не особо умной и искушенной, но союзницей. Теперь все по-другому. Полуночник погиб, а Дануб очарован ею. Джилсепони из союзницы превратилась в соперницу. Констанция не хотела сознаваться себе в этом, но и отрицать такого положения вещей тоже не могла. Какими бы ни были ее чувства к Джилсепони Виндон, эта женщина стала опасной — для нее самой, для ее замыслов и, что важнее всего, для ее будущих детей.

Констанция почти презирала себя сейчас и уж точно презирала мысли, бродившие у нее в голове. Но и отбросить их она не могла.

ГЛАВА 6 ВЕСНА

Настоятель Браумин смиренно вошел в массивные ворота дворца Чейзвинд Мэнор. Капюшон его плаща был надвинут на глаза, защищая лицо от морозящего дождя. Руки скрещены на груди, а пальцы спрятаны в складках широких рукавов. Монах даже не взглянул на внушительных и грозных рыцарей из Бригады Непобедимых, выстроившихся по обе стороны прохода. Он не обратил внимания ни на их доспехи, начищенные до такой степени, что даже в пасмурный день они сияли, как стекло, ни на алебарды, преграждавшие ему путь.

Браумин понимал: герцог Таргон Брей Калас, ныне облеченный силой и властью, предложил ему встретиться на своих условиях. Противостояние между ними только начиналось, ибо со времени падения Маркворта и до самого отъезда короля Дануба город никак не мог вернуться к привычной жизни. Зима и связанные с ней хлопоты полностью поглотили как светскую, так и церковную власть. Король давно уже находился в Урсале, а большинство братьев из Санта-Мир-Абель либо возвратились в свою далекую обитель, либо готовились туда отправиться. Впервые, да, впервые за многие месяцы с момента появления демона-дракона и его гнусных приспешников простой люд Палмариса начинал жить привычной жизнью.

Браумина сразу же впустили во дворец, но затем ему пришлось более часа томиться в приемной герцога, где ему несколько раз сообщали, что Калас занят неотложными делами.

Настоятель молча молился, в основном о ниспослании терпения, которое столь необходимо в нынешние времена. Жаль, что Джилсепони не согласилась пойти вместе с ним. Уж ее-то Калас не заставил бы ждать! Однако она наотрез отказалась, заявив, что с нее довольно встреч и политических интриг.

Наконец появился служитель и пригласил Браумина следовать за ним. Войдя в кабинет Каласа, настоятель увидел, что там находятся несколько человек, по-видимому чиновников. Все они стояли, шуршали свитками и переговаривались шепотом, но таким категоричным тоном, словно их дела имели первостепенную важность. Сам герцог Калас, он же барон Палмариса, восседал за столом, склонившись над листом пергамента с пером в руке.

— Браумин Херд, настоятель монастыря Сент-Прешес, — доложил служитель.

Калас даже не поднял головы.

— Мне стало известно, что вы решили нанять каменщиков, плотников и других

ремесленников, — произнес он.

— Да, — подтвердил Браумин.

— С какой целью?

— Не важно. Это касается только меня, — ответил настоятель. Калас поднял глаза. В кабинете стало тихо. Герцог неприязненно смотрел на Браумина.

— Итак, — после тягостной паузы сказал он, — как мне сообщили, вам, видимо, заблагорассудилось расширить монастырь.

— Допустим.

— В таком случае не тратьте понапрасну время, — отчеканил Калас. — И ваше собственное, и нанятых вами ремесленников. Никакого расширения не будет.

Теперь уже лицо Браумина приняло суровое выражение.

— Земля вокруг монастыря принадлежит церкви.

— Тем не менее без непосредственного согласия барона внутри городских стен запрещается возведение любых строений, в том числе и церковных, — напомнил ему Калас.

Герцог кивнул одному из чиновников, стоящему в углу, и этот похожий на мышь человек поспешил к Браумину и подал ему документ, подписанный бароном Рошфором Бильдборо и настоятелем Добринионом Калисласом и скрепленный их печатями. Внешне казалось, что утверждение Каласа вполне справедливо.

— Здесь говорится о строениях, возводимых простолюдинами, — заметил Браумин.

Калас пожал плечами и не стал возражать.

— Этот документ имел вполне определенную цель: помешать притоку беженцев и уберечь Палмарис от перенаселения, — заключил настоятель. — И речь там идет о простолюдинах, а не об аристократах или церкви.

— Это ваше истолкование документа, — ответил Калас. — Я придерживаюсь иного мнения.

Настоятель Браумин швырнул пергамент на стол.

— В таком случае, вы искажаете намерения сторон, — заявил он. — Документ не имеет никакого отношения к постройкам внутри Сент-Прешес, поскольку земля принадлежит церкви Абея.

— Нет, мой дорогой настоятель, — поднявшись с угрожающим видом, возразил Калас.

Браумин и герцог в упор глядели друг на друга.

— Документ имеет самое прямое отношение к тому, о чем я сказал. Это официальный закон, подтвержденный столь любимым вами покойным настоятелем Добринионом. Закон, дающий мне право арестовать любого работающего у вас ремесленника и изъять орудия труда и материалы.

— Вы рискуете вызвать гнев населения.

— Равно как и вы, уважаемый настоятель, — отрезал Калас. — Вы предлагаете работу ремесленникам, которым в послевоенное время и так хватает дела. Они вполне могут обойтись без вашего предложения, но без своих инструментов им не обойтись. Так кого, хотел бы я знать, они возненавидят? Законопослушного барона или самонадеянного нового настоятеля Сент-Прешес?

Браумин молчал. Он понимал, какую игру ведет Калас. Герцог хочет взять верх и готов начать битву, которая может иметь двоякий исход. Но готов ли Браумин вступить сейчас в эту битву? Вскоре ему придется вести другие сражения — внутри церкви. Сумеет ли он выстоять, если население Палмариса обратится против него?

Браумин улыбнулся. Надо признать, на сей раз Калас одержал победу. Настоятель усмехнулся, отвесил легкий поклон, затем покинул кабинет и вышел из дворца. Несмотря на продолжавшийся дождь, он не стал натягивать капюшон. Вдоль дорожки, ведущей к воротам, все так же стояла стража. Один из стражников выступил вперед и широко распахнул ворота перед настоятелем.

— Мастера отлично поработали, — громко заметил Браумин. — Я имел в виду, после того как Джилсепони с такой легкостью снесла эти ворота и расшвыряла ваших товарищей,

попытавшихся преградить ей путь.

Стражники Бригады Непобедимых угрожающе засопели за его спиной. Брамин зашагал прочь, утешаясь, что хотя бы здесь он одержал победу.

Кровь. Запах ее был настолько густым, что он буквально ощущал ее сладковатый привкус на своем языке. Маленькая девочка поранила веткой руку и теперь, громко плача, спешила к матери. Руку она держала поднятой вверх, и тигр-оборотень видел красную, сладостно-красную полоску крови.

Де'Унnero отвернулся и закрыл глаза, твердя себе, что этого делать нельзя. Он не вправе выпрыгнуть из-за кустов и вцепиться ребенку в горло. За всю суровую зиму он убил лишь одного человека — старого пьяницу и распутника, гибель которого не вызвала сожаления ни у кого из жителей Палмариса.

Запах бил в ноздри, и Де'Унnero вновь повернулся в сторону приближающейся девочки.

Ее будут оплакивать, — твердил Де'Унnero, уговаривая себя и взывая к своим нравственным принципам. Люди, приютившие его с самого начала зимы, после того как он убил и съел поври, а затем бежал с поля близ Палмариса, сделали ему много добра. Они поочередно приглашали монаха к себе на постой и делали это с радостью. Де'Унnero не хотел есть их хлеб даром и был готов отработать свое пропитание. Но жители селения Пентхисл не нагружали его непосильной работой и всегда кормили досыта.

Всякий раз, когда тигр в нем грозил вырваться наружу и сдержать зверя не удавалось, Де'Унnero был вынужден убегать в лес. Он охотился на оленей и даже на белок и кроликов, но тот старик был его единственной человеческой жертвой.

Зима миновала, и с приходом весны у людей, как обычно, прибавилось хлопот. Де'Унnero отправился в лес в поисках добычи, очень рассчитывая поймать оленя, однако вместо этого набрел на заблудившегося ребенка. Когда он заметил девочку, то вначале сумел отвести взгляд. Де'Унnero уже собирался убежать в самую глубь леса, но в этот момент девочка поранила руку, и чересчур сладостный запах крови стал настойчиво щекотать ему ноздри.

Неожиданно для себя Де'Унnero издал негромкое рычание. Девочка замерла. Бывший епископ почуял ее страх вперемешку с упоительно-сладостным запахом крови. Он двинулся вперед. Девочка услышала хруст и пустилась бежать.

Он мог бы догнать ее одним прыжком. Один прыжок — и он перелетел бы через нее, потом распластал бы ее на земле у своих ног и обнажил прекрасную маленькую шею.

Один прыжок...

Тигр-оборотень не сдавался; совесть боролась с инстинктами зверя.

Девочка продолжала бежать, зовя мать.

Де'Унnero устремился прочь от нее, в густой кустарник. Голод оставил его; зверь внутри не желал более ни ребенка, ни оленя. Тигр отступил. Де'Унnero сосредоточил всю свою волю на обратном превращении в человека. Хрустели кости, хрустела грудная клетка, хрустели и изгибались конечности.

Больно, до чего же больно! Но монах не оставлял усилий, изгоняя тигра, отчаянно сражаясь с болью и подавляя инстинкт убивать. Наконец его глаза заволокла тьма.

Он очнулся спустя несколько часов. Де'Унnero лежал голый на влажной земле, дрожа от пронизывающего вечернего ветра. Но он быстро взял себя в руки, вскочил, нашел свое коричневое монашеское одеяние, оделся и направился в Пентхисл.

Словно нарочно, первой, кого он встретил в селении, состоявшем из нескольких крестьянских домов, была та самая девочка. Ей уже успели перевязать руку.

— Наконец-то вы пришли, — обратилась к нему ее мать, ладная женщина примерно сорока зим от роду. — Нам так требовалась ваша помощь, уважаемый брат. Моя дочка поранила руку.

Де'Унnero взял руку девочки и осторожно поднял ее, чтобы осмотреть.

— Ты хорошо промыла рану? — спросил он.

Женщина кивнула.

Монах отпустил руку ребенка, затем погладил девочку по голове.

— Ты все правильно сделала, — сказал он матери.

Де'Уннеро направился к своему дому. Но пройдя несколько шагов, он обернулся и еще раз взглянул на девочку. В лесу он мог бы с поразительной легкостью убить ее. И как ему тогда этого хотелось! Как он жаждал полакомиться ее нежным мясом!

И все же он этого не сделал. Де'Уннеро понял, что сегодня он одержал победу. Неужели пришел конец его страху? Страху, изгнавшему его из Палмариса после сражения в Чейзвинд Мэнор, когда Полночник выбросил его из окна.

Де'Уннеро понимал: то не был страх перед Полночником, королем или победившими противниками Маркворта. Монах страшился самого себя, своей чудовищной и неотступной внутренней потребности убивать. А ведь когда-то Де'Уннеро был одним из наиболее уважаемых магистров Санта-Мир-Абель и ближайшим советником отца-настоятеля. Впоследствии Маркворт сделал его настоятелем Сент-Прешес, а затем и епископом Палмариса. Он был наставником Карающих Братьев и считался величайшим из воинов, когда-либо выходивших из стен Санта-Мир-Абель, воплощением воинских традиций ордена Абея. Именно в те дни Маркало Де'Уннеро увлекся магией особого самоцвета — тигриной лапы. С помощью этого камня он научился превращать одну или обе свои руки в лапы крупного и сильного тигра. То было оружие, столь же грозное, как любой меч. В период восхождения Маркворта к абсолютной власти отец-настоятель познакомил Де'Уннеро с более высоким уровнем магии превращений. Преуспев и в этом, молодой магистр научился полностью перевоплощаться в тигра, то есть совершать одержание — именно так называется овладение телом человека или животного с помощью магических самоцветов. До него такое не удавалось никому.

Но затем произошло нечто непредвиденное. Де'Уннеро потерял камень. Впрочем, может быть, он просто слился с самоцветом, в результате чего теперь мог превращаться в тигра и без камня. Нередко вопреки собственной воле.

Это и было истинной причиной его бегства из Палмариса. Де'Уннеро боялся себя, боялся того безжалостного убийцы, каким стал.

Для человека, некогда находившегося на высотах власти, такое существование было невыносимым, невзирая на все радушие жителей Пентхисла. Возможно, отныне Де'Уннеро навсегда обречен скитаться по задворкам человеческого жилья. Каждый раз, когда неодолимая потребность убивать начнет брать верх, ему придется менять пристанище. Еще год-другой, и глядишь, ему придется скрываться от целой армии охотников, собранных едва ли не со всего королевства.

Но сегодня...

Соблазн был необычайно велик: запах страха и крови, легкое, почти бесшумное убийство. И все же он поборол этот соблазн и вышел победителем. Неужели Маркало Де'Уннеро обрел власть над своим одержанием?

Если это так, значит, он может вернуться в Палмарис, к своей церкви.

Но тут же Де'Уннеро пришлось вернуться с небес на землю: как-никак, он ведь убил барона Бильдборо и его охрану, он ранил Элбрайна. По сути, это они с Марквортом убили Полночника. Если Де'Уннеро вернется в Палмарис, что, кроме суда, может его ожидать?

— А при чем здесь суд? — вслух спросил себя Де'Уннеро.

И неожиданно — впервые за последние полгода — он улыбнулся. Доказательств его причастности к убийству барона Бильдборо нет, все это домыслы его врагов. И на каком основании он должен нести ответственность за события, произошедшие в Чейзвинд Мэнор? Разве он не выполнял свой долг, защищая отца-настоятеля? И разве Элбрайн и Джилсепони не являлись тогда преступниками в глазах церкви и государства?

— О чем это вы, святой отец? — спросила мать девочки.

Де'Уннеро тряхнул головой, возвращаясь к реальности.

— Ничего особенного, — ответил он. — Я лишь подумал, что мне, пожалуй, пора возвращаться в свой монастырь.

— Мы будем скучать, — сказала женщина.

Де'Уннеро не слышал ее слов. Он был целиком поглощен мыслями о том, какие возможности открыла ему сегодня победа над инстинктами тигра-оборотня.

Войдя в кабинет настоятеля, брат Делман застал Браумина с братом Виссенти. Они оживленно беседовали друг с другом.

— Я поплыву на «Сауди Хасинта», — сообщил брат Делман. — Капитан Альюмет рассчитывает сняться с якоря в течение недели и сказал, что будет счастлив оказать нам услугу.

— Ты говорил с ним об оплате? — спросил Браумин.

— Капитан Альюмет заверил меня, что наша борьба с Марквортом, а также защита бехренцев, живущих близ гавани, явились более чем достаточной платой.

— Какой замечательный человек, — восхищенно проговорил брат Виссенти.

— Ты понял, что ты должен сделать? — спросил Браумин.

Делман кивнул.

— Прежде всего мне надлежит встретиться с настоятелем Агронгерром и понять обстановку в аббатстве. Затем, когда я сочту, что подходящий момент наступил, можно будет сообщить, что вы решили избрать его отцом-настоятелем, и это должно произойти на Коллегии аббатов, которая будет созвана в калембре.

— Ты прежде всего — посланник, несущий известие о Коллегии. Ты также должен рассказать о том, что произошло в Палмарисе, — сказал Браумин.

— Вероятно, Агронгерр уже слышал об этом, — вмешался Виссенти. — Да и кто о них не знает?

Настоятель Браумин улыбнулся и не стал спорить, хотя и сомневался, чтобы каждый житель Вангарда слышал о событиях в Палмарисе. Разве что о смерти отца-настоятеля Маркворта, не более того. И если даже Санта-Мир-Абель направил курьера в Палмарис, чтобы рассказать подробности, в Вангарде явно не признавали всех последствий случившегося. Назревавший внутрицерковный конфликт никого там не интересует. Но вангардцы должны знать, на чьей стороне стоит брат Холан Делман. Следуя наставлениям Браумина, этот рассудительный и заслуживающий доверия монах должен показать, что он стоит на стороне победителей, сумевших утвердить победу добра над коварным злом.

— К памяти Маркворта относись с надлежащим уважением, — в который раз потребовал от Делмана Браумин. — Но пусть ни у кого не возникает сомнений о причине падения отца-настоятеля. Он перестал быть милосердным задолго до того, как ушел из жизни.

В это время в кабинет вошел брат Талюмус.

— Пойди и поблагодари Альюмета за его великодушное предложение, — велел Делману Браумин. — Передай ему нашу глубокую благодарность, а затем соберись с мыслями и готовься в путь. Отправляйся с благословением Эвелина.

Последние слова, произнесенные столь привычным тоном, немало удивили Талюмуса.

Как только Делман ушел, Браумин подал знак Виссенти, и тот быстро закрыл дверь.

Талюмус смотрел на присутствующих с тревожным подозрением.

— Здесь, в Сент-Прешес, у нас недостаточно сил. Особенно если нам предстоит противостоять герцогу Каласу, — сказал Браумин Талюмусу.

В течение минувшей зимы Калас и Браумин нередко спорили. Их споры касались второстепенных вопросов. Однако чуткий Браумин понимал: с окончанием зимы и оживлением городской жизни эти споры могут принять совсем другие масштабы.

— Джилсепони уезжает, — сообщил брат Талюмус.

— Молодец, что узнал, — похвалил его Браумин. — Смотри в оба, обращай внимание на любую мелочь.

— Она сказала, что уедет, как только дороги подсохнут, — пояснил Талюмус. — В последние дни она часто встречалась с Белстером О'Комели. Я слышал, что он тоже хочет вернуться на север. Джилсепони настойчиво уговаривает его.

— Я знал, что она уедет, — как бы больно ни было это сознавать, — посетовал Браумин. — Для церкви она была замечательным союзником, силой, способной воспрепятствовать любым покушениям на нас неумного Каласа. Но у Джилсепони свой путь, омраченный горем и гневом. Я не в состоянии убедить ее выбрать другой.

— А потому, — продолжал Браумин, — мы должны укреплять влияние Сент-Прешес.

При этих словах настоятель выразительно поглядел на брата Виссенти.

— Повышение ранга, — сделал вывод брат Талюмус.

— С этого дня Мальборо Виссенти становится магистром аббатства Сент-Прешес, — объявил Браумин, и маленький, беспокойный Виссенти вытянулся в струну. — Магистр Фрэнсис, который сегодня отбывает в Санта-Мир-Абель, позаботится о том, чтобы это назначение было одобрено на всех уровнях. Если же кто-то решит возражать, хотя для меня подобное было бы странно, то я, будучи настоятелем Сент-Прешес, обладаю правом в одностороннем порядке повышать ранг собратьев.

Талюмус искренне улыбнулся Виссенти. Потом он с недоумением взглянул на Браумина.

— Но почему ты говоришь об этом сейчас и почему за закрытой дверью? — спросил он.

Браумин усмехнулся, вышел из-за стола и примостился на его краешке напротив Талюмуса. Теперь они находились совсем рядом друг с другом. Настоятель надеялся, что помимо этого между ними возникнет также полное взаимопонимание: у них общие цели и общие задачи.

— В последние дни жизни Маркворта ты изрядно рисковал. Этот риск и твои тогдашние поступки говорят сами за себя, — начал Браумин. — Будь ты более опытным, не я, а ты стал бы настоятелем Сент-Прешес, и я бы искренне поддержал твоё назначение. Этого не случилось, но очевидно, что Талюмусу необходимо стать магистром. Однако по числу лет, проведенных в ордене, ты еще не можешь им стать. Скажу честно, мне сейчас не хотелось бы затевать битву ради твоего назначения.

— Но ведь я не просил... — стал возражать Талюмус, однако настоятель Браумин поднял руку, велел ему молчать.

— Тем не менее, как только наступит благоприятный момент, я поддержу твоё назначение, — пояснил он. — Как только позволит твой срок нахождения в ордене. Я вовсе не имею в виду, что нужно дожидаться обязательных в таком случае десяти лет. Но это дело будущего, которое, боюсь, рискует затянуться, если нашему монастырю придется бороться с бароном Каласом. Мы нуждаемся в большей силе и в большей надежности. В моем... нашем деле нужны единомышленники, способные в случае непредвиденной трагедии взять это дело в свои руки.

Слова Браумина попали в точку. Прошло не так уж много времени, с тех пор как брат Талюмус явился свидетелем убийства своего любимого настоятеля Добриниона. Монах выпрямился, напрягся и не мигая поглядел в глаза Браумина.

— Поэтому нам нужны братья, которые, подобно магистру Виссенти, занимали бы в Сент-Прешес высокие ступени в иерархии ордена, — продолжил тот. — Мне понадобятся голоса, способные поддержать меня и на Коллегии аббатов, и в борьбе против герцога Каласа. Я ценю твою преданность и потому хотел рассказать тебе обо всем этом лично и без свидетелей.

Браумин умолк и наклонил голову, ожидая ответа. Брату Талюмусу понадобилось немало времени, чтобы осмыслить сказанное.

— Ты оказываешь мне честь, — наконец проговорил он, и по его виду чувствовалось, насколько он польщен этим. — Боюсь, я ее не заслуживаю. Я отнюдь не испытывал любви к Джилсепони и Элбрайну. Я боялся...

— Мы все боялись, однако ты стал действовать в правильном направлении, — перебил его Браумин.

Виссенти кивнул, поддерживая слова друга.

— Теперь мне понятен смысл битвы в Чейзвинд Мэнор, — ответил Талюмус. — Мне ясен мой путь — сияющая дорога, вымощенная славой истинной церкви Абея. Пусть пока мой голос не имеет силы магистра, но он будет настойчивым в поддержке настоятеля Браумина Херда и магистра Виссенти.

Все трое искренне улыбнулись друг другу. Теперь их связывали крепкие узы, необходимые в борьбе против Каласа и тех сил внутри церкви Абея, которые не желали считаться с реальной действительностью и панически боялись любых перемен.

* * *

Когда-то Фрэнсису думалось, что путь его служения будет легким. Его начальные шаги по этому пути были широкими и уверенными. Но сейчас, размышляя о реальных событиях, с которыми он столкнулся, Фрэнсис начинал понимать, что это путешествие может оказаться трудным и опасным, во всяком случае, для церкви. Чем-то оно напоминало ему путь, впервые приведший его в Палмарис. Сейчас Фрэнсис двигался как по натянутой струне, лавируя между видевшейся ему церковью будущего и церковью прошлого, которой он служил. Он верил в дело Браумина и в правоту магистра Джоджонаха, сожженного за свои убеждения у позорного столба. Он верил в дело Эвелина Десбриса, бежавшего от послушной Маркворту церкви Абея и уничтожившего телесное воплощение пробудившегося демона-дракона.

Да, магистр Фрэнсис был вынужден признать правоту Браумина и других братьев относительно Джоджонаха и Эвелина. Ему пришлось согласиться с тем, что Джилсепони и Элбрайн действительно были героями, а не врагами церкви и государства. Однако Фрэнсис помнил и последние слова Маркворта: *Смотри, как бы твоя борьба за гуманизм не разрушила тайну вещей духовных.*

Раскрытие секретов магии самоцветов несло в себе огромную опасность. Не опасность войны с необузданным применением магических сил, но опасность секуляризации области духовного, уничтожения тайны жизни и принижения славы Божьей. Какое благо принесет тогда церковь миру, думал Фрэнсис, если она, стремясь быть более милосердной, одновременно лишит людей истинного вдохновения веры и обещания вечной жизни? Не важно, знает человек секреты камня души или нет, ему, как и любому, однажды суждено умереть. И насколько мрачнее и тягостнее будет этот момент как для самого умирающего, так и для оставляемых им близких, если исчезнет вера в вечную жизнь. Те, кто вступал в орден Абея, проводили несколько лет в обучении, прежде чем попасть в Санта-Мир-Абель или другой монастырь. В обители они снова многие годы учились, прежде чем постичь тайны самоцветов. Монахи церкви Абея знали истинную природу самоцветов. Им был понятен смысл сияющих колец на небе и потоков, приносящих камни на землю. Однако монахи были защищены силой своей веры, укрепленной годами учебы. А как поведет себя простой человек, не знающий, что такое дни, недели, месяцы и годы сосредоточенных благочестивых рассуждений и погружения внутрь себя? Не посчитает ли такой человек камни души — самую суть религии Абея — *природным* явлением, таким же, как огонь, который он разводит для тепла, или катапульты, при помощи которых королевская армия разрушает вражеские укрепления?

Фрэнсис не знал ответов на эти вопросы. Чтобы понять смысл последнего предостережения Маркворта, наверное, нужен более мудрый и опытный человек, чем магистр Фрэнсис.

Помимо всего прочего, магистр Фрэнсис хорошо знал положение дел в Санта-Мир-Абель. В главном монастыре у них окажется больше противников, нежели союзников. Потому-то Фрэнсис, в прошлом правая рука одержимого демоном Маркворта, чувствовал

себя сейчас очень неуверенно. Если бы тогда он решительно выступил против Маркворта, то его обвинили бы в пособничестве бунтовщикам и его собственный голос утратил бы силу. Вместе с тем ему было не по душе правление покойного отца-настоятеля. Сейчас Фрэнсис понимал это. Было очевидно: если бы церковь продолжала идти путем Маркворта, народ отвернулся бы от нее, а Браумин и его единомышленники основали бы церковь Эвелина Десбриса.

Мысли эти не давали покоя молодому магистру, в недавнем прошлом епископу Палмариса и верному прислужнику Маркворта. Фрэнсис считал, что эти должности требовали куда большего опыта и способностей, чем были у него.

Теперь ему предстояло вернуться в Санта-Мир-Абель. Эта дорога одновременно была дорогой в прошлое и будущее. Там его ждали собратья-магистры, нуждавшиеся в его поддержке. Кроткий Мачузо, которому постоянно нужны слова ободрения. В памяти всплыли имена еще двух магистров, более уверенных в себе, но менее постоянных в своих пристрастиях, — Бурэя и Гленденхука. Этим перемены не по душе, и они, скорее всего, станут сопротивляться принижению памяти отца-настоятеля Маркворта, которому с радостью служили.

Перед мысленным взором Фрэнсиса возник образ магистра Бурэя с горящим факелом в руке. Как он ликовал, когда еретика Джоджонаха объяло пламя костра!

Фрэнсис услышал, как сзади отворилась дверь. Он обернулся и увидел настоятеля Браумина.

— Значит, я застал тебя, — сказал настоятель. — Надеюсь повидаться с тобой перед дорогой.

Фрэнсис кивнул, хотя сам он не видел смысла в этой прощальной встрече. Их взгляды на мир не совпадали. Фрэнсису казалось, что Браумин чересчур категоричен: либо белое, либо черное. Браумин, в свою очередь, был недоволен отказом Фрэнсиса поддержать назначение Джилсепони матерью-настоятельницей. Правда, потом они все же достигли взаимопонимания.

— Тебе удалось поговорить с настоятелем Джеховитом перед его отплытием? — спросил Браумин.

Фрэнсис усмехнулся.

— Ты боишься, что такой разговор состоялся?

— Боюсь?

Фрэнсис вновь усмехнулся.

— Я действительно говорил с ним, и он сказал мне то же, что, как мне думается, сказал тебе, когда вы беседовали с ним в ожидании последней встречи с королем Данубом, — ответил Фрэнсис. — Настоятель Агронгерр представляется мне отличной кандидатурой. Этот человек обладает врачующей душой. Я бы сказал, именно такой душой, которая столь необходима нам внутри церкви.

— Следовательно, ты поддержишь его избрание?

— Мне хотелось бы побольше узнать об Агронгерре, но и сейчас я могу сказать «да», — ответил Фрэнсис.

— И это все, о чем сообщил тебе настоятель Джеховит?

Фрэнсис исподлобья посмотрел на Браумина, пытаясь разгадать, зачем ему понадобились эти вопросы.

— Память о Маркворте. Вероятно, это тебя интересует, — произнес он.

Браумин с мрачноватой усмешкой слегка кивнул.

— Поверь мне, брат, я в большей степени ошеломлен случившимся, чем ты, — уверил его Фрэнсис.

— Но ты же знаешь, в какое ходячее зло превратился Маркворт?

— Я знаю о заблуждениях, которые были свойственны этому человеку, — резко ответил Фрэнсис.

— Ты увличиваешь, — упрекнул его Браумин.

Фрэнсис немного подумал.

— Отхожу в сторону, — поправил он собрата. — Рассуждения Маркворта, несомненно, были ошибочными, но в его словах была и правда, которую настоятелю Браумину не мешало бы выслушать.

Лицо настоятеля стало напряженным.

— Мы уже говорили об этом, — заметил Фрэнсис, поднимая в знак примирения руки. — Наши воззрения не настолько уж отличаются, чтобы ты боялся меня, настоятель Браумин. Я отправляюсь в Санта-Мир-Абель, чтобы рассказать правду о событиях в Палмарисе.

— Какую именно правду? — недоверчиво спросил Браумин.

Фрэнсис снова усмехнулся.

— Мы с тобой еще слишком молоды для того, чтобы быть до такой степени циничными, — заметил он. — Трагические события в Палмарисе разрешили многие противоречия, только вот цена оказалось непомерно высокой. Маркворт ошибался, и он честно признался мне в этом перед смертью. Поэтому я оказал поддержку Браумину Херду и Джилсепони.

— Но ты против того, чтобы ее сделали матерью-настоятельницей, — напомнил ему Браумин.

— Мне не хочется разрушить то, что осталось от самого устойчивого человеческого сообщества во всем королевстве, — поправил его Фрэнсис. — Я уверен, что мы выйдем на общий путь, но двигаться нужно небольшими шагами, а не головокружительными скачками. Простой народ до сих пор пребывает в страхе и смятении, и наш долг — нести им утешение. — Фрэнсис пристально и решительно поглядел на Браумина, затем добавил: — Я не являюсь твоим врагом. Но мы не можем считать отца-настоятеля Далеберта Маркворта врагом церкви.

— А Джоджонаха и Эвелина?

— Я хочу обнародовать то, что нам стало известно в последние месяцы, — без колебаний ответил Фрэнсис. — Они должны стоять рядом с Элбрайном-Полуночником как победители тьмы. Да, брат мой, именно так я намерен рассказать о событиях в Палмарисе. Магистр Джоджонах простил меня, зная о том, что обречен, — это громадный подвиг! И я позабочусь о том, чтобы его прах был погребен в освященной земле, а его доброе имя полностью восстановлено.

— А имя Эвелина? — напомнил настоятель.

— В его личности и поступках надо тщательно разобраться, — ответил Фрэнсис. — Если на Коллегии аббатов ты поднимешь вопрос о канонизации брата Эвелина, я тебя поддержу. Я сделаю это от всего сердца, искренне и убежденно. Но это не означает, что я считаю его святым. Необходимо расследование, которое, возможно, приведет нас к такому выводу. Давай оценивать этого человека по его истинным поступкам и склонностям. Нужно решить: действительно ли Эвелин видел истину?

— По-твоему, его святость — это предмет философских дебатов? — спросил Браумин.

— Не святость, вовсе нет, а его взгляды, — возразил Фрэнсис. — Я согласен голосовать в поддержку канонизации Эвелина, но это еще не значит, что я обязательно верю, будто его воззрения верны. Его намерения — вот что будет определять решение тех, кто отвечает за вероучение церкви. Но в любом случае моя поддержка не будет зависеть от воззрений этого человека на церковь Абея, даже если таковые у него и имелись.

Фрэнсис умолк. Настоятель Браумин долго обдумывал его слова. В конце концов он утвердительно кивнул головой.

— Следуй по своему пути с мудростью и осмотрительностью, брат, — сказал Браумин. — Думаю, твои рассуждения встретят больше противников, нежели сторонников.

— Перемены в церкви происходят медленно, — сказал Фрэнсис, и Браумин ушел.

Вскоре магистр Фрэнсис Деллакорт, тридцати лет от роду, покинул Сент-Прешес. Ему казалось, будто он несет на своих плечах тяжесть всего мира. Магистра сопровождало около

двадцати монахов — те самые братья, которые несколько месяцев назад прибыли в Палмарис вместе с отцом-настоятелем Марквортом.

— Что нас здесь удерживает? — вполне серьезно спрашивала Пони.

Разговор происходил в шумном трактире «У Томнодди».

— Неужели ничего? — спросил в ответ улыбающийся Белстер О'Комели.

Сегодня голос его звучал необычно мягко. Белстер был рад, что окружающая жизнь вновь начала волновать Пони. Не важно, что ее предложение отнюдь не вдохновляло грузного трактирщика и он не торопился дать Пони свое согласие. И все же Белстер обрадовался, когда Пони стала уговаривать его отправиться на север. Накануне тех трагических дней они серьезно поспорили и едва не поссорились, когда Пони упрекнула Белстера за предрассудки по отношению к темнокожим беженцам.

— Прим О'Брайен тоже собирается на север, — напомнила ему Пони.

— Он говорит об этом с прошлого лета, едва выдается погожий день, — возразил Белстер. — Сомневаюсь, что он вообще стронется с места.

— Пора возвращаться домой, Белстер, — серьезно проговорила Пони. — Я уверена в этом и потому через два дня уезжаю. Надеюсь, ты поедешь со мной через Кертинеллу в Дундалис. Мне нужно, чтобы ты там был.

— А что я там буду делать, девонька?

— Восстанавливать то, что разрушено войной, — без запинки ответила Пони. — Ты построишь новую «Унылую Шейлу» на месте прежней. На каменном фундаменте, на котором когда-то стоял дом Элбрайна.

— Быть может, там уже построили какой-нибудь дом, — пробормотал Белстер.

Он потянулся к кружке с пенистым элем и наполовину осушил ее.

— Томас обещал мне, что оставит это место для меня, — сказала Пони. — Пусть выполняет обещание, даже если ему придется снести свой собственный дом.

— Ты намерена увезти туда часть самоцветов? — напрямую спросил Белстер, и ему тут же захотелось взять эти слова обратно, когда он увидел, как помрачнело прекрасное лицо Пони.

— Я восстановлю трактир, — тихо сказала Пони. — Может, он будет называться «Унылая Шейла», а может, я назову его «У доброго друга» в память о Чиличанках. Будет здорово, если Белстер О'Комели окажется рядом. Но даже если ты не согласишься, через два дня я все равно уеду.

— Ты никак собираешься сделаться трактирщицей? — недоверчиво спросил Белстер. — Это после всего того, что ты совершила? После того, что тебе пришлось пережить? Не боишься, девонька, что подобное занятие тебе скоро наскучит?

— Я намерена открыть трактир, — искренне ответила Пони. — Я хочу сидеть на закате вместе с Роджером где-нибудь на холме и слушать, как из леса доносятся трели Смотрителя. Я хочу ухаживать за роцей...

Тут ее голос дрогнул, и Белстер с сочувствием посмотрел на Пони.

— А ты уверена, что не сбежишь из Дундалиса? — резко спросил он. — Или здесь у тебя нет больше дел?

Задавая этот вопрос, Белстер знал, что не получит ответа. Он понял, что ее решение твердо. Пони не поехала на север вместе с саркофагом Элбрайна. Ее не было там, когда его тело опускали в холодную землю. Так есть ли у Белстера право отговаривать ее? Они с Элбрайном спасли его жизнь и жизнь всех его друзей в кровавые дни войны и в те мрачные времена, которые наступили сразу же после уничтожения демона-дракона. Рискуя собой, Пони и Элбрайн охраняли беженцев. Трактирщик не сомневался: если бы демон схватил его и поместил на самое дно черной бездны, Пони с Элбрайном поспешили бы на выручку и спасли ценой собственной жизни.

— Через два дня? — переспросил Белстер. — Ты уже разговаривала с Дейнси?

Так звали девушку, прислуживавшую в трактире Чиличанков, пока Маркворт силой не

захватил это несчастное семейство в плен. Потом, откликнувшись на просьбу Пони, Белстер с Дейнси вновь открыли «У доброго друга».

— Дейнси остается, — ответила Пони. — Ей здесь будет лучше.

— Бедная девчонка и в самом деле заслужила хоть немного покоя, — согласился Белстер, зная, сколько всего успела пережить Дейнси Окоум.

Трактирщик громогласно рассмеялся и допил эль. Потом он отер с губ пену и мельком взглянул на Пони, обнаружив, что та внимательно и неотрывно смотрит на него.

— Значит, через два дня? — снова спросил он.

Суровое лицо Пони озарилось улыбкой.

— Встретишь меня у ворот Сент-Прешес, — сообщила она. — И не опоздай! Я собираюсь выехать рано утром, чтобы провести в пути весь день.

— Найди для меня лошадь, — попросил Белстер, покорно вздохнув. — Перед тем как ехать в эту глушь, я намерен потратить все деньги, какие у меня водятся.

Он махнул трактирщику за стойкой, чтобы тот вновь наполнил его кружку.

Пени поцеловала Белстера в щеку и торопливо покинула заведение. Она направилась прямо в Сент-Прешес, где ее ждал разговор с настоятелем Браумином. Пони знала, что весть о ее отъезде больно ударит по этому человеку, ставшему ей другом.

Браумина она застала в кабинете. Когда-то это был кабинет настоятеля Добриниона Калисласа, потом епископа Фрэнсиса. Браумин беседовал с братом Андерсом Кастинагисом, когда-то самым ревностным последователем Джоджонаха. Пони услышала его взволнованный голос задолго до того, как вошла в кабинет.

— Рад тебя видеть! — приветствовал ее Браумин.

Она села на стул, стоявший по левую сторону его стола. Кастинагис остался стоять. Упершись большими руками в стол, Кастинагис пристально смотрел на нового настоятеля Сент-Прешес.

— Мы тут говорили об отъезде магистра Фрэнсиса. — пояснил Браумин. — Сегодня он отправился в Санта-Мир-Абель, чтобы рассказать братьям о создавшейся обстановке и заручиться их поддержкой в избрании брата Виссенти магистром.

Голубые глаза Пони широко раскрылись от удивления.

— Так быстро? — спросила она.

Пони заметила, как Браумин помрачнел, поэтому быстро добавила:

— Впрочем, он действительно достоин этого звания больше, чем кто-либо.

— Я тоже так считаю, — сказал Браумин. — Вскоре срок пребывания брата Виссенти в ордене достигнет минимально требуемого времени, посему вряд ли будут серьезные возражения на этот счет.

— Если только магистр Фрэнсис должным образом обоснует это избрание, — заметил Кастинагис.

Теперь Пони стала ясна причина их спора.

— Ты не доверяешь магистру Фрэнсису? — спросила она у Кастинагиса.

— А я, по-твоему, должен ему доверять?

— Да, — ответила Пони, но краткость ее ответа несколько не успокоила Кастинагиса.

— Брат Кастинагис хотел бы сопровождать магистра Фрэнсиса, — пояснил Браумин, — но мне никак не удастся ему объяснить, что мы, последователи взглядов Эвелина, находимся здесь, в Палмарисе, в более тяжелом положении, чем где-либо. При том, что магистр Фрэнсис покинул нас, а брат Делман вот-вот отплывет в Вангард, нас, разделяющих воззрения Эвелина, остается всего-навсего пятеро — это мы трое, Талюмус и Виссенти. Если мы действительно собираемся противостоять герцогу Каласу, мы прежде всего должны сплотить братьев Сент-Прешес.

Последняя фраза предназначалась исключительно Пони и Кастинагису.

— Скоро вас останется четверо, — перебила его Пони, вызвав удивление обоих монахов. — Белстер О'Комели согласился. Через два дня я выезжаю в Кертинеллу.

От ее слов настоятель Браумин ссутулился в своем кресле, а брат Кастинагис так и

остался стоять, качая головой. Новость не являлась такой уж неожиданной, однако Браумин рассчитывал задержать Пони в Палмарисе хотя бы до середины лета.

— И сколько времени ты будешь в Кертинелле? — спросил настоятель.

— Несколько дней, не больше, — ответила Пони. — Я надеюсь оказаться в Дундалисе до начала лета, чтобы к зиме успеть построить себе дом.

Успеть построить дом. В мозгу Браумина эти слова прогремели, как колокол: решение принято, и принято бесповоротно.

— Не торопись пускать корни в Дундалисе, — посоветовал он.

— Возможно, тебе еще придется вернуться, — добавил брат Кастинагис. — Сейчас Палмарис — центр важных событий. По крайней мере, будущее церкви решается здесь.

Он все более распалялся и говорил все громче.

— Ведь память о магистре Джоджонахе и память об Эвелине...

Браумин громко прокашлялся, чтобы остановить эту тираду. Кивком головы он указал Кастинагису на дверь, и тот понял, что ему лучше уйти.

— Слишком уж он порывистый, — сказал Браумин, когда Кастинагис ушел.

— Боюсь, он переоценивает наши силы, — добавила Пони.

— Ты так думаешь?

Вместо ответа Пони лишь улыбнулась.

— А может, горе мешает тебе понять важность того, что происходит? — спросил настоятель Браумин.

— Скорее, мне открылась правда, — быстро ответила Пони. — Правда о том, что мир полон глупости и ложных надежд. Что ты предложишь мне в качестве утешения? Вечную жизнь?

Во взгляде Браумина гнев странным образом сочетался с состраданием.

— Даже если я приму определение вечной жизни, которое дает ваша церковь, я и тогда буду утверждать, что брат Кастинагис ошибается, — заявила Пони. — Что бы мы ни делали в этом мире, все мы умрем. Верно?

Браумин, не сводя с нее глаз, лишь бессильно усмехнулся и покачал головой. Он понимал: Пони сбилась с пути, сдалась, и ему никак не переубедить ее.

Пони подошла к Браумину и обняла его.

— Ты мой друг, Браумин Херд, — сказала она. — Настоящий друг мне и Элбрайну, родственник нам душой и сердцем. В самый тяжкий и мрачный час ты стоял с нами рядом, и благодаря тебе мир стал чуточку лучше.

Браумин отстранил ее.

— Если ты действительно в это веришь, — начал он, но Пони приложила свой палец к его губам.

— Я тебе обещала, что буду присутствовать на открытии часовни Эвелина в Кертинелле, как только ее построят. Дай мне знать, и я приеду.

— Но могут пройти годы, прежде чем появится эта часовня, — возразил настоятель.

— Мы с тобой молоды, мой друг, — сказала Пони.

Она вновь обняла монаха, поцеловала его в щеку, а потом тихо вышла из его кабинета.

Браумину показалось, что у него разорвалось сердце. Он вдруг почувствовал себя очень одиноким и испуганным. После битвы в Чейзвинд Мэнор он, невзирая на весь ужас случившегося, еще на что-то надеялся. Когда Фрэнсис объявил, что изберет Пони матерью-настоятельницей, Браумин всерьез полагал, что эта женщина, его героиня, встанет во главе их мятежной церкви. И даже после ее отказа занять высокое место в церковной иерархии Браумин считал свою позицию прочной, а продвижение последователей Джоджонаха и Эвелина — делом очевидным и успешным.

Но затем Фрэнсис объявил, что не будет поддерживать Пони. И хотя у Фрэнсиса постоянно происходили стычки с настоятелем Джеховитом, сейчас Браумин удивлялся, почему он мог так доверять Фрэнсису.

А теперь Пони уезжает. Правда, с ним остаются Кастинагис и Виссенти. Помимо них

есть еще брат Талюмус и несколько младших монахов Сент-Прешес, которые тоже поддерживают его дело. И все равно Браумином овладел страх: ведь теперь он один отвечал за все. В первую очередь ему придется воевать с упрямым герцогом Каласом, ему придется отвечать на любые вопросы, поступающие сюда из Санта-Мир-Абель. И он же будет главным защитником дела магистра Джоджонаха на Коллегии аббатов. Ему предстоит нелегкая задача: убедить в правоте этого дела многих иерархов церкви, включая и тех магистров из Санта-Мир-Абель, у которых еще менее года назад Браумин находился в подчинении.

Только сейчас, услышав звук закрывшейся двери, настоятель Браумин осознал горечь ситуации. Он зависел от Пони, рассчитывая, что она будет защищать и воодушевлять его и вместе с ним вести битву во имя дела Эвелины и Джоджонаха.

Браумину стало очень страшно.

Через два дня, под морозящим утренним дождем, Пони с Белстером О'Комели выехали в маленькой повозке из северных ворот Палмариса. Подскакивая на ухабах, повозка покатила по дороге, ведущей в Кертинеллу. Многочисленные прохожие оборачивались им вслед, провожая глазами. Отъезд знаменитой женщины не прошел незамеченным и для окрестных крестьян, которые также глядели вслед повозке и перешептывались.

На холме, возвышавшемся за крестьянскими домами, спрятавшись между деревьев, вслед удалявшейся повозке смотрел и Маркало Де'Уннеро. Об отъезде Пони он услышал от крестьян и теперь был очень рад, что слухи подтвердились. Меньше всего он хотел столкнуться с Пони лицом к лицу. Тогда, думал он, дело обязательно закончилось бы схваткой, в которой он непременно потерпел бы поражение.

Повозка скрылась из виду, а Де'Уннеро еще долго сидел на холме, глубоко задумавшись. Он снова и снова повторял, что зверя внутри себя он одолел. Он победил внутреннего демона и потому готов вновь занять свое законное место в ордене Абея.

Правда, трудно сказать, каким теперь будет это место.

В течение всей жизни Маркало Де'Уннеро никогда не испытывал ни страха, ни сомнения. Так чего же ему бояться и в чем сомневаться сейчас? Он порывисто встал со своего мшистого ложа и спустился с холма на дорогу, двинувшись к Палмарису. Он попался на глаза тем же крестьянам, которые совсем недавно махали вслед удалявшейся Пони, но те не обратили на него никакого внимания.

А почему должно быть иначе? — спросил себя Де'Уннеро. Он почти ничем не напоминал их бывшего епископа, человека, который несколько месяцев назад бежал из Палмариса. Он похудел, оброс густой бородой. Курчавые черные волосы стали на несколько дюймов длиннее и почти достигали плеч. Похоже, что стража у открытых северных ворот вообще не заметила его появления и даже не спросила его имени.

В сутолоке городских улиц Де'Уннеро ощутил себя еще более невидимым, и это почему-то не понравилось ему. Умом бывший епископ понимал, что это хорошо. Как-никак, тогда ему не устраивали торжественных проводов! И все же что-то угнетало Де'Уннеро. Ему не нравилось, что он ничем не отличается от людей, которых считал ниже себя.

Довольно скоро он достиг ворот Сент-Прешес. Здесь он остановился, чувствуя, как внутри клокочет гнев. Крестьяне называли ему имя нового настоятеля, и, услышав это, Де'Уннеро захотелось плюнуть на монастырскую стену. Браумин Херд? Когда Де'Уннеро бежал из города, этот человек не был даже магистром! Разумеется, он знал, что Маркворт собирался сделать Браумина магистром из чисто политических соображений, а отнюдь не из-за выдающихся качеств этой посредственности.

Де'Уннеро долго простоял у ворот, с трудом подавляя гнев. Он твердил себе, что ему необходимо вписаться в новый порядок своего ордена!

— Тебе требуется помощь, брат? — спросил Де'Уннеро подошедший к нему монах.

Де'Уннеро откинул капюшон и бросил на монаха тяжелый взгляд.

— Не узнаешь меня, брат Диссин? — довольно резко спросил Де'Уннеро.

Монах присмотрелся и широко раскрыл глаза от удивления.
— Епис-скоп Де'Уннеро, — заикаясь пробормотал он. — Но я... я думал...
Де'Уннеро резко поднял руку.
— Проведи меня внутрь, — потребовал он. — И доложи обо мне новому настоятелю.

ГЛАВА 7 БРИНН ДАРИЕЛЬ

Она подкрадывалась все ближе и ближе, изо всех сил стараясь не расхохотаться. Это-то как раз было тяжелее всего. И хотя то, чем она сейчас занималась, было одним из главных уроков в ее обучении, самой Бринн Дариель происходящее казалось простой и легкой игрой. Девочка откинула упавшую на глаза длинную прядь черных волос — настолько черных, что в них буквально тонули все цвета радуги. Столь же черными были и глаза Бринн. Она закусил губы, чтобы не прыснуть со смеху.

Она и белохвостый олень увидели друг друга одновременно. Пока девочка не делала резких движений и не издавала громких звуков, животное ее не боялось. Сейчас Бринн мурлыкала себе под нос нежную пастушескую песню, которую знала с раннего детства — еще до того, как попала к эльфам тол'алфар.

Бринн пригнулась и медленно подалась вперед, выставив ногу и утопив ее во влажной траве. Потом она медленно, очень медленно, перенесла на эту ногу тяжесть своего тела.

Еще шаг. Казалось, олень застыл на месте не в силах отвести от нее глаз. Бринн тоже остановилась и даже закрыла рот, хотя мурлыкать не перестала. Прошло несколько мгновений, и Бринн стала поднимать руку с раскрытой ладонью, на которой лежали кусочки сладкого тростника — по-эльфийски *пулосса*.

Олень почуял запах. Он наострил уши, ноздри его затрепетали.

Бринн Дариель сделала глубокий вздох, стараясь дышать бесшумно. Она собрала все свое терпение, ибо девочке очень хотелось вскочить и подбежать к красавцу оленю. Вместо этого Бринн медленно, осторожно подходила все ближе. И вот она рядом с оленем. Девочка начала кормить его с руки, нежно гладить сильную шею и чесать за ушами.

Бринн знала, что за ней пристально, следят, оценивают каждое движение, но сейчас это ее не заботило. Все мысли и чувства девочки были обращены к красивому и грациозному оленю. Теперь у нее появился новый друг.

Сколько радости подарил ей этот замечательный весенний день в волшебном краю эльфов!

Белли'мар Джуравиль, скрывавшийся в густом кустарнике, обхватил голову руками и тихо застонал. Способна ли эта своенравная девчонка хоть что-нибудь сделать так, как ей велят?

Впрочем, Джуравиль тут же улыбнулся. Он подпал под чары Бринн Дариель, она околдовала его. Такой женщины в мире людей он еще не встречал. В Бринн удивительно сочетались воинский дух тогайранцев — свирепых степных кочевников западного Бехрена и беспредельная дерзкая игривость, какой Джуравилью не приходилось видеть даже у эльфов. По-настоящему эту девочку звали Дариель Цочак, однако госпожа Дасслеронд сразу же добавила имя Бринн. Так звали древнюю героиню эльфов, передавшую свою жизнь и душу духу дерева, которое стало сердцем их волшебной долины. *Бринн* на языке эльфов означало «бабочка». По странной иронии, в их языке существовало и слово, очень близкое по звучанию к *Дариель*, означавшее «пчелиное жало». Получалось, что Бринн Дариель — это «бабочка с пчелиным жалом». Джуравиль поражался, насколько точно такое сочетание подходило для этой малышки!

— Тебе велели охотиться на оленя, а не приручать его, — суровым тоном произнес Джуравиль, подходя к Бринн.

Олень спокойно слизывал остатки тростника с руки девочки.

— Ты велел мне дотронуться до оленя, — ответила сидевшая на корточках Бринн.

На ее смуглом лице сияла ослепительная улыбка.

Вся из противоречий, — подумал Джуравиль. У Бринн были удивительно светлые глаза, но с совершенно черными зрачками. Кожа девочки была как у всех тогайранцев — смуглее кожи жителей Хонсе-Бира и, конечно же, значительно смуглее тонкой и гладкой золотистой кожи эльфов. И вместе с тем казалось, что ее кожа обладает каким-то внутренним сиянием. С одной стороны, Бринн Дариель отличалась кротостью и дружелюбием по отношению к кроликам и оленям. Но с другой — в ней жил яростный воин, способный с первобытной свирепостью биться за свою жизнь. Эльфы уже столкнулись с этой стороной Бринн, когда забирали девочку сюда, чтобы впоследствии обучать искусству би'нелле дасада.

В Бринн удивительно сочетались сложность и простота. Она обладала лучшими качествами, присущими и людям, и эльфам. Джуравиль знал: ее обучение будет успешным. Он был рад, что госпожа Дасслеронд вручила девочку его заботам.

— Смысл этого урока состоял в том, чтобы незаметно подкрасться к оленю, — попытался объяснить Джуравиль. — Ты должна научиться бесшумной охоте.

— А разве не лучше подружиться с врагами или с добычей? — простодушно спросила Бринн. — Тогда ее легко убить, — добавила она, глядя в огромные оленьи глаза.

Джуравиль не поверил. Вряд ли Бринн действительно сможет убить оленя, даже если ей будет угрожать голод.

— Мы же говорили с тобой, в чем должен заключаться урок, — вновь попытался объяснить ей Джуравиль.

— Но разве не ты говорил мне, что я должна учиться действовать по-своему? — тут же парировала Бринн.

Джуравилью опять захотелось обхватить голову руками. Олень повернулся, намереваясь убежать. Бринн слегка шлепнула его по крупу — пусть убегает побыстрее.

— Разве я должна подражать всем остальным? — спросила девочка, вытирая руки и становясь рядом с эльфом.

Она была почти одинакового роста с Джуравилем.

— Мне что же, нужно становиться такой, как силач Андаканавар, и одним взмахом меча рассекать гоблинов надвое? Или я должна походить на Полуночника — великого воина, который отправился на гору Аида, чтобы победить величайшего на свете дракона?

Голос Бринн дрогнул, и она потупила глаза, заметив, как помрачнело прекрасное, светлое лицо Джуравилья.

— Прости меня, — тихо произнесла Бринн.

Джуравиль отнял руки от лица и с трудом улыбнулся.

— Не надо извиняться, — сказал он. — И не надо никому подражать. Но быть в какой-то степени похожей на тех, кого ты назвала, не так уж и плохо.

— В основном на Полуночника, да? — спросила Бринн. — Расскажи мне еще что-нибудь о нем.

— О нем нужно много рассказывать, — ответил Джуравиль.

— Но у нас же целый день впереди! — радостно отозвалась Бринн. — Ты, наверное, думал, что я целый день буду выслеживать оленя. Видишь, еще утро не кончилось, а я уже выполнила урок.

Джуравиль хотел было возразить, но обезоруживающая улыбка девочки оказалась сильнее. Он подумал: наверное, Бринн спросила об Элбрайне лишь затем, чтобы загладить боль, которую могли причинить эльфу ее слова о погибшем друге. Но когда он увидел, какой радостью светится ее лицо, увидел ее ослепительную и бесхитростную улыбку (впрочем, он по собственному опыту знал, что не такая уж эта улыбка и бесхитростная), Джуравиль не смог ей отказать.

Он повел девочку на поросший мхом берег, усадил и стал рассказывать об Элбрайне. Сначала о том, как мальчишкой Элбрайн стал свидетелем того, как гоблины разрушили его

родной Дундалис. Потом рассказал об Элбрайне-подростке: порывистом, упрямом и горделивом, который доставлял немало огорчений своей наставнице Тантан. Наконец, Джуравиль поведал Бринн, как Элбрайн стал Полуночником — Защитником, каких не знала долина Эндур'Блоу Иннинес. Он рассказал о походе на Аиду, о битве с демоном-драконом и о последующем возвращении оттуда, чтобы продолжить битву, но уже с бессмертным духом демона. Со слезами на глазах Белли'мар Джуравиль рассказывал о гибели Полуночника, отдавшего жизнь во имя спасения мира.

Эльф закрыл глаза и нарисовал Бринн картину последнего путешествия Полуночника. Кентавр Смотритель и самый удивительный в мире конь по имени Дар повезли саркофаг с его телом по улицам большого города Палмариса, а потом — мимо больших и малых селений — на север, в его родной Дундалис.

Завершив повествование, Джуравиль открыл глаза и увидел, что Бринн стоит рядом. Лицо ее было исполнено грусти и сострадания.

— Спасибо, — прошептала она и обняла своего наставника.

Джуравиль повел девочку по цветущим весенним склонам и перелескам долины эльфов Эндур'Блоу Иннинес в самое сердце их мира — в самую глубь леса, где стояли деревянные домики вперемешку со скромными невысокими каменными строениями. То был Кер'алфар — *родной дом народа*, так он назывался на языке эльфов. Здесь пели и танцевали, сочиняли стихи и предавались философским размышлениям. Здесь учили мудрости, накопленной веками. Несколько тысяч лет ничто не нарушало покой этого священного места, и эльфы привыкли думать, что так будет всегда. Но потом пробудился демон-дракон, и в один из тех мрачных дней госпожа Дасслеронд поспешила на выручку Джуравиллю и беженцам из мира людей, которых спас Джуравиль. Демон-дракон напал на них и наверняка уничтожил бы, если бы не магия госпожи Дасслеронд. С помощью изумруда необычайной силы она перенесла себя, Джуравилля и беженцев в долину эльфов. Предводительница не подозревала, что под действие ее магии попал и Бестесбулзибар. Прежде чем его изгнали из долины, он нанес земле незаживающую рану. Дракон поразил землю гниением, и зловещее пятно медленно увеличивалось в размерах.

На пути в Кер'алфар Джуравиль и Бринн прошли мимо этого страшного места. Пока наследие дракона затронуло лишь одно дерево, которое еще не погибло, но лишилось буйной листвы, покрывавшей его в былые годы. Человеческому зрению положение не казалось столь уж угрожающим. Однако у эльфов время текло по-иному: прожитый людьми год был для них не более чем месяц. Поэтому оставленный Бестесбулзибаром след был для них сродни началу пожара.

Взглянув на дерево, Джуравиль, как обычно, вздрогнул. Он понимал, насколько смертельно больно это дерево, и знал, что все произошло по его вине. Наверное, ему следовало тогда бросить беженцев и отправиться на Аиду вместе с Полуночником, Джилсепони и братом Эвелином. Ведь госпожа Дасслеронд столкнулась с Бестесбулзибаром только потому, что одному из ее подданных, *одному из народа эльфов*, грозила беда. Если бы Джуравиль действовал согласно представлениям тол'алфар — так на языке эльфов называется народ эльфов, — беженцы непременно погибли бы. Но эльфы считают, что несколько спасенных человеческих жизней не стоили раны, нанесенной Эндур'Блоу Иннинес. Эльфы искренне полагают, что даже жизнь всех людей в мире не стоит этой ужасной раны.

За последние месяцы соплеменники Джуравилля часто напоминали ему об этом — особенно весной, когда обреченное дерево не смогло зацвести. Разумеется, никто не предъявлял ему обвинений, но в песнях эльфов звучали неподдельная грусть и тоска по тому, чего уже не вернешь. Каждое слово этих песен больно ранило сердце Белли'мара Джуравилля.

Подлинной отрадой в его теперешней жизни стала своенравная девочка Бринн Дариель — «бабочка с пчелиным жалом». Глядя на нее, Джуравиль понимал, почему он проникся любовью к Полуночнику, Пони и даже к таким людям, как Эвелин и Роджер Не-Запрешь.

Бринн являлась для него воплощением лучших черт, свойственных людям. Джуравиль не сомневался, что девочка станет замечательным воином и ее имя будут произносить вместе с именами Терранена Диноньела, Элбрайна и Мазера Виндонов, могущественного Андаканавара из Альпинадора. Джуравиль вспомнились легендарные герои прошлого: мудрый Бинриель и отважный Аджюг, который сопровождал брата Аллабарнета, когда тот странствовал по Тимберленду, насаждая суровый край плодоносными фруктовыми деревьями.

Когда наступит время и Бринн Дариель вернется к своему порабощенному народу тогайру, ее ждут не менее тяжкие испытания. Но Джуравиль верил: она займет свое истинное место в славной плеяде героев-Защитников. Он искренне радовался, что госпожа Дасслеронд вручила девочку его заботам.

Вот только...

— Когда я смогу увидеть его снова? — простодушно спросила Бринн, и Джуравиль понял, о ком идет речь.

Он пожал плечами и хотел оставить вопрос без ответа. Но девочка, верная своему характеру, не отставала. Она бегала вокруг Джуравилья, не давая ему идти, и делала все, чтобы заставить его посмотреть ей в глаза.

— Ну, пожалуйста, скажи мне, вы хоть дали этому ребенку имя? Когда я снова увижу его? Мне бы так хотелось взять его на руки и укачивать, пока он не заснет. Меня мама так качала.

Джуравилью нечего было сказать ей в ответ; по крайней мере, у него не было ответа, который она хотела бы услышать. Госпожа Дасслеронд недвусмысленно заявила Джуравилью, что вообще не позволит ни ему, ни Бринн общаться с ребенком Полуночника и Джилсепони. Такое решение непереносимо для него, взрослого; насколько же тяжелее воспримет его Бринн! Ей хотелось увидеть другое человеческое существо — что может быть естественнее такого желания? Джуравиль понимал ее стремление; когда он сам слишком долго странствовал вдали от Эндур'Блоу Иннинес, ему точно так же хотелось увидеть кого-нибудь из соплеменников. Конечно, все воины, обучавшиеся здесь, за время учебы практически не встречались с себе подобными. И Полуночник тоже не был исключением. Но сейчас сложилась особая, редкая ситуация, когда эльфы взяли на воспитание сразу двух человеческих детей. Естественно, сердце девочки стремилось к общению со своим собратом. Бринн постоянно твердила Джуравилью, что она могла бы помогать ухаживать за ребенком, и чистосердечно обещала делать это на совесть. Джуравиль прекрасно понимал ее слова, даже лучше самой Бринн. Он знал, что подобное общение пошло бы на пользу детям.

— А если я выполняю все, как ты велишь? — с улыбкой надежды допытывалась Бринн. — Если вместо того, чтобы подружиться с оленем, я подкрадусь к нему и больно ударю по спине?

Белли'мар Джуравиль глубоко вздохнул и перевел взгляд с сияющего лица девочки на отметину, оставленную демоном-драконом. Ведь этот зловещий след появился здесь потому, что эльфы нарушили собственные правила. В первую очередь сам Джуравиль, превратив возложенные на него обязанности в дружбу с теми, кто не принадлежит к народу тол'алфар. Правила нарушила госпожа Дасслеронд, переместив Джуравилья и беженцев в долину и открыв туда доступ Бестесбулзибару. Правила нарушил Полуночник, обучив Пони би'нелле дасада — самому тайному воинскому искусству эльфов. Сколько раз нарушались главные принципы жизнеустройства эльфов! Однако Джуравиль был вынужден признать и другое: если бы эльфы строго следовали правилам, мир людей сейчас выглядел бы намного мрачнее. Правда, тогда не пострадала бы Эндур'Блоу Иннинес, а опасности, что наиболее ценные секреты эльфов попадут в руки людей, просто не существовало бы... Джуравиль еще раз взглянул на зловещее пятно, и от этого его слова, адресованные ничего не подозревавшей Бринн, звучали намного суровее.

— Этот ребенок тебя не касается, — отчеканил Джуравиль. — Сомневаюсь, чтобы младенца вообще оставили в Кер'алфаре, но даже если это произойдет, Бринн Дариель

должна держаться от него подальше, иначе ей здорово попадет.

— Но я...

— Никаких «но», — перебил ее Джуравиль. — Этот вопрос не подлежит обсуждению. Ты находишься здесь, чтобы учиться. Помни об этом. А также о тяжком положении своего народа и гибели твоих родителей. Прими эти слова к сердцу и образумься.

Девочка ошеломленно уставилась на него. Внезапная перемена настроения Джуравилья ошеломила ее. Некоторое время она пристально глядела на эльфа, отчаянно моргая, затем вытерла один глаз рукавом, молча повернулась и убежала.

Джуравиль выполнил свой долг перед народом тол'алфар. Он долго глядел на тропинку, по которой унеслась девочка.

— Воспоминания до сих пор причиняют ей боль, — заметила подошедшая госпожа Дасслеронд. — Значит, они будоражат ее. Это хороший признак.

Джуравиль кивнул. Теперь он смотрел не на тропку, а на свою госпожу. Интересно, слышала ли она его разговор с Бринн? Эльфа интересовало и то, насколько пристально госпожа Дасслеронд следила за ними в минувшие дни. Отношения Джуравилья с его госпожой в последнее время стали весьма сложными. Правда, когда он целиком становился на точку зрения тол'алфар, ему не в чем было упрекнуть госпожу Дасслеронд.

Он рассказал ей, каких замечательных успехов добилась в это утро Бринн, охотясь на оленя. Даже Андаканавару в его юные годы не удавалось так близко подкрасться к оленю, а успехи альпинадорца до сих пор считались образцовыми.

— У нее замечательно развиваются боевые качества, — продолжал Джуравиль. — А ее понимание природы меня поистине изумляет. Оно скорее походит на восприятие эльфов, чем на человеческое.

Джуравиль понял, что действовал недипломатично.

— Она всего лишь *человек*, — нахмурившись, поспешила напомнить ему госпожа Дасслеронд. — Она не принадлежит к тол'алфар. Не забывай об этом.

Белли'мар Джуравиль виновато опустил глаза.

— К тому же она — из племени тогайру, — продолжала госпожа Дасслеронд. — А это значит, что она в первую очередь — наездница. Ее народ ближе к природе, чем кто-либо из других человеческих народов. Я уж не говорю об альпинадорцах, вообще не жалующих лошадей. Еще до того, как мы доставили ее в Кер'алфар, до того, как на их племя напали фанатичные бехренские солдаты, которые убили ее родителей и дотла сожгли их деревню, эта девочка уже была умелой наездницей. А ведь ей не исполнилось и девяти зим. Будь ее ноги подлиннее и посильнее — и они будут таковыми, — наша Бринн сумела бы превзойти лучших всадников из Бригады Непобедимых.

В сознании Джуравилья мелькнул образ юной наездницы, восседающей на Даре, однако ему мучительно было думать, что после Полночника кто-то еще может ездить на этом великолепном коне. Он закрыл глаза и вновь увидел Дара, везущего на север саркофаг с телом Элбрайна.

— Не хотелось бы думать, что за годы, проведенные у нас, она разучится ездить верхом, — пробормотала госпожа Дасслеронд.

Вначале Джуравилью послышалась в словах его госпожи какая-то ирония, но затем он понял, что она говорит искренне. Эльфы не были искусными всадниками. Они умели ездить верхом, и неплохо ездили, но то была их особая манера езды, неприемлемая для людей. У людей нет крыльев, помогающих эльфам держаться на лошади. К тому же эльфы более предпочитали использовать для передвижения не лошадей, а собственные ноги и крылья и с легкостью покрывали значительные расстояния. Поэтому Эндур'Блоу Иннинес не могла похвастаться отличными скакунами. И уж конечно, здесь не было лошадей, «объезженных» так, чтобы на них смог усесться человек.

— Мы не можем допустить, чтобы она утратила этот навык, — продолжала госпожа Дасслеронд. — Прежде всего Бринн должна совершенствовать искусство наездницы. Если ей суждено вернуться к своему народу, это искусство необходимо довести до высочайшего

уровня.

То была истинная правда. Тогайранцы любили своих пегих лошадок больше, нежели собственных детей. Человек там ценился ровно настолько, насколько искусно он умел ездить на этих сильных и своенравных животных. Любой тогайранец, претендующий на власть, непременно должен был доказать, что является лучшим наездником, нежели его соперники.

— Вскоре в уроки Бринн нужно будет ввести верховую езду, — пояснила госпожа Дасслеронд. — Может, вам удастся соединить тогайранские навыки езды с *би'нелле дасада*.

— Можно сегодня же поймать лошадь, — сказал Джуравиль и усмехнулся, представив, как Бринн Дариель подкрадывается к одной из диких лошадей, пасущихся в Эндур'Блоу Иннинес, и уговаривает ее пойти в Кер'алфар. — Сначала начнем учить лошадь, а затем посадим на нее Бринн.

Госпожа Дасслеронд отрицательно закачала головой, не дав ему договорить.

— В Эндур'Блоу Иннинес нет подходящих для девочки лошадей, — возразила она. — Перед ней стоит сложнейшая задача. У нее есть возможность довести то, что мы ей передадим, до предельного совершенства. И потому ей нужна настоящая лошадь.

Джуравиль прищурил глаза, едва веря своим ушам.

— Ты хочешь, чтобы я отправился в Тогай? — с сомнением спросил он.

— Это невозможно, — сразу же ответила госпожа Дасслеронд. — Нет, я имею в виду другое — помощь друга.

— Смотритель, — догадался Джуравиль. А затем спросил: — Уж не думаешь ли ты, что Бринн должна ездить на Даре?

Госпожа Дасслеронд переступила с ноги на ногу, словно застигнутая врасплох. Но ее явно интересовала подобная возможность.

— Ей нельзя начинать с такого коня, — сказал Джуравиль.

Эльф по-прежнему не допускал мысли, что после Элбрайна и Джилсепони на Даре будет ездить кто-то другой.

— Она пока слишком мала, чтобы управлять им, — продолжал Джуравиль. — Она не сможет даже прищипорить Дара. Конь не почувствует, как в его бока упираются ее худенькие ножки.

— Тантан ездила на Даре, — напомнила ему госпожа Дасслеронд. — А ростом она была не выше, чем Бринн.

Действительно, весь путь до Барбакана Тантан проделала верхом на Даре.

— Она была сильнее, — возразил Джуравиль. — У Тантан были сильные, мускулистые ноги.

— Ты просто не хочешь, чтобы Дара отдали Бринн, — сухо заметила госпожа Дасслеронд.

— Я не верю, что Дара вообще можно кому-либо отдать, — ответил Джуравиль. — Полуночник рассказывал мне, что они с Даром в одинаковой мере выбрали друг друга. Смотритель это подтвердил.

— А если Дар признает и примет ее?

Джуравиль не ответил. Он молча глядел на свою госпожу.

— Ты не веришь, что Бринн достойна коня Полуночника, — продолжала госпожа Дасслеронд, легко разгадав причину. — Тантан тоже не верила, что Полуночник достоин меча Мазера.

— Полуночник заставил ее думать по-иному.

— Как и Бринн заставит тебя, — сказала госпожа Дасслеронд. — Ты поедешь на этой неделе, Белли'мар Джуравиль. Разыщешь Смотрителя и узнаешь, что он думает по этому поводу. Полагаю, ты будешь рад повидать старого друга, а заодно и Роджера Не-Запрешь, который, если верить слухам, тоже сейчас в Дундалисе.

Джуравиль не возражал.

— Возвращаясь с лошадью для Бринн, — велела госпожа Дасслеронд. — Помни, ей, как когда-то и Полуночнику, предстоит стать Защитником. Ее путь будет ничуть не меньше

сопряжен с опасностями. И помни также, что главная сила Бринн Дариель в ее искусстве наездницы. Сделай правильный выбор, — добавила предводительница эльфов.

Тон ее голоса был дружеским, но суровым.

— Смотритель тебе подскажет, подходит ли Дар для Бринн. И, если это так, победи свою ревность.

Джуравиль выпрямился, отчетливо понимая, что его недвусмысленно поставили на место. Госпожа Дасслеронд доверяла ему. Она ведь могла послать к Смотрителю другого, приказав привести сюда Дара. Джуравиль понимал: она хочет испытать его, узнать, не повторит ли он прежних ошибок, допущенных в отношении Элбрайна и Джилсепони. Что ж, если кентавр и Дар согласятся, он приведет коня для Бринн.

— Есть еще одно дело, которое тебе необходимо выяснить, когда ты окажешься у людей, — добавила госпожа Дасслеронд. — Наши разведчики сообщили, что после битвы в Чейзвинд Мэнор так и не удалось найти магические самоцветы Джилсепони.

— Народу тол'алфар нет дела до магических самоцветов, — ответил Джуравиль. — Исключение составляет врученный тебе изумруд. Ты же сама говорила, что камни — это предмет заботы людей.

— А они и предназначены для человека, — перебила его госпожа Дасслеронд. — Ребенок должен вобрать в себя все, чем был его отец, и все, чем когда-то владела его мать. Мы научим его искусству владеть мечом и искусству магии.

Джуравиль вспомнил тот страшный день: первым в зал, где происходила битва, ворвался брат Фрэнсис. Но если бы Фрэнсис обнаружил камни, он незамедлительно вернул бы их церкви, и никто не говорил бы, что они пропали. Правда, до Джуравилья дошли слухи, что в зале побывал еще один человек, чья ловкость рук широко известна.

Джуравиль взглянул на госпожу Дасслеронд. Она с поклоном удалилась. Джуравиль не сомневался: предводительница эльфов уверена, что он сумеет установить местонахождение исчезнувших самоцветов.

Джуравиль знал, *кто* взял камни.

Ему не терпелось вновь увидеть старых друзей, и потому он тем же вечером отправился в путь.

ГЛАВА 8 ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИПЛОМАТИИ

Когда в кабинет вошли гости — принц Мидалис, Андаканавар и Брунхельд, настоятель Агронгерр буквально затаил дыхание. Настоятель заранее распорядился вынести из кабинета мягкие стулья, заменив их другими — прямыми, с жесткими спинками. Все пять стульев расположили по кругу, чтобы никто из сидящих не занимал «главенствующее» положение. Пятым и последним участником предстоящей встречи был брат Хейни. Его Агронгерр решил усадить подальше от себя. Пусть гости почувствуют, что это встреча друзей и боевых соратников, а не установление границ между Вангардом и Альпинадором или между церковью и туземцами.

Агронгерр внимательно следил за лицами альпинадорцев. Он был рад, когда принц Мидалис быстро уселся справа от брата Хейни, оставив гостям стулья по обе стороны от настоятеля. Брунхельд был несколько возбужден, однако Андаканавар успокоил его, потрепав по плечу и указав на стул слева от Агронгерра. Сам он непринужденно расположился справа.

По мнению Агронгерра, все вполне совпадало с тем, что он узнал от Мидалиса относительно альпинадорских предводителей. Андаканавар, несомненно, был более понимающим и дружелюбным, чем Брунхельд. Тот же, при всех своих союзнических устремлениях, находился во власти предрассудков, свойственных его народу, а потому куда подозрительнее относился к вангардцам и в особенности — к церкви. Представления о Боге монахов церкви Абея напрочь расходились с альпинадорскими. Впрочем, здесь речь шла

уже о богах, поскольку альпинадорский пантеон был весьма многочисленным.

Наконец альпинадорские гости расселись. Воцарилась тягостная тишина. Принц Мидалис собрался что-то сказать, но Агронгерр, будучи хозяином, начал первым.

— Славная победа одержана нынешним утром, — сказал настоятель, кивая в сторону каждого из гостей. — Правда, не обошлось без потерь. Мы скорбим о ваших погибших точно так же, как о своих.

— Теморстад умер мужественно, — запинаясь ответил суровый Брунхельд. Чувствовалось, что он плохо владеет языком Хонсе-Бира. — Надеюсь, я тоже умру, — добавил он.

Агронгерр догадался, что Брунхельд вовсе не спешит умирать. Видимо, он хотел сказать, что, если ему суждено погибнуть, он надеется умереть столь же доблестно, как Теморстад.

— В отличие от вас, мы не слишком скорбим о погибших на поле боя, — попытался объяснить Андаканавар.

— Мы тоже молимся о том, чтобы наша смерть в бою была доблестной, — вставил Мидалис.

— Хотя, конечно же, мы молимся о том, чтобы гибель постигла как можно больше наших врагов, — произнес настоятель Агронгерр.

После этих слов ему стало легче. Он почувствовал, что загладил досадный промах, допущенный им в начале встречи, когда Брунхельд буквально припечатал его своим удивленным и непонимающим взглядом. К счастью, теперь предводитель Тол Хенгора улыбнулся.

Напряжение спало, и Андаканавар заговорил о цели встречи. Он намеревался повести разговор о дальнейших совместных действиях в борьбе с приспешниками демона-дракона. Какое-то время беседа протекала успешно: планы будущих тактических маневров перемежались с воспоминаниями об одержанной сегодня победе. Брунхельд даже заметил, что, по его мнению, Мидалис со своими всадниками сражались храбро и мужественно.

Агронгерр заметил, что альпинадорцы не сказали ни слова о том, как сражались монахи. Мудрый настоятель понял, что именно может оказаться настоящим камнем преткновения столь необычного союза.

— Силой меча и силой магии мы очистим эти земли от гоблинов, — взволнованно произнес брат Хейни.

Воцарилась тишина. Агронгерр почувствовал, как напрягся Брунхельд. Настоятель медленно повернулся в сторону горделивого туземца и поднял руку, прекратив попытки Мидалиса и Андаканавара вернуть разговор в более безопасное русло.

— Вы питаете недоверие к моей церкви и к тому, что мы применяем магию самоцветов, — без обиняков сказал настоятель, обращаясь к Брунхельду. Прежде чем тот смог ответить, Агронгерр продолжал:

— Мы тоже, не зная или не понимая особенностей, присущих вашему народу, не доверяем многим вашим традициям и представлениям. Ни вы, ни мы по-настоящему не знаем друг друга, и это за одну встречу не устранить. Здесь понадобится много времени.

На лице Брунхельда появилось любопытство. Он взглянул на Андаканавара, который тут же перевел то, что сказал настоятель, на альпинадорский язык.

— Учитывая это, мы должны подавить наши подозрения и даже наш гнев, — продолжал Агронгерр. — И мы, и вы должны верить лишь в то, что у нас общая цель — очистить эти края от гоблинов, поври и великанов. Поверь же, мой досточтимый союзник, что наша магия никак не может быть обращена против вас. Вы являетесь нашими союзниками, и мы высоко ценим это.

Он умолк, давая Андаканавару возможность перевести. В ключевом моменте их союзничества не должно быть никакого превратного понимания. Когда Брунхельд кивнул и его непроницаемое лицо просветлело, у Агронгерра затеплилась надежда.

— Я признаю, что преступил границы нашего союзничества, когда попытался помочь

средствами магии вашему раненому, — сказал настоятель. — Я и сейчас не согласен с вашим решением отказать Теморстаду в таком лечении.

Услышав это признание, брат Хейни шумно втянул воздух. У Мидалиса от удивления широко раскрылись глаза. Он никак не ожидал, что настоятель решится заговорить о столь щекотливых вещах. Брунхельд вновь напрягся и замер. Между тем Агронгерр продолжал:

— Но я уважаю твое решение и уверяю тебя, что ни я, ни мои собратья больше не совершат подобной попытки и не пойдут против ваших представлений.

Андаканавар едва успевал переводить.

— Однако, мой добрый союзник Брунхельд, если со временем ты начнешь видеть некоторые вещи по-иному, равно как и нам станут понятнее ваши традиции, я и мои собратья готовы это приветствовать. Если ты поверишь в то, что магия самоцветов — искусное средство для врачевания раненых и для удара по нашим общим врагам, я готов трудиться без усталы, дабы помогать раненым альпинадорцам, как ныне помогаю вангардцам, являющимся приверженцами моей церкви.

— Так ты ждешь, что и мы станем ее приверженцами? — перебил его Андаканавар, прежде чем Брунхельд успел вымолвить хоть слово.

— Нет, не жду, — честно ответил настоятель. — Я видел, как ваши люди сражались за нас, а наши — за вас. Я не прошу об отступлении от ваших правил и традиций. Я не прошу от вас признания верховенства и правильности церкви Абея.

— Брат настоятель! — испуганно воскликнул брат Хейни, но Агронгерр лишь рассмеялся.

— Сам я, конечно же, считаю веру в церковь Абея истинной верой и надеюсь, что со временем каждому человеку в мире откроется свет этой истины, как он открылся мне, — признался Агронгерр.

Голос его звучал спокойно и ровно, в нем не слышалось ни малейших признаков страха.

— Но это, — продолжал он, — вопрос личного выбора, решения, которое должно прийти изнутри, а не в результате принуждения извне. Я считаю, друг мой, что миссионеры должны распространять свои воззрения с терпимостью к другим верованиям.

— И уметь не только говорить, но и слушать, — произнес Андаканавар.

— Несомненно, — согласился настоятель. — Более того, уверяю вас, что в нашем союзе монахи Сент-Бельфура не миссионеры. Ни в коем случае! Мы убеждены, что объединение наших сил против общего врага послужит во благо и вангардцам, и альпинадорцам. И речь здесь не идет о том, чей Бог правильнее и кто правильнее Ему служит.

Андаканавар взглянул на Брунхельда. Агронгерр тоже обернулся к грозному предводителю.

— Ты не будешь применять магию для лечения моих раненых, — решительно заявил Брунхельд. — Даже если кто-то из них, как Теморстад, окажется при смерти. И хорошо следи за тем, чтобы ваши магические удары не пали на головы моих собратьев! — предупредил он.

— Но, как я понимаю, ты не возражаешь против молний и огня, которые мы направляем на гоблинов, — сделал вывод Агронгерр.

— *Гильнегист клоккок гильнегист беягген индер флеквельт бене дю Годдер*, — ответил Брунхельд, с довольным лицом скрестив на груди ручищи и откинувшись на спинку стула.

Агронгерр быстро повернулся к улыбающемуся Андаканавару.

— Демон, воюющий с демоном, — радость для благочестивого человека, — перевел рейнджер.

Брат Хейни чуть не вскочил на ноги и громогласно не ответил на это оскорбление. Но настоятель Сент-Бельфура от души засмеялся и вновь обернулся к Брунхельду.

— Именно так! — с иронией произнес он. — Именно так!

Агронгерр продолжал смеяться. Вслед за ним засмеялся Брунхельд, а потом и все остальные. Затем настоятель протянул руку альпинадорскому предводителю, и тот, чуть помедлив, крепко сжал ее.

Итак, союз был заключен. Говорить о дружбе пока было рано, но обе стороны поняли, насколько этот союз выгоден обоим народам. Встреча продолжалась. То и дело слышались воинственные возгласы, но их пыл был направлен на предстоящие битвы с общим врагом. Раздавались и другие возгласы, приветственные. Было единодушно признано, что совместными усилиями люди окончательно разобьют приспешников Бестесбулзибара.

Встреча окончилась. Брат Хейни пошел проводить альпинадорцев до ворот монастыря, а принц Мидалис задержался в кабинете Агронгерра.

— Честно говоря, я боялся, что вы обрушите на их головы свой гнев из-за случившегося с Теморстадом, — признался он, оставшись с Агронгерром наедине. — Ведь попытка настоять на своем непременно кончилась бы провалом.

— Мне понадобилось немало времени, чтобы очистить сердце от этого гнева, — сказал Агронгерр. — Но я думал о высшем благе. Вы совершили почти чудо, сделав альпинадорцев союзниками в сегодняшней битве. Нельзя гордыне позволить свести ваши усилия на нет. Я понимаю, что магия не всемогуща, и Теморстад — не единственный, кто сложил голову в сегодняшней битве.

— Верно, — невесело вздохнув, согласился Мидалис. — Но теперь перспектива не так беспросветна. У нас появилась надежда.

Он помолчал и хитро взглянул на Агронгерра.

— Когда война закончится, вы, наверное, сможете заняться обращением Брунхельда и его соплеменников.

Оба засмеялись, и их смех лишь усилился, когда Агронгерр абсолютно серьезно ответил:

— Уж лучше я попытаюсь обратить Бестесбулзибара и его приспешников!

* * *

Наверное, только призрак смерти, появившись он в кабинете Браумина, смог бы вызвать у настоятеля такой испуг и удивление.

Де'Уннеро решительно направился прямо к столу, за которым сидел новый настоятель. Бывший епископ уперся ладонями в лакированное дерево столешницы и пристально, с улыбкой поглядел на Браумина. Глаза Де'Уннеро пылали тем же неистовством, которое Браумин помнил еще по дням их совместного пребывания в Санта-Мир-Абель. Молодым монахам, когда они видели этот взгляд Де'Уннеро, всегда становилось не по себе. Неудивительно, что непредсказуемый и опасный магистр стал легендой среди братьев младших ступеней.

— Ты, похоже, удивлен, — с непосредственностью ребенка произнес Де'Уннеро.

Настоятель Браумин не знал, что ответить. У него не было слов, чтобы выразить овладевшие им изумление и настоящий трепет.

— Ты думал, что я мертв? — спросил Де'Уннеро таким гоном, словно эта мысль была абсурдной.

— Сражение в Чейзвинд Мэнор... — начал Браумин, но тут же смолк, покачивая головой.

Он продолжал сидеть, не зная, удержат ли его ноги, если он попытается встать. Кроме того, Маркало Де'Уннеро — быть может, наиболее опасный из всех монахов, когда-либо обитавших в Санта-Мир-Абель, — способен легко и быстро расправиться с ним.

— Да, я был там, — подтвердил Де'Уннеро. — Я пытался защитить отца-настоятеля Маркворта, исполняя свой высокий долг.

— Маркворт мертв и погребен, — сказал Браумин. Мысль о том, что у Де'Уннеро в Палмарисе нет союзников, придала Браумину немного уверенности. — Погребен и развенчан, — добавил он.

Если Де'Унnero и удивили эти слова, то он мастерски скрыл свое удивление.

— Элбрайн Полуночник тоже погиб в той битве, — продолжал настоятель, заметив, как на лице Де'Унnero промелькнула тень улыбки. — Огромная потеря для всего мира.

Де'Унnero опустил голову. Но не оттого, что он разделял чувства Браумина; просто Де'Унnero принял к сведению известие о гибели Элбрайна.

Наконец Браумину удалось встать.

— Где ты был? — требовательно спросил он. — Нам пришлось пережить тяжелейшие дни. Церковь едва не оказалась под властью короля Дануба. Мы до сих пор не знаем, какое положение она занимает сейчас в королевстве и как к нам относится народ. А где же все это время находился настоятель Де'Унnero? Где человек, который расскажет правду о падении отца-настоятеля Маркворта?

— Мне думается, церковь не готова выслушать эту правду, — жестко ответил Де'Унnero. — Маркворт ошибался.

Настоятель Браумин несказанно удивился, услышав подобное признание.

— И я тоже ошибался, служа ему, — добавил Де'Унnero.

— Но Маркворт был одержим Бестесбулзибаром, — решил заметить Браумин.

— Как ты смеешь это утверждать?

— Ты сам только что это сказал.

— Я сказал, что он ошибался, — возразил Де'Унnero. — Я считаю, так оно и было. Он ошибался в том, что позволил последователям Эвелина Десбриса целиком занять его мысли и превратиться в навязчивую идею. Ему надо было бы дать всем вам полную свободу, чтобы ваши заблуждения стали очевидны.

— Ты вернулся сюда, чтобы нести всякий вздор? — спросил настоятель Браумин, выходя из-за стола.

Ему не понравилась поза Де'Унnero. Чувствовалось, бывший епископ специально избрал ее.

— Если ты разделяешь воззрения Маркворта, знай, что он разоблачен.

— По той причине, что Маркворт был одержим Бестесбулзибаром? — недоверчиво просил Де'Унnero.

— Да! — отрезал Браумин. — Джилсепони сама объявила об этом!

При упоминании имени Пони лицо Де'Унnero вспыхнуло гневом.

— Да, она уцелела в схватке с Марквортом. Она продолжила битву с ним на духовном уровне. Она увидела истинную суть этого человека, увидела, что он связан с демоном.

Де'Унnero расхохотался.

— А чего ты ожидал? — спросил он. — Что она скажет, будто отец-настоятель Маркворт одержим ангелами?

— Ты многого не знаешь, — ответил Браумин.

— Я видел все своими глазами, ты же судишь по чужим рассказам.

— Так где ж тогда ты был? — вновь потребовал ответа Браумин. — Когда мы противостояли королю Данубу и герцогу Каласу — ныне палмарисскому барону, — где в это время находился Маркало Де'Унnero? Где ты был, когда мы начали расследование дела Маркворта? Или ты, быть может, боялся, что придется идти под суд за свои преступления?

— Боялся? — переспросил бывший настоятель и бывший епископ Палмариса. — Прошу тебя, досточтимый Браумин, не назовешь ли ты мне преступления, за которые меня должны судить? Может, ты говоришь про купца Алоизия Крампа? Так он был арестован, подвергнут пыткам и признан виновным в сокрытии самоцветов согласно указу отца-настоятеля. Я был верен отцу-настоятелю — этому меня учили в Санта-Мир-Абель. Этому, кстати, учили и тебя, пока магистр Джоджонах не вбил тебе в голову свои дурацкие представления. Да, друг мой, я говорю с тобой откровенно и не собираюсь делать вид, будто скорблю о гибели еретика Джоджонаха. Я открыто признаю, что был первым помощником отца-настоятеля Маркворта и выполнял его приказы — приказы законного главы церкви Абея. Точно так же любой солдат королевской армии выполняет приказы короля Дануба. И

за это я должен отвечать? Уж не собирается ли Браумин Херд арестовать меня и устроить публичный допрос? А что дальше, глупец? Найдешь тех, кто был с Марквортом во время его первого визита в Сент-Прешес, и учинишь им допрос по делу кентавра? Но постой-ка, разве твой дорогой друг Делман не входил в их число? А как насчет стражи, которая стерегла Смотрителя и супругов Чиличанк в подземелье нашего родного монастыря? Не собираешься ли ты наказать и их?

Де'Уннеро покачал головой и зловеще рассмеялся, потом подошел вплотную к Браумину. Глаза его сверкали фанатичным блеском.

— Скажи, мой дражайший реформатор, а что ты вознамеришься сделать с теми собратями и простолюдинами, которые возили магистра Джоджонаха по улицам, мучили его и в конце концов сожгли у позорного столба? Считаешь ли ты и их виновными? Прикуешь их к позорным столбам, чтобы утолить свою жажду мести?

— Маркворт разоблачен, — с мрачной решимостью произнес Браумин. — Он ошибался, как ошибался и ты, брат Де'Уннеро, слепо подчиняясь ему.

Де'Уннеро отступил на шаг. С его лица по-прежнему не сходила зловещая усмешка. То был взгляд, который Де'Уннеро еще много лет назад довел до совершенства. Взгляд этот вызывал в других чувство, словно в любом столкновении мнений Де'Уннеро обладает неким преимуществом и знает нечто такое, чего его противникам никогда не понять.

— Даже если все сказанное тобой верно, я рассчитываю, что мое возвращение в церковь будет официально принято и благосклонно поддержано, — сказал он.

— Ты должен учесть, что прошло несколько месяцев, — возразил Браумин, но Де'Уннеро лишь презрительно покачал головой.

— Я не должен ничего учитывать, — ответил он. — Мне требовалось время, чтобы разобраться в том, что произошло, и потому я покинул монастырь. Не так ли поступили Браумин и его сподвижники, самовольно отправившись в Барбакан?

Браумин с удивлением смотрел на него.

— Если меня призовут к ответу, то знай, дорогой Браумин Херд, что подобный ответ придется держать и тебе с твоими друзьями, — убежденно произнес Де'Уннеро. — Твоя сторона одержала победу в палмарисских событиях, это очевидно, а победитель волен писать историю так, как ему заблагорассудится. Однако Сент-Прешес, по сравнению с Санта-Мир-Абель, не столь уж крупный и значимый монастырь. Мы же с отцом-настоятелем Марквортом обеспечили себе союзников в Санта-Мир-Абель. Я вернулся, брат, — закончил Де'Уннеро и широко раскинул руки. — Прими это как факт и хорошенько подумай, прежде чем решаться воевать со мной.

Браумин вздрогнул и задумался. Он ненавидел Де'Уннеро ничуть не меньше, чем Маркворта. Но были ли у него основания начинать борьбу против бывшего епископа? Ходили слухи, что Де'Уннеро убил барона Бильдборо. Браумин искренне верил в это, но слухи есть слухи. Даже если и существуют какие-либо доказательства причастности Де'Уннеро к этому убийству, Браумин о них не знал. Маркало Де'Уннеро был убойной силой Маркворта, бессердечным существом, упивавшимся сражениями и безжалостно каравшим тех, кто осмеливался ему перечить.

Это Де'Уннеро затеял коварное сражение с Элбрайном, и рану, оказавшуюся смертельной, он нанес тигриной лапой — своим излюбленным оружием.

Но когда Джилсепони и Элбрайн вторглись в Чейзвинд Мэнор с единственной целью — убить отца-настоятеля церкви Абея, являлись ли поступки Де'Уннеро преступлением?

По мнению Браумина, являлись. Но разве не пытался до этого магистр Фрэнсис защитить Чейзвинд Мэнор? Можно ли тогда и Фрэнсиса назвать преступником? Браумин снова вздрогнул, пытаясь найти ответ. Для него Де'Уннеро являлся несомненным преступником, и Браумин знал, что так думает не один он. Если бы Джилсепони вновь увидела Де'Уннеро, она не раздумывая вступила бы с ним в бой и билась бы насмерть.

Браумина вдруг пронзила догадка: время появления Де'Уннеро в монастыре выбрано не случайно. Ведь Де'Уннеро вернулся в Сент-Прешес именно в тот день, когда Джилсепони

покинула Палмарис и отправилась на север!

Мысль о том, что этот коварный человек боится Джилсепони, несколько приободрила Браумина. Он расправил плечи.

— Я являюсь настоятелем Сент-Прешес, и мое назначение освящено церковью, поддержано самим королем Данубом, а также настоятелем Джеховитом и всеми братьями Сент-Прешес. Я не уступлю своего поста, — объявил он.

— А меня, стало быть, просто вышвырнули?

— Ты покинул монастырь, — не сдавался Брамин. — Исчез без объяснений и, как считают многие, без какой-либо причины.

— Таков был мой выбор.

— Выбор, который стоил тебе поста в Сент-Прешес, — сказал Брамин и презрительно усмехнулся. — Неужто ты уверен, что жители Палмариса или герцог Калас, открыто заявивший о своей ненависти к тебе, поддержат твоё возвращение на пост настоятеля?

— Я уверен, что выбор остается лишь за церковью, и только за ней, — спокойно ответил Де'Уннеро. — Но разговор на эту тему неуместен, ибо меня вовсе не занимает ни Сент-Прешес, ни этот паршивый город, куда я прибыл по распоряжению моего отца-настоятеля. Ты считаешь службу ему преступлением, но с позиций учения церкви это смешно. Уверен: если бы мы сражались за этот пост на Коллегии аббатов, которая, полагаю, вскоре будет созвана, я бы одержал победу. Так что не бойся, мой молоденький настоятель. Я не претендую на это, столь вожеленное для тебя, кресло. Я искренне рад, что его занял ты. Смею лишь надеяться, что вокруг тебя здесь соберутся и все остальные последователи Джоджонаха и Эвелина. Лучше, чтобы все вы копошились в этой дыре, пока я буду заниматься более серьезными делами церкви в Санта-Мир-Абель.

Брамину Херду захотелось накричать на этого человека, кликнуть стражу и отправить его в тюрьму. Но, поразмыслив как следует, он понял, что в действительности ничего не может сделать. Любые действия против Де'Уннеро будут серьезнейшим образом рассматриваться на приближающейся Коллегии аббатов, что губительно скажется на Брамине и его друзьях. Хотя Де'Уннеро был лишен звания епископа, а его пост настоятеля Сент-Прешес на законных основаниях перешел к Брамину, он по-прежнему оставался магистром ордена Абея. Монах, имеющий несомненные заслуги, сильный и способный вести за собой, он сохранял внутри церкви и определенное место, и определенный голос.

Как понял настоятель Брамин, весьма громкий и отвратительный голос.

Принц Мидалис и Андаканавар расположились на выступе громадной мокрой скалы. Они мужественно терпели порывы сильного и необычайно холодного океанского ветра, дувшего им в лицо с залива Короны и приносящего с собой ледяные струи дождя.

— Я не оставляю надежды, что мы увидим парус, а может, целую флотилию парусов, — сказал Мидалис.

— Паруса кораблей, на которых плывет подкрепление, о котором ты просил?

— Полсотни отборных бойцов из Бригады Непобедимых и полк королевских солдат ощутимо помогли бы нам в борьбе против гоблинов, — заметил Мидалис.

— Так где же они тогда? — спросил Андаканавар. — Твой брат-король правит землями, где больше нет этих тварей. Почему же он не пошлет солдат на помощь вашей... нашей борьбе?

Мидалис и сам не знал ответа на этот вопрос.

— Полагаю, у него есть другие неотложные дела, — сказал принц. — Может, еще остались разрозненные вражеские шайки.

— А может, его солдаты заняты наведением порядка в вашем свихнувшемся королевстве, — предположил Андаканавар, немало удивив Мидалиса.

— Мне уже доводилось видеть подобное, — продолжал альпинадорец. — Последствия войны всегда опаснее ее самой.

Мидалис покачал головой и повернулся в сторону моря.

— А все-таки где же корабли? — вновь спросил Андаканавар. — Где храбрые рыцари из Бригады Непобедимых? Или твой брат глух к твоим призывам?

Мидалис и эти вопросы оставил без ответа. В чем бы ни была причина, ясно одно: войну в Вангарде знать Хонсе-Бира целиком переложила на его плечи. Принц перевел взгляд с холодных и темных вод на Андаканавара и искренне обрадовался, что этот сильный и благородный воин сейчас рядом с ним.

Мидалис не знал, придет или нет старший брат ему на помощь. Но зато он знал, что у жителей Вангарда теперь есть союзник в войне против приспешников демона-дракона.

* * *

Она подняла голову к небу и увидела густые, темные тучи. Значит, снова быть дождю. Уже который день подряд ненастная погода, прилетев откуда-то с бескрайних просторов Мирианика, обрушилась на городок Фалид и Фалидский залив. Дожди превратили землю, куда зарыли несчастную Бреннили, в жидкое месиво, хотя могильщики уверяли, что могила достаточно глубока, а потому дожди ее не размоют.

Мери Каузенфед молила лишь об одном — чтобы разбушевавшаяся стихия не исторгла из земли гробик с телом Бреннили. Такое случалось в здешних краях в сезон дождей. Гробы вымывало из-под земли, и в грязных лужах плавали разложившиеся останки. Только бы эта участь миновала ее драгоценную малышку Бреннили. Мери закусила губу и тряхнула головой, прогоняя прочь эти страхи, от которых сжималось сердце.

Женщина опустила на колени, склонила голову, и ее плечи затряслись от рыданий. Необходимо перезахоронить дочку. Да, причем скоро. Нужно вырыть могилу поглубже.

Мери Каузенфед оглядела розовые пятнышки на своей руке. Опять у могильщиков будет работа.

— Мери! — слышалось у нее за спиной, со стороны дороги.

Мери, успевшая промокнуть до нитки, оглянулась через плечо и увидела толпу горожан. Их было около двадцати человек. Лиц многих из них ей было не различить, но она узнала Тедо Крейля, его жену Динни, их сынишку Даггерти и еще одного или двух человек. Она поняла, зачем они собрались.

У каждого из них были розовые пятнышки на теле, и их лихорадило. Вскоре лихорадка усилится, и тогда начнутся нестерпимые боли в желудке.

Мери кое-как встала и натянула на плечи платок, прикрывая голову от дождя.

— Идем с нами, Мери, — ласково сказала Динни Крейль, обняв убитую горем женщину за плечи. — Мы отправимся в Сент-Гвендолин просить настоятельницу о помощи.

Мери посмотрела на Динни и на остальных горожан, больных и отчаявшихся.

— Вас прогонят, — сказала она. — Монахи не станут помогать чумным больным. Они, как и наши соседи, спрятались от чумы.

— Трусые они все! — возбужденно крикнул кто-то из толпы. — Настоятельница откроет нам двери, или мы разнесем их проклятый монастырь!

Раздались гневные и решительные возгласы, однако громче всех прозвучал голос Мери:

— Вы же знаете правила! — во всю мощь легких крикнула она. — Тот, у кого обнаружилась розовая чума, должен оставаться дома, молиться Богу и безропотно принять свою судьбу.

— К черту правила! — возразили ей из толпы.

— Вы больны чумой! — крикнула им Мери. — Значит, вы должны оставаться здесь, а не разносить эту заразу по всему королевству.

— К черту правила! — вновь закричал тот же человек.

— Ты знаешь, мы обречены на ужасную смерть, — сказала Динни Крейль, обращаясь к Мери. — У каждого усилится жар, от которого помутится рассудок, и мы начнем звать мертвых. Мы будем метаться в бреду, раздирая в кровь руки и ноги. И наши тела покроются

язвами. А потом мы умрем. Если повезет, то кто-нибудь из заболевших выроет для тебя могилу. В противном случае тебя просто бросят у обочины на съедение птицам.

Кто-то из детей заплакал. Несколько взрослых закрыли лица руками, однако большинство собравшихся кричали, что правила никуда не годятся и что монахи должны им помочь.

— Бог не позволит нам умереть такой смертью, — слышался уверенный женский голос.

— Сорок три человека уже умерли в нашем городе, — напомнил Мери Тедо Крейль. — Сорок три, считая и твою Бреннили. Еще пятьдесят человек знают, что больны. Самое малое пятьдесят. Наверное, это число удвоится, если добавить сюда тех, кто пока не знает, что обречен. Получается сотня. Десятая часть населения Фалида, Мери. Ты призываешь нас оставаться дома? Бесполезно. Вскоре весь город вымрет.

— Но, может, это только наш город, — попыталась возразить Мери.

Тедо презрительно хмыкнул.

— Сколько кораблей зашло в нашу гавань с тех пор, как мы узнали о чуме? А сколько до этого? И откуда чума пожаловала к нам, если никто из заболевших не уезжал из Фалида? Нет, милая Мери, чума пришла к нам извне. Можешь не сомневаться, чума распространяется вширь и вглубь, и монахи должны что-то с этим сделать. С тобой или без тебя, но мы пойдем в Сент-Гвендолин. Мы будем просить настоятельницу Делению и ее братьев и сестер вылечить нас.

— Рассказывают, что один монах по имени Эвелин убил демона-дракона, — вмешалась Динни. — Если монахи способны победить дракона, значит, у них есть силы победить чуму!

Вновь слышались одобрительные крики, и толпа двинулась по раскисшей дороге. Динни Крейль крепко держала Мери за руку, помогая ей идти. Мери то и дело оглядывалась на крохотную могилу, и все внутри ее сопротивлялось и не желало бросать малышку Бреннили одну. Что будет с Бреннили, если Мери умрет вдалеке? Кого положат рядом с ее девочкой? И позаботятся ли о том, чтобы перезахоронить Бреннили, если дожди вымоют ее гробик на поверхность? Сердце Мери разрывалось. Она не верила, что монахи сумеют или захотят им помочь. Тем не менее она шла вперед.

Мери казалось, что только крайняя слабость не позволяет ей вырваться из рук Динни — единственных рук, которые обняли ее сгорбленные плечи, чтобы утешить, когда Мери впервые обнаружила у себя признаки розовой чумы.

Вскоре идущие затянули песню о надежде и избавлении. То была молитвенная песня, и в ней воспевался святой Абель — врачеватель тела и души.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Жизнь продолжается

Я должна была уехать оттуда.

Я знала лучше кого бы то ни было, что должна покинуть Палмарис — место боли и людских раздоров. Тамошняя жизнь давила на меня. Она заставляла меня цепенеть от страданий, но главным образом — от сомнений.

Я должна была пуститься в дорогу, отправиться на север, домой, где жизнь намного проще. В Дундалисе, да и во всем Тимберленде, все упирается лишь в то, как выжить, и перед этой насущной проблемой отступают любые мелочи, отравляющие жизнь в густонаселенных краях. В глуши Тимберленда, где над людьми властвует природа, понятия об истинном и ложном, о хорошем и плохом, которые в большом городе столь часто вывернуты наизнанку, уступают место четкому понятию о последствиях. Здесь ты выбираешь дорогу, идешь по ней и принимаешь (а что еще остается делать?) последствия того, что совершил. Если бы Элбрайн погиб, сорвавшись со скалы, а не в битве с демоном-драконом, мне было

бы намного легче принять его смерть. Конечно, и тогда боль и чувство утраты были бы столь же сильными и глубокими, но мне, по крайней мере, были бы ясны и понятны обстоятельства его гибели. Его смерть стала бы просто реальным событием на фоне реальной действительности. Мне не пришлось бы оценивать его смерть, задаваясь философскими вопросами о нравственности и справедливости. Но можно ли говорить, что гибель моего любимого от несчастного случая была бы менее бессмысленной?

Я не могу ответить на этот вопрос. Знаю лишь то, что мне нужно было уехать из Палмариса.

Мое решение многих раздосадовало. Боюсь, что мой отъезд пришелся как нельзя кстати моим врагам. Со стороны кажется, будто я ищу легких путей.

Люди думают, будто я стремлюсь убежать. Друзья и враги считают, что я отступила с поля битвы, скрылась от опасностей. Отчасти это так. Мое присутствие на поле битвы высокой политики и хитроумных интриг в королевстве кажется мне столь же бессмысленным, как и само поле битвы. С кем мы воевали? С демоном-драконом или с людской природой? Был ли Маркворт исключением из правил? Сколько сражений выпало на долю тех, кто стремился к истине и справедливости! Но что ожидало победителей? Как и их предшественники, они столкнулись с тем, что потерпели поражение.

Похоже, я начала сомневаться в ценности самой этой битвы.

Быть может, я бегу от всей неразберихи и суесть послевоенного времени, от ненавистного мне стремления людей занять освободившиеся должности, от их борьбы за власть. Но могу с уверенностью сказать: я не бегу от главного в своей жизни. И моя дорога отнюдь не будет легкой. Сейчас я понимаю, что стремлюсь как раз навстречу битве. Из всех битв, которые мне доводилось вести, эта в наибольшей степени затрагивает мою суть и угрожает стать наиболее опустошительной. Я двигаюсь навстречу решениям основных вопросов моего существования, да и существования любого человека, — вопросов смысла жизни и того, что наступит после нее. Я выбираю путь веры и надежды, без которых человек не может испытывать ни радости, ни удовлетворения. Однако я не питаю иллюзий, будто в Дундалисе меня ждут радость и удовлетворение. Это может оказаться для меня недостижимым, поэтому нечего тешить себя пустыми мечтаниями. Но если это так, каким же образом я рассчитываю найти ответы на терзающие меня вопросы и понять их смысл?

Пока не знаю. Знаю лишь, что этой битвы мне не избежать и мне ее не отсрочить. Если я вообще рассчитываю обрести твердую почву под ногами, я должна понять фундаментальные принципы, на которых строится существование человечества. Кто мы? Почему мы такие? Куда мы идем? Моя жизнь подошла к такому моменту, когда я должна узнать истину или отступить.

Настоятель Браумин хочет, чтобы я вместе с ним сражалась против приверженцев Маркворта. Король Дануб хочет, чтобы я помогла ему навести порядок в королевстве, разоренном войной и прогнившем до основания. Несомненно, мой отказ они считают трусостью, но, по правде говоря, мною движет здравый смысл. Я не в состоянии вести их битвы до тех пор, пока не разрешу свои сомнения и пока не приобрету твердую уверенность. Я должна убедиться, что мы движемся не по кругу ложного развития, наступая себе на пятки, а действительно идем к истине и справедливости. Я должна убедиться, что наша жизнь не замкнутый круг и мы действительно в силах сделать ее лучше.

И потому я направляюсь в Дундалис, туда, где погребен Элбрайн. Там я надеюсь обрести истину. А еще я надеюсь, что место, где я узнала правду о жизни, сможет раскрыть мне и правду о смерти.

Джилсепони Виндон

ГЛАВА 9

ЗЛОВЕЩИЙ ПОДАРОК БЕСТЕСБУЛЗИБАРА

День выдался жарким, немилосердно жарким. Казалось, ослепительное солнце не только высушивает, но и выжигает землю, разбухшую от нескончаемых дождей, которые лили целую весну и начало лета. Магистр Фрэнсис с наслаждением скинул бы с себя одежду. Сейчас он бы обрадовался дождю и вообще любой воде — только бы смыть с утомленного тела липкий пот.

Семьдесят с лишним миль от Санта-Мир-Абель до Сент-Прешес Фрэнсис с помощью магии когда-то одолел за пару дней, однако теперь этот путь — только в обратном направлении — усложнился целой чередой препятствий. Сойдя с паром в Эмвое, магистр вместе с сопровождавшими его монахами решили прикупить кое-что из провизии и сразу двигаться дальше. Но как пройдешь мимо раненых, пострадавших в бою с охваченными страхом и отчаянием гоблинами? А как откажешь в помощи мальчишке, зашибленному лошадьё? Не слушая возражений двух старших монахов, Фрэнсис решил задержаться в Эмвое, и они провели здесь почти две недели. Используя несколько гематитов, они помогали всем, кто обращался к ним. Иногда монахам казалось, что все население этого города нуждалось в их помощи.

Наконец они оставили Эмвой, но вместо прямого пути, ведущего в Санта-Мир-Абель, направились на юго-восток, к деревушке под названием Давон Диннишир. Там жили сильные и крепкие выходцы с Вангарда. В окрестных лесах были замечены гоблины — остатки разбитой вражеской армии. Жители рассчитывали на помощь королевских солдат, однако Фрэнсис знал, что сейчас туда некого послать.

— Не наше это дело, — возражал один из сопровождавших Фрэнсиса, молодой монах Джулиус. — Нам доверили приготовить Санта-Мир-Абель к Коллегии аббатов, а мы зачем-то лезем в дела военных.

Магистр Фрэнсис сочувственно посмотрел на Джулиуса.

— Когда-то я рассуждал точь-в-точь как ты, — улыбнувшись, сказал он громко, чтобы слышали все монахи. — Когда-то в своей гордыне я считал, что дела церкви и ее служителей выше забот простых людей.

Джулиус недоуменно взглянул на Фрэнсиса.

— И только после смерти отца-настоятеля Маркворта, после победы над злом, поработившим этого человека...

— Магистр Фрэнсис! — перебил его кто-то из монахов.

Фрэнсис вновь улыбнулся и поднял руку, требуя тишины от начавших перешептываться удивленных собратьев.

— Идти сейчас в Санта-Мир-Абель, зная, что Давон Динниширу грозит беда, — это явный грех, которому нет оправдания, — заявил он. — Будь Фрэнсис Деллакорт помоложе и поглупее, он бы так и поступил, слепо выполняя приказ отца-настоятеля Маркворта. Но жизнь сделала меня мудрее, мой юный друг, — продолжал Фрэнсис. — Теперь я не говорю так, будто передаю слова Бога. Мне думается, что теперь я лучше понимаю путь, к которому нас призывает наша вера. И сейчас этот путь лежит в Давон Диннишир.

Кто-то попытался ему возразить, но Фрэнсис быстро продолжил:

— Я — единственный магистр среди вас. Мне довелось быть епископом Палмариса и настоятелем Сент-Прешес. Я провел немало месяцев рядом с отцом-настоятелем. Вопрос этот я не намерен обсуждать ни с братом Джулиусом, ни с кем-либо другим, — подытожил Фрэнсис, оглядывая монахов.

Возражений не последовало. Окружение магистра Фрэнсиса послушно двинулось на юго-восток.

Магистр Фрэнсис шел уверенным шагом, искренне убежденный в правоте принятого решения. Но прозвучавший рядом разговор заставил его вздрогнуть. Он услышал, как брат Джулиус шепотом объяснял другому монаху, почему магистр Фрэнсис медлит с возвращением в Санта-Мир-Абель. Джулиус считал, что магистр боится встречи с другим магистром — суровым Бурзем. Тот явно не будет в восторге, узнав обо всем, что случилось в

Палмарисе начиная с падения отца-настоятеля Маркворта. Что ж, в чем-то этот молодой брат прав, — признался себе Фрэнсис.

Довольно скоро монахи подошли к стенам Давон Диннишира. Последний отрезок пути они пробежали, завидев черные клубы дыма. К счастью, деревня еще не сгорела дотла. Жители тушили пожары, выстроившись в несколько цепочек и передавая друг другу ведра с водой.

— Кто здесь главный? — спросил Фрэнсис у первой встретившейся им женщины.

Пожилая крестьянка указала на молодого крепкого мужчину, которому на вид было не более тридцати зим, с рыжеватыми волосами, густой окладистой бородой, большими мускулистыми руками и широкой грудью. Он зычным голосом отдавал повеления жителям деревни, и каждый раз его серые глаза вспыхивали, будто угли.

Фрэнсис поспешил к нему. Серые глаза деревенского предводителя удивленно расширились, когда в приближающемся незнакомце он узнал монаха-абеликанца.

— Я — магистр Фрэнсис из Санта-Мир-Абель, — представился тот. — Готовы вам помочь, чем сможем.

— Жаль, что вы не подоспели утром, — ответил крестьянин. — Если бы вы помогли нам отразить нападение гоблинов, у нас бы и раненых было поменьше, да и пожаров тоже. Мое имя — Маладанс Диннишир, землевладелец из клана Давон Диннишир.

Он протянул руку. Фрэнсис крепко пожал ее и тут же обернулся к монахам, чтобы отдать распоряжения.

— Вначале займетесь ранеными, потом поможете тушить пожары, — велел он.

— А вы-то видели гоблинов? — спросил Маладанс Диннишир. — Их здесь, по последним слухам, шляется более полусотни.

— И что же, они всей толпой напали на вашу деревню? — спросил Фрэнсис.

— Похоже, что так, — согласился землевладелец. — Видно, они рассчитывали, что мы погонимся за ними, но ошиблись. Тогда они отошли и стали пускать по деревне стрелы с пылающими наконечниками и забрасывать нас копьями. Несколько тварей мы убили, многих ранили. Я так думаю, они хотели узнать, каковы наши силы.

— Гоблины вернутся, — сказал Фрэнсис.

— Разумеется. Сегодня же вечером, — согласился Маладанс. — Темнота гоблинам по вкусу. Но вы-то не особо тревожьтесь, магистр Фрэнсис. Если они попытаются перебраться через стену вокруг Давон Диннишира, эта попытка будет последней в их поганой жизни.

Фрэнсис не сомневался в решительности жителей деревни. За месяцы войны с демоном-драконом многие деревни в здешних краях научились отражать вражеские нападения. Кроме того, многочисленные вражеские силы часто атаковали прибрежные районы с моря. Им не давал покоя самый лакомый кусочек во всем королевстве — Санта-Мир-Абель, и гоблины вместе с поври стягивали силы, чтобы ударить по монастырю одновременно и с суши, и с моря. Уничтожение демона-дракона лишило врагов согласованности в действиях. Попытка захвата Санта-Мир-Абель полностью провалилась. Большинство неуклюжих, похожих на бочки кораблей флота поври были потоплены монахами, остальные спешно отплыли восвояси. Гоблинам и поври, оставшимся на суше, бежать было некуда, и то, что некогда называлось армией, распалось на отдельные шайки, промышлявшие грабежом.

Фрэнсис понимал: здешним крестьянам не привыкать к сражениям. Но он понимал и другое: как бы доблестно ни сражались эти люди, в битве с гоблинами им не миновать тяжелых потерь.

За врачеванием раненых и тушением пожаров Фрэнсис не заметил, как прошло более трех часов. Солнце начинало клониться к западу. Фрэнсис собрал монахов — лишь двое из них остались помогать раненым. Одежда братьев насквозь промокла. Их лица были покрыты копотью, покрасневшие глаза слезились от дыма. Многим пришлось набегаться с тяжелыми ведрами, отчего теперь у них дрожали руки.

— Соберитесь с силами, телесными и магическими, — велел им магистр Фрэнсис. —

Гоблины явно намерены вернуться сюда, когда стемнеет. Но мы их опередим. Мы должны отыскать их стоянку.

У слушавших его братьев округлились глаза.

— Нас здесь восемнадцать братьев из Санта-Мир-Абель, искусных в сражении и магии, — сказал Фрэнсис.

— У нас только один графит, — перебил его брат Джулиус.

Похоже, он сделался выразителем мнений остальных монахов..

— Этого вполне достаточно, чтобы ослепить наших врагов, разбить их ряды, а затем атаковать, — с лукавой усмешкой ответил Фрэнсис.

— Вы начинаете говорить совсем как магистр Де'Уннеро, — шутливо заметил брат Джулиус. Однако Фрэнсису подобное сравнение отнюдь не показалось забавным.

— У нас есть долг перед жителями этой деревни, как и вообще перед всеми людьми, попавшими в беду, — заявил магистр.

И тут сзади послышался какой-то шум. Монахи обернулись и увидели, как дверь одной из хижин резко распахнулась и из хижины выскочил их собрат. Монах со всех ног бросился к ним, на ходу срывая с себя одежду.

— Магистр Фрэнсис! — без конца кричал бегущий.

Когда он достиг собравшихся, на нем оставалось лишь нижнее белье. Монах схватил ведро и облил себя водой.

— Брат Крэнстон, мы все страдаем от жары, — упрекнул его Фрэнсис.

— Розовая чума! — в ужасе выдохнул Крэнстон. — В том доме... женщина... уже мертва.

Фрэнсис подскочил к монаху и, взяв за плечи, встряхнул его.

— Розовая чума? — почти шепотом спросил он. — Ты в этом уверен, брат?

— У нее на всем теле красные пятна с белой каймой, — ответил брат Крэнстон. — Глаза запавшие. Наверное, они зудели, и она их все время терла. У нее кровь шла изо рта и из глаз. У мертвой!

Брат Джулиус подошел к Фрэнсису и положил руку ему на плечо.

— Мы должны немедленно покинуть это место, — мрачным голосом произнес он.

За спиной Джулиуса Фрэнсис услышал шепот:

— Пусть уж лучше гоблины вернутся и сожгут всю эту деревню.

Фрэнсису захотелось накричать на Джулиуса и устыдить молодого брата за подобные слова, но он не мог просто так отмахнуться от всего, что услышал. Розовая чума! Бич королевства Хонсе-Бир!

Поступив в Санта-Мир-Абель, Фрэнсис был определен заниматься историей и отдал этим занятиям несколько лет. Он лучше других монахов знал о розовой чуме. Первое упоминание об эпидемии относилось к четыреста двенадцатому году Господнему, когда чума опустошила южные земли королевства. Согласно летописям, тогда умер каждый седьмой человек. Каждый седьмой! В Йорки эта цифра была еще страшнее: там умирал каждый четвертый.

Чума бесчинствовала и позже: с пятисот семнадцатого по пятисот двадцать девятый год. За эти двенадцать лет она собрала обильный «урожай», опустошив прибрежные земли Лапы Богомола и перекинувшись через залив Короны на Вангард. Более всех от чумы досталось столице королевства — Урсалу. Летописцы (преимущественно монахи-абеликанцы) потом отмечали, что умирал каждый третий. Некоторые из них утверждали, что чума уменьшила население Хонсе-Бира наполовину.

Розовая чума!

В те годы южные провинции королевства вполне могли бы подвергнуться вторжению со стороны Бехрена, если бы чума не свирепствовала и там. В монастырских хранилищах, естественно, не было точных сведений об умерших от чумы в этом сопредельном государстве, но летописи утверждали, что смертность среди бехренцев была выше, чем среди жителей Хонсе-Бира. Фрэнсис знал, что в сравнении с пятисот семнадцатым годом

численность населения королевства значительно увеличилась. Однако сейчас, учитывая только что окончившуюся войну, люди оказывались менее подготовленными к борьбе с чумой.

Магистр Фрэнсис Деллакорт был не только образованным и просвещенным монахом. Он узнал все об отце-настоятеле Маркворте и о героях, которых при жизни Маркворта считал врагами. В его жизни многое изменилось, и теперь он шел путем служения и милосердия. Все это давало ему право сурово осудить собратьев за их себялюбивые и бессердечные слова. Но только не сейчас, перед угрозой нового вторжения розовой чумы!

Прежде всего он должен убедиться во всем сам. Фрэнсис читал о том, как начинается и протекает розовая чума, видел рисунки, изображавшие больных. После пятисот двадцати девятого года сообщения о чуме тоже попадались, но речь шла либо о незначительных вспышках, либо о других болезнях, принятых перепуганными людьми за чуму. Фрэнсис отправил двоих монахов за собратьями, которые еще не вернулись, а остальным велел никуда не уходить. Сам он, собравшись с силами, решительным шагом направился к хижине.

Войдя в дом, Фрэнсис услышал плач и вскоре увидел двоих изможденных и перепуганных детишек. Он прошел мимо них и отдернул занавеску, за которой лежала покойница.

Розовое пятнышко,
беленький кружочек.
Смерть присядет рядышком
и сплетет веночек.
Велит все сжечь,
в гробы нам лечь.
Ты их зарой,
чтоб с глаз долой.

Это был куплет старинной детской песенки, написанной вскоре после четырехста двенадцатого года. Разумеется, венков умирающим никто не плел, но люди пытались тогда ароматом цветов приуменьшить зловоние, исходившее от жертв чумы. Песенка бесхитростно рассказывала о судьбе тех, кто заболел.

— «Ты их зарой, чтоб с глаз долой», — прошептал Фрэнсис.

— Уходите! Уходите отсюда прочь! — крикнул он детям. — Уходите и держитесь подальше от этого дома. Вы теперь уже ничем не поможете своей матери. Уходите!

Он вытолкал плачущих детей на улицу. Там он увидел несколько местных жителей, включая и их предводителя.

— Мы с братьями идем атаковать гоблинов, — объяснил он Маладансу. — Если нам повезет, больше они к вам не вернуться.

— Там что-то неладно? — озабоченно спросил землевладелец, указывая на хижину.

— Сожгите этот дом, — велел Фрэнсис.

— Что?

— Сожгите дотла и немедленно, — повторил магистр, устремив на предводителя требовательный взгляд.

— Да как вы...

— Сжечь! — перебил его Фрэнсис. — Ты должен мне верить, землевладелец Диннишир. Я требую. И чтоб никто туда не входил.

Предводитель деревни недоуменно поглядел на монаха. Фрэнсис видел, как люди перешептываются и качают головами. Тогда он взял предводителя за руку и отвел в сторону. Там он недвусмысленно объяснил Маладансу Динниширу, что гоблины сейчас — не самая страшная из бед, грозящих деревне.

— У вас нет полной уверенности, — возразил Маладанс.

— Нет, — солгал Фрэнсис.

Он не хотел поднимать панику — главное, чтобы они сожгли этот дом.

— А если я прав, ты понимаешь, чем это вам грозит? — спросил Фрэнсис. — Та женщина мертва. Ее муж и дети...

— Муж погиб два года назад, — пояснил землевладелец. — Убили во время сражения с поври.

— Тогда пусть кто-то возьмет детей. Сожгите хижину дотла. Потом выберешь в помощь одного или двоих человек — тех, кому ты доверяешь. Вы пойдете на пепелище и закидаете землей все, что останется после пожара.

Маладанс Диннишир недоверчиво глядел на Фрэнсиса.

— Прошу тебя, землевладелец Диннишир, сделай это, — серьезно, с нажимом сказал Фрэнсис.

— Вы обещаете защищать деревню от гоблинов? — спросил предводитель.

Фрэнсис кивнул. Потом он вернулся к монахам и вместе с ними направился к лесу.

Лес начинался сразу же за деревней. Когда монахи оказались среди деревьев, Фрэнсис велел им занять оборонительную позицию. Неизвестно, что ждет их впереди, а он и так потратил немало своей магической энергии, помогая раненым жителям Давон Диннишира. Поэтому Фрэнсис вручил брату Джулиусу самый сильный из имевшихся у них гематитов и приказал отправиться при помощи камня на разведку.

Приказ ошеломил Джулиуса. За все годы пребывания в Санта-Мир-Абель он пробовал путешествовать при помощи камня только один раз, да и то неудачно: сам того не желая, он почему-то пытался войти в тело своего собрата.

— У меня не хватает для этого способностей, — сознался Джулиус.

Фрэнсис кивнул, понимая его страх и нерешительность. Маркворт, Эвелин и Джилсепони в совершенстве владели магией самоцветов, и для них путешествие при помощи магических камней было делом обыденным. Сам Фрэнсис также многому научился, находясь рядом с отцом-настоятелем. Он понимал, насколько тяжелым подобное путешествие может быть для тех, кто не умеет этого делать. И насколько опасным. Он забрал у молодого монаха гематит и, досадуя, что вновь придется тратить магическую энергию, вышел из тела. Дух его понесся над деревьями, над речкой и над широкими утесами.

Гоблинов он обнаружил почти сразу же. Карликов было всего тридцать. Фрэнсис провел в их лагере считанные секунды, чтобы определить степень готовности лагеря к бою. Затем он полетел в обратный путь, но сделал круг. Среди деревьев он насчитал еще два десятка гоблинов.

— Они выбрали отличное место для лагеря, — сообщил Фрэнсис монахам. Он быстро набросал на земле подобие плана.

— Нам никак не удастся незаметно подобраться к ним, — сказал он.

— В таком случае повернем на Санта-Мир-Абель, — произнес брат Джулиус, но тут же умолк под сердитым взглядом магистра.

— Нам и не надо приближаться к их лагерю, — продолжал Фрэнсис. — Гоблины уверены, что люди укрылись за стенами и приготовились к отражению атаки. Чтобы пройти к деревне, гоблины, вероятнее всего, пойдут здесь.

Он показал на своем плане вполне очевидный путь продвижения гоблинов.

— А мы подготовимся встретить их на этом пути, — добавил Фрэнсис.

Монахи без промедления направились к указанному им месту. Это была рощица белоствольных кленов, между которыми пролегала удобная тропа. По мнению Фрэнсиса, гоблины пойдут по этой тропе. Магистр долго и внимательно оглядывал местность. В отличие от церковной политики, в тактике сражений он разбирался слабо.

Видя растерянность магистра, брат Джулиус решил ему помочь.

— Позвольте мне сказать, магистр Фрэнсис. Всем, кроме вас, нужно забраться на деревья, а вы, взяв графит, отойдете в дальний конец. Те из нас, у кого есть арбалеты, возьмут их с собой.

Джулиус обвел глазами собратьев: более половины были вооружены арбалетами.

— Остальные смастерят себе копья из веток или возьмут с собой на дерево по самому тяжелому камню, какой только смогут туда поднять. Вы, магистр Фрэнсис, атакуете первым. Мы условимся о каком-нибудь сигнале: допустим, когда первые гоблины поравняются с таким-то деревом.

Монахи знали, что Джулиус вместе с магистром Де'Уннеро — лучшим тактиком Санта-Мир-Абель — участвовал в нескольких сражениях, в том числе и в легендарной битве с поври у нижних ворот монастыря.

— Мы будем ожидать вспышки и потому закроем глаза, а потом...

Брат Джулиус умолк и мрачно улыбнулся. Всем, включая и Фрэнсиса, стало ясно, что он отбросил мысли о возвращении в Санта-Мир-Абель и всем сердцем отдался предстоящему сражению.

Хороший ученик Де'Уннеро. И понимание у него правильное, — мысленно отметил Фрэнсис.

Вскоре монахи устроились на ветвях, а Фрэнсис, отойдя подальше, спрятался за большим деревом.

Минуты сливались в час, потом в другой, третий, четвертый. Фрэнсис, как и его собратья, ощущал нарастающее нетерпение. И в то же время он радовался передышке, позволявшей ему набраться сил и восстановить свою магическую энергию. Он не думал, что удар рукотворной молнии убьет много гоблинов; тем не менее чем сильнее будет вспышка, тем быстрее наступит победа.

Солнце склонялось к закату, но в лесу по-прежнему было тихо. Фрэнсис понимал: гоблины дожидаются темноты, ибо ночь — излюбленное время для нападения — давала им преимущество. И потому он обрадовался, когда солнце наконец скрылось и в темном небе возшла Шейла — так на берегах залива Короны называли яркую луну.

Гоблины все еще выжидали, и Фрэнсис надеялся, что засевших в засаде братьев не сморил сон.

Фрэнсис чуть не вскрикнул от неожиданности, когда мимо него проскользнул гoblin, перебегая от дерева к дереву. Магистр едва не бросился за ним, хоть и понял, что этот гoblin — передовой разведчик. Сейчас любой шум провалит все дело. Фрэнсис стал внимательно следить за продвижением гоблина, ожидая, что вскоре тот отправится в обратный путь.

Прошло совсем немного времени, и со стороны тропы послышался шорох. Фрэнсис заметил быстро двигавшиеся во тьме силуэты. Гоблины уже вошли в пределы кленовой рощи.

Магистр глубоко вдохнул, потер зажатый между ладоней графит и сосредоточился. Он не сомневался в правильности своих действий, но опасался, что у него не хватит сил помочь собратьям и они падут замертво на этой дороге, так и не передав важные послания о будущем церкви и об угрозе чумы.

Впрочем, твердил себе Фрэнсис, теперь уже поздно что-либо менять. Он пригнулся к земле и стал ждать, когда первые гоблины пройдут мимо выбранного монахами дерева.

Фрэнсис метнулся вперед, припал на одно колено, вытянул руку, сжимавшую графит, и подал сигнал братьям, чтобы они закрыли глаза. И бросил вперед шипящий белый шар — рукотворную молнию. Трех гоблинов, что были впереди, она сожгла заживо, а те, что шли за ними, корчась от боли, повалились на землю. На какой-то момент ярко-белая вспышка ослепила весь вражеский отряд. Братьям вполне хватило времени, чтобы обрушить на ошеломленных гоблинов град арбалетных стрел, камней и самодельных копий. Затем монахи прыгнули вниз и завязалась отчаянная рукопашная схватка — сплошное мелькание локтей, кулаков и ног.

Казалось, что гоблинам нанесено сокрушительное поражение. Враги шатались и падали, корчились на земле, издавая отчаянные крики. Фрэнсис подумал, что монахами одержана легкая победа. И действительно: сражение едва началось, а уже не менее двух десятков гоблинов были убиты и столько же со всех ног неслись обратно в лес.

Фрэнсис, подпрыгивая, кричал от радости и ликования. Графит по-прежнему был зажат в его руке. Кровь стучала в висках, сердце отчаянно колотилось. Магистр ощущал необычайный прилив энергии и не сомневался, что у него хватит сил на вторую молнию.

Возможно, он увидел это краешком глаза, а может, почувствовал своим обостренным вниманием. Как бы там ни было, Фрэнсис ощутил, что за спиной у него кто-то есть. Магистр резко обернулся и увидел, как гoblin-разведчик метнул в него копье. Фрэнсис вскрикнул от неожиданности и страха, попытался увернуться. Но почувствовал, как острое пронзило ему кожу, скользнуло глубже и с глухим звуком ударилось о ребро. Магистра Фрэнсиса Деллакорта спасло от верной гибели лишь несовершенство вражеского оружия. Тонкое копье отскочило от ребра и оставило длинную, но неглубокую царапину на груди и вместо тела застряло в складках его плотной сутаны.

Фрэнсис зашатался. Он чувствовал, что ранен, и видел, как коварный гoblin быстро приближался к нему, обнажив свои желтые зубы.

Фрэнсис не стал пытаться вытащить копье. Он просто распахнул сутану, и оружие само упало на землю. Магистр для защиты выбросил вперед левую руку, а правую отвел в сторону, чтобы отразить первое нападение гоблина. Низкорослая тварь злобно зарычала, брызгая слюной. Язык у гоблина высунулся изо рта — он едва ли мог ожидать мгновенного удара в подбородок, отчего его челюсти сомкнулись, откусив самый кончик заостренного язычка.

Оглушенный ударом враг попятился назад. Фрэнсис, хорошо владевший воинскими искусствами, воспользовался преимуществом. Бросившись на врага, магистр несколько раз ударил его левой рукой в лицо. Гoblin повалился на спину. Фрэнсис упал прямо на него, плотно прижав к земле.

Обреченный враг больно укусил Фрэнсиса в плечо, но тот сдавил ему пальцами шею. Магистру показалось, что прошел целый час — час нестерпимой боли и ужаса, который испытал Фрэнсис, чувствуя, как гoblin извивается под ним, молотя руками воздух и стремясь высвободиться из железной хватки.

Потом гoblin затих, затих насовсем. Даже при бледном свете луны Фрэнсис увидел, как черное облако смерти закрыло ему глаза.

Напомнив себе, что сражение продолжается и рядом могут оказаться другие гоблины со смертоносными копьями, Фрэнсис шатаясь поднялся на ноги.

Он увидел, что братья сражались доблестно: повсюду валялись поверженные враги, а у оставшихся в живых не было ни малейшей возможности прорваться сквозь плотное оборонительное кольцо, образованное монахами.

Но оказалось, что гоблины быстро оправались от страха. К ужасу Фрэнсиса, с левой стороны к монахам с копьями в руках стремительно приближалось несметное количество этих тварей.

Фрэнсис торопливо одернул на себе сутану, нащупывая карман. Вскоре его ладонь уже сжимала графит, а сам он собирал силу камня для удара. Гоблины метнули копья — Фрэнсис услышал крики монахов. И тогда он высвободил рукотворную молнию, удар которой уложил нескольких гоблинов наповал и оглушил остальных.

Монахи бросились на врагов. Вновь завязался рукопашный бой. Низкорослым, тщедушным гоблинам было не устоять против силы и умения людей.

Фрэнсис двинулся на помощь братьям, но почувствовал, что у него подкашиваются ноги. Он просунул руку под одежду и ощупал рану на груди. Когда он вытащил руку, она вся была в крови. Фрэнсис опустился на землю: одинокий, беззащитный, ждущий, что вот-вот кто-нибудь из гоблинов пронзит его копьем.

Но вместо этого магистр услышал, как брат Джулиус позвал его по имени. Затем его окружили монахи.

Фрэнсис вытащил графит и передал камень Джулиусу.

— Арбалеты, — сумел прошептать он.

Уцелевшие гоблины вновь двинулись на монахов, однако их копья были встречены еще

одним ударом молнии и залпом смертоносных арбалетных стрел. Сражение закончилось; оставшиеся в живых гоблины поспешно скрылись в ночном лесу.

— Сколько? — вскоре после конца битвы спросил у Джулиуса Фрэнсис.

— Отдыхайте, магистр, — ответил Джулиус. — Благодаря повязке и магии к утру вам станет лучше.

— Я спрашиваю сколько? — потребовал ответа Фрэнсис.

— Мы уложили почти сорок гоблинов, — ответил Джулиус. — Кого не насмерть, тех добьем. Остальные беспорядочно бежали. Уверен, у них отпала охота к набегам на Давон Диннишир.

Фрэнсис схватил Джулиуса за фалды сутаны и заставил монаха нагнуться так, что их лица почти соприкоснулись.

— Сколько? — прорычал Фрэнсис.

— Шестеро, — нехотя ответил брат Джулиус. — Шестеро убитых и несколько раненых. Им требуется немедленная помощь.

Какое-то время Фрэнсис продолжал держаться за сутану Джулиуса, потом разжал руки и опустился на землю. Шестеро братьев погибли в битве, которой могло и не быть. У магистра Фрэнсиса перехватило дыхание.

Он не помнил, сколько пролежал на земле. Может, час, а может, два. Сознание то покидало его, то снова возвращалось. Вокруг него хлопотали монахи, накладывая повязку и врачую рану с помощью магических камней. Когда магистр окончательно пришел в сознание, он узнал, что еще один из раненых монахов умер.

Погибло более трети сопровождавших его братьев.

Фрэнсиса мало утешала мысль о том, что число убитых гоблинов было намного больше. Некоторое утешение приносило сознание исполненного долга. Они уберегли Давон Диннишир от новых нападений и, по сути, уничтожили засевшего здесь врага. Фрэнсис медленно обошел устроенную монахами стоянку и осмотрел раненых. И хотя никто не выказывал ему своего гнева, магистр понимал: многие братья сомневаются в правильности его решения дать бой гоблинам. Фрэнсис догадывался, что эти сомнения будут высказаны в полный голос, когда монахи вернутся в Санта-Мир-Абель.

— Готовьтесь в путь. Погибших братьев мы возьмем с собой, — распорядился Фрэнсис.

— Теперь прямо в Санта-Мир-Абель? — с долей сарказма спросил брат Джулиус.

Фрэнсис пристально поглядел на него и кивнул.

— Вы осмотрели убитых гоблинов?

— Рассчитываете обнаружить у них сокровища? — насмешливо спросил Джулиус. — Да у этих тварей такие ветхие и рваные башмаки, что сами сваливаются с ног.

— Я хочу знать, почему они здесь очутились, — объяснил свой вопрос Фрэнсис.

— Потому что не могут уйти отсюда, — довольно громко и резко ответил брат Джулиус. — Их положение ничем не отличается от положения других шаек, которые рыщут в здешних краях. Поври привезли их на своих кораблях и выкинули на берег где-то к востоку от Палмариса. А потом мы потопили большинство кораблей поври возле Санта-Мир-Абель. И гоблины оказались в ловушке. Куда им теперь бежать?

Фрэнсис изучающе глядел на молодого монаха. То ли Джулиус открыто осуждает принятое решение сражаться с гоблинами, то ли на него так действует гибель собратьев. Магистр не мог с уверенностью назвать причину. Сейчас это не имело значения. Фрэнсис понимал, что враги внутри церкви не преминут использовать случившееся против него. Но сердце подсказывало Фрэнсису, что он поступил правильно. В свое время магистр Джоджонах изменил курс каравана, посланного с важной миссией в Барбакан, чтобы защитить альпинадорскую деревню от нашествия гоблинов, поври и великанов. Фрэнсис помнил то сражение; тогда вражеские силы были куда многочисленнее. Подобно Джоджонаху, Фрэнсис знал, что был обязан защитить Давон Диннишир.

— Всем приготовиться в путь, — ровным голосом, не мигая и не двигаясь, произнес

Фрэнсис. — Мы отправляемся в Санта-Мир-Абель.

Джулиус тоже ответил магистру долгим, пристальным взглядом, затем слегка поклонился и пошел передавать его распоряжение собратьям.

А Фрэнсис тем временем вытащил из небольшого костра, разложенного монахами, горящую ветку и направился к груде мертвых гоблинов. Что он рассчитывал отыскать? Сокровища или нечто такое, что оправдывает правильность его решения дать бой этой шайке? Вознаграждение, оправдывающее гибель семи монахов? Эти вопросы он без конца задавал себе.

Испытывая смешанное чувство гнева и вины, магистр Фрэнсис пробирался между завшивленных трупов, распикивая их ногой. Он нашел несколько монет: пару золотых «хонсов» и мелочь, но, как и предсказывал Джулиус, не обнаружил ничего ценного. Никаких дополнительных оправданий ночного сражения, кроме одного — эти гоблины угрожали жителям Давон Диннишира. Вздыхая от собственного бессилия, Фрэнсис удостоверился, что башмаки гоблинов (которые, кстати, были не у всех) — сплошное рванье. Скорее всего, обувь была краденной у людей. Гоблины успели истоптать ее до дыр. Фрэнсис поддел ногой один башмак, и тот свалился с ноги. Искать здесь больше нечего. Надо поворачиваться и уходить.

Но взгляд Фрэнсиса привлекло какое-то пятно на ноге гоблина, с которой он сбил башмак. И хотя окраска была другой — желтоватой, вокруг пятна белело все то же обрамление. Знакомая картина.

Фрэнсис наклонился и поднес горящую ветку совсем близко.

— Боже милостивый, — прошептал он.

Ведь это же знак розовой чумы! Точно такой он видел в деревне, на теле умершей женщины. Правда, у гоблина знак имел другой цвет — словно гоблин переболел чумой и выздоровел. Фрэнсис осмотрел все тело мертвого гоблина и нашел на нем еще несколько желтоватых кружочков с белым окаймлением. Тогда он решил осмотреть тела других гоблинов. К удивлению магистра, почти у половины обнаружились следы розовой чумы. Когда он вернется в Санта-Мир-Абель, надо будет внимательно перечитать все летописи и проверить, не похожи ли обнаруженные у гоблинов следы чумы на такие же следы у тех немногих людей, которым удалось выздороветь.

Но Фрэнсис чувствовал, что он уже знает ответ. Логически развивая свое предположение, он понял: скорее всего, демон-дракон затевает новую войну против людей Хонсе-Бира. Войну более скрытую и разрушительную. Значит, прихвостни демона принесли с собой чуму?

Надо успокоиться. Он старался дышать ровно и глубоко, обдумывая при этом свой следующий шаг. Может, стоит доставить тело одного из распространителей заразы в Санта-Мир-Абель? От этой мысли Фрэнсис сразу же отказался. Нельзя ставить под удар его родной монастырь. И тут в голову пришла еще более тревожная мысль: а не заразился ли он сам и другие братья розовой чумой, сражаясь с гоблинами?

— Мы можем проверить это с помощью гематита, — бормотал Фрэнсис, ощущая необходимость услышать ободряющие слова. — Мы... нет, когда мы вернемся, пусть это проверят более опытные братья.

— Чем это вы заняты, магистр Фрэнсис? — услышал он голос брата Джулиуса.

Фрэнсис обернулся и внимательно поглядел на молодого монаха. Нет, сейчас не время делиться с ним своим тревожным открытием.

— Ты оказался прав. Там нечего было искать, — ответил Фрэнсис. — А нам пора трогаться в путь. Пора возвращаться в Санта-Мир-Абель.

Джулиус кивнул.

— Мы готовы, — сообщил он.

— Брат Джулиус, — позвал Фрэнсис, и монах вновь повернулся к нему. — Твой замысел сражения был превосходен. Гоблины могли одолеть нас, а если бы мы ушли, они уничтожили бы Давон Диннишир. И потому на твоих руках нет крови наших погибших

братьев. Думаю, ты должен это понять.

— Я понимаю, магистр Фрэнсис, — ответил Джулиус, и в его голосе звучал упрек. — Я понимаю.

Джулиус зашагал к собратьям. На какое-то мгновение Фрэнсису подумалось: а не отчитать ли этого дерзкого мальчишку при всех за такое неуважительное поведение? Но Фрэнсис оглянулся на груду тел гоблинов и понял: у него есть более серьезные заботы.

ГЛАВА 10 ОТСРОЧКА ПРИВИЛЕГИИ

Настоятель Джеховит все глубже погружался в камень, сливаясь с потоком его силы и достигая самых глубин. Там его дух обретал свободу от оков престарелого тела. Для Джеховита это было состоянием высшей благодати, состоянием максимальной близости к Богу, какое только возможно достичь, оставаясь в смертном теле. Сейчас он был свободен от ограничений плоти; он мог двигаться в духе, не зная границ и не испытывая старческих немощей.

Он видел женщину, которая ожидала рядом. Согласно его указу, ее рука сжимала брошь с солнечным камнем. Констанция Пемблбери явно не была искусна в магии самоцветов, но сейчас от нее этого и не требовалось. Если она почувствует, что что-то не так, ей нужно лишь кольнуть себя булавкой магической броши, и противомagическая волна исторгнет дух настоятеля из ее тела.

Джеховит приближался, борясь с желанием проникнуть внутрь нее и овладеть телом Констанции. В этом как раз и заключалась опасность путешествия в духе — дух инстинктивно желал найти телесную оболочку, часто изгоняя оттуда уже обитающий там дух.

Теперь Джеховит находился совсем рядом с Констанцией. Он протянул свою бесплотную руку к ее обнаженному животу. Жаль, что он не может коснуться и почувствовать ее гонкую, гладкую кожу.

Старый настоятель прогнал эту нечестивую мысль и сосредоточился на том, что ему предстояло сейчас сделать. Он приблизился и буквально навис над Констанцией. Джеховит собрал всю свою волю, чтобы не допустить попытки совершить одержание. Он продвигался вперед, стараясь думать только о поиске.

Джеховит сразу же безошибочно почувствовал еще одну жизнь, еще одну душу, пребывавшую во чреве Констанции. Он более не мог сопротивляться — его дух подбирался к будущему ребенку, чтобы слиться с ним. С какой легкостью он мог бы выбросить из тела эту крошечную, совсем неразвитую и ничего не понимающую душу! Обрести новое тело? Как заманчиво: начать жизнь заново, во чреве, но сохраняя понимание и опыт предыдущей жизни!

Настоятеля выбросило из чрева Констанции столь неожиданно, что прежде, чем он успел ощутить перемену, он уже находился в своем дряхлом теле и мигая смотрел на сидевшую рядом придворную даму.

— Что вы там делали? — резким, требовательным тоном спросила она.

— Я... я делал то, о чем ты меня попросила, — запинаясь ответил Джеховит.

Он закрыл глаза, у него кружилась голова — неожиданная перемена состояния давала о себе знать.

— Нет, вы устремились дальше, — упрекала его Констанция. — Вы попытались... — начала было она, но не договорила, и на ее лице появилась зловещая улыбка.

— Дорогая Констанция, — провозгласил настоятель. — Магия твоих чар достигла желанной цели. Ты носишь ребенка короля Дануба.

Констанция хлопнула в ладоши, затем поднесла их ко рту, чтобы не закричать от радости.

— Это правда, — созналась она.

— Почему же ты удивлена? — язвительно спросил Джеховит. — Не этого ли ты хотела? Не это ли являлось твоей целью с тех самых пор, как ты заметила, что твой возлюбленный Дануб не спускает глаз с Джилсепони Виндон?

— А вы не одобряете моей цели? — спросила она жестко. — Если да, так что ж вы не предупредили короля?

Джеховит сдержанно рассмеялся.

— Я опасюсь Джилсепони, но не питаю к ней ненависти, — с упреком продолжала Констанция. — Я не желаю ей зла. Это вы готовы щедро заплатить палачу, только бы он снес с плеч ее очаровательную головку.

Джеховит поклонился придворной даме, давая понять, что ее рассуждения не лишены оснований.

— Я опасюсь ее гораздо сильнее, чем ты можешь себе представить, — сказал он. — Ты боишься, что она отпихнет тебя и займет твое место возле Дануба. Я же боюсь, что она перевернет вверх дном всю церковь Абея.

— А что может вернее удалить ее от церкви, чем дела двора и государства? — все тем же, полным упрека голосом продолжала Констанция. — Возможно, настоятель Джеховит частенько нашептывает королю про Джилсепони.

Монах засмеялся.

— Думаешь, если бы Джилсепони стала королевой Хонсе-Бира и оказалась в Урсале, я бы от этого выиграл? — недоверчиво спросил он. — Нет, моя дорогая Констанция, я никогда не желал подобных перемен. Я рад, что эта женщина отправилась на север, с глаз долой.

— А что в таком случае вы скажете о Констанции в ее теперешнем положении? — спросила придворная дама.

Настоятель вновь усмехнулся.

— Это будет не первый ребенок Дануба. И вряд ли последний.

— Вы говорите «ребенок», — повторила за ним Констанция. — Кто, мальчик или девочка?

— Большинство матерей предпочитают не знать об этом раньше времени.

Констанция крайне сердито уставилась на старика.

— Мальчик, — ответил Джеховит, и придворная дама ликующе сжала кулаки.

— Только не заносись слишком высоко и не думай, что это сильно изменит твое положение при дворе, — сказал Джеховит.

— Вы ничего не знаете о моих отношениях с королем Данубом, — парировала Констанция. — Это скорее вы заноситесь, а не я.

Джеховит обнял ее за талию и одарил очаровательной улыбкой.

— Можно подумать, в этом деле мы враги, а ведь у нас с тобой схожие цели, — сказал он. — Нас обоих заботит здоровье короля и его королевства, не так ли?

— Интересно бы знать, как, по разумению настоятеля Джеховита, мое положение влияет на здоровье короля? — напрямую спросила Констанция.

Улыбка старика стала совсем искренней.

— Мне, дорогая Констанция, было бы совсем нетрудно величать тебя королевой.

Констанция тоже улыбнулась и кивнула. Затем она оделась и ушла.

Настоятель Джеховит, чью жизнь события в Палмарисе перевернули вверх тормашками и чье положение в его возлюбленной церкви стало весьма неопределенным из-за многолетней дружбы с низвергнутым Марквортом, следил за каждым шагом удалявшейся придворной дамы. Кого она носит в своем чреве? Будущего короля Хонсе-Бира? Джеховита занимал не столько первый, сколько второй вопрос, ибо он не надеялся пережить молодого короля Дануба. Он хотел знать: исполнится ли заветное желание Констанции стать королевой?

— Да будет так, — произнес вслух старый настоятель. Честно говоря, он никогда не ссорился с Констанцией. Более того, он часто выделял ее как самую толковую среди светских советников Дануба. Правда, Джеховит все равно сомневался, что король женится на

Констанции. Если бы он хотел, он бы давным-давно сделал это.

Логика подсказывала, что в складывающейся ситуации нет ничего опасного. И все же что-то продолжало будоражить старого монаха, пока наконец он не нашел источник беспокойства.

Он покачал головой. Теперь Джеховиту стали ясны собственные опасения. А вдруг беременность Констанции вызовет у короля совсем иные чувства и действия? Что, если он начнет добиваться Джилсепони, надеясь получить от нее более желанного для него наследника?

Констанция добилась того, чего желала; ее напор и вероломство достигли заветной цели. Но старый и мудрый Джеховит сомневался, что придворная дама понимает все последствия своего шага.

У нее родится мальчик, сын короля Дануба Брока Урсальского! Казалось бы, эта новость не должна была ошеломить Констанцию; ведь она так давно этого хотела. И все же с того момента, когда Джеховит сказал ей о ребенке, мир словно преобразился.

После разговора с настоятелем она сразу же отправилась к себе, легла и задумалась. Констанция чувствовала, как нарастает ее радость. Она станет матерью будущего короля Хонсе-Бира! Ее ребенок поднимется на самую вершину и вернет роду Пемблбери то высокое положение, которое когда-то он занимал.

Действительно, в давние времена, еще до того, как дальний предок короля Дануба начал объединение земель королевства, род Пемблбери обладал земельным правом и владел Вестер-Хонсом. Когда король Бендрагон Селин Урсальский объединил земли и подчинил Вестер-Хонс короне, предки Констанции поначалу сохранили свое могущество. Однако с течением времени население этой провинции стало уменьшаться, и Вестер-Хонс постепенно пришел в упадок. Чтобы не потерять связи с королевским двором, бабушка Констанции стала придворной дамой. Мать Констанции — побочная дочь одного герцога, дальнего родственника семьи Таргона Брея Каласа, — последовала ее примеру. Она же обучала юную Констанцию премудростям их нового семейного ремесла.

Ее сын будет первым за три поколения родившимся мальчиком. Он восстановит мужскую линию рода Пемблбери, восстановит все, чем некогда был этот род, и приумножит его славу.

Но не только надежды заполняли мысли Констанции в это утро. Хватало и сомнений. Сейчас она отчетливо понимала, что поставила короля Дануба в щекотливое и, возможно, опасное положение. Она играла по собственным правилам, немало рискуя и надеясь, что Дануб останется верным ей.

Констанция попыталась успокоиться и еще раз все обдумать. Ее своеволие могло окончиться ссылкой. В таком случае Констанции придется пополнить ряды провинциальной знати и разделить участь обеих придворных дам, забеременевших от Дануба. Ее охватил неподдельный ужас: неужели все этим и закончится?

Страх, правда, быстро прошел, ибо Констанция напомнила себе, как страстно она хотела ребенка. Она уже зрелая женщина, а Дануб не делал ничего, чтобы узаконить их отношения. Поэтому у Констанции не оставалось иного выбора.

Разумеется, она могла бы пойти менее сложным и опасным путем, выйдя замуж за какого-нибудь аристократа. Многие почли бы за счастье жениться на ней. Но Констанции был не нужен ребенок от любого мужчины, и она не собиралась сочетаться брачными узами с тем, кого не любила. Она полюбила Дануба еще тогда, когда он не был женат на королеве Вивиане. А с момента королевской женитьбы прошло уже два десятка лет. Дануб был ее другом и возлюбленным, единственным мужчиной, который, как ей казалось, по-настоящему ее понимал. Теперь он являлся и отцом ее ребенка. Никакие сокровища мира не заменили бы ей нынешнего положения.

Констанция погружалась в сладкую утреннюю дрему. Радость победила все страхи, и ее новое положение теперь казалось вполне естественным. Констанции доставляло огромное

удовольствие думать о том, что в ее чреве зародился ребенок. Ребенок Дануба.

— Калас по-прежнему контролирует церковь Абеля и в Палмарисе, и во всех прилегающих землях, — с довольным видом сказал король Дануб, обращаясь к Джеховиту.

Настоятель пришел в роскошный королевский кабинет спустя несколько часов после встречи с Констанцией. Дануб полулежал в кресле, потягивая вино и созерцая свою громадную библиотеку, самую большую библиотеку в мире — она была богаче даже библиотеки Санта-Мир-Абель.

Король искренне улыбался; он находился в прекрасном настроении, и вовсе не вино было тому причиной. Дануб радовался возвращению домой, радовался светлым летним дням. Наконец-то его королевство обретает спокойное течение жизни. Теперь он снова будет наслаждаться прогулками по полям, окружавшим Урсальский замок. Вновь предстоит множество балов и приемов, на которые будут съезжаться столичная знать и хорошенькие придворные дамы. Похоже, жестокая опасность, грозившая его королевству от демона-дракона, теперь окончательно миновала, а честолобивые церковники, которые нередко становились самыми яростными его соперниками в борьбе за власть, вскоре опять удалятся за древние стены своих монастырей.

— А мне недостает герцога Каласа, — сознался король и вновь засмеялся, когда увидел, как нахмурился Джеховит, никогда не питавший дружеских чувств к герцогу.

— Думаю, довольно скоро я смогу вернуть его в Урсал, — добавил король.

— Не стоит недооценивать настоятеля Браумина Херда, — предостерег Джеховит.

— Калас извещает, что Джилсепони отправилась на север, — ответил Дануб. — А без нее у нашего друга Браумина поубавится пылу. Мы выходим из мрачных времен, и одновременно с этим ослабевает влияние церкви. Жители Палмариса хорошо помнят жуткое правление епископа Де'Уннеро. Уверяю вас, память об этих ужасах только на руку герцогу Каласу.

— Поскольку герцог Калас всегда являл собой образец человека мягкого и милосердного, — язвительно проговорил Джеховит.

Но и эта реплика вызвала лишь смех Дануба.

— Друг мой, посмотрите, какой замечательный сегодня день. А сколько замечательных дней у нас впереди! — сказал король, поднимая бокал.

Лицо Джеховита оставалось серьезным и задумчивым. Король опустил бокал и внимательно поглядел на старого монаха, только сейчас сообразив, что настоятель пришел к нему не случайно.

— Утром я встречался с Констанцией, — начал Джеховит.

— Ну и... — нетерпеливо спросил Дануб. — Если что-то случилось при моем дворе, говорите без обиняков.

— Констанция беременна, — сообщил ему Джеховит. — У нее ребенок от вас. Мальчик. Если не будет осложнений, на будущий год, в середине зимы, она должна родить.

Дануб с трудом проглотил слюну.

— Немыслимо, — пробормотал он. — Констанция прекрасно знает, как предохранить себя...

Король замолчал, обдумывая услышанное. Сейчас его занимал только один вопрос: было ли это зачатие случайным или преднамеренным. Констанция не один десяток лет была его верной подругой. Их любовные отношения то затихали, то вспыхивали вновь. Однажды она напрямую спросила, каковы его намерения относительно нее, если таковые имеются... Неужели она сознательно обманула его?..

— Такова жизнь, ваше величество, — сказал настоятель Джеховит. — Надеюсь, вы помните, что уже произвели на свет двоих детей? Смею вас заверить: немало придворных дам оказываются беременными; просто они вовремя обрывают свою беременность.

— Беременными от меня? — спросил Дануб, и в широко раскрытых глазах отразился весь охвативший его ужас.

Джеховит развел руками, стараясь успокоить короля.

— Такое случается, — тихо сказал он. — Просто придворные дамы задумываются о своем будущем. Чтобы занимать место при дворе, надо быть не только красивой и одаренной. Надо избегать осложнений. Большинство придворных красавиц отлично понимают, насколько изменится их жизнь с появлением ребенка. Лишиться места и оказаться в нищете...

Кресло вдруг показалось королю жестким и неудобным. Он почти залпом осушил бокал крепкого вина. Он не любил, когда ему напоминали об этой стороне его жизни, но и отрицать справедливость сказанных Джеховитом слов он не мог. Подумав о характере Констанции, он несколько успокоился.

— Констанция этого не допустит, — сказал король.

— Разумеется, не допустит, — согласился Джеховит. — Сомневаюсь, чтобы она считала ребенка от короля Дануба Брока Урсальского тяжкой ношей или причиной для слез, если только это не слезы радости.

Интонация, с какой были произнесены последние слова, подсказала Данубу: старик полностью убежден, что Констанция стремилась забеременеть. Короля удивило лишь то, что мысль об этом не вызывает в нем гнева. Сколько лет Констанция Пемблбери была Данубу верной союзницей! А сколько раз она утешала его в дни сомнений и смятений, укрепляла дух, когда требовалось принимать серьезные решения, будь то помилование отпетого злодея или распределение провизии в тех землях, которым угрожал голод!

— Возможно, она заслужила этого ребенка, — пробормотал Дануб, обращаясь больше к самому себе, нежели к Джеховиту.

— А какая судьба ожидает его? — напрямую спросил настоятель, прерывая размышления короля.

Дануб посмотрел на старика, но ничего не сказал.

— Вы произвели двоих детей и позаботились об их матерях, обеспечив им достойное существование и даже пожаловав их детям скромные титулы, — напомнил ему Джеховит. — Но одновременно вы издали соответствующий указ, навеки лишаящий ваших детей и их потомков претензий на трон королевства Хонсе-Бира. Намерены ли вы предпринять то же самое в отношении ребенка Констанции Пемблбери?

Дануб уже собирался сказать: «Разумеется», но слова застряли у него в горле, когда он еще раз задумался о создавшемся положении. Вместо ответа он глубоко вздохнул.

— Вы ее любите? — спросил Джеховит.

Дануб согласно покачал головой, но тут же произнес:

— Не знаю.

— А Джилсепони? — спросил удивленный настоятель.

У короля Дануба округлились глаза.

— Как вы осмеливаетесь задавать мне подобный вопрос? — загремел он, но Джеховит слегка поднял руки, призывая вернуться к спокойной беседе.

— Просто я видел, как вы глядели на нее, — ответил настоятель. — Нет слов, она прекрасна, и при взгляде на нее любой мужчина ощутит волнение. По своим деяниям она достойна королевского трона. Осмелюсь сказать, на свете нет более достойной женщины, чем Джилсепони Виндон, чтобы сидеть на троне рядом с вами.

Данубу вновь было нечего возразить на здравые рассуждения настоятеля. Однако он напомнил себе, что Констанция, в отличие от Джилсепони мечтающая стать королевой, носит его ребенка. На лице короля ясно читалось охватившее его замешательство.

— Я сообщил вам ошеломляющую новость, ваше величество, — с поклоном произнес Джеховит. — Но сейчас нет необходимости принимать какое-либо решение.

— Такая необходимость возникнет довольно скоро, — ответил Дануб. — Время летит быстро. К концу лета беременность Констанции станет очевидной для всех. Вопросов и пересудов не избежать.

— Вам незачем на ней жениться.

— Но я буду вынужден издать указ, определяющий ее статус и статус ребенка, — возразил Дануб. — Если это опять будет указ о лишении прав на престолонаследие, он больно ударит по Констанции, а мне бы не хотелось причинять ей боль.

— Скорее всего, она знала, на что идет, — осторожно вставил Джеховит.

Суровое выражение королевского лица свидетельствовало о том, что Дануб не готов принять это замечание. Сейчас не столь важно, предпринимала Констанция меры предосторожности или, наоборот, стремилась зачать ребенка. Дануб сам сыграл в этом отнюдь не второстепенную роль.

— Не стоит забывать, что у вас есть родной брат, — поспешно сменил тему разговора Джеховит.

— А если я ничего не стану делать? — спросил Дануб. Он знал, что Джеховит, как никто другой во всем королевстве, осведомлен о придворных делах. — Что, если я позволю событиям идти своим чередом? Ребенок родится, я не стану издавать указ о лишении его права престолонаследия, но и не стану официально признавать его. Будет ли в таком случае этот мальчик иметь больше прав на трон, нежели Мидалис?

Джеховит ненадолго задумался, потом кивнул.

— Если вы умрете раньше Мидалиса и ваше отцовство будет общепризнанным фактом, подкрепленным тем, что мать ребенка оставалась при вас, тогда у мальчика действительно будут определенные права на трон. Правда, осуществить их окажется не так-то легко, ибо вашему сыну будет противостоять и сила закона, и сила меча. Поверьте, ваше величество, войны вспыхивали и по гораздо менее серьезным причинам.

— Значит, я должен сделать выбор, причем скорый, — ответил Дануб. — Либо причинить боль Констанции, либо вызвать гнев Мидалиса. И получается, какой бы выбор я ни сделал, один из близких мне людей обязательно пострадает.

— Но существует и третья возможность, — сказал Джеховит.

— Я не буду просить ее избавиться от ребенка, — твердо произнес король.

— Ну зачем же так? — улыбнулся Джеховит. — Ни в коем случае!

Дануб наклонил голову, изучающе глядя на монаха. Король не сомневался, что когда другие женщины, как заметил Джеховит, избавлялись от своих нежелательных детей, то к этому наверняка были причастны либо сам старый лицемер, либо кто-нибудь из его собратьев, сведущих в магии.

— Вы можете прибегнуть к тактике отсрочек, — продолжал настоятель. — Тогда пусть события идут своим чередом; эта тактика позволит вам через какое-то время принять более определенное или даже окончательное решение. Такое уже случалось в прошлом. Вы можете издать указ об отсрочке привилегии. Это даст вам свободу действий. Иными словами, вы не отказываете вашему сыну в праве на престолонаследие, что имело место в отношении других ваших детей. Но и прямым вашим наследником он при этом не является. Тем не менее, если Мидалис наследует трон после вас и умрет бездетным, тогда ваш сын окажется законным наследником престола.

— Отсрочка привилегии? — повторил Дануб.

— Временная мера, к которой прибегали в минувшие века, — ответил Джеховит. — В этот указ вы даже сможете включить пункт о непредвиденных обстоятельствах, устраняющих для вашего сына преграды на пути к трону. Предположим, вы переживете своего брата, а потом вдруг неожиданно умрете.

— Вот уж вдохновляющая перспектива! — сухо заметил Дануб.

— В таком случае, если это будет оговорено в указе, ребенок Констанции сможет наследовать трон, — пояснил Джеховит.

— А если я издам указ об отсрочке привилегии, но Мидалис меня переживет?

— Тогда, пока он жив, ребенок не сможет претендовать на трон. В этом случае решение будет зависеть от вашего брата. Он либо согласится признать вашего сына наследником престола, если сам умрет бездетным, либо откажет ему в этом праве и издаст соответствующий указ.

Дануб вновь откинулся к спинке кресла и подпер рукой подбородок, пытаясь как-то упорядочить сказанное Джеховитом.

— Насколько все было бы проще, если бы вы и ваш брат женились и произвели на свет законных наследников, — посетовал настоятель.

Дануб, сощутив глаза, бросил на него быстрый недобрый взгляд. Будто старый монах забыл, что король уже был женат. Вивиана умерла вопреки всем попыткам Джеховита спасти ее. Эти попытки, точнее их бесплодность, привели к расколу среди придворных, продолжавшемуся многие годы, — отсюда вражда между Джеховитом и герцогом Каласом.

Джеховит быстро поклонился и поспешил уйти.

А король Дануб Брок Урсальский, который совсем недавно радовался тому, что жизнь наконец возвращается в нормальное русло, остался один в полном смятении. Ход с отсрочкой представлялся ему самым многообещающим. С одной стороны, он избавлял Констанцию от душевных мук. С другой — не ущемлял прав Мидалиса. Хотя младший брат не был с Данубом в особо близких отношениях, он не стремился занять его место на троне.

Да, отсрочка привилегии казалась самым разумным решением, и, если все рассматривать под таким углом, создавшееся положение виделось не таким уж тяжелым.

Не таким уж тяжелым, только вот... Король молчал об этом в разговорах с Джеховитом и не слишком охотно признавался даже самому себе. Джилсепони. Женщина-воин, чародейка, владеющая тайнами камней. Король Дануб был не в состоянии выбросить из головы ее образ.

ГЛАВА 11 ЛЕЖАЩИЕ РЯДОМ

Белли'мар Джуравиль бесшумно перелетал с дерева на дерево. Необычное чувство владело им — ощущение тепла и дружеского участия. Так часто бывало с ним, когда он возвращался в Эндур'Блоу Иннинес из своих путешествий в мир людей. Для Джуравилья край Тимберленд, где находился Дундалис — родина Полуночника и Джилсепони и место последнего упокоения доблестного Элбрайна, будил те же чувства, что и долина эльфов. Поднимаясь по холмам, поросшим лесом, и спускаясь в лесистые долины, Джуравиль все время думал об этом странном сходстве.

Джуравиль был плоть от плоти народа тол'алфар. Он очень давно жил на свете, но эта истина всегда оставалась для него главной. На ней строились законы эльфов, и она же обуславливала присущее эльфам восприятие мира. Джуравиль, как и любой из его соплеменников, считал свой народ лучше всех остальных. С кем-то из эльфов он мог полностью расходиться во мнениях, кто-то мог быть ему весьма несимпатичен — но даже такой эльф значил больше, чем лучшие друзья, *не принадлежащие к тол'алфар*. Ни прежде, ни теперь Джуравиль не подвергал сомнению эту аксиому. Однако теплые чувства, которые он испытывал, приближаясь к Дундалису — небольшому городку людей, искренне удивляли его.

Впрочем, если бы Белли'мар Джуравиль задумался по-настоящему, то, наверное, понял бы, что эти представления расходятся с чувствами, наполнявшими его сердце.

День только начинал клониться к вечеру. Эльф решил передохнуть. Он уютно устроился на высокой ветке раскидистого клена и вскоре сладко заснул. Но долго спать ему не пришлось. Предвечерний ветерок принес звуки чарующей мелодии, и она разбудила Джуравилья. Ему показалось, что музыка льется отовсюду, словно каждое дерево глубоко и страстно вдыхало ее в себя, а затем выдыхало, передавая дальше. Лес очень бережно относился к этой мелодии, почти ничего не примешивая к ее звукам.

— Лесной Дух, — улыбнувшись, прошептал Джуравиль.

Так когда-то жители Дундалиса прозвали кентавра Смотрителя за его удивительную игру на волынке. Как часто в детстве Элбрайн и Джилсепони слышали эту музыку! А как часто она приходила к ним ночной порой, когда они спали в своих кроватках!

Наряду с людьми кентавр тоже считался *не принадлежащим к тол'алфар*, однако от его песни исходит удивительный покой. Этот покой был чем-то сродни чувству тихой радости, охватившей эльфа, когда он вновь оказался в знакомых местах.

Джуравиль медленно двигался на звук волынки, останавливаясь, чтобы послушать и даже потанцевать, если на пути встречалась полянка. Он знал, что до ночи еще далеко, а кентавр любил играть допоздна. Поэтому Джуравиль не спешил.

Наконец он увидел Смотрителя. Кентавр стоял на вершине холма, держа одной рукой волынку. Он был меньше настоящих лошадей и, конечно, меньше могучего и рослого Дара. Однако сейчас Смотритель показался эльфу необычайно высоким, едва ли не десятифутовым великаном. Джуравиль всегда поражало, как этот суровый воин способен играть столь чарующие мелодии. Его удивляла сама душа Смотрителя, одновременно яростная и нежная.

Рядом с кентавром на траве лежал Роджер Не-Запрешь. В детстве этот парень перенес тяжелую болезнь, от которой умерли его родители. Роджер выжил, но с тех пор почти не вырос и напоминал тщедушного остролицего подростка. Джуравилью вдруг подумалось, что у Роджера есть много общего с эльфами. Не по характеру, конечно, — тут же напомнил себе Джуравиль. За два минувших года на долю Роджера выпало немало испытаний, и парень многому научился. Он очень далеко ушел от того беспечного, эгоистичного мальчишки, которому Джуравиль и Полуночник помогли спастись от кровожадных поври, хозяйничавших тогда в Кертинелле. Но с точки зрения эльфов, которую целиком разделял Джуравиль, Роджеру было еще очень и очень далеко до рассудительности и понимания, присущих Джилсепони. Наверное, этому парню понадобятся годы, чтобы научиться видеть мир так, как видит его Смотритель и как видел его Полуночник. Но ему никогда не подняться до истинного понимания мира, свойственного народу тол'алфар.

И все же Джуравиль по-своему любил Роджера. Он терпеливо сносил выходки парня, когда тот был моложе и глупее, а в последние дни войны против Маркворта они прекрасно понимали друг друга и действовали сообща.

— Мне не терпится снова ее увидеть, — услышал эльф голос Роджера.

По лицу парня было ясно, что он говорит о Джилсепони. Значит, ее пока еще нет в Дундалисе, и самоцветы, скорее всего, по-прежнему находятся у Роджера.

Смотритель ответил не сразу.

— Ну, парень, она ж не на крыльях летит, — сказал кентавр. — Из Палмариса досюда, считай, не меньше недели добираться.

— У нее друзья в Кертинелле, — напомнил Роджер.

— Ей и погода в помощь, да и дороги свободны от этих тварей, — добавил кентавр. — Даже не верится. А наша Пони не привыкла, чтобы в дороге не посражаться. В диковинку ей.

Оба весело засмеялись. Похоже, они ничуть не опасались за благополучие своей дорогой подруги, способной одолеть превратности любого путешествия.

Джуравиль неслышно достиг вершины холма — только тень мелькнула и легко прошелестели крылья.

— Возможно, Джилсепони стало скучно, и она свернула с дороги, — произнес он.

Друзья так и подпрыгнули от неожиданности. Смотритель бросил волынку и схватился за топор. Роджер откатился в сторону. Но через секунду Смотритель разразился приветственным криком, а Роджер осторожно позвал:

— Джуравиль?

Эльф предстал перед ними.

— Как давно я не слышал волынки Лесного Духа, — сказал он.

Смотритель швырнул топор через плечо и нагнулся, чтобы крепко обнять Джуравилья.

— И как давно я не слышал сетований Роджера Не-Запрешь, — шутливо добавил эльф, когда кентавр отпустил его и Джуравиль оказался в объятиях парня.

— И мы давненько не видали тебя, эльф, — ответил кентавр. — Думаю, тогда ты прямиком отправился домой.

— Да, все эти месяцы я провел в долине эльфов и, наверное, так никуда бы и не

двинулся, если бы госпожа Дасслеронд не повелела мне вернуться сюда за...

Он умолк и взмахнул руками.

— Впрочем, об этом деле мы со Смотрителем поговорим отдельно. Любые срочные дела могут подождать, пока старые друзья не обменяются новостями.

Смотритель и Роджер встревожились, но Джуравиль продолжал безмятежно улыбаться.

— И новостей-то особых нет, — начал кентавр. — В городах наших опять полно народа.

— Что-нибудь слышно о гоблинах? — спросил Джуравиль.

— Ни гоблинов, ни поври, ни великанов, — поспешно ответил Роджер. — Мы постоянно рассылаем отряды дозорных по всему краю. Везде тихо и спокойно.

— Думаем, дальше, на севере, этой дряни хватает, — добавил кентавр. — Но снова сунуться на юг они не посмеют.

Эти доводы звучали убедительно. Как-никак эти двое вместе с Элбрайном, отрядом королевских солдат и монахами-отступниками проделали путь до самого Барбакана и, пройдя сотни миль по Вайлдерлендсу, почти не сталкивались с вражескими тварями. Джуравиль, возвращаясь домой через Вайлдерлендс, тоже никого не встретил. Исключение составляла Вересковая Пустошь, но там всегда хватало гоблинов. Однако до пробуждения дракона они угрожали лишь тем, кто по глупости или неосторожности забредал в их владения.

Да, здешние края постепенно возвращались к мирной жизни, отчего песни Смотрителя становились светлее и радостнее.

— Если они и двинутся на юг, — нарушил молчание Роджер, — я сумею похитить у них оружие. Пусть тогда гонятся за мною!

— Если у них, на твоё счастье, не будет овчарок, — довольно сурово напомнил хвостуну Джуравиль.

Напоминание было не из приятных, ибо Роджеру пришлось на собственной шкуре испытать, что такое зубы сильных и злобных псов, которых поври специально натаскивали на людей.

Смотритель буквально взорвался от смеха, а парень плотно стиснул губы и сердито уставился на эльфа. Джуравиль спокойно выдержал этот взгляд, и выражение его лица красноречиво говорило Роджеру, что тот избрал неподходящий объект для своего бахвальства.

— Будет тебе похвально, — сказал Смотритель, вновь поднося к губам волынку.

Но играть кентавр не стал, а кивнул Джуравилью.

— Послушай, эльф, чего ж ты не расскажешь нам, за чем вернулся? Или хочешь, чтобы мы тебя упрасивали?

— Я сделался наставником будущего Защитника-рейнджера, — сообщил Джуравиль.

— И ты хочешь привезти его сюда? — быстро спросил Роджер.

Судя по всему, его не особо радовала такая возможность.

— Она еще ребенок, — пояснил эльф. — Не волнуйтесь, эта девочка не приедет в Дундалис.

Роджер мрачно кивал, затем вдруг удивленно вскинул голову:

— Девочка?

— А почему это тебя так удивляет? — спросил Джуравиль. — Ты не веришь, что женщина способна быть Защитником?

— Что ты глаголешь? — зарокотал Смотритель, изо всех сил подражая голосу и словам Эвелина Десбриса. — Да Пони за такие слова въехала бы тебе по костлявой заднице!

Роджер пожал плечами, не желая спорить.

— Джилсепони тоже могла бы пройти обучение у нас, — согласился Джуравиль. — Если бы в свое время мы узнали о способностях этой осиротевшей девчушки, бежавшей из сожженного Дундалиса, ее дальнейшая жизнь протекала бы совсем по-иному.

Упоминание о Пони пришлось лишь к слову, однако Джуравиль заметил, что Роджера

его слова почему-то задевают. Зная особенности характера парня, эльф без труда разгадал причину.

— И ты, Роджер Не-Запрешь, тоже мог бы оказаться в Кер'алфаре, если бы мы узнали о тебе раньше.

— Я и сейчас могу отправиться туда учиться, — без тени сомнения ответил Роджер.

— Ты на целых пять лет старше предельного возраста, — объяснил Джуравиль. — Госпожа Дасслеронд не позволит взрослому человеку обучаться у нас.

— Тогда поучи меня сам, пока ты здесь, — шутливо предложил Роджер.

— Обучение длится годы.

— Ну, хотя бы чему-нибудь, — не унимался Роджер. — Научи меня тому танцу меча, который Элбрайн и Пони...

Роджер от удивления разинул рот, когда увидел, как посуровело лицо эльфа, как сжались его тонкие губы. Казалось, еще немного и гнев эльфа прорвется наружу.

— Думаю, он скажет тебе «нет», — сухо заметил Смотритель.

Роджер посмотрел на кентавра, ища у него поддержки, и беспомощно, по-детски улыбнулся.

— И что же дальше, эльф? — спросил Смотритель. — Ну, досталась тебе в обучение девчонка, будешь растить из нее воина. Но неужто ты пришел только затем, чтобы рассказать нам об этом?

— Она — прирожденная наездница, и я должен подыскать для нее коня, — ответил Джуравиль, не сводя пылающего взгляда с Роджера.

Эльф понимал, что у парня и в мыслях не было задеть его, однако само упоминание о би'нелле дасада — тайном боевом искусстве эльфов — разбередило в Джуравиле старую рану. То, что Элбрайн самовольно обучил Джилсепони этому танцу, сильно разгневало госпожу Дасслеронд. Джуравиль считал, что в отместку его повелительница решила забрать у них ребенка и воспитать его как сына народа тол'алфар. И именно гнев предводительницы эльфов был причиной тому, что Джуравиль не подпускали к этому ребенку, а Джилсепони ничего не сообщали о судьбе ее сына. Более того, основная вина за обучение Джилсепони танцу меча лежала на нем, Белли'маре Джуравиле. Какие бы чувства он ни питал к Элбрайну или Джилсепони, эльф не мог отрицать, что Полуночник совершил предательство. Элбрайн раскрыл секрет боевого танца, не являвшегося его личным достоянием, и это, по мысли госпожи Дасслеронд, угрожало безопасности народа тол'алфар.

— У нас тут бегают чудные пони, — начал было Смотритель, и вдруг его лицо помрачнело. — Ты же не думаешь... — пробормотал он, не решаясь высказать свою догадку вслух.

— Маленькой наезднице нужен подходящий конь, — решительно произнес Джуравиль.

Роджер поочередно взглянул на обоих, словно пытаясь понять, о чем речь. И тут он догадался!

— Дар? — тревожно спросил парень. — Ты никак хочешь забрать Дара? Но...

— Успокойся, паренек, — вмешался Смотритель. — Никому не забрать Дара, если он сам не согласится.

— Это правда, — согласился Джуравиль. — И я уверен: если Дар не согласится, Смотритель подыщет другого достойного коня.

— Говоришь, прирожденная наездница? — спросил кентавр.

— Она из племени тогайру, — ответил Джуравиль.

Смотритель восхищенно присвистнул.

— Они ездят на низкорослых пегих лошадках? — спросил Роджер. — На таких, как у рыцарей из Бригады Непобедимых?

— Тогайранские лошади — это все-таки пони, — сказал Смотритель. — Куда им до настоящих лошадей! Они по-своему хороши. Но если ты думаешь выбрать такую лошадку для своей девчонки, это не тот выбор.

Джуравиль кивнул и решил прекратить разговор о лошадях. У них со Смотрителем еще

будет время поговорить об этом.

— Поиграй нам, Лесной Дух, — с улыбкой попросил он. — Я выслушал достаточно слов. Теперь мне хотелось бы послушать, что у Смотрителя на сердце.

Кентавр улыбнулся в ответ и заиграл. Джуравиль улегся рядом с Роджером на траве. Парень вскоре заснул, но эльф еще долго глядел в звездное небо, завороченно слушая песни Смотрителя.

— Ты говорил Смотрителю, что Джилсепони скоро вернется в Дундалис, — напомнил Роджеру Джуравиль, когда на следующее утро они вдвоем шагали по направлению к городку.

День обещал быть солнечным и жарким, без малейшего намека на ветер. Смотритель на рассвете отправился туда, где пасся табун, чтобы присмотреть подходящую лошадь для подопечной Джуравиль и попытаться разыскать Дара.

— Может, она уже приехала, — как всегда возбужденно ответил Роджер.

Джуравиль и сам хотел увидеть столь дорогую его сердцу Джилсепони. Вместе с тем по голосу Роджера эльф понял: помимо радостного возбуждения парнем владеет еще какое-то чувство.

— Ты давно не видел ее? — спросил Смотритель.

— С прошлого лета, — ответил Роджер. — С того самого дня, как мы со Смотрителем повезли Элбрайна... я хотел сказать...

— С того самого дня, как вы увезли из Палмариса саркофаг с телом Полуночника, — договорил за него Джуравиль. — Я следил за началом вашего путешествия.

— Самое ужасное путешествие в моей жизни, — сказал Роджер, и у него слегка задрожал голос. — До сих пор не могу поверить...

— Он покоится в роще? — спросил Джуравиль. — Рядом со своим дядей Мазером?

Роджер кивнул, и эльф тут же свернул с тропы, ведущей в Дундалис, и направился к могиле своего друга. Роджер последовал за ним.

В густой роще, находившейся к северу от Дундалиса, было прохладно. Джуравиль хорошо знал это место и безошибочно выбрал нужную тропинку. Роща была невелика по размеру, но в свое время госпожа Дасслеронд с помощью могущественного изумруда окружила это место магическими чарами. Это произошло через несколько лет после гибели Мазера Виндона, когда предводительница эльфов навестила рощу, дабы проститься с доблестным воином.

Вскоре тропа, змеясь между величественных деревьев, привела их туда, где покоились два саркофага. Джуравиль и Роджер долго простояли в благоговейном молчании, глядя на могилы и вспоминая прошлое. Если Роджер мог вспоминать только об Элбрайне, то эльф, проживший более двухсот лет, вспоминал обоих своих друзей.

— Меч первоначально был погребен здесь вместе с Мазером Виндоном, пока Элбрайн не отвоевал его у духа своего дяди, — нарушил молчание Джуравиль.

Роджер беспокойно кашлянул.

— Мы поначалу не знали, в чьей могиле должен лежать меч, — произнес парень. — Я думал, что это оружие Элбрайна... Полуночника, но Смотритель считал, что «Ураган» надо вернуть Мазеру.

— Но лук «Крыло Сокола» вы положили рядом с Полуночником? — с некоторым беспокойством спросил Джуравиль, поскольку то был последний лук, изготовленный отцом эльфа. Отец Джуравиль сделал его специально для Элбрайна.

— Да, с Полуночником, — подтвердил Роджер.

— Это правильно, — отозвался эльф.

Но не прошло и нескольких секунд, как взгляд Джуравиль вновь сделался пронизывающим и суровым, словно эльф хотел заставить Роджера раскрыть свои истинные чувства.

— Я все время думаю вот о чем. Если бы я или мы оба сумели раньше попасть в Сент-

Прешес... ну, чтобы у нас хватило времени взять меч и лук и передать их Полуночнику, тогда сражение в Чейзвинд Мэнор закончилось по-другому, — сказал Роджер.

— Именно это я и пытался сделать, — признался Джуравиль, желая облегчить терзания парня. — Я находился в монастыре, когда ударили в набат и Джилсепони направилась в Чейзвинд Мэнор. Однако мне не удалось найти ни меча, ни лука.

— Они были в монастыре, — сказал Роджер, которому явно стало легче. — Мы нашли их потом в потаенном месте, куда их спрятал Маркворт. Брат Браумин принес оружие Джилсепони, но она велела отправить меч и лук вместе с саркофагом на север и положить рядом с Полуночником. Жаль, конечно, что у Полуночника не было в руках этого оружия, когда он отправился в Чейзвинд Мэнор на поиски Пони.

— Тогда все перепуталось, — согласился Джуравиль. — Многое оказалось не в тех местах и не в тех руках.

— Хорошо, что нам все-таки удалось найти оружие Полуночника, — произнес Роджер.

Последние слова были сказаны как-то уж слишком возбужденно. Джуравиль чувствовал: Роджер что-то скрывает. Джуравиль вспомнил, с каким пылом он говорил о скором приезде Джилсепони, вспомнил слова госпожи Дасслеронд о том, что мешочек с самоцветами в Чейзвинд Мэнор так и не нашли.

— Вы правильно поместили лук и меч, — похвалил Джуравиль. — Я всегда был уверен, что Роджер Не-Запрешь и Смотритель сделают все, как должно.

— Мы не знали, понадобится ли когда-нибудь это оружие эльфам, — объяснил Роджер.

Джуравиль опустил глаза и взглянул на могилы, в которых покоились два великих воина и замечательное оружие, изготовленное для них эльфами. Пройдет не так уж много времени, и покой этих могил будет нарушен. Новый Защитник, прямой потомок Мазера и Элбрайна, придет, чтобы заявить свои права на оружие. Этому юноше придется сражаться с духом Мазера за право носить «Ураган» и точно так же отвоевывать у призрака собственного отца право на «Крыло Сокола». Вот бы госпожа Дасслеронд надлежащим образом позаботилась об обучении этого ребенка, — подумал Джуравиль.

— Ты действовал правильно, — после долгого молчания сказал Джуравиль. — Время было странное. Я подозреваю, что многое оказалось совсем не там, где должно было бы оказаться.

Эльф считал, что расставил неплохую ловушку для Роджера.

Однако парень не заглотнул наживку, а только пожал плечами.

Белли'мар Джуравиль вполне понимал особенности мышления людей. Все они, начиная с Роджера и кончая Джилсепони, считали, что самоцветы не интересуют народ тол'алфар. Когда Джилсепони опасалась, что она и Элбрайн могут погибнуть в Санта-Мир-Абель, она попросила Джуравилья взять мешочек с камнями, похищенными Эвелином Десбрисом, и отвезти самоцветы в долину Эндур'Блоу Иннинес. Ведь именно из-за этих камней так злобствовал Маркворт. Но тогда Джуравиль отказался выполнить ее просьбу, утверждая, что судьбу самоцветов должны решать люди, а отнюдь не эльфы.

Как ни странно, судьба этих самоцветов сегодня очень интересовала Джуравилья. Именно из-за них он прибыл сюда.

— Идем, — сказал он Роджеру. — Я провожу тебя до северного склона, откуда рукой подать до Дундалиса. Ты сходишь в город и узнаешь, нет ли вестей от Джилсепони. Мы со Смотрителем будем ждать тебя вечером на том же холме. Насладимся ужином, дружеской беседой и песнями Смотрителя!

Джуравиль с Роджером вышли из рощи и, пройдя несколько миль по лесу, расстались. Едва парень скрылся из виду, эльф отправился на поиски кентавра. Когда уставали крылья, он бежал, а когда уставали ноги — летел.

Смотритель подробно рассказал, где его найти, и потому Джуравиль без особого труда отыскал кентавра на холме, поросшем березняком. Оттуда открывался вид на широкое поле, где пасся табун диких лошадей, включая великолепного черного жеребца с белыми манжетами на ногах. Вскоре после появления Джуравилья Дар вскинул голову и повернулся в

их сторону. Эльф заметил, как блеснула бирюза на груди коня. В свое время этот камень поместил гуда Эвелин Десбрис. Бирюза помогала Дару лучше понимать всадника.

— Я сказал ему о том, что ты хочешь забрать его, — сообщил Смотритель.

Не успел кентавр договорить, как Дар ринулся к ним на полном скаку, но затем резко остановился и встал на дыбы. Передние ноги бешено молотили воздух. Затем могучий конь повернулся и поскакал прочь, а вместе с ним унесся и весь табун.

— Думаю, ему не по нраву твое желание, — сухо добавил Смотритель.

Джуравиль проводил глазами удаляющегося Дара. Конь двигался стремительно, тяжело ударя копытами по земле.

— Дар сам выбирает свой путь, — продолжал Смотритель. — Может, он считает, что здесь у него есть дела поважнее.

— Для него табун важнее меня? — спросил Джуравиль.

— Похоже, что так, эльф, — с усмешкой отозвался Смотритель.

Джуравиль сурово поглядел на него, отчего кентавр засмеялся еще громче.

— Дар может думать и чувствовать что угодно. Я не собирался навязывать ему свой выбор и насильно тащить в Эндур'Блоу Иннинес, — заявил Джуравиль.

Смотритель загоготал еще громче. Даже Полночник, ездивший на Даре, по сути, не был хозяином коня.

— У тебя есть другие предложения? — спросил Джуравиль.

— Дар тут показал мне одну лошадку, — сказал Смотритель.

Он махнул рукой в направлении жилистого гнедого жеребца, бегущего едва ли не в самом конце табуна. Если остальные лошади держались плотно, этот отставал и петлял, описывая широкие круги.

— Двухлетка. Норовистым становится, — добавил кентавр.

— Дар сам показал его тебе? — спросил Джуравиль.

Эльф сомневался не в способности Смотрителя и Дара общаться между собой. Его удивил сделанный Даром выбор.

— Почуял призывный запах кобылы и потерял голову, — пояснил Смотритель. — Даже напал на Дара. Забирай конька, не то Дар загонит его в чашу и забьет до смерти.

Джуравиль кивнул, ибо теперь он понял, в чем дело. Кроме Дара в табуне было еще несколько жеребцов, но никто из них не пытался соперничать с ним. И все же Джуравиль одолевала сомнения. Подойдет ли этот норовистый молодой жеребец для маленькой Бринн? Не окажется ли его своеволие чрезмерным? Смотритель это понял.

— Увезешь его от кобылы, будет шелковым, — сказал кентавр. — Может, выхолостите его, хотя такое обращение очень не по мне!

— Дар поможет нам поймать этого коня?

— Я сам его поймаю, — пообещал кентавр. — Этим же вечером. Правда, нам с Роджером понадобится пара дней, чтобы объездить его.

Выбор помощника, сделанный Смотрителем, заставил Джуравиль улыбнуться. Роджер никогда не был искусен в верховой езде. Если этот молодой жеребец и в самом деле окажется сильным и норовистым, парень еще долго будет вставать по утрам, охая и кряхтя.

— Встречаемся там же? — спросил Смотритель.

— Сегодня Шейла будет светить всюю, — ответил Джуравиль. — Я приду, когда она достигнет вершины небосвода.

Кентавр достал длинный моток прочной веревки и повесил его себе на плечо. Он махнул Джуравилью рукой и неспешно поскакал вдоль холма, держась параллельно Дару и табуну.

— Надеюсь, у кобыл не будет слишком уж дурманящего запаха, — тихо произнес он.

— Это относится к жеребцу или к тебе? — со смехом спросил Джуравиль, и Смотритель тоже рассмеялся.

Джуравилью следовало отправиться прямо к окраинам Дундалиса, где можно послушать людские разговоры и узнать о событиях, произошедших после падения Маркворта. Может,

удастся разузнать что-нибудь и о Джилсепони. Однако эльф свернул с тропы и вновь оказался в роще у могил воинов. Джуравиль мог сколько угодно твердить себе, что они не принадлежали к тол'алфар, только от этих слов его душевная боль не уменьшалась. Он вспомнил Мазера и его доблестную гибель при спасении юного Смотрителя от толпы гоблинов. Неудивительно, что кентавр вернул меч в могилу Мазера. Но гибель Элбрайна была совсем недавней, и боль этой утраты затмевала воспоминания о Мазере. Джуравиль припомнил, сколько дней провел он с упрямым мальчишкой, обучая его и раскрывая ему присущее эльфам восприятие мира. А потом он учил Элбрайна би'нелле дасада. Джуравиль вспомнил ночь посвящения Элбрайна, когда под звездным небом Кер'алфара тот стал Защитником и получил имя Полуночник. Кто мог тогда подумать, что Элбрайн передаст Джилсепони тайну би'нелле дасада! Госпожа Дасслеронд до сих пор пылает негодованием, вспоминая об этом. Поначалу Джуравиль и сам был разгневан. Но потом он увидел их обоих в танце меча, когда Элбрайн и Джилсепони сражались с гоблинами, нападшими на купеческий караван. Какое это было восхитительное зрелище, как гармонично движения одного дополняли движения другого, и как точно их удары разили гоблинов! Наблюдая их совместный танец, Белли'мар Джуравиль перестал сердиться на Полуночника. Он понял, что обучение Джилсепони было не напрасным и сделало боевой танец эльфов более действенным и значимым.

Если бы госпожа Дасслеронд могла видеть их совместный танец!

Но она не видела, а красноречивый рассказ Джуравилья совсем не тронул ее.

— Покойся с миром, мой погибший друг, — проговорил эльф. — И пусть «Крыло Сокола» лежит рядом с тобой до тех пор, пока твой сын не придет и не потребует волшебный лук.

Улыбнувшись, он повернулся и двинулся в сторону Дундалиса. Эх, если бы ему разрешили заняться воспитанием сына Полуночника! Насколько шире и радостнее была бы сейчас его улыбка!

Остаток дня Джуравиль провел на окраинах Дундалиса, прячась в высоких ветвях и слушая разговоры горожан. Потом он уснул и видел во сне Элбрайна. Когда Джуравиль очнулся, луна высоко стояла в ясном вечернем небе.

Вскоре эльф был уже у подножья холма, с которого раздавались звуки волынки Смотрителя. Поблизости спокойно щипал траву молодой жеребец, привязанный веревкой к дереву. Эльф столь бесшумно проскользнул мимо него, что конь даже не поднял головы.

Роджер, как и вчера, лежал на траве рядом с кентавром.

— Заарканили лошадку, — сказал Смотритель. — Ну и норовистый же он. Ох, и наскочится твоя маленькая подружка.

— А как насчет моего маленького дружка Роджера? — с улыбкой спросил Джуравиль.

Роджер, который наверняка уже знал о том, что ему предстоит, с безразличием взглянул на эльфа, пытаясь тем самым скрыть свое волнение.

— Поначалу будет сидеть шиворот-навыворот, это уж точно, — смеясь, сказал Смотритель. — Но когда мы объездим коняшку, научится сидеть в седле.

— Недели хватит? — спросил Джуравиль. — У меня ведь есть и другие дела.

Смотритель кивнул.

— К тому времени они у меня оба будут объезженными, — сказал кентавр, искоса поглядев на Роджера.

Все трое замечательно провели этот вечер. После того как Роджер уснул, Джуравиль спустился к жеребцу, чтобы получше разглядеть его.

Ему сразу бросился в глаза неровный гнедой окрас. Да, красавцем этого жеребца не назовешь, а с Даром вообще нечего сравнивать. Однако конь был сильным и мускулистым. В его темных глазах ощущался внутренний огонь. Бринн Дариель действительно придется немало с ним потрудиться.

Оставив коня заботам Смотрителя и Роджера, рано утром Джуравиль вновь пустился в путь. Путь этот лежал на юг, в Кертинеллу, находящуюся в ста пятидесяти милях от

Дундалиса. Джуравиль рассчитывал добраться туда за три дня.

ГЛАВА 12 ОТВЕТНЫЕ ШАГИ

— Вот и они, — произнес Лиам О'Блайт, заметив цепочку гоблинов, быстро продвигавшихся по дну оврага. — Спешат навстречу твоему могучему другу, боятся опоздать.

— Подай сигнал лучникам, — велел ему принц Мидалис. — Пора начинать.

Лиам поднял копье, к острию которого был прикреплен красный флажок с нарисованной на нем черной короной — символом смерти. Он трижды взмахнул копьем, и проворные лучники, расположившиеся по обеим сторонам оврага, начали обстреливать бегущих гоблинов.

Брунхельд со своими соплеменниками наткнулись на этот отряд — один из немногих, оставшихся около Пирет Вангарда, — когда стояли лагерем в лесу. С помощью принца Мидалиса и его армии альпинадорцы решили устроить гоблинам засаду.

Часть бегущих была скошена меткими ударами лучников. Прорвавшихся же вперед гоблинов поджидали различные хитроумные ловушки: от небольших ям, попав в которые несколько гоблинов переломали ноги, до замаскированных острых кольев. Еще дальше находилась глубокая канава, преграждавшая путь к отступлению. Все эти ухищрения позволяли лучникам действовать согласованно.

Желая насладиться зрелищем битвы, Брунхельд и его воины заняли позицию в конце оврага, по правую руку от Мидалиса. Передовая цепочка альпинадорцев тут же метнула в гоблинов молоты, и множество низкорослых тварей попадало под их смертельными ударами.

Смерть настигала гоблинов и сверху. В них по-прежнему градом летели стрелы. Страх и замешательство врагов росли.

В бой вступила конница Мидалиса. Всадники появились слева. Они двигались медленно, плотными рядами, держа наготове копья.

— Мне бы нужно быть там, с ними, — заметил принц.

И действительно, за все время сражений конница впервые шла в бой без него. Мидалис отнюдь не уклонялся от участия в битве. Он находился в Сент-Бельфур, и известие о предстоящем сражении застало его там. Пока он успел добраться до северного склона оврага, внизу уже кипела битва.

— Сражение еще толком и не начиналось, — ответил Лиам. — Ну, положили несколько передовых шеренг.

В это время вторая цепь альпинадорцев выступила навстречу гоблинам, а за ней третья. Рослые северные воины раскручивали и запускали тяжелые метательные молоты, методично уничтожая настулавших врагов.

Гоблины, похоже, даже не пытались хоть как-то обороняться. Спотыкаясь друг о друга, они с криками и воплями старались выбраться из большой смертоносной ямы, в которую превратился овраг. Путь на северный и южный склоны преграждали стрелы лучников. Бежавших к востоку подстерегала конница Мидалиса. Кто-то из врагов пытался отступить в западном направлении — именно оттуда пришли гоблины. Но там теперь стояли воины Брунхельда.

Битва продолжалась всего лишь несколько минут. Потерь среди людей не было; принц Мидалис не слышал даже криков раненых. После многих месяцев сражений битва при Мазур-Тирмандей (овраг был руслом пересохшей ныне реки, давшей ему название) оказалась самой легкой и победоносной.

Мидалис понимал: это отнюдь не счастливая случайность. Ведь его солдаты и альпинадорские воины стали больше доверять друг другу. Они узнали сильные и слабые стороны союзников. Теперь, когда альпинадорцы освоились с особенностями здешней местности, появилась возможность сообща выбирать поля сражений. Сражения велись

только там, где у объединенных сил были максимальные преимущества.

Сражение при Мазур-Тирмандей принесло полный успех, и Мидалис был уверен, что этот успех повторится еще не один раз... если, конечно, гоблины дерзнут и снова вторгнутся в пределы Вангарда.

Сзади послышался шорох. Мидалис и Лиам быстро обернулись и увидели, что к ним, продираясь сквозь кустарник, поднимается Андаканавар. Без единого слова Защитник подошел к ним и встал рядом. Пеший, он все равно был на целую голову выше обоих всадников.

— Я примчался сюда, как только услышал о сражении, — объяснил ему Мидалис. — Я опасался, что сражение окончится раньше, чем я здесь появлюсь. Оно было замечательно продумано и подготовлено. Однако я удивлен, видя Андаканавара здесь. Я думал, ты возглавишь ряды альпинадорцев.

— Это сражение Брунхельда, от начала до конца, — ответил рейнджер. — Ваши лучники и конница действовали замечательно. Взгляни же вниз с надеждой, принц Мидалис. Там следы последнего вторжения гоблинов в Вангард.

Договорив, Андаканавар отвернулся от зрелища бойни на дне оврага и многозначительно поглядел на Мидалиса. Когда принц встретился с ним глазами, он понял: Андаканавар подразумевал не только безопасность здешних мест.

Сегодняшнее сражение положило конец бесчинствам гоблинов в провинции Вангард. Но Мидалис знал, что именно теперь начинается проверка на прочность их союза с альпинадорцами. Двинется ли армия Вангарда в южные пределы соседнего государства, чтобы очистить от гоблинов и те земли?

Мидалису хотелось заверить рейнджера в продолжении их союзнических отношений, но он не мог этого сделать. Все его разговоры на этот счет вангардцы встречали холодно. В ответ на слова Андаканавара принц лишь кивнул и сказал:

— Вскоре все приспешники демона-дракона уберутся восвояси.

Уклончивый ответ Мидалиса заставил рейнджера удивленно вскинуть брови, но затем он тоже кивнул, понимая всю тонкость сложившегося положения.

— Так где же все-таки был Андаканавар, если он пропустил такое сражение? — спросил Лиам О'Блайт и тут же добавил: — Разве Брунхельду не было бы легче биться, когда ты рядом?

— Дела на севере, — ответил рейнджер и еще пристальнее поглядел на принца Мидалиса. — Надо было подготовиться.

Мидалис быстро взглянул на Лиам. Лицо друга было озабоченным — он ведь сам рассказал Лиаму о спешных «приготовлениях» Андаканавара. Сомнение и даже страх, владевшие Лиамом, заставили храброго Мидалиса немедленно принять решение. Союз с Брунхельдом и его воинами не был временным явлением! Мидалис, нахмурившись, вновь повернулся к Андаканавару.

— Передай Брунхельду, что я встречу с ним завтра вечером в пиршественном шатре, — сказал Мидалис. — Там и поговорим о дальнейших действиях.

Рейнджер посмотрел вниз, где последние гоблины лихорадочно пытались спастись, но неизменно падали замертво, сраженные стрелой или альпинадорским молотом.

— Великолепный будет у нас пир, — заметил рейнджер.

Он потрепал лошадь Мидалиса по шее и двинулся в обратный путь через кусты. Мидалис и Лиам провожали его глазами.

Когда принц наконец обернулся к своему другу, то заметил, что Лиам по-прежнему встревожен.

— Андаканавар движется с таким изяществом, какого трудно ожидать от такого великана, — сказал принц, чтобы как-то разрядить тягостное молчание.

— И ноги у него быстрые, если он сумел с гор добраться сюда и теперь возвращается назад, — согласился Лиам.

Резкий тон Лиам и его упоминание о горах — месте приготовлений к обряду кровного

братания (об этих приготовлениях как раз и упоминал Андаканавар) — все это ясно показывало принцу, что опасения друга имеют веские основания.

— Мне кажется, ты беспокоишься, — усмехнувшись, сказал Мидалис.

— Мне не хотелось бы потерять моего принца, — сказал он.

— Если бы Андаканавар не был уверен, что я выдержу это испытание, он не стал бы его затевать, а я не согласился бы в нем участвовать, — ответил Мидалис.

— О, ты не откажешься, — продолжал Лиам, кивая головой. — Я тебя слишком хорошо знаю.

Мидалис снова усмехнулся. Принц вспомнил, как они с Лиамом, когда были помоложе, часто рисковали жизнью, оказываясь в густых вангардских лесах. Даже Лиам выдавил слабую улыбку, догадавшись, о чем думает принц.

— Ты тогда был моложе, — заметил Лиам. — И нам было нечего терять.

— Я еще не дал согласия, — резко и твердо повторил Мидалис.

Он говорил правду, ибо действительно еще не решил, проходить ли ему ритуал кровного братания, как называл это действо Андаканавар. Конечно, оно давало замечательную возможность укрепить союз между Вангардом и Альпинадором. Как-никак Брунхельд был значительной фигурой в этих краях! Если Мидалис и Брунхельд выдержат испытания кровного братания, то навсегда свяжут себя братскими узами. После этого они будут словно родные братья.

Однако Мидалис сознавал: соглашаясь на ритуал, который отныне связывал определенными обязательствами не только его самого, но и всех, кто ему служил, он фактически подписывал соглашение с Альпинадором или, по крайней мере, с многочисленным родом Брунхельда. Имел ли он право заключать такое соглашение, не поставив в известность своего брата-короля и не заручившись его благосклонностью? Что ждет принца, если в один прекрасный день Брунхельд на основании их союза потребует послать армию Вангарда в холодные, пустынные земли северного Альпинадора, чтобы сражаться с новыми врагами, будь то огромный дракон или вторгшиеся поври?

С другой стороны, принц Мидалис понимал, что Брунхельд со своими воинами спасли его самого и его армию. Более того, альпинадорцы спасли Сент-Бельфур. Имел ли право благородный Мидалис отклонить предложение Андаканавара?

— Не дал согласия? — после долгого и тягостного молчания спросил Лиам. — А разве ты не считаешь северян союзниками? Или даже друзьями?

Мидалис сурово поглядел на него, но возражать не стал.

— Ты что же, не понял, что нам пора двигаться на север и воевать с гоблинами на земле Брунхельда?

— Неужели ты считаешь, что мы должны это сделать? — спросил Мидалис.

— Считаю, — без малейших колебаний ответил Лиам. — По мне, так мы в очень большом долгу перед альпинадорцами. Но можешь не сомневаться, я пойду с тобой.

— А я и не сомневался, — ответил Мидалис и, натянув поводья, пустил лошадь вниз по склону.

Своих солдат они с Лиамом догнали уже на поле возле Сент-Бельфура. Монахи во главе с ликующим Агронгерром несли им навстречу угощение и кувшины с вином и элем, чтобы вместе отпраздновать победу. И без официального заявления Мидалиса все знали, что отныне земли Вангарда очищены от гоблинов. Крестьяне могут без опаски возвращаться в свои дома, чтобы мирно возделывать моля, и вся жизнь теперь мало-помалу начнет входить в привычное русло.

Мидалис с пониманием отнесся к происходящему. Пусть люди повеселятся, по крайней мере до появления Андаканавара и Брунхельда. И тут принц заметил приближение обоих.

Мидалис устремился им навстречу, решив объясниться, прежде чем они — и в особенности суровый Брунхельд — заведут разговор о походе вангардцев на север.

— Я обещал встретиться с тобой завтра вечером в пиршественном шатре, — сказал принц.

— Нас, значит, на свой праздник ты не приглашаешь? — спросил Брунхельд.

— Ну что ты, добро пожаловать, — запнувшись, ответил Мидалис. О Шейла, как неблагодарно он повел себя и как неучтиво встретил гостей! — Мы рады видеть и тебя, и всех твоих воинов. Я только подумал... я хочу сказать, мой друг, что, судя по всему, ты намерен не праздновать, а говорить о делах.

— Никакого шатра завтра вечером не будет, — довольно грубо сообщил Брунхельд. — На рассвете мы уходим. Пора возвращаться на северные тропы, что ведут домой.

Лиам О'Блайт поднес гостям по кружке эля.

— Думаю, тебе понятно желание Брунхельда поскорее вернуться домой, — включился в разговор Андаканавар. — Вдруг гоблины устремились в его родные края... Хотя на всех дорогах мы оставили надежную охрану.

— Вполне понятно, — согласился Мидалис и в знак приветствия поднял свою кружку.

Альпинадорский предводитель окинул принца взглядом, затем тоже поднял кружку.

— Завтра для жителей Вангарда наступит печальный день, — продолжал Мидалис.

— Для некоторых, — ответил Брунхельд.

Мидалис понял, что речь идет о братьях из Сент-Бельфура. Невзирая на горячее желание Агронгерра упрочить их союз, альпинадорцы по-прежнему относились к монахам с подозрением.

— Для всех, — возразил Мидалис. — Вангард не забудет того, что ты и твои воины сделали для нас. Ведь если бы Брунхельд и его богатыри не вступили тогда в битву, никто из находившихся за стенами монастыря не остался бы в живых. Мы этого никогда не забудем.

— Вы пойдете с нами на север? — без обиняков спросил предводитель.

Мидалис вздохнул.

— Я рассчитывал завтра ранним утром обратиться к моим воинам и все подробно им рассказать, — сообщил он. — Затем, как ты знаешь, завтрашним вечером я собирался говорить с тобой.

— Либо идешь, либо не идешь, — ответил на это Брунхельд.

— Ведь ты предводитель вангардцев, — добавил Андаканавар. — Разве твое слово для них не закон?

Вопрос был поставлен ребром и не допускал никаких уклончивых ответов. Да, Мидалис являлся правителем Вангарда, и принятие решения зависело от него. Но принц Мидалис всегда стремился к тому, чтобы его решения принимались на основе всеобщего согласия. Он всегда старался посоветоваться с людьми из своего окружения — с Лиамом, Агронгерром и другими и, прежде чем начать действовать, внимательно выслушивал их мнение. Однако сейчас решение целиком ложилось на его плечи. Тяжелое и очень ответственное решение, чреватое в ближайшем будущем серьезными последствиями для дорогих его сердцу жителей Вангарда, а в последующие годы — и для всего королевства Хонсе-Бира.

От Мидалиса ждали немедленного ответа. Зная альпинадорцев, он понимал, что требование принятия решения является проверкой, устроенной в большей степени лично для него, Мидалиса, чем для всех вангардцев. Ему и Брунхельду предстояло выполнить священный ритуал, во время которого, если верить Андаканавару, им придется либо целиком положиться друг на друга, либо погибнуть. Принц отлично понимал желание Брунхельда узнать, что у его союзника на сердце.

— Мы идем с вами, — твердо ответил Мидалис.

Лиам шумно глотнул воздух, но, к счастью, быстро совладал с собой.

— Мы обязательно идем! — повторил он. — Какими друзьями и союзниками мы бы были, добрый Брунхельд, если бы приняли твою помощь в защите наших земель, но не предложили свою? Однако я не знаю, сколько вангардцев пойдет со мной. За годы войны наши поля пришли в запустение и немало жилищ разрушено. Поэтому вначале я должен понять, как обстоят у нас дела.

— Это тебе решать, — сказал Брунхельд. — Мы будем ждать завтра вечером в

пиршественном шатре.

— Но ты же говорил... — попытался возразить ему удивленный Лиам.

Мидалис быстро поднял руку, велел ему замолчать, хотя сам прекрасно понимал, что Брунхельд устраивает ему проверку, и был не меньше своего друга удивлен переменной в замыслах альпинадорского предводителя.

— Я приведу столько людей, сколько возможно, — ответил Мидалис. — А теперь прошу вас присоединиться к нашему празднику.

Он повернулся и обвел рукой пирующих. Брунхельд вопросительно посмотрел на Андаканавара. Рейнджер кивнул и повел предводителя в самую гущу собравшихся. Солдаты не сводили с них глаз, но оказаться рядом с альпинадорцами отважилось лишь несколько человек. Опасаясь, что гости могут обидеться, Мидалис попросил Лиаму усадить своих друзей рядом с Брунхельдом и Андаканаваром.

— Люди боятся сказать им что-то не то, — объяснил ему Лиам. — Ты-то привык обходиться с Брунхельдом и с рейнджером, а наши с ними не знакомы и не уверены, хотят ли вообще знакомиться.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, — тут же добавил Лиам, видя, что Мидалис собрался возразить. — Нет, мой господин. Я-то не забыл, как Брунхельд и его воины сражались на этом самом поле и как пришли нам на помощь.

— Тогда сделай так, чтобы наши гости не чувствовали себя чужими, — велел ему Мидалис.

Лиам уже повернулся, чтобы идти к альпинадорцам, как вдруг остановился.

— Похоже, мы не одни так думаем, — сказал он, указывая кивком головы на настоятеля Агронгерра и брата Хейни, приближавшихся к гостям.

Мидалис стремительно направился к ним. Лиам едва поспевал за принцем.

— Приветствую вас, добрый Брунхельд и добрый Андаканавар, — услышал принц слова настоятеля. — Полагаю, вы помните брата Хейни.

Несколько человек, шедших навстречу Мидалису, на мгновение преградили ему дорогу, а шум помешал услышать ответ альпинадорцев. Но принц с облегчением вздохнул, увидев, что монахи и альпинадорцы вполне дружелюбно беседуют.

— Двадцать братьев, — услышал из уст Агронгерра подошедший Мидалис. — Жаль, что не могу послать больше. И еще жаль, что сам не могу отправиться с вами.

— А ты не так уж и стар, — сказал ему Андаканавар.

— Мне скоро семьдесят, — с гордостью ответил настоятель, хлопая себя по животу, опоясанному кушаком его коричневой сутаны.

В ответ на эти слова Андаканавар улыбнулся и подмигнул, давая понять, что ему тоже немало лет, однако он до сих пор способен перебороть любого и здесь, и в своих родных северных краях.

— Нашему настоятелю придется остаться в Сент-Бельфуре, — вступил в разговор брат Хейни. — Мы получили известие, что к нам плывет посланник с юга. Мы ведь потеряли отца-настоятеля.

— Предводителя нашей церкви, — пояснил Агронгерр.

Андаканавар кивнул, но лицо Брунхельда оставалось непроницаемым.

— Думаю, мне велят отправиться на юг, где будут выбирать нового предводителя. Теперь, когда в Вангард пришел мир, мы с братьями хотим помочь вам на севере. Но я не осмелюсь посылать монахов в Альпинадор без вашего разрешения.

— Мы помогли вам, вы поможете нам, — подытожил Брунхельд, прервав Агронгерра, который, судя по всему, был готов начать очередную дипломатическую тираду. — Все честно и справедливо. Твои братья могут идти с нами. Спасибо тебе.

Принц Мидалис не верил своим ушам. Они с Лиамом присоединились к гостям. Принц дружески похлопал Агронгерра по плечу.

— Братья возьмут с собой камни, — продолжал Агронгерр, — чтобы использовать их против наших общих врагов и для помощи раненым вангардцам. Что касается ваших

раненых...

Услышав эти слова, Брунхельд напрягся, а Мидалис затаил дыхание.

— ...выбор, разумеется, остается за вами. Если вы захотите воспользоваться нашей целительной магией, достаточно лишь слова.

— Нет, — ответил Брунхельд.

— Как скажешь, — сказал Агронгерр. — Просто я чувствовал бы себя весьма неловко, если бы во имя нашей дружбы не предложил это.

— Ты сделал прекрасное предложение, — сказал ему Андаканавар.

— Будешь следить за братьями, — обратился к Мидалису Брунхельд.

— Их возглавит брат Хейни, — стал объяснять Агронгерр, но альпинадорский предводитель оставил его слова без внимания.

— Мы рады видеть их как союзников против наших общих врагов, — продолжал Брунхельд. — Но не как...

Он наклонился к Андаканавару и что-то сказал на своем языке.

— Не как миссионеров, — быстро перевел рейнджер.

— Разумеется, — с поклоном ответил настоятель Агронгерр. — Известите нас, когда вы намерены отправиться в путь, — сказал он, обращаясь к Мидалису. — Братья подготовятся.

Снова поклонившись альпинадорцам, настоятель вместе с братом Хейни удалились.

— Нам тоже пора возвращаться к своим, — сказал Андаканавар. — Ждем вас завтра вечером.

— И еще, принц Мидалис, — добавил он, лукаво взглянув на принца. — Назначь себе помощника, чтобы командовать солдатами. Если повезет, наше путешествие окажется успешным вдвойне. Ведь никогда толком не знаешь, когда Косматый Дух одержит победу.

Услышав последнюю фразу, Мидалис улыбнулся, но почувствовал, что Лиам вздрогнул. Скорее всего, ночью его друг будет настойчиво отговаривать принца от кровного братания.

ГЛАВА 13 ВОЙНА ТОЧЕК ЗРЕНИЯ

— Вы слишком глупо и неосмотрительно выбираете себе союзников! — заявил настоятелю Браумину разъяренный герцог Калас.

— Выбираю? — удивленно повторил за ним Браумин.

Впрочем, рассерженному герцогу трудно было себе представить, насколько монах разделяет его мнение.

— Епископа Де'Уннеро никто не ждет в нашем городе, — продолжал Калас.

— И в церкви тоже, — еле слышно ответил Браумин. Настоятель никак не думал, что столкнется с герцогом здесь, на городском рынке.

— Люди помнят Алоизия Крампа, — гремел герцог. — Да и как забыть это жуткое зрелище, когда невинного человека заживо сожгли с помощью вашей *богоугодной* магии? Жители Палмариса помнят, какие злодеяния чинил Де'Уннеро! А теперь вы по собственному недомыслию осмеливаетесь утверждать, что злодей снова с вами? Неужели мasha церковь настолько презирает народ?

Настоятель Браумин стерпел оскорбление. Он понимал, что публичный скандал Каласу только на руку. Разногласия с герцогом не прекращались с того момента, как Браумин стал настоятелем, а Калас — бароном. Но зачем Каласу именно сейчас понадобилось затевать разговор о Де'Уннеро? Впрочем, ответ напрашивался сам собой: герцогу нужно прилюдно обвинить Браумина в укрывательстве бывшего епископа. Браумин изо всех сил старался сохранить в тайне возвращение Де'Уннеро, однако слухи все же просочились за стены монастыря. Настоятель убедительно просил бывшего епископа ничем не выдавать своего присутствия, и тот, понимая обоснованность просьбы, так себя и вел.

— Неужели я должен был закрыть перед бывшим епископом двери Сент-Прешес? — простодушно спросил Браумин.

— Выгоните его! — ответил герцог Калас. Браумину стало понятно, что герцогом движут не только политические цели, — Калас люто ненавидел Де'Унnero.

— Отлучите его! Я не желаю мириться с присутствием в церкви этого человека!

— Я что-то не видел вас на службах, ваша милость, — заметил Браумин.

Калас презрительно хмыкнул и двинулся прочь вместе со своей свитой. Удаляясь, он намеренно громко произносил имя Де'Унnero, всякий раз добавляя к нему какой-нибудь резкий эпитет.

Настоятель Браумин остался стоять, ловя на себе враждебные взгляды горожан. Он понял, что Де'Унnero успел нажить здесь немало врагов. Браумин поспешно выложил фрукты, которые намеревался купить, обратно в тележку торговца и поспешил вернуться в Сент-Прешес. Он надеялся, что гневная тирада Каласа и явный протест горожан заставят-таки Де'Унnero покинуть город.

Магистр Фрэнсис остановился, глядя на серо-коричневые, протянувшиеся более чем на милю, холодные стены монастыря Санта-Мир-Абель. Монастырь стоял на высокой крутой скале, у подножья которой плескались воды залива Всех Святых. Фрэнсис вспомнил, как более десяти лет назад впервые попал сюда юным послушником, пройдя «Строй добровольного страдания». Так называлось испытание для вступающих в братство. Кандидату надлежало пройти по своеобразному коридору, образованному монахами, каждый из которых держал в руке громадную, напоминавшую весло палку.

Сейчас Фрэнсис охотно предпочел бы телесные страдания тем, что ожидали его внутри монастырских стен. Он нес братьям печальные известия: это и события в Палмарисе, и недавнее сражение с гоблинами, унесшее жизнь семи монахов. Но самой ужасной была весть о появлении розовой чумы. Кроме того, монастырь зримо напомнил магистру о его бывших ошибках и заблуждениях. Здесь Фрэнсис когда-то слепо и бездумно выполнял приказания отца-настоятеля Маркворта, не сомневаясь в их правильности даже тогда, когда в монастырских застенках терзали ни в чем не повинных Чиличанков и кентавра Смотрителя. Здесь он однажды смолчал и не выступил против убийства магистра Джоджонаха. Теперь-то он хорошо понимал, что это было убийство.

Массивные каменные стены Санта-Мир-Абель — воплощение величия и силы — как будто говорили магистру Фрэнсису о его несовершенстве. Его мало утешала мысль о том, что ошибки и заблуждения остались в прошлом. Да, он стал мудрее. Он понял природу зла, овладевшего отцом-настоятелем Марквортом. Но ему все равно не хватало мужества. Возможно, он поступил неправильно, отказавшись от своего первоначального заявления о том, что Джилсепони должна возглавить церковь Абеля. Разве он не должен был, несмотря на все сложности, бороться за ее избрание?

Глядя на громаду монастыря, магистр Фрэнсис сознавал, что все равно не поддержал бы избрания Джилсепони — ни тогда, ни сейчас.

На другом краю поля, в миле отсюда, виднелись главные ворота обители. Сделав глубокий вдох, магистр Фрэнсис Деллакорт повел туда монахов. Живых ждали родные стены, мертвых — место их погребения.

Настоятель Браумин никак не мог успокоиться. Сколько грандиозных мечтаний было связано у него с Сент-Прешес; сколько было надежд, что жертва, принесенная Полуночником, подвигнет его и его союзников на новые дела, дабы церковь и окружающий мир стали чуточку лучше!

Но с тех пор, как Браумин Херд сделался настоятелем Сент-Прешес, он знал лишь разочарование. Конечно, кое-что из его замыслов удалось осуществить. В монастыре увеличили продолжительность молитвенных служб для горожан. Браумин постоянно посылал монахов исцелять больных в Палмарисе и окрестностях. Однако все крупные его

начинания, обещавшие коренным образом изменить жизнь монастыря и города, непременно наталкивались на противодействие герцога Каласа, который неизменно пресекал их.

И теперь еще Де'Уннеро!

После встречи Браумина с Каласом на рынке весть о возвращении бывшего епископа разнеслась по всему городу. Служба, которая состоялась вскоре после этого, собрала немалое число горожан, но люди не столько молились, сколько обсуждали неожиданную новость. Они хотели увидеть ненавистного им Де'Уннеро и тем самым понять, справедливы слухи или нет.

Маркало Де'Уннеро, внемля советам Браумина, вел себя тихо. Тем не менее возмущенные горожане каждый день приходили к монастырским стенам, требуя его изгнания, отлучения от церкви и даже казни. Возможно, здесь не обходилось без подстрекательства со стороны герцога Каласа — герцог и простой люд Палмариса в одинаковой степени ненавидели Де'Уннеро, и всеобщий гнев нарастал, словно лесной пожар в летнюю жару.

Сцепив руки, настоятель Браумин ходил по кабинету, вполголоса произнося молитву о водительстве свыше. Дверь кабинета приоткрылась, и в проеме показалась голова магистра Виссенти. В следующее мгновение дверь широко распахнулась, и в кабинет, опередив Виссенти, вошел Де'Уннеро.

Браумин сделал жест рукой, попросив Виссенти удалиться.

— Неужели ты рассчитывал на что-то другое? — резко спросил Браумин, когда они остались наедине.

Де'Уннеро хмыкнул, затем безразлично усмехнулся.

— Я вернулся не повелевать, а подчиняться, — тихо сказал он.

Браумин услышал дрожь в голосе Де'Уннеро. Похоже, сейчас внутри этого человека происходила отчаянная борьба.

— Я признал твое назначение на пост настоятеля, разве не так? На тот самый пост, который должен был остаться за мной.

— Еще задолго до битвы в Чейзвинд Мэнор магистр Фрэнсис сменил тебя на этом посту, — напомнил ему Браумин.

Де'Уннеро замолчал, но настоятель знал, что бывший епископ изо всех сил старается совладать с собой и не дать воли закипавшей внутри ярости. Браумин знал, насколько опасен Де'Уннеро. Но пасовать перед ним он не собирался. Раз сказанное задело Де'Уннеро, их дальнейший разговор будет продолжаться в том же направлении.

— Тебе незачем напоминать мне, как все было, настоятель Браумин, — сказал Де'Уннеро, голос которого вновь стал спокойным. — Я прекрасно понимаю суть того, что произошло в последние дни жизни отца-настоятеля Маркворта. Уверен, я понимаю это намного лучше, нежели ты.

— И ты добровольно принял в этом участие, — сказал Браумин.

Темные глаза Де'Уннеро гневно вспыхнули, но он опять усилием воли подавил гнев.

— Как тебе будет угодно, — сощурившись, произнес он. — Однако хочу напомнить: тебя там не было.

— Я и не мог быть там, — ответил Браумин. — Я тоже хочу напомнить, что меня и моих друзей буквально выволокли из гробницы Эвелина на вершине Аиды. И сделал это Де'Уннеро со своими подручными.

— По приказу отца-настоятеля Маркворта, которому служил Де'Уннеро, — уточнил бывший епископ. — И по приказу короля Хонсе-Бира. Или ты забыл? Может, ты забыл, что, когда мы требовали от вас сдаться, рядом со мной находился герцог Калас — тот самый Калас, который теперь стал бароном Палмариса?

— Я помню! — твердым голосом ответил настоятель Браумин. — Я помню, и они тоже помнят, магистр Де'Уннеро, бывший епископ Палмариса, — продолжил он, махнув рукой в сторону окна. — Жители Палмариса помнят.

Браумин заметил, как Де'Уннеро сжал руку в кулак.

— Они ненавидят тебя, — решительно проговорил настоятель.

— Они просто идиоты, — резко перебил его Де'Уннеро, и от силы, внезапно появившейся в его голосе, Брамину стало не по себе. — Беспросветные глупцы, ничем не отличающиеся от баранов или коров. Они заполняют молитвенные скамьи в надежде, что, пожертвовав малой толикой времени, обеспечат себе отпущение всех грехов, которые успевают совершить за свою никчемную жизнь.

Брамин, ошеломленный таким откровенным цинизмом, не сразу нашелся что ответить.

— Они страдали от твоего правления так же, как от правления Маркворта.

— Я вернулся не затем, чтобы продолжать старые битвы, — заявил Де'Уннеро. Он явно еле сдерживался.

— А зачем вообще ты вернулся, Маркало Де'Уннеро? — спросил Брамин, в котором тоже нарастал гнев.

— В свое время меня направили в этот монастырь, — не задумываясь ответил Де'Уннеро. — И это моя церковь.

— Весьма сомневаюсь, чтобы нынешний Сент-Прешес напоминал то, что ты называешь своей церковью или церковью Маркворта, — возразил Брамин.

— Потому что вы стали лечить простых граждан? — спросил Де'Уннеро. — Потому что стали говорить им утешительные слова: дескать, Бог исцелит все их немощи и возьмет к себе, какой бы греховной ни была их жизнь? Потому что по собственной глупости и высокомерию полагаете, будто в состоянии сделать жизнь каждого из них лучше?

— А разве это не наше призвание?

— Ложь, да и только! — порывисто возразил Де'Уннеро. — Наше призвание не в том, чтобы нянчиться и утешать, а в том, чтобы повелевать и требовать подчинения.

— Странно слышать такие слова от человека, который отрекся от ошибок, допущенных Марквортом, — заметил Брамин.

— Я не стремлюсь облегчить груз этих ошибок ложными обещаниями рая, — ответил Де'Уннеро. — А поскольку ты явно упорствуешь, мне, наверное, не стоит более сторониться людей.

— Ты по-прежнему не желаешь понять сложившуюся ситуацию?! — закричал на него Брамин.

Сам того не ожидая, настоятель двинулся на Де'Уннеро.

— Или ты не слышишь, что люди кричат под стенами этого монастыря? Неужели не понимаешь, скольких врагов ты здесь нажил, включая и герцога Каласа? Здесь тебе не место, Маркало Де'Уннеро. Сент-Прешес не...

Последние слова застряли у Брамина в горле, ибо правой рукой Де'Уннеро внезапно схватил настоятеля за руку и вывернул ее. Теперь Де'Уннеро находился у него за спиной. Брамин ничего не мог поделать. При этом левая рука бывшего епископа плотно схватила настоятеля за горло.

— А ты плохо помнишь уроки воинского искусства, дружок, — промурлыкал Де'Уннеро в самое ухо Брамина.

Из глотки Де'Уннеро послышалось звериное рычание гигантской кошки.

— Убирайся вон из монастыря и из города, — ответил Брамин, задыхаясь.

— С какой легкостью я мог бы вернуть этот монастырь под свое начало, — продолжал Де'Уннеро. — Бедный настоятель Брамин упал с лестницы и разбился насмерть. Или, скажем, выпал из окна. Все глубоко опечалены этим нелепым несчастным случаем. Но, слава богу, монастырь не осиротел, поскольку нашелся прежний настоятель.

Де'Уннеро еще сильнее сдавил горло Брамина. Одновременно он отпустил руку настоятеля и вцепился Брамину в волосы.

Настоятель ужаснулся нечеловеческой силе Де'Уннеро, прекрасно понимая, что тот способен одним движением сломать ему шею. Но, невзирая на боль и страх, Брамин не утратил решимости.

— Бедный барон Рошфор Бильдборо, — хватая ртом воздух, произнес он.

Барона Бильдборо, предшественника Каласа, в Палмарисе любили и уважали все. Горожане считали, что их дорогого барона растерзал неведомо откуда появившийся тигр. Однако Браумин и его союзники знали, что это убийство совершил не кто иной, как Маркало Де'Уннеро.

При упоминании имени барона Бильдборо Де'Уннеро зарычал. Браумин приготовился к смерти, но непредсказуемый бывший епископ швырнул его на пол.

— Так ты вернулся, чтобы *подчиняться* ? — язвительно спросил Браумин, растирая шею.

— Истине и миссии нашей церкви, — ответил Де'Уннеро. — Но не тебе.

— Убирайся прочь из монастыря, — повторил Браумин.

— У тебя хватит сил прогнать меня, мой юный настоятель?

— Убирайся, — еще раз крикнул Браумин. — Тебя не хотят видеть ни в монастыре, ни в городе.

— Ты что же, призовешь на помощь герцога Каласа? — с презрительной усмешкой спросил Де'Уннеро. — Станешь искать поддержки у человека, открыто попирающего церковь Абея?

— Если понадобится, стану, — спокойно ответил Браумин. — Монахи Сент-Прешес, солдаты герцога, жители Палмариса — я обращусь ко всем, только бы избавить город от тебя.

— Как милосердно, — с сарказмом выдавил Де'Уннеро.

— По отношению к жителям Палмариса — да, милосердно, — без колебаний ответил Браумин.

Он посмотрел Маркало Де'Уннеро прямо в глаза, выдержав взгляд бывшего настоятеля.

— Убирайся прочь из Сент-Прешес и из Палмариса, — ровным, спокойным тоном повторил Браумин, делая ударение на каждом слове. — Тебя не желают здесь терпеть. Твое присутствие только ослабляет позиции Сент-Прешес и мешает нам заботиться о нашей пастве.

Де'Уннеро вместо ответа плюнул Браумину под ноги и стремительно вышел из кабинета.

Едва он успел уйти, как появился магистр Виссенти.

— Что-нибудь случилось? — взволнованно и испуганно спросил он.

— Ровным счетом ничего, если не считать драки с Маркало Де'Уннеро, — сухо ответил Браумин.

У Виссенти дергались голова и плечо.

— Не нравится мне все это, — сказал он. — Я-то искренне надеялся, что его уже нет в живых...

— Брат Виссенти! — одернул его Браумин. — Нам не пристало желать зла нашему собрату по ордену.

Виссенти недоверчиво взглянул на него, едва ли не ужасаясь, что Браумин так назвал Де'Уннеро.

Настоятель Браумин прекрасно понимал его чувства. Однако он понимал и истинное положение вещей. Де'Уннеро не был официально отлучен; он не был даже обвинен в каких-либо преступлениях против церкви или государства. Слухи слухами, но бывший епископ не был обязан объясняться и оправдываться. Но как же Браумину Херду хотелось иметь неопровержимые доказательства причастности Де'Уннеро к убийству барона Бильдборо!

Но таких доказательств у него не было. К тому же Де'Уннеро не претендовал на пост епископа, тем более что король Дануб официально упразднил этот пост. Де'Уннеро не пытался вернуть себе и пост настоятеля Сент-Прешес, с которого его сместил сам Маркворт. Одновременно он оставался магистром ордена Абея — человеком, имевшим высокое положение и весомый голос во всех церковных делах, включая и приближающуюся

Коллегию аббатов.

Браумин содрогнулся при мысли, что Де'Уннеро решит добиваться своего избрания на пост отца-настоятеля. Эту мысль сменила другая, еще более ужасающая: а ведь среди магистров Санта-Мир-Абель найдутся те, кто поддержит кандидатуру Де'Уннеро!

На душе у Браумина стало скверно.

Маркало Де'Уннеро тем же вечером покинул Сент-Прешес. Настоятель Браумин смотрел, как уходит бывший епископ, но особой радости почему-то не испытывал.

Тишина. Мертвая тишина. Полное безмолвие, которое для магистра Фрэнсиса было красноречивее любых слов. Он сидел в конце длинного, узкого стола в приемной, видевшей многих отцов-настоятелей Санта-Мир-Абель. Вскоре после прибытия Фрэнсис встретился с магистром Фио Бурэем и изложил ему все, что намеревался сказать на встрече магистров. Бурэй сразу же попросил его пока никому ничего не говорить про чуму. Про это можно осторожно сказать лишь очень небольшому числу лиц. Хотя подобные аргументы и не убедили Фрэнсиса, он не стал спорить и согласился.

Все остальные сведения Фрэнсис изложил пяти собравшимся магистрам. Властный Бурэй, судя по всему, приобрел в монастыре после отъезда Маркворта большое влияние. Магистра Мачузо не интересовали церковные интриги; он отвечал за наемных работников. Гленденхук, которому двигалось к сорока и который совсем недавно стал магистром, наоборот, отличался амбициозностью. Последние двое магистров были самыми старшими по возрасту, но едва ли не самыми заурядными среди собравшихся. Балдмир и Тиммини чем-то напоминали Фрэнсису Джеховита, но отличались меньшей властью и большей склонностью к компромиссам. Фрэнсису подумалось: в другое время этим двум никогда не бывать бы магистрами. За минувшие годы Санта-Мир-Абель потерял четырех братьев, плававших на остров Пиманиникуит. От руки Эвелина погиб магистр Сигертон, по приказанию Маркворта был сожжен магистр Джоджонах. Еще несколько магистров умерли. Таким образом, Балдмир и Тиммини оставались единственными кандидатами. Оба пробывали в статусе безупречных более тридцати лет и практически ничем не заслужили продвижения. Да, сейчас в Санта-Мир-Абель явно не хватало монахов старшего уровня.

Это обстоятельство серьезно тревожило Фрэнсиса; отсутствие сильного руководства могло оказаться катастрофическим для церкви.

— Значит, ты согласен с той точкой зрения, что падение отца-настоятеля Маркворта при всей трагичности явилось исключительно благотворным для церкви? — спросил Фрэнсиса магистр Бурэй.

Этому человеку было за сорок. Аккуратно подстриженные волосы с проседью, чисто выбритое лицо. Знания, опыт и сильный характер ощущались во всем его облике и манерах. Левый рукав его сутаны был пуст и плотно заправлен за пояс. Когда-то, работая в монастырских каменоломнях, он лишился руки, однако никто не воспринимал Бурэя как калеку.

— В свои последние дни отец-настоятель Маркворт очень многое видел в искаженном свете, — ответил Фрэнсис. — Он сам признался мне в этом на смертном одре.

— А что тогда говорить о Фрэнсисе? — сощурившись, задал новый вопрос Бурэй. — Если Маркворт ошибался, как оценивать поведение Фрэнсиса, который последовал за ним в Палмарис и выполнял каждое его распоряжение?

— Магистр Фрэнсис был еще слишком молод, — вступился магистр Мачузо. — Чтобы молодой монах отказался выполнять приказы отца-настоятеля? Ты слишком многого от него требуешь.

— Но молодость почему-то не помешала ему стать магистром, а затем настоятелем и даже епископом, — тут же возразил Бурэй.

Фрэнсис изучающе взглянул на однорукого магистра и понял: тот до сих пор не может забыть, что Маркворт избрал своим помощником не его, Бурэя.

— А теперь еще более молодой монах возглавляет обитель в столь важном городе, как

Палмарис, — с упрёком бросил Гленденхук.

— Тогда было тяжелое время, — спокойно ответил Фрэнсис. — Да, я подчинялся отцу-настоятелю и, наверное, совершил множество ошибок.

— Мы все ошибались, — заметил магистр Мачузо.

— И потом, я отказался и от поста настоятеля, и от поста епископа, на которые был назначен Марквортом.

— Но только не от звания магистра, — перебил Гленденхук.

Фрэнсису показалось, что этот молодой и горячий монах выражает мнения Бурэя. Гленденхук производил внушительное впечатление: грудь колесом, курчавые, светлые волосы, такая же курчавая борода и задиристый характер.

— Я все равно был бы избран магистром, — невозмутимо продолжал Фрэнсис. — Думаю, я заслужил этот ранг; вспомните экспедицию в Барбакан, куда мы отправились узнать, что случилось с демоном-драконом. Должен заметить, что поста епископа более не существует. Что же касается поста настоятеля, вы все знаете, что в монастыре может быть только один настоятель. Магистром я остаюсь потому, что это звание, а не должность, и оно не мешает избранию достойнейших.

— Куда уж достойнее, если бывший еретик теперь возглавляет Сент-Прешес, — встрепнулся Гленденхук.

— Этот человек был ложно обвинен в ереси, — возразил Фрэнсис. — Не стоит забывать, брат Браумин нашел в себе мужество противостоять Маркворту, когда я и все присутствующие здесь смолчали.

Фрэнсис заметил, что Мачузо, Балдмир и Тиммини одобрительно кивают головами. Бурэй меж тем весь напрягся, а Гленденхук выпятил губы, будто собирался плюнуть.

— Я решительно прошу вас принять и благословить Браумина Херда на посту настоятеля Сент-Прешес, как это сделали король Дануб и настоятель Джеховит. И столь же решительно я прошу вас принять с открытым сердцем избрание магистром брата Виссенти.

— По-моему, это правильные решения, — заметил Мачузо, глядя на Бурэя.

— А если мы не примем ни того ни другого? — спросил Бурэй.

— Тогда вы рискуете расколоть церковь, поскольку многие выступят в поддержку этих братьев. Я и сам поддерживаю их.

Резкие слова Фрэнсиса вызвали удивленные взгляды собравшихся.

— Не нам решать дела Сент-Прешес, магистр Бурэй, — продолжал Фрэнсис. — Сейчас, когда церковь не имеет отца-настоятеля, мы должны позволить братьям в Сент-Прешес самим ведать назначениями и избраниями, пока те не противоречат основным принципам нашего ордена. Братья Сент-Прешес облекли властью Браумина Херда, следовательно, он имел законное право сделать брата Виссенти магистром. Конечно, мы могли бы вернуть Виссенти сюда, ибо он не получал назначения в Сент-Прешес, и аннулировать его избрание. Но ради чего? Этим мы лишь усугубили бы и без того тяжелое положение, сложившееся в Палмарисе, где король Дануб дал герцогу Каласу полномочия барона. А герцог отнюдь не питает дружеских чувств к церкви.

В приемной вновь воцарилось долгое молчание. Гленденхук глядел на Бурэя, явно не зная, как вести себя дальше. Магистр Бурэй пребывал в задумчивости. Он пристально, не мигая, смотрел на Фрэнсиса, время от времени проводя рукой по своему гладкому подбородку.

— А как насчет этой... Джилсепони? — спросил Гленденхук, поочередно обводя глазами Фрэнсиса и Бурэя. — Ее же объявили преступницей и еретичкой.

— Но потом предложили стать матерью-настоятельницей, — ответил Фрэнсис.

Испуганные лица собравшихся — даже тех, кого он считал союзниками, — вновь подтвердили факт о том, какую яростную битву в рядах церкви вызвало бы это избрание!

— Джилсепони не преступница, — сказал он. — Сам отец-настоятель Маркворт, некогда назвавший ее преступницей, передал ее мне, бездыханную, после их титанической битвы и признал, что она была во всем права. Он, поставивший на Джилсепони это клеймо,

заявил перед смертью, что она не является ни преступницей, ни еретичкой.

— Возможно, требуются дополнительные расследования, — забормотал магистр Гленденхук.

— Нет! — крикнул Фрэнсис, вновь ошелобив собравшихся. — Нет, — повторил он, теперь уже спокойнее. — Для жителей Палмариса Джилсепони — героиня. Так считают многие и за пределами города — те, кто лишь слышал о ней, но не был свидетелем ее подвигов. Уверяю вас, король Дануб относится к ней с величайшим уважением. Поэтому любые действия против нее, такие как например отлучение, лишь навлекут на церковь королевский гнев, а то и приведут к нашим стенам королевскую армию.

— Решительное заявление, брат, — проговорил Бурэй.

— Тебя там не было, магистр Бурэй, — спокойно возразил Фрэнсис. — Если бы ты собственными глазами видел происходившее в Палмарисе, уверен, ты бы сказал, что я выражаюсь слишком сдержанно.

— Что с ее камнями? — спросил Бурэй. — С тем объемистым мешочком, который похитил брат Эвелин? Говорят, после битвы их не нашли.

Фрэнсис пожал плечами.

— По слухам, камни сгинули во время сражения с отцом-настоятелем.

Собравшиеся недоверчиво зашептались. Фрэнсису было трудно говорить об этом, поскольку он тоже считал, что камни попросту украдены.

Бурэй откинулся на спинку стула и подал жест Гленденхуку, чтобы тот успокоился и не возобновлял спор.

— Пусть будет так, как есть, — сказал наконец Бурэй. — Чем бы ни было обусловлено возвышение Браумина Херда — мужеством или удачей, — он занял этот пост. Если бы мы попытались заменить его кем-нибудь из здешних магистров, такой шаг лишь ослабил бы наш монастырь. Если настоятель Браумин считает необходимым сделать брата Виссенти магистром, это его право. Должен признаться: мне доставляет облегчение, что оба они, а также братья Кастинагис и Делман находятся вне стен Санта-Мир-Абель.

— Правильно, правильно, — захлопал в ладоши Гленденхук.

Фрэнсис пропустил мимо ушей неуместное замечание Бурэя. Однорукий магистр выпустил пар и теперь не будет оспаривать статус Браумина и Виссенти.

— Что же касается Джилсепони, — продолжал Бурэй, — пусть идет с миром, и пусть история станет судьей ее деяниям. У нас нет ни времени, ни сил продолжать сражения, начатые отцом-настоятелем Марквортом. Однако, — его голос стал жестким, — лучше, если Джилсепони отдаст упомянутые камни в монастырь. Чем бы ни диктовалось похищение камней во время правления Маркворта, теперь это время прошло.

Фрэнсис кивнул. Если камни действительно остались у Джилсепони и она, оказавшись на севере, воспользуется ими, могут возникнуть немалые осложнения. Бурэй никогда не смирится с этим. Впрочем, как он сумеет ей помешать? Бурэй знает о Джилсепони с чужих слов, зато Фрэнсис собственными глазами видел результаты ее ужасающего прохождения по улицам Палмариса, когда она направлялась на битву с Марквортом.

— Но довольно об этом. У нас есть более важные вопросы, — сказал Бурэй, подаваясь вперед, — явный признак того, что он намеревался управлять дальнейшим ходом встречи. — Наш орден пока остается без высшего иерарха, и эта вакансия должна быть заполнена как можно скорее. Разумеется, еще задолго до твоего прибытия, магистр Фрэнсис, мы с братьями обсуждали этот вопрос и решили поступить именно так, как ты нам сегодня посоветовал, — созвать в калембре Коллегию аббатов. Братья, — торжественным голосом продолжал Бурэй, поочередно глядя на каждого из присутствующих. — Мы должны быть едины в своем решении. Не секрет, что на место отца-настоятеля претендует Олин из Бондабриса. Я давно знаю настоятеля Олина и считаю его замечательным человеком, однако меня тревожат его связи с Бехреном.

— А как насчет кандидатуры магистра Бурэя? — тут же выпалил Гленденхук.

Фрэнсис вновь ясно почувствовал, что пылкий магистр действует по указке Бурэя,

словно оба они заранее отрепетировали этот диалог.

— При всем глубоком уважении к брату Бурэю, — спокойным и почтительным тоном произнес магистр Мачузо, — считаю необходимым напомнить, что он стал магистром лишь пять лет назад. При других обстоятельствах я не стал бы возражать против такого, как мне кажется, поспешного продвижения.

— Он — самый лучший из оставшихся в церкви магистров! — будто выплевывая слова, возразил Гленденхук.

Бурэй сохранял полное спокойствие. Он поднял руку, веля Гленденхуку утихомириться, затем кивком головы предложил Мачузо продолжать.

— Даже если все мы сплоченно выступим в твою поддержку, у тебя не будет никаких шансов превзойти настоятеля Олина, — пояснил Мачузо. — И чем это для нас кончится? Олин станет отцом-настоятелем, но мы уже не сможем рассчитывать на его благосклонное отношение.

Гленденхук раскрыл было рот, но Бурэй не дал ему говорить.

— Вполне справедливые слова, досточтимый магистр Мачузо, — сказал он. — Кого же из нас ты предлагаешь? Себя?

Фрэнсис заметил, как у Мачузо слегка сощурились глаза. Хотя Бурэй и соглашался с ним, но в голосе однорукого магистра звучала оскорбительная снисходительность. Кроткий Мачузо быстро проглотил оскорбление и со смехом ответил, что недостоем такой чести.

— Так кого же? — спросил Бурэй, подняв руку. — Скажи, магистр Фрэнсис, ты обсуждал этот вопрос с братьями в Палмарисе? Или с настоятелем Джеховитом? Возможно, Джеховит сам рассчитывает стать отцом-настоятелем. Но должен тебя предостеречь: какими бы ни были твои намерения на этот счет, такая кандидатура не сплотит церковь. Джеховит слишком...

— Связан с королем Данубом и был связан с Марквортом, чтобы его кандидатура была приемлемой, — перебил Бурэя Фрэнсис. — Мы действительно очень подробно обсуждали этот вопрос и нашли кандидатуру, приемлемую для всей церкви. Мы нашли того, кто способен исцелить и сплотить нас, сделав едиными в мыслях и действиях.

— И на кого пал выбор?

— На Агронгерра из Сент-Бельфура, но... — ответил Фрэнсис.

— Великолепный человек с безупречной репутацией, — с воодушевлением произнес магистр Мачузо.

— Несомненно, — согласился магистр Тиммини.

— Но почему ты сказал «но»? — поинтересовался Бурэй.

— Мне известно, что настоятель Браумин недостаточно знает этого человека, чтобы согласиться с его кандидатурой.

— А настоятель Джеховит?

— Именно он и предложил настоятеля Агронгерра, — объяснил Фрэнсис.

Бурэй откинулся на спинку стула и вновь погрузился в раздумья, почесывая подбородок. Фрэнсис заметил раздражение и даже гнев, мелькнувшие в серых глазах Бурэя. Однако этот человек умел управлять своими чувствами, и мрачная туча вскоре рассеялась.

Гленденхук, сидевший слева от Бурэя, выглядел более взбудораженным. Он нервно шевелил пальцами и даже кусал губы. Оба надеялись, что все братья Санта-Мир-Абель, и прежде всего магистры, поддержат кандидатуру Бурэя, но здравый ответ Мачузо быстро разрушил их надежды.

Фрэнсис вновь поглядел на Бурэя и увидел, что однорукий магистр постепенно приходит к какому-то решению. Похоже, он рассуждал так. Агронгерр стар и едва ли протянет лет десять, тогда как Олину едва исполнилось пятьдесят и у него отменное здоровье. Бурэй посчитал разумным поддержать Агронгерра. Предугадать дальнейшее развитие событий было несложно: Бурэй становится для нового отца-настоятеля незаменимым человеком и делает все, чтобы в нем видели его преемника.

Фрэнсис понял, что Бурэй без возражений согласится на кандидатуру Агронгерра еще и

потому, что его отношения с Олином никогда не были дружескими.

— Мы должны будем всесторонне обсудить эту кандидатуру с остальными магистрами Санта-Мир-Абель. Пусть каждый примет свое решение, — сказал Бурэй.

— Агронгерр из Сент-Бельфура — замечательный выбор, — сказал Мачузо, подмигнув Фрэнсису.

— Несомненно, — снова произнес магистр Тиммини, на этот раз с большим энтузиазмом.

Фрэнсис взглянул на Балдмира, ожидая поддержки и с его стороны, однако престарелый магистр сидел склонив голову, а его ровное дыхание свидетельствовало о том, что он уснул.

— Остался последний вопрос, — сообщил Бурэй, голос которого приобрел мрачную и несколько зловещую интонацию.

— Мы глубоко скорбим о потере семи наших братьев, подававших такие надежды.

— Я тоже скорблю о них, — сказал Фрэнсис.

— Тем не менее ты распорядился найти шайку гоблинов и вступить с ними в сражение, когда в этом не было особой необходимости, — тем же тоном продолжал Бурэй.

— Гоблины уничтожили бы деревню, — напомнил Фрэнсис.

— Это мы от тебя уже слышали, — ответил Бурэй, показывая рукой, что не намерен спорить. — Здесь нам также необходимо разобраться сообща. Мы поручим одному из братьев расследовать случившееся.

Фрэнсис кивнул. Слова Бурэя не очень его встревожили. Он не сомневался, что его оправдают.

— Через час начнется вечерняя служба, — сообщил Бурэй, боясь, как бы Фрэнсис не заговорил о розовой чуме.

Балдмир встрепенулся. Собравшиеся все как один повернули головы к западному окну и посмотрели на заходящее солнце.

— Нам надо подготовиться, — добавил Бурэй.

При этих словах собравшиеся, за исключением самого Бурэя и Фрэнсиса, стали подниматься с мест. Столь безоговорочное послушание показало Фрэнсису, что с момента отбытия Маркворта в Палмарис Фио Бурэй в Санта-Мир-Абель занимает теперь очень высокое положение.

Фрэнсис тоже хотел встать, но Бурэй сделал едва заметный жест, прося его задержаться. Вскоре они остались вдвоем.

— Я изолировал всех братьев, которые возвратились вместе с тобой, — сообщил Бурэй.

— Что значит «изолировал»?

— Отделил их от ровесников, — объяснил Бурэй, отчего у Фрэнсиса вытянулось лицо. — Таким образом мы сможем выяснить, как они воспринимают увиденное.

— Ты имеешь в виду чуму? — спросил Фрэнсис.

— Я имею в виду больную женщину и мертвого гоблина со шрамами, — поправил его Бурэй.

— Я достаточно знаю о розовой чуме, — резко заметил Фрэнсис.

— Нисколько не сомневаюсь, — отозвался Бурэй. — Но, дорогой брат, понимаешь ли ты последствия? Понимаешь ли ты, что случится, если весть о чуме разнесется повсюду? Паника, изгнание заболевших. Возможно, даже расправы с ними.

— Именно поэтому я сообщил только предводителю той деревни, — ответил Фрэнсис.

— Но ты желаешь, чтобы в стенах Санта-Мир-Абель мы открыто говорили об этом.

— Мы — Божьи избранники, пастыри простых людей, их защитники, — возразил Фрэнсис.

Бурэй усмехнулся и покачал головой.

— Защитники? — язвительно повторил он. — Защитники, говоришь. Нет таких защитников, магистр Фрэнсис, которые спасли бы от розовой чумы. Уж не думаешь ли ты, что, сея панику, мы защитим людей?

— Мы должны их предупредить, — сказал Фрэнсис.
— О чем? О скорой смерти? О том, чтобы они опасались соседей и собственных детей?
— Так что же, сидеть сложа руки и не предпринимать никаких действий? — спросил Фрэнсис.

— Я хочу предостеречь тебя от поспешных выводов, ибо есть немало болезней, внешне напоминающих розовую чуму, — объяснил свою позицию Бурэй. — Возможно, ты столкнулся с какой-то другой болезнью, ведь подхватившие ее гоблины сумели выжить. Естественно, мы должны принять меры предосторожности в стенах монастыря и известить другие обитатели, чтобы тамошние братья открывали ворота лишь для избранных.

Глубоко подавленный, Фрэнсис вскочил и отшвырнул стул.

— А что будет с остальными? — спросил он, поводя рукой, словно желая объять весь мир.

Бурэй тоже поднялся, но неспешно, наклонился вперед и твердо уперся рукой в стол.

— Мы пока не знаем, действительно ли это розовая чума, — произнес он. — Но даже если худшее подтвердится, мы не знаем, насколько она успела распространиться и как будет распространяться в дальнейшем. Ты утверждаешь, что хорошо знаком с историей чумы. Тогда тебе известно, что были годы, когда от чумы страдали все вокруг, а иногда она появлялась лишь в отдельных местах и потом неожиданно исчезала.

— А как мы узнаем, что случится на этот раз, если спрячемся за монастырскими стенами и будем открывать ворота лишь немногим избранным?

— Мы узнаем об этом с течением времени, — отрешенно ответил Бурэй. — Здесь знание не является силой, друг мой, ибо наше знание о надвигающейся чуме — если дело дойдет до эпидемии — не даст нам возможности противостоять ей или остановить вовсе.

— Эпидемии можно избежать, если отделить больных от здоровых, — возразил Фрэнсис.

— Об этом люди знают давно, — напомнил ему Бурэй. — По правде говоря, это в большей степени забота королевских солдат, чем братьев из Санта-Мир-Абель. Полагаю, тебе известна одна старинная песня. Ты знаешь, что в ней говорится о магии самоцветов в борьбе с чумой.

Разумеется, магистр Фрэнсис Деллакорт прекрасно знал эту песню, слова которой говорили о полной обреченности и неотвратимом конце.

Один спасен, а двадцать мрут —
И так везде:
И там, и тут.
Святой отец, что к Богу вхож,
Чего ж себя ты не спасешь?

Пусть молятся уныло —
Их тоже ждет могила.
Песенки их спеты —
Хватай их самоцветы,
А трупы зарой, чтоб с глаз долой!

— Один из двадцати, — повторил Фрэнсис.

В прошлом братьям, наиболее сильным в магии самоцветов, удавалось вылечить лишь одного из двадцати заболевших. И самое ужасное — число монахов, которые помогали людям и сами заболели чумой, многократно превосходило число исцеленных!

— Так что мы сможем сделать? — спросил магистр Бурэй, и впервые с момента своего возвращения Фрэнсис уловил в его суровом голосе искреннее сочувствие.

— Понимаю, ты боишься, — продолжал Бурэй, похлопывая Фрэнсиса по плечу. — На твою долю, брат, выпало немало тяжких испытаний, и ты нуждаешься в отдыхе. Возможно,

ты действительно видел жертв розовой чумы, а возможно, и нет. Но даже если это так, вспышка может оказаться незначительной и затронет одну-две деревни, не более.

— Жаль, ты не видел лица детей той мертвой женщины, — проговорил Фрэнсис.

— Смерть — частая гостья в Хонсе-Бире, — ответил Бурэй. — И не все ли равно, в каком обличье она приходит? Наверное, за последние годы она наведывалась слишком уж часто; по крайней мере, наш орден потерял слишком много братьев.

Последние слова недвусмысленно напомнили Фрэнсису, что его решение дать бой гоблинам добавило к этому печальному списку еще семерых.

— Мы будем ждать, наблюдать и надеяться на лучшее, — продолжал Бурэй. — Поскольку это все, что мы можем. У нас есть другие важные дела, обязанности перед орденом и перед людьми, и мы должны их выполнять.

— За закрытыми воротами, — язвительно заметил Фрэнсис.

— Да, — простодушно ответил Бурэй.

На этом их разговор закончился.

ГЛАВА 14 ОХОТНИКИ ЗА САМОЦВЕТАМИ

Повозка неспешно катилась, подпрыгивая на дорожных ухабах. Пони ехала рядом на своем великолепном Грейстоуне, на ходу переговариваясь с Белстером. Повозка была загружена самыми разнообразными вещами: провизией, напитками, одеждой, а также бочонками и прочими предметами, которые требовались Белстеру для открытия трактира в Дундалисе. Этот трактир они с Пони решили назвать «У доброго друга».

День был солнечный, и оба они пребывали в прекрасном настроении. До Кертинеллы оставалось всего ничего. Их путь из Палмариса растянулся на две недели. Радужные крестьяне наперебой приглашали их остановиться на ночлег, а когда приглашений не было, Белстер и Пони ночевали у костра, под звездным небом.

Едва покинув Палмарис с его суетой, Пони почувствовала себя гораздо лучше. Теперь ей не надо было забивать голову политикой, интригами и тайными союзами. Не надо было думать о последствиях каждого своего шага. Сейчас на Грейстоуне сидела не Джилсепони — героиня войны с демоном, сокрушительница зла, воплотившегося в Маркворте. Здесь она вновь была Пони, просто Пони, той девчонкой, которая росла сильной и счастливой рядом с Элбрайном, пока в Дундалис не вторглись гоблины. Здесь она снова чувствовала себя воином, сражавшимся рядом с Полуночником и защищавшим землю и народ от вражеских орд.

Какое счастье, что теперь не надо мучить лошадь, лавируя в толпе узких палмарисских улочек. Здесь можно пустить Грейстоуна во весь опор и чувствовать под ногами его сильные, мускулистые бока. Пони то и дело сворачивала с дороги и неслась галопом по окрестным полям, наслаждаясь ветром и свободой. Седло ей только мешало, и Пони предпочитала скакать, восседая прямо на спине коня.

Устав от езды шагом, она вновь метнулась в сторону, пересекая длинное и узкое поле. Вдали Пони заметила накренившееся дерево, торчавшее среди кустарников.

— Эй, что ты опять затеяла? — крикнул Белстер, заметив ее ослепительную улыбку.

Вместо ответа Пони пустила Грейстоуна галопом и быстро понеслась к дереву. Поначалу она еще слышала ворчание Белстера, называвшего ее сумасшедшей девчонкой, но вскоре в ушах рокотал только ветер. Сейчас Пони интересовало это дерево, и она, ничего не слыша, неслась к нему.

Грейстоун стремительно скакал вперед. Пони привстала в стременах, упершись руками в шею коня и крепко сжав ногами его бока. Достигнув дерева, она развернула Грейстоуна и понеслась назад к дороге, где стоял грузный, бессильно вздыхающий Белстер.

— Так ведь можно и убиться, девонька, — сказал он, когда Пони поравнялась с повозкой.

В ответ она только засмеялась и вновь пустила Грейстоуна легким галопом в сторону накренившегося дерева. Белстеру ничего не оставалось, как тронуться в путь. Пони еще дважды проскакала до дерева и обратно и нагнала повозку там, где дорога огибала небольшой холм.

— Кертинелла, — произнес трактирщик, указывая туда, где вдали поднималось облачко дыма.

Пони перевела Грейстоуна на шаг, а затем, когда конь успокоился, спешила, привязала его к повозке и уселась рядом с Белстером.

— Ну как, порезвилась? — спросил Белстер.

— Это только начало, — ответила Пони. — В особенности если мои предположения окажутся верными.

— А, ты про свою подружку Килрони, — догадался Белстер.

Та женщина действительно была близкой подругой Пони. Она служила в гарнизоне Палмариса и немало помогла Пони, когда их разлучили с Элбрайном.

После той последней битвы подруги виделись всего лишь один раз. Колин Килрони бросили в застенки королевского дворца Чейзвинд Мэнор, откуда она была освобождена по распоряжению короля Дануба. Колин начала оправляться от ран, полученных ею, когда она сражалась вместе с Пони. Но раненым было не только ее тело, но и душа. Пони убедилась в этом, когда, придя в себя после гибели Элбрайна и Маркворта, она наконец разыскала подругу. Колин решила оставить службу в гарнизоне Палмариса, несмотря на все уговоры своего двоюродного брата Шамуса (он тоже был другом Пони) и самого герцога Каласа.

Во время их тогдашней недолгой встречи Колин вскользь обмолвилась, что устала и хочет перебраться в Кертинеллу.

Приехав в городок, Пони и Белстеру не понадобилось много времени, чтобы узнать, где живет Колин. Пони вскочила на коня и быстро понеслась в указанном направлении. Вскоре она уже была возле двери дома, где жила ее подруга.

Однако радость Пони мгновенно улетучилась, когда она услышала голос Колин Килрони, а потом и увидела ее. Казалось, от прежней Колин осталась только оболочка. Глаза, некогда светившиеся азартом битвы, потускнели. Даже рыжие волосы Колин поблекли, как поблекло все ее существо.

Пони протянула руку, и Колин, широко улыбнувшись, протянула свою, но левую. Правую она плотно прижимала к телу.

— Что с тобой? — спросила Пони, обнимая подругу и стараясь не задеть покалеченную руку.

— Не сладила с чужим мечом, — ответила Колин, изо всех сил стараясь улыбаться.

Она повела Пони внутрь своего скромного домика, усадила за небольшой круглый стол и села рядом.

— А ты отлично выглядишь, — сказала Колин. — Оправляешься после всего пережитого?

Пони вздохнула.

— Думаешь, от этого можно когда-либо оправиться? — спросила она.

Колин обняла Пони за плечи, но опять левой рукой.

— Покажи-ка мне свою рану, — попросила Пони и полезла в мешочек, где у нее лежал гематит.

— Никак тебе позволили оставить камень? — удивилась Колин. — Или ты просто утаила его?

Не ответив, Пони помогла ей снять кофту и невольно вздрогнула, увидев рану, успевшую покрыться коркой. Кто-то нанес Колин предательский удар в верхнюю часть предплечья, повредив мышцы.

— Уже две недели мучаюсь, — объяснила Колин. — Думала, что лишусь руки.

Пони жестом попросила ее помолчать, затем провела рукой по ране, массируя кожу вокруг. Одновременно она все глубже погружалась в серый вихрь энергии гематита,

соединяясь с его магическими силами. Пони проникла в рану Колин, направив свое сознание к поврежденным мышцам. Затем она оттянула рану на себя, поглотила ее своим существом. Пони испытала мгновение отчаянной боли, но не отступила, продолжая оттягивать боль на себя. Своей силой и силой камня она соединяла разорванные сухожилия и уничтожала шрамы.

После этого дух Пони вернулся из раны назад в ее тело, но вначале она решила проверить общее состояние Колин. Ощущения были неутешительными: Пони обнаружила, что здоровье ее подруги сильно подорвано.

Вскоре Пони открыла глаза и увидела, что Колин уже сгибает руку и вращает ею, не испытывая боли.

— Я как раз думала обратиться к тебе за помощью, — улыбаясь, сказала Колин. — Но потом решила, тебе и так хватает забот, чтобы еще возиться со мной.

— Что за глупости! — возразила Пони.

Она снова обняла Колин, и та тоже обняла Пони, теперь уже обеими руками.

— Вижу, ты неважно себя чувствуешь, — сказала Пони, когда они вновь уселись.

— Да, мне досталось, — согласилась Колин. — Надо просто хорошенько отдохнуть.

— А откуда у тебя эта рана? — спросила Пони. — Похоже, ты не слишком-то отдыхала.

— Есть тут один горластый, его еще зовут «сын пьяного поври», — ответила Колин. — Сеано Беллик. Раньше он тоже служил в палмарисском гарнизоне. Мы с ним всегда недолюбливали друг друга. Теперь болтается в Кертинелле и только всем мешает. Пару недель назад мы с ним в местной таверне немного разошлись во мнениях.

— И это ты называешь — «немного разошлись во мнениях»? — удивилась Пони. — Да он чуть не отхватил тебе руку!

— Полоснул будь здоров, — согласилась Колин.

— Где мне найти его? — спросила Пони.

— Просто он оказался ловчее, — сказала Колин, не отвечая на вопрос. — Повезло парню, но если бы он мне попался в лучшие времена...

— С твоей рукой все будет в порядке, — пообещала Пони.

— С ней уже все в порядке. После твоей магии она почти не болит, — призналась Колин. — Может, удержишься в городе? Поставишь Сеано сердце назад, после того как я выпотрошу его из груди.

Они громко засмеялись, но у Пони к этому смеху примешивалась горечь. Та Колин, которую она впервые встретила в Дундалисе, сумела бы задать жару Сеано Беллику, да и любому другому. Но сейчас ей не тягаться с закаленными и опытными воинами. Эта мысль обожгла Пони. Ведь Колин ради нее рисковала жизнью, когда они бежали из Палмариса от Де'Унnero и Маркворта и поначалу терпели одно поражение за другим.

— Ты удержишься здесь? — спросила Колин. — Или поскорее в Дундалис?

— Я хочу, чтобы ты поехала со мной.

— Здесь мой дом, — сказала Колин, покачивая головой. — Мы с тобой уже говорили об этом. У тебя свое место, у меня — свое. Я обязательно приеду повидаться с тобой. Может, даже переберусь в Дундалис. Но не сейчас.

Пони не стала настаивать и переменяла тему.

— Мне надо повидаться с вашими властями. С тем, кто управляет Кертинеллой.

— Значит, тебе нужна Джанина, или, как ее здесь называют, Джанина-с-Озера, — ответила Колин. — Женщина она замечательная. Но что у тебя за дело такое, если собралась ее беспокоить?

В это время в дверях появился Белстер О'Комели. Увидев Колин, он радостно воскликнул, затем шумно протопал по комнате и обнял женщину.

— Ну как, уговорила ее поехать с нами на север? — спросил он у Пони.

— Я уже сказала ей, что не поеду по глухим дорожкам в компании пьяного Белстера О'Комели, — ответила Колин, и они с Белстером оба покатались со смеху.

Легкость и непринужденность их общения привели Пони в замешательство. Колин и Белстер были едва знакомы, а теперь болтали, словно давние друзья. Может, за веселыми шутками скрываются настоящие чувства?

— Так ты к нам приедешь? — спросил Белстер.

— Клянусь поросычьим визгом, обязательно приеду! — ответила Колин.

— Ну и отлично. Для такого знаменательного дня я припасу бутылочку своего лучшего «болотного вина».

— Тащи ее сейчас, и мы устроим знаменательный день, — предложила Колин.

Белстер заметил, что Пони качает головой.

— Мне нужно поговорить с Джаниной, — сказала она.

— Это я уже слышала, но ты так и не сказала зачем, — напомнила ей Колин.

— Я попрошу разрешения поставить шатер и лечить всех, кто в этом нуждается, — объяснила Пони.

— И какие болезни ты собираешься лечить? — недоверчиво спросила ее подруга. — Ожоги, мозоли, порезы и вздутие живота?

Пони кивнула. Колин была искренне удивлена.

— И монахи это позволяют? — спросила она.

— Они не могут этому помешать, — ответила Пони.

Не прошло и часа, как на небольшой площади в центре Кертинеллы появился шатер, разбитый Белстером и Пони. Весть о нем разлетелась по всему городу и достигла соседнего Ландедауна. К шатру потянулись люди. Поначалу их было немного — в основном те, кто уже знал о целительском искусстве Пони. Но когда узнали, что она творит настоящие чудеса, очередь страждущих начала заметно возрастать.

Колин оказалась права: Пони действительно пришлось лечить преимущественно раны, ушибы и ожоги. Только у одного из пришедших было серьезно повреждено колено, а другой отравился недоброкачественной пищей. Однако поток ждущих своей очереди не иссякал, поэтому Пони с Белстером решили переночевать у Колин, чтобы завтра продолжить исцеление.

Необычный шатер привлек к себе внимание всего городка, включая троих мужчин грубоватого вида, судя по всему бывших солдат, а также еще одного молчаливого наблюдателя, скрывавшегося в густой листве ветвей. Этот наблюдатель не оставил без внимания и странный разговор другой троицы, особенно слова одного из них:

— Уж лучше бы она отправилась на юг, за Палмарис, и еще дальше. Говорят, там появилась розовая чума.

На второй день, ближе к вечеру, Пони и Белстер вновь уселись в повозку и двинулись дальше. Погода была ясной и теплой, с нежным ветерком. Они ехали медленно, наслаждаясь запахами летнего леса. Белстер радовался перемене, происходившей в Пони.

— Я смотрю, хоть что-то начинает доставлять тебе удовольствие, — сказал он ей.

Солнце уже садилось, и по дороге тянулись длинные тени.

Пони окинула Белстера взглядом, не совсем понимая, о чем идет речь.

— Я говорю о самоцветах, — пояснил трактирщик. — Когда, девонька, ты с их помощью врачевала людей, то улыбалась больше, чем за все прошедшие месяцы.

Пони пожала плечами, ничего не сказав в ответ, однако слова трактирщика заставили ее серьезно задуматься. И действительно, она давно не работала с таким удовольствием. Ей казалось, что она и в самом деле вносит пусть небольшие, но изменения в окружающий мир. Не те перемены, которые рисовались брату Браумину или королю Данубу. Нет, она не меняла мир, ибо теперь понимала, что людям это не под силу. Ее действия помогли улучшить жизнь нескольких десятков людей, и от этого у нее на душе стало намного легче.

Спустились сумерки. Пони и Белстер вежливо отказались от предложения одной крестьянской семьи переночевать в их сарае и проехали еще немного. Заметив лужайку близ дороги, Пони остановила повозку и пустила лошадей пастись. Белстер приготовил замечательный ужин из припасов, которыми их снабдили благодарные жители Кертинеллы.

Вскоре путешественники уже сидели у костра, ужинали, глядели на звезды и слушали песни вечернего леса.

— Это было наше время, — сказала Пони. Белстер неторопливо доедал последние кусочки тушеного мяса. — Время Полуночника. Мы могли часами сидеть и смотреть, как гаснет закат, как на небе вспыхивают звезды. Их становилось все больше, и они светили все ярче.

— Дальше будет легче, — пообещал Белстер.

Пони взглянула на звезды и заморгала, смахивая слезы. Ей оставалось на это только надеяться.

Вскоре она заснула, но с тех пор, как погиб Элбрайн, ее сон сделался чутким и прерывистым. Когда Пони открыла глаза, вокруг было по-прежнему темно. Она не удивилась и не встревожилась, но начала раздумывать о том, проснулась она сама или же что-то ее разбудило.

Неподалеку заржал Грейстоун, и в его ржании Пони уловила беспокойство. Она приподнялась на локтях и посмотрела на стреноженных лошадей. Казалось бы, все вокруг оставалось прежним, но чутье воина подсказывало Пони: что-то здесь не так. Грейстоун держался напряженно, готовый в любую секунду отразить нападение. Изменились и звуки ночного леса, словно его обитатели почуяли чье-то присутствие.

Пони бесшумно приподнялась и, не вставая на ноги, прицепила к поясу меч. Она потянулась к камню души, намереваясь облететь местность, но заметила, что по дороге кто-то движется. Вскоре Пони ясно увидела фигуру рослого человека, направлявшегося прямо к месту их ночлега.

В мозгу Пони проносились самые разнообразные мысли и предположения. Она насторожилась. Почему этот человек оказался здесь в столь поздний час? И почему вообще он решил отправиться к северу от Кертинеллы в одиночку? Или он не один? Грейстоун пасся позади нее на приличном расстоянии, тогда как незнакомец приближался спереди. И все же конь почувствовал его присутствие.

Пони остановила хоровод тревожных мыслей, противопоставив им опыт и уверенность, приобретенные ею в сражениях. Она медленно перекатилась на бок, не желая служить удобной мишенью для лучников, которые могли находиться поблизости. Затем Пони поджала одну ногу под себя, чтобы, когда понадобится, быстро подняться. Правой рукой она обхватила рукоятку меча.

Незнакомец приближался решительными шагами, размахивая каким-то предметом. Скорее всего, боевым топором.

— Довольно, сударь. Дальше дороги нет, — резко сказала Пони.

Незнакомец вздрогнул от неожиданности и замер.

Воцарилась тишина. Затем незванный гость засмеялся и ударил своим оружием по металлическому щиту.

— Что там? — спросонья пробормотал Белстер.

— Ничего особенного. Спи, — велела ему Пони.

Она припала к земле и стала медленно приближаться к незнакомцу, оглядываясь по сторонам и ожидая появления возможных его сообщников.

— Не ты ли подруга этой дуры Килрони? — загремел незнакомец, и Пони сразу догадалась, кто перед ней.

— А если и так, то что? — ответила она, поддев одну из тлеющих в костре веток.

Пони схватила ветку и помахала ею в воздухе, раздувая пламя. К тому времени, когда она продвинулась еще на пару шагов, ветка ярко вспыхнула. Теперь Пони смогла получше разглядеть незнакомца, но одновременно он и его сообщники, если таковые имелись, получили возможность лучше разглядеть ее.

Этому человеку было примерно лет тридцать пять. Светлые, вьющиеся волосы успели изрядно поседеть, равно как и густая борода. На нем была кожаная куртка без рукавов, обнажавшая мускулистые, волосатые руки с кожаными браслетами на запястьях. Пони сразу

бросилось в глаза, что его щит помят и пробит, а лезвие боевого топора испещрено зазубринами.

— Сеано Беллик, — небрежно произнесла Пони, подвигаясь ближе к нему.

Она швырнула пылающую ветку рядом с собой. Теперь сообщникам Сеано будет не так-то легко прицелиться.

«Сын пьяного поври» захохотал.

— Кто там? — донесся сзади голос Белстера.

— Не вылезай из-за повозки, — строго приказала ему Пони.

— Тебе нечего меня бояться, — сказал Сеано Беллик. — Я пришел поговорить, а не сражаться. Учти, я сражаюсь честно.

В этом Пони сильно сомневалась. Что стоят его заверения, если он опасно ранил ее близкую подругу? Пони почти не сомневалась: разговор ему нужен лишь затем, чтобы выиграть время.

— Давай говори, — мрачно произнесла Пони.

Сеано Беллик захохотал во все горло.

— Ах, какие мы смелые.

— Ты мог бы поговорить со мной и в городе, — заметила Пони. — Всем известно, где я остановилась.

Беллик пожал плечами.

— А мне удобнее разговаривать здесь.

Пони не отрываясь глядела на него. Если только он сделает хоть шаг, она успеет выхватить меч и нанести удар. В этом она не сомневалась.

— Слава о тебе здесь так и гремит, — продолжал Сеано. — Говорят, Пони доблестно сражалась против гоблинов, поври и даже великанов.

— Джилсепони, — поправила она, и Сеано церемонно поклонился.

— Прошу прощения, так говорят о *Джилсепони*. А теперь ты появилась в городе и осчастливила жителей, исцеляя сорванные ногти, волдыри и вздутые животы. И вновь громадный успех.

Пони хотелось возразить и сказать, что все это она делала и делает вовсе не ради славы. Но потом она решила не тратить время на объяснения — Сеано все равно не понять подобных вещей.

— Я не сомневаюсь, что ты честно заработала свою славу, По... Джилсепони, — сказал Сеано. — Вынь-ка свой чудо-меч и покажи мне, как ты сражалась с гоблинами.

— Уходи, — ответила Пони. — У меня ничего нет для тебя, Сеано Беллик. Не думай, будто встреча со мной принесет тебе славу или сделает тебя богаче. Так что не размахивай своим убогим топором, а отправляйся прочь отсюда и прочь из Кертинеллы. Твое место в лесной чаще. Вот там, если хочешь, можешь мериться силами с медведем.

— Так ли уж ничего и нет? — недоверчиво переспросил Сеано. — Расправившись с тобой, я заставлю людишек на всем протяжении от Палмариса до Кертинеллы трепетать при имени Сеано Беллика. Тогда герцог Калас поймет, каким дураком был Бильдборо, когда незадолго до своей гибели решил прогнать меня.

Эти слова не удивили Пони.

— Говоришь, у тебя ничего для меня нет? — не унимался Сеано. — А как насчет твоего волшебного камешка, красавица? Многим захотелось иметь такую игрушку, особенно когда ты показала, на что он годится.

— У тебя для этого нет ни сил, ни способностей, — заметила Пони.

— Так у других найдутся, — огрызнулся Сеано. Он становился все более агрессивным. — И они заплатят мне за твой камешек чистым золотом. И вдобавок, если он окажется у меня, эти другие будут знать, что я забрал его силой. Поэтому отдай камень добром, если не хочешь, чтобы было больно, — закончил Сеано, ухмыляясь почти беззубым ртом.

Пони молчала, выжидая. Ее меч по-прежнему находился в ножнах.

— Думаю, моя слава не столь впечатляюща, как ты ее здесь расписал, — медленно выговаривая слова, с ледяным спокойствием ответила она. — Во всяком случае, для тебя.

— У меня ведь тоже есть слава, — сказал верзила.

— Мне она хорошо известна, — ответила Пони.

Она глубоко вздохнула, чтобы успокоиться и прогнать начинающий охватывать ее гнев. Она делала все, чтобы проявить великодушие даже к этому негодяю.

— Сеано Беллик, — повторила она спокойным и сдержанным голосом, — хотя я и горю желанием расквитаться с тобой за страдания, которые ты причинил моей подруге...

— Еще одна красotka с норовом, — ехидно перебил ее Сеано.

Пони передернуло. Она вспомнила о Колин. Если бы та не потеряла силы, то без труда расправилась бы с этим хвастуном.

— ...я предпочитаю не вступать в сражения с людьми, — продолжала Пони. — В мире хватает врагов и без того, чтобы люди шли войной друг на друга. Поэтому я предлагаю тебе... я искренне прошу тебя убрать свой топор и уйти отсюда.

— Отдай мне свой камешек, и я моментально уйду, — сказал Сеано.

Пони медленно покачала головой.

— Камня ты не получишь.

— Девонька, что там случилось? — закричал Белстер.

Пони было не до того, чтобы откликаться на вопрос трактирщика, и она оставила его без ответа, поскольку все ее внимание сосредоточилось на Сеано.

— Давай хватайся за свой меч, — подстрекал Сеано.

— Уходи.

— Предупреждаю в последний раз.

— Убирайся!

Как Пони и ожидала, Сеано Беллик взревел и бросился на нее. Но перед ним мгновенно блеснуло лезвие меча, заставив его приподняться на цыпочки, напрячься всем телом и замереть. Сеано, однако, не растерялся. Он взмахнул топором, удерживая Пони от дальнейшего наступления, затем сделал еще один взмах, держа топор плашмя, и, наконец, в третий раз рубанул воздух прямым ударом. Все это позволило ему, удерживая Пони на расстоянии, восстановить равновесие и занять оборонительную позицию.

Пони вдруг подумалось: а что, если с помощью камня души проникнуть в разум этого негодяя, овладеть его волей и заставить опрометью бежать отсюда? Но когда Сеано с проклятиями вновь двинулся на нее, имитируя удар книзу, она тут же отказалась от мысли кончить дело миром. Сеано чуть подался назад, потом, делая вид, будто споткнулся, внезапно бросился вперед и опять ударил плашмя, однако Пони сумела увернуться. «Нет», — окончательно решила она. Она не позволит Сеано уйти просто так. Она сполна отплатит ему за Колин. Этот гнусный человек — вполне подходящая цель. Именно на него она обрушит всю боль и безысходность прошедших месяцев!

— Нет, теперь ты не уйдешь, Сеано Беллик, — прошептала Пони.

Рослый грабитель удивленно смерил ее взглядом и снова сделал несколько неудачных попыток напасть. Пони ловко уворачивалась от его ударов, отступая на несколько шагов и сохраняя равновесие.

Сеано перестал нападать и удивленно уставился на нее. Пони догадалась: ни в одном сражении он не видел таких движений. Он не видел би'нелле дасада, где у воина при отходе тело сохраняет равновесное положение. Элбрайн часто сравнивал эти выпады и отступления с движениями паука, и, по мысли Пони, сравнение было точным.

— А ты шустренькая, — прогремел Сеано. — Но удар моего топорика раскроит тебя пополам!

Пони даже не посчитала нужным ответить. Тогда он заорал еще громче и ударил топором по своему щиту. Затем бросился вперед, держа щит перед собой.

Пони опустила меч, нацелив конец острия в центр щита, однако Сеано показалось, что он получил преимущество. Он рванулся вперед, пытаясь щитом отпихнуть меч, и замахнулся

топором.

Пони увернулась от обоих ударов. Когда Сеано нанес третий удар, она скользнула вбок, оказавшись вне его досягаемости.

Теперь преимущество оказалось на ее стороне. Пони устремилась вперед и вынудила Сеано изменить угол его очередного удара. Он проделал это с блеском, и Пони удовлетворенно отметила, что имеет дело со смышленным противником. Правда, отражая ее удар, он едва не выронил свой щербатый топор. Сеано вновь выставил щит, возводя преграду между собой и Пони.

Она трижды легко и метко ударила по щиту. Два раза лезвие ее меча, изготовленного эльфами из особого сплава — силвереля, прочертило на поверхности щита глубокие царапины, а третий удар пропорол его насквозь.

Сеано улыбнулся беззубым ртом и дернулся, ибо острие меча явно задело ему левую руку.

— Тебе бы тоже не помешало обзавестись щитом, — усмехнулся он.

Пони вновь ударила, уже со всей силой, и отскочила в сторону. Топор опять рассек воздух, не причинив ей вреда.

— Я и так сумею справиться с тобой, — с уверенностью ответила она.

В подтверждение своих слов она по-настоящему перешла в наступление. Скользнув на три шага вперед, она с силой ударила по щиту. Меч прошел сквозь металл и задел Сеано. Но просунуть лезвие слишком глубоко ей не удалось, ибо в воздух вновь взвился его топор. Пони все же удалось уколоть Сеано в живот.

— Ты поплатишься за это! — пообещал он, приходя в ярость.

Пони увернулась от первого выпада, потом от второго, прошмыгнув у самого бедра Сеано, перебросила меч в другую руку и нанесла новый удар, правда не такой сильный. Затем она бросилась на землю и перекувырнулась, упредив очередной удар топора, который Сеано пытался нанести левой рукой.

Пони вовремя вскочила на ноги и выставила меч, точно рассчитав угол наклона. Топор Сеано ударился о лезвие меча и соскользнул вниз.

Еще немного — и она бы поразила Сеано насмерть, если бы ее внимание не отвлекли послышавшиеся сбоку шум и крик Белстера. Пони и без того понимала, что Сеано не мог явиться сюда без сообщников, так что удивляться появлению двоих его дружков, вооруженных луками, не приходилось.

— А ты отличный боец, — признал Сеано. — Но своей цели я все равно добьюсь.

— Не ты ли говорил, что сражаешься честно? — напомнила ему Пони.

— До сих пор так оно и было, — сказал Сеано. — А теперь, красавица, время сражения кончилось и наступило время действовать. Хватит играть, давай камешек, и мы с друзьями пойдем отсюда восвояси.

Пони пристально глядела на него, не собираясь выполнять его требование или складывать оружие.

— Мой дружок может без труда подстрелить твоего спутника, — произнес Сеано.

— Белстер! — окликнула Пони.

— Я их вижу, — отозвался трактирщик. — Двое с луками.

— Им тебя хорошо видно?

— Рядом со мной повозка, — ответил Белстер.

Сеано усмехнулся.

— Хочешь доставить им побольше сложностей? — спросил он. — Какая жалость. Подумать только, моему приятелю придется ухлопать тебя, как муху.

Пони достала из мешочка гематит. Сеано жадно протянул к нему руку. Пони не убрала камень, а застыла, посылая свои мысли внутрь гематита, ощущая его магическую силу и объединяя его энергию с собственной.

Затем Пони вышла из тела. У нее было достаточно магической силы, чтобы превратить мысли в зримый образ. Это был ее облик, но чудовищно искаженный и демонически

устрашающий. Гигантский призрак раскрыл пасть, и оттуда вырвался душераздирающий крик.

Лучники попадали на землю, отчаянно завопили, потом вскочили на ноги и понеслись к лесу.

Она услышала, как Сеано Беллик закричал: «Куда вы?» — и поспешила вернуться в тело. Это было как нельзя вовремя: Сеано заподозрил обман и бросился на нее. Его топор взметнулся вверх, готовый к смертельному удару.

Инстинкт воина подсказал Пони, как действовать дальше. Едва ли Сеано ожидал, что все произойдет с такой скоростью. Она сделала внезапный выпад. Острие меча подсекло топор, который уже собирался обрушиться вниз, и вонзилось в деревянную рукоятку, не дав Сеано и доли секунды на размышление. Не останавливаясь, Пони выдернула меч и теперь ударила по рукоятке топора снизу. Она сделала быстрое вращательное движение рукой, намереваясь выбить у Сеано топор.

Возможно, в иной ситуации Сеано сам бросил бы топор. Но сейчас все произошло молниеносно. Его руку с топором повернуло и повлекло вниз.

Высвободив лезвие, Пони занесла меч над рукояткой топора и ударила снова. В следующее мгновение она упала на спину, и в лицо ей брызнула чужая кровь.

Топор валялся на земле вместе с отрубленной правой кистью Сеано Беллика, которая все еще сжимала оружие.

Грабитель взвыл, отшвырнул щит и упал на колени, зажимая культю и пытаясь остановить хлещущую кровь.

Пони оцепенела, но ненадолго. Сейчас ей было не до Сеано. Она вскочила и бросилась к тому месту, где совсем недавно находились лучники. Однако те появились сами, держа наготове заряженные луки.

Пони остановилась, всматриваясь в сообщников Сеано. Она заметила, что у обоих дрожат пальцы. Пони разглядывала людей и их оружие, пытаясь понять, как действовать дальше. Вряд ли они станут в нее стрелять — уж слишком они испуганы, но все же...

— Вы по-прежнему намерены продолжать бой? — суровым тоном спросила она, медленно и решительно приближаясь к ним.

Пони пыталась выбрать между интуицией и здравым смыслом. Последний велел ей оставаться на месте, утверждая, что темнота и довольно большое расстояние не позволят им попасть в нее из лука. Интуиция подсказывала, что нужно еще сильнее напугать этих и без того струсивших людей, дабы у них вообще отпало всякое желание стрелять.

Во тьме блеснули металлические наконечники стрел.

— Давай нам камень, и мы уйдем, — потребовал один из грабителей, тот, что был пониже ростом.

Его лицо было наполовину скрыто треугольной охотничьей шапкой, из-под которой блестели его темные глаза. Пони сразу отметила, что из двоих этот наиболее опасен и, скорее всего, лучше стреляет.

— Я ничего вам не дам, — ответила Пони, — но вы у меня лишитесь не только рук. Это я вам обещаю!

Последние слова она произнесла с угрожающим шипением и сопровождала их выразительным жестом. Более рослый грабитель с криком бросился бежать, а второй взревел от ярости и пустил в нее стрелу. Едва он это сделал, как захрипел и схватился за лицо, сотрясаясь в судорогах, после чего рухнул на землю.

Пони не видела этого. Все ее внимание было поглощено стрелой, нацеленной прямо в сердце. Стрела неслась слишком быстро, чтобы отклонить ее в сторону. Пони выхватила меч, бессознательно устремив в него все свои страхи. Этот меч не напрасно назывался «Победителем». В предохранительную сетку его рукоятки были вделаны несколько маленьких магнетитов. Откликаясь на призыв, магнетиты притянули к себе металлический наконечник стрелы. Стрела изменила направление и буквально прилипла к предохранительной сетке меча.

Пони ошеломленно глядела на меч, на притянутую стрелу, которая непременно сразила бы ее насмерть. Потом она взглянула на лучника, неподвижно распластавшегося на земле. Неужели его застрелил сообщник?

— Белстер? — позвала Пони.

— Тебя не ранили, девонька? — донесся из-за повозки его голос.

Значит, Белстер здесь ни при чем. Недоумевая, Пони подошла к лежащему ничком лучнику. Каково же было ее изумление, когда она не обнаружила у него на спине никаких следов раны.

Пони склонилась над лучником. При этом ее глаза продолжали следить за лесом, а уши — ловить малейшие шорохи. Она старалась не обращать внимания на громкие стоны Сеано Беллика.

Пони перевернула лучника на спину. Тот был мертв. Его рука по-прежнему закрывала левый глаз. Пони отодвинула руку и все поняла. Из развороченной глазницы торчала маленькая стрела.

— Джуравиль? — с надеждой прошептала Пони, подняв голову к ветвям дерева.

ГЛАВА 15 ПО ВОЛНАМ ЗАЛИВА КОРОНЫ

Остров представлял собой нагромождение скал среди необъятной водной стихии. С одной стороны его берега омывали волны залива Короны, с другой — холодные яростные волны Мирианского океана. Для сотни человек остров Данкард был родным домом. Большинство населения составляли солдаты частей береговой охраны, служившие в крепости Пирет Данкард, двойные башни которой возвышались над заливом.

Здесь жили суровые люди, промышлявшие рыбной ловлей и разводившие плантации морских водорослей. Они привыкли сражаться с жестокими штормами и громадными акулами. Во время войны с демоном-драконом они сумели отразить внушительное нападение поври. Но даже об этой битве островитяне говорили сдержанно, без волнения. Сильные, непреклонные, наделенные немалой долей житейского практицизма и смиренно принимавшие свою участь, и солдаты, и простой люд Данкарда привыкли полагаться на самих себя и друг на друга, а потому не особо доверяли пришельцам из других мест. Но и враждебности к ним тоже не проявляли. «Сауди Хасинту» без возражений поставили на ремонт. Более того, данкардцы пополнили запасы корабельной провизии, хотя капитан Альюмет об этом даже не просил.

Когда корабль, плавно скользя по волнам, стал удаляться от усеянного острыми скалами берега, брат Делман обрадовался. Прошло больше месяца с тех пор, как «Сауди Хасинта» покинула Палмарис. К этому времени Делман предполагал достичь Пирет Вангарда. Однако буря серьезно повредила оснастку, и потому пришлось делать вынужденную остановку на острове Данкард.

— Суровые они люди, ничего не скажешь, — произнес капитан Альюмет, когда Данкард остался позади.

Капитан был высоким и статным человеком, со смуглой кожей и курчавыми волосами чистокровного бехренца. Жизнь Альюмета разительно отличалась от той жизни, какую вело большинство его соплеменников в Хонсе-Бире. Надо сказать, что к северу от Палмариса бехренцы попадались довольно редко. В самом Палмарисе, неподалеку от порта, бехренцы жили, но их практически не считали за людей. Они могли рассчитывать только на самую тяжелую и неблагодарную работу. И даже такая работа была далеко не у всех. С подобным отношением к себе бехренцы сталкивались повсюду, вплоть до окрестностей Энтела — самого южного из городов королевства. Иногда бехренцам все же удавалось чего-то добиться, но, пожалуй, только Альюмет сумел стать капитаном торгового судна. Многое отличало его от соплеменников. Если те стойко исповедовали свою религию и повиновались ее служителям — *ятолам*, то Альюмет был абеликанцем. Из всех людей, кого брат Холан

Делман когда-либо встречал в своей жизни, именно капитана Альюмета он выделял безоговорочно. Казалось, одним своим видом капитан внушал к себе уважение.

— Думаю, иначе на этом острове не выживешь, — ответил брат Делман.

— Прекрасные люди, — добавил Альюмет, оторвавшись от перил и повернувшись вперед.

— Когда мы снова увидим землю? — спросил Делман.

— Можешь увидеть ее прямо сейчас, если оглянешься назад, — усмехнувшись, сказал Альюмет.

Бедному Делману, равно как и нескольким матросам, слышавшим эти слова, было не до шуток. Все они устали всматриваться в океанские просторы. Капитан Альюмет откашлялся и пояснил:

— При попутном ветре — недели через две. И как только вдали покажется земля, считай, плавание окончено, ибо теперь мы держим прямой курс на Пирет Вангард.

Брат Делман прислонился к перилам и стал глядеть вдаль.

— Да будет так, — произнес он, мысленно напомнив себе о важном поручении, возложенном на него настоятелем Браумином.

Осенью, когда начнутся выборы нового отца-настоятеля, брату Делману предстоит быть главным советником Браумина. До этого времени молодому монаху предстояло поближе познакомиться с настоятелем Агронгерром. Суждение Делмана может сыграть решающую роль в дальнейшей жизни церкви Абея.

Помня об этом, посланник Браумина не жаловался на превратности путешествия ни Альюмету, ни кому-либо из команды.

Прошло не менее недели после их отплытия с Данкарда, когда в один из дней с мачты раздался крик впередсмотрящего:

— Вижу парус! Двигается в северном направлении.

Делман, который в это время драил палубу, поднял голову и увидел, что Альюмет поспешил на нос судна. Монах двинулся вслед за смуглокожим капитаном.

— Тот самый? — спросил Делман.

Где-то за пару дней до захода в Пирет Данкард на «Сауди Хасинте» заметили какой-то корабль. Поначалу он был не более чем пятнышком на горизонте. Однако быстроходная «Сауди Хасинта» сумела покрыть значительную часть расстояния между ними, и все, кто был на ее борту, увидели старое, угловатое суденышко с одной мачтой и двумя рядами весел. Обнаружив приближающийся корабль, на суденышке отчаянно замахали веслами, стремясь уйти вперед.

— Здесь редко встретишь корабль в любое время года, — ответил Альюмет.

Он взглянул вверх, туда, где на мачте в «вороньем гнезде» сидел впередсмотрящий.

— Что видишь?

— Судно с одним квадратным парусом, — сообщил наблюдатель.

— То же, что мы видели тогда?

— Идут без флага, это все, что могу сказать.

Альюмет посмотрел на Делмана.

— Скорее всего, тот же самый парусник, — сказал он. — Одного только никак не пойму: зачем этой старой посудине с квадратным парусом понадобилось заплывать так далеко от берега?

Делман бросил взгляд на паруса «Сауди Хасинты», туго надутые ветром. «Вскоре мы узнаем ответ», — подумал он.

* * *

— Эй, за нами погоня! — раздался крик впередсмотрящего, сидевшего на мачте судна с квадратным парусом.

Даламп Кидамп поддал ногой ведро и бросился к борту, сыпля проклятиями на бегу.

— Твой дружок, герцог Калас, — проворчал поври по имени Доки Рагс, подбегая к главарю. — Отправил нас сюда подыхать!

— Мы пока не знаем, что это за корабль! — заорал на него главарь. — Может, торговое судно. Или везут припасы для крепостей. Они же останавливались на том острове, где крепость. Теперь плывут дальше. Там, на севере, есть еще одна.

— А-а, заливаешь нам уши байками, в которые сам не веришь, — возразил Доки Рагс, и кое-кто из поври согласно закивали головами. — Говорю тебе, это Калас. Решил поразвлечься, скотина. Дал нам дырявую посудину и еще отправил погоню, чтобы здесь скормить нас рыбам. Что, не так?

— У них и флаг Палмариса, — заметил еще один поври.

— Да половина их вонючих посудин плавает под флагом Палмариса, — ответил Даламп.

— Это Калас, — не унимался Доки. — Они бы нас уже сцапали, если б не ихний парус. А уж теперь они до нас доберутся. Чем будем сражаться? Голыми руками?

Даламп Кидамп тяжело навалился на перила борта, собираясь с мыслями. Судьба не улыбалась им — это главарю поври было ясно и без слов. Сам не зная почему, он верил Каласу, что бы ни говорили сейчас Доки и остальные. Как-никак, они честно помогли герцогу одурачить всех в Палмарисе. Да и с какой стати Каласу отпускать их на этой посудине, а затем отправлять за ними погоню, чтобы потопить в самом центре залива Короны? Ведь куда проще было бы перебить их в застенках Чейзвинд Мэнор.

Так что напрасно его перетрусившие сотоварищи подозревают герцога. Калас здесь ни при чем. Однако каждый человеческий корабль представлял для них угрозу. Известно, что сделают матросы любого судна, даже торгового, столкнувшись с дырявым корытом вроде этого и обнаружив на нем безоружных поври. У каждого моряка есть причины ненавидеть поври.

Даламп обернулся и посмотрел через плечо на водную гладь, простиравшуюся впереди. Затем он бросил взгляд на юг. Неизвестный корабль находился еще довольно далеко, и с палубы его было не видеть. Главарь поври знал: его соплеменникам придется опять садиться на весла, причем без промедления, и гнуть спину, добавляя хода этой посудине с ее жалким маленьким парусом.

У Далампа появилась слабая надежда. Поври считались самыми сильными и выносливыми гребцами в мире. Особенно сейчас, когда весла были единственным спасением для бывших пленников герцога Каласа.

* * *

В последующие дни расстояние между «Сауди Хасинтой» и неизвестным парусником сокращалось, но очень медленно. Утлое суденышко не могло рассчитывать на силу ветра, зато его весла работали без усталости. Утром пятого дня впередсмотрящий доложил Альюмету, что парусник повернул на восток. Капитана удивляло, почему незнакомец так упорно стремится уйти подальше от торговой «Сауди Хасинты». Он приказал матросам следовать за одномачтовым парусником. Однако тот вскоре вернулся на прежний курс.

— Они явно пытаются оторваться от нас, — сказал Альюмет брату Делману.

— Тем лучше, — ответил монах. Он также был немало удивлен поведением странного суденышка.

Альюмет, немного подумав, кивнул.

— Если они еще раз свернут в сторону, мы не станем их догонять, — сказал он. — Но я хотел бы знать, кто они такие и зачем оказались здесь.

— Дорогой капитан Альюмет, ты же не на службе герцога Брезерфорда, — с улыбкой произнес Делман, имея в виду главнокомандующего королевским военно-морским флотом.

— Но я, можно сказать, состою на службе у других капитанов торговых кораблей, — ответил Альюмет. — Я помогаю им, они помогают мне и моей команде. У нас, дорогой

Делман, существует морское братство, и без него нам было бы не выжить перед лицом грозной и могучей стихии Мирианского океана. У меня также есть долг перед тобой и твоими братьями. Я помню, как вы помогали моим соплеменникам, что живут возле палмарисской гавани. Тогда казалось, весь мир обернулся против них. Как и обещал, я без промедления доставлю тебя в Пирет Вангард. Возможно, этот одномачтовик еще встретится мне на обратном пути.

Брат Делман поклонился и направился на палубу помогать матросам. Эту обязанность он возложил на себя добровольно. Но сейчас он то и дело прерывал работу и всматривался в морской простор. Один или два раза ему показалось, будто вдали мелькнул парус.

На другое утро странный парусник исчез из виду. Ветер дул слабо и долго не мог разогнать густой туман. Когда же туман наконец рассеялся, с ним словно растаяло и суденышко под квадратным парусом.

Капитану Альюмету, брату Делману и матросам ничего не оставалось, как выбросить из головы мысли о неведомом судне.

Через несколько дней ветер усилился, «Сауди Хасинта» быстрее побежала по волнам, и вскоре на горизонте вновь обозначился квадратный парус.

Однако погода опять переменилась. Целую ночь лил дождь, а наутро над морем снова повис туман. Он разошелся только к вечеру следующего дня. И тогда путешественники увидели вдали не парус, а свет маяка, мерцавший высоко над водой.

— Пирет Вангард, — объявил Альюмет.

Утром «Сауди Хасинта» пришвартовалась к длинному причалу самой северной в Хонсе-Бире крепости.

* * *

Парусник поври пристал к берегу тем же утром, облюбовав неприметную бухточку милях в пяти к северу от Пирет Вангарда. Поври выжали из утлой посуды все, что только могли, и теперь мачта и весла нуждались в починке. Чумазы коротышки, которым целых десять дней пришлось грести без перерыва, нуждались в отдыхе. Но по мысли Далампа Кидампа, они еще более нуждались в настоящем оружии, которым можно было бы отбиться от любого врага, который встретится им на просторах Мирианского океана. До островов Непогоды — родины поври и цели их нынешнего плавания — было еще очень далеко, поэтому им также необходимы были сейчас значительные запасы провизии.

Может статься, что тот корабль их здесь обнаружит. Даламп и его крепкие бойцы не боялись людей. Их не пугали даже рыцари из Бригады Непобедимых. Разумеется, поври не привлекало сражение в открытом море, пока они находились на ветхом и безоружном суденышке. Зато на суше они были более чем рады устроить побоище.

Но для этого им требовалось оружие. Герцог Калас отправил их с пустыми руками, не дав даже плохонькой остроги, чтобы добывать во время плавания рыбу. Высадившись на берег, часть бывших пленников устремилась в лес. Забыв о голоде и усталости, они начали усердно мастерить грубые луки, копья и палицы. Другая часть поври осталась на берегу чинить парусник, а третья отправилась на разведку.

Хотя Даламп и не говорил об этом вслух, он и его соплеменники надеялись набрести на человеческое жилье, которое в здешних местах вряд ли особо охранялось. Тогда можно будет не только добыть припасы, но и поразвлечься, вспомнив ремесло «красных шапок».

В то утро в гавани было тихо. Рыболовные суда Вангарда стояли на приколе; во-первых, из-за ненастной погоды, а во-вторых — по причине нескольких дней удачного лова, которые предшествовали ненастью.

На берегу возле «Сауди Хасинты» появились двое солдат в красной форме доблестных частей береговой охраны. Поначалу их насторожило, что капитан корабля — бехранец, но рядом с ним стоял монах и вел с ним вполне мирный разговор.

Как только «Сауди Хасинта» встала на якорь у причала и были спущены сходни, капитан с братом Делманом приготовились сойти на берег.

— Вы разрешите нам покинуть корабль? — спросил Альюмет.

— Пока только вам и абеликанскому брату, — ответил один из солдат. — Прежде чем позволить вашим матросам покинуть судно, командор Прессо хочет поговорить с вами.

— Вполне разумно, — сказал Альюмет.

Они с Делманом сошли на берег. Солдаты повели их по длинной лестнице, вырубленной в скале, наверх, в крепость Пирет Вангард, где находился кабинет командора Константина Прессо.

— Альюмет! — едва увидев их, воскликнул командор.

Он поднялся из-за стола. Они с бехренцем явно были знакомы.

— Сколько же мы не виделись, старый дружище? — спросил командор.

— С тех самых дней, когда вместе служили в Пирет Талме, — ответил Альюмет. — Давно это было, еще до войны.

Они тепло пожали друг другу руки, и Альюмет познакомил командора с братом Делманом.

— Я привез его для встречи с настоятелем Агронгерром, — пояснил капитан. — А брат Делман привез множество новостей с юга.

— До нас дошли какие-то путаные слухи, — ответил Прессо. — Мы же можем сообщить, что неустанными усилиями принца Мидалиса здешние места полностью очищены от гоблинского отродья.

— Мы должны встретиться с настоятелем Агронгерром, — сказал Альюмет. — Думаю, что и тебя, командор Прессо, пригласят на эту встречу.

Говоря, капитан взглянул на брата Делмана, давая понять, что это решать монаху, хотя сам он вполне доверяет командору.

— Если вы друг капитана Альюмета, добро пожаловать на нашу встречу, — сказал Делман, с уважением поклонившись.

— Тогда едем в Сент-Бельфур, — предложил командор Прессо.

Все вышли из кабинета. Командор распорядился о том, чтобы матросам Альюмета был оказан радушный прием, а также приказал тщательно осмотреть корабль. Затем все трое уселись в карету командора и поехали в Сент-Бельфур.

Настоятель Агронгерр был занят, однако они с братом Хейни прервали дела и вышли к гостям. После знакомства и приветствий брат Делман сказал:

— В калембре соберется Коллегия аббатов. Если желаете, мы доставим вас туда на борту «Сауди Хасинты».

— Но тогда вам придется простоять здесь три месяца, — удивился Агронгерр, глядя на Альюмета. — Чтобы в такое время торговое судно стояло на приколе!

— Я в долгу перед вашей... перед моей церковью, настоятель Агронгерр. И прежде всего — перед теми, кто просил меня привезти сюда брата Делмана и доставить вас обоих в Санта-Мир-Абель, — объяснил капитан. — Я и моя команда с радостью окажем вам эту услугу.

— В высшей степени щедрое предложение, — сказал настоятель Агронгерр. — Но быть может, вторая его часть окажется излишней. Ведь если мне надлежит присутствовать на Коллегии, мне понадобится вскоре после нее вернуться назад. Так что лучше, если это будет местный корабль.

— Мы еще поговорим об этом более подробно, — сказал Альюмет. — Но не будем торопиться. А сейчас позвольте нам рассказать о событиях в Палмарисе и южной части королевства, поскольку там произошли исключительно важные события.

— Здесь побывал торговый корабль, и мы узнали о гибели отца-настоятеля Маркворта, — ответил Агронгерр. — Нам рассказали, что его убили какой-то воин по имени Полуночник и женщина, которую зовут Пони.

— Джилсепони, — поправил брат Делман. — Это сделали Элбрайн Виндон, известный

под именем Полуночник, и его жена Джилсепони, которую часто называли просто Пони.

— Их считают преступниками? — спросил настоятель.

— Полуночник погиб в том сражении, — пояснил Делман. — Но сейчас никто не считает его преступником. А Джилсепони во всем королевстве почитают как героиню.

Надо было видеть недоуменное выражение на лице настоятеля Агронгерра!

Брат Делман сделал глубокий вдох, собираясь с мыслями. Он понял, что надо поведать настоятелю обо всем, пересказав подробно события тревожного года. Надо рассказать Агронгерру о странствиях через Тимберленд в Барбакан и о чуде, произошедшем на горе Аида.

Трое вангардцев внимательно слушали. Они настолько подались вперед, что, казалось, вот-вот упадут со стульев. Брат Хейни то и дело подносил к лицу правую руку и творил знамение вечнозеленой ветви, особенно когда Делман рассказывал о событиях на Аиде. В то памятное время окаменевшая рука мученика Эвелина сотворила чудо. От нее пошли волны энергии, полностью уничтожившей орду гоблинов, которые обступили гору со всех сторон, окружив смертельным кольцом Делмана и его спутников.

Агронгерр тоже сотворил знамение вечнозеленой ветви, когда речь зашла о последней битве в Чейзвинд Мэнор и о падении Маркворта, лишившегося благодати и самой жизни.

Когда брат Делман кончил свой рассказ, вангардцы долго сидели, храня молчание. Брат Хейни поглядывал на настоятеля, не решаясь заговорить первым.

— А где же теперь Джилсепони? — спросил Агронгерр.

— Вернулась в родной Тимберленд, в Дундалис, — ответил Альюмет. — Там могила ее мужа.

— Удивительная женщина, — произнес настоятель.

— Никакими рассказами не передать ее героизм, — восхищенно отозвался капитан. — В то время, когда Палмарисом правил епископ Де'Уннеро, и в последние дни отца-настоятеля Маркворта мои соплеменники в этом городе подвергались жестоким наказаниям. Джилсепони была на нашей стороне, рискуя собой во имя людей, которых она совершенно не знала. Тут не только благочестие, но и сила.

— Никто не сравнится с нею в умении применять силу самоцветов, — заметил брат Делман, и Агронгерр с Хейни, шумно вздохнув, вновь сотворили знамение.

— Этот дар в ней признали и церковь, и сам король Дануб, — продолжал Альюмет. — Ей предлагали стать баронессой Палмариса или занять высокое положение в церкви, став настоятельницей Сент-Прешес и даже...

Здесь капитан умолк и вопросительно поглядел на Делмана.

— Были разговоры об избрании ее матерью-настоятельницей церкви Абея, — признался Делман. — По предложению магистра Фрэнсиса Деллакорта.

— Прислужника Маркворта, — перебил его Агронгерр. — Я хорошо помню брата Фрэнсиса по прошлой Коллегии аббатов. Честно говоря, не видел более упрямого человека.

— Магистр Фрэнсис понял ошибочность пути, которым шел, — заверил старика брат Делман. — Он находился возле умирающего отца-настоятеля и слышал слова покаяния — последние слова Маркворта.

— Да, удивительный был год, — со вздохом произнес настоятель Агронгерр.

— Хотел бы я увидеть эту Джилсепони, — сказал командор Прессо.

— Она когда-то служила в частях береговой охраны, — сообщил ему Делман, на что командор одобрительно кивнул. — Когда началось вторжение поври, она находилась в Пирет Талме и чуть ли не единственная уцелела в этой бойне.

У Прессо округлились глаза. Он подался вперед и буквально впился глазами в Делмана.

— Опишите мне ее, — потребовал командор.

— Воплощенная красота, — улыбнувшись, сказал Альюмет.

Делман описал Джилсепони более подробно. Он поднял руку, показывая ее рост: пять футов и пять дюймов.

— У нее голубые глаза и золотистые волосы.

— Быть того не может, — воскликнул командор Прессо.

— Так ты ее знаешь? — спросил Альюмет.

— В Пирет Талме служила женщина по имени Джилл, — сказал Прессо. — Ее направили в армию после какого-то неприятного события; кажется, распавшегося по ее вине брака с одним аристократом. И она сумела проявить себя настолько, что получила право служить в береговой охране. Однако это было много лет назад.

— Да, она была замужем за Коннором Бильдборо, племянником палмарисского барона, — объяснил Делман, понимая, что речь идет именно об этой удивительной женщине.

— Этот брак не мог не распасться, поскольку сердце Джилсепони навсегда было отдано Элбрайну.

— Непостижимо, — выдохнул командор Прессо.

— Получается, вы ее знаете, — сказал Агронгерр.

Прессо кивнул.

— Даже тогда она была не похожа на других, досточтимый настоятель. У нее были твердые жизненные принципы, сильное сердце и такие же сильные руки.

— Значит, это точно Джилсепони, — сказал улыбающийся Альюмет.

— У нас еще будет время обсудить вашу поездку, — сказал Агронгерру брат Делман. — Мне позволено провести лето в Вангарде. Честно говоря, я горю нетерпением увидеть эту чудесную землю.

— У нас ты найдешь самый радушный прием, брат Делман, — ответил польщенный Агронгерр. — Места в монастыре сейчас более чем достаточно. Многие братья отправились вместе с принцем Мидалисом на север, и лишняя пара рабочих рук нам очень кстати.

— А капитан Альюмет и его матросы останутся со мной в Пирет Вангарде, — объявил командор Прессо. — У меня рабочих рук тоже не хватает, поскольку в поход с принцем ушло также немало моих солдат.

— И когда вы ждете их возвращения? — поинтересовался Альюмет.

— Судя по всему, скоро, — ответил Прессо. — Они отправились в южный Альпинадор вместе с тамошним предводителем Брунхельдом и рейнджером Андаканаваром.

— Значит, союз с Альпинадором? — недоверчиво спросил капитан Альюмет.

Командор Прессо пожал плечами.

— Ну, об этом, я так думаю, разговор особый.

В это время в дверь негромко постучали.

— Вечерняя молитва, — сказал, поднимаясь, настоятель. — Мне бы хотелось, чтобы сегодня ее провел брат Делман.

Делман встал и почтительно поклонился. Если первое впечатление действительно что-то значит, тогда, подумал брат Делман, он бы посоветовал Браумину Херду и другим собратьям избрать этого Агронгерра отцом-настоятелем.

ГЛАВА 16 СЛИШКОМ МНОГО ОБЩЕГО

— Надо же, братья возвращаются один за другим, — с нескрываемым сарказмом произнес магистр Бурэй, когда Маркало Де'Унnero появился в его кабинете. — Первым неожиданно вернулся брат... прощу прощения, магистр Фрэнсис. А теперь вот и ты нас обрадовал.

Де'Унnero с презрительной усмешкой слушал однорукого магистра. Бурэй никогда не был его другом, более того — относился к нему с пренебрежением, хотя Де'Унnero, будучи моложе Бурэя, был правой рукой Маркворта, намного опередив в этом смысле завистливого Фио. Их соперничество сделалось особенно острым после нападения флота поври на Санта-Мир-Абель. Де'Унnero отличился в бою, тогда как Бурэй просидел на западной стене, ожидая нападения с суши, которого так и не последовало.

Де'Унnero не удивился, обнаружив, что безвластие, возникшее в Санта-Мир-Абель,

Бурэй использовал в своих интересах. Да и как могло быть иначе? И теперь Бурэй, некогда отодвинутый на задний план не питавшим к нему никакой симпатии Марквортом, занимает вместе со своим прислужником Гленденхуком, который трется у его ног, будто собачонка, самые передовые позиции.

— Двое магистров, оба — бывшие епископы и бывшие настоятели, вернулись, дабы поддержать Санта-Мир-Абель в нынешнее время испытаний, — сказал Де'Уннеро.

— Поддержать? — язвительно переспросил Бурэй и столь же язвительно засмеялся.

Де'Уннеро подумал, что, пожалуй, он мог бы заставить однорукого магистра улыбнуться еще шире, ударив ладонью по его передним зубам.

— Поддержать? — снова повторил Бурэй. — Разве ты не знаешь, что о тебе говорят люди?

— Я честно служил отцу-настоятелю Маркворту.

— Он разоблачен, — напомнил Бурэй. — Правление Маркворта было для вас с Фрэнсисом вершиной карьеры. Но Маркворта больше нет, и весьма скоро о нем позабудут. Нечего глядеть на меня, Маркало Де'Уннеро. Было время, когда в стенах Санта-Мир-Абель ты преуспевал, но это произошло лишь благодаря отцу-настоятелю Маркворту. Сейчас среди оставшихся магистров ты не найдешь себе союзников. Даже магистр Фрэнсис вряд ли встанет на твою сторону, если все, что он говорит о своем раскаянии, — правда. Перед тобой — новая церковь на месте прежней. Новая церковь никогда не встретит с распростертыми объятиями человека твоих... талантов.

— Я не собираюсь защищаться или вспоминать о прошлом, дабы снискать расположение Фио Бурэя, — резко ответил ему Де'Уннеро.

— Если бы и попытался, то наврал бы сверх всякой меры.

Эти слова пробудили в Де'Уннеро ярость, в нем начали просыпаться инстинкты тигра. Как ему хотелось сейчас превратиться в огромную полосатую кошку, перемахнуть через стол и разорвать этого негодяя! Как ему хотелось напиться крови Фио Бурэя!

Порывистый магистр не без труда загнал инстинкты хищника глубоко внутрь и попытался восстановить дыхание. Чего он добьется, если позволит тигру вырваться наружу? Ему придется бежать из Санта-Мир-Абель и навсегда покинуть орден; он будет обречен скрываться на задворках жизни, как скрывался в течение последних месяцев. Де'Уннеро не хотел, вовсе не хотел этого. Собрав всю силу воли, Де'Уннеро сказал себе, что этот человек — лишь жалкая букашка, назойливое насекомое, которое в своей ничтожной жизни впервые вкусило нектар власти.

— Ты почти на десять лет меня младше, — продолжал Бурэй. — Десять лет! Вдумайся, сколько это времени. Я дольше, нежели ты, изучал старинные писания и пути Божьи и человеческие. Так что знай свое место и не забывай, что сейчас ты стоишь ниже меня.

— Тогда насколько же дольше, нежели магистр Бурэй, изучали пути Божьи и пути человеческие магистры Тиммини и Балдмир? — спокойно спросил Де'Уннеро, который вновь овладел собой, окончательно подавив инстинкт хищника. — Получается, что ты ниже их, ниже Мачузо и некоторых других. Тем не менее не кто иной, как Бурэй, восседает ныне в кабинете отца-настоятеля.

Бурэй откинулся в кресле, и на его скуластом лице расплылась улыбка.

— Мы оба понимаем разницу между такими, как Мачузо и Балдмир, и между такими, как мы с тобой, — сказал он. — Одни рождаются, чтобы управлять, другие — служить. Одни рождаются для величия, другие... сам понимаешь. Те, о ком ты говоришь, даже не хотят брать на себя ответственность, которую предполагает любая власть, — ответил Бурэй, неожиданно подавшись вперед.

И вновь, к удивлению Де'Уннеро, ему пришлось усилием воли сдержать позыв к убийству, вызванный движением Фио.

— Раз ты готов взять на себя ответственность, уж не хочешь ли ты при поддержке своего верного пса Гленденхука добиваться на Коллегии аббатов официального избрания тебя отцом-настоятелем? — напрямую спросил Де'Уннеро. — Да они уничтожат тебя, если

только ты отважишься на это, — я говорю о Браумине Херде, Фрэнсисе и новоиспеченном магистре Виссенти. — Де'Уннеро сдавленно рассмеялся, не скрывая своего презрения. — Добавим сюда же Джеховита, Олина и его верную прислужницу, настоятельницу Делению. Они все выступят против тебя, — он сделал паузу, хотя и знал, что заключительные слова вряд ли явятся для Бурэя неожиданностью, — и я тоже.

Бурэй откинулся на спинку кресла и надолго замолчал. Де'Уннеро понимал, о чем думает однорукий магистр. Наконец Бурэй довольно резко объявил:

— Они поддержат кандидатуру настоятеля Агронгерра из Сент-Бельфура. И я тоже.

Де'Уннеро не удивился. Бурэй сознавал, что ему не тягаться с Агронгерром, и потому решил втереться в доверие к этому кроткому, а главное — престарелому вангардцу. Он надеется, что Агронгерр продвинет его так же, как некогда Маркворт продвинул Де'Уннеро и Фрэнсиса. Правда, когда Маркворт прочно взял их под свое черное крыло, они оба были намного моложе. Похоже, Бурэя это обстоятельство не особо волнует. Он рассчитывает, что, когда старый Агронгерр умрет (а это может случиться в ближайшие несколько лет), Бурэй окажется тут как тут в качестве законного преемника. Опытного, пользующегося доверием и практически не имеющего соперников.

— Настоятель Агронгерр — добрый человек, обладающий щедрой душой, — бесцветным голосом произнес Бурэй.

Де'Уннеро понял: хотя однорукий магистр и говорил правильные слова, он был равнодушен к добродетелям Агронгерра.

— Наверное, в наше тревожное время церкви необходимо, чтобы в Санта-Мир-Абель пришел именно такой человек: убеленный сединами, опытный и мудрый. С его приходом начнется возрождение церкви.

Маркало Де'Уннеро почти восхищался терпением Бурэя и мог бы сказать об этом вслух, если бы не ненависть к однорукому магистру.

Де'Уннеро занялся делами, постепенно втягиваясь в распорядок монастырской жизни. Как ни странно, Бурэй не стал чинить ему никаких препятствий и позволил, как и прежде, обучать молодых монахов воинским искусствам.

— Твоя левая рука! — заорал Де'Уннеро на брата Теллареза, служившего в монастыре всего второй год.

Утро выдалось хмурое и дождливое. Де'Уннеро подскочил к монаху и с силой дернул его руку, поставив ее в правильную оборонительную позицию.

— Как ты собираешься отражать мой удар, если твоя рука находится на уровне груди?

Но рука молодого монаха вновь неловко опустилась. Де'Уннеро тут же ударил Теллареза прямо в лицо, сбив с ног.

Недовольно ворча, магистр повернулся и отошел.

— Идиот, — пробормотал Де'Уннеро.

Затем он махнул монаху-первогодку, обладавшему кое-какими бойцовскими задатками, и велел встать в пару с Телларезом.

Монахи начали бой и обменялись парой несильных ударов. Они явно хотели прочувствовать силу друг друга и не стремились нападать. Остальные десять братьев оставили занятия и окружили их плотным кольцом.

Когда левая рука Теллареза снова оказалась на уровне груди и противник нанес ему удар в лицо, Де'Уннеро вдруг отшвырнул его и вновь встал напротив Теллареза.

— Я д-думал н-нанести контрудар, — заикаясь, оправдывался тот.

— Ты что же, позволил ему ударить, чтобы понять его маневр?

— Да.

Де'Уннеро презрительно фыркнул.

— Значит, ты позволяешь противнику лупить тебя по лицу? Ради чего? О каком контрударе ты говоришь, если тебя дубасят, а ты стоишь?

— Я думал, что...

— Да ни о чем ты не думал! — заорал на него раздосадованный Де'Уннеро.

Как странно все повернулось. Когда-то он был епископом Палмариса, большим человеком, наделенным неограниченной властью. Если бы в тот судьбоносный день Маркворт уничтожил Элбрайна и Джилсепони, то он, Де'Уннеро, стал бы его непосредственным преемником на посту отца-настоятеля. Когда-то он охотился за Полуночником, знаменитым Защитником и, быть может, величайшим в мире воином. Де'Уннеро выступил против него честно и открыто и, безусловно, превзошел его.

Да, когда-то он знал великую славу, а теперь... теперь он обучал идиотов, которые никогда не научатся защищаться против низкорослых уродцев-гоблинов, не говоря уже о настоящих противниках.

Злость на судьбу выплеснулась из Маркало Де'Уннеро, и он правой рукой ударил Теллареза в лицо, а затем, когда тот попытался загородиться, добавил еще сильнее левой. Несчастный Телларез, у которого ответные реакции вечно опаздывали, попытался загородиться другой рукой, но Де'Уннеро, словив его жалкую защиту, снова поразил монаха своей правой.

— А если бы у меня был кинжал, ты бы тоже позволил мне воткнуть его тебе в брюхо, надеясь, что, истекая кровью, разгадаешь маневр? — спросил Де'Уннеро.

Зверая, он бил Теллареза снова и снова. Когда же тот, защищаясь, прикрыл голову обеими руками, Де'Уннеро ударил его в живот. Затем снова нанес несколько ударов по лицу.

Де'Уннеро слышал возгласы и вздохи стоявших вокруг молодых монахов. Но сочувствие к слабому лишь подхлестнуло его ярость. Его удары стали сильнее и посыпались чаще. Потом они неожиданно прекратились.

Телларез не сразу отважился выглянуть из-за поднятых вверх рук. Затем он медленно, очень медленно опустил руки вниз.

— Я не понимал, — тихо сказал он.

— А теперь? — спросил Де'Уннеро, и собравшимся показалось, что в его голосе они слышат странные отзвуки звериного рычания.

— Теперь понимаю.

— Тогда защищайся! — крикнул Де'Уннеро и прыжком встал в боевую стойку.

Руки Теллареза заняли правильное положение. Де'Уннеро вращал плечом, делая вид, будто собирается бить.

К его удивлению, этот мальчишка умудрился ударить его прямо в лицо. Монахи, окружавшие их, как ни старались, не могли удержаться от ободрительных восклицаний.

Рука Де'Уннеро с бешеной скоростью метнулась вперед и со всей силой полоснула Теллареза по лицу. К ужасу Теллареза, к ужасу собравшихся и самого Де'Уннеро, на лице ясно обозначились четыре глубокие борозды.

Де'Уннеро немедленно опустил руку вниз, прикрыв широким рукавом лапу с острыми когтями. Как это произошло? Как и когда он утратил власть над собой?

И над тигром внутри себя!

— Бывают случаи, когда надо пропустить удар противника, чтобы получить возможность ударить самому, — проревел он, обращаясь к шатающемуся и едва держащемуся на ногах Телларезу.

Потом развернулся, обращаясь к остальным:

— Когда я знаю, что перевес на моей стороне, я могу допустить несильный удар со стороны противника.

Де'Уннеро придумывал все это на ходу, ибо на самом деле мастерский маневр Теллареза удивил его не меньше, чем внезапное превращение собственной руки в тигриную лапу.

— Но берегитесь! — продолжал он, обращаясь ко всем. — Когда вы применяете подобную стратегию, в ней не должно быть места ошибке. Вы должны быть уверены в слабости противника и в своей способности нанести окончательный удар. На сегодня мои занятия с вами окончены. Теперь пусть каждый из вас не менее двенадцати раз

поупражняется на преодолении препятствий и трижды пробежится вдоль монастырской стены по всей ее длине. После этого можете идти к себе и размышлять об этом уроке!

Де'Унnero зашагал прочь, желая только одного: поскорее добраться до своей кельи и забиться в ней на весь остаток дня. Однако, увидев, что лица молодых монахов оцепенели от ужаса, он остановился и обернулся назад. Телларез, припав на одно колено, обхватил лицо руками, безуспешно пытаясь остановить кровь.

— Эй вы, двое, — обратился Де'Унnero к монахам, находившимся от него ближе всех. — Займитесь им или, если понадобится, отведите его к магистру Мачузо. Когда ему наложат повязку, всем троим закончить урок.

Отдав распоряжение, Маркало Де'Унnero вернулся в свою маленькую келью, плотно закрыл дверь и долго пытался понять, как же *это* могло случиться. Он был настолько подавлен, что не пошел на вечернюю молитву.

— Союзники? — недоверчиво переспросил Де'Унnero, когда после вечерней молитвы магистр Фрэнсис без приглашения заглянул к нему.

— Мы с тобой оба служили покойному отцу-настоятелю, — коротко ответил на это Фрэнсис.

— Человеку, который пал, — с иронией напомнил Де'Унnero. — Так что же, теперь это предстоит и нам? Или встанем плечом к плечу, мой *друг* магистр Фрэнсис? Мы с тобой — против всей церкви?

— Ты слишком легкомысленно к этому относишься, и все потому, что недооцениваешь опасности, существующей для нас обоих и для каждого, кто был сторонником Маркворта, — холодно ответил Фрэнсис. — Церковь изменилась, магистр Де'Унnero. Она отошла от Маркворта с его приемами правления «железной рукой». В прошлом ты был в фаворе, поскольку обучал братьев воинским искусствам. Теперь, Маркало Де'Унnero, тебе придется либо сменить манеру обучения и кое-какие привычки, либо твоя роль в новой церкви Абелия заметно понизится.

— Уж не прикажешь ли мне припасть к груди Фио Бурэя и ждать, когда из его сосцов изольется благодать? — резко спросил Де'Унnero.

— Магистру Бурэю не быть главой церкви, — ответил Фрэнсис. — Но не преуменьшай его влияния в стенах Санта-Мир-Абель. Когда я вернулся из Палмариса, меня не меньше твоего удивило, насколько он сумел укрепить собственное положение. Пытаться воевать с ним просто глупо.

— Зачем ты вообще явился ко мне? — налетел на него Де'Унnero. — Когда это Фрэнсис называл Де'Унnero другом?

И действительно, даже во времена Маркворта Де'Унnero и Фрэнсис никогда не были друзьями. Более того, они были соперниками. Маркворт из всех сил стремился перекроить иерархию церкви, а они вслед за ним оспаривали друг у друга право на власть и влияние.

— Я пришел лишь затем, чтобы дать тебе совет, — спокойно ответил Фрэнсис. — Примешь ты его или нет — это тебе решать. Церкви Маркворта больше не существует. Сейчас, как мне кажется, настало время Браумина Херда и прочих последователей Эвелина и Джоджонаха.

Де'Унnero презрительно хмыкнул. Эти слова звучали для него полной бессмыслицей.

— Даже отец-настоятель Маркворт признал, что допустил ошибку относительно Эвелина Десбриса, — добавил Фрэнсис.

— Маркворт допустил ошибку лишь в том, что не решился быстро и беспощадно расправиться с Эвелином и его последователями, — перебил Фрэнсиса Де'Унnero.

— Он ошибался, не желая признавать истину, — решительным тоном продолжал Фрэнсис. — Едва ли не по всему королевству ходит сказание о том, что Эвелин с помощью Элбрайна, Джилсепони, кентавра и эльфов уничтожил демона-дракона. И люди верят, что так оно и было.

— А как установить истинность этих рассказов? — спросил Де'Унnero. — Уж не со

слов ли самих преступников?

— Они не преступники, — напомнил Фрэнсис. — А правдивость истории подтверждается окаменевшей рукой Эвелина, простертой из скалы на разрушенной взрывом Аиде. Ты, быть может, слышал о произошедшем там чуде?

— Глупую сказочку о том, как гоблины превратились в кучу скелетов, едва попытавшись приблизиться к тем, кто сгрудился вокруг этой всемогущей десницы?

Фрэнсис снисходительно усмехнулся.

— Не такая уж глупая, если ее рассказывает настоятель, собственными глазами видевший все это. Чудо на Аиде спасло жизнь Браумину и его спутникам.

— Глупость, — вздохнув, произнес Де'Уннеро. — Пустые выдумки, дабы воодушевить честолюбивых юнцов в сутанах.

— Мы с тобой можем как угодно относиться к этому, но простой народ и многие наши собратья по церкви склонны верить Браумину Херду.

— А как сам магистр Фрэнсис оценивает эти, с позволения сказать, подвиги Эвелина Десбриса и магистра Джоджонаха? — спросил Де'Уннеро с плохо скрываемым ехидством. — И как сам магистр Фрэнсис относится к так называемому чуду на Аиде?

— Твоя грубость глупа и неуместна, — ответил Фрэнсис.

— Впрочем, я и так знаю ответ, — сказал Де'Уннеро.

— Мне довелось выслушать две точки зрения насчет истории Эвелина Десбриса. Могу сказать, что в обеих есть доля истины, — бесстрастно заявил Фрэнсис. — Что же касается магистра Джоджонаха, по-моему, он не заслужил такой участи.

— Но ты ни слова не сказал в его защиту, — заметил Де'Уннеро.

— В то время я находился лишь на уровне безупречного и не имел права голоса на Коллегии аббатов, — напомнил Фрэнсис. — Но ты прав, упрекая меня в малодушии, и сознание своего молчаливого пособничества будет мучить меня всю жизнь.

— Значит, и ты тоже утратил вкус к сражениям? — спросил Де'Уннеро.

Фрэнсис даже не удостоил его ответом, настолько глупым показался ему вопрос.

— А как насчет того чуда? — не унимался Де'Уннеро. — Ты веришь, что призрак Эвелина вернулся, дабы поубивать гоблинов?

— Ты не был на Аиде, — ответил Фрэнсис. — Но я там был. Я видел гробницу, видел его иссохшую руку и чувствовал...

Он умолк и закрыл глаза.

— Так что же ты чувствовал, магистр Фрэнсис? — продолжал, издеваясь, настаивать Де'Уннеро. — Что ты чувствовал на горе Аида? Присутствие ангелов? Или сам Господь снизошел благословить тебя, пока ты стоял на коленях перед останками погибшего еретика?

— Я шел туда с недоверием, — признался Фрэнсис. — Я отправился в Барбакан, надеясь отыскать Эвелина Десбриса живым, мечтая заковать его с ног до головы в цепи и доставить к Маркворту! Но не могу отрицать, — оказавшись рядом с его могилой, я почувствовал какое-то особенное состояние, состояние мира и покоя.

Де'Уннеро нетерпеливо махнул рукой.

— Теперь ты готов канонизировать брата Эвелина, — процедил он.

— Думаю, настоятель Браумин станет побуждать меня к этому, — вполне серьезно ответил Фрэнсис.

Де'Уннеро поморщился.

— Ну и удивительные времена настали! — желчно произнес свирепый монах. — Оказывается, мы живем в эпоху чудес! Я и не мечтал о такой радости!

Фрэнсис молча следил за ним.

— Я пришел к тебе, желая поделиться своими наблюдениями, — наконец сказал он. — И еще, чтобы предупредить тебя. Прежней, знакомой тебе церкви больше не существует. Я прошу тебя научиться сдерживаться, ибо в нынешней церкви твое зверское обращение с братом Телларезом и иные подобные действия не встретят одобрения. Повторяю: времена Маркворта прошли, и прихвостни демона-дракона более не угрожают нам осадой. Задумайся

об этом. Мы с тобой долгое время шли вместе, и я был просто обязан тебя предостеречь. Однако я не стану брать на себя ответственность за твои решения.

Де'Уннеро хотел было выпроводить его, но Фрэнсис, не сказав более ни слова, повернулся и поспешно вышел.

Как бы насмешливо и дерзко ни держал себя Де'Уннеро, слова магистра Фрэнсиса сильно подействовали на его беспокойную душу. Он мог издеваться, язвить и даже плевать, а простая правда этих слов не давала ему покоя.

Де'Уннеро лег и долго не мог уснуть. Но и наступивший сон не принес облегчения. Это было какое-то тяжелое забытие, наполненное жуткими видениями. Де'Уннеро снилось, как своими тигриными лапами он наносит удары по молящимся братьям. Он видел кровь молодых монахов, обступавших и наваливающихся на него. Он яростно кричал на них, обвиняя в слабости и говоря, что их слабость подорвет церковь Абеля. Эти зеленые юнцы почему-то не слушали его и отворачивались, чтобы продолжить свои идиотские моления. Тогда когти Де'Уннеро стали раздирать их тела, и он почувствовал горячую кровь, залившую ему лицо и шею.

Он проснулся в холодном поту и увидел, что лежит на полу, запутавшись в простынях. До рассвета было еще далеко. Де'Уннеро сразу же взглянул на свои руки и едва не лишился чувств от радости: это были руки, а не лапы тигра. Но облегчение оказалось мимолетным. Де'Уннеро начал растирать затекшее тело, и вдруг ему вспомнилось то странно-сладостное ощущение крови на лице и шее.

— Сон, только и всего, — успокаивал себя Де'Уннеро, отирая пот.

Он поправил постель, намереваясь снова лечь, однако вскоре понял, что больше не заснет.

Де'Уннеро покинул келью, вышел на восточную стену и стал смотреть, как восходит солнце. Косые лучи упали на залив Всех Святых, и темные волны заискрились сочным, красным, оранжево-красным цветом.

Оставляя Палмарис и глупцов, завладевших Сент-Прешес, Де'Уннеро надеялся, что возвращается в свой родной дом. Сейчас он понял, что заблуждался. Сам Де'Уннеро ничуть не изменился, во всяком случае он так думал. Но Санта-Мир-Абель определенно изменился. Де'Уннеро понял: монастырь уже не был его домом. Магистр не был уверен, может ли он сейчас назвать *своими* церковь и ее орден. Маркало Де'Уннеро никогда особо не восторгался Марквортом и, уж конечно, никогда не был его старательным прислужником, как Фрэнсис. Нет, они часто спорили с отцом-настоятелем, и, к неудовольствию властного Маркворта, Де'Уннеро во многих случаях поступал по-своему. Но при Маркворте церковь хотя бы подчинялась четким правилам поведения. В свои последние дни отец-настоятель многое изменил в церкви, вознамерившись поднять орден Абеля на новую, более величественную ступень славы и могущества. Учреждение епископата в Палмарисе отбирало у короля и передавало церкви значительную власть. Такого в Хонсе-Бире не знали уже несколько веков. А затем последовал указ Маркворта, согласно которому владеть священными самоцветами могли только монахи.

Да, при всех разногласиях Де'Уннеро поддерживал политику отца-настоятеля. Что ждет Де'Уннеро и всю церковь теперь, когда Маркворта не стало, а на его место так и не пришел новый иерарх, ясный в своих намерениях и умеющий властвовать? И еще одна мысль будоражила магистра. Этот восторженный идиот Браумин Херд и его приспешники вовсю кричат о мученической гибели магистра Джоджонаха и о «чуде» на горе Аида, стремясь поколебать менее стойких братьев и укрепить собственные позиции. Знать бы, насколько они преуспели в этом.

Перспективы были отнюдь не радужными. Де'Уннеро понимал: с Бурэем ему не поладить. И, что хуже, он не видел никаких возможностей повернуть ход событий в свою пользу.

Он оперся на парапет и, глядя на яркие красные блики, игравшие на волнах залива, думал о том, как низко пала его возлюбленная церковь.

Звук приближающихся шагов прервал его размышления. Он вздохнул и, обернувшись, увидел Фрэнсиса и Бурэя, которые направлялись прямо к нему.

— Лечение брата Теллареза продлится несколько дней, — объявил Бурэй.

— Там была пустяковая рана, — ответил Де'Уннеро, отодвигаясь от однорукого магистра.

— Но впечатление такое, будто она нанесена когтями крупной кошки, — добавил Бурэй. — Рана загноилась, и Мачузо пришлось взять камень души и полночи врачевать ее.

— Для этого у нас и существуют камни души, — сухо ответил Де'Уннеро, не отводя глаз от залива.

К его удивлению, Бурэй подошел к нему вплотную и тоже оперся о парапет.

— До нас дошли слухи о том, что в южных землях беда, — мрачным голосом произнес он.

Де'Уннеро продолжал разглядывать игру бликов солнца на воде.

— Говорят, там появилась розовая чума.

Даже упоминание о самой грозной болезни, какая существовала в королевстве, не взволновало Де'Уннеро.

— Каждые несколько лет откуда-то обязательно появляются слухи о розовой чуме, — равнодушно ответил он.

— Я видел сам, — вмешался Фрэнсис.

— И сравнил то, что видел с рисунками в какой-нибудь старинной книге? — ехидно спросил Де'Уннеро.

— Мы со всеми магистрами решили, что необходимо послать кого-то из братьев для проверки правильности этих слухов, — пояснил Бурэй.

Де'Уннеро сощурился и бросил на Бурэя угрожающий взгляд.

— Как это «со всеми магистрами»? А где же тогда был я? — спросил он.

— Мы нигде не могли тебя найти, — ответил Бурэй, не дрогнув под взглядом Де'Уннеро.

Де'Уннеро повернулся к Фрэнсису.

— Оставь нас, — потребовал он.

Фрэнсис не пошевелился.

— Прошу тебя, брат Фрэнсис, оставь нас одних, — уже вежливее повторил он.

Фрэнсис тревожно посмотрел на Бурэя и отошел на некоторое расстояние.

— Стало быть, вы решили, что именно мне и надлежит этим заняться, — тихо сказал Де'Уннеро.

— Да, будет лучше, если ты на какое-то время покинешь монастырь, — ответил Бурэй.

— Я не обязан подчиняться твоим распоряжениям, — сказал Де'Уннеро.

Он выпрямился. При своем не особо высоком росте он тем не менее производил внушительное впечатление.

— Это не распоряжение. Это настоятельная просьба, поддержанная всеми магистрами Санта-Мир-Абель.

— И Фрэнсисом тоже? — спросил Де'Уннеро достаточно громко, чтобы тот слышал.

— Да, — подтвердил Бурэй.

Де'Уннеро усмехнулся. Удивительно, как ловко Бурэй все провернул. Воспользовался раной Теллареза, чтобы всех настроить против меня, — подумал он. Впрочем, этого надо было ожидать. Возвращение Де'Уннеро очень многим пришлось не по вкусу.

— Безупречные также присоединятся к этой просьбе, — сказал Бурэй.

— Еще чище! С каких это пор я должен подчиняться приказам, исходящим от безупречных, а также от испуганных и завистливых магистров, которые боятся, что с моим появлением разрушится их уютный мирок? — поспешил возразить Де'Уннеро.

Бурэй удивленно глядел на него.

— Да-да, в отсутствие Маркворта магистр Фио Бурэй уютно устроился, — продолжал Де'Уннеро. — Магистр Фио Бурэй страшится, что я лишу его столь сладостной для него

власти.

— Мы уже говорили об этом, — сухо напомнил Бурэй, явно зная, куда клонится весь разговор.

— Боюсь, нам придется еще не один раз говорить об этом, — сказал Де'Уннеро. — Но не сейчас. Я сегодня как раз думал о том, что мне стоит на время покинуть Санта-Мир-Абель. Если магистрам угодно, чтобы я отправился на юг, пусть будет так.

— Мудрое решение.

— Но я обязательно вернусь к началу Коллегии аббатов, и голос мой будет звучать громко, — пообещал Де'Уннеро.

Затем уже тише, чтобы его слова не долетели до ушей Фрэнсиса, он добавил:

— Уверяю тебя, я буду внимательно следить за процедурой избрания. Если Агронгерр из Сент-Бельфура победит, я, как и ты, Бурэй, горячо поддержу его и стану для него незаменимым человеком, каким я был для отца-настоятеля Маркворта.

— Настоятель Агронгерр не воин, — заметил Бурэй.

— Каждый отец-настоятель — воин, — поправил его Де'Уннеро. — Либо непременно становится воином, узнав о тайных замыслах тех, кому должен был бы доверять превыше всего. Можешь не сомневаться, он с радостью примет мою помощь; тем более что Агронгерр немолод.

— Ты и в самом деле уверен, что когда-нибудь добьешься благорасположения нашего ордена и будешь избран отцом-настоятелем? — недоверчиво спросил Бурэй.

— Я уверен, что смогу помешать Бурэю пробраться на этот пост, — грубо ответил Де'Уннеро и с наслаждением заметил, как у его противника вытянулись губы.

— Эта битва еще впереди, — продолжал Де'Уннеро.

Он взглянул поверх Бурэя и обратился к Фрэнсису:

— Ты уже успел расписать задание для меня?

— В ближайшее время все будет готово, — ответил ошеломленный Фрэнсис.

— Только не растягивай это «ближайшее время», — потребовал Де'Уннеро. — Я хочу выбраться отсюда еще до полудня.

Он зашагал прочь, вновь раздумывая о церкви, в которую вернулся. Увы, для него здесь ничего не осталось, и сама церковь напоминала пустую оболочку, скорлупу, лишенную сердцевины. То, чего удалось бы достичь Маркворту и при Маркворте... об этом теперь бесполезно думать. Что ж, он охотно отправится на юг, но вовсе не на поиски чумы. Скорее всего, он пойдет в Сент-Гвендолин, а если позволит время, доберется до Энтела и поищет себе союзников там, где братья сильнее и решительнее. Интересно, как поведет себя настоятель Олин, узнав, что избрание Агронгерра — дело решенное?

Они с Олином всегда неплохо ладили. Де'Уннеро знал: тому вряд ли придется по душе недавние события, произошедшие в церкви. Олин с радостью воспринял сожжение магистра Джоджонаха. Вдобавок еще по прежней Коллегии аббатов Де'Уннеро убедился, что Олин и настоятельница Деления не являются друзьями Бурэя.

По дороге на юг, рассуждал Де'Уннеро, он сумеет затеять нужные разговоры и разжечь нужные чувства. Естественно, это усилит брожения и в народе, и внутри церкви. Но разве это церковь? Разве можно назвать орденом Абея кучку слюнтяев? Кого они пытаются сделать героями? Убийцу и еретика Эвелина Десбриса? Джоджонаха, вероломно предавшего Санта-Мир-Абель? Пусть начнутся брожения, но они лишь облегчат положительные сдвиги.

Начиная с ранней юности Маркало Де'Уннеро был политиком до мозга костей. Он понимал последствия избираемого им пути. Понимал он и другое: если бы не сопротивление Бурэя и Фрэнсиса, Браумин Херд со своими умниками давно бы раскололи церковь Абея. Де'Уннеро поведет войну честно и беспощадно. Если понадобится, он сожжет Санта-Мир-Абель дотла, для того чтобы обитель вновь возродилась из пепла.

Прежде чем зайти к Фрэнсису за заданием, Де'Уннеро спустился в подземелье, где находились хранилища древних книг и свитков. Там он разыскал и спрятал под сутану несколько листов очень редкой морской карты.

Всего несколько дней назад Де'Уннеро, полный надежд, входил в монастырские ворота. Теперь он покидал Санта-Мир-Абель, исполненный решимости, и шаги его были еще более уверенными и твердыми.

* * *

Стоя на монастырской стене, магистр Бурэй провожал глазами удалявшегося Де'Уннеро. Его собственные раздумья о церкви в это утро не сильно отличались от мыслей этого человека, хотя он и считал его врагом. Ведь это правда — избрание Агронгерра виделось Бурэю сигналом к началу возрождения церкви. Агронгерр обладал кротостью и состраданием, в чем как раз и нуждалась истерзанная церковь. Когда Бурэй заявил Де'Уннеро, что вангардец — именно тот человек, который сейчас им всем необходим, он произнес это искренне и без какого-либо скрытого политического умысла.

Все казалось логичным и очевидным. Бурэй не сомневался, что большинство настоятелей и магистров займут такую же позицию и выборы пройдут достаточно легко.

Но когда Фио Бурэй отважился заглянуть чуть дальше, перед его мысленным взором возникла странная картина: громадное живое сообщество, именуемое церковью Абея, чем-то напоминало гигантского хищного зверя, притаившегося в кустах и готового выпрыгнуть оттуда.

И вновь мысли однорукого магистра текли в том же направлении, что и мысли его заклятого врага Де'Уннеро. Фио Бурэй отнюдь не был уверен, что ему хочется удержать этого зверя от прыжка.

ГЛАВА 17 КРАЖА У СТАРОГО ДРУГА

— А-а-а! Приделай ее назад! Верни мне руку! — ревел Сеано Беллик.

Он упал на колени, сжимая другой рукой окровавленную культю. Отрубленная кисть валялась от него в нескольких футах. Мертвые пальцы все еще сжимали рукоятку топора.

Пони равнодушно прошла мимо.

— Белли'мар Джуравиль! — позвала она. — Ты здесь? Или это кто-то другой из народа тол'алфар? Я ведь знаю ваши стрелы!

— О чем ты, девонька? — удивился Белстер О'Комели, выходя из-за повозки.

— Моя рука! — скулил Сеано. — Поставь ее обратно, слышишь! Прошу тебя, призови свою магию!

— Я не в состоянии приделать твою кисть обратно, — резко ответила Пони, брезгливо сморщившись.

— Ты должна!

— Такой магии не существует! — отрезала Пони.

Она с трудом удержалась, чтобы не подойти и не ударить этого ублюдка по лицу.

Сеано Беллик жалобно скулил. Здоровой рукой он потянулся к отрубленной кисти, но не успел коснуться ее, как резко отдернул руку и вновь обхватил культю. Иного выхода у него не было: кровь из раненой руки хлестала не переставая.

— Я истекаю кровью! — кричал несостоявшийся грабитель. — Ты убила меня! Ведьма! Ты убила меня!

Белстер подошел к Пони, и они оба поглядели на Сеано.

— Что будешь делать? — спросил Белстер.

Пони стояла неподвижно, не проявляя намерений взяться за самоцвет или наложить повязку. Она просто стояла и смотрела, как из Сеано Беллика вытекает кровь.

— Пони! — окликнул ее Белстер, удивленный таким поведением.

— Истекаю кровью, — скулил Сеано ослабевшим, рыдающим голосом.

— Я думаю, что Белли'мар Джуравиль или кто-то из его соплеменников непременно

где-то рядом, — сказала Пони, отворачиваясь от Сеано. — Того негодяя уложила стрела эльфов. Она вонзилась ему прямо в правый глаз.

— Что будет с ним? — спросил Белстер, указывая на Сеано.

— Неужели я недостойн твоей помощи, добрая женщина? — упрасивал Сеано. — Тогда ты скажи, — обратился он к Белстеру.

— Ты собираешься судить тех, кто нуждается в помощи? — серьезно спросил у Пони Белстер, но увидел лишь ее спину, ибо Пони, задрав голову, разглядывала ветви деревьев, надеясь хотя бы мельком увидеть Джуравилья.

Тем не менее вопрос больно задел Пони, и она в ярости обернулась.

— Я не собираюсь говорить, как тебе себя вести, — объяснил трактирщик. — Я спрашиваю, а ты думай сама. Этому человеку нужна твоя помощь, причем срочная. Ты можешь ему помочь. Разве ты лечишь только тех, кого считаешь достойными?

— Ты считаешь, я отсекаю пальцы, чтобы затем приставлять их обратно? — ответила она вопросом на вопрос.

Белстер пожал плечами.

Он не ответил, но заданный им только что вопрос красноречиво свидетельствовал о мнении трактирщика. Перед Пони будто возникло зеркало, отражавшее ее лицо, перекошенное гневом.

Сейчас от ее решения зависела жизнь Сеано. Впрочем, не его одного. В ее руках находился самоцвет — дар Бога. Но давал ли он ей право самой играть роль Бога и судить, кто достоин казни, а кто — помилования? Игра во всемогущество показалась ей нелепой, и Пони едва не рассмеялась вслух. Она взяла камень души и направилась к Сеано.

Прежде чем слиться с магией камня, она посмотрела раненому прямо в глаза и холодно сказала:

— Если когда-нибудь ты вновь попытаешься меня обокрасть, если осмелишься причинить вред мне, моим друзьям и вообще любому честному человеку, я выслежу тебя и сражусь с тобой вторично. Запомни: сейчас мой самоцвет не может поставить назад твою отсеченную кисть, и точно так же он не сможет поставить назад твою отсеченную голову.

Пони вошла в глубины камня и быстро залатала кровоточащую рану Сеано.

— Что скажешь, Джуравиль? — крикнула она, поворачиваясь к дереву. — Стал бы народ тол'алфар оказывать подобное милосердие?

— Прежде всего народ тол'алфар надлежащим образом завершил бы дело, — раздался мелодичный и такой желанный для Пони голос. — Точный удар в сердце и уж явно ничего подобного тому, что сделала ты. Третий лучник давно скрылся, — сообщил все еще невидимый эльф. — Пусть Белстер выведет этого глупца на дорогу и немного проводит в направлении Кертинеллы, а ты иди в противоположном направлении. Там в лесу и поговорим с глазу на глаз.

Пони жалостливо посмотрела на Белстера.

— Должно быть, эльф хочет сказать тебе что-то важное, — проговорил трактирщик.

Он подошел к Сеано Беллику.

— Поворачивайся, поросычье отродье. Выведу тебя на дорогу. Отправляйся в Кертинеллу, где можешь рассказывать всем подряд, что повстречался с Пони и накликать на себя беду. Да, так и скажешь: для таких, как ты, встреча с Пони кончается бедой.

— Метко сказано, — язвительно заметила Пони.

Она двинулась в северную сторону, а Белстер чуть ли не на себе потащил одеревеневшего Сеано к дороге.

— Значит, я действовала правильно? — спросила Пони, заметив наконец фигурку неуловимого эльфа.

Джуравиль сидел на голой ветке, в трех футах от земли.

— В сражении или во врачевании? — спросил он.

— В обоих случаях.

— Если бы это пугало сумело причинить тебе хоть малейший вред, я бы посчитал

Полуночника безумцем, зря учившим тебя би'нелле дасада, — ответил эльф.

В этих шуточных словах Пони ощутила какое-то напряжение.

— А что касается врачевания, ты действовала как обычно, — добавил Джуравиль.

— Что в таком случае сделал бы сам Белли'мар Джуравиль?

— Прежде всего я бы его убил, как и поступаю в подобных случаях, — бесстрастно ответил эльф. В его рассуждении звучал спокойный и холодный расчет, неизменно свойственный беспощадным эльфам.

— А если бы не убил? — не унималась Пони. — Если бы ты оказался в моем положении, то стал бы возиться с его раной?

Белли'мар Джуравиль молчал. Он знал, что многие его соплеменники, включая и госпожу Дасслеронд, спокойно позволили бы этому человеку умереть. Эльфы не питают милосердия к тем, кого считают врагами.

— Я бы сильно разочаровался в тебе, если бы ты допустила смерть этого глупца, — сказал Джуравиль. — Да и ты почувствовала бы то же самое. Пойдя против себя, ты бы пала в собственных глазах, и это ощущение преследовало бы тебя до конца дней.

Пони тоже задумалась. Да, Джуравиль был прав. Она радовалась, что не позволила Сеано умереть.

— Ты намереваешься всю ночь просидеть на этой ветке? — вдруг спросила она. — Или спустишься и обнимешь свою старую подругу? Мы не виделись целую вечность.

Как Белли'мару Джуравилью хотелось прыгнуть с ветки и крепко обнять Пони! Он уже приготовился взмахнуть крыльями. Но в его мозгу эхом прозвучали два слова: *розовая чума*. Эльф конечно же не знал, действительно ли в землях людей началась чума. Может, это слухи, и не более. Слухи о том, что якобы происходит где-то далеко на юге.

Однако в жизни Белли'мара Джуравилья вновь наступало время выбора. Вдруг чума — не досужие сплетни? Что, если Пони уже заразилась ею? А если заразится и Джуравиль, что случится с Эндур'Блоу Иннинес? Эльфы и так немногочисленны. Удастся ли им пережить чуму?

Джуравиль прикинул, насколько велик риск того, что Пони больна чумой. Риск был незначителен, даже ничтожен. Но эльф принадлежал к народу тол'алфар, а она — нет. И эта простая логика определяла все.

Была еще одна причина, и Белли'мар знал о ней. Он мог признаваться или не признаваться себе в этом, но причина все равно существовала. Если он сейчас спустится и обнимет Пони, если позволит себе подтвердить, что между ними по-прежнему существует крепкая дружба, более того, если он сознается себе, что опасное путешествие к застенкам Санта-Мир-Абель связало его с Элбрайном и Пони даже более тесными узами, нежели дружба... как же он сможет скрыть от нее правду о ребенке? Ведь тогда придется сказать Пони, что ее ребенок жив и находится в Эндур'Блоу Иннинес. Их с Элбрайном ребенок.

— Я смотрю, у тебя остался камень души, — резко переменял тему Джуравиль. — А где другие твои камни?

Пони неопределенно пожала плечами.

— Меня это не интересует. Да и церковь, похоже, тоже, — честно ответила она. — Скоро в монастырских сокровищницах поуменьшится камней.

— Ты об этом слышала? — с неподдельным интересом просил эльф.

Если магические самоцветы действительно разойдутся за пределы монастырей, для тол'алфар это может обернуться самыми тяжелыми и непредсказуемыми последствиями.

— Я это чувствую, — ответила Пони. — Эпоха Маркворта и всего того, что породило это чудовище, закончилась. Вскоре начнется эпоха Эвелина.

— Думаешь, Эвелину было бы все равно, куда и в чьи руки попадут камни?

— Я думаю, Эвелин отдал бы их в те руки, которые способны принести наибольшую пользу, — убежденно ответила Пони. — Именно так он поступил с бирюзой, после чего Дар и Элбрайн начали лучше понимать друг друга.

Джуравиль воздержался от дальнейших расспросов. Он понял ход рассуждений Пони.

Вряд ли в ее ответах он услышит что-либо иное. Он даже позавидовал побуждениям сторонников Эвелина, их щедрому и ясному стремлению сделать весь мир лучше. Однако Джуравиль с присущим ему практицизмом смотрел на вещи реально и потому сомневался, что благие намерения людей удастся с легкостью осуществить. Самоцветы представляли собой немалую силу. Появление такой силы было чревато катастрофическими последствиями, которых эти люди, ослепленные состраданием, даже не могли вообразить.

Жизнь людей коротка, — постоянно напоминал себе Джуравиль. Столетие казалось им необычайно длинным отрезком времени. Они ощущали время по-своему, и потому многое в жизни людей носило сиюминутный характер. Люди стремились улучшить окружающую жизнь, не задумываясь о том, какими бедствиями обернутся их действия для последующих поколений.

Белли'мар Джуравиль, сын тол'алфар, прожил не один век. Слова Пони лишь укрепили в нем сознание того, что он должен сделать. Сейчас он искренне недоумевал: неужели госпожа Дасслеронд не смогла предугадать перемены в политике церкви?

— Поскольку я твой друг, хочу на прощанье предостеречь тебя насчет одной вещи, — сказал Джуравиль. — Оцени должным образом дар, переданный тебе Полуночником. Мой народ считает получение такого дара высшей честью.

— Ты говоришь о би'нелле дасада, — догадалась Пони.

— Он не имел права кому-нибудь передавать этот дар, — пояснил Джуравиль. — Даже тебе. Без позволения госпожи Дасслеронд этого делать нельзя.

Пони еще не успела подумать, что ей сказать в ответ, как эльф суровым тоном продолжил:

— И ты тоже не имеешь права передавать этот дар другим. Я поклялся, что ты никогда не нарушишь запрет, и госпожа Дасслеронд позволила сохранить тебе жизнь. Прошу тебя, не обмани моего доверия.

— Обещаю, — шепотом произнесла удивленная Пони.

— Так я и сказал своей госпоже. Я бы не стал вовсе упоминать об этом, однако я опасался, что ты недостаточно понимаешь силу нашего дара и обстоятельства, заставляющие нас хранить его в тайне.

— Ты прав, — согласилась Пони.

— Белстер возвращается, — сообщил эльф, увидев грузного трактирщика, направлявшегося к ним.

— Сбежавший дружок подобрал Сеано на дороге, — сообщил Белстер. — Думаю, когда ты припугнула их, этот дурень со страху обронил свой лук. Не завидую я этой парочке, если по пути им встретятся разбойники!

Такова ирония судьбы, — подумала Пони и вновь взглянула на дерево, где сидел Джуравиль.

Эльф в это время находился уже далеко.

Приближаясь к Дундалису, Джуравиль был уверен, что значительно обогнал Пони и Белстера. Один раз Пони пыталась его разыскать. Это произошло на следующий вечер после их встречи. Воспользовавшись камнем души, она вышла из тела и в считанные секунды преодолела многие мили. Джуравиль ощущал ее присутствие и даже слышал ее зов — не просто чувства, а слова. Пони хотела знать причину его внезапного исчезновения.

Эльф сделал вид, что не слышит; точнее, слышит недостаточно хорошо. Он лишь несколько раз прошептал слова прощания и быстро удалился. Вскоре Пони повернула назад.

Белли'мар Джуравиль искренне переживал столь резкий разрыв с Пони, его давней подругой. Его терзала также мысль о ее ребенке, который теперь находился в Эндур'Блоу Иннинес. Последствия войны с демоном-драконом перечеркнули все надежды и замыслы Джуравилia. В недрах Аиды он потерял Тантан — свою соплеменницу и самую близкую подругу. Потом погиб Полуночник. А теперь он, по сути, сбежал от Пони. Джуравиль представил себя сидящим на холме вместе со Смотрителем, Полуночником и Джилсепони;

представил, как они весело беседуют под звуки песен кентавра. Фантастическая картина, которую Джуравиль столько раз вызывал в своем воображении. Этого никогда не будет. Останется лишь чувство щемящей пустоты. Боль, которую он навсегда обречен носить в своем сердце.

Что он мог противопоставить этой боли, чем мог одолеть ее? Сознанием того, кто он. Один из тол'алфар. Ведь даже если бы Полуночник не погиб, он, Джуравиль, все равно пережил бы их с Пони, а также их детей, внуков и правнуков.

Не прошло и трех дней с момента его поспешного исчезновения, как Джуравиль вновь оказался в Тимберленде. Услышав волынку Смотрителя, он без труда разыскал кентавра и Роджера на их излюбленном холме. Джуравиль с удовлетворением увидел, что здесь же находится и молодой конь. Он пасся, привязанный к дереву у подножия холма.

— Долго же ты странствовал, — сказал кентавр, опуская волынку.

Роджер приподнялся на локте.

— Я вернулся раньше, чем мы условились, — ответил Джуравиль. — Мы договаривались встретиться через неделю, а прошло всего шесть дней. Вам нужен еще день, чтобы приготовить коня?

Роджер весьма красноречиво застонал.

— С конем все в порядке. Можно забирать его хоть сейчас, — ответил Смотритель. — Огня в этом малыше, скажу тебе! Сам убедишься. Домчит тебя, как ветер. Мы его приучили к седлу.

— В таком случае я без промедления отправлюсь в путь, — объявил эльф, немало удивив обоих друзей.

— С чего это ты вдруг заспешил?

— Я же прибыл сюда не по своей воле, а по приказанию моей госпожи, — объяснил Джуравиль. — Она велела мне не задерживаться и возвращаться как можно скорее.

Роджер удивленно перевел взгляд с Джуравилья на кентавра.

— Ты хотя бы поднимешься, чтобы выпить с нами? — спросил он.

Парень никак не мог понять, почему эльф остановился на полпути и не собирался подниматься выше.

— Немного позже, — ответил Джуравиль. — Мне надо еще кое-что приготовить. Кстати, неподалеку от Кертинеллы я встретил Джилсепони.

При этих словах Роджер встрепенулся.

— Где-то через несколько дней они с Белстером будут здесь, — добавил Джуравиль.

С этими словами эльф нырнул в лес. По правде говоря, ему нечего было приготавливать — все необходимое он сможет раздобыть в пути. Просто его друзья тоже могли оказаться разносчиками розовой чумы.

Смотритель вновь заиграл свои песни, и музыка волынки настолько сливалась со звуками леса, что Джуравиль даже не заметил, когда последний звук растаял в ночном лесу. Но воцарившаяся тишина подсказала ему: пора покидать эти места.

Эльф вернулся к холму. Он знал, что кентавр почти не спит, но, к счастью, Смотрителя поблизости не было. Джуравиль поднялся выше и обнаружил, что Роджер вовсю храпит, расположившись неподалеку от тлеющего костра.

Как он и предполагал, самоцветы лежали у Роджера в поясной сумке. Рубин, камень души, магнетит, графит и несколько других. Джуравиль быстро переложил их к себе. Он оглянулся на спящего, чувствуя себя виноватым. Как-никак, Роджер был его другом. Затем, напомнив себе о том, кем он является и что действует в интересах *своего* народа, поспешно спустился с холма, отвязал коня и верхом направился в темноту леса.

— Вижу, тебе не дожидаться рассвета, — послышался вскоре голос Смотрителя.

Будучи один, Джуравиль легко смог бы покинуть здешние места, и ни одна живая душа, включая кентавра, не заметила бы его исчезновения. Но лошадь не умела двигаться, не оставляя следов.

— Чем скорее я выеду, тем скорее доберусь домой, — спокойно ответил Джуравиль.

Кентавр находился позади, всего в нескольких шагах. Он стал приближаться, но Джуравиль помахал Смотрителю рукой, веля остановиться.

— Что с тобой стряслось, эльф? — спросил Смотритель.

— Говорю тебе, я спешу.

— Нет, чего-то ты не договариваешь, — заключил Смотритель. — Джуравиль, которого я знал прежде, никогда не отказывался выпить с друзьями.

— У меня были приготовления...

— Джуравиль, которого я знал, попросил бы своих друзей пособить, раз у него такие важные приготовления, — перебил его кентавр, приблизившись к нему. — Джуравиль, которого я знал, не бросил бы Пони и Белстера на дороге и не пожалел бы пары лишних дней, чтобы приехать с ними вместе. И не загораживался бы повелениями своей госпожи Дасслеронд. Что с тобой творится, эльф? Скажешь ты мне или нет?

Джуравиль молчал.

— Будь осторожен, Смотритель, — мрачным тоном наконец произнес эльф. — Ходят слухи, что на юге розовая чума.

— Говорят, ее напустил демон.

— Не знаю, насколько эти слухи достоверны. Быть может, просто выдумки какого-нибудь дурня, и не более того, — продолжал эльф. — Но я не имею права рисковать, ибо я рискую занести чуму в наши края.

Смотритель был подавлен услышанным. Потом он взглянул на Джуравиль и кивнул.

— Позаботься о Роджере и Джилсепони, — сказал эльф. — Если слухи о чуме подтвердятся, значит, мы видимся в последний раз. Я говорю о всех вас. Ты ведь знаешь: если земли людей охватит чума, тол'алфар закроет границы своей долины и многие годы никто из нас не выйдет оттуда.

И вновь Смотритель только кивнул.

— Прощай, — сказал Джуравиль.

— И ты тоже, — ответил Смотритель.

Белли'мар Джуравиль ускакал, а кентавр остался стоять среди леса, который вдруг показался ему совсем темным.

Пони и Белстер въехали в Дундалис именно в тот день, в какой рассчитывали. Грузный трактирщик правил повозкой, а Пони ехала верхом на Грейстоуне. С какой радостью и восторгом смотрели на нее жители Дундалиса! Ведь в дни войны многие из них были обязаны Пони своей жизнью. Весь городок сбежался поглядеть на нее и Белстера. Пони несколько смущали громкие приветствия в свой адрес, но она чувствовала, что вернулась домой.

Во главе ликующих жителей находился и Роджер Не-Запрешь. Его улыбка, казалось, растянулась настолько, что на лице, кроме нее, ничего не осталось.

— Насилу дождались, — сказал он. — Белли'мар Джуравиль сообщил нам, что повстречал вас к северу от Кертинеллы. Но я надеялся, что ты приедешь раньше, ведь у тебя такая выносливая лошадь.

— Наверное, мы не особо спешили, зная, что Дундалис — конечная цель наших странствий, — ответила Пони. — Как я и хотела.

На лице Роджера промелькнула тень удивления, но через секунду он вновь радостно улыбался.

— Никто не решился строить себе дом там, где стояла «Унылая Шейла», — сообщил Роджер. — Мы же знали, что вы вернетесь.

— Тот фундамент когда-то выложил Олвэн Виндон, — ответила Пони, и голос ее дрогнул.

Это место навсегда осталось в ее памяти. Когда орды гоблинов напали на Дундалис, Пони было всего двенадцать лет. Она спряталась в подвале этого дома, укрывшись от мечей, копий и огня. Когда стихли звуки бойни, взору юной Пони предстала жуткая картина. Город

был разрушен и сожжен. Погибла вся ее семья. Погибли друзья. Как потом оказалось, они с Элбрайном были единственными, кто уцелел.

Затем город отстроили заново, а на старом фундаменте Белстер поставил свой знаменитый трактир «Унылая Шейла».

Спустя несколько лет после этого Дундалис вновь был разрушен и сожжен ордами демона-дракона.

Вспоминая об этом, Пони подумала об одном удивительном качестве человеческого духа — упорстве, стремлении не прекращать битвы. Почему же сейчас в ней нет такого стремления? Куда делся ее боевой дух, способность признать безвозвратность потерь и все начать заново?

Наверное, не все можно построить заново, — думала Пони, глядя на камни фундамента. Может, и не стоило сюда возвращаться? Холодные камни — все, что осталось от некогда шумной «Унылой Шейлы». А совсем неподалеку — тоже холодные камни, и под ними все, что осталось от ее любимого.

— Ты не устала с дороги? — услышала она голос Роджера, но слова как будто доносились откуда-то издалека. — Пони, ты меня слышишь?

Она почувствовала на своих плечах его пальцы и лишь тогда поняла, что ее плечи дрожат, а тело обмякло и ослабело.

Рядом стоял Белстер, держа ее руку.

Пони заглянула в глубь себя и подавила чувства, чуть совсем не захлестнувшие ее.

— Я бы не отказалась позавтракать, — простодушно улыбаясь, сказала она Белстеру.

Трактирщик внимательно посмотрел на нее и вежливо кивнул, но Пони знала, что он разгадал этот маленький обман. За минувший год Белстер хорошо изучил свою соратницу. Он наверняка понял, чем вызвано ее состояние.

— Тащите сюда угощение! — крикнул горожанам Роджер. — Самое лучшее, какое мы только можем приготовить.

Он поднял руку и уже собирался подзвать двоих мужчин, чтобы распорядиться насчет завтрака, но Пони остановила его.

— Потом, — сказала она.

— Никаких «потом», — заупрямился Роджер. — Мы сейчас приготовим лучший...

— Потом, — уже тверже сказала Пони. — Мне кое-что надо сделать.

— Ты в этом уверена, девонька? — спросил Белстер.

Пони обернулась к нему, набрала в легкие воздуха и кивнула.

— Тогда я начну разбирать вещи, — сказал трактирщик.

— Роджер тебе обязательно поможет, — пообещала Пони.

Ей необходимо отправиться туда одной. Она улыбнулась и потрепала парня по руке.

Пони подошла к Грейстоуну и уселась в седло. Она быстро оставила позади городок и поскакала в направлении северного склона. Подъехав к подножью, она пустила коня шагом и начала подниматься вверх по крутому склону, поросшему соснами и устланному белым оленьим мхом.

Достигнув вершины холма, Пони перевела Грейстоуна на легкий галоп, съехала вниз и углубилась в лес.

— Да она знает лес не хуже нас с тобой, — утверждал Смотритель, когда Роджер чуть ли не хныча заявил, что они непременно должны разыскать Пони. — Не хуже любого человека, — подмигнув, поправил себя кентавр.

— Но ведь она ускакала несколько часов назад, — твердил Роджер.

— А я думаю, в ближайшие недели она часто будет наведываться в лес. Разве ты не понимаешь, парень, куда она ездит и почему ездит одна?

Поначалу Роджер изумленно смотрел на кентавра, затем, похоже, догадался.

— Ты уверен, что с ней ничего не случится? — спросил Роджер.

— Я уверен, что непременно случится, но со всякими тварями, если они еще остались в

наших лесах, — весело смеясь, ответил Смотритель. — Потом, ты же отдал ей камни, верно?

По лицу Роджера кентавр понял: что-то неладно.

— Что стряслось, парень?

— У меня их больше нет.

Теперь настал черед Смотрителя удивляться и недоумевать.

— Ты ведь говорил, что камни у тебя, — возразил кентавр. — Ты сам их мне показывал!

— Показывал, а потом они пропали. — Это было все, что мог ответить Роджер.

— Пропали?

— Еще несколько дней назад были, а тут утром просыпаюсь — сумка пуста.

— Выходит, ты потерял камни, у которых такая сила, что может запросто сровнять с землей большой город? — воскликнул Смотритель. — Ты потерял камни, за которые сотня купцов без звука поотдавала бы все золото?

— Они у меня были, а теперь нет, — твердил Роджер.

— И ты промолчал? Не сказал сразу, когда вора еще можно было схватить? — набросился на него Смотритель.

— Кажется, я знаю, кто их взял, — спокойно ответил Роджер.

— Значит, нам надо пойти и потолковать с...

Кентавр умолк, начиная догадываться о том, что могло произойти.

— Когда, говоришь, ты потерял свои камешки?

— Три дня назад.

— Выходит, сразу после...

Смотритель умолк и покачал головой. Выходила какая-то бессмыслица. Джуравиль? Их друг-эльф украл камни Пони?

— Их взял Джуравиль. Либо кто-то еще в ту ночь забрался на холм, когда мы улеглись спать, — утверждал Роджер.

Смотритель не находил слов. Он прекрасно знал, что никто не поднимался ночью на холм и не крал самоцветов у Роджера. Тем не менее (если только парень не врет) камни исчезли в ту самую ночь, когда Белли'мар Джуравиль спешно покинул их края.

— Может, монахи знают какой-то способ, чтоб незаметно прийти и забрать камни, — неуверенно произнес кентавр.

Предположение было нелепым. Они с Роджером оба прекрасно понимали: имейся такой способ, отец-настоятель Маркворт давным-давно получил бы эти самоцветы.

— Даже не знаю, как я скажу Пони, — признался Роджер.

— Ты ей сегодня ничего не говорил про камни?

— Нет.

— А она знает, что тогда ты их взял?

— Не думаю.

— Так и не говори, пока сама не спросит, — посоветовал Смотритель. — Думаю, у девчонки сейчас и без этого тяжело на сердце.

— Еще бы! — подхватил Роджер. — Мы сегодня поговорили с Белстером. Он мне многое рассказал про ее жизнь в Палмарисе. Ей предлагали всё. Хочешь, будешь баронессой, хочешь — настоятельницей в монастыре. Всё шло ей в руки. А она от всего этого отказалась.

Смотритель не спускал с парня глаз. Его удивляло, каким голосом Роджер пересказывает слова Белстера.

— Ты считаешь, она зря так поступила?

— После того, что все мы пережили? — воскликнул Роджер, и в его голосе зазвучало отчаяние. — После всех жертв, погибших друзей? После того, как Элбрайн отдал жизнь за то, чтобы мир стал лучше? И мы могли бы сделать его лучше. Мы... Пони смогла бы.

— Такого Роджера я еще не видел, — заметил кентавр, и его слова несколько ошеломили парня.

— Я сражался вместе с другими, — возразил Роджер, совладав с собой.

— Никто не возражает, — ответил Смотритель. — Но я так думаю, ты больше сражался за самого себя, чем за рай, который ты мне тут расписал.

И вновь Роджеру пришлось умолкнуть и задуматься. Он понимал: кентавр говорил честно и правильно. Когда война только начиналась, Роджером двигала исключительно собственная корысть, и каждое свое действие он сопровождал мыслями о том, сколько дополнительной славы оно ему принесет.

Элбрайн показал Роджеру ошибочность его рассуждений. То же сделал и Джуравиль с присущей эльфам прямоотой. Однако только сейчас, услышав схожие слова от Смотрителя, парень начал понимать, какие разительные перемены произошли с ним за эти годы. Только сейчас до него дошло, что Элбрайн погиб во имя чего-то большего, нежели собственная жизнь или жизнь Пони. Роджера удивило, что он раздосадован и подавлен ее решением покинуть Палмарис. Уехать оттуда, когда ей предлагалось всё и когда она смогла бы изменить к лучшему очень многое в этом городе. Тогда принесенные ими жертвы — вначале в войне с демоном и его приспешниками, а затем с демонами, наводнившими церковь Абея, — приобретали какой-то смысл.

А Пони все бросила и сбежала сюда!

— Не кажется ли тебе, что ты несправедлив к бедной девчонке? — спросил Смотритель.

— Она не должна была возвращаться сюда, — ответил Роджер. — Во всяком случае, не должна оставаться здесь. Слишком многое надо сделать, а если мы будем сидеть сложа руки, время обернется против нас.

— Против нас? — удивленно повторил кентавр. — Не припомню, чтобы в Палмарисе Роджер Не-Запрещь усердствовал в работе. Да и вообще Роджер Не-Запрещь не любитель работать!

Кентавр громко расхохотался, однако Роджер, ошеломленный услышанным, даже не улыбнулся.

— Ты очень строго ее судишь, — сказал наконец Смотритель.

— Такая возможность...

— Да что толку в этой возможности, если сердце у нее совсем не там? — перебил кентавр, и его голос звучал теперь сурово и серьезно. — Ты потерял друга, и то тебя жжет эта утрата, и тебе хочется найти смысл, убедиться, что он не зря погиб. Саднит не у тебя одного. У всех нас. А Пони-то потеряла больше чем друга.

— Я любил Элбрайна, — попытался возразить Роджер, но замолчал, услышав смех Смотрителя.

Действительно, он сказал какую-то чушь. Сравнить его отношения с Элбрайном с тем, что существовало между рейнджером и Пони, было просто нелепо.

— Ей надо время, чтобы затянулись раны, — помолчав, сказал Смотритель. — Ей надо вспомнить, кто она, почему все это было с нею, а потом найти новый смысл в том, что происходит, чтобы продолжать сражение.

— Сколько времени? — спросил Роджер. — И так уже год прошел.

— Раненому сердцу нужно больше, чем год, — тихо возразил Смотритель, и в его голосе прозвучало искреннее сочувствие к Пони, его дорогой подруге. — Дай ей время. Может, она очнется и снова начнет сражение.

— Ты говоришь «может»?

— А может, и не очнется, — без обиняков сказал Смотритель. — Не ты же будешь указывать другим, какие битвы им вести. Если человек не видит смысла в битве, силой его не заставишь.

— Но вдруг она не захочет продолжать? — воскликнул Роджер. — Какой тогда смысл в жертве Элбрайна и в его гибели?

— Спроси у себя, — ответил кентавр. — Ты слишком быстро хочешь заставить Пони жить, как прежде. А ты будешь сидеть себе на холме и пялиться на Тимберленд. Но где ж тогда сам Роджер? Он спокойно позволяет своему другу спать в могиле и даже не пытается

понять смысл гибели Элбрайна.

— Мне не предлагали быть бароном или настоятелем.

— Ты и не стремился, — возразил Смотритель. — Если б хотел, сражался бы за это.

— Я отправился на север вместе с тобой, чтобы похоронить Элбрайна, — возразил Роджер.

— Ты мог бы вернуться в Палмарис задолго до конца лета, — отрезал Смотритель. — Ты никак свихнулся на Пони, парень? Это так? Или тебе за себя обидно?

Роджер попытался ответить, но быстро замолчал и вперился взглядом в лес, думая сразу о многих вещах.

— Пони сейчас нужен друг. Пусть делает то, что ей необходимо, и не нам ее судить, — резко сказал Смотритель. — Как думаешь, тебе такое по силам?

Роджер посмотрел кентавру прямо в глаза, попытавшись быть честным с самим собой, и согласно кивнул.

Вечером поднялся холодный ветер. Может, прилетел с севера, а может, здесь всегда холодно. Но ветер ничуть не мешал ей стоять здесь, в роще, перед двумя могилами. Наверное, тут даже в самый солнечный и жаркий день бывает холодно.

Пони лишь мельком взглянула на могилу Мазера Виндона, дяди Элбрайна и первого Защитника из рода Виндонов. Она представила тело, лежащее внутри каменного саркофага. Покой Мазера был нарушен дважды. Впервые это сделал Элбрайн той темной ночью, когда он отвоевал у духа своего дяди право владеть «Ураганом» — мечом, изготовленным эльфами. Во второй раз сон великого рейнджера потревожили Смотритель и Роджер, вернувшие меч тому, кому он принадлежал изначально.

Пони представила Элбрайна, лежащего в холодной земле, и от мысли о ее любимом у нее чуть не подкосились ноги. Он лежал здесь, под этими камнями, вместе с «Крылом Сокола». Этот лук изготовил для него Джойсеневиал — отец Белли'мара Джуравилы, когда Элбрайн проходил обучение у эльфов. Теперь ее любимый лежал в земле, закрыв невидящие глаза и уста, из которых больше не раздастся ни слова. Тот, кто так часто отогревал ее в своих нежных и сильных объятиях, лежал теперь в холодной земле, и никакая сила не могла вернуть его к жизни.

Вся жизнь Пони была сплошной чередой утрат. Вначале ее семья и друзья, которые все, кроме Элбрайна, погибли в результате нашествия гоблинов и великанов на Дундалис... Потом те, с кем она служила в Пирет Талме. Пони не считала их своими друзьями, но с ними ее объединяла военная служба. Эти люди погибли, когда на гарнизон напали поври... Следующее место в горестном списке заняла семья Чиличанков — ее приемные родители, от которых Пони видела только любовь. Их замучили в застенках Санта-Мир-Абель.

Впрочем, Чиличанки погибли позже. А ранее, на пути к Аиде, Пони лишилась Паулсона, Криса, Бурундука, Тантан и Эвелина, ее дорогого Эвелина... Затем ребенок, вырванный из ее чрева демоном Марквортом... И наконец, спасая ее жизнь, погиб Элбрайн. Ее любимый, ее лучший друг, человек, рядом с которым она собиралась прожить долгие годы.

Каждое новое столкновение со смертью было для Пони новой болью, новым непереносимым страданием. Сердце Пони не каменело, и каждая новая утрата лишь усиливала горечь прежних.

Пони представила, как все они — от Элбрайна до Эвелина и ее отца — проходят мимо. Проходят совсем рядом, но не видят ее и не слышат ее страстных призывов. Проходят и уходят навсегда.

Пони протянула руку и попыталась схватить Элбрайна, но он оказался бестелесным, состоящим словно из дымки, и ее рука схватила лишь воздух. Элбрайн был видением, памятью, тем, что утрачено.

Пони заморгала, и слезы неудержимым потоком хлынули у нее из глаз.

ГЛАВА 18

ДРУЖБА С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

— Не думал я, что мы так быстро вернемся, — сказал, обращаясь к принцу Мидалису, Лиам О'Блайт.

Они ехали шагом во главе длинной колонны, двигавшейся сквозь сырой вангардский лес. Верные союзническому долгу, они отправились на север вместе с Брунхельдом и его воинами. Однако еще на границе разведчики доложили, что южный Альпинадор свободен от вражеского присутствия и в течение многих недель здесь не видели ни одного гоблина или поври. И потому, с согласия Брунхельда (на что Андаканавар одобрительно кивнул и понимающе подмигнул), вангардцы повернули назад. Они были рады вернуться домой, чтобы залечивать раны, нанесенные войной с демоном.

Андаканавар тоже отправился на юг, но кружным путем, и в течение нескольких дней его никто не видел. Мидалис был рад его решению провести остаток лета в Вангарде. Принц хотел лучше узнать своих южных соседей, надеясь, что ему удастся преодолеть пропасть, разделяющую оба народа. Андаканавар заручился обещанием Мидалиса, что, когда настанет время возвращаться в родные края, принц поедет вместе с ним.

Осенью Мидалиса ожидало серьезное испытание — ритуал кровного братания.

— Пирет Вангард! — крикнул передовой разведчик.

— Пока еще на месте, — заметил Мидалис.

Вскоре тропа, по которой они ехали, сделала изгиб и стала подниматься на гребень холма. Достигнув его вершины, Лиам и Мидалис увидели очертания крепости, башни которой выделялись на фоне низко нависших, серых туч. За крепостью расстилалась водная гладь залива Короны.

Еще издали они заметили на рейде какое-то торговое судно. И только подъехав ближе и увидев командора Прессо, бежавшего им навстречу, Мидалис понял, что что-то произошло. Принц, уставший от сражений, с облегчением выслушал донесение Прессо. Слава богу, за их отсутствие ничего тревожного не случилось.

И все же появление монаха, приплывшего из Палмариса, с тем чтобы сопровождать настоятеля Агронгерра в Санта-Мир-Абель, было знаменательной новостью. Невзирая на усталость и далеко не парадный вид, принц Мидалис решил немедленно отправиться в Сент-Бельфур и повидаться с этим человеком. Лиам охотно согласился его сопровождать. С ними поехали командор Прессо и капитан Альюмет, которому командор уступил свою замечательную лошадь. По дороге в монастырь Альюмет рассказывал им о событиях в Палмарисе. Принц и Лиам внимательно слушали, жадно ловя каждое слово. Теперь они понимали, почему король Дануб не откликнулся на просьбу своего младшего брата и не прислал сюда солдат.

— До нас доходили слухи о смерти отца-настоятеля, — сказал Мидалис, когда Альюмет завершил свой рассказ. — Но я никогда бы не поверил, что это трагическое событие оказалось сопряженным с таким предательством.

— Королевство еще не скоро оправится от ран, нанесенных ему демоном-драконом, — невесело произнес Альюмет. — Возможно, церковь проявит мудрость, и ее новый глава будет служить добру и всеобщему благу.

— Ты никак веришь в то, что делает церковь Абеля? — напрямую спросил Лиам О'Блайт у смуглого южанина.

— Я — абеликанец и не один десяток лет иду этим путем к Богу, — пояснил Альюмет.

— Я лишь имел в виду...

Альюмет улыбнулся и поднял руку, показывая, что не обиделся.

— Когда решено созвать Коллегию аббатов? — спросил Мидалис.

— Мне поручено осенью доставить в Санта-Мир-Абель брата Делмана, настоятеля Агронгерра и тех, кого он пожелает взять с собой, — объяснил Альюмет. — А Коллегия, как и в прошлый раз, соберется в калембре.

— А кто послал брата Делмана? — осторожно спросил Мидалис.

— Настоятель Браумин из Сент-Прешес.

— Не слышал о таком человеке, — ответил Мидалис. — Не припомню, чтобы и настоятель Агронгерр упоминал о нем. Он молод?

— Для настоятеля даже слишком, — ответил Альюмет. — Настоятель Браумин заслужил этот пост своими делами, а не возрастом. Он стоял на стороне Полуночника и Джилсепони. Брат Браумин не отказался бы от своих взглядов, даже если бы это стоило ему жизни. Брат Делман тоже. По-моему, прекрасный молодой человек.

Альюмет хотел было продолжить, но Мидалис помешал ему. Принцу не давал покоя один вопрос, который подспудно все время мучил его.

— А почему вы приплыли к нам так рано? — без обиняков спросил он.

— Плавание сюда — дело долгое и непредсказуемое, — ответил Альюмет. — Хотя погода и благоприятствовала, нам все же пришлось зайти для починки на остров Данкард.

— Твой корабль и сейчас мог бы еще стоять в гавани Палмариса, — возразил Мидалис и заметил тревогу на лице Лиама.

Наверное, ему не следовало так откровенно выказывать подозрительность.

— Если бы ты оставался на юге до конца этого месяца, и то тебе хватило бы времени приплыть сюда, взять Агронгерра и вернуться в Санта-Мир-Абель.

— Я не мог полагаться на милость погоды, — повторил Альюмет, но Мидалиса такое объяснение совсем не удовлетворило.

Каждому моряку, плававшему по заливу Короны, было хорошо известно, что поздняя весна гораздо опаснее для кораблей, нежели конец лета и начало осени. Альюмет не только приплыл в Вангард намного раньше времени, но и сделал нечто, противоречащее морскому здравому смыслу.

С какой целью? — раздумывал принц. Зачем настоятель отправил своего подопечного в такую даль с приглашением, которое легко можно было передать с капитаном любого торгового судна? В ближайшие полтора месяца сюда отправится немало кораблей. И, конечно же, такому уважаемому человеку, как Агронгерр, для плавания на юг охотно предоставили бы вангардский корабль. Было бы куда разумнее, думал Мидалис, вместо плавания с Альюметом отправить Агронгерра на одном из здешних кораблей, чтобы до наступления зимы настоятель сумел вернуться назад.

Если, конечно, Браумин и его союзники знали, что старику не понадобится так быстро возвращаться в Вангард. Похоже, миссия брата Делмана включает в себе нечто большее, чем приглашение. Весь остаток пути до Сент-Бельфура Мидалис с трудом сдерживал улыбку.

Всадники прибыли в монастырь на исходе дня и немедленно встретились с братом Делманом, настоятелем Агронгерром и его неизменным спутником, братом Хейни. Делман вкратце повторил свой рассказ, ибо многое принц уже знал со слов Альюмета. Мидалиса более всего интересовали действия его брата во время палмарисских событий, и эту часть рассказа он заставил Делмана повторить несколько раз.

Брат Делман старался представить эти действия в самом выгодном свете, что было тяжелой задачей для молодого монаха. Он объяснял, что король Дануб мудро отошел на задний план, позволив Элбрайну и Джилсепони вести войну с Марквортом.

— Король понимал, что эта война в первую очередь касается самой церкви и не несет прямой угрозы его светской власти. И решение его величества было совершенно правильным, — говорил Делман.

Мидалис кивал. Старший брат всегда был искусен в дипломатических маневрах. Еще в ранней юности они оба усвоили один из главных уроков властвования: никогда не ввязываться в войну, которая не затрагивает напрямую интересов государства.

— Такую же мудрость его величество проявил и после решающей битвы, — продолжал Делман.

Молодой монах поборол искушение сказать, что единственным исключением среди

мудрых поступков короля было назначение герцога Каласа бароном Палмариса.

— Король уговаривал Джилсепони стать баронессой, — сказал Делман.

Принц и Лиам удивленно вскинули брови.

— Если бы вы знали эту женщину, то лучше бы поняли справедливость такого выбора, — подтвердил капитан Альюмет.

— В таком случае, я бы хотел познакомиться со столь замечательной женщиной, — искренне ответил принц.

— И вы не разочаровались бы, — к немалому удивлению собравшихся, произнес командор Прессо. — Если это та самая Джилл, с которой мы много лет назад вместе служили в Пирет Талме, она не обманет ваших ожиданий.

— Жаль, что ее не будет на Коллегии аббатов, — заметил настоятель Агронгерр.

— Ей наверняка будет направлено приглашение, — сказал Делман. — И Джилсепони непременно его отклонит. Она уехала в Тимберленд врачевать раны своего сердца. Весь мир только выиграет, если Джилсепони как можно скорее вернется к нам!

Это было сказано так искренне и бесхитростно, что все одобрительно закивали. Каждому из собравшихся, не исключая и командора Прессо, захотелось своими глазами взглянуть на живую легенду.

Встреча затянулась до самой ночи. Хозяева и гости непринужденно беседовали, рассказывая истории, связанные с недавней войной. Чтобы не нарушать очарование этой приятной и полезной встречи, настоятель Агронгерр даже не пошел на вечернюю молитву, позволив такое же отступление от правил Делману и Хейни.

Расходились уже за полночь. Всеми владело ощущение, что за эти несколько часов, проведенных вместе, они по-настоящему сдружились. Светским гостям предложили оставаться в монастыре столько, сколько они пожелают.

Поэтому брат Делман был немало удивлен, когда принц Мидалис задержал его в дверях кабинета настоятеля.

— Никак не пойму, зачем ты приплыл сюда так рано? — просил принц.

— Мы просто хотели заблаговременно вручить настоятелю Агронгерру приглашение на Коллегию аббатов и дать ему достаточно времени на необходимые приготовления, — ответил Делман.

— Это можно было сделать легче и проще, — заметил Мидалис.

Брат Делман пожал плечами. Он не знал, что отвечать, и не хотел продолжать подобный разговор в столь поздний час.

— А ты, я смотрю, — близкий и надежный друг нового настоятеля Сент-Прешес, — сказал принц.

— Имя этого человека Браумин Херд, — сообщил Делман. — Я прошел с ним через всю страну, скрываясь от Маркворта и направляясь к могиле Эвелина. Я был рядом с ним, когда произошло чудо на Аиде. Мы были вместе взяты в плен Марквортом и королевскими солдатами.

— И теперь, когда Маркворт мертв и разоблачен, твой друг Браумин Херд будет обладать сильным голосом на Коллегии аббатов?

Брат Делман лишь пожал плечами в ответ на этот странный вопрос.

— События разворачиваются в его пользу, — продолжал свои рассуждения принц. — Он сыграл значительную роль в падении Маркворта. Его взгляды и представления отличаются от прежних. Несомненно, к нему должны прислушаться на Коллегии аббатов.

— Если остальные настоятели и магистры проявят мудрость, они внимательно выслушают Браумина, — заявил брат Делман.

— А сам Браумин не намерен занять высший пост в церкви?

Вопрос немало ошеломил Делмана.

— Простите меня, мой принц, но мне не было поручено обсуждать такие вопросы.

— Да, конечно, — согласился Мидалис. — Ты говорил, что настоятель слишком молод, чтобы другие поддерживали его кандидатуру. Насколько я знаю правила вашей церкви, это так.

— Вы достаточно осведомлены, — ответил Делман, которому становилось все более не по себе от самой темы этого разговора.

— Возможно, у настоятеля Браумина есть на примете подходящая кандидатура для высшего поста в церкви, — сказал принц Мидалис. — Думаю, он наравне с другими подыскивает человека, способного повести церковь в более приемлемом направлении.

— Такова его обязанность, мой принц, — ответил брат Делман. — Нынче эта обязанность лежит на каждом настоятеле и магистре.

На красивом лице молодого принца появилась сдержанная улыбка.

— А раз существует такая обязанность, то не для того ли настоятель Браумин рассылает по свету своих самых верных друзей, чтобы лучше изучить возможных кандидатов? — спросил он.

— Вы вновь задаете мне вопрос, на который я не в состоянии ответить, — сказал Делман.

Впрочем, ответ был и так очевиден, и этот ответ явно пришелся принцу Мидалису по душе.

— Скажу тебе без всяких личностных пристрастий, — начал Мидалис. — Если ты вместе со своим другом-настоятелем действительно считаешь настоятеля Агронгерра наиболее подходящим человеком для высшего поста в вашей церкви, я от всего сердца поддержу ваш выбор. Агронгерр — замечательный человек и большой дипломат. Как тонко он сумел рассеять все страхи и подозрения, когда мы заключали союз с альпинадорскими вождами, и какую щедрость и великодушие он проявил при этом! Поистине Агронгерр — Божий человек. Дорогой брат Делман, я никогда не считал себя особо религиозным, но когда я слушаю настоятеля Агронгерра, я знаю, что он излагает Божью волю. Он всегда высказывает истину, и она живет в его сердце.

— Смелые слова, — чуть слышно произнес брат Делман.

И действительно, эти слова граничили бы с ересью, если бы Мидалис говорил их ради собственной выгоды! Однако, видя глаза принца и воспринимая сказанное им с позиции церкви и государства, Делман понимал, что Мидалис говорит совершенно искренне.

— Если вы рассматриваете кандидатуру настоятеля Агронгерра, прошу тебя, присмотришься к нему как можно внимательнее, — продолжал принц Мидалис. — Уверен, чем ближе ты познакомишься с ним, тем тверже будет твое желание видеть этого человека вашим отцом-настоятелем. Я знаю это, брат Делман, ибо провел бок о бок с ним многие годы. Я не всегда соглашался с его позицией, но даже там, где наши мнения расходились, я знал: позиция Агронгерра логична, оправданна и основывается на самых возвышенных и благородных традициях вашей церкви.

— Я внимательно отнесусь к вашим словам, принц Мидалис, — ответил брат Делман.

— Значит, ты согласен, что приехал сюда не с одной только целью передать приглашение? — все с той же легкой улыбкой спросил принц.

Здесь и брат Делман не смог удержаться от улыбки.

— Простите меня, мой принц, но мне действительно не позволено обсуждать такие вопросы, — вновь сказал он.

Мидалис громко засмеялся и, похлопав Делмана по плечу, вышел из кабинета Агронгерра.

Делман вернулся в отведенную ему келью, но был настолько возбужден, что и думать не мог о сне. Он расхаживал взад-вперед, вновь и вновь обдумывая услышанное. Как мудро поступил настоятель Браумин, послав его сюда. Теперь церковь Абея сможет избрать именно такого человека, который способен вывести ее из тьмы.

Спустя два дня настоятелю Агронгерру доложили, что в монастырь прибыл неожиданный гость, ищущий встречи с ним и с принцем Мидалисом, который по-прежнему находился в Сент-Бельфуре. Настоятель поспешил на передний двор. По дороге он разыскал Хейни и Делмана и велел им идти вместе с ним, но в детали вдаваться не стал.

Как только они вышли во двор, обоим монахам стало понятно, отчего настоятель так возбужден. Перед ними стоял могучий Андаканавар, рост которого был никак не меньше семи футов.

— Приветствую тебя, друг Андаканавар, — произнес Агронгерр, стараясь отдышаться после быстрой ходьбы. — Надеюсь, ты принес нам хорошие вести. Уверен, что брата Хейни ты помнишь. А теперь хочу познакомить тебя с братом...

— Холаном Делманом, — перебил его Андаканавар.

Настоятель и Хейни удивленно глядели на рейнджера и их собрата.

— Еще раз приветствую тебя, Андаканавар из Альпинадора, — произнес Делман, и Агронгерр почувствовал, что молодой брат волнуется.

— Похоже, оба мы проделали неблизкий путь, чтобы оказаться здесь, — усмехнулся рейнджер.

Настоятель ощутил, что и рейнджеру вежливые слова даются с некоторым трудом. Скорее всего, эти двое когда-то уже встречались, и тогда между ними что-то произошло.

И действительно, вначале Делман и Андаканавар встретились на духовном уровне. Это случилось во время поездки в Барбакан, в которой Делман принимал участие вместе с магистром Джоджоном, братом Фрэнсисом и другими монахами из Санта-Мир-Абель. Их караван направлялся к горе Аида, чтобы разузнать об обстоятельствах гибели демона-дракона. Часть пути пролегла через Альпинадор, где монахам пришлось дать бой и уничтожить немалое количество гоблинов, поври и великанов, собравшихся напасть на одно из селений. Свидетелем этой битвы был и Андаканавар, который незаметно следовал за караваном. На всем пути монахи, применяя магию, постоянно выходили из своих тел и облетали местность на многие мили вокруг. Так брат Делман обнаружил присутствие «неизвестного альпинадорца», следившего за караваном. Магистр Джоджон послал брата Браумина, чтобы тот с помощью камня души заставил незнакомца повернуть назад. Но так как Брамину это не удалось, ему велели совершить одержание, войти в тело альпинадорца и вывести его прочь.

Однако воля Андаканавара оказалась намного сильнее, чем предполагали монахи. Рейнджер не поддался одержанию, а сам завладел телом брата Браумина, подошел к каравану и многое узнал о путешественниках.

Вскоре выяснилось, что Андаканавар ничем им не угрожает, и недоразумение между ним и Браumiном было улажено. Удалось погасить настороженность и враждебность других монахов, видевших, как их собрат оказался жертвой одержания. Одержание всегда считалось в магии самоцветов недопустимым действием, насилием над духом. Те, кому приходилось вести сражения на духовном плане, никогда этого не забудут. Неудивительно, что в отношениях Андаканавара с монахами осталась некоторая напряженность.

— Я думал, ты вернулся в Альпинадор вместе с Брунхельдом, — сказал рейнджеру настоятель Агронгерр.

— Брунхельд тоже не пошел в Альпинадор, — ответил Андаканавар, медленно отводя взгляд от брата Делмана. — Дорога свободна. Ни о каких тварях не слышать.

— Мы уже знаем об этом, — ответил Агронгерр. — Несколько дней назад вернулись братья, и от них мы узнали, что Альпинадор свободен от прихвостней демона-дракона.

— Нам нужно было как следует убедиться в этом, — сообщил Андаканавар. — К счастью, сейчас ничто не угрожает нашей родине. Но в ваших краях опять беспокойно, и это заставило нас повернуть на юг вскоре после того, как принц Мидалис со своими людьми двинулись в обратный путь.

Розовощекое лицо настоятеля Агронгерра помрачнело.

— Я узнал, что принц находится в монастыре, — продолжал рейнджер. — Проводите меня к нему, чтобы мне не пришлось рассказывать дважды.

Мидалиса разыскали на плоской крыше северо-западной башни, где он завтракал. Понятно, что там же находился и Лиам О'Блайт. Отношения Лиама и принца во многом были похожи на отношения между настоятелем Агронгерром и братом Хейни. Лиам и монах

происходили из крестьян и только благодаря своему усердию и сметливости сумели занять важное, хотя внешне не столь заметное положение. Оба они были надежным щитом для тех, кому служили, их верными друзьями. Лиам и Хейни первыми узнавали о том, что намеревались сделать Мидалис и Агронгерр. И принц, и настоятель делали серьезную ставку на своих подопечных. Хейни считался вероятным преемником Агронгерра на посту настоятеля Сент-Бельфура. Лиам, получивший титул герцога, со временем мог сделаться правителем герцогства Вангардского.

Мидалис не меньше, чем Агронгерр, удивился появлению Андаканавара. Он быстро вытер рот и поднялся, чтобы приветствовать рейнджера. Попутно принц незаметно кивнул Лиаму, прося его убрать со стола.

— Андаканавар прибыл с известием об угрозе новой войны, — немедленно сообщил Агронгерр. — Брунхельд и часть его воинов тоже вернулись.

— Что случилось? — спросил у рейнджера Мидалис.

— К востоку отсюда есть неприметная бухточка. Там обнаружен корабль с поври. Наш разведчик узнал об этом и успел сообщить вашим.

— Как выглядит корабль? «Бочонок», на которых они обычно плавают? — снова спросил принц.

— Нет, — ответил Андаканавар. — Парусник с мачтой. Эти твари зашли в бухту, но, похоже, забыли про отлив. Когда он начался, их судно село на камни и застряло в толще ила. Итак, друг мой, к вам снова пожаловали поври. Мы решили вместе с вами поразвлечься и отправить «кровавых беретов» туда, где им место.

Выступили без промедления. Настоятель Агронгерр ехал в карете во главе отряда из тех двадцати монахов, что побывали в Альпинадоре. К ним теперь присоединились Хейни и Делман. За братьями двигались Мидалис, Лиам и Андаканавар. Когда проехали Пирет Вангард, число воинов возросло вчетверо. Надо ли говорить, что к ним присоединились командор Прессо, капитан Альюмет и солдаты крепостного гарнизона? После недолгого совещания, на котором попытались выяснить точное местонахождение бухты, Альюмет направился на борт «Сауди Хасинты», взяв с собой дополнительное число лучников командора Прессо. Снявшись с якоря, корабль поплыл на восток, чтобы прикрыть наступление с моря.

Брунхельд со своими воинами уже находился вблизи злополучной бухты. На пути к армии Мидалиса примкнули добровольцы из двух близлежащих селений. Все указывало на то, что в предстоящем сражении преимущество окажется на стороне людей.

— Взяли! Тяни! Крепи! — орал на соплеменников Даламп Кидамп.

Поври именно этим и занимались. Они тянули тяжелые веревки, чтобы хотя бы на дюйм приподнять судно, а потом закрепляли натяжение, чтобы удержать одномачтовик в новом положении. Надо же такому случиться! Только они решили заняться починкой, раздобыть припасов и немного поразвлечься — как на тебе! Вода ушла из-под их тяжелой посуды, и та села прямо на камни, повредив корпус.

— Взяли! Тяни! Крепи! — с воодушевлением кричал главарь поври.

Еще немного — и они починят угловое суденышко и поплывут домой. Даламп совершил набег на ближайшую деревушку, состоявшую всего из нескольких домов. К неудовольствию кровожадных поври, им никого не удалось убить. Деревня была пуста. Зато они разворотили стены домов и обнаружили в достаточном количестве веревки и еще много всего, что поможет им закончить починку. Теперь, когда корабль наполовину выволокли из мелководья, стала видна пробоина в корпусе. Повреждение не было особо серьезным. Даламп рассчитывал, что со следующим приливом они вновь выйдут в море.

— Взяли! Тяни! Крепи! — без конца орал Даламп Кидамп.

Он видел, как их суденышко постепенно приподнимается из воды.

— Эй, потерпите еще немного, ребята! Скоро мы вернемся домой, соберем новую армию и отплатим этому псу Каласу!

Работа продолжалась. Неутомимые поври, согнув спины, изо всех сил тянули веревки.

Встреча с беженцами не удивила Мидалиса; разведчики сообщили ему о трех семьях, встреченных ими на дороге. И все же вид людей, вынужденных бросить дома и бежать, спасаясь от вражеских тварей, привел принца в ярость. Он вернет этих несчастных назад и подарит им несколько отрубленных голов поври. Пусть насадят на шесты и выставят как трофеи.

— Мой принц! — крикнул ему коренастый крестьянин зим около сорока.

Человек подбежал к повозке и упал перед Мидалисом на одно колено.

— Поври выгнали тебя и других из ваших домов? — спросил Мидалис.

— Они бы сожгли нас прямо в домах, если бы люди его племени не пришли на выручку, — ответил крестьянин, указывая на Андаканавара.

Мидалис сокрушенно усмехнулся.

— Кажется, и я, и вангардцы снова в долгу перед Брунхельдом и его воинами, — пожаловался он Андаканавару.

— Кровное братание аннулирует все долги, — подмигнув, ответил рейнджер.

— Пошевеливайтесь, — прикрикнул Мидалис на солдат, — иначе все развлечение достанется Брунхельду и его людям.

Он вновь повернулся к крестьянину.

— Оставайтесь здесь. Я выделю солдат и монахов для вашей охраны. Располагайтесь и ждите. Думаю, слишком долго вам ждать не придется. Как только получите сигнал — можете возвращаться по домам.

— Если от них что-нибудь осталось, — покачал головой крестьянин.

— А если не осталось, мы поможем вам построить новые дома! — с жаром пообещал принц Мидалис.

После этого объединенное войско быстрым маршем двинулось к бухте. Принц, хорошо знавший здешние места, решил отклониться к северу, рассчитывая выйти к поросшему лесом высокому утесу. Оттуда вся злополучная бухта открывалась как на ладони.

— Там мы с тобой и встретимся, — пообещал ему Андаканавар.

С этими словами рейнджер исчез в лесу, торопясь к Брунхельду, чтобы успеть согласовать нанесение удара.

— Можешь полюбоваться, что это отродье сделало с досками и бревнами от крестьянских домов, — сказал Лиам О'Блайт, когда они с Мидалисом поднялись на вершину утеса.

Внизу громоздился сухой док, мастерски сработанный из разломанных жилищ. Вокруг него усердно копошились поври.

— Сообразительные твари, — ответил принц.

Оглянувшись назад, он заметил, что брат Делман как-то странно смотрит на поври.

— Никак ты их знаешь? — спросил у него Мидалис.

— Возможно, именно этот парусник все время стремился уйти от нас, когда мы плыли сюда, — объяснил монах.

— Из кожи лезут, чтобы вернуться домой, — сказал настоятель Агронгерр.

— Будет им сейчас возвращение, — угрюмо произнес Мидалис.

И солдаты, и монахи, и простые вангардцы немало натерпелись от «кровавых беретов», поэтому никаких тактических споров между ними не возникало.

— Разместишь своих лучников по утесу, — приказал Мидалис командору Прессо. — Пусть каждый выберет себе цель и все ждут сигнала.

Затем принц обратился к настоятелю Агронгерру.

— А вас я прошу разместить на утесе ваших арбалетчиков и расставить братьев, которые будут наносить магические удары. Вряд ли после окончания битвы нам особо понадобится энергия камней души.

Настоятель Агронгерр кивнул, соглашаясь с избранной тактикой. Поври было не более

двух десятков, и настоятель сомневался, что после первого удара кто-то из них останется в живых.

Через несколько минут появился Андаканавар и сообщил, что Брунхельд со своими воинами расположился к юго-западу от сухого дока, замаскировавшись среди деревьев, растущих на берегу, у самого входа в бухту. Альпинадорцы полностью подготовились к удару.

Мидалис посмотрел на Лиама, который тут же бросился собирать силы вангардцев, чтобы выступить вместе с северянами.

— У Брунхельда людей более чем достаточно, — заверил Мидалиса Андаканавар. — Как только они набросятся на поври, ваши лучники тоже вступят в бой, и дело будет кончено.

— Здесь Вангард, — ответил принц, — и мои люди тоже должны быть в рядах нападающих.

— У нас нет времени, — объяснил рейнджер, махнув рукой в сторону сухого дока. — Похоже, мы настигли врагов в последнюю минуту. Они готовятся убраться отсюда, но Брунхельд их не выпустит!

— И капитан Альюмет тоже, — добавил брат Делман.

Все обернулись к нему. Монах широко улыбался, глядя поверх бухты в открытое море. Там виднелись паруса «Сауди Хасинты». Корабль качался на волнах, готовый перехватить суденышко поври.

Альпинадорцы тоже наверняка заметили паруса, но не знали, чей это корабль, и решили не медля уничтожить высадившихся поври, чтобы не дать им соединиться с возможным подкреплением. А может, рассуждал Мидалис, Брунхельд и его соплеменники действительно вознамерились стяжать себе всю славу этого боя?

И тут альпинадорцы выскочили из засады и с диким завыванием устремились на поври. Над головами засвистели цепи метательных молотов.

Принц Мидалис вскочил на ноги и подал сигнал. И сейчас же вниз полетел град стрел, пущенных из луков и арбалетов, а вместе с ними по врагам ударили рукотворные молнии монахов.

Когда из леса с воем и криками выскочило не менее сотни рослых альпинадорцев, Даламп Кидамп сразу понял: это конец. Страх совсем захлестнул поври, когда с вершины утеса на них полетели смертоносные стрелы.

К счастью для главаря и двух его ближайших помощников, в момент нападения они находились у самой стенки корабля, и тот загородил их от стрел.

Даламп приказал принять бой. Сам он с одним из своих помощников забрался на судно, а другому велел пробраться вперед и обрезать веревку.

Главарю оставалось рассчитывать лишь на то, что, пока его солдаты сдерживают нападение альпинадорцев, он сумеет отплыть от берега.

— Они уходят! — закричал Мидалис, видя, как суденышко поври, поднимая брызги, скользнуло в воду.

Поври, обрезавший веревку, теперь со всех ног бежал, пытаясь догнать корабль, но было поздно. По песку еще змеился обрубок веревки. Поври упал, ухватился за веревку, и судно потащило его к воде. Стрелки Мидалиса обрушили на эту живую, извивающуюся мишень град стрел. Тело поври наконец оказалось в воде, в которой тут же расплылось ярко-красное пятно.

Брунхельд тоже заметил отплывающий корабль. Предводитель альпинадорцев что-то прокричал, а затем, предоставив соплеменникам расправляться с оставшимися поври, стремглав бросился к воде. Ветер уже надувал квадратный парус на единственной мачте, однако Брунхельд, бросившись в воду, успел схватиться за веревку.

Стрелы и магические удары были готовы обрушиться на палубу уходящего корабля, но

поври попрятались. Их суденышко, поскрипывая, начало разворачиваться к выходу из бухты.

— Алюмет не даст им уйти, — заметил Мидалис. — Продолжайте обстреливать палубу, — велел он Лиаму.

— Подождите! Туда нельзя стрелять! — закричал Агронгерр, указывая на Брунхельда, подбиравшегося к вражескому судну.

— Тогда стрелять только по парусу! — приказал Мидалис. — И целить как можно выше!

* * *

Даламп Кидамп сплюнул и выругался, увидев, как над головой с громким треском мелькнула рукотворная молния, вырвав из паруса лоскут. Но вскоре судно качнулось, поймав сильный боковой ветер, дувший сзади.

— Валяйте, ловите нас! — закричал поври.

Но тут он увидел быстро приближавшуюся «Сауди Хасинту», палуба которой была полна лучников.

— Надо сдаваться, — сказал второй поври.

— И назад в тюрьму? — взревел Даламп, ударив его по затылку. — Да я лучше пойду на дно, чем в вонючий застенок!

С этими словами он закрепил штурвал и устремился на нос парусника. При этом Даламп не переставая сыпал проклятиями в адрес приближавшихся врагов.

— Ну, псы, подходите ближе! Я с радостью уложу каждого из вас!

Брунхельд отчаянно перебирал руками, подбираясь все ближе к ускорявшему ход паруснику. Второй конец веревки был закреплен на носу корабля, однако альпинадорец понимал, что подниматься в том месте небезопасно: не успеет он высунуться из воды, как его смоем носовой волной. Удобнее подняться со стороны низкой палубы.

Брунхельд обмотал одну руку веревкой так, чтобы конец веревки оставался свободным. Там он сделал петлю, затем смотал этот кусок и метнул вверх, зацепив за столбик перил. Теперь ему предстояло высвободить руку, сделать рывок и другой рукой схватиться за ту часть веревки, что свисала с палубы. Брунхельд едва не выпустил веревку, но неизменная решимость помогла ему и здесь. Он полез вверх, и вскоре его голова оказалась вровень с палубой.

Оглядевшись, Брунхельд увидел лишь двоих поври, стоявших к нему спиной. Он вытащил из-за пояса длинный кинжал и осторожно вылез на палубу.

— Пока не стрелять, — велел Алюмет своим лучникам, которым не терпелось дать залп по приближающемуся паруснику.

Послышалась ругань поври, и в сторону «Сауди Хасинты» полетела брошенная Далампом палица.

— Лежать тебе на дне вместе со мной! — пообещал он Алюмету.

— Пли! — скомандовал капитан.

Запела тетива луков, и в воздух взвились стрелы. К несчастью, именно в этот момент за спиной двоих поври возникла могучая фигура Брунхельда.

Град стрел намертво уложил Далампа Кидампа и его соплеменника.

Вместе с ними на палубу рухнул Брунхельд.

В двух лагерях, разбитых на берегу, в ту ночь царило тягостное настроение. Настоятель Агронгерр вместе с Хейни и Делманом направились к альпинадорцам, чтобы наложить повязки и оказать иную помощь.

Подавленный капитан Алюмет вместе с принцем Мидалисом, Лиамом и

Андаканаваром пошли туда же, чтобы держать совет.

— Мы не заметили Брунхельда, иначе ни за что не стали бы стрелять, — объяснял Альюмет.

Андаканавар перевел его слова. Потом слово взял один из альпинадорцев и сердитым голосом что-то сказал, но он намеренно выбрал такие слова, которые никто из вангардцев не понимал. Другой альпинадорец, судя по всему, его поддержал. После этого Андаканавар вновь повернулся к вангардцам и успокаивающе им подмигнул.

— Брунхельд пострадал в бою, — объяснил рейнджер. — Здесь нет ничего постыдного. Никто из них не сомневается, что ты действительно его не заметил. Но должен сознаться, мои соплеменники, как и я, удивлены, увидев человека с такой темной кожей.

Капитан Альюмет низко поклонился.

— Мы все молимся о том, чтобы Брунхельд остался жив, — произнес принц Мидалис.

— Если ты опасаясь за его жизнь, могу сказать, что он намного крепче, чем ты думаешь, — решительно заявил Андаканавар.

— Он лежит без сознания и даже не будет знать об этом, — сказал брат Хейни.

Настоятель Агронгерр внимательно поглядел на своего молодого собрата.

— А что думаешь ты, брат Делман? — спросил он. — Позволительно ли мне врачевать раны нашего друга Брунхельда с помощью камня души, если он запретил применять магию для лечения своих воинов?

— Я плохо знаю здешние традиции, — уклончиво ответил Делман.

— Если мы не прибегнем к магии, он может скончаться от ран, — возразил Хейни. — А если Брунхельд умрет, наш союз с Альпинадором, который мы выстраивали в последние месяцы, рухнет. Да и Андаканавара за эту дружбу соплеменники не похвалят.

— Вполне справедливо, — согласился настоятель Агронгерр.

— Так вы пойдете к нему с камнем души? — спросил брат Делман.

Старик ответил не сразу. Он сосредоточенно думал, скребя рукой подбородок.

— Нет, — решил он. — Чем бы это ни кончилось, я не стану причинять вред душе Брунхельда ради спасения его тела. Ведь он считает, что камень души забирает у человека душу. Продолжим лечение обычным способом и будем молиться.

Брат Делман не сводил глаз с настоятеля Агронгерра, и тот, чувствуя на себе этот взгляд, обернулся и вопросительно поглядел на молодого монаха.

— Если мы хотим сохранить дружбу с Альпинадором, наши дружеские узы должны строиться на честности и уважении, — сказал ему настоятель. — Я буду искренне горевать, если Брунхельд, столь мудрый и заботящийся о будущем своего народа, не переживет этой ночи. Но еще горше было бы мне, если бы я обесчестил нашу дружбу.

И брат Делман понял — теперь он окончательно уверен, что этот человек должен быть новым отцом-настоятелем церкви Абея. Он от всего сердца будет поддерживать избрание Агронгерра.

Они провели немало времени у постели Брунхельда, врачую его раны. Наконец брату Хейни удалось добраться до последнего обломка стрелы, глубоко застрявшего в бедре альпинадорского предводителя. Извлечь обломок без помощи магии было невозможно, но сейчас о ней не могло идти и речи.

Прошел еще час. Похоже, Брунхельду стало лучше. Он даже открыл один глаз и увидел склонившегося над собой Агронгерра.

— Больно? — спросил настоятель, и Брунхельд едва заметно кивнул.

Агронгерр поднес к лицу раненого камень души.

— Добрый Брунхельд, я предлагаю это лишь из искренних дружеских чувств к тебе, — сказал он.

Синие глаза Брунхельда расширились, и в них, как показалось Делману, мелькнул ужас. Альпинадорец шумно и прерывисто задышал и решительно замотал головой, хотя каждое движение явно доставляло ему нестерпимую боль.

— Если ты возражаешь, мы не станем его применять! — пообещал настоятель Агронгерр, пытаясь успокоить Брунхельда. — Только с твоего согласия. Не бойся!

Настоятель знал, что Брунхельд лишь отчасти понимает его, но, кажется, тот немного успокоился.

Вскоре Брунхельд заснул.

Агронгерр велел брату Делману пойти к альпинадорцам и сообщить, что состояние раненого улучшается. Придя туда, он увидел озадаченного и ошеломленного Мидалиса, держащего в руках вымпел герцога Брезерфорда, командующего королевским военноморским флотом.

— Это действительно тот самый парусник, который мы пытались настичь, когда плыли сюда, — говорил капитан Альюмет. — Урсальский корабль. Судя по всему, совсем недавно вышел из Палмариса.

— Как это могло случиться, брат Делман? — спросил Мидалис.

Монах не знал, что ответить. По дороге сюда он проходил мимо тел убитых поври. Делман не сомневался, что по крайней мере одного из них — рыжебородого — он видел среди взятых в плен туманным осенним утром, когда близ Палмариса закончилась последняя битва с поври.

— Герцог Калас, — произнес Делман, и глаза всех присутствующих обратились к нему.

Монах рассказал о том давнишнем сражении и том, как герцог Калас и его доблестная Бригада Непобедимых вели по городу пленных поври.

— Бегство из палмарисской тюрьмы? — недоверчиво спросил принц Мидалис.

Его предположение казалось единственно возможным объяснением, и все же оно звучало фантастично. Как небольшой шайке поври удалось вырваться из глухих застенков Чейзвинд Мэнор и завладеть парусником в людной и тщательно охраняемой гавани Палмариса?

Делман вздрогнул, словно от пощечины. Почему же в Палмарисе они с Альюметом ничего не слышали ни об этом побеге, ни о захвате корабля? Ведь поври отплыли едва ли не накануне выхода «Сауди Хасинты». И почему пленные поври не были казнены? По мнению Делмана, они вполне заслуживали подобной участи.

Молодой монах вздрогнул. Странно, почему он раньше не задумывался об этом? Как объяснить, что в битве близ Палмариса ни один королевский гвардеец не был даже легко ранен? Несомненно, Бригада Непобедимых — отважные и опытные воины, лучшие воины во всем Хонсе-Бире. Но в то утро нападавшие значительно превосходили их числом. Так утверждал герцог-победитель. Да и поле битвы не было должным образом подготовлено.

— Это не побег, — выпалил Делман, недоверчиво качая головой.

Кажется, он нашел объяснение. Делман уже собирался поделиться своими подозрениями и сказать, что убитые поври состояли в сговоре с герцогом Каласом. Но рядом стоял принц Мидалис. Делман посмотрел на него, потом на альпинадорцев, слушавших с неподдельным интересом, и решил благоразумно промолчать.

— Никакого побега из застенков не было, — уверенно произнес брат Делман. — Скорее всего, этих поври решили препроводить в Урсал для дознания или казни. Им удалось перебить команду судна и повернуть в открытое море.

Андаканавар быстро перевел его слова, и альпинадорцы дружно закивали. Взглянув на вангардцев — и прежде всего на Мидалиса и Альюмета, — молодой монах прочитал на их лицах сомнение.

На обратном пути в лагерь Альюмет высказался открыто:

— Мы обязательно знали бы об отправке корабля с пленными. Герцог Калас непременно устроил бы из этого пышное зрелище.

— Судя по всему, ты не больно-то восхищаешься герцогом Вестер-Хонса, — с усмешкой заметил ему Мидалис.

— Я слышал много рассказов о том, как герцог победителем въезжал в город и как его солдаты гнали пленных поври, — возразил капитан. — Если бы это были те самые пленные

и герцогу Каласу понадобилось отправить их из Палмариса куда-нибудь в другое место, без фанфар и барабанного боя явно бы не обошлось.

— Весьма справедливо, — ответил принц. — Тогда получается, что они бежали из тюрьмы.

— Или были освобождены, — вмешался в разговор брат Делман. — Что, если у герцога Каласа была договоренность с главарем поври?

— У тебя есть основания так думать? — резко спросил Мидалис.

— Герцог Калас — давний и близкий друг короля Дануба, старшего брата нашего принца, — обращаясь к Делману, сказал Лиам О'Блайт, желая предостеречь монаха от чересчур смелых заявлений.

— Возможно, имел место обмен пленными, — предположил Делман. — Но я никак не могу отделаться от ощущения, что отплытие поври из Палмариса произошло с согласия герцога или кого-нибудь из его приближенных.

Мидалис, подумав, кивнул.

— Не знаю, смогу ли я согласиться с твоими предположениями, брат Делман, но я рад, что ты не стал высказывать их в присутствии наших альпинадорских друзей. Андаканавар и в особенности Брунхельд никогда не берут в плен ни гоблинов, ни поври, ни великанов. Их понятия намного проще: убивай одного и берись за следующего.

— Я вполне разделяю их взгляды, — заметил Делман.

— Но мы-то знаем, что в мире не все так просто, — продолжал Мидалис.

Принц говорил спокойно, но Делман понял, что Мидалису не слишком-то понравились высказанные им догадки. Еще бы: один из ближайших друзей и советников короля, командующий отборными войсками Хонсе-Бира, и вдруг — подозрение в сговоре с «кровавыми беретами»!

— Если то, что ты сказал, — правда, значит, у герцога Каласа были веские причины, продиктованные заботой о благе государства, — закончил принц Мидалис.

И благо государства должно быть важнее блага церкви, так? — думал брат Делман. Он помнил, какую популярность приобрел герцог Калас после той *спасительной* битвы близ Палмариса и как умело потом использовал это в борьбе против настоятеля Браумина.

Несколько дней Мидалис и его солдаты, Альюмет и его матросы, Агронгерр и монахи Сент-Бельфура, Андаканавар и, разумеется, все альпинадорские воины провели в напряженном ожидании. Всех волновало состояние Брунхельда.

И вот альпинадорский предводитель вышел из своего шатра. Он с трудом переставлял ноги, но на лице его читалась решительность, которая навсегда снискала ему уважение соплеменников.

Брат Делман вновь подумал о том, как мудро поступил настоятель Агронгерр. Брунхельд подошел к старому монаху и тепло пожал ему руку. Еще не будучи знаком с настоятелем, Делман слышал, что о нем говорили как о врачевателе истерзанной церкви. Теперь молодой монах понимал, насколько справедливыми были эти слова.

Вечером альпинадорцы устроили внушительное празднество. Вангардцев не переставало удивлять, сколько выпивки их соседи умудрились притащить с собой!

На праздник собрались все. Гости не чувствовали никакой скованности, поскольку Брунхельд начисто отгнал любые обвинения в адрес Альюмета и лучников.

Брат Делман, как и остальные собравшиеся, отдавал должное элю. Правда, ему казалось, что стараниями брата Хейни и Лиамы О'Блайта его кружка наполняется чаще, чем кружки других гостей. Впрочем, он не особо долго размышлял над этим, а просто наслаждался альпинадорским напитком. К тому моменту, когда Лиам и Хейни, взяв Делмана под руки, вывели его из шатра, участливо сообщив, что ему надо подышать свежим воздухом, молодой монах был уже не в состоянии возражать.

Лиам и Хейни повели его на берег, где все трое провели немало времени. Над заливом успела взойти луна, а смех и возгласы, доносившиеся из шатра, стали постепенно ослабевать.

Прислонившись к суденышку поври, Делман начал клевать носом, как вдруг Лиам О'Блайт выплеснул ему в лицо целый кувшин холодной морской воды.

— Вы что? — отфыркиваясь, спросил монах.

— Мы знаем, ты приехал сообщить нам о Коллегии и забрать нас туда, — начал брат Хейни.

Только сейчас Делман начал соображать, что заботливое угощение элем и прогулка на берег предприняты этими двумя неспроста.

— А зачем еще ты приехал сюда, брат Делман? — напирал на него Лиам О'Блайт.

Делман, у которого до сих пор не выветрился хмель, с удивлением взирал на обоих.

— Давай рассказывай, парень, — напирал с другого бока брат Хейни. — Ты приехал шпионить за настоятелем Агронгерром, так?

— Шпионить?

— Что у тебя на уме, брат Делман? — продолжал Хейни. — Говори добром, а не то запихнем тебя в воду.

Делман распрямился, и из него мгновенно вышел весь хмель.

— Вы это серьезно? — возмущенно спросил он, глядя на Хейни.

— Не бойся, топить тебя не будем. Так, пополощем, чтобы остыл немного, — ответил тот.

— Ты явился сюда разузнать, что за человек наш настоятель, — рассудил Лиам. — Я так считаю и мой принц тоже. Что тебе нужно, таинственный брат Делман? Зачем твой настоятель отправил тебя на другой конец света?

Делман просто пожал плечами, и его молчание было весьма красноречивым.

— И что ты скажешь своему настоятелю? — требовательно спросил брат Хейни, выходя вперед.

Его остановил решительный вид Делмана.

— Я скажу настоятелю Браумину, что настоятель Агронгерр — замечательный человек и целиком отвечает сложившемуся о нем мнению, — ответил Делман. — Я скажу настоятелю Браумину, что избрание Агронгерра отцом-настоятелем будет великим событием для церкви Абея.

Брат Хейни лишился дара речи. Он оцепенело взирал на собрата.

— Получается, Вангард теряет, а ваша церковь приобретает, — сделал вывод не менее ошеломленный Лиам О'Блайт.

— А он сам знает? — спросил брат Хейни.

— Нет, и не вздумайте ему об этом сказать! — потребовал Делман. — Думаю, настоятель Агронгерр должен узнать об этом не от меня или вас, а на более высоком и официальном уровне. Например, от настоятеля Браумина или от Джеховита.

— Агронгерр наверняка что-то подозревает, — заключил Лиам.

— Вскоре он все узнает. А теперь обещайте мне, что ничего ему не скажете.

Оба кивнули. На лице Хейни сияла глупая улыбка. Все трое вновь наполнили кружки, потом еще раз, а когда эль кончился, Лиам сбегал в шатер за новой порцией. Празднование в узком кругу продолжалось до глубокой ночи.

ГЛАВА 19 РАВНОДУШИЕ К ЧУЖИМ И СВОИМ

Магистр Бурэй предлагал ему взять с собой несколько молодых монахов, но Де'Уннеро наотрез отказался. Ему не нужны были прислужники однорукого магистра. К тому же один он мог двигаться намного быстрее.

Когда на небе вошла Шейла, Де'Уннеро обернулся тигром и побежал быстрее самой резвой лошади. Он играючи покрывал милью за милей. И все же это ночное путешествие было тяжким испытанием для монаха. Его ноздри постоянно ощущали запахи добычи: кроликов, оленей, коров, овец, но чаще всего людей. Де'Уннеро знал: стоит только

поддаться, стоит только поймать и съесть маленькую белку, как дух свирепого тигра возьмет верх над его человеческими чувствами. Когда он очнется, то будет уже поздно: начав с белки, он кончит человеческой кровью. Де'Унnero знал это и боролся с искушением. Огромным усилием воли он вновь сумел подавить в себе тигра.

Обличье гигантского зверя требовалось Де'Унnero исключительно для быстроты передвижения. И действительно, за ночь он преодолел семьдесят миль. Первой остановкой на его пути, согласно распоряжениям магистров Санта-Мир-Абель, был Сент-Гвендолин — пятый по величине монастырь, играющий важную роль в ордене Абея. Сент-Гвендолин был единственным в ордене женским монастырем — обителью «сестер святой Гвендолин». Свое название он получил в честь малопримечательной мученицы, жившей в третьем столетии. Де'Унnero собирался пробыть здесь совсем недолго, а затем, если получится, раздобыть в монастырской гавани парусную лодку и направиться вдоль побережья Лапы Богомола на юг, в Энтел. Там находился Сент-Бондабрис — вотчина влиятельного настоятеля Олина. Де'Унnero не сомневался, что этот человек окажется для него более надежным союзником, чем любой из собратьев в Санта-Мир-Абель. Нужно поспеть в Сент-Бондабрис прежде, чем Олин отплывет на Коллегию аббатов. Замысел представлялся Де'Унnero вполне осуществимым — только бы удалось раздобыть в Сент-Гвендолин хоть какое-нибудь парусное суденышко.

Де'Унnero бежал безостановочно. Через неделю вдалеке показался Сент-Гвендолин: белоснежные стены и такие же белые высокие башни, словно парящие в небе. И вдруг что-то насторожило Де'Унnero... Приблизившись, он понял: план придется менять. Это касалось не только Сент-Гвендолин, но и вообще всех дальнейших действий. Судьба распорядилась по-своему.

Картина, развернувшаяся перед Де'Унnero, ужасала. Десятки и сотни больных, лежащих в грязных лохмотьях под шатрами и навесами. Зловонные лужи отбросов вперемешку с горами испражнений и мертвыми телами.

Зрелище оскверненной земли вокруг Сент-Гвендолин обожгло сердце и душу Маркало Де'Унnero. Ничего более чудовищного ему не доводилось видеть. Воплощение отчаяния и неотвратимости судьбы. Красноречивое свидетельство того, что Бог отвернулся от его страны и его ордена.

Нет, подумал магистр. Нет, не Бог покинул свою церковь; это церковь свернула с пути, предначертанного Богом. Ее скороспелые пастыри готовы пасть ниц перед вором и убийцей Эвелином. В свое опасное шутовство они затащили даже тех, кто не верил ни в святость Эвелина или Джоджонаха, ни в приписываемое этим двоим жалкое послание, полное разглагольствований о сострадании и человеколюбии. Мало того, эти новомодные пастыри спят и видят скорую канонизацию Эвелина, а вместе с ним и Джоджонаха! Браумин и его дружки взлетели слишком высоко, получив изрядную власть в ордене. Но чем заслужили они эти высокие посты? Только тем, что оказались в нужном месте, когда светские силы королевства уничтожали их злейшего противника — Маркворта! Теперь они договорились до того, что церковь, дескать, должна стать нянькой для народа! И все верят в эту болтовню.

Впрочем, как понимал Де'Унnero, церковь уже стала такой. Новым вождям захотелось утирать черни слезы и сопли. Но смотрите: Бог указывает на всю глупость и ничтожность ваших заблуждений, к чему приводят мягкотелость и слезливая сентиментальность. Де'Унnero помнил детские наивные слова старых песен, повествующих о чуме. Как и любой монах ордена Абея, он знал о том, как в былые века люди боролись с розовой чумой. Разумеется, магистр знал и то, что излечить удавалось лишь одного из двадцати заболевших. Монахи, пытавшиеся помочь больным, заражались и умирали — каждый седьмой из пытавшихся бороться с чумой.

— Интересно, был бы Эвелин Десбрис среди тех, кто с камнем души в руках бросились спасать чумных больных? — спросил себя Де'Унnero.

Ответ он знал: непременно. Да, окажись сейчас Эвелин в Сент-Гвендолин, он первым бы бросился за монастырские ворота и сделал бы все возможное, пытаясь хоть кого-нибудь

спасти. А дальше? Дальше он неизбежно заразился бы сам, и через неделю-другую смерть пресекла бы его благородные попытки.

«Вот так-то, Эвелин, — думал Де'Уннеро. — И когда бы твой труп бросили в костер, чтобы твоя гниющая зловонная плоть не заражала других, кем бы тебя назвали: святым или глупцом?»

Сейчас, стоя на гребне холма и глядя на толпы обреченных, Маркало Де'Уннеро с удивительной ясностью понял очень и очень многое. Он увидел, как гордыня и самонадеянность — самые страшные из всех грехов — проникли и поселились в благородных, казалось бы, сердцах братьев, ратующих за человеколюбие.

Совсем не такой видел будущую церковь Маркворт, и не за такую церковь он боролся, будучи отцом-настоятелем. По правде говоря, Де'Уннеро никогда особо не поддерживал многие из начинаний, затеваемых Далебертом Марквортом. Но он всегда признавал, что этот человек по крайней мере старался удерживать церковь на правильном и праведном пути. Маркворт понимал: церковь призвана управлять и наставлять, а не утешать.

Братья церкви Абея являлись глашатаями Бога и потому должны были в первую очередь проявлять заботу о душе, а не о бренной плоти. Их сострадание должно было направляться не на земную жизнь, но на жизнь, ожидавшую человека после смерти. Каждый день приносил людям страдания, каждый день кто-то из них умирал страшной и мучительной смертью. Но не это было важно, считал Де'Уннеро. Приготовление к неизбежной смерти заключалось в очищении души, ибо телу все равно было суждено сгнить и исчезнуть. И теперь — эти новые веяния и новое видение роли церкви! Оказывается, «ошибки» Эвелина не были ошибками, и его вполне можно причислить к лику святых! Дальше — больше. Оказывается, священные самоцветы не являются исключительной собственностью ордена Абея, и их назначение — облегчать и врачевать в первую очередь телесные, а не духовные недуги! Маркало Де'Уннеро слышал громкий голос, даже крик, обращенный к нему: его возлюбленная церковь не просто сбилась с дороги. Она целиком поменяла направление и теперь двигалась не к Богу, а к демону-дракону.

Маркало Де'Уннеро переживал момент прозрения. Теперь он знал, что ему делать или хотя бы за что бороться. Но с чего начать?

Он стал внимательно рассматривать лагерь чумных больных. Десятки, сотни обреченных. И длинный цветник, устроенный перед воротами монастыря, так называемый *цветочный кордон*. Ученые монахи и светские лекари еще в давние времена пришли к заключению, что чума распространяется главным образом вследствие зловония, исходящего от больных. Лучшей преградой на пути смертоносного запаха были признаны определенные сочетания цветов, обладающих сильным и стойким ароматом. Нынешняя эпоха ничего лучшего предложить не могла, и поэтому в ход снова пошли цветочные кордоны.

Де'Уннеро повернулся в противоположную сторону. Он стоял на дороге, которая вела прямо к центральной площади большой деревни, раскинувшейся в долине к северу от монастыря. Де'Уннеро зримо представил, как жители ходят по улицам, плотно прижимая к носу букетики цветов — крохотные средства защиты, уменьшенные копии цветочных заграждений. И на лице каждого — отчаяние и откровенный ужас.

Магистр, который к этому времени вернулся в человеческий облик, направился в деревню. Там на рынке он купил себе букетик цветов. Невзирая на мрачные времена, а точнее благодаря им, на рынке шла бойкая торговля. Из деревни Де'Уннеро вернулся на гребень холма. Впервые за все время, что он покинул Санта-Мир-Абель, магистр пожалел, что не взял с собой несколько самоцветов, чтобы расчистить себе путь в монастырь через лагерь зачумленных. Пришлось вновь наполовину превращаться в тигра. Де'Уннеро сморщился от боли, когда нижняя часть его туловища и ноги стали приобретать очертания лап гигантской кошки. Сильные и мускулистые, эти лапы могли мгновенно унести его прочь от любой опасности.

Он осмотрел сутану и убедился, что она надежно скрывает тигриные лапы. Затем Де'Уннеро быстрым шагом двинулся через поле, стараясь подальше обходить весь этот

чумный сброд. Но больные потянулись к нему со всех сторон: одни стонали, другие едва шевелили губами. Сперва ему удалось держаться в стороне от больных, но когда несколько человек образовали круг с целью преградить ему путь к монастырю, Де'Уннеро стремительно прыгнул, легко разметав их в стороны. Мягко приземлившись, он побежал по направлению к цветочному кордону.

— Стой! — раздался крик с монастырской стены.

Де'Уннеро замедлил шаг. Несколько монахов нацелили на него арбалеты.

— За цветочный кордон не заходить!

— Знай же, дурень, что я — магистр Де'Уннеро из Санта-Мир-Абель! — проревел монах и перепрыгнул через заслон из цветов.

Он слышал, как арбалетчики что-то крикнули двоим крестьянам, которые, как и он, попытались перепрыгнуть через цветочный кордон. Затем, к своему удовлетворению, он услышал щелчки выстрелов. Сзади отчаянно закричали. Хорошо, хоть здешние братья не утратили мужества и знают, как себя вести, — подумал Де'Уннеро.

Главные ворота Сент-Гвендолин распахнулись, затем быстро поднялась опускаемая решетка. Широко улыбаясь, Де'Уннеро проскользнул внутрь, готовый поблагодарить братьев этого монастыря за бдительность и правильные действия.

Улыбка его тут же погасла, а сам магистр оцепенел: на монастырском дворе он увидел почти ту же картину, что и за пределами обители! Несколько братьев и сестер лежали на земле под наспех сооруженными навесами и громко стонали. Из всех окон, дверей и со стен на него смотрели глаза монахов и монахинь. Заглушая стоны больных, шумно опустилась решетка.

— Где настоятельница Деления? — прорычал Де'Уннеро, обращаясь к ближайшему из здоровых монахов, арбалетчику, который стоял на парапете возле башни, венчавшей собой ворота.

Лицо молодого монаха помрачнело, и он покачал головой:

— Мы лишились настоятельницы, всех наших магистров и всех начальствующих сестер, кроме одной, — ответил он. — Будь проклята эта розовая чума!

Де'Уннеро невольно вздрогнул, услышав печальные новости. В отличие от других монастырей, в Сент-Гвендолин всегда хватало монахов старших ступеней. На прошлую Коллегию аббатов Деления привезла с собой пятерых магистров и троих начальствующих сестер. Она сама сообщила Де'Уннеро, что еще три сестры ожидают избрания на эту ступень, равнозначную ступени магистра.

— Здоровых у нас осталось меньше полусотни, — продолжал монах. — Чума навалилась на нас прежде, чем мы сумели подготовиться.

— А много ли ваших выходили на поле и пытались помочь тамошним больным? — требовательно спросил Де'Уннеро.

Его буквально подкосило зрелище обреченного монастыря, но магистр не позволил горю взять верх и всю боль и отчаяние превратил в гнев.

Монах не ответил на его вопрос и отвернулся.

— Так сколько их было, брат? — сурово повторил Де'Уннеро и, подпрыгнув на высоту двенадцати футов, оказался рядом с ошеломленным юнцом.

— Вы открыли ворота чуме, правда?

— Так приказала настоятельница Деления, — запинаясь, пробормотал монах, и Де'Уннеро понял, что его предположение оказалось абсолютно верным.

Настоятельница Деления всегда была готова проявить сострадание; впрочем, как считал Де'Уннеро, эта слабость вообще свойственна женщинам. Деления отваживалась спорить с лучшими умами ордена Абея. Она находилась в дружественных отношениях с настоятелем Олином, но Де'Уннеро всегда подозревал, что Деления втайне разделяет воззрения Эвелина и Джоджонаха. Недаром, когда этого еретика сжигали у позорного столба, настоятельница не смогла выдержать зрелища казни.

— Скажи всем здоровым братьям и сестрам, чтобы собрались в приемной

настоятельница, — велел испуганному монаху Де'Уннеро. — Нам надо о многом поговорить.

Мери Каузенфед отошла от плачущих женщин и приблизилась к мертвому телу, лежащему в цветочных зарослях. Этот человек появился в чумном лагере три дня назад. Чума унесла его жену и двоих детей. Затем розовые пятнышки появились на теле третьего ребенка — его маленькой дочери. Отец в отчаянии вскочил на лошадь и вместе с ребенком поскакал в Сент-Гвендолин. По дороге лошадь споткнулась и повредила ногу. Оставшиеся сто миль до монастыря он бежал, неся девочку на руках.

У него самого не было ни малейших признаков чумы.

Какую злую шутку сыграла с ним жизнь, — думала Мери. Совершенно здоровый, крепкий мужчина лежал неподвижно, примяв собой стебли цветов. Мери наклонилась, перевернула его на спину и тут же отпрянула. Арбалетная стрела раздробила мертвецу передние зубы, превратила нижнюю часть рта в кровавое месиво и застряла в горле.

Позади Мери послышался плач — точнее, жалобные всхлипывания осиротевшей девочки. Ребенку было не более пяти лет. Девочка бросилась на колени рядом с умершим отцом, умоляя его встать. Мери подхватила ребенка на руки и понесла прочь, кивнув собравшимся, чтобы убрали тело.

— Пойдем, моя маленькая, — шептала Мери на ухо отчаянно плачущей девочке. — Пойдем. Не бойся. Теперь ты будешь жить вместе с Мери, и все у нас наладится.

Мери, как и любой человек вокруг, знала, что это ложь. Ничего у них не наладится, ибо это *нельзя* наладить. Даже если оставшиеся в живых монахи, включая и того нового, что совсем недавно пробежал здесь, выйдут и начнут их лечить, ничего уже не поправишь.

Как больно ранила ее душу эта жуткая правда! Мери посмотрела на свою голую руку и на шрамы, оставшиеся от битвы с розовой чумой. Она оказалась одной из двадцати, кого монахам удалось вылечить с помощью камня души. Ее лечила сама настоятельница Деления.

— Одна из двадцати, — повторила Мери, качая головой.

Монахи и монахини пытались помочь десяткам заболевших, но выжить сумела только Мери. А сколько этих смелых и благородных людей уже мертвы, — думала Мери. Умерла Деления. Умерли начальствующие сестры, пытавшиеся спасти беженцев из Фалида. Никого из них теперь нет в живых.

Когда Деления объявила, что Мери исцелилась, с монастырских стен понеслись радостные крики. Мери позвали в монастырь на молитву. Однако изможденная и измученная женщина не могла согласиться с Деленией. Настоятельница утверждала, что Мери исцелилась! Да, ее тело победило чуму, но сердце так и осталось неисцеленным. Незачем ей идти на молитву. Мери осталась на поле, вместе с беженцами из Фалида.

Теперь и они мертвы: Динни, Тедо и все остальные. Умерли, как некогда умерла ее Бреннили, и их даже не похоронили. Просто сожгли на костре. Поначалу мертвых еще сжигали, но потом стало неоткуда взять дров. Затем покойников, не снимая с них грязных тряпок, стали бросать в общую яму, на корм червям.

Мери оглянулась вокруг. Пустые глаза, умоляющие лица. Все они отчаянно жаждали чуда, выпавшего на долю Мери. Им хотелось, чтобы монахи каким-нибудь образом выгнали из них чуму, и тогда «все наладится».

Ничего уже не наладится: ни для Мери, ни для них. Розовая чума уничтожила и ее, и их мир, и никогда жизнь не будет такой, как прежде.

Какая-то женщина старше Мери зашла с кашлем. Она сказала, что может забрать девочку себе, но Мери отрицательно покачала головой. Нет, она сама позаботится о ребенке.

Девочка умерла тем же вечером, и Мери осторожно положила ее на телегу, приехавшую забирать мертвецов.

Подавленная и вконец отчаявшаяся, Мери побрела к монастырским стенам.

— Глупцы! Почему вы не попытались ее спасти! — яростно и иступленно кричала женщина, грозя кулаком монахам, чьи силуэты вырисовывались на вершине стены. Она

стояла у самой кромки цветочного кордона.

— Заберите детей! Их еще можно спасти: и тело, и душу. Глупцы, нечего было тратить время на таких, как я! Неужели вы не понимаете, что мою боль не вылечат никакие ваши камни? Что же вы тогда понимаете? Вы так и будете прятаться за стенами и спокойно смотреть, как мы умираем? Вы будете убивать нас, если мы подойдем слишком близко? И вы еще зовете себя Божьими людьми? Стая трусливых собак — вот вы кто!

— Кто эта безумная? — спросил Де'Уннеро у одного из местных монахов.

Они втроем стояли на вершине башни, возвышавшейся над монастырскими воротами, и глядели на поле.

— Мери Каузенфед из Фалида, — ответил молодой монах. — Единственная, кого настоятельнице Делении и другим сестрам удалось вылечить.

— И это явно стоило Делении жизни, — процедил Де'Уннеро. — Дура.

Шум, поднявшийся на монастырском дворе, заставил говоривших обернуться.

— Больные братья недовольны, — сказал монах.

— У них нет иного выбора, — резко ответил Де'Уннеро.

Собрав всех здоровых братьев и сестер монастыря, магистр из Санта-Мир-Абель заставил их принять трудное, но необходимое решение. Он потребовал, чтобы все заболевшие монахи и монахини покинули монастырский двор. Де'Уннеро хотел сам сообщить им об этом, но несколько сестер вызвались поговорить с больными вместо него. Теперь они стояли во дворе, держа у носа букетики цветов, и разъясняли больным необходимость такого решения.

Спор не утихал, а, наоборот, разгорался. Сестры были окружены плотным кольцом больных, кричащих и потрясающих кулаками.

— Вы должны понять, почему вам необходимо уйти отсюда, — крикнул им сверху Де'Уннеро.

Теперь все смотрели на него.

— Это место многие годы было нашим домом, — прокричал ему в ответ один из больных монахов.

— Значит, братья и сестры Сент-Гвендолин — это ваша семья, — заключил Де'Уннеро. — Так к чему подвергать опасности своих близких? Неужели, брат, ты утратил все свое мужество? Неужели ты забыл про благородство и щедрость души, направляющие путь честного монаха?

— А благородно ли на ночь глядя выбрасывать больных за ворота? — с жаром спросил больной.

— Мы не в восторге от того, что на наши плечи лег этот долг, — спокойным голосом ответил Де'Уннеро, — однако мы выполним его до конца. Спасение монастыря важнее жизни каждого из вас, поэтому вы уйдете отсюда, и немедленно. Те, кто в состоянии идти сами, помогут выбраться ослабевшим.

— Значит, вон отсюда без всякой надежды? — спросил монах.

— Вон отсюда вместе с теми, кто болен, как и ты, — поправил его Де'Уннеро.

Больные возбужденно кричали и размахивали руками. Посланницы Де'Уннеро, опасаясь бунта, поспешно удалились.

— У меня к вам есть предложение, — крикнул вниз Де'Уннеро.

Он достал из кармана сутаны серый самоцвет, который взял из довольно скромного здешнего хранилища.

— Берите этот камень и лечите друг друга, — продолжал Де'Уннеро.

Он бросил камень больному монаху, находившемуся от него ближе всех.

— Каждый вечер вы будете предъявлять мне этот камень и сообщать, у кого он находится, поскольку потом я заберу его назад.

— Когда мы все перемрем, — язвительно заключил кто-то из больных.

— Кому дано знать Божью волю? — ответил Де'Уннеро, пожав плечами.

Между тем и ему, и всем остальным было ясно, что эти люди обречены. Камень души сможет принести им некоторое утешение, но ни у кого из них не хватит силы одолеть с его помощью розовую чуму.

— Берите этот камень и идите, — закончил Де'Уннеро и, понизив голос, добавил:

— Больше я ничего не могу вам предложить.

— А если мы откажемся?

Такого вопроса стоило ожидать, однако ответ магистра удивил всех. Де'Уннеро выхватил у одного из молодых монахов арбалет и навел оружие на самого недовольного среди больных.

— Уходите, — пугающе спокойным голосом произнес магистр. — Уходите ради блага монастыря и ваших здоровых собратьев.

Больной выпрямился, всем своим видом показывая, что уходить не намерен. Однако другие, видя мрачную решимость Де'Уннеро, прекрасно понимали, что он шутить не будет, а просто уложит буяна наповал. Его взяли под руки и благоразумно оттащили назад.

Отчаявшись, больные братья и сестры собрали теплые одеяла и одежду, помогли подняться на ноги тем, кому уже трудно было ходить без посторонней помощи, и молчаливая процессия медленно двинулась к монастырским воротам.

— Идут навстречу смерти, — прошептал молодой монах, стоявший на башне рядом с Де'Уннеро.

В течение недели умерли все, кого изгнали из Сент-Гвендолин. Де'Уннеро постоянно твердил, что жалкие попытки больных помочь друг другу лишь ускорили их гибель.

— Это напоминает действия дурака, который, желая отряхнуть упавшего в грязь собрата, сам прыгает туда же, — объяснял Де'Уннеро на одном из собраний.

Такие собрания для здоровых братьев и сестер он устраивал постоянно.

— Было бы намного лучше, если бы наши больные смогли разыскать на этом поле здоровых людей и с помощью камня души перекачать себе их силу.

— Но ведь многие из тех людей могли бы после этого заболеть, — возразила одна сестра.

— Если сотня простолюдинов отдаст жизнь ради спасения одного монаха, такая жертва будет вполне оправданна, — заявил Де'Уннеро.

— А сколько братьев должны пожертвовать собой ради спасения простолюдина? — спросила все та же сестра.

— Ни одного, — резко ответил Де'Уннеро. — Неужели вы не цените труд, вложенный в ваше обучение? Неужто вы готовы перечеркнуть годы, отданные вами служению высшим принципам? Мы — воины, слышите? Божьи воины, носители истины, хранители священных камней.

— Остерегайся греха гордыни, брат!

— Ты веришь, сестра, что можешь кого-то спасти? — спросил он. — Ты так боишься смерти, что жаждешь с ней встречи?

Слова Де'Уннеро несколько ошеломили монахиню, ибо она сразу почувствовала в них какой-то абсурд.

— Мы все умрем, — продолжил Де'Уннеро, вновь обращаясь к собранию. — Неужели это тебя удивляет? — спросил он у одного из молодых монахов. — И ты, и я, и они тоже — все мы умрем. Но мы должны нести слово Божье. Наш голос не должен умолкнуть! А теперь, когда наша церковь сбилась со святого пути, голос каждого из нас должен звучать еще громче!

Исполненный праведного гнева, Де'Уннеро стремительно вышел из помещения на двор и потребовал, чтобы подняли решетку и открыли ворота.

Он увидел Мери Каузенфед, которая бродила взад-вперед вдоль цветочного кордона, словно страж, ожидающий прибытия смерти.

— Вы все-таки решили нам помочь? — с надеждой спросила она, увидев Де'Уннеро. —

У нас есть малышка Присси, помогите сначала ей...

— Я вышел забрать назад камень души, и только, — резко ответил Де'Уннеро.

Мери смотрела на него так, словно магистр дал ей пощечину.

— Вы не можете бросить нас, — сказала она. — Настоятельница и ее сестры...

— Все уже мертвы, — напомнил ей Де'Уннеро. — Мертвы, ибо отказались посмотреть правде в глаза.

— Правде, говоришь? — встрепелась Мери. — По вашей правде, я должна умереть и гнить в яме? Погляди, сколько отметин оставила на мне чума.

Мери подняла руку, показывая магистру еле видные следы перенесенной болезни.

— Мне нужен камень души, — настойчиво повторил Де'Уннеро, протягивая руку.

— У вас в монастыре камней предостаточно, — упиралась Мери. — Мы просим всего-навсего один.

— Вы не сможете им воспользоваться.

— Ничего, найдем того, кто сможет, — сказала Мери. — Если вы не хотите нам помочь, оставьте хотя бы камень. Дайте нам попробовать самим.

Де'Уннеро сощурился.

— Ну что ж, пробуй, — произнес он, затем взглянул на стоящего рядом мужчину, по-видимому тоже больного.

— Иди и приведи сюда... как ее имя?

— Присси, — подсказала Мери. — Присси Кольер.

— Поживей! — прикрикнул Де'Уннеро, и человек бросился исполнять приказ магистра.

Вскоре он вернулся, неся на руках совсем маленькую девочку. Ей было не более двух-трех лет. Мужчина осторожно положил ребенка на землю рядом с Мери. Де'Уннеро жестом велел ему отойти в сторону.

— Она вот-вот умрет, — прошептала Мери.

— Так спаси ее, — бросил Де'Уннеро. — У тебя есть камень души. Призови имя Господа и Его силу и избавь ребенка от чумы.

Мери смущенно поглядела на него.

— Начинай! — закричал Де'Уннеро.

Мери оглянулась и увидела, что поодаль собралась многочисленная толпа. На монастырской стене и у ворот толпились монахи.

— Начинай, — повторил Де'Уннеро. — Ты жаждешь чуда, так молись о нем.

— Я всего лишь прачка, бедная...

— Тогда верни мне камень, — сказал Де'Уннеро, вновь протягивая руку.

Мери вынула из кармана самоцвет. Но вместо того, чтобы отдать его Де'Уннеро, прижала его к груди и упала на колени рядом с несчастной Присси. Всей душой, всем сердцем Мери начала молиться. Мери постоянно целовала камень души, прижимала его ко лбу Присси и просила Бога, чтобы Он соединил ее с ребенком. Так лечила ее настоятельница Деления.

Мери молилась весь остаток дня и вечер, молилась всю ночь. Не ощущая усталости, стояла она на коленях. Все это время Де'Уннеро находился рядом, наблюдая за ней.

На рассвете Мери едва могла говорить. Теперь она уже не молилась, а просила, плакала, взывая к чуду, совершиться которому было не суждено.

Присси Кольер умерла на руках у рыдающей Мери. Прождав еще какое-то время, Де'Уннеро подошел и помог женщине встать.

— Камень души, — потребовал он, протягивая руку.

Мери Каузенфед являла собой жалкое зрелище — залитое слезами, воспаленное лицо и трясущееся тело, подгибающиеся колени.

Но вдруг она выпрямилась.

— Нет, я его не отдам, — сказала она.

Де'Уннеро удивленно наклонил голову и криво усмехнулся.

— Присей он не помог, но поможет другим, — не сдавалась Мери. — Он должен нам помочь. Это единственное, что у нас есть.

Тигриная лапа Де'Унnero полоснула ее по лицу, и Мери обожгло нестерпимой болью. Потом ее с силой дернули за руку, и Мери почувствовала, как ее пальцы разжались.

Мери куда-то падала — медленно, очень медленно падала.

Последнее, что увидела Мери Каузенфед, была спина равнодушно удалявшегося Маркало Де'Унnero.

ГЛАВА 20 СНЫ В ПЕЩЕРЕ

На юге еще царила осень, но здесь, высоко в горах, в Альпинадоре уже наступила зима.

Обжигающие ледяные ветры и снег, казалось, совсем не мешали Андаканавару вести за собой Брунхельда и Мидалиса. Невзирая на возраст, рейнджер легко шел вперед, словно являл собой чистый дух, лишенный телесной оболочки и полностью слившийся с окружающей природой. Несчастный принц Мидалис с завистью глядел на него. Сам он тяжело ступал и едва ли не на каждом шагу по колено проваливался в снег.

Брунхельду было еще тяжелее. Он не вполне оправился от раны, да и вряд ли мог оправиться от нее окончательно. Монахам так и не удалось извлечь у него из бедра застрявший наконечник стрелы, и теперь каждый его шаг сопровождался острой болью. Однако альпинадорский предводитель ничуть не отставал от Мидалиса, который не привык подниматься на такую высоту. Сейчас они находились на две мили выше Пирет Вангарда. Все трое приближались к пещере Снежного Червя или, как его еще называли, Косматого Духа.

Наконец Андаканавар остановился и, прикрыв глаза ладонью, указал на открытую всем ветрам горную вершину, что высилась впереди.

— Там вход, — объявил он.

Мидалис встал вровень с рейнджером, напряг зрение, но не увидел никакого входа — только снег и скалы.

— Не сомневайся, там есть вход, — заверил его Андаканавар.

— И это — жилище Косматого Духа?

Рейнджер кивнул.

— Откуда ты знаешь? — не унимался принц.

— Андаканавар ходит сюда много лет, — ответил подошедший Брунхельд.

— Но как ты можешь знать, что Снежный Червь жив и поныне? — спросил принц Мидалис. — Сколько лет назад ты видел его в последний раз?

— Пока живы люди, жив и Косматый Дух, — убежденно произнес рейнджер. — Надо поторапливаться, скоро стемнеет.

Только добравшись до вершины, Мидалис разглядел вход в пещеру. Андаканавар пошел туда первым. Им пришлось буквально проползать под низко нависающей скалой, двигаясь по темному, извилистому проходу. Принцу это путешествие не доставило особого удовольствия, тем более что впереди предстояла встреча с неведомым Снежным Червем!

Проход привел их в небольшую пещеру. Сюда пробивался тусклый дневной свет. В пещере едва хватало места, чтобы не задевать друг друга локтями. Кроме извилистого прохода, приведшего их сюда, существовал еще один выход — уходящий вверх узкий туннель, располагавшийся напротив.

Андаканавар сосредоточенно занялся необходимыми приготовлениями. У входа в туннель он разложил небольшой костер, потом достал внушительный кусок нежной и сочной оленины и водрузил мясо на вертел. После этого рейнджер сел поодаль и стал разгонять дым, стремясь, чтобы запах поджаривающегося мяса проник по туннелю вверх.

— Это пробудит в нем аппетит, — подмигнул Андаканавар.

Затем рейнджер достал из своего громадного заплечного мешка все, что требовалось

для предстоящего испытания: две пары металлических полозьев, загнутых не столько вниз, сколько вбок; небольшое, затейливо украшенное кресало, толстый металлический прут с прикрепленными по обеим сторонам цепями, пару дротилов, изготовленных так, что один конец каждого из них заканчивался крюком, позволяющим набрасывать цепь. Последним Андаканавар осторожно вынул завернутый в оленью кожу предмет, внешне похожий на диск. Этот предмет рейнджер опустил на пол и стал медленно разворачивать, произнося альпинадорские молитвы.

Неужели суровые и грубые альпинадорцы способны делать столь удивительные вещи? Принц Мидалис с удивлением глядел на непонятный предмет, завороженный его красотой. То был отполированный до блеска деревянный обруч с натянутыми внутри тончайшими, словно паутина, нитями. На нитях, как капельки, блестели крошечные кристаллы. Возможно, это были алмазы. В самом центре, на некотором расстоянии от паутины, находилась маленькая свечка.

— Что это? — негромко спросил принц.

— Единственная надежда для вас обоих выбраться отсюда живыми, — сдерживая улыбку, ответил рейнджер.

Он ударил кремнем по кресалу, высек искру и зажег свечу. Потом рейнджер повернулся к Мидалису и Брунхельду. Язычок пламени качнулся в противоположную сторону.

Андаканавар стал медленно водить обручем вправо и влево. Кристаллы вспыхнули и заиграли разноцветными огоньками. Мидалису и Брунхельду почудилось, будто они сидят в центре яркой, переливчатой радуги.

— Смотрите на Товаллоко — Дарителя Снов, — тихо, чтобы не нарушить зачарованное состояние своих спутников, произнес рейнджер.

— Товаллоко, — чуть слышно повторил Мидалис.

Он чувствовал, как все глубже и глубже погружается в паутину разноцветных огней и образов. А разум его поднимался все выше и выше, переносясь из пещеры в какое-то иное, более тихое и умиротворенное место.

Андаканавар задул свечу. Мидалис открыл глаза, чувствуя себя хорошо выспавшимся и отдохнувшим. Он внимательно разглядывал Товаллоко, пытаясь разобраться в случившемся. Несомненно, он только что испытал на себе действие магии самоцветов. Андаканавар говорил о Товаллоко как об одном из многочисленных альпинадорских богов. И вместе с тем северяне резко и враждебно относились к священным камням. Принц вопросительно посмотрел на Андаканавара, но рейнджер лишь улыбнулся и возобновил приготовления.

Вскоре Андаканавар подробно рассказал об испытаниях, предстоящих Мидалису и Брунхельду. Ритуал кровного братания существовал в Альпинадоре с незапамятных времен. Легенды утверждали, что предки нынешних альпинадорцев, жившие тогда племенами, поклонялись Косматому Духу, считая его горным богом снега. Они пленили Снежного Червя и поместили в эту пещеру. С тех пор каждый юноша племени, чтобы считаться взрослым мужчиной, должен был «объездить» Снежного Червя. Это было крайне опасным испытанием: многие юноши гибли или становились калеками. Поэтому с течением времени первоначальный ритуал уступил место ритуалу кровного братания.

По словам Андаканавара, последний раз кровное братание совершалось более десяти лет назад.

— И чем оно закончилось? — спросил встревоженный Мидалис.

Андаканавар только улыбнулся.

— Причинить вред Косматому Духу невозможно, даже если бы ты решился пожертвовать для этого своей жизнью.

Мидалис недоверчиво усмехнулся.

— Дело не в том, что ты никак не сможешь повредить Снежному Червя, — серьезным тоном продолжал Андаканавар. — Здесь любое, самое лучшее оружие бессильно. Вам предстоит испытание вашего мужества, а не воинского искусства. Вы пройдете проверку на

доверие друг к другу. Если кто-то из вас не выдержит испытания, погибнете оба, и смерть ваша будет ужасной.

Мидалис хотел было сказать, что Андаканавар едва ли стал бы рисковать жизнью его или Брунхельда. Но здесь ему пришла в голову другая мысль: рейнджер не повел бы их сюда, если бы не доверял им обоим. Принц незаметно взглянул на альпинадорского великана — своего будущего кровного брата. По правде говоря, он не питал особых симпатий к упрямцу Брунхельду: его представления о чести нередко граничили с бессердечием. Однако Брунхельд умел держать данное им слово. В бою и в любом другом испытании трудно было представить себе лучшего союзника, за исключением, пожалуй, Лиама. Мидалис признался себе, что охотнее пошел бы на кровное братание с Лиамом.

— Вы готовы? — торжественно спросил рейнджер, и Мидалис с Брунхельдом, обменявшись взглядами, кивнули.

Из своего бездонного мешка Андаканавар достал небольшой глиняный горшок. Туда он бросил по щепотке сушеных трав. Травы находились в многочисленных мешочках, привешенных к его поясу. Затем рейнджер добавил в горшок снега и поставил на огонь. Вскоре пространство пещеры заволочло сладковатым дымом, наполнившим сознание Мидалиса красочными мечтами и туманными видениями.

Принц вдруг ощутил себя совсем легким, способным лететь вместе с горными ветрами. Вначале ему захотелось спать, однако вскоре он почувствовал прилив сил. Он наблюдал за действиями Андаканавара, словно видел их во сне. Вот рейнджер снял с вертела оленину, потом освободил металлический прут от цепи и насадил на него мясо. Затем он вновь прикрепил цепь и подал прут Брунхельду. После этого, махнув рукой будущим кровным братьям, скрылся в проходе, который привел их сюда, и стал что-то негромко напевать.

Брунхельд начал прилаживать к своим сапогам металлические полозья. Мидалис последовал его примеру. Затем, даже не взглянув на принца, альпинадорский предводитель подхватил остальные предметы и направился к другому выходу, ведущему вверх. Брунхельд вполз в узкий туннель. Мидалис поспешил за ним. Принцу казалось, что его вместе с дымом затягивает вверх.

Дым мешал ему видеть, но Мидалис чувствовал, что Брунхельд уже выбрался из туннеля, и даже слышал резкое дыхание альпинадорца. Похоже, тот был чем-то напуган.

Подавляя собственные страхи и постоянно напоминая себе, что от него зависит жизнь Брунхельда, Мидалис прополз последние десять футов туннеля и очутился в верхней пещере рядом с альпинадорцем. Он устремил взгляд туда же, куда неотрывно смотрел Брунхельд. В дальнем конце на полу белело что-то, похожее на снежный сугроб.

И вдруг «сугроб» ожил и медленно двинулся к ним, шумно втягивая воздух. Когда глаза Мидалиса привыкли к темноте и он сумел получше рассмотреть Косматого Духа, принц собрал всю имевшуюся у него волю, чтобы не броситься назад в туннель.

Снежный Червь напоминал огромную сороконожку, длина которой десятикратно превосходила человеческий рост, а ширина — втрое. От туловища исходило белое свечение, а вдоль спины тянулась ярко-оранжевая огненная полоса. Даже издали Мидалис чувствовал исходящий от нее жар. Принц сообразил, что полоса помогает этому существу передвигаться под толщей снега.

Снежный Червь приподнял голову и повернул в сторону пришельцев свою приплюснутую морду с единственным выпученным глазом, похожим на глаз гигантской стрекозы. Все ноги чудовища находились в непрерывном движении. Мидалис вздрогнул при виде его многочисленных длинных, острых зубов и клыков, выступавших из объемистой пасти.

— Пора, — прошептал Брунхельд, бросив одну из цепей Мидалису.

Принц подхватил конец и прыгнул вперед, стараясь успеть за альпинадорцем.

Косматый Дух выпустил пару белых крылышек и отчаянно замахал ими, чтобы приподнять свою голову еще выше. Примерно так поднимали голову, раздувая капюшон, крупные бехренские змеи.

Ох, этот единственный сверкающий глаз! Мидалису казалось, что чудовище видит его насквозь. Принц тут же утратил всякую надежду выбраться отсюда живым. Еще немного — и он рухнет на пол и будет покорно ожидать своей гибели.

Но Брунхельд продолжал двигаться вперед, и спокойствие альпинадорца привело Мидалиса в чувство. Раскачав прут с олениной, они одновременно выпустили из рук цепи. Прочертив в воздухе дугу, мясо упало рядом с Косматым Духом.

Глаз Снежного Червя с любопытством уставился на приманку. Снова послышалось шумное фыркание. Мидалис заметил, что нос чудовища представляет собой просто отверстие, расположенное прямо под глазом.

— А если он не клюнет на мясо? — тихо спросил Мидалис.

Видя, как Брунхельд прикрепляет к цепи свободный конец своего дротика, принц сделал то же самое.

Косматый Дух начал раскачиваться. Эти движения обладали какой-то завораживающей силой: взад-вперед, взад-вперед. Андаканавар предупреждал их: нельзя смотреть Косматому Духу прямо в глаз, иначе позабудешь обо всем на свете, застынешь на месте и окажешься в его пасти.

Мидалис посмотрел на Брунхельда. Альпинадорец стоял не шевелясь и следил за чудовищем. Принц качнулся, задев его плечо. В следующее мгновение они оба в ужасе отскочили назад. Косматый Дух с невообразимой скоростью вытянул шею и подхватил мясо вместе с прутом.

— Давай! — крикнул Брунхельд.

Выпущенные ими дротики просвистели мимо головы Косматого Духа и упали позади. Брунхельд тут же извлек Товаллоко и поспешно зажег свечу. Затем он подбежал к чудовищу, выставил руку с Дарителем Снов и начал медленно вращать обручем.

Принц Мидалис знал, что сейчас требовалось от него. Он должен пробежать мимо замороженного чудовища, подхватить цепь, влезть Косматому Духу на спину и, осторожно перешагнув оранжевую огненную полосу, добраться до второй цепи. Чем раньше он это сделает, тем больше у них шансов на успех. Однако Мидалис не мог сдвинуться с места — его ноги словно приросли к полу.

— Иди! — рявкнул Брунхельд.

Мидалис попытался. Он подумал о том, какими бедами грозит его промедление. Что, если из-за него погибнет Брунхельд или их прогонят с позором? Чем это обернется для всего королевства и для Вангарда, спасенного альпинадорцами?

Перед его мысленным взором всплыла картина не такого уж далекого прошлого: Сент-Бельфур, осажденный гоблинами, которым противостоит небольшой отряд Мидалиса. Если бы не помощь Брунхельда и его соплеменников, вангардцы наверняка были бы уничтожены.

Мидалис побежал, пригибаясь к самому полу. Полосья, прикрепленные к его ногам, с хрустом царапали ледяную корку, а там, где льда не было, высекали искры, ударяя по камню. Принц старался двигаться плавно, чтобы не потревожить Косматого Духа, находящегося под действием чар Товаллоко.

Мидалис прошел мимо раскачивающейся шеи чудовища и увидел на полу одну из цепей. Дальнейшее происходило словно в каком-то неясном сне, где каждое движение тянулось очень долго. Принц взял конец цепи и вскочил на спину Косматого Духа, поместив одну ногу на костяной нарост, отделявший внешнюю часть спины от пышущей жаром оранжевой полосы. Мидалис не сразу сообразил, насколько ему повезло: стоило чуть-чуть поскользнуться — и он бы попросту сгорел! Принц только потом понял, что переступил через опасную полосу и оказался на таком же костяном наросте, находящемся с другой стороны спины. Он нагнулся и подхватил вторую цепь.

И тут он увидел, что пол усеян белыми человеческими черепами и обгоревшими костями. Принц застыл от ужаса. Однако тут же выпрямился и, держа в руках оба конца, с силой потянул цепи.

Неожиданно Косматый Дух повернулся влево и задрал голову, встав многочисленными

передними ногами на дыбы, отчего Мидалис потерял равновесие. Он качнулся и выбросил вперед руку. Каким-то чудом он сумел удержаться и не упасть лицом в раскаленную оранжевую полосу, до которой оставалось не более дюйма.

Принц понял, что Брунхельд движется к боковому выходу, стараясь с помощью Товаллоко выманить Снежного Червя из пещеры.

Они миновали проход и оказались на протяженном заснеженном гребне. Слева от Мидалиса зияла пропасть глубиной не менее тысячи футов, справа высилась отвесная скала. Брунхельд отошел в сторону; теперь принц должен был сам управляться с чудовищем.

Косматый Дух принялся дергаться и брыкаться, но Мидалис крепко держал цепи, не давая чудовищу опустить голову.

Мидалис слышал, как в ушах свистит ветер, — это Косматый Дух неся по гребню горы, вздымая снег, и десятки его ног цокали по каменистой дороге. В самом конце принц резко дернул правую цепь, и чудовище совершило головокружительный поворот. В считанные секунды они вернулись туда, где стоял Брунхельд.

Альпинадорец вновь поднял Товаллоко, зачаровывая Косматого Духа. Оказалось, что слезть с чудовища намного труднее, чем забраться. Ветер мешал каждому движению, угрожая бросить принца на раскаленную полосу или швырнуть в пропасть.

Мидалису все же удалось слезть. Он подошел к Брунхельду, взял Товаллоко и поднял над головой. Теперь настал его черед удерживать чудовище силой колдовских чар.

Брунхельд проехался на спине Косматого Духа по гребню и вернулся назад. Мидалис, готовый вновь завладеть вниманием чудовища, вошел в проход. За это время Брунхельд успел слезть и оказался рядом с принцем.

Затаив дыхание и едва веря, что самая тяжелая часть испытания позади, Мидалис и Брунхельд медленно двигались к туннелю, ведущему в нижнюю пещеру. И вдруг, неожиданно для них обоих, свечка погасла, а с нею исчезло и завораживающее радужное сияние.

Мидалис не сомневался, что чудовище напало на Брунхельда. Он знал, что может спастись, скатившись по туннелю вниз. Но это значило обречь на гибель альпинадорца, его нового брата!

Мидалис прыгнул, намереваясь загородить Брунхельда. Альпинадорец, тоже посчитавший, что принцу грозит беда, прыгнул одновременно с ним. Они столкнулись. Мидалис ударился лбом о плечо Брунхельда, и оба, кажется, были уверены, что живыми им отсюда не уйти.

Трудно сказать, почему чудовище не напало на них. Возможно, их синхронный прыжок испугал Косматого Духа. Мидалис и Брунхельд повалились друг на друга и, кое-как поднявшись, едва ли не кубарем покатались по туннелю. Оказавшись в нижней пещере, они увидели поджидавшего их Андаканавара.

— Славно покатались, — со смехом произнес рейнджер, оглядывая их.

У Мидалиса был до крови разбит лоб, а Брунхельд держался за колено.

— Можем вернуться и проехаться на нем еще раз, — заявил альпинадорский предводитель.

— С удовольствием, — поддержал его Мидалис и поднял над головой Товаллоко. — Пошли.

Но Андаканавар лишь засмеялся и повел их прочь из пещеры.

Первая часть обратного пути прошла для Мидалиса в каком-то тумане. В голове роились неясные картины. Постепенно мысли обрели привычную четкость. Принц почувствовал, что у него раскалывается голова и стучит в висках. Сперва он решил, что ударился головой, когда они с Брунхельдом в темноте налетели друг на друга. Мидалис посмотрел на альпинадорца. Брунхельд тоже изо всех сил растирал виски.

Дым от трав, решил принц, и тут его пронзила странная мысль. Насколько реальным было все то, что они оба пережили? А может, это только галлюцинация? Действительно ли в верхней пещере их поджидало чудовище? Если да, то было ли оно на самом деле таким

огромным и устрашающим? И не являлось ли это «испытание» тщательно подготовленным розыгрышем?

— О чем ты думаешь? — спросил Андаканавар, заметив странное выражение на лице Мидалиса.

Потом рейнджер, а вслед за ним и Брунхельд громко захохотали.

Мидалис непонимающе глядел на них.

Продолжая смеяться, Андаканавар достал плоский кусочек отполированного металла и протянул принцу.

— Полюбуйся на свое лицо, — сказал он.

Мидалис взял зеркало, поднес к лицу и порывисто втянул воздух. Увиденное расставило все на свои места. Лицо принца было обожжено дыханием оранжевой полосы на спине Косматого Духа.

— Ну и чудища водятся у вас в Альпинадоре, — заметил Мидалис.

— То же самое мы говорим о ваших женщинах, — ответил Брунхельд, и все трое громко засмеялись.

— Теперь вы братья, — торжественно произнес Андаканавар, когда смех затих.

Мидалис и Брунхельд кивнули. И действительно, каждый из них с готовностью шел на риск ради спасения другого. Но даже сейчас, радуясь победе, принц раздумывал о том, как отнесется его родной брат, король Урсал, к своему новому «родственнику».

— Я только восемь лет в ордене, — сказал брат Хейни.

Вместе с Лиамом О'Блайтом и братом Хейни Делман шел по причалу Пирет Вангарда к месту, где стояла «Сауди Хасинта».

— Не считая настоятеля Агронгерра, во всем Вангарде лишь двое братьев пробыли в ордене дольше, чем я, — добавил Хейни.

Делман понимал его сомнения. Агронгерр считал Хейни своим преемником. Стало быть, если старика изберут отцом-настоятелем, этот молодой монах возглавит Сент-Бельфур. Хейни даже не вошел еще в требуемый возраст и не достиг ступени магистра, но подобные исключения из правил были не редкостью для Вангарда, где число монахов оставалось весьма скромным. Из Санта-Мир-Абель взамен Агронгерра могли бы прислать какого-нибудь магистра. Но и в южных обителях сейчас недоставало магистров и безупречных, а в нынешних непростых условиях, как считал Делман, им было просто не до Вангарда. Если Агронгерр станет отцом-настоятелем, Хейни обеспечен пост главы Сент-Бельфура.

— Ты вернешься к нам? — спросил у Делмана Лиам.

— Это не мне решать, — ответил монах и поспешно добавил: — Но если мне позволят выбирать, я обязательно назову Вангард. Возможно, я стану магистром при настоятеле Хейни.

Брат Хейни широко улыбнулся. Это были нужные слова, прозвучавшие в нужное время, ибо все трое уже подходили к сходням, ведущим на борт «Сауди Хасинты». Капитан Альюмет приветливо смотрел на двоих монахов и Лиам. Их дружба, начавшая в ту ночь на берегу, с тех пор значительно окрепла.

— А не пропустить ли нам по стаканчику крепкого солодового? — подмигнув, спросил Лиам.

Делман удивленно посмотрел на него.

— У меня есть только одна причина, по которой я боюсь возвращаться в Вангард, — серьезным тоном произнес он, отчего лица его друзей тоже приняли серьезное выражение.

— Я боюсь, что начну изъясняться так же, как вы оба! — добавил Делман, и все трое громко расхохотались.

Потом они крепко обнялись.

— Ты обязательно вернешься к нам, брат Делман, — уверенно проговорил Хейни, когда тот начал подниматься по сходням.

Делман обернулся и со всей искренностью кивнул. Ему и самому отчаянно хотелось

вернуться сюда.

* * *

Пока «Сауди Хасинта» готовилась к отплытию, настоятель Агронгерр и принц Мидалис беседовали в одном из домов, находящемся неподалеку от причала.

— Если я не вернусь... — сказал Агронгерр, но принц перебил его:

— В таком случае настоятелем Сент-Бельфура будет провозглашен брат Хейни. Это избрание, мой друг, важно не только для монахов. Да и найдется ли во всем Хонсе-Бире более независимый монастырь, чем Сент-Бельфур?

— Правильнее сказать, более бунтарский, — смеясь, ответил Агронгерр.

Лицо его вновь помрачнело.

— Мне больно покидать Вангард.

Принц Мидалис, сердце которого было так же привязано к этим первозданным и удивительно прекрасным местам, понимал чувства старого настоятеля.

— Вас призывают к высокому служению. Едва ли кто-нибудь лучше подходит для него, чем вы.

— Мы пока еще не знаем, каков будет исход выборов, — напомнил ему Агронгерр.

— Вряд ли он будет иным, — возразил Мидалис. — Ваша церковь не настолько глупа, чтобы игнорировать очевидные вещи. Где-то через месяц вы станете новым отцом-настоятелем, а мир благодаря этому станет светлее. Хотя Вангарду будет не хватать вашей мудрости.

— И все же, я думаю, Вангард выстоит, — сдержанно ответил Агронгерр.

Эти слова отнюдь не были вежливым пожеланием. Андаканавар с Брунхельдом возвратились в Альпинадор. Хромота альпинадорского предводителя стала еще заметнее, но он покидал Вангард как друг Мидалиса. Их дружба была закалена совместными битвами и кровным братанием. Никогда еще возможности для настоящего мира в Вангарде не были столь велики. Дружба между Мидалисом и Брунхельдом открыла путь для дружбы простых людей Вангарда и Альпинадора. Теперь любой вангардец, повстречав в своих краях альпинадорца, мог безбоязненно позвать его в свой дом на ночлег. И любой альпинадорец после удачной охоты мог отправиться в Вангард и продать часть добычи соседям. Ради этого Мидалис и Брунхельд поднимались в горы и рисковали жизнью в пещере Косматого Духа. Они стали братьями, породнились навек, и узы братства связали не только их самих, но и два государства.

Разумеется, в голове принца продолжали бродить тревожные мысли о том, как весть об этом подействует на короля Дануба, но Мидалис без труда их подавлял. Ответственность за судьбу Вангарда старший брат возложил на него. Это стало еще очевиднее, когда король так и не прислал подкрепления для борьбы с прихвостнями демона-дракона. Значит, Мидалис был вправе устанавливать дружественные связи с соседями, необходимые для безопасности Вангарда. Принц по-прежнему не понимал варварских обычаев альпинадорцев и не пытался делать вид, что понимает. Но одно он знал наверняка: благодаря союзу с Альпинадором в его любимом Вангарде стало спокойнее, а жители края смогли чувствовать себя в большей безопасности.

— Мир сильно изменился, — заметил Агронгерр.

— И в лучшую сторону, — сказал Мидалис.

— Возможно, — осторожно согласился будущий отец-настоятель. — Думаю, время покажет. Одно только странно: неужели понадобилась война, чтобы подобные перемены стали возможны? Неужели мы — рабы привычных взглядов, которые давным-давно утратили всякую свою значимость?

— Эти вопросы должен задавать себе и другим каждый отец-настоятель, — сказал Мидалис. — Это вопросы провидца, которого не удовлетворяет сложившееся положение вещей и который стремится увидеть новые возможности.

— Я хорошо помню, как по приказу отца-настоятеля Маркворта у позорного столба сожгли магистра Джоджонаха, — ответил Агронгерр. — Единственное преступление магистра состояло в том, что его не удовлетворяло сложившееся положение вещей и он стремился увидеть новые возможности.

— Говорили, что Джоджонах провел в Санта-Мир-Абель преступников.

Агронгерр передернул плечами.

— Преступников? — недоверчиво переспросил он. — Он провел в монастырь ту самую Джилсепони, которую затем объявили героиней. Вместе с Полуночником они отправились в Санта-Мир-Абель, чтобы спасти заточенного там кентавра Смотрителя — одного из тех, кто сражался с демоном-драконом и уничтожил это чудовище.

— Возможно, когда Маркворт отдавал приказ о казни Джоджонаха, он не знал об этом, — предположил Мидалис.

— Не знал или не хотел знать? — Агронгерр сокрушенно вздохнул. — Думаю, что я не провидец. Если бы обо мне шла такая слава, никто бы не отважился предложить мою кандидатуру на высший в церкви пост.

— В таком случае, вы откроете им истину, — сказал Мидалис.

Агронгерр скептически усмехнулся, и принц вдруг подумал, что, возможно, старик и сам не знает, в чем заключается истина.

— Вы всегда будете следовать голосу своего сердца, — убежденно сказал Мидалис. — И всегда будете делать то, что считаете лучшим не лично для себя, но для церкви и мира. Это самое главное качество, каким вы обладаете. Таково мое понимание Божьего человека. И если у отца-настоятеля есть это главное качество, большего от него и требовать невозможно.

В ответ Агронгерр ничего не сказал. Ему не хотелось ни говорить, ни делиться своими сомнениями. Он лишь тепло улыбнулся своему другу-принцу, еще совсем молодому, но такому мудрому. Агронгерр обнял Мидалиса, затем направился к причалу. То были первые шаги самого важного путешествия в его жизни.

ГЛАВА 21

БУРНОЕ МОРЕ, СПОКОЙНЫЙ КАПИТАН

Второй раз за последние годы в стенах Санта-Мир-Абель собиралась Коллегия аббатов. Как и тогда, зал заполнили настоятели, магистры и множество братьев, достигших ступени безупречных. Но ныне обстановка представительного собрания была спокойной и сдержанной. Прошлая Коллегия аббатов, где Маркворт объявил Эвелина еретиком и потребовал казни главного последователя мятежного монаха — магистра Джоджонаха, проходила совсем не так. Тогда зал гудел от возбуждения, засыпал от длинных речей и скучал, слушая состязания в риторике. И все же нынешняя Коллегия, невзирая на более спокойные и, казалось бы, благоприятные времена, также была окрашена предчувствием тяжелых и трагических событий. Мрачную ноту внесло отсутствие скончавшейся настоятельницы Делении, а также магистра Маркало Де'Унnero, особенно после того, как прибыл крестьянин с посланием от Де'Унnero и рассказал о трагедии в Сент-Гвендолин.

Настоятель Браумин и магистр Виссенти с радостью посвятили свои первые часы в Санта-Мир-Абель разговору с вернувшимся из Сент-Бельфура братом Делманом. Делману не составило особого труда убедить их, что настоятель Агронгерр — лучшая кандидатура на пост отца-настоятеля. Он много рассказывал о легком характере Агронгерра и о том, как мудро вел себя старик, общаясь с Брунхельдом и другими альпинадорцами.

— Я провел несколько месяцев рядом с настоятелем, — закончил свой рассказ Делман. — Могу с уверенностью сказать, что он не был прислужником Маркворта. Получается, когда Джеховит рассказывал вам об отношении Агронгерра к казни магистра Джоджонаха, он говорил правду.

Настоятель Браумин взглянул на Виссенти — тот энергично кивал, бурно выражая свое

одобрение.

— Значит, настоятель Агронгерр, — произнес Браумин. — И да наградит его Бог мудростью, дабы вести нас к истине в эти тяжкие дни.

Он потрепал Делмана по плечу, поблагодарив его за обстоятельный отчет. Потом Браумин встал. Ему предстоял разговор с магистром Фрэнсисом, а затем и со старым Джеховитом, который прибыл час назад и чувствовал себя совершенно разбитым после путешествия.

— Я не успел рассказать еще об одном деле, — с расстановкой произнес Делман.

Настоятель удивленно взглянул на молодого монаха и снова сел.

Брат Делман начал с того, что бросил на стол кроваво-красный берет поври.

— Дело касается герцога Каласа, — сказал он.

Как и ожидалось, настоятель Агронгерр был быстро избран новым главой церкви Абеля. Браумин со своими сторонниками горячо поддержали его избрание. В числе прочих кандидатуру Агронгерра поддержали магистр Фрэнсис, старый Джеховит, Бурэй, Гленденхук и несколько других магистров Санта-Мир-Абель.

Настоятель Олин из Сент-Бондабриса отнюдь не был в восторге, однако теперь, когда не стало Деления, он не мог обеспечить достаточную поддержку собственной кандидатуре. Олина удивило, что его заочно поддержал Де'Уннеро — самозванный настоятель Сент-Гвендолин, но, похоже, известие об этом сыграло против него.

Итак, в год Господень восемьсот двадцать седьмой, в один из дней месяца калембра, ранним холодным утром, на самом первом заседании Коллегии аббатов настоятель Фуэза Агронгерр из Вангарда стал отцом-настоятелем Агронгерром, главой церкви Абеля и вторым самым могущественным человеком в Хонсе-Бире.

Агронгерр вышел на подиум и поднял руку, выжидая, пока смолкнут аплодисменты. Ему предстояло произнести вступительную речь. Даже самые искренние сторонники старого монаха голосовали за него лишь потому, что верили в него как в миротворца. Они верили, что Агронгерр установит мир в церкви и сумеет удержать в равновесии оба лагеря: и сторонников Маркворта, и последователей Эвелина Десбриса, решивших устранить «трагический перекося» и церковной политике.

После приветственных слов в адрес собравшихся и перечисления достоинств настоятеля Олина, своего единственного соперника, Агронгерр начал свою речь, тщательно подбирая слова:

— Как вам известно, почти всю свою долгую жизнь я провел в Вангарде. Возможно, многие из вас зададутся вопросом: а не повредит ли мне приобретенный там опыт на посту главы церкви? Казалось бы, здесь требуется иной опыт, нежели тот, что я получил в далеком, изолированном северном краю. Прошу вас: отриньте страхи. Вангард более отъединен от окружающей жизни, чем Санта-Мир-Абель. Служение в немногочисленном по населению Вангарде дало мне широкое понимание жизни.

— В течение многих лет я был правой рукой принца Хонсе-Бира, — продолжал Агронгерр. — Это, пожалуй, самый замечательный из всех людей, каких мне доводилось встречать на своем веку. Под его водительством жители Вангарда, подчиняясь насущной необходимости, установили союзнические отношения с соседним Альпинадором.

При этих словах в зале раздались удивленные возгласы. Отношения церкви Абеля с дикими альпинадорцами имели давнюю и трагическую историю. Церковь неоднократно посылала в Альпинадор своих миссионеров и даже строила там небольшие часовни. Однако каждая из таких попыток неизменно кончалась разрушением построек и бесследным исчезновением посланных монахов.

— Наши традиции, наши представления да и вся наша жизнь сильно отличаются от традиций, представлений и жизни наших северных соседей, — продолжал свою речь Агронгерр. — Но это не помешало нам обрести силу в союзе против прихвостней Бестесбулзибара, да будет проклято его имя! И когда воцарился мир, оказалось, что мы с

альпинадорцами способны договариваться там, где раньше мы не видели ни малейшей точки соприкосновения. Таким же мне видится положение внутри нашего ордена. Сейчас мы поставлены перед необходимостью проанализировать трагедию отца-настоятеля Маркворта, его правления и гибели, а также правдиво разобраться в событиях, произошедших на Аиде, понять роль Эвелина Десбриса. Как сильно отличаются наши взгляды на эти события! Одни объявляют покойного брата Эвелина святым, другие — еретиком. Но, дорогие братья, истина одна, и мы, как единая церковь, должны установить и принять эту истину, какой бы она ни была.

Агронгерр говорил долго. Вспоминал с гневом казнь Джоджонаха, говорил о настоятеле Браумине и его сторонниках, оказавшихся свидетелями чуда на развороченной взрывом Аиде. Он говорил об отношениях между церковью и государством и о влиянии обеих этих независимых сил на ситуацию в истерзанном войной Палмарисе. Не умолчал Агронгерр и о постоянной борьбе между настоятелем Браумином и герцогом Каласом.

После этого, помолчав и глубоко вздохнув, Агронгерр перешел к самой важной теме нынешней Коллегии. Он попросил вознести молчаливую молитву за настоятельницу Делению, которая была другом для многих собравшихся и которая более трех десятилетий с честью и рвением служила церкви.

— Судя по всему, пока рано говорить об окончательной победе над силами тьмы, — тихо произнес Агронгерр. — Узнав о печальном открытии, сделанном магистром Фрэнсисом, магистры Санта-Мир-Абель направили брата из своих рядов на юг для расследования слухов о появлении розовой чумы. И что же, братья, слухи оказались верными. Магистр Де'Уннеро прислал сообщение о беде, постигшей Сент-Гвендолин, где чума беспощадно косит ряды братьев и сестер. Она же собрала под стены монастыря несчастных беженцев, умоляющих о помощи, которую мы не в силах им оказать. Пусть каждый из нас будет молиться о том, чтобы чума не распространилась на все государство, как бывало в минувшие столетия. Пусть ее нынешнее появление окажется кратковременным.

Свое выступление Агронгерр завершил молитвенной литанией, к которой присоединились все собравшиеся. Затем наступил черед обмена мнениями.

Недостатка в высказываниях не было. Каждая группа монахов выдвигала свое мнение о том, как церкви надлежит действовать перед угрозой надвигающейся розовой чумы. Кое-кто предлагал полностью отделить от остального королевства все земли вдоль побережья Лапы Богомола. На это брат Фрэнсис тут же возразил, что селение Давон Диннишир, где он впервые обнаружил розовую чуму, находится между Санта-Мир-Абель и Палмарисом, далеко от тех мест. Многие братья призывали к немедленной изоляции всех монастырей. Они говорили о необходимости накрепко закрыть монастырские ворота, а богослужения впредь проводить со стен и воротных башен.

При изобилии мнений не было найдено ни одного практического ответа — ничего, кроме предложений, поражающих своей жестокостью. Отец-настоятель Агронгерр с вниманием и надеждой слушал говорящих, но чем дальше шло обсуждение, тем яснее он понимал, что надвигающуюся беду орден предотвратить не в силах и что перед лицом этой беды всем им остается лишь уповать на Божью помощь. Заключительные слова произнес сам Агронгерр. Он призвал всех братьев церкви Абеля и ее немногочисленных сестер молиться о Божьем водительстве и избавлении.

Собравшихся такой вывод вряд ли мог удовлетворить. Ведь церковь сражалась с армиями Бестесбулзибара, и монахи с помощью магии самоцветов несли гибель великанам и уничтожали десятки злобных поври.

Но против розовой чумы магия самоцветов была бессильна. Действительно, молитва и упование — это все, что у них оставалось.

— Не я был хорошим гостем, а вы были замечательным хозяином, отец-настоятель, — ответил покрасневший брат Делман, когда после вечерних молитв Агронгерр, говоря с Браумином, высоко отозвался о молодом монахе.

— Ты был больше чем гость, — возразил новый отец-настоятель. — Ты совсем недолго пробыл в Вангарде, а сумел стать членом монашеской семьи Сент-Бельфура.

В ответ Делман просто поклонился.

— Поэтому я и попросил тебя подойти к нам сейчас, — сказал Агронгерр, обращаясь не столько к самому Делману, сколько к настоятелю Браумину.

— Меня не удивляют усердие и такт брата Делмана, — ответил Браумин Херд.

Впрочем, некоторое волнение в его голосе показывало, что настоятель догадывался, куда клонится разговор. Агронгерр, понимая это, перешел к делу.

— Я знаю, каким ценным союзником был для вас брат Делман, и понимаю, насколько трудно вам приходилось в Палмарисе в то тяжкое и непростое время. Ответив на призыв Бога, я одновременно подверг изрядному риску Сент-Бельфур. Брат Хейни, которому предстоит сменить меня и сделаться настоятелем, — человек во всех отношениях превосходный, и о лучшей замене я не мог бы и мечтать.

— Но... — вставил настоятель Браумин, глядя на Делмана.

— Он там один, — объяснил Агронгерр. — Все остальные братья молоды и неопытны. Хотя принц Мидалис является несомненным другом церкви, этот новый союз с альпинадорцами потребует от настоятеля Сент-Бельфура немалых сил и дипломатической тонкости. Было бы разумно дать нашему молодому настоятелю сильного, мудрого и опытного помощника.

— Уверен, что среди братьев есть б-более подходящие для этой роли, чем я, — заикаясь от волнения, ответил брат Делман. — В Санта-Мир-Абель есть магистры.

— Дорогой Браумин, — с тяжким вздохом проговорил отец-настоятель Агронгерр. — Я не знаю, на кого из здешних магистров можно было бы возложить такую миссию. Мне сложно представить, как кто-то из них сможет выдержать трудности жизни в Вангарде. Я сразу же подумал о магистре Фрэнсисе. Из всех здешних магистров он мне представляется самым мудрым и искушенным. Но ты и брат Делман говорили, что помощь магистра Фрэнсиса очень понадобится мне здесь.

— Да, это именно так, — сказал Браумин.

— В таком случае, позволишь ли ты отправить брата Делмана в помощь брату Хейни? — спросил Агронгерр.

Браумин повернулся к Делману.

— А что скажешь ты, брат? Ведь сейчас речь идет о твоей жизни. Ты заслужил право выбирать, в каком монастыре продолжать служение. Что ты хочешь: вернуться со мной в Сент-Прешес или отплыть в Вангард?

Делман пребывал в полной растерянности. Несколько раз он порывался что-то сказать, но замолкал и просто тряс головой.

— В каком месте мое служение нужнее церкви? — наконец спросил он.

— В Сент-Бельфуре, — ответил Браумин, опередив нового отца-настоятеля.

Он глядел Делману прямо в глаза, и тот понимал, что настоятель Браумин совершенно искренен.

Делман посмотрел на Агронгерра и кивнул.

— Я отправлюсь туда, где я нужнее моей церкви, — ответил он. — Мое сердце радуется возможности вновь оказаться в Вангарде и ближе познакомиться с его жителями и добрыми братьями из Сент-Бельфура.

— Мне будет сильно не хватать его в Палмарисе, — заметил настоятель Браумин, обращаясь к Агронгерру. — В последние дни правления Маркворта брат Делман всемерно поддерживал меня и был одним из самых толковых моих советников.

— Ты успокоил мое сердце, — сказал отец-настоятель, обращаясь к Делману. — Твое возвращение в Вангард послужит во благо Сент-Бельфуру и нашему дорогому другу Хейни. Но это не все. Там, в далеком Вангарде, ты очень быстро поднимешься на ступень магистра. Возможно, это произойдет в течение ближайших месяцев.

— Я едва ли готов к этой ступени, — сказал брат Делман.

— Ты подготовлен к ней лучше, чем большинство магистров, — быстро возразил настоятель Браумин. — Во всяком случае, ты лучше подготовлен к своей роли, чем я к той, которая досталась мне по воле Бога.

— Вангард не может похвастаться большим количеством братьев, — сказал отец-настоятель. — Сейчас в Сент-Бельфуре нет ни одного магистра, и это уже не в первый раз. Я отправлю брату Хейни послание и попрошу его исправить положение сразу же, как он будет утвержден настоятелем.

Настоятель Браумин, широко улыбаясь, одобрительно кивнул, а брат Делман просто сиял от счастья.

— А теперь поговорим о менее приятных делах, — объявил отец-настоятель Агронгерр.

Он поднялся со стула и жестом пригласил Браумина перейти с ним в соседнее помещение, где их ожидали несколько настоятелей и магистров, в числе которых находились Фрэнсис, Бурэй, Гленденхук и Мачузо. Делман поклонился и вышел.

— Я просил присутствовать на этой встрече и настоятеля Джеховита, — сказал Агронгерр, усаживаясь во главе стола и подавая знак Браумину садиться рядом с ним.

Для всех собравшихся это ярче всяких слов говорило о том, какую позицию занял новый отец-настоятель по отношению к последним дням правления Маркворта.

— Но, к сожалению, он уже отбыл, сказав, что ему нужно срочно возвращаться в Урсал.

Настоятель Браумин кивнул. Он лучше, нежели Агронгерр, понимал истинную причину поспешного отъезда Джеховита. Старик, равно как и Браумин, знал, что им предстоит обсуждать поведение Маркало Де'Унnero. И потому Джеховит, в прошлом столь тесно связанный с Марквортом, явно не захотел принимать участие в этой встрече, которая грозила превратиться в сражение.

Так оно и случилось, буквально с первых минут.

— Он самочинно объявил себя настоятелем Сент-Гвендолин, — сердито загремел Фио Бурэй при упоминании имени Де'Унnero. — Это неслыханная гордыня.

— Его решение было продиктовано необходимостью, — возразил вечный миротворец Мачузо.

— По традиции во главе Сент-Гвендолин стоит настоятельница, — возразил кто-то из настоятелей.

— При иных обстоятельствах так оно и было бы, — согласился отец-настоятель Агронгерр. — Однако сейчас, как явствует из слов магистра Де'Унnero, там нет сестер, способных встать во главе монастыря. Чума унесла всех начальствующих сестер, кроме одной, но и она заболела.

— Либо тигриной лапой ей вырвали сердце, — вполголоса произнес магистр Бурэй.

Сидевшие рядом с ним, включая Агронгерра и Браумина, слышали эти слова.

— Может, считать Де'Унnero временным настоятелем? — простодушно предложил Мачузо.

— Нет! — возразил Бурэй, ударив кулаком по столу.

Однорукий магистр обратился к Агронгерру:

— Прошу вас, не давайте ему такой возможности. Все его действия несут только разрушение. Если чума уже свирепствует к югу от Сент-Гвендолин, этот монастырь обретает ключевое значение в том, чтобы удерживать народ в повиновении церкви.

Удивленный жесткими словами однорукого магистра, Агронгерр вопросительно взглянул на Браумина, а тот обратился к магистру Фрэнсису:

— Ты служил под началом Де'Унnero и, наверное, знаешь его лучше, чем кто-либо из нас, — сказал Браумин.

Фрэнсис сощурился и бросил ответный взгляд на Браумина. Ему явно не хотелось сейчас высказываться.

— Мы никогда не были друзьями, — сухо проговорил Фрэнсис.

— Но ты последовал за ним в Палмарис, а затем сменил магистра Де'Унnero на постах епископа и настоятеля, — напомнил ему Агронгерр.

— Это действительно так, — согласился Фрэнсис. — Но прежде, чем я выскажу свое мнение, прошу учесть, что я не питаю дружеских чувств к Маркало Де'Унnero и вообще предпочел бы лучше промолчать. Однако меня спросили, и я отвечу. Факты, свидетельствующие о пребывании магистра Де'Унnero в Палмарисе, отнюдь не говорят о его достойном поведении. Уверен, жители Палмариса ни в коем случае не хотели бы его возвращения.

— Они предпочли бы видеть его на виселице, — добавил Брамин. — Я сам настоятельно просил его покинуть город, поскольку одно его присутствие в Сент-Прешес только увеличивало неприязнь к нам со стороны герцога Каласа.

— Но в Сент-Гвендолин и окрестных землях ничего не знают о магистре Де'Унnero, — возразил Мачузо. — Можем ли мы предположить, что его действия в Палмарисе совершались по личным приказам покойного отца-настоятеля Маркворта и что подобные ошибки больше не повторятся?

— Опасное предположение, — заявил магистр Гленденхук.

— Значит, я должен заменить его кем-то другим? — недовольно спросил Агронгерр.

Все собравшиеся понимали, что этому мягкому человеку очень не хотелось начинать свою деятельность на посту отца-настоятеля со смещения одного из братьев с его должности. Но настроение собратьев говорило явно не в пользу Де'Унnero. Вряд ли столь непохожие друг на друга люди, как Бурэй и Фрэнсис, сумели заранее договориться. Новому отцу-настоятелю надо было принимать какое-то решение. Но какое?

— Отзовите его, — посоветовал магистр Бурэй. — Уверю вас, нам не составит труда подыскать более подходящую кандидатуру на пост главы Сент-Гвендолин.

Призыв поддержали все находившиеся за столом, в том числе и настоятель Брамин. Он сказал, что готов подробно обсудить с новым отцом-настоятелем свою точку зрения относительно Маркало Де'Унnero. По мнению Брамина, этот человек представлял собой величайшую угрозу для церкви Абея.

Выслушав всех, отец-настоятель Агронгерр покорно кивнул головой. Он понимал: нынешний год заканчивается на печальной ноте, а теперь, когда слухи о розовой чуме получили подтверждение, едва ли и следующий год будет лучше.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Спокойные годы

Где находится точка равновесия между интересами общества и личными интересами отдельного человека? Когда забота о собственных нуждах переходит невидимую грань и превращается в своекорыстие?

Эти вопросы я привезла с собой в Дундалис, и они продолжают ежедневно мучить меня. Сколько чаяний и надежд связали со мною люди, сколько людей верили, будто я обладаю магической силой, способной изменить их мир к лучшему. Если бы я продолжала битву, мои завоевания были бы не только скромными или недолговечными, но и совершенно разрушительными для меня. Я начала разрушаться с того момента, когда негодяй Маркворт бросил в подземелье Санта-Мир-Абель моих приемных родителей; оно продолжилось на поле близ Палмариса, где он похитил из моего чрева еще не рожденного ребенка, и потом в Чейзвинд Мэнор, когда он опасно ранил меня, но главное — когда он забрал от меня моего мужа, моего любимого Элбрайна. Страх выгнал меня из Палмариса и заставил уехать в более тихое и спокойное место.

А вдруг я ошибалась? Что, если бы я могла помочь тем, кто заслуживает лучшей участи? Какая ответственность, какие обязательства легли бы тогда на мои

плечи?

С того самого утра, когда я впервые увидела, как Элбрайн исполняет танец меча — би'нелле дасада, — я страстно мечтала научиться этому танцу. Я усвоила все, чему учил меня Элбрайн, перенявший искусство би'нелле дасада у народа тол'алфар. Мне хотелось стать таким же Защитником, как и он. Но сейчас, думая об этом по прошествии времени, я не знаю, обладаю ли я тем же благородством духа, каким обладал он. Я научилась танцу меча и даже достигла определенного уровня совершенства, чтобы дополнять боевые движения Элбрайна своими и успешно сражаться бок о бок с ним. Однако остальным качествам, присущим рейнджеру Защитнику, научить невозможно. Эти качества должны быть частью души и сердца человека. Возможно, поэтому я потерпела поражение. Элбрайн... нет, не Элбрайн, а Полуночник... не раздумывая включился в битву с Марквортом, хотя сам уже был серьезно ранен и знал, что это сражение наверняка будет стоить ему жизни. И все же он ринулся в бой, не испытывая сомнений, страха или сожаления, ибо он был рейнджером. Он знал: избавление мира от демона, вселившегося в отца-настоятеля церкви Абея, значило несравненно больше, чем спасение собственной плоти и крови.

Я тоже шла на бой с Марквортом, собрав всю свою силу и волю, однако мною двигало не благородство духа, а обыкновенная ярость и сознание того, что демон отобрал у меня всё. Сейчас мне не дает покоя вопрос: решила бы я на битву с Марквортом, если бы знала, что демон навсегда отберет у меня и моего дорогого Элбрайна?

Вряд ли.

С этими вопросами, огнем которых опалены все мои мысли, я приехала на север, в тихий Тимберленд, рассчитывая обрести мир внутри себя. Однако здесь меня подстерегал еще один жестокий и коварный жизненный парадокс. Я стремлюсь к миру с собой, я страстно желаю этого мира. Но что ждет меня, когда я его достигну? Когда во мне уляжется внутренняя сумятица, не исчезнет ли вместе с ней и смысл жизни? И не наступит ли вместе с внутренним покоем и внутренняя пустота?

Каков же тогда иной выбор? Тот, кто сражается не за мир внутри себя, а за мир для окружающих его людей, всегда стремится к недостижимой цели. Всегда кто-то или что-то будет угрожать этому миру: тиран-правитель, война, жестокий землевладелец, грабитель в темном переулке или одержимый демоном отец-настоятель. Для столь сложных и противоречивых созданий, какими являются люди, рай на земле невозможен. Не существует совершенного человеческого мира, свободного от страданий и битв.

Теперь я знаю, что это так; точнее, я очень боюсь, что это так. И потому я ощущаю бессмысленность любых усилий. Все они напоминают мне попытки взобраться по крутому и скользкому склону, где каждая из этих попыток неизменно кончается сползанием вниз.

Будет ли новый отец настоятель хоть в чем-то лучше прежнего? Возможно, да, поскольку те, кому предстоит его выбирать, постарались найти человека, обладающего благородными качествами. А тот, кто сменит его? А тот, кто придет потом? Боюсь, что все это рано или поздно приведет к новому Маркворту. Как в таком случае не видеть бессмысленности приносимых жертв?

Так могу ли я согласиться, что Элбрайн не напрасно пожертвовал своей жизнью?

Теперь я живу в Дундалисе, в тихом и спокойном месте, укрытом глубокими снегами. Мир движется в новый, восемьсот двадцать восьмой год Господень. Как я любила приход нового года в те далекие дни, когда мы с Элбрайном бегали вблизи Дундалиса и не знали ни о каких гоблинах, демонах и людях, подобных Далеберту Маркворту!

Наверное, одним из величайших качеств, которое от меня отняли, была безмятежность. Сейчас я вижу мир ясно и отчетливо, и ничто не может скрыть от меня его грязные стороны.

И могилы, в которых погребены герои.

ГЛАВА 22 КОЗЫРНОЙ ХОД

Снег был глубоким, а северный ветер — обжигающе холодным, но настоятель Браумин уверенно приближался к воротам Чейзвинд Мэнор.

Как всегда, часовые долго продержали его у внешних ворот, не предложив подождать в небольшой сторожке и не угостив горячим чаем. Нет, они просто пялили на монаха глаза — такие же холодные, как северный ветер. Браумин невольно задумался над тем, удастся ли ему когда-нибудь залатать брешь в отношениях между церковью и государством, появившуюся стараниями герцога Каласа?

Наконец настоятеля пропустили во дворец, где ему снова пришлось ждать. Прошел час, затем другой. Браумин отнесся к этому спокойно и развлекал себя как мог. Он насвистывал и напевал свои любимые гимны и даже убедил одного суетливого слугу пройти обряд покаяния.

Каяться во владениях герцога Таргона Брея Каласа не любили, и обряд был прерван камердинером, пригласившим Браумина пройти к герцогу.

Настоятель Браумин молча помолился, прося прощения за столь легкомысленное обхождение с глуповатым слугой, и пообещал себе, вернувшись в Сент-Прешес, самому принести покаяние.

— Доброе утро, утро Божье, герцог Калас, — весело сказал Браумин, входя в кабинет герцога.

Калас, восседавший за массивным дубовым столом, смотрел на него с нескрываемым подозрением.

Браумин помолчал, внимательно разглядывая хмурого герцога. В последнее время Калас пребывал в особенно дурном настроении, о чем знал весь город. Настоятель прекрасно понимал причину: многие урсальские аристократы сейчас грелись на солнышке где-нибудь в Энтеле или на Драконовом Озере, а Калас был вынужден скучать в Палмарисе, коротая холодные зимние дни один, без близких друзей.

Даже brave рыцари герцога начали высказывать недовольство и тосковать по дому.

— Утро как утро, — буркнул Калас, отбросив в сторону какие-то свитки и едва не перевернув чернильницу. — Каждое утро является Божьим.

— Несомненно, — Браумин намеренно говорил нарочито бодрым тоном.

— И вне зависимости от того, кто как понимает Бога, — продолжал герцог Калас, сощутив глаза.

— Вот одно из самых непосредственных понятий о Боге, — без промедления объявил Браумин.

Он бросил Каласу на стол свернутый пергамент.

Продолжая все так же подозрительно поглядывать на Браумина, герцог подхватил свиток и снял с него ленточку. Потом он поспешно развернул пергамент и забегал глазами по строчкам, стараясь ничем не выдавать своих чувств. Закончив чтение, Калас бросил пергамент на стол и выпрямился в кресле, сложив перед собой руки.

— Часовня, посвященная Эвелину Десбрису? — спросил он.

— Да, в Кертинелле, с благословения нового отца-настоятеля Агронгерра, который является, насколько я понял, добрым другом младшего брата нашего короля.

Калас, прекрасно осведомленный об отношениях между принцем Мидалисом и церковью Абея в Вангарде, даже глазом не моргнул.

— Не пойму я что-то вашу церковь, настоятель Браумин, — заметил он. — Вначале вы объявили Эвелина еретиком, теперь святым. Почему вас все время кидает между добром и злом? Почему сегодня вы поклоняетесь Богу, завтра — демону? Или в ваших глазах они

одинаковы?

— Ваше богохульство, герцог Калас, не удивляет и не задевает меня, — ответил Браумин.

— Если вы считаете, что у меня есть желание чем-либо удивить вас или ваше церковное начальство, тогда вы вообще не понимаете моего характера, — твердо и убежденно проговорил герцог.

Настоятель Браумин слегка поклонился. Ему вовсе не хотелось уводить разговор на эту скользкую тропу.

— Моя власть не распространяется на Кертинеллу, — продолжал герцог Вестер-Хонса. — Свое прошение вам следовало бы бросить на стол герцогу Тетрафелю, управляющему ныне краем Тимберленд.

— Для строительства часовни в честь Эвелина, затеваемого в Кертинелле, мне не требуется разрешения государства и кого-либо из его наместников, — в том же духе ответил Браумин.

— Тогда зачем вы явились сюда? — спросил Калас. — Отнимать мое время своими разглагольствованиями о расширении вашей церкви? Или, может, пытаться меня убедить, что ваш путь — Свет Эвелина, так его, кажется, называют — это единственно правильный путь, а Маркворт и причиненное им зло — не более чем заблуждение, ошибка, которую необходимо исправить?

— Я сообщил вам о строительстве новой часовни в Кертинелле просто по долгу вежливости, — ответил настоятель Браумин. — Я намерен использовать для этой работы, а также для расширения Сент-Прешес палмарисских каменщиков.

Калас со скучающим видом кивал, и до него не сразу дошел смысл последних слов. Он метнул огненный взгляд на настоятеля Браумина, и его глаза вновь угрожающе сузились.

— Мы уже решали этот вопрос, и вам известно мое решение, — сказал он.

— Принятое решение может быть изменено, — ответил Браумин.

Калас молча глядел на него.

— Есть кое-какие новые сведения, — сказал настоятель.

— Вы отыскиали способ обойти закон? — насмешливо спросил Калас.

— Это уж вам решать, — уверенно ответил Браумин. — Видите ли, герцог Калас, брат Делман рассказал мне о весьма странном столкновении, произошедшем в Вангарде, — о битве с поври.

— Не такое уж оно странное, учитывая нынешние тревожные времена, — ответил Калас, покосившись на часового — рыцаря из Бригады Непобедимых, стоявшего по стойке смирно сбоку от его внушительного стола.

Настоятель Браумин пристально глядел на герцога, рассчитывая, что тот непроизвольно чем-нибудь себя выдаст.

— У этих поври, судя по всему, что-то произошло с их кораблем.

— Надо полагать, с их традиционной «бочкой»?

Теперь уже Браумин покосился на часового, а затем вопросительно посмотрел на Каласа.

Герцог понял намек.

— Оставь нас, — велел он гвардейцу.

Тот удивленно посмотрел на Каласа, затем отсалютовал, ударив себя в грудь, и вышел из кабинета.

— Нет, герцог, то был палмарисский корабль, — резко ответил Браумин, едва дверь за часовым закрылась.

Настоятель замолчал, словно давая Каласу время осмыслить это ошеломляющее известие. Калас заерзал в кресле. Браумин представил, какая борьба сейчас происходит внутри этого человека. Как он поведет себя дальше? Будет разыгрывать неведение? Или выдумает какую-нибудь неуклюжую легенду о побеге?

Герцог сложил руки, но в позе его уже не чувствовалось прежней непринужденности.

Слова Браумина явно задели его — может быть, даже испугали.

— И вот что странно, — небрежным тоном продолжал Брамин. — Брат Делман утверждает, что узнал одного или двоих поври, приплывших на том корабле.

— По-моему, так все они на одно лицо, — сухо отозвался герцог Калас.

— Однако у некоторых могут быть запоминающиеся шрамы или приметная одежда, — сказал настоятель Брамин.

Герцог Калас сидел не шевелясь, только его глаза, казалось, хотели прожечь дыру на лице настоятеля. Брамин понял, что нанес сильный удар. Значит, догадка брата Делмана о том, откуда приплыла в Вангард шайка поври, попала точно в цель. Глядя на Каласа, настоятель Брамин понимал: никакого побега поври из Палмариса не было. Зато у герцога Каласа есть тайна, и очень грязная тайна.

— И где же, по мнению вашего брата Делмана, он уже видел тех поври? — с напускным равнодушием вновь спросил Калас.

Он едва заметно сдвинулся в кресле, вторично выдав свое истинное состояние.

— Он пока не может сказать с уверенностью, — ответил Брамин, особо подчеркивая слово «пока». — В памяти у него встает одно утро с туманом и морозящим дождем...

Настоятель оборвал фразу. Герцог резко поднялся.

— Что за игры вы ведете? — спросил он.

Калас подошел к шкафчику с напитками, стоявшему сбоку от стола. Брамин заметил тяжелый меч, висевший на стене прямо над шкафчиком. Герцог плеснул себе в стакан коньяку и взглянул на монаха. Брамин покачал головой.

Калас пару раз повернул стакан, словно взбалтывая коньяк, затем медленно повернулся и присел на край шкафчика. Лицо герцога опять стало спокойным.

— Если вы имеете еще что сказать, говорите прямо, — потребовал он.

— Вряд ли здесь вообще нужно еще что-то говорить, — ответил Брамин. — Я буду предельно занят строительством часовни Эвелина в Кертинелле и расширением Сент-Прешес.

Удар был нанесен точно и без особых усилий.

Калас довольно долго просидел молча, обдумывая услышанное и потягивая коньяк. Потом герцог вдруг залпом осушил стакан и швырнул его о стену, разбив вдребезги. Калас встал настолько резко и порывисто, что даже сдвинул свой «винный погребок».

— Вам знакомо слово «шантаж»? — спросил он.

— А вам знакомо слово «политика»? — немедленно парировал Брамин.

Калас сорвал со стены меч и угрожающе взмахнул им перед настоятелем.

— Быть может, личная встреча с вашим Богом покажет вам разницу между этими двумя словами, — произнес он и вдруг умолк.

Настоятель Брамин вытянул руку и разжал ладонь. На ней лежал небольшой графит, издававший легкое гудение.

— Ну как, будем выяснять, кого из нас сегодня Бог возьмет к себе для вразумления? — сдержанно улыбаясь, уверенным тоном спросил монах, хотя внутри у него все пылало.

Брамин Херд не был воином и не отличался особым искусством в обращении с самоцветами. Его умения хватило бы на небольшой удар молнии, способный на несколько секунд задержать свирепого Каласа или чуть взъерошить волосы на его курчавой голове.

И все же Брамин был готов к схватке. Его обвинение попало в цель! И поскольку настоятель ожидал этого и тщательно внутренне подготовился, он продолжал спокойно стоять с поднятой рукой.

— Вы играете в опасные игры, настоятель Брамин.

— Не совсем так, герцог Калас, — ответил Брамин. — Просто мы используем доступные нам средства для достижения целей, в которые верим. Одно из подобных средств — раскрытие некой грязной тайны, связанной с неким сражением, произошедшим туманным утром.

— А какую цель вы преследуете? — резко спросил Калас.

— Расширение Сент-Прешес, — ответил монах.

Калас опустил меч. Браумин тоже опустил руку с графитом.

— И это все?

— И это все.

Браумин Херд не стал добавлять слова «пока», но по мрачному лицу Каласа было видно, что герцог вполне понимает дальнейшее развитие событий. Теперь тяжелый меч находился не у него в руках, а незримо висел в воздухе, подчиняясь воле настоятеля Браумина. Калас не посмел отместить намеки как чудовищную выдумку. Значит, подозрения Делмана блестяще подтверждались: Таргон Брей Калас, герцог Вестер-Хонса, друг и ближайший советник короля Дануба Брока Урсальского... использовал пленных поври в затеянном им гнусном спектакле, чтобы упрочить свою власть в Палмарисе.

Вскоре настоятель Браумин покинул Чейзвинд Мэнор, унося под мышкой подписанное герцогом дозволение расширить Сент-Прешес. Но уходил он уже не тем легким и пружинистым шагом, каким шел сюда. По сути, он силой вырвал у герцога Каласа это разрешение, отчего на душе у Браумина было довольно мерзко. Он молился о том, чтобы подобное никогда не повторилось.

И все же, если понадобится, он пойдет к этому человеку снова. Браумин поклялся памятью магистра Джоджонаха — своего наставника и самого близкого друга, что будет продолжать эту битву во имя добра.

— К вам направляется госпожа Пемблбери, — доложил камердинер.

Настоятель Джеховит поморщился, а король Дануб не удержался от улыбки.

— Вы еще не сделали официального заявления, — напомнил ему Джеховит. — Все слухи о том, что ребенок, которому предстоит родиться, — ваш, останутся слухами, пока не будет вашего заявления и вашего решения о его статусе.

— Я и не знал, что от меня требуются такие формальности, — язвительно ответил Дануб.

Как-никак, он был королем, и любое его слово становилось законом для Хонсе-Бира.

— Представляю, о чем может подумать ваш брат, если эти слухи достигнут его ушей, — сказал Джеховит. — Новый отец-настоятель много лет провел в Вангарде. Он друг Мидалиса. Похоже, теперь, когда Агронгерр встал во главе церкви, этот уголок начнет устанавливать более тесные связи с остальными провинциями королевства.

— Возможно, слухи и достигнут ушей моего брата, если их будут распространять те, кто отправился в Вангард, — резко ответил Дануб.

— Единственный монах, возвратившийся туда после Коллегии аббатов, — молодой Делман. Смеем вас уверить, он не входит в число моих друзей, — поспешил добавить Джеховит. — Если брат Делман и повез туда новости о состоянии Констанции Пемблбери, значит, он узнал их от кого-то другого.

— Тот самый Делман из Палмариса? — спросил король Дануб, хорошо запомнивший плененных спутников Браумина Херда.

Джеховит кивнул.

— Тот самый Делман, который является другом Джилсепони? — уточнил король.

Настоятель Джеховит вскинул брови, удивленный вопросом и тем, что Дануб упомянул имя этой женщины. Значит, искорка, вспыхнувшая тогда в Палмарисе, не погасла. Вряд ли Констанции, только-только вступившей в восьмой месяц беременности, придется по вкусу этот медленно тлеющий огонь.

Наконец в дверях появилась Констанция Пемблбери. Она шла чуть вразвалочку, одной рукой поддерживая живот. Вид ее свидетельствовал о том, что беременность достается ей легко, — Констанция выглядела блаженной и спокойной.

Король Дануб немедленно подошел к ней. Отстранив сопровождавшую ее служанку, он взял Констанцию за руку и повел к единственному в аудиенц-зале креслу — королевскому трону.

Какая ирония судьбы! — подумал Джеховит.

— Вы понимаете, ваше величество, — сдерживая усмешку, произнес старый монах, — что церковь должна официально высказать неодобрение по поводу рождения у короля незаконного ребенка.

Дануб хмуро взглянул на Джеховита, однако Констанция засмеялась.

— Ах, напугали, — с подчеркнутым сарказмом произнесла она, после чего вдруг вздрогнула и застонала.

Король сразу же повернулся к ней, дотронулся до ее внушительного живота и осторожно положил ей руку на лоб.

— Тебе нехорошо? — спросил он.

Джеховит внимательно следил за движениями короля и тоном его голоса. При всей нежности и заботливости в них не ощущалось любви. Забота заботой, но Джеховиту стало ясно: король не женится на Констанции. Во всяком случае до тех пор, пока Джилсепони продолжает смущать его мысли.

Констанция успокоила Дануба, сказав, что чувствует себя вполне хорошо. Джеховит отвел заботливого короля в сторону.

— У нее впереди еще два месяца, — напомнил старик.

— И затем на свет появится наш ребенок, — торжественно произнесла Констанция.

— Мой сын, — подхватил Дануб, и лицо Констанции вновь засияло.

Дануб говорит о ребенке с гордостью, и это подогревает ее надежды, — думал Джеховит. Но какие надежды? Как поступит Дануб, когда родится его сын? Объявит ли он об отсрочке привилегии или будет настолько счастлив рождением этого ребенка, что официально признает младенца?

И не рассердит ли это принца Мидалиса?

Джеховит не смог удержаться от усмешки, но, поймав на себе взгляды Дануба и Констанции, лишь покачал головой и махнул рукой. По правде говоря, старого настоятеля отнюдь не волновало, каким образом поступит король по отношению к сыну. Если он официально не откажет ему в престолонаследии, королевство могут ожидать смутные времена. Впрочем, Джеховиту до этого нет дела; к тому времени он наверняка уже умрет. А что до более близкой перспективы — если король официально признает ребенка, а, следовательно, и Констанцию, тогда у Джилсепони будет еще меньше шансов оказаться в Урсале.

Как бы там ни было, но через два месяца при дворе наступят весьма интересные времена.

Джеховит с большим трудом подавил в себе еще один ехидный смешок.

Настоятель Браумин удивился и обрадовался, увидев у себя в кабинете этого человека. Перед ним стоял приятного вида мужчина почти такого же возраста, что и Браумин, худощавый, но сильный. Живые, темные глаза цепко подмечали каждую мелочь в убранстве кабинета. Гость явно был человеком военным, приученным к быстрым и решительным действиям.

Зима наступившего года отличалась обильными снегопадами, но они не помешали герцогу Каласу покинуть Чейзвинд Мэнор и выехать из Палмариса на юг. Браумин знал об этом и принял новость довольно спокойно. Зато сейчас он был искренне рад появлению доброго друга, сыгравшего некогда важную роль в его жизни. Какое великолепное начало года!

— Рад тебя видеть, Шамус Килрони, — тепло поздоровался он с гостем. — Я слышал, что ты ушел из королевской гвардии и перебрался куда-то на юг.

— Ну, не совсем на юг, брат... настоятель Браумин, — ответил Шамус Килрони. Он с одобрением обвел взглядом кабинет настоятеля. — Я тоже рад, что твои дела сложились хорошо. Ты это заслужил.

Браумин с улыбкой выслушал добрые слова. В свое время Шамус вместе с ним

отправился в Барбакан. Они оба находились в гробнице Эвелина, когда их окружили гоблины. Шамус Килрони приготовился умереть в бою, и именно тогда произошло чудо. Рука Эвелина, вознесенная над каменной плитой, послала магические волны, уничтожившие орду гоблинов.

Шамус был рядом с Браумином и тогда, когда король Дануб и отец-настоятель Маркворт, каждый со своей армией, стремились взять их в плен. По правде говоря, Брамин и Шамус мало знали друг друга, однако тяготы, через которые им пришлось пройти, укрепили эту несколько странную дружбу.

— Снег идет не переставая, — сказал настоятель Брамин. — Отчего же Шамус Килрони вернулся сюда в столь неприглядное время?

— Герцога Каласа король срочно вызвал в Урсал. Вместо себя герцог направил сюда Моуина Сэтера — офицера из Бригады Непобедимых, — объяснил Шамус. — Сэтер — мой давний друг. Он знал, что у меня родственники в Палмарисе, и потому предложил поехать вместе с ним.

— А как поживает Колин?

— Я слышал, что она уехала в Кертинеллу, — ответил Шамус.

— Рад, что ты вернулся, — сказал настоятель Брамин.

Он повел друга в свои покои.

— Возможно, ты знаешь, что со времени битвы в Чейзвинд Мэнор отношения между церковью и государством стали весьма напряженными.

— Герцог Калас никогда не жаловал церковь, — заметил Шамус, — особенно после того, как королева Вивиана заболела и умерла, а монахи из Сент-Хонса ничего не смогли сделать для ее спасения. Думаю, с Моуином Сэтером тебе будет легче договориться.

— И как долго он будет замещать герцога?

— Трудно сказать, — признался Шамус. — Потому-то я и пришел к тебе. Герцог Калас объявил, что его вызывают ко двору, но никто из оставшихся в Чейзвинд Мэнор ничего толком не знает. По словам самого Моуина, герцог не рассчитывает на скорое возвращение в Палмарис. Возможно, он вообще не вернется сюда.

Настоятель Брамин не мог удержаться от улыбки. Даже не верится, что на герцога так подействовали его угрозы. Поспешный отъезд Каласа — еще одно доказательство тайного сговора герцога с «кровавыми беретами».

Брамин налил Шамусу и себе по бокалу вина.

— За более дружественные отношения между церковью и государством, — провозгласил он тост и поднял бокал.

Шамус охотно с ним чокнулся.

— Ты бы мог оказать мне одну услугу, — сказал Брамин, размышляя вслух. — Если, конечно, захочешь.

— Если смогу, — добавил Шамус.

— Расспроси своего друга Моуина об одном сражении. Оно произошло в позапрошлом году, в калембре, незадолго до отъезда короля из Палмариса. Сражение на поле, к западу от города.

Шамус удивленно поглядел на него.

— Твой друг должен помнить это сражение, — убежденно сказал настоятель Брамин. — Быстрая и бескровная победа над отрядом поври. Такое не забывается.

— Я спрошу его, — все так же удивленно пообещал Шамус. — Однако должен сказать тебе прямо, мой друг настоятель Брамин. Я не стану служить шпионом для Сент-Прешес. Я вернулся в Палмарис по просьбе старого друга и готов делать все во имя более добрых и мирных отношений между вами и Чейзвинд Мэнор, кто бы там ни сидел. Но уволь меня от участия в интригах между Сент-Прешес и Чейзвинд Мэнор.

— Ценю твою честность, — ответил Брамин.

Он вновь наполнил бокалы, потом еще раз.

Да, замечательно начинается восемьсот двадцать девятый год Господень.

ГЛАВА 23 ДОКАЛЬФАР

«Какое великое множество чудес довелось мне повидать! — писал он, склонившись над пергаментом. Рядом лежал мешок, плотно набитый пергаментными свитками. — О, как завораживает взор великолепие здешней необузданной природы! Безмерна милость Бога, даровавшего мне, смиренному Тетрафелю, возможность созерцать все это великолепие. Уверен, когда западная часть Вайлдерлендса войдет в состав королевства Хонсе-Бир и мы станем владеть этими гигантскими водопадами, величественными горными вершинами, густыми лесами, под покровом которых царит вечный сумрак... тогда, перечитывая мои воспоминания, вы испытаете те же чувства, какие испытываю сейчас я».

Герцог Вайлдерлендса оторвался от пергамента, чтобы взглянуть, как обстоят дела в лагере. Солдаты и слуги занимались обычными предвечерними приготовлениями: ставили шатры, варили еду и обходили дозором лагерь. Охрана границ была делом первостепенной важности, в чем Тетрафель и его спутники неоднократно убеждались. Целых три года они находились далеко от Урсала, в западных землях, неизведанных и даже не нанесенных на карту. Они искали проход через Пояс-и-Пряжку, двойную горную гряду, который позволил бы попасть прямо в тогайранские степи западного Бехрена. Король Дануб был заинтересован в торговле с тогайранскими племенами, но не хотел платить деньги бехренским купцам, служившим посредниками в торговле с тогайранцами.

Герцогу Тетрафелю было около пятидесяти лет. Большую часть своей жизни он провел на мягких подушках, а не в седле, поэтому первоначально к предложению короля он отнесся без всякого восторга. Однако, едва он увидел величественные картины здешних ландшафтов, настроение его переменялось. Ему предстояло стать первопроходцем, открывающим миру обширные земли западной части Вайлдерлендса с их природными богатствами: лесом и столь необходимым для королевства торфом. Король Дануб отправил вместе с герцогом около двух десятков солдат и такое же количество слуг, среди которых было несколько молодых женщин, умеющих не только стряпать и стирать. Внушительная свита свидетельствовала о том, какое значение придавал король миссии Тетрафеля. И герцог понял, что у него есть возможность обессмертить себя.

Теперь, по прошествии трех лет, Тетрафель нисколько не жалел о своем решении отправиться в это путешествие. И сегодня он не жалел о том, что вместе со спутниками легко одолел почти двадцать миль, двигаясь по берегу большой реки, которую герцог собрался назвать своим именем. Река вывела их к грандиозному водопаду. Разумеется, отныне он будет называться водопадом Тетрафеля.

Конечно, в своих хрониках он расскажет и о трудностях, выпавших за эти три года на долю первопроходца Тетрафеля и его спутников. В основном это были столкновения с огромными медведями, тиграми, ягуарами и иными дикими зверями. Однажды они повстречали племя гоблинов. Но отличная боевая выучка солдат и первоклассное оружие позволили быстро уничтожить низкорослых уродцев. Несколько раз их поражала одна весьма неприятная болезнь. И все же за эти три года герцог потерял лишь нескольких человек из своей свиты, преимущественно слуг. Солдат погибло только двое.

По мнению герцога, они были почти у цели. Оставалось дожидаться весны, когда откроются скрытые сейчас под снегом горные тропы, и найти проход. После это можно будет вернуться в Урсал. Их имена (во всяком случае, имя Тимиана Тетрафеля) навсегда войдут в книги и летописи и запечатлятся в названиях здешних мест. А в том, что они найдут в горах проход, герцог ничуть не сомневался. Сейчас вокруг них горы не кажутся такими уж неприступными. Хотя вершины и здесь увенчаны снежными шапками, в долинах и у подножия холмов зима мало чем отличается от урсальской. Иногда выпадает один-два дюйма снега, но затем погода меняется и снег снова тает.

Величественную реку Тетрафель отсюда скрывали лес и расстояние, зато сюда

отчетливо доносился грохот далекого водопада. Для стоянки герцог избрал небольшую поляну, окаймленную высокими соснами. Деревья были настолько высокими, что полностью скрывали луну. До тех пор, пока она не встанет почти над головой, в густых ветвях будут мелькать только узкие светящиеся блики.

Все необходимые приготовления к ночи завершились. В лагере царила тишина, только временами из шатров доносился смех. Несколько иные звуки доносились из-под ближайшей сосны, в ветвях которой укрылись солдат и служанка. Обед — он же ужин — в лагере Тетрафеля проходил без всяких церемоний. Каждый подходил к большим котлам и наливал себе супа или отправлялся к одному из многочисленных вертелов и выбирал понравившийся кусок мяса тех зверей, которых сегодня удалось добыть охотникам.

Уверенный в бдительности своих часовых и довольный тем, что в его дневнике прибавилась новая обширная запись, герцог Тетрафель направился перекусить. Подойдя было к котлам, он передумал есть суп и подошел к вертелу с жареным оленем. Герцог оторвал от туши большой кусок и стал есть, не замечая, что на землю падает столько же мяса, сколько попадает к нему в рот.

Трапеза герцога не осталась без внимания.

С дерева, что стояло неподалеку, за Тетрафелем наблюдали двое изящных белокожих и голубоглазых человечков с волосами цвета воронова крыла. Они совершенно бесшумно восседали на сосновой ветке и внимательно смотрели на происходящее внизу.

Они не испытывают никакого уважения к животным, дающим им пищу, — сказал один другому на хитроумном языке, состоящем из жестов, а также движений глаз, лица и тела.

Их брачный танец лишен всякой духовной основы, — в свою очередь заметил второй человечек. Хрюкающие звуки, исходящие от парочки, которая внизу предавалась плотским радостям, отлично дополняли его замечание. *Они всего лишь убийцы животных.*

Первый человечек кивнул в знак согласия. *Твикка пвесс фин,* — прошептал он на языке народа Докальфар, похожем на язык тол'алфар — дальних родственников здешних белокожих бескрылых эльфов. О существовании своих крылатых собратьев они ничего не знали.

Твикка пвесс фин, — отозвался другой, что означало «заслуженный конец».

Человечки исчезли столь же бесшумно, как и появились, тенью проскользнув мимо сонных часовых.

— Черт бы побрал эту водичку с неба, — ежась, проворчал один из часовых.

Поднявшийся ветер принес с водопада Тетрафеля мельчайшую водяную пыль, обрушив ее на спящий лагерь.

— Будет тебе ворчать, — отозвался другой. — Становись под сосну. Там суше.

— В Урсале, в теплой постели, мне было бы еще суше, — ответил на это первый. — Вернемся мы когда-нибудь домой?

— Герцог жаждет назвать своим именем одну из горных вершин. Впрочем, и мы внакладе не останемся. Если мы найдем проход, Тетрафель обещал заплатить каждому столько золотых, что хватит на приличный дом.

Его товарищ молча кивнул. Похоже, это обещание немного согрело его продрогшие кости. Но холодная водяная пыль продолжала лететь с неба, и от нее не спасали даже густые ветви сосен. Прошло еще немного времени, и влажный ночной воздух почему-то сделался зловонным.

— Чуешь, какой вонью потянуло? — спросил первый часовой, морща нос.

— Воняет, словно падаль, — подтвердил второй. — Может, какой-нибудь хищник тащит добычу. Давай-ка зарядим луки!

Они вложили стрелы и начали вглядываться в серую морось, подсвеченную луной.

Зловоние усилилось. Оно набилось в ноздри, проникло в легкие. Часовые стали беспокойно озираться вокруг и вдруг увидели силуэт, но это был не зверь. К ним навстречу,

переставляя негнущиеся ноги, шел какой-то человек.

— А ну-ка, стой! — крикнул часовой. — Стой, если не хочешь получить стрелу в глотку!

Теперь они ясно видели незнакомца — он находился в каких-то десяти шагах от них. Это действительно был человек: костлявый, седой, обросший длинными волосами и такой же длинной бородой. Он наверняка слышал их слова, однако продолжал идти вперед на негнущихся ногах, вытянув перед собой руки.

Незнакомец был весь осклизлый. Перепаханный землей или торфом, он пах так, как мог пахнуть изрядно разложившийся труп.

— Стой! Тебе говорят, стой! — кричал часовой.

Незнакомец приближался, и тогда часовой, умелый и опытный солдат, привыкший выполнять приказ, выпустил стрелу. Стрела с глухим звуком глубоко вонзилась в грудь незнакомцу. Однако тот даже не пошатнулся!

— Я же попал в него! Я попал! — твердил ошеломленный часовой.

Его товарищ выпустил вторую стрелу. Она попала незнакомцу в бок, чуть ниже грудной клетки. Выстрел из тяжелого боевого лука был настолько сильным, что стрела прошла насквозь и ее наконечник показался с другого бока.

Идущий пошатнулся. Сила удара заставила его отклониться на шаг в сторону. Но он все так же шагал, вытянув вперед руки, с бессмысленным выражением на лице.

— Тревога! Тревога! — громко закричал второй часовой и бросился в лагерь. Его товарищ выхватил тяжелый меч и прыгнул на незнакомца.

Тот даже не сбавил шага. Тогда солдат, взмахнув мечом, отсек ему руку выше локтя.

Крови пролилось совсем немного; из раны потек отвратительный зеленовато-белый гной.

Запах смерти, перемешанный с запахом гниющего торфа и листьев, — вот причина жуткого зловония. Но ужас состоял не в этом. Солдат вдруг понял, что сражается не с живым человеком, а с трупом! От страха он лишился дара речи и стал пятиться назад, однако оживший мертвец голой рукой зажал его меч, как в тисках.

Солдат пронзительно закричал. Он попытался вырвать меч, ухватившись за рукоятку обеими руками, но безуспешно. Он разжал руки, намереваясь тут же обратиться в бегство. Обернувшись, он увидел десятки живых мертвецов, бредущих сквозь туман. От этого зрелища у солдата подкосились ноги, и он упал на землю.

В ту же секунду на него повалился однорукий мертвец. Зажав железной хваткой руку солдата, он вывихнул ее и стал ломать суставы. Солдат отчаянно кричал и извивался; он пытался сопротивляться, но все было безуспешно.

Подоспевший товарищ мощным ударом отсек мертвецу голову, однако тот все равно не разжал пальцев. Мертвецы неотступно приближались. Второй солдат ударил мечом по мертвой руке, перерубив ее. Потом кое-как поднял товарища на ноги и потащил к соснам. Раненый часовой не переставал кричать, и не только от боли. Отрубленная кисть мертвеца по-прежнему держала в тисках его руку!

* * *

Герцог Тетрафель протер глаза и сел на постели. Что такое? В лагере царил паника. Сон разом пропал, и герцог вскочил на ноги.

— Нападение! На нас напали! — крикнул ему один из солдат, подавая Тетрафелю перевязь с мечом.

Тетрафель возился с застежками, пытаясь хоть что-то понять в происходящей вокруг суматохе.

— Это мертвецы! — кричал часовой, выбегая из леса. — Они стеной идут на нас!

— Из леса! Они окружают нас! — вопил другой.

Казалось, что сосны вокруг полянки закачались, когда между ними показались идущие

на негнущихся ногах, перепачканные торфом мертвецы. Вытянув перед собой руки, ожившие покойники неуклонно приближались. Позади раздался отчаянный крик. Герцог обернулся. Двое часовых пытались вырваться, но мертвые руки держали их с нечеловеческой силой.

Никогда еще герцогу Тетрафелю не доводилось слышать таких леденящих душу криков.

— Создать кольцо обороны! — крикнул командир отряда.

Оставшиеся в живых солдаты отступили к огню и встали в круг, внутри которого сгрудились слуги и герцог.

Мертвецы меж тем продолжали смыкать свое злое кольцо.

— Рубите им головы! — закричал часовой, который первым заметил их наступление.

В это время, перекрывая шум и крики, послышалась нежная и мелодичная песня. Зазвучали тонкие и удивительно красивые голоса. Песня медленно плыла во влажном ночном воздухе. Язык ее был незнакомым. Первозданная, завораживающая песня древнего леса. словно по команде, мертвецы остановились и опустили руки.

Ветер подул чуть сильнее, как будто песня разбудила и его.

— Что это? — взволнованно зашептались вокруг герцога.

— Молчите, — велел им Тетрафель. — Может, это неведомые союзники пришли нам на помощь.

На всем пространстве, разделявшем людей и мертвецов, начала вдруг дрожать земля. Потом она треснула, разломилась и оттуда... появились цветы. Громадные цветы с громадными лепестками. Холодный лунный свет делал их ярко-серебряными. Таких цветов жители Хонсе-Бира никогда не видели.

А какой аромат источали эти цветы! Он был сильнее всех остальных запахов, сильнее даже зловония живых мертвецов.

Какой зовущий аромат, подумал герцог Тетрафель. Ему захотелось лечь прямо на землю, закрыть глаза и заснуть. Только спать, спать! Других желаний у герцога не было. Он увидел, что некоторые из его спутников уже спят, свернувшись на земле калачиком. Герцог не помнил, как сам опустился на четвереньки, потом лег. Приятная истома охватила все его тело, и сейчас ему было невероятно трудно даже поднять голову.

— Вставайте! — раздался откуда-то издали голос командира. — Вставайте, живо! Они снова идут к нам. Да вставайте же, идиоты!

Потом послышался какой-то шум. Кажется, звенели мечи, гудела тетива луков. А может, это ему только снилось?

После этого герцог услышал... он уже ничего не услышал. Только почувствовал приятное тепло, а затем провалился в необыкновенно глубокий сон.

Почему вдруг сон превратился в кошмар? Или... или он уже проснулся? Герцог Тетрафель протер глаза, но картина не изменилась. Вокруг него висела стена плотного тумана, совершенно не похожего на прозрачную водную дымку, которую ветер приносил с водопада. Герцог обнаружил, что сидит, прислонившись к небольшому столбу, а его руки связаны за спиной. Он по-прежнему находился в лесу, только это был совсем другой лес. Вместо могучих сосен Тетрафель увидел черные, корявые стволы мертвых деревьев с такими же скрюченными, голыми ветвями.

Раздававшиеся стоны заставили герцога обернуться. Он увидел ряд столбов, к которым были привязаны его уцелевшие спутники. Кем бы ни являлись их похитители, подумал Тетрафель, но свое ремесло они знали.

— Где остальные? — спросил герцог у солдата, привязанного к соседнему столбу.

— Они их забрали! — срывающимся голосом ответил тот.

Герцогу этот ответ ничего не дал. Он обратил внимание, что лоб солдата покрыт испариной, а сам он куда-то смотрит. Тетрафель пригляделся и увидел двух маленьких, изящных человечков, приближавшихся к ним. Их сопровождало несколько живых

мертвецов.

Из всех сил стараясь не обращать внимания на эти ходячие трупы, Тетрафель внимательно рассматривал странную пару. Кожа у человечков была молочно-белого цвета, а ярко-голубые глаза светились внутренним огнем. Их темные одеяния чем-то напоминали монашеские сутаны с откинутыми капюшонами. Благодаря своей одежде человечки иногда полностью сливались с окружающим пространством — видны были только их головы и пронзительные глаза. Что же это за человечки? Они вовсе не относились к какой-нибудь породе низкорослых людей. В этом герцог убедился, когда они подошли ближе и он разглядел их заостренные уши и худые, вытянутые лица.

— Тол'алфар? — спросил герцог, кое-что слышавший об эльфах, но считавший все сведения о них не более чем детскими сказками.

Услышав это слово, человечки застыли на месте и обменялись злобными взглядами.

— Докальфар! — резко ответил один из них.

Подойдя к Тетрафелю, он тыльной стороной ладони наотмашь ударил герцога по лицу, отчего тот едва не потерял сознание. Откуда у этих маленьких, хрупких существ такая сила? — пронеслось в гудящей голове герцога.

К тому времени, когда он пришел в себя после удара, двое из племени Докальфара выбрали свою очередную жертву — женщину. Она находилась справа от герцога, отделенная от него еще несколькими столбами с пленными людьми. Человечки указали на нее и отвернулись. Живые мертвецы подошли к женщине, развязали веревки и рывком поставили ее на ноги. Женщина жалобно всхлипывала. Ноги у нее подкашивались, но живых покойников это не волновало. Они крепко держали женщину за руки. Герцог понял: если она не сможет идти, они поволокут ее.

— Что вы намерены с нею делать? — закричал Тетрафель, но человечки в темных одеяниях не обернулись.

— Куда они ее тащат? — спросил он у солдата.

— Топить в болоте, — мрачно ответил тот. — Вас это тоже ждет, ваша светлость.

Тетрафель впился глазами в туман и удалявшиеся фигуры, похожие теперь на призраков.

Он увидел, как человечки Докальфары остановили слуг и начали поливать свою извивающуюся жертву какими-то жидкостями. После этого мертвецы поволокли женщину к небольшому помосту, который из-за тумана герцог вначале принял за скрюченный древесный ствол.

Мертвецы загнали кричащую и рыдающую женщину на помост. Она еще пыталась высвободиться и била их ногами, но все было тщетно.

Потом человечки Докальфары начали поочередно петь, наполняя воздух мелодичными звуками и великолепно дополняя друг друга. Постепенно их голоса слились, и к ним присоединились соплеменники, неразличимые среди деревьев. Тетрафелю показалось, что пел весь лес.

Зачем понадобилось топить эту несчастную под чарующе красивое пение? — недоумевал герцог. Или, может, это один из ритуалов их религии?

Пение разом оборвалось. Стихли все звуки, включая и крики жертвы. Один из человечков воздел вверх руки. Широкие рукава одежды опали, обнажив узкие, белые кисти. Казалось, этот коротышка не только погрузил мир в тишину, но даже остановил время.

Мертвецы подтолкнули женщину к краю помоста. Она упала, и ее отчаянный крик разрушил чары тишины.

Тетрафелю удалось разглядеть, что несчастная по пояс погрузилась в болото. Она кричала, силясь выбраться, отчего еще глубже увязала в трясине.

— Помогите, помогите же мне! — несло из болота, медленно затягивающего свою жертву. — Помогите! Я не хочу умирать! Я не хочу становиться таким же мертвецом, как эти чудовища!

Крики обреченной женщины какое-то время еще продолжали раздаваться в ночной

тиши. Это было единственное, что у нее оставалось, — возможность кричать. Человечки Докальфара вновь затянули свою песню. Это явно была их молитва, сопровождающая жертвоприношение. Мелодичные звуки заглушили последние отчаянные крики обезумевшей от ужаса женщины. Вскоре они остались единственными звуками, раздававшимися в этом мертвом лесу.

Покончив с женщиной, человечки Докальфара в сопровождении мертвецов вновь направились в сторону пленников. Равнодушные к негодующим крикам, они указали на очередную жертву — на сей раз солдата. Он был намного сильнее утонувшей женщины, но и его бешеное сопротивление не помешало мертвецам потащить его к помосту.

У герцога Тетрафеля перехватило дыхание. Мог ли он предполагать, что его славный поход закончится столь чудовищным образом? Герцог не хуже остальных пленников понимал, насколько права была бедная женщина относительно дальнейшей участи каждого из них. Благодаря магическому ритуалу Докальфара все они погрузятся в болото, чтобы восстать оттуда бессмертными и лишенными способности думать слугами этих жестоких человечков!

Герцог вспомнил о том, как своими трудами он мечтал снискать славу и обрести бессмертие. Что ж, теперь он у самого порога бессмертия.

— После второго у них бывает передышка, — громко прошептал солдат. — Они топят двоих подряд, а затем ненадолго куда-то уходят.

Тетрафель попробовал выпутаться. Бесполезно.

— Меня слишком крепко привязали, — ответил он, стараясь говорить как можно более спокойным голосом и не выказывать признаков страха.

— Я расшатал свой столб, — сообщил солдат.

К этому времени мертвецы столкнули в болото вторую жертву. Поначалу было тихо — наверное, солдат решил встретить смерть мужественно. Но когда его затянуло в болотную жижу по самую шею, он закричал, а потом заплакал. Потом... вернулась тишина.

Солдат, находившийся по соседству с герцогом, оказался прав: человечки и мертвецы удалились, словно растворившись в тумане.

Солдат что-то проворчал, затем с силой дернулся и повалился на бок. Теперь его голова находилась как раз за спиной связанного герцога. Тетрафель обернулся назад, не понимая, к чему могут привести эти ухищрения.

Солдат открыл рот и высунул язык. Язык был проколот булавкой с крошечным серым камнем.

— Магический камень, — пояснил солдат. — Дружок подарил, чтобы женщин воспламенять, если, конечно, вы понимаете, о чем я говорю.

— Я совершенно не понимаю твоей болтовни, — довольно громко ответил герцог и тут же обернулся, словно ожидая, что вот-вот появятся мертвецы и схватят его.

— Не бойтесь, если немного обожжет. Это всего лишь маленькая искорка.

Прежде чем герцог сумел вымолвить хоть слово, он действительно почувствовал, как ему больно обожгло запястье. И сразу же стало легче: маленькая молния пережгла веревку.

Тетрафель высвободил руки и повалился на землю рядом с солдатом, который поспешно снимал с герцога веревку. Освободившись, Тетрафель сразу же бросился к соседнему столбу, чтобы освободить привязанную к нему пленницу — громко и надрывно кричавшую служанку. Покончив с этим, герцог кинулся к ее соседке. И тут вновь послышалось пение. Обернувшись, Тетрафель увидел появляющиеся из тумана силуэты мертвецов. Вскрикнув от ужаса, герцог позабыл о пленнице и бросился в темноту.

Сзади раздавались крики. Наверное, кричали те, кому так и не удалось освободиться от веревок. А может, те, которые попытались бежать, но были пойманы мертвецами.

Какая-то часть Тетрафеля требовала, чтобы он вернулся и принял смерть вместе с теми, кто верно служил ему все эти три года. Эта благородная часть его личности требовала, чтобы он мужественно встретил смерть.

Но ведь то, что ожидало его, было гораздо хуже смерти. Тетрафель представил себе

оживших мертвецов — жутких, зловонных, покрытых торфом. И он побежал прочь. Герцог понимал, что должен вернуться, однако ноги не слушались его. Зацепившись за что-то, он упал и поцарапал лицо, но тут же вскочил и побежал вперед, в спасительный туман.

Тетрафель знал, что еще кому-то из его отряда удалось бежать. Судя по звукам, за ними гнались. Он слышал топот мертвецов и едва уловимые удары ног человечков Докальфара. Эти были намного опаснее, поскольку умели бегать не только по земле, но и по ветвям деревьев.

Герцог Тетрафель бежал, пока не заболели ноги и не начало сбиваться дыхание. Но и тогда, подстегиваемый неописуемым ужасом, он продолжал бежать неизвестно из каких сил. Он уже не думал ни о славе, ни о бессмертии. Он бежал, чтобы остаться в живых.

Взошло солнце, а он все бежал. На какой-то короткий момент случившееся с ним показалось кошмарным сном. Какая нелепая мысль! Все произошло взаправду... А потом герцог Тиммиан Тетрафель, аристократ, состоящий при дворе короля Дануба Брока Урсальского, человек, мечтавший вписать свое имя в историю королевства и увековечить память о себе в названиях величайших в мире рек, водопадов и гор, повалился в траву и зарыдал.

В тот же день Тетрафель наткнулся на двоих солдат из его отряда, таких же перепуганных, как и он. Никто из троих не предложил вернуться и попытаться хоть кого-нибудь спасти. Они молчали. Они бежали, почти безостановочно бежали на восток. Туда, где из торфяных болот не встают живые мертвецы.

Почти через месяц все трое достигли обжитых земель Вестер-Хонса, а еще через неделю крестьянские сани доставили герцога Тетрафеля в Урсал.

Днем позже в столицу прибыл герцог Калас с намерением никогда более не возвращаться в гнусный Палмарис.

Еще через неделю Констанция Пемблбери родила королю Данубу сына.

ГЛАВА 24 БРАТЬЯ ПОКАЯНИЯ

— Ты ненавидишь всё и всех, — заявила начальствующая сестра Трейса, выступив вперед и указав пальцем на Де'Унnero.

К середине весны количество чумных больных, пришедших под стены монастыря, вновь возросло, отчего настроение Трейсы еще более ухудшилось. Она была единственной начальствующей сестрой в Сент-Гвендолин и поэтому могла говорить от имени пятнадцати оставшихся в живых монахинь.

Самозванный настоятель пострадавшего монастыря сверкнул на нее глазами, и его злобная улыбка напомнила Трейсе, что она находится отнюдь не среди друзей. Кабинет настоятеля наполняли братья, обращенные Де'Унnero в веру его толка. Эти уставшие, отчаявшиеся люди жаждали ответов и объяснений тому, что творилось вокруг.

Трейса попятилась назад и вслед за настоятелем обвела недоуменным взглядом лица тех, кого некогда считала собратьями по вере. Узнав о кончине своей наставницы и старшей подруги Делении и других сестер, Трейса спешно вернулась в Сент-Гвендолин и буквально не узнала монастыря. Как разительно изменился Сент-Гвендолин под властью настоятеля Маркало Де'Унnero! Де'Унnero начал свое правление с того, что отделил братьев от сестер. Он установил здесь те же порядки, как и в любом мужском монастыре. И это в Сент-Гвендолин — единственном монастыре, основанном ради осуществления религиозных чаяний женщин. Тех немногих женщин, которые посредством щедрых подношений их богатых отцов или через собственное благочестие стремились занять свое место в церкви.

— Ты утверждаешь, что последователи Эвелина навлекли на нас чуму, — тихим, но далеко не смиренным голосом произнесла Трейса.

— Я вполне это допускаю, — спокойно и уверенно ответил Де'Унnero.

— Голословное утверждение, — возразила начальствующая сестра Трейса.

— Я вполне это допускаю, — повторил Де'Уннеро. — И если мы поверим в то, что чума — наказание Господне, а нам ничего не остается, как поверить в очевидность этого, тогда не понадобится искать доказательств. Доказательства вокруг тебя.

Трейса удивленно посмотрела на него.

— После убийства отца-настоятеля Маркворта церковь Абея сбилась с пути и утратила свое истинное предназначение, — пояснил Де'Уннеро.

Впрочем, как теперь понимала Трейса, эти слова были обращены не столько к ней, сколько к неопитам Де'Уннеро.

— Сведения, дошедшие с Коллегии аббатов, дают основание думать, что приготовления к канонизации Эвелина Десбриса начнутся уже в нынешнем году. Подумать только — канонизация! Причисление к лику святых человека, повинного в убийстве магистра Сигертонна из Санта-Мир-Абель. Я тогда был там и все прекрасно помню! Эвелин похитил большое количество священных самоцветов и бежал из монастыря. Этот мошенник презрел закон и отказался покаяться и вернуться. И теперь — канонизация! Святой Эвелин!

— А почему бы не разобраться во всем этом? — спросила Трейса, но Де'Уннеро не дал ей договорить.

— Это политический трюк, — возразил он. — Так легче усмирить перепуганную толпу. Это выгодно тем, кто преследует собственные цели: нужно только создать героя и воспользоваться его именем.

Де'Уннеро замолчал и с подозрением взглянул на Трейсу.

— То же самое было и при канонизации святой Гвендолин.

За последние несколько веков у многих в церкви возникали тайные сомнения в справедливости причисления Гвендолин к лику святых. Одни намекали на не слишком праведную жизнь этой женщины, другие утверждали, что жившая в третьем веке Гвендолин, которой пришлось быть и воином, и врачевательницей, забыла о месте, отведенном Богом женщине. Однако почти никто не отваживался вслух осуждать Гвендолин или кого-либо из святых.

Трейса оглянулась, надеясь, что хоть кто-нибудь ее поддержит и осудит богохульство Де'Уннеро. Увы, братья, с которыми она провела в благочестивом служении немало лет, теперь твердо стояли на стороне чудовища из Санта-Мир-Абель.

— Как можно называть себя верующим и одновременно сомневаться? — с пафосом спросил Де'Уннеро.

Он стремительно заходил по кабинету, вздевая руки.

— Разве мы не являемся свидетелями испытаний, ниспосланных на землю, разве мы не видим страдания и смерть? Мы — защитники слова Божьего, мы должны вести людей к благочестию и праведности. Если мир вокруг нас рушится, то мы, чада церкви Абея, не можем не признать своей вины. Нет, мы должны принять эту вину и сделать ее оружием в борьбе со злом.

— А разве не то же самое утверждает новый настоятель Сент-Прешес? — осмелилась заметить Трейса.

Де'Уннеро засмеялся.

— Неужели начальствующая сестра Трейса не понимает простых вещей? — спросил он. — Все началось с дерзкой ошибки Эвелина. Неудивительно, что она привела его самого к краже и убийству.

Несколько монахов встретили эти слова одобрительными возгласами, потрясая сжатыми в кулак руками. Монастырь становится опасным местом, — подумала Трейса. Более опасным, чем чума!

Обличительный монолог Де'Уннеро продолжался. Он громил Эвелина, Джоджонаха, Браумина Херда, предателя Фрэнсиса и вообще всех тех, кто не был согласен с его воззрениями. Закончив говорить, он встал напротив ошеломленной Трейсы. Глаза Де'Уннеро пылали бешеным огнем. Монахиня отшатнулась, боясь, что он вот-вот ударит ее.

— Отправляйся в свою келью, сестра, — уже спокойным голосом произнес

Де'Уннеро. — Или иди туда, куда тебя ведет твое сердце. Но помни: теперь я являюсь настоятелем Сент-Гвендолин. Я дам тебе некоторое время, чтобы ты освоилась в новой обстановке. Но предупреждаю тебя при свидетелях, здесь и сейчас: если ты вздумаешь мне противоречить, то быстро лишишься ступени начальствующей сестры. Не заметишь, как окажешься в положении сестер-первогодок. Только дисциплина даст нам возможность пережить нынешние мрачные времена, и я не позволю начальствующей сестре Трейсе проявлять неповиновение.

Он повернулся и махнул рукой, чтобы она уходила.

Прежде чем уйти, сестра Трейса обвела долгим взглядом своих бывших братьев, а ныне — последователей Маркало Де'Уннеро.

Прошло две недели. Как Де'Уннеро и ожидал, в течение этого времени сестра Трейса ничем ему не мешала. Стояли теплые, влажные весенние дни. Настоятель проводил их, укрепляя свое влияние на ревностных молодых братьев, которым хотелось знать, почему мир сошел с ума и кто в этом виноват. Де'Уннеро продолжал произносить обличительные речи, не забывая упомянуть в числе своих врагов и Фио Бурэя. Речи становились все взволнованнее, а аплодисменты взбудораженных слушателей — все громче.

Между тем Де'Уннеро сознавал: так долго продолжаться не может. Захват им поста настоятеля не признают и не узаконят. Поэтому он совсем не удивился, когда однажды утром к нему вбежал молодой монах и взволнованно сообщил о прибытии из Санта-Мир-Абель магистров Гленденхука и Мачузо в сопровождении двадцати монахов, включая и нескольких братьев ступени безупречных.

— Проводить их сюда? — спросил монах.

Де'Уннеро хотел было утвердительно кивнуть, но передумал.

— Нет, не сюда. Я встречу с ними во дворе. И вот что, брат, — добавил он, видя, что монах готов броситься выполнять его распоряжение, — оповести всех в нашем монастыре. Пусть они будут свидетелями этой встречи.

— Да, мой настоятель, — произнес молодой монах и выбежал из кабинета.

Сам Де'Уннеро еще довольно долго оставался в кабинете. Он хотел, чтобы все его последователи успели собраться во дворе и собственными глазами увидеть то, что должно произойти. Наверняка Гленденхук и другие посланцы Санта-Мир-Абель попытаются навязать здешним братьям свою волю. Что ж, для него настает ответственный момент. Скоро Де'Уннеро сможет проверить, насколько мужественны его последователи и насколько они преданы ему.

Он вышел во двор не в богато украшенном одеянии настоятеля, а в своей обычной поношенной сутане с откинутым капюшоном. На другом конце двора стояли Гленденхук и Мачузо в окружении братьев из своего монастыря. Лица их были хмурыми, и всем своим видом они стремились произвести устрашающее впечатление.

Маркало Де'Уннеро не так-то просто запугать. Кивнув своим последователям, он неторопливо пересек двор и остановился напротив прибывших магистров.

— Если бы я знал о вашем визите, я бы лучше сумел подготовить монастырь к встрече с вами, — небрежным и даже дерзким тоном произнес Де'Уннеро.

— Нам лучше побеседовать в твоих покоях, — негромко ответил ему магистр Мачузо.

— Мы прибыли сюда по официальному распоряжению церкви Абея, — резко заявил магистр Гленденхук. — Нас послал отец-настоятель Агронгерр.

— Ах да, — тем же небрежным тоном ответил Де'Уннеро, обходя вокруг них и поглядывая на своих сторонников, собравшихся у стены. — И как поживает новый отец-настоятель? Хочется верить, что мой голос был учтен.

— Записан и внесен в протокол, — уверил его Мачузо.

— И тем не менее настоятель Агронгерр набрал больше голосов, чем настоятель Олин? — спросил Де'Уннеро.

Мятежный магистр говорил нарочито громко. Гленденхук тревожно озирался по

сторонам. Он понимал: Де'Уннеро специально подчеркнул, что голосовал за Олина, желая, чтобы слышали здешние братья, тесно связанные с Сент-Бондабрисом.

— Да, он набрал больше голосов, — сухо ответил Гленденхук. — Агронгерра из Сент-Бельфура поддерживали самые разные фракции, существующие в церкви. А теперь, уважаемый магистр Де'Уннеро, можем ли мы перейти со двора туда, где нам ничего не мешало бы поговорить о деле?

— Сомневаюсь, чтобы у нас были общие дела, — ответил Де'Уннеро.

— Дело касается тебя, — объявил Гленденхук.

— Так говори прямо и открыто! — сердито потребовал Де'Уннеро.

Гленденхук смерил его долгим, тяжелым взглядом.

— Я знаю, в чем заключается это дело. Вы явились сообщить, что меня отзывают в Санта-Мир-Абель, — сказал Де'Уннеро, и некоторые из его сторонников ахнули.

Лицо Гленденхука наливалось краской.

— А как насчет моего назначения настоятелем? — продолжал Де'Уннеро. — Оно утверждено или нет? Думаю, что нет. Иначе зачем понадобилось бы отзывать меня в Санта-Мир-Абель?

— Тебя вообще никто не *назначал* настоятелем Сент-Гвендолин! — закричал магистр Гленденхук.

— А что скажете вы, братья? — обратился к своим сторонникам Де'Уннеро.

— Де'Уннеро — наш настоятель! — выкрикнул какой-то молодой монах.

Остальные криками и ревом поддержали его, выражая поддержку человеку, которого признали своим главой.

Магистр Мачузо вышел вперед и взял Де'Уннеро под локоть, точнее, попытался это сделать, ибо свирепый магистр резко отстранился от него.

— Одумайся, — предостерег его Мачузо, — Мы посланы со строжайшим распоряжением, подкрепленным главой Санта-Мир-Абель.

Де'Уннеро расхохотался ему в лицо.

— Магистр Де'Уннеро не является вашим настоятелем! — прокричал Гленденхук, обращаясь ко всем собравшимся. — Ему необходимо вернуться в Санта-Мир-Абель, в свиту нового... *вашего* нового отца-настоятеля.

— А до нас никому дела нет, — выкрикнул кто-то из молодых монахов.

— Новый настоятель будет назначен совсем скоро, — заверил их Гленденхук, но его слова потонули среди недовольного ропота. — Поверьте, о вас не забыли. Отец-настоятель серьезно озабочен ситуацией у вас в монастыре.

— Мы вполне можем обойтись без его заботы! — быстро сказал Де'Уннеро.

Гленденхук лишь посмотрел на него и горестно вздохнул.

Между тем толпа местных братьев пришла в сильное возбуждение. Некоторые монахи спустились с парапетов, другие оставались на стенах, размахивая кулаками. Гленденхук посмотрел на своих: прибывшие из Санта-Мир-Абель братья тревожно озирались по сторонам. Гленденхук чуть заметно кивнул и вытащил самоцвет. Все сопровождение последовало его примеру. Магистр Мачузо стал молиться.

— Если ты допускаешь подобные вещи, значит, ты даже больший глупец, чем я предполагал, — спокойным голосом произнес Гленденхук. — Неужели ты думаешь, что отец-настоятель Агронгерр не учел подобной реакции с твоей стороны?

— Уж скажи лучше — Фио Бурэй, — холодно возразил Де'Уннеро, который больше не смеялся и даже не улыбался.

Он поднял руку, остановив тех своих собратьев, кто начал было подходить ближе. Гленденхук и Де'Уннеро простояли в напряженных позах довольно долго, глядя друг на друга тяжелым, немигающим взглядом.

— Умоляю тебя, одумайся, — мягко проговорил Мачузо.

Теперь Де'Уннеро глухо рассмеялся. Это был зловещий, угрожающий смех человека, уверенного в своем превосходстве.

— Вам понадобился Сент-Гвендолин, — сказал он. — Что ж, он ваш. Но вам этого мало. Вам понадобился еще и Маркало Де'Уннеро, но вот он — не ваш. Нет, магистр Гленденхук. Я ясно вижу свою дорогу; дорогу, на которой я смогу проповедовать истинное слово Божье, а не повторять пустые и бессмысленные утверждения, исходящие из Санта-Мир-Абель. Мой путь...

Де'Уннеро произнес эти слова во весь голос и медленно пошел к своим сторонникам.

— ...наш путь, — поправил он себя, — ведет нас не под крышу наглухо закрытого монастыря, равнодушного к стенаниям тех, кто умирает от розовой чумы у самых его ворот. Нет. Наш путь — это открытая дорога, где наши слова смогут достичь ушей каждого человека и помочь ему вновь обрести утраченную праведность!

Двор наполнился одобрительными возгласами. Гленденхук попытался было воззвать к братьям Сент-Гвендолин, но где его словам было соперничать с силой и действенностью слов Де'Уннеро!

Разгневанный Гленденхук смотрел прямо на Де'Уннеро. В глазах его читалась неподдельная ненависть.

— Вы пришли заявить о своих правах на монастырь, и теперь Сент-Гвендолин ваш, — простодушным тоном произнес Де'Уннеро.

— Одумайся, — сказал Гленденхук.

В отличие от Мачузо, в его голосе звучала не просьба и не мольба, а почти неприкрытая угроза.

— Ты выступаешь против учения церкви. Это опасный путь.

— И кто же отважится мне помешать? — спросил Де'Уннеро. — Кто рискнет нам противостоять? Твой приятель Фио Бурэй — прихвостень дряхлого Агронгерра? Или, может, король? Нет, брат, сейчас мы прекрасно понимаем истинное положение вещей. Мы понимаем, что церковь отошла от истины. Никто и ничто не собьет нас с правильного пути.

— Магистр Де'Уннеро! — в ужасе вскричал Мачузо.

— Присоединяйтесь к нам! — неожиданно и вполне искренне предложил Де'Уннеро. — Присоединяйтесь, пока весь мир окончательно не впал во тьму. Помогите нам вернуть церковь на праведный путь и тем самым положить конец бесчинству чумы.

Гленденхук с изумлением посмотрел на него.

— Время слов прошло. Настало время действий, — заявил Де'Уннеро.

— Ты считаешь, что чума — это кара Господня? — хрипло спросил Гленденхук.

— Обрушившаяся на людей, которые ее заслужили, — прорычал ему в ответ Де'Уннеро. — На тех, кто отвернулся от истины.

— Абсурд, — выдохнул Гленденхук.

— Нет, очевидность, — поправил его Де'Уннеро. — Я это вижу, и они тоже.

Он обвел рукой двор, указывая на братьев Сент-Гвендолин.

— Мы знаем истину, и никакие указы отца-настоятеля Агронгерра не собьют нас с пути.

— Ты не имеешь права... — начал магистр Мачузо, однако Гленденхук толкнул его в грудь, требуя успокоиться.

— Ты рискуешь навлечь на себя гнев отца-настоятеля Агронгерра и всех магистров Санта-Мир-Абель, — предупредил Гленденхук.

— А ты, брат Гленденхук, рискуешь навлечь на себя гнев Маркало Де'Уннеро, — угрожающе ответил Де'Уннеро и вплотную подошел к нему.

Поза самозваного настоятеля, выражение лица красноречиво напомнили Гленденхуку о репутации этого монаха. Маркало Де'Уннеро справедливо считался величайшим воином, которого когда-либо знали Санта-Мир-Абель и весь орден Абеля.

— И как ты думаешь, кому из нас придется хуже?

Вопрос этот не на шутку встревожил Гленденхука. Де'Уннеро видел у него в руке какой-то камень: графит, а возможно, далее магнетит. Но он знал, что Гленденхук не осмелится применить магию. Пришлый магистр понимает, что Де'Уннеро способен убить

его одним точно нанесенным ударом. Нет, у Гленденхука никогда не хватало мужества, чтобы идти на подобный риск.

— Забирайте свой монастырь и радуйтесь, что я решил увести отсюда братьев, — ровным голосом произнес Де'Уннеро, устремив на обоих магистров немигающий взгляд. — Отныне все мы больше не подчиняемся вашему указам. Мы пойдем истинным путем ордена Абея. Возможно, к нам скоро присоединятся и другие, в том числе даже магистр Гленденхук!

— Ты сошел с ума, — отозвался тот.

— Пророков часто называли сумасшедшими, — добавил Де'Уннеро.

Потом он поднял руку, и все вокруг смолкли.

— В путь! — приказал Де'Уннеро.

Он подал сигнал, и братья Сент-Гвендолин с радостными возгласами направились к монастырским воротам.

— Если ты попытаешься остановить нас, возможно, тебе это удастся, — со зловещим спокойствием сказал Де'Уннеро. — Но предупреждаю: я перережу тебе глотку.

Он замолчал и поднял руку. Точнее, мощную тигриную лапу, в которую давно превратилась одна из рук Де'Уннеро.

Магистр Гленденхук смотрел, как Де'Уннеро и почти все из оставшихся в живых двадцати семи братьев выходили из ворот монастыря Сент-Гвендолин. Каждый наклонялся над цветочным кордоном и срывал несколько цветков для защиты от чумы.

Итак, они покинули Сент-Гвендолин и церковь Абея.

В тот день — пятый день лета восьмьсот двадцать восьмого года Господня — в заблудившийся и сбившийся с пути мир пришли братья Покаяния. Их вел Маркало Де'Уннеро, бывший настоятель Сент-Прешес, бывший епископ Палмариса, бывший настоятель Сент-Гвендолин и величайший воин, каких когда-либо знала церковь Абея.

ГЛАВА 25 ЛЕТНЯЯ ЖАРА

— Есть какие-нибудь новости из Палмариса? — спросил герцог Калас, восседавший на своем пегом мускулистом тогайранском пони.

Король Дануб, который ехал на белоснежном жеребце, повернулся в сторону герцога, намереваясь ответить. Но вместо него это сделала Констанция Пемблбери. Она ехала между ними на гнедой кобыле.

— Разве середина недели уже наступила? — ехидно осведомилась она, ибо все знали, что неделя только началась. — Не приберечь ли этот вопрос для середины недели, а еще лучше — для ее конца?

Герцог Калас сверкнул на нее глазами, но Констанция только засмеялась. Она прищипорила свою лошадь и поскакала впереди мужчин по ухоженному и окаймленному живой изгородью лугу, что расстилался за Урсальским замком.

— Я давно не получал известий от наших палмарисских друзей, — сказал король и добавил: — По правде говоря, я особо и не жажду знать, что там происходит.

— Вам не стоит забивать себе этим голову, ваше величество, — сказал Калас. — Жители Палмариса не отличаются благодушием, а война и стычки внутри города сделали его жителей еще жестче. Если бы вы повелели мне туда вернуться, я бы лучше отказался от титула герцога Вестер-Хонса!

Король Дануб удивленно вскинул брови, но потом лишь кивнул. Когда минувшей зимой Калас вернулся в Урсал, он чуть ли не в первый день недвусмысленно объявил, что ноги его больше не будет в этом гнусном Палмарисе.

— А знаешь, — переменял тему король, — я не перестаю думать о моем наследии.

— О вашем наследии? — с деланным удивлением переспросил Калас. — Вы победили демона-дракона и демона Маркворта, поставившего вверх тормашками церковь Абея. Вы...

— Давай не будем преувеличивать моей роли во всех этих событиях, мой друг, — сказал Дануб. — Я, конечно, понимаю, что добрая память обо мне будет жить не один десяток лет, но есть вопросы, которые нужно решать именно сейчас. Мне думается, что уличные стычки в Палмарисе и большинство заварушек, что временами случаются в нашем благословенном Урсале, являются результатом скопления излишнего количества людей на довольно ограниченном пространстве. А мы оба знаем, что человеческой природе, во всяком случае большинству людей, присущи неуживчивость и разногласия.

Король усмехнулся, и вслед за ним усмехнулся Калас.

— Возможно, настало время подумать о расширении королевства Хонсе-Бир, и в этой связи Палмарис может оказаться очень важным местом, — пояснил король Дануб.

— Вы имеете в виду Тимберленд? — недоверчиво спросил герцог Калас.

— Это невозможно по причине известного тебе соглашения. Я не хочу войти в историю как король, нарушивший клятву, — ответил Дануб. — Но есть немало земель между Палмарисом и Тимберлендом. Церковь уже присмотрела себе один из тамошних городишек — Кертинеллу. Вот и нам, учитывая нравы тамошнего населения, стоит обратить взор в том же направлении.

— Умоляю вас, не предпринимайте никаких решительных или поспешных действий, — сказал Калас. — Благодаря событиям недавнего прошлого север стал видеться неким удивительным местом, хотя на самом деле жизнь там не изменилась.

— Я ценю твое мнение, — сказал герцогу Дануб, — но в нынешние времена я ни за что не оставлю Палмарис без верного и сильного барона.

Калас понурил голову.

— Я не имею в виду тебя, — со смехом добавил король Дануб. — Даже если бы ты рвался в Палмарис, я слишком нуждаюсь в твоих советах, чтобы посылать тебя в такую даль. Но есть другой герцог, не так давно возвратившийся ко двору. Подвластные ему земли далеко простираются от Палмариса на север и запад.

— Тетрафель? — догадался Калас. — Как он себя чувствует?

— Я бы сказал, что он почти полностью оправился после всех потрясений, — ответил Дануб. — Он даже начал поговаривать о восстановлении своего дневника, хотя я сомневаюсь, что начерченные по памяти карты сгодятся для новых походов. Но если Тетрафель намерен вновь погрузиться в работу, разве найдется более подходящее для него место, чем Палмарис? Я позволю ему провести лето в Урсале — пусть окончательно придет в себя. А затем дам сильный отряд и отправлю на север. Думаю, ему без особого труда удастся укротить настоятеля Браумина.

Герцог Калас кивнул и даже изобразил на лице улыбку, однако, помня свой собственный палмарисский опыт, герцог ничуть не верил в истинность последних слов короля.

Среди зеленых холмов южной части Хонсе-Бира, в провинции Йорки, однажды появилось селение под названием Джунипер. В отличие от других городков и деревень этих мест, Джунипер не имел давней истории. Все его дома были сравнительно новыми, и уклад жизни населения тоже отличался от того, что сложился во многих других местах. Любой, кто поселялся в Джунипере, мог довольно быстро войти в высшие слои местного общества и не вызывал подозрений или насмешек у старожилов.

Неудивительно, что многие из тех, кого не желали терпеть в других уголках южной части королевства, стекались в Джунипер и обретали здесь родной дом. Поэтому Джунипер быстро разрастался. Узнав о нем от монахов Сент-Гвендолин, Де'Уннеро решил сделать это место первым полигоном праведного гнева братьев Покаяния.

Они появились в селении почти в самом конце лета, в один из нестерпимо жарких дней. Братья Покаяния двигались цепочкой, склонив головы. Невзирая на жару, на них были сутаны из плотной шерсти с закрывавшими глаза капюшонами. Странная процессия повторяла нараспев странные слова, умоляя о прощении их собственных грехов и грехов

всего человечества.

Де'Уннеро привел братьев Покаяния на главную площадь. Там они встали полукругом, а сам Де'Уннеро, откинув капюшон, вышел вперед и обратился к народу:

— Мое имя — брат Истины! Слушайте мои слова, если вам дороги ваши жизнь и бессмертная душа!

Восемьсот двадцать восьмой год Господень не баловал города и селения Хонсе-Бира развлечениями, и странствующий проповедник был редкостью. Неудивительно, что вскоре весь Джунипер сбежался на площадь поглазеть на странников.

Какое удивительное представление устроили для здешних жителей Де'Уннеро и его фанатичные последователи! Брат Истины заговорил о грехах некоего человека из некоего неназванного селения. В это время один из братьев выбежал вперед, сбросил с себя всю одежду, оставшись лишь в набедренной повязке. В таком виде он пал ниц перед Де'Уннеро.

К лежащему подбежал другой брат с короткой плеткой в руке. По приказу Де'Уннеро он двадцать раз изо всех сил ударил лежащего, оставив у того на спине глубокие кровоточающие раны.

Один за другим последователи Де'Уннеро, братья Покаяния, принимали на себя грехи мира, от которых их затем освобождала плетка.

Братья каялись более трех часов. Каждый из них пролил кровь и слезы за грехи. Стихли пламенные слова Де'Уннеро. Толпа была надлежащим образом подготовлена. Наступил черед жителей Джунипера каяться в своих грехах и, что еще важнее, открыто возвестить о грехах своих ближних.

Здесь братья Покаяния проявили еще большее рвение, чем когда хлестали друг друга.

Двоих мужчин, обвиненных в «греховной дружбе», братья били до потери сознания, после чего на глазах толпы кастрировали. Маленького мальчика, которого обвинили в краже соседских цыплят, приговорили к отсечению руки, а произвести наказание Де'Уннеро заставил мать этого ребенка. И она отсекала руку собственному сыну! Иначе и быть не могло. Жители Джунипера знали о розовой чуме. Теперь, когда святой брат церкви Абея пришел и рассказал им, отчего появилась чума и, самое главное, как ее одолеть, могли ли они послушаться его повелений?

Последний круг трудов праведных в Джунипере завершился уже поздним вечером. Братья Покаяния все еще находились на главной площади, испытывая экстаз от самобичевания, когда в толпе зрителей Де'Уннеро заметил смуглокожего бехранца. Язычника немедленно схватили и приволокли к свирепому магистру.

— Кто твой Бог? — потребовал у него ответа Де'Уннеро.

Бехранец молчал.

— Чезру? — спросил магистр, назвав божество бехранских ятолов. — Ты встаешь на колени, когда молишься своему Чезру? Отвечай!

Человек молчал, но все видели, как сильно он задрожал, когда Де'Уннеро медленно обошел вокруг него, буравя несчастного взглядом.

— Отрекись от него, — велел бехранцу Де'Уннеро, вновь глядя ему в глаза. — Отрекись прямо здесь; при всех, от своего Чезру и назови его лживым идолом.

Человек по-прежнему упорно молчал.

— Если ты этого не сделаешь, значит, ты ответил на мой первый вопрос, — коварно улыбаясь, произнес Де'Уннеро. — Говорю тебе, отрекайся от Чезру! Назови его предателем душ.

Один из братьев Покаяния подскочил, готовый схватить бехранца, но Де'Уннеро удержал его.

— Мы видим, как чума захватывает наши земли, — стал объяснять магистр перепуганному бехранцу. — Мы знаем ее причину: ложная вера. Предупреждаю тебя: отрекайся от Чезру сейчас же, иначе ты сам подтвердишь, что являешься еретиком, а значит, отцом чумы.

Было видно, что последние слова стали решающими для несчастного бехранца. Он

глотнул воздух и уже без страха посмотрел на Де'Унnero.

— Уговариваешь тело спасать и душу губить? — спросил он с сильным беxренским акцентом. — Этого я не сделаю.

— Повесить его! — закричали из толпы, но Де'Унnero потребовал тишины.

— Где его соплеменники? — громко спросил магистр.

Де'Унnero услужливо подсказали. Он удовлетворенно улыбнулся: оказывается, все беxренцы жили неподалеку от Джунипера, в старой усадьбе.

— Поведешь его, — велел магистр одному из братьев Покаяния, указывая на беxренца. С факелами в руках процессия двинулась по ночной дороге. Добравшись до места, братья Покаяния окружили большой крестьянский дом. В окнах появились испуганные лица беxренцев, среди которых были старики и дети.

Де'Унnero приказал им выйти из дома, но они отказались.

— Кто ваш Бог? — обратился к ним магистр. — Кому вы служите: церкви Абеля или вашему божку Чезру?

Ответа не последовало.

Тогда Де'Унnero подал знак двоим братьям, которые стояли по обе стороны от него и размахивали ярко пылающими факелами. Братья направились к дому.

— Вы либо ответите на мои вопросы, либо мы дотла сожжем этот дом вместе с вами! — зарычал Де'Унnero. — Отвечайте, какой церкви вы служите?

Дверь приоткрылась. Из дома вышел смуглокожий, высохший старик и медленными, но твердыми шагами направился к разъяренному монаху.

Он посмотрел на братьев Покаяния, которые удерживали, захваченного в Джунипере беxренца.

— Отпустите его, — потребовал старик.

Братья не шелохнулись. Старик заметил, куда они смотрят, и тогда обратился к Де'Унnero.

— Уходите вон, — сказал он. — Наш это дом. Купили честно, остальное строить сами. Вам отчитаться не будем.

— А-а, да ты ятол, — прошипел Де'Унnero название беxренской религии.

Судя по акценту, старик совсем недавно появился в Хонсе-Бире.

Услышав слова Де'Унnero, он расправил плечи.

— Говори, что признаешь церковь Абеля своей истинной церковью, — потребовал Де'Унnero. — Говори, что принимаешь святого Абеля своим спасителем, а нашего истинного Бога — своим Богом!

— От наша вера мы не отречься, — с достоинством ответил старик, подняв голову и обращаясь не только к Де'Унnero, но и к толпе зрителей.

В следующую секунду старик оказался на земле, сбитый с ног мастерским ударом Де'Унnero. Размахивая плетками, разъяренные братья Покаяния заставили его подняться и вместе с другим беxренцем погнали в дом.

— Сжечь их всех, — велел Де'Унnero.

Братья Покаяния с факелами бросились к дому и подожгли его со всех сторон, закрыв обреченным какую-либо возможность выбраться наружу.

Вскоре из горящего дома понеслись крики, мольбы и стоны. Братья Покаяния остались невозмутимы. Вместе со сторонниками Эвелина беxренские язычники были виновны в том, что розовая чума обрушилась на благословенные земли Хонсе-Бира. Эти смуглокожие дикари совершали чудовищные и богопротивные обряды. Как утверждал Де'Унnero, они приносили в жертву своим божкам новорожденных младенцев. Слова магистра вновь взбудоражили толпу. Даже туповатые крестьяне, которых мало заботила религия, пришли в неопишемую ярость. Беxренцы представлялись им теперь не кем иным, как прихвостнями демона-дракона!

Де'Унnero без устали твердил о зверствах, чинимых беxренцами, не переставая обвинять южан во всех смертных грехах. Но момент истинного торжества магистр испытал

несколько позже. Это случилось, когда одной бехранской женщине каким-то чудом удалось вырваться из горящего дома. Толпа, доведенная до неистовства криками Де'Уннеро, знала, как надо поступить. Беглянку немедленно схватили и, не переставая бить и пинать ногами, поволокли обратно. Никто не обращал внимания на ее отчаянные крики и мольбы о пощаде. Толпа, охваченная зловещим ликованием, швырнула женщину прямо в огненный ад.

На следующий день братья Покаяния покинули избавленный от греха Джунипер и двинулись дальше по холмистым полям южной части Хонсе-Бира. Пятнадцать убитых, десятки раненых и искалеченных — такова была цена, которую пришлось заплатить жителям селения за осознание истины. Но были и те, кто провожал братьев Покаяния как героев, как святых, вышедших на битву с розовой чумой. Число самих братьев за один день возросло вчетверо. Множество молодых и сильных мужчин Джунипера захотели присоединиться к ним и тоже воевать с чумой. Мужчин, с радостью готовых взвалить на свои плечи ответственность за грехи человечества.

Мужчин, готовых страдать.

И... убивать.

— Констанция снова беременна, — объявил настоятель Джеховит королю Данубу и герцогу Каласу. — У нее мальчик.

Разговор происходил на другой день после дня осеннего равноденствия.

Король Дануб улыбнулся, а Калас громко рассмеялся.

— Опять наследник. Как говорят, один для нас, другой — про запас.

Дануб недовольно посмотрел на герцога. Первым побуждением короля было как следует отчитать своего дерзкого друга за бесцеремонность, но потом он подумал: а, собственно говоря, за что? Он до сих пор не объявил об отсрочке привилегии в отношении Мервика, своего первого сына от Констанции Пемблбери, хотя малышу уже семь месяцев. По сути, Калас имеет право скептически относиться к статусу детей Дануба.

— Посмотрим, как будут развиваться события, — спокойным тоном произнес король.

Калас тщательно обдумал свой ответ.

— Вы официально отказали в престолонаследии двум другим своим детям, — напомнил герцог, — но до сих пор не сделали никакого заявления относительно ребенка Констанции. Вы собираетесь на ней жениться?

Теперь уже настоятель Джеховит рассмеялся своим квохчущим смехом, заставив Дануба и Каласа обернуться в его сторону.

— И в самом деле, ваше величество, — сказал старик, — не намерены ли вы жениться на госпоже Пемблбери? Как ваш советник в вопросах духовных, должен вам сказать, что подобные зачатия, если только они не являются непорочными, подают дурной пример народу.

Все трое весело засмеялись, Дануб был рад, что удалось отойти от неприятной темы. Он, конечно же, знал, что вскоре ему придется принимать серьезные решения, но сейчас ему не хотелось об этом думать. Он нежно и заботливо относился к Констанции и никоим образом не хотел причинять ей боль. Но образ другой прекрасной и своевольной женщины продолжал жить в его сознании.

Больше о Констанции и ребенке не было сказано ни слова. Вскоре Джеховит отправился к себе в монастырь, а Калас вместе с Данубом — на прогулку верхом по окрестным полям. Король любил радости жизни, герцог тоже.

Но радоваться предстояло недолго.

Вести о зверствах, учиненных в селении Джунипер и в нескольких других местах, достигли Урсальского замка уже на следующей неделе. Кроме того, именно в этот день стало известно о первых заболевших розовой чумой среди жителей Урсала.

Король, герцог Калас и Констанция собрались в аудиенц-зале. Тут же находился и маленький Мервик. Ждали прибытия герцога Тетрафея. Настроение было тягостным и совсем не напоминало о непринужденной обстановке прошедшего лета. Мир вновь стал

мрачным местом. Облегчение, которое испытал королевский двор после окончания войны с демоном-драконом и его приспешниками и неурядиц внутри церкви Абея, похоже, оказалось недолгим. Присутствующим розовая чума была известна лишь по историческим хроникам, но все знали, какой трагедией она обернулась для королевства в прошлые века.

— В городе чума! — послышалось за дверями, и в зал вбежал герцог Тетрафель. — Ваше величество, слухи подтвердились. Розовая чума!

Король Дануб жестом велел ему успокоиться и сесть на один из стульев, поставленных перед тронем. Мельком взглянув на Мервика, забавлявшегося игрушками, Тетрафель сел напротив Дануба.

— Я только что говорил с одним из монахов Сент-Хонса, — попытался объяснить герцог, но король, подняв руку, прервал его.

— Мы уже знаем, — сказал король. — Утром я говорил с настоятелем Джеховитом.

— Розовая чума! — воскликнул Тетрафель, качая головой. — Что нам теперь делать?

— А что мы в состоянии сделать? — отозвался герцог Калас. — Поскорее да покрепче запретить свои двери.

— И продолжать то, что на нас возложено, — добавил король Дануб. — Для тебя, герцог Тетрафель, — это восстановление дневника. Нельзя допустить, чтобы плоды стольких трудов оказались бесследно утраченными.

Герцог Тетрафель вздрогнул, обожженный болью воспоминаний.

— И даже... Докальфар? — тихо спросит он.

— В особенности Докальфар, — ответил Дануб. — Они — наши вероятные враги, и мне необходимо знать о них все.

Герцог Тетрафель кивнул.

— Но продолжать свою работу тебе придется не здесь, — продолжал король. — Мне нужно, чтобы ты отправился в Палмарис и стал там моими глазами, ушами и устами.

Тетрафель снова вздрогнул.

— Но, ваше величество, вокруг чума, — возразил он.

— Чейзвинд Мэнор — надежная и уютная крепость, — уверил его герцог Калас. — Ты найдешь там все, что тебе необходимо. Там ты будешь защищен от чумы лучше, чем где-либо. Если, конечно, от нее можно защититься.

— Герцог Тетрафель, — заговорил официальным тоном король, видя, что тот все еще колеблется, — у меня большие замыслы относительно обширных и диких северных земель, что лежат к северу от Палмариса. Многие из них находятся под твоей властью. Разумеется, из-за чумы это предприятие пока придется отложить. Однако как только чума уйдет — а она всегда уходила, — мой взор обратится к Палмарису и дальше. Вплоть до Картинеллы и границы Тимберленда. Это должно стать величайшим расширением Хонсе-Бира со времен завоевания Вангарда. И мне очень понадобится твоя помощь. Ибо кто, как не ты, отважный первопроходец наших дней, способен возглавить это грандиозное дело? Так что, не мешкая, отправляйся в Палмарис. Записи, оставленные герцогом Каласом, помогут тебе разобраться в тамошних делах. Пусть твое правление будет мудрым. И всегда помни о славном будущем, которое ожидает нас с тобой.

Реакция на эти слова превзошла все ожидания. Герцог Тетрафель вскочил со стула и припал перед Данубом на одно колено.

— Ваше величество, я не подведу вас, — сказал он, склонив голову.

Потом встал, вскинул руку в прощальном приветствии и стремглав вылетел из аудиенц-зала, едва не сбив с ног настоятеля Джеховита.

— В таком возрасте пора бы быть степеннее, — проворчал настоятель, входя в аудиенц-зал.

Собравшиеся заметили, что сегодня он хромот сильнее обычного.

Джеховит опустился на стул, где до него сидел Тетрафель, и откинулся на спинку. Казалось, ему никак не найти удобное положение. Мрачное лицо настоятеля давало недвусмысленный ответ на главный вопрос, который намеревался задать Джеховиту король.

— Значит, это правда, — сказал король. — Розовая чума добралась и до Урсала.
— И стремительно захватывает восточную часть королевства, — добавил Джеховит.
— Может, это все-таки отдельная вспышка? — с надеждой спросила Констанция, глядя на своего ребенка.

— Откуда мы знаем? — ответил Джеховит. — Известны случаи, когда чума появлялась, но быстро исчезала. Известны и другие...

Он умолк на полуслове и лишь тряхнул головой.

— В любом случае, настоятель Джеховит, какой прок от вашей церкви? — спросил герцог Калас.

Вражда между ними никогда не утихала, и каждая их встреча непременно сопровождалась словесной перепалкой.

— Как поведут себя ваши настоятели? Закроют ворота монастырей, чтобы не слышать криков умирающих? Завесят поплотнее свои окна, чтобы не видеть страдания людей, которых они якобы ведут к Богу?

От этих слов настоятель Джеховит вскинул голову, распрямил спину и сощурился.

— Да, мы действительно закроем ворота, — согласился он. — Равно как и вы, герцог Калас, и вы, король Дануб. Мы не в силах победить чуму и потому должны, насколько это возможно, укрыться от нее.

— А что прикажете делать простому народу? — с пафосом продолжал Калас.

Впрочем, эта реплика не была воспринята всерьез, поскольку даже Дануб одобрительно кивал, слушая слова Джеховита.

— Простой народ тоже будет стараться укрыться, — ответил Джеховит. — Многие заболеют и умрут мучительной смертью, ибо такова Божья воля.

Последнее утверждение заставило Каласа резко встать, отшвырнув стул. Старая лиса, — с неприязнью подумал герцог. Теперь он объявляет розовую чуму Божиим промыслом.

— У вас все, чего вы не умеете объяснить или чем не можете управлять, приписывается Божьей воле, — с упреком бросил герцог.

— Все, происходящее в мире, совершается по Божьей воле, — ответил на это Джеховит.

— И даже появление демона-дракона? — ехидно спросил Калас, намекая на общепринятое мнение, что предыдущий отец-настоятель был околдован демоном Бестесбулзибаром.

Джеховит лишь пожал плечами и повернулся к королю. Поведение Джеховита удивило Каласа. Дануб и Констанция тоже были удивлены. Обычно старик пускался в эти словесные баталии с не меньшим удовольствием, чем сам Калас.

— Нам необходимо поговорить и о других делах, касающихся вашей церкви, — недовольным тоном произнес король. — Вы что-нибудь слышали о так называемых братьях Покаяния?

— То же, что и вы, ваше величество, — ответил Джеховит. — Шайка самозванцев, действующих без позволения отца-настоятеля Агронгерра.

— А их главарь? — продолжал король. — Этот... брат Истины?

Калас хмыкнул; такое имя и впрямь звучало претенциозно.

— Я ничего о нем не знаю, — сказал Джеховит.

— Так да будет вам известно, — сердито произнес Калас, становясь рядом с Данубом, — что они ходят по городам и селениям и разглагольствуют о человеческих грехах. А потом хлещут друг друга до бесчувствия плетками. Думаю, при их фанатичной преданности церкви Абея им, наверное, даже не больно.

— Свои дурацкие суждения можете оставить при себе, — сухо заметил Джеховит.

— Если бы они только хлестали друг друга, — сказал король Дануб. — Похоже, они выискивают врагов церкви или, точнее, их представления о церкви. Известно два случая учиненных ими расправ над бехранцами.

— Об этом я тоже слышал.

— И вас это не тревожит? — язвительно спросил король Дануб.

Он знал, что Джеховит, как и большинство абеликанцев, не питает особой любви к бехренским язычникам.

— А что бы вы хотели от меня услышать? — поинтересовался старый монах.

— Вы учитываете, что Хонсе-Бир ведет торговлю с Бехреном? — спросил король Дануб.

Он тоже встал и жестом велел герцогу Каласу отойти в сторону.

— Вы как-то быстро забыли, что, когда епископ Де'Уннеро начал преследовать бехренцев, живущих в Палмарисе, посол Рахиб Дайбе чуть не остановил всю торговлю и пригрозил нам войной. Возможно, ваша церковь считает жестокое обращение с язычниками пустяком, не стоящей внимания мелочью, но я, друг мой, не желаю ввергать мое государство в новую войну!

Голос короля звенел от гнева. Все, кто был в аудиенц-зале — Констанция, Калас, Джеховит и даже малыш Мервик, — испуганно посмотрели на него. Король Дануб Брок Урсальский отличался завидной выдержкой, и его крайне редко видели взбешенным.

— Церковь не повинна в распространении розовой чумы, — тихо ответил настоятель Джеховит.

— Но вы можете осложнить положение! — набросился на него Калас, однако король резко взмахнул рукой.

— Я еще в Палмарисе предупреждал и вас, и всех остальных: наведите порядок в церкви, — сказал Дануб.

— Именно этим мы и занимаемся! — воскликнул Джеховит.

Теперь он, хоть и с заметным трудом, тоже поднялся на ноги.

— Отец-настоятель Агронгерр — прекрасный человек, и что бы герцог Калас здесь ни говорил, вы не можете отрицать, что настоятель Браумин немало сделал для наведения порядка в Палмарисе.

— Этот беспорядок устроила там ваша церковь, — сказал Калас.

Король Дануб вновь взмахнул рукой, но теперь глаза его угрожающе сверкали.

Потом король шумно вздохнул и опустился на стул. Как быстро все изменилось! Еще несколько дней назад он наслаждался жизнью, радуясь известию о будущем сыне. И вдруг его самого и его королевство словно опять толкнули в самую гущу бед и страданий.

— Братья Покаяния действуют без официального разрешения церкви? — уже спокойным голосом спросил он.

Джеховит покачал головой.

— Мы ничего не знаем о них и отнюдь не рукоплещем их деяниям.

— Такие, как они, уже появлялись, — вдруг сказала Констанция Пемблбери, и все трое обернулись к ней. — Когда наступают безнадежные времена, возникают странные культы. В прошлом были Карающие Братья.

— Да, верно, — согласился Джеховит. — Безнадежные времена толкают на безнадежные меры.

Дануб протер глаза и еще раз вздохнул.

— Постарайтесь, чтобы у вашей церкви не возникло желания поддержать эти безнадежные меры и тех, кто их проводит, — предупредил король. — Иначе вы рискуете посорить церковь с государством.

Джеховит кивнул. Грозные слова короля его не особо беспокоили. Он достаточно хорошо знал отца-настоятеля Агронгерра; тот никогда не одобрит и не согласится с подобными действиями.

— Неужели мы никак не можем противостоять чуме? — тихо спросил Дануб.

Джеховит покачал головой.

— Мы можем только прятаться от нее, — сказал он.

Говорить больше было не о чем. Встреча закончилась.

Джеховит вернулся в Сент-Хонс. Там он объявил, что отныне братьям воспрещается выходить за пределы монастыря, и велел накрепко закрыть массивные дубовые ворота, поставив возле них стражу. Всех наемных работников, кроме самых необходимых, было велено распустить по домам и сказать, чтобы впредь не приходили.

В течение недели братья Сент-Хонса благословили и возвели вокруг монастырских стен цветочный кордон. Второй такой же кордон был возведен перед закрытыми воротами Урсальского замка. Число заболевших возрастало в Урсале с каждым днем. Джеховита это не удивляло. То же самое происходило в густонаселенных местах во время прошлых эпидемий чумы.

К концу следующей недели у стен монастыря и королевского дворца появились толпы чумных больных. Ночной воздух содрогался от нескончаемых воплей и рыданий. Больше всех плакали и убивались матери, обнаружившие неопровержимые признаки чумы у своих детей.

Настоятель Джеховит наблюдал за этой ужасающей картиной из узкого окна своей кельи, находящейся на самом верху главной башни Сент-Хонса. Каким старым и изможденным чувствовал он себя сейчас! Он устал от всего на свете. От сражений с герцогом Каласом, в которых расстроенный и подавленный король Дануб теперь, похоже, держал сторону Каласа. От богословских войн, которые он столько лет вел внутри церкви. От ретивых молодых братьев, думающих, будто они знают истину... Разве этот брат Истины — не один из них?

После гибели Маркворта Джеховит остановился на том, чтобы просто жить, храня память о покойном отце-настоятеле. Но все изменилось теперь, когда розовая чума упорно распространялась по всему королевству. Вскоре наступающая катастрофа вытеснит из памяти ужасы времен демона-дракона.

Джеховит бросил взгляд на древние каменные стены монастыря. Скорее всего, ему уже не выйти отсюда и не увидеть мир за пределами этой святой обители... этой тюрьмы. В прошлые века эпидемии чумы в Хонсе-Бире каждый раз длились не менее десяти лет, а то и дольше. В такие моменты братья церкви Абеля становились затворниками своих монастырей, и начинались долгие споры о происхождении вселенной, о назначении Человека, смысле жизни, природе Бога и реальности смерти.

Джеховит чувствовал себя слишком старым и усталым для подобных дебатов. Пусть другие умствуют. Он с полной уверенностью знал только одно: у него нет ответов.

С наступлением сумерек на улицах Урсала появлялись телеги. Возницы в черных одеждах, с масками на лицах кричали горожанам, чтобы те выносили покойников. Джеховит слышал крики этих извозчиков смерти. Он знал: вскоре им придется совершать больше поездок, а телеги будут доверху нагружены трупами жертв чумы.

— Выносите ваших мертвецов!

Слова эти глубоко застревают в душе старого настоятеля. Вот оно, зримое напоминание о бессилии и никчемности человека.

— Выносите ваших мертвецов!

Разбитый и измученный, Джеховит кое-как добрался до постели и лег.

Началось с того, что у него онемела рука, словно он отморозил ее и теперь ощущал легкое покалывание и пощипывание. Потом эти же ощущения появились в плече и в верхней части груди. Наверное, съел что-то, не понравившееся его старому желудку.

Но онемение сменилось жжением. Вначале оно охватило тело, затем все более и более стало сосредоточиваться вокруг сердца. И тогда Джеховит понял, что с ним.

Он лежал, ослепленный ужасным открытием и совершенно беспомощный. Вряд ли у него хватит сил, чтобы даже выбраться из кельи. Джеховит с трудом повернул голову и посмотрел на ночной столик. Накатывающиеся волны боли перебивали все мысли, но настоятель вспомнил, что в ящике столика лежит гематит. Надо попробовать связаться с кем-нибудь из братьев.

Мозг Джеховита прорезала другая мысль. Он вспомнил, как совсем недавно осматривал

Констанцию Пемблбери. С помощью камня души он вошел в ее тело. Он видел плод, ощущал его тепло и душу. Джеховит знал, что мог бы изгнать эту душу из тела Констанции. Камень помог бы ему поселиться в теле еще не родившегося ребенка.

И тогда он бы родился сыном короля!

Волна острой боли вновь прокатилась по телу, и Джеховит схватился за грудь.

Как только боль схлынула, он протянул руку к ночному столику.

Джеховит вздрогнул. Откуда в нем такие зловещие, греховные мысли? Как вообще он мог додуматься до этого? Всю жизнь он служил Богу. Да, он совершал ошибки и нередко заблуждался, но он никогда не творил зло преднамеренно! И никогда не вынашивал греховных замыслов, подобных этому!

Буквально воя от боли, настоятель Джеховит достал камень души и приложил к своему пылающему сердцу. Он вошел в магию камня, но не затем, чтобы изгнать душу нерожденного ребенка Констанции или связаться с кем-нибудь из братьев.

Старый настоятель понимал: его земная жизнь подходит к концу. Слабость, охватившая тело, — это знак, подаваемый Богом: пришло время возвращаться домой.

За несколько минут перед ним пронеслась едва ли не вся его жизнь. Он вспомнил события последних лет, когда Маркворт сбился с пути, а он, Джеховит, из страха и властолюбивых побуждений с готовностью последовал за ним. И теперь, вспоминая все это, он задавал себе лишь единственный вопрос: удастся ли ему обрести спасение?

И какое оно, это спасение? — не без трепета думал он.

Потом глаза настоятеля Джеховита закрылись. Навсегда.

ГЛАВА 26 ЗНАКОМОЕ И НЕЗНАКОМОЕ

— Давай ворчи, — шутливо выговаривал Пони Роджер. — Как встретишься с Колин, поймешь, что не зря ехала! Завтра выезжаем.

Они находились на северном склоне холма, по другую сторону которого, в долине, лежал Дундалис. Пони, восседавшая на Грейстоуне, махнула парню, чтобы он ушел. Роджер подпрыгивая понесся вниз, радуясь, что наконец-то уговорил Пони доехать с ним до Кертинеллы.

Наблюдая, как его спина мелькает среди деревьев, Пони не могла скрыть улыбки. Роджер докучал ей с этой поездкой все лето, но она наотрез оказывалась. Парню хотелось, чтобы она доехала с ним до самого Палмариса. Наконец Пони уступила, согласившись на половину дороги, поскольку собиралась навестить в Кертинелле свою подругу Колин.

Дундалис был ей хорошим прибежищем. Пони провела здесь около года и в какой-то мере обрела покой. Целыми днями она помогала Белстеру О'Комели в его трактире «У доброго друга». Сам Белстер не особо утруждал себя работой, беседуя о том, о сем с посетителями и прежде всего со своим лучшим другом Томасом Джинджервортом. Пони избегала разговоров; ее вполне устраивало одиночество. Она с радостью занималась простой работой, находя в повседневных делах утешение.

И теперь Роджеру захотелось нарушить привычное течение дней, захотелось вновь вытащить Пони на юг, где, как она опасалась, ее ожидали все те же тяжкие воспоминания. Парень буквально извел ее уговорами, и она согласилась. Только сейчас до Пони окончательно дошло, что обещание придется выполнять!

Она вздохнула и развернула коня. Ей предстояла еще одна встреча. Пони направила Грейстоуна вниз по северному склону и поскакала в широкую, поросшую соснами долину, устланную густым белым оленьим мхом. С этим местом у нее тоже было связано множество воспоминаний, но в основном приятных — воспоминаний об их с Элбрайном детстве, когда о гоблинах еще и слухом не слыхивали.

Пони миновала долину и въехала в лес, двигаясь легким шагом. Потом остановилась. Ей хотелось просто побыть одной. Здесь был ее укромный уголок. Пони не боялась диких

зверей, не боялась она и случайной встречи с последними остатками армии демона-дракона. Пони боялась совсем другого: мыслей о глупости рода человеческого, мыслей о том, как мало ей удалось сделать и насколько бесполезной была смерть ее дорогого Элбрайна.

Пони остановилась в условленном месте, у пруда. Совсем неподалеку отсюда находилась роща с могилой Элбрайна. Смотритель еще не появлялся, и потому Пони спрыгнула с коня, сбросила башмаки и окунула ноги в приятную прохладу воды.

Прошло довольно много времени. Пони лежала на пожелтевшей траве, болтала ногами и вспоминала о хороших временах...

— Не знал, что ты сама не своя до холодной водички. Надо было бы тебя кинуть в пруд, да боюсь, замерзнешь, — услышала она голос кентавра, разбудивший ее от крепкого сна.

Пони взглянула на небо.

— И это у тебя называется полдень? — ехидно спросила она, видя, что солнце уже начало клониться к западу.

— А как же еще? Полдень — значит половина дня, — объяснил кентавр. — Раз я отправляюсь спать глубокой ночью и сплю все утро, по моим расчетам, сейчас и есть полдень!

Пони бросила в него охапку листьев, но осенний ветер подхватил их, и они разлетелись в разные стороны.

— Вижу, ты научилась смотреть на мир по-другому, девонька, — засмеялся Смотритель.

— Мир, в который я скоро вернусь, вряд ли стал другим, — ответила Пони.

— Видел я твоего дружка Роджера. Он мне все рассказал, — сообщил Смотритель. — Наконец уломал-таки тебя, да? Ты знаешь, что я думаю на этот счет.

— Прекрасно знаю, — пробормотала Пони, поскольку по части уговоров поехать вместе с Роджером в Палмарис кентавр был так же настойчив, как и сам Роджер.

— Нельзя все время прятаться, как сейчас, правда?

— Прятаться? — усмехнулась Пони. — Неужели ты не понимаешь, что мне просто нравится бывать здесь?

— Может, ты и говоришь правду... но мне сдается, что ты себе малость привираешь... надо иногда выбираться из Тимберленда, чтобы поглазеть на большой мир.

— Если у Роджера все сложится успешно, может, я проведу в Палмарисе всю зиму, — сказала Пони.

— Разве это плохая затея? — раскатисто смеясь, спросил Смотритель.

Пони неопределенно пожала плечами.

— Жить здесь тихо и приятно, — помолчав, сказала она. — У меня нет желания куда-либо ехать. Но я обещала Роджеру проводить его до Кертинеллы, раз он не хочет ехать один. Не понимаю, почему он так торопится. Здесь у него есть все, что ему надо.

Последние ее слова потонули в громком хохоте кентавра.

— Говоришь, все, что ему надо? — недоверчиво повторил Смотритель. — И что же у парня здесь есть? Солнце-то светит, девонька. Чувствуешь, как оно греет тебе кости и сердце?

Пони внимательно посмотрела на него, потом сказала:

— Кости, наверное, греет.

Смотритель вновь засмеялся.

— Значит, только кости? Оттого-то Роджер и торопится.

Пони вопросительно вскинула брови.

— Он же молодой парень! Полон огня, полон желания, — усмехнулся кентавр, вынужденный объяснять очевидные вещи. — Во всех трех городах Тимберленда только две одинокие женщины. Одна из них — совсем девчонка, у которой до любви нос не дорос.

— А другая, значит, я, — сообразила Пони. — Уж не думаешь ли ты, что Роджер...

Пони оборвала вопрос на полуслове. В ее голосе послышалась тревога.

— Если бы ты захотела, он бы все сердце отдал тебе, — сказал Смотритель. — Но ты не волнуйся, девонька. У Роджера нет таких помыслов. Он слишком ценит дружбу с тобой и хорошо помнит про дружбу с Полуночником.

Пони вновь улеглась на ковер из листьев, раздумывая над словами кентавра.

— Получается, Роджер рвется в Палмарис, чтобы найти себе жену, — произнесла она не столько спрашивая, сколько утверждая.

— Хотя бы подружку, так я думаю, — ответил кентавр. — Что ж, по-твоему, его за это стыдить надо?

Вопрос и довольно резкий тон, каким он был задан, удивили Пони.

— Неужели ты забыла, что это значит — любить? — тихо и сочувственно спросил кентавр.

— И это ты мне говоришь? — язвительным вопросом ответила Пони.

Она не могла припомнить, чтобы Смотритель когда-нибудь был влюблен в свою соплеменницу. Пони казалось, что он вообще единственный в мире кентавр!

— У нас все малость не так, — объяснил он. — Мы знаем, как...

Он замолчал, запнувшись, и стал смущенно прочищать горло. Звук этот напоминал грохот валунов, катящихся один за другим по каменистому склону.

— Нас тянет на любовь раз в пять лет, не чаще. И всегда новая подруга. Бывает, правда, что та же самая. А когда у нее появляется кентавренок, она растит и воспитывает малыша одна.

— Получается, ты не знал своего отца, — заключила Пони.

— Знал, что он где-то есть, и этого довольно, — ответил Смотритель.

По его тону Пони не могла уловить, сожалеет он об этом или нет.

— Но у людей все не так, у вас — другая история, — продолжал кентавр. — Я давно наблюдаю людей. Не получается что-то у вас счастье поодиночке.

Пони довольно сердито посмотрела на него. Она понимала, что замечание Смотрителя целиком адресовано ей.

— Может, у тебя снова проснется желание, а может, и нет, — ответил на ее взгляд кентавр. — Дело не в этом. Ты знала любовь, девонька. Огромную любовь. Такую, какой я больше нигде не видел. Ты ее знала, она и сейчас греет твое сердце.

— Я чувствую, что в моем сердце — пустота, — призналась Пони.

— Пока чувствуешь, — сдержанно улыбаясь, сказал кентавр. — Но тепло, что в тебе есть, заполнит эту пустоту, так я думаю. Важно другое. У тебя была любовь, у Белстера тоже. Вам есть что вспоминать. А Роджеру нет.

Задумавшись над словами кентавра, Пони хотела возразить, но промолчала. Смотритель был прав. Роджер жил в одиночестве, а сейчас его возраст и состояние души требовали большего, нежели дружбы и друзей. Действительно, в Тимберленде у парня даже не было выбора.

Пони легла, заложив руки за голову, и стала глядеть в предвечернее осеннее небо — голубое, с пушистыми комочками белых облаков, которые ветер нес куда-то. Нет, она прекрасно помнила, что это значит, когда ты любишь и тебя любят. Чувство тепла и близости по-прежнему оставалось с ней и сейчас, когда ее любимый лежал в могиле. Наверное, в первый раз после трагедии в Чейзвинд Мэнор Пони задумалось о том, полюбит ли она снова. Вернее, захочется ли ей когда-нибудь вновь испытать любовь.

Пони оставалась со Смотрителем до позднего вечера, слушая его песни и игру на волынке. На обратном пути в Дундалис она завернула в заветную рощу и долго простояла там, предаваясь воспоминаниям.

Ей удалось поспать совсем немного. На следующее утро, оседлав Грейстоуна, Пони вместе с Роджером отправилась в Кертинеллу. Сам Роджер ехал на кобыле, которую Смотритель привел ему из табуна Дара. Дорога была легкой, и через неделю они достигли Кертинеллы.

Колин они застали дома. Пони она показалась еще более слабой и больной, чем в

прошлый раз, когда они с Белстером навещали ее по пути в Дундалис. И все же у Колин хватило сил крепко обняться с Пони и Роджером.

— Я все подумываю съездить в Дундалис, — сказала она, отстраняя Пони и с восхищением оглядывая ее. — Само собой, когда мне станет получше.

— Можешь считать, что мы избавили тебя от недельной дороги, — сказала Пони, стараясь выглядеть веселой.

Колин лукаво поглядела на нее.

— Ты избавила меня не только от дороги. Ты хорошо ему отплатила, этому Сеано Беллику.

Роджер вопросительно уставился на Пони.

— Был тут такой человек, — пояснила она. — Явился к нам с Белстером, когда мы заночевали в поле. Я всеми силами пыталась убедить его уйти.

— И еще как убедила! — с усмешкой проговорила Колин и, обращаясь к Роджеру, добавила: — Представляешь, оттяпала ему кисть правой руки, а его дружку пустила в глаз стрелу. Этот Сеано на другой день явился сюда. Был от боли и вконец тронулся. Потом со всех ног пустился в Палмарис. Правда, я слышала, где-то по дороге его прибили.

— Невелика потеря, — отозвалась Пони.

— Может, конечно, это только сплетни, — сказала Колин.

Тут она зашлась кашлем и долго не могла остановиться.

— Мы давно не получаем вестей с юга, — наконец смогла продолжить Колин. — Знаем лишь, что крестьяне успешно собрали урожай. Вот и все.

— А брат Браумин по-прежнему настоятель в Сент-Прешес? — спросила Пони.

— Да. Теперь ему легче. Герцог Калас прошлой зимой сбежал, смотался в свой Урсал, — ответила Колин. — Шамус, мой двоюродный брат, прислал весточку. Он вернулся в Палмарис и теперь служит у нового барона. В городе все любят настоятеля Браумина.

— Рад буду снова увидеться с ним, — сказал Роджер.

— Так вы едете дальше? — поинтересовалась Колин.

— Роджер — да, а я приехала повидаться с тобой, — ответила Пони.

— Тебе повезло, — сказала Колин, обращаясь к Роджеру. — Завтра в Палмарис отправится караван.

— Честно говоря, я хотел некоторое время побыть здесь, — признался Роджер.

— Говорят, скоро начнутся ураганы, — сообщила Колин. — Если хочешь без хлопот добраться до Палмариса, придется тебе ехать с этим караваном.

Роджер взглянул на Пони. Она пожала плечами. Оба с самого начала знали, что рано или поздно им придется расстаться, и, как говорил Роджер, очень и очень надолго.

— Тебе надо будет разыскать Джанину-с-Озера, — велела парню Колин. — Она пристроит тебя на какую-нибудь повозку.

Они еще немного поболтали о разных разностях. Колин угостила их горячим тушеным мясом и печеньем. Потом она рассказала Роджеру, где найти Джанину.

— Почему ты до сих пор болеешь? — резко спросила Пони, когда за Роджером закрылась дверь.

Колин вздрогнула, словно ей дали пощечину.

— Не очень-то это по-дружески, — тихо сказала она.

— Зато по-честному, — ответила Пони. — В прошлый раз я застала тебя больной, но причина была вполне понятной — твоя схватка с Сеано Белликом и груз того, что тебе пришлось вынести за эти годы. Но сейчас... Колин, прошел год. Неужели все это время ты болела?

Увидев, что Пони действительно встревожена ее состоянием, Колин перестала хмуриться.

— Летом все было замечательно, — постаралась успокоить она подругу. — Даже не знаю, что это вдруг случилось со мной. Но не стоит волноваться.

— Я была бы тебе не подругой, а просто лгуньей, если бы стала говорить, что ты

выглядишь здоровой и сильной, — сказала Пони.

— И я была бы лгуньей, если бы стала уверять тебя в этом, — согласилась Колин. — Но ты не волнуйся, это пройдет, — упорно твердила она.

Пони кивала, стараясь казаться спокойной и уверенной, однако достала свой гематит. Возможно, он ей скажет правду о состоянии здоровья Колин.

На следующий день Роджер уехал вместе с караваном. Это был последний предзимний караван, торопившийся поспеть в Палмарис, ибо многие крестьяне предрекали нынче ранний снег. Роджер еще раз попытался уговорить Пони отправиться вместе с ним, уверяя, что при такой погоде она вообще может надолго застрять в Кертинелле.

Сама Пони не особо беспокоилось насчет обратной дороги. Когда она решит вернуться в Дундалис, они с Грейстоуном без труда одолеют весь путь. Вспомнив слова Смотрителя, она искренне пожелала Роджеру успеха и взяла с него обещание, что он передаст от нее приветы всем друзьям в Палмарисе.

А ей, видимо, придется задержаться в Кертинелле. Поначалу она рассчитывала проводить Роджера, погостить здесь пару дней и вернуться в Дундалис. Однако теперь, увидев слабую и немощную Колин, она не могла оставить подругу одну.

Зима действительно выдалась ранняя, и к северу от Палмариса леса и поля покрылись снегом. Но к этому времени Роджер уже благополучно добрался до города.

Несмотря на поздний час, он направился прямо в Сент-Прешес и был очень рад вновь увидеть настоятеля Браумина, а также братьев Виссенти и Кастинагиса. Все смеялись, рассказывая несколько преувеличенные и приукрашенные истории прошлых времен. Затем поочередно сообщили друг другу о том, что происходит ныне. Разговор потек уже спокойнее и теперь касался надежд на будущее.

— Жаль, что Пони не поехала со мной, — заявил Роджер. — Ей бы по сердцу пришлось перемены в церкви Абея. Это же здорово, что Эвелина перестанут называть еретиком и порочить его имя.

— Этого мы пока не знаем, — осторожно заметил брат Виссенти.

— Скоро к нам должны прибыть братья-расследователи. Они попытаются разобраться во всем, что связано с Эвелином и чудом, произошедшим на Аиде, — объяснил настоятель Брамин. — Их расследование определит отношение церкви к деяниям Эвелина.

— Неужели кто-то еще сомневается? — удивился Роджер. — Я ведь тоже был на Аиде вместе с тобой. Истинное чудо, какого до сих пор мир не видел!

— Запомни эти слова и не отказывайся от них, — своим тонким голосом произнес брат Кастинагис. — Думаю, у братьев-расследователей найдется время поговорить и с тобой.

Разговоры продолжались далеко за полночь, пока, наконец, сон не сморил всех. Назавтра они снова смеялись, вспоминали о прошлых днях, строили планы на будущее. Так продолжалось до самого вечера, пока настоятеля Браумина не позвали на встречу с братом Талюмусом и несколькими другими монахами.

Роджер отправился бродить по городу.

Оказавшись на знакомой улице, он с удовлетворением обнаружил новый трактир, появившийся на месте «У доброго друга» — трактира, некогда принадлежащего Грейвису и Петтибве Чиличанк, приемным родителям Пони, которые погибли по вине Маркворта.

Новый трактир назывался «Кости великана», и, зайдя внутрь, Роджер сразу понял, что заведение вполне оправдывает свое название. Вместо балок стены подпирали побелевшие кости великанов, а украшением стен служили великаньи черепа. Самый большой из них лежал на полке за стойкой. Светильник под потолком — и тот был сделан из великаньих ребер.

Роджер шел между столиков, разглядывая убранство трактира и незнакомые лица посетителей. Но каким знакомым показалось ему выражение этих лиц! Новое заведение сильно отличалось от прежнего и в то же время здорово напоминало «У доброго друга». Пробираясь к стойке, Роджер слышал обрывки разговоров. Он поймал себя на мысли, что и в

старом трактире говорили о том же самом.

Похоже, эти люди были вполне довольны жизнью, хотя кто-то из них, как всегда, жаловался на поборы в пользу королевской казны и на церковную десятину. За одним из столиков негромко переговаривались о какой-то чуме, и в самом звуке голосов Роджеру почудилось что-то зловещее. Впрочем, в трактирах всегда любили пережевывать слухи и дополнять их разными небылицами.

Но, по правде, Роджеру здесь все больше и больше нравилось.

— Чего тебе налить, приятель? — услышал он за спиной хриплый голос трактирщика.

— Медового эля, — ответил, не поворачиваясь, Роджер.

Послышался звук откупориваемой бутылки, потом бульканье эля, наливаемого в кружку.

— Эй, красавица, опять глаза расставила? А работать кто будет? — спросил все тот же хриплый голос.

Роджер обернулся и увидел седобородого трактирщика, наливавшего ему эль. Рядом с трактирщиком стояла девушка, с изумлением разглядывая его из-за стойки.

— Роджер Не-Запрешь, — радостно произнесла Дейнси Окоум. — Вот уж не думала, что увижу тебя снова.

— Дейнси! — воскликнул Роджер и потянулся через стойку, чтобы обнять и поцеловать девушку.

— За пролитую выпивку тоже будешь платить, — сердито проворчал трактирщик, и Роджер выпустил Дейнси из объятий.

— Ох, до чего же ты жестокий, Биглоу Браун! — со смехом сказала Дейнси и замахнулась на трактирщика посудным полотенцем. — Если бы ты знал, на кого орешь, то оказался бы поучтивей!

Ее слова заставили Биглоу Брауна попристальнее приглядеться к Роджеру, но не успел он и рта раскрыть, как Дейнси выпорхнула из-за стойки и, взяв худощавого парня за руку, повела его по залу. Присмотрев столик, она согнала оттуда двоих посетителей и усадила Роджера. После этого Дейнси принесла ему медовый эль.

— Как только мне удастся улизнуть, я приду к тебе, — пообещала Дейнси. — Мне не терпится узнать все-все про Пони и Белстера.

Роджер улыбнулся и кивнул. Он был по-настоящему рад, что вернулся в Палмарис.

Верная своему слову, Дейнси Окоум часто навещала Роджера за столиком, принося ему новые кружки с медовым элем и уверяя, что его угощает Биглоу Браун. Правда, Роджер сильно сомневался, знает ли хмурый трактирщик о своей удивительной щедрости. В эти минуты они болтали, смеялись и наперебой рассказывали друг другу о событиях прошедшего года. Время пролетело незаметно. Оглянувшись по сторонам, Роджер вдруг заметил, что в трактире почти не осталось посетителей.

— Я скоро закончу работу, — сообщила Дейнси, принося ему последнюю кружку медового эля.

— Погуляем? — предложил Роджер.

— Не откажусь прогуляться с тобой, Роджер Не-Запрешь, — с легкой улыбкой сказала Дейнси и поспешила к стойке, чтобы поскорее освободиться.

Стояла замечательная ночь — как раз для романтической прогулки. Правда, было немного холодно, но ураганные ветры прошли стороной и лишь краешком задели Палмарис. В небе ярко блестели звезды, такие же холодные, как ночной воздух.

Они шли, не торопясь и не переставая говорить. Завернув за угол, Роджер с удивлением заметил лестницу, ведущую на крышу трактира. Точнее, к единственной на всей крыше плоской площадке.

— Это я попросила, чтобы сделали площадку, — объяснила Дейнси, берясь рукой за ступеньку лестницы. — У Пони раньше была такая же, когда она помогала в том трактире.

Роджер полез вслед за девушкой. Когда он поднялся на плоскую крышу, Дейнси уже сидела, уютно прислонившись к теплой печной трубе.

— Здесь у Пони было ее любимое место, — сказала Дейнси.

Роджер кивнул. Пони рассказывала ему, как она любила сидеть ночами на крыше «У доброго друга».

— Она приходила сюда, чтобы спрятаться от разных бед. И еще, чтобы украдкой подглядывать за большим миром, — добавила Дейнси.

Роджер посмотрел по сторонам. Тишина. Перемигивающиеся звезды над головой и неяркое зарево вдали, там, где гавань. Даже в поздний час в гавани кипела жизнь. Удачное выражение — «украдкой подглядывать за большим миром». У Роджера сейчас было именно такое ощущение. Он, словно лазутчик, засланный из какого-то иного мира, незаметно наблюдал сейчас за жизнью спящего города.

Внизу, на улице, шепталась и хихикала какая-то парочка. Роджер слегка улыбнулся, услышав обрывки разговора, который явно не предназначался для чужих ушей.

Он понимал, почему Пони так любила это место.

— Как она там? — спросила Дейнси, прервав молчание.

— Пони? — переспросил Роджер.

— А кто же еще? — улыбнулась Дейнси.

— Сейчас уже лучше, — ответил Роджер. — Она осталась в Кертинелле с Колин Килрони.

— Двоюродный брат Колин вернулся в Палмарис. Служит у нового барона. Калас от нас сбежал, — сообщила Дейнси.

Роджер сел рядом с нею, уютно прислонившись к теплой печной трубе.

— Ей нужно было бы остаться здесь, — заявила Дейнси. — Или мне нужно было бы поехать вместе с нею.

— Там не слишком-то весело, — честно признался Роджер. — Пони сейчас именно это и нужно, но тебе наша жизнь показалась бы... утомительной.

— Я очень скучаю по Пони, — сказала Дейнси.

Она повернулась к Роджеру, и он увидел, что в глазах Дейнси блестят слезы.

— Она могла бы остаться здесь и управлять целым миром. Она такая красивая.

— Не красивее, чем Дейнси Окоум, — выпалил Роджер прежде, чем успел подумать, ибо, задумавшись он над этими словами, у него не хватило бы смелости их произнести.

Дейнси покраснела и отвернулась. Но Роджер, осмелевший от собственных слов, осторожно взял девушку за подбородок и повернул ее лицо к себе.

— Это правда, — тихо сказал он.

Дейнси недоверчиво покосилась на него.

— Ох, не надо было давать тебе столько медового эля, — усмехнулась она.

— Не думай, будто я захмелел и болтаю что в голову придет, — твердо и решительно произнес он.

Дейнси засмеялась и снова попыталась отвернуться, но Роджер удержал ее.

— Раньше ты так не говорил, — тихо заметила она.

Роджер замотал головой, не зная, что ответить, поскольку отвечать было нечего.

— Не знаю, присматривался ли я вообще к тебе раньше, — сказал он. — Но сейчас я говорю правду, Дейнси Окоум.

Дейнси попыталась что-то сказать, но лишь улыбнулась. Роджер потянулся к ней и осторожно поцеловал.

Девушка отстранила его.

— Чего тебе надо? — спросила она.

Теперь уже Роджер покраснел.

— Я... я... я не знаю, — запинаясь пробормотал он, стараясь отвернуться.

Но Дейнси Окоум с громким смехом обхватила его, прижала к себе и поцеловала. На этот раз поцелуй оказался более продолжительным.

Ранний снег растаял, и вскоре дорога в Дундалис вновь была свободна. Однако Пони не

могла ехать, поскольку здоровье Колин ничуть не улучшилось. Наоборот, ее подруга чахла с каждым днем. Несколько раз Пони предлагала полечить ее камнем души, но Колин неизменно отказывалась, утверждая, что у нее обыкновенная простуда, вызванная ранними холодами, и вскоре все будет в порядке.

В то утро, проснувшись, Пони удивилась, что Колин еще спит. Это было странно, поскольку ее подруга, невзирая на слабость, всегда вставала рано и готовила завтрак. Подойдя к постели Колин, Пони обнаружила, что та горит в лихорадке.

Пони откинула теплые одеяла, чтобы Колин было попрохладнее.

На руке подруги краснели пятна размером с королевскую золотую монету, и вокруг каждого было белое кольцо.

— Что это у тебя? — спросила Пони.

Колин не отвечала. Неизвестно, слышала ли она вообще этот вопрос.

Розовая чума добралась и до северных земель.

ГЛАВА 27 ТЫСЯЧИ МАЛЕНЬКИХ ДЕМОНОВ

— Говорю тебе, это розовая чума, — убежденно произнесла старуха.

С каждым словом она все дальше отодвигалась от Колин, испуганно косясь на безоговорочные признаки болезни — пятна в белом окаймлении. Видимо, старуха пыталась найти слова, которые наиболее точно передавали бы ее ужас. Не найдя таких слов, она рванула дверь и поспешно исчезла.

Пони бросилась за ней.

— Что такое розовая чума? — спросила она.

Пони выросла далеко отсюда, на самой границе Тимберленда. Хотя мать и научила ее читать, в школу Пони так и не ходила и за всю свою жизнь никогда не слышала о такой болезни.

— Ой, теперь всем нам погибель! — причитала старуха.

— А что с моей подругой?

— Может, помрет, а может, и нет. Не тебе это решать, — холодно ответила знахарка.

— У меня есть камень, — сказала Пони, доставая гематит. — Я знаю, как им пользоваться.

— Да что твой камень сделает против розовой чумы? — крикнула старуха. — Себя погубишь, только и всего!

Пони сурово поглядела на нее. Старуха, воздев руки, громко застонала и бросилась прочь, повторяя странные слова: «Розовое пятнышко, беленький кружочек».

Пони вернулась в дом, ругая себя за то, что связалась с этой признанной местной знахаркой, вместо того чтобы атаковать болезнь с помощью камня души. Она подошла к лежавшей на постели Колин и взяла ее руку в свою. Пони ощущала жар, идущий от тела подруги. Неужели это Колин? Колин, женщина-воин, сопровождавшая Пони во многих тяжелейших испытаниях? Когда-то она была очень сильной, гораздо сильнее Пони. Она помнила мускулистые руки Колин и ее широкие плечи. Высохшая, измученная и предельно уставшая — такой теперь была эта женщина. Глядя на нее, Пони с болью сознавала, насколько она сама повинна в нынешнем состоянии Колин. Первый удар по ее могучему здоровью был нанесен тогда, когда Колин вызвалась сопровождать объявленную преступницей Пони на север. В пути их выследил Де'Уннеро, этот страшный получеловек-полутигр. Он набросился на Пони и серьезно ранил Колин, пришедшую ей на выручку. Колин удалось вывернуться, поскольку Де'Уннеро интересовала только Пони. Те раны что-то надломили в Колин, и она так и не выздоровела окончательно.

Вся в жару, она лежала теперь перед Пони, хрупкая и беззащитная.

Усилием воли Пони сосредоточилась на борьбе с болезнью. Ведь у нее есть гематит — магический камень, способный исцелять. Пони все глубже и глубже погружалась в магию

камня, в вихрь его энергии, пока совсем не покинула свое тело. Освободившись от телесных оков, Пони взлетела над кроватью, глядя на Колин и на собственное тело, которое по-прежнему держало руку больной. Все свои мысли Пони направила на Колин и вскоре почувствовала ее болезнь, ощутила жар, идущий от истерзанного тела подруги, и сам воздух, пропитанный гнилостным запахом болезни.

Поначалу это зловоние едва не парализовало Пони и не заставило спешно вернуться назад в свое тело. Теперь она поняла, почему старая знахарка с воплями бросилась вон. На какое-то мгновение ей захотелось сделать то же самое. Но Пони собрала всю силу и мужество, напомнив себе, что ей удалось выдержать духовную битву с Марквортом — воплощением демона Бестесбулзибара. Если сейчас она бросит Колин на произвол судьбы, ее подруга непременно умрет скорой и мучительной смертью.

Она не могла этого допустить.

Колин вместе с ней сражалась против тьмы, порожденной демоном-драконом.

Пони не могла допустить, чтобы Колин умерла.

Колин, как настоящий друг, помогла ей тогда и из-за нее подорвала здоровье.

Она не могла позволить ей умереть.

С удвоенной силой и решимостью дух Пони устремился в тело Колин, пойдя в лобовую атаку на болезнь. Она сразу заметила врага, успевшего захватить слабое тело ее подруги. На вид чума была похожа на зеленоватый пузырящийся гной. Руки духовного двойника Пони ярко светились целительным огнем, и она все глубже погружала их в зловонное месиво, именуемое розовой чумой.

Под ее руками зеленый гной начал таять. Он закипал, превращаясь в зловонный пар. Руки Пони погружались все глубже и давили все сильнее. В свое время она победила дух демона. Она обязательно победит и розовую чуму.

Так ей казалось.

Руки ее духовного двойника уходили в зеленоватую массу чумы, словно в котел с гороховым супом. В глубокий котел. Вскоре зловещие «горошины» окружили и облепили ее руки, вцепляясь в них. Тысячи и тысячи маленьких врагов устремились в атаку на ее руки, чтобы пробить оборону и найти доступ в тело Пони. Пони с остервенением продолжала давить, но чума обволакивала ее светящиеся руки, ни на секунду не прекращая наступление. Пусть в прошлом она победила величайшего в мире врага, эта битва была совершенно иной. Злобные солдатики розовой чумы, прожорливые и коварные, стремились победить ее своим числом.

Здесь не было стратегии боя. Здесь силы вражеской армии напирали одной огромной толпой. Их главной целью было прервать ее связь с гематитом. Вскоре Пони сделала еще одно ужасающее открытие. Она десятками, сотнями, даже тысячами уничтожала этих маленьких демонов, но они множились с той же скоростью, с какой Пони их губила! Отчаянно и неистово она продолжала сражаться. Любой промах грозил вторжением розовой чумы в ее собственное тело. Если хотя бы один маленький демон попадет туда, он немедленно начнет размножаться с пугающей скоростью.

Пони знала об этом и направляла в гематит все остававшиеся у нее силы. Руки ее духовного двойника буквально пылали целительным огнем.

Но армия чумы была слишком многочисленной и прожорливой. Пони делала отчаянные усилия, только бы не дать чуме прорваться внутрь своего тела... Неожиданно ее связь с Колин оборвалась, и в следующее мгновение Пони обнаружила, что сидит на полу возле постели своей подруги, а руки продолжают ударять одна другую.

Пони прислонилась к стене, выжатая до предела и разбитая сознанием собственного бессилия. Она не знала, удалось или нет маленьким демонам прорваться в ее тело.

Потом она доползла до постели Колин, кое-как поднялась и села.

Все ее усилия облегчить страдания подруги оказались тщетными.

— Станный корабль. Подает нам сигналы, но к причалу не подходит, — доложил

командору Прессо караульный.

Они оба стояли на крепостном валу Пирет Вангарда, тянущемся со стороны залива Короны, и следили за непонятным кораблем. Караульный сообщил, что поначалу корабль подошел к отдаленному причалу Вангарда, но как только солдаты береговой охраны приблизились, чтобы помочь судну пришвартоваться, оно тут же отошло примерно на пятьдесят ярдов.

С корабля прокричали, что у них есть послание для нового настоятеля Сент-Бельфура. Когда солдаты захотели узнать подробности, моряки стали настаивать на появлении командора крепости.

Судно явно было торговым.

— На корабле нет никаких государственных штандартов, — заметил Прессо. — Вместо этого у них вымпел с вечнозеленой ветвью.

И действительно, на бизань-мачте со стороны кормы развевался белый вымпел с символом церкви Абея.

— Наверное, Агронгерр прислал весть настоятелю Хейни, — предположил командор.

— Но почему они прямо не сказали об этом? — спросил встревоженный караульный. — И почему не подходят к причалу? Мы уже устали запрашивать их.

Командор Прессо, более искушенный в политике, в ответ только улыбнулся.

Государство и церковь знали, какой силой могут обладать сведения, а потому присылаемые сообщения часто бывали секретными. Командора удивило не столько это, сколько само появление корабля в такое время года, когда со стороны Альпинадора уже вовсю дули холодные зимние ветры. Станным было и поведение команды корабля. Если они рассчитывали проделать не весь обратный путь, а зазимовать на острове Данкард, до него остается еще несколько дней пути. При частых зимних штормах корабль легко мог потонуть.

Странно, конечно, — думал Прессо, сбегая вниз по длинным винтовым лестницам и направляясь к причалу. Там по-прежнему толпились солдаты береговой охраны.

— Они собираются прикрепить послание к стреле, — сообщил кто-то из солдат командору.

Прессо огляделся и выбрал место на земляной насыпи неподалеку.

— Иди и скажи им, кто я, — велел он солдату. — Пусть целят стрелу сюда. Скажи, что я даю слово командора сил береговой охраны: послание будет в целости и сохранности отправлено с курьером прямо настоятелю Хейни в Сент-Бельфур.

— Вообще-то им бы следовало сойти на берег, — пробурчал солдат, но приказ есть приказ.

Солдат отсалютовал Прессо и побежал к отдаленному причалу, сигналив кораблю.

Вскоре оттуда пустили стрелу, которая воткнулась в насыпь. Корабль, подав прощальный знак, спешно отплыл, а солдат вытащил стрелу с посланием и понес ее командору.

Константин Прессо немало удивил подчиненных, объявив, что сам доставит это послание настоятелю Хейни. Через час он уже был в Сент-Бельфуре. Его провели в приемную, где новый настоятель сидел за скромным ужином в обществе брата Делмана.

— Полагаю, это прислал отец-настоятель Агронгерр, — сказал командор, тепло поздоровавшись с монахами. — Похоже, это его печать, — добавил он, кладя пергаментный свиток на стол перед Хейни.

— Вы его не распечатали? — удивился новый настоятель.

— Нам запретили это делать, — объяснил Прессо. — Корабль даже не пристал к берегу. Они пустили стрелу из лука, прицепив к ней свиток.

Эти слова заставили Хейни и Делмана несколько настороженно переглянуться.

— Благодарю вас, командор Прессо, за точное выполнение довольно странного распоряжения.

— А теперь я хочу попросить вас открыть этот свиток в моем присутствии, — сказал

Прессо, удивив настоятеля.

Хейни и Делман снова переглянулись, затем с удивлением посмотрели на командора.

— Друзья, меня не меньше вашего встревожил столь необычный способ передачи этого послания, — сказал Прессо, стараясь говорить как можно спокойнее. — Прошу вас, разверните свиток. Даю вам слово: я отойду к стене. Но если речь там идет о чем-то таком, что касается Пирет Вангарда или принца Мидалиса, вы должны сразу же сказать мне об этом.

Предложение было вполне честным. Командор отошел, а настоятель Хейни вместе с братом Делманом склонились над столом и сломали печать.

— А вдруг там указ о продвижении тебя на ступень магистра? — с улыбкой предположил Хейни, обращаясь к своему другу и ближайшему советнику.

Делман тоже улыбнулся. Однако, когда Хейни развернул пергамент, улыбки у них пропали, а лица стали совсем хмурыми.

— Значит, новости печальные, — заключил командор Прессо, увидев, как помрачнели лица монахов.

Настоятель Хейни дрожащей рукой подал ему пергамент. Прессо подумал было, что это известие о кончине их дорогого друга Агронгерра.

Когда командор прочитал сообщение и узнал об угрозе розовой чумы, то подумал, что ему было бы гораздо легче принять весть о кончине прежнего настоятеля Сент-Бельфура.

— Я уверен, что вы с должной осторожностью отнесетесь к полученному известию, — сказал ему брат Делман.

Делман недовольно посмотрел на Хейни. Видимо, он считал, что не следовало разрешать командору читать послание.

— Если мы поспешим обнародовать столь трагическую новость, она может вызвать панику, — добавил Делман.

— Разумеется, право знать о розовой чуме принадлежит лишь королевской армии и членам церкви, — с плохо скрываемым сарказмом произнес командор.

— Я так не говорил.

— Но разве ты не это имел в виду?

— Оставьте споры, — прервал их Хейни. — А вас, командор Прессо, я прошу безотлагательно известить принца Мидалиса. Если он захочет встретиться с нами, чтобы обсудить, как нам быть с обнародованием этого тяжелого известия, я... мы, — добавил он, взглянув на Делмана, — готовы в любое время.

Прессо кивнул, слегка поклонился и уже намеревался уйти, но задержался и обратился к Делману:

— Прости меня, брат, — искренне сказал командор. — Я не сдержался и нагрубил тебе, поскольку это неожиданное и трагическое известие сильно подействовало на меня.

— И вы меня простите, — сказал Делман и вежливо поклонился.

Принц Мидалис в тот же вечер встретился с настоятелем Хейни, но прежде он объявил о полной изоляции Пирет Вангарда. Отныне чужим кораблям не разрешалось останавливаться и разгружаться даже у отдаленного причала.

Настоятель Хейни согласился с этими мерами предосторожности. На следующее утро они с принцем сообщили жителям Вангарда трагическую новость. Мидалис отправил гонцов на север, чтобы предупредить альпинадорцев о грозящей беде. После этого самая дальняя провинция Хонсе-Бира закрыла свои границы.

Вангард, всегда славившийся своими традициями дружбы и гостеприимства, на неопределенное время стал закрытой зоной.

Когда светило солнце, колеса телеги вязли в глинистых колеях дороги. Когда солнца не было, они скользили по льду. Грейстоун с готовностью позволил себя запрячь, понимая, насколько сейчас тяжело его хозяйке.

Пони уговаривала коня двигаться побыстрее, хотя при необходимости выбирать

ровную дорогу это было нелегко. В телеге, укутанная в несколько теплых одеял, стонала и кашляла Колин Килрони.

Пони тяжело было слышать эти тягостные звуки, поэтому она целиком сосредоточилась на дороге и думала о Палмарисе и Сент-Прешес. Монастырь был единственным местом, где она могла рассчитывать хоть на какую-то помощь смертельно больной подруге.

Она взглянула на запад, где на горизонте висели тяжелые облака, предвещавшие снег. Разумно ли она поступила, выехав из Кертинеллы? Если бы Пони путешествовала верхом на Грейстоуне, ее бы мало волновали превратности погоды. Но как быть с Колин, если снегопад заставит их остановиться? Едва ли больная выдержит сырую и холодную ночь в лесу.

Пони ехала не останавливаясь. Низкое солнце уже начало клониться к закату. Пони пожалела, что у нее нет с собой алмаза. Тогда можно было бы ехать всю ночь.

Вскоре пошел снег. Вдоль дороги засвистел холодный, очень холодный ветер. Пони вновь вспомнила об алмазе. Помимо света этот камень был способен давать мягкое тепло.

Пони зажгла факел и поехала дальше, пытаясь одолеть бурю и добраться до более теплых мест. Правда, там вместо снега может идти дождь, но дождь сейчас представлялся Пони меньшим злом.

Однако снег продолжал падать. Мокрый, он падал на телегу и налипал на колеса. Снег засыпал дорогу, скрывая лед и делая их продвижение во тьме еще труднее и опаснее.

Только не останавливаться, — твердила себе Пони. До Палмариса оставалось примерно семьдесят миль. Это единственный шанс для Колин. Ласково, но твердо Пони убеждала выносливого Грейстоуна двигаться дальше.

Тьма сгущалась, а снег по-прежнему падал, устилая дорогу и замедляя ход коня. Белая грива несчастного Грейстоуна стала мохнатой от снега. Только не останавливаться! Вместе с тем Пони сознавала, что силы Грейстоуна не беспредельны и, если она будет понукать его и дальше, конь может не выдержать и пасть замертво. Придется все-таки остановиться.

Пони съехала на обочину и посветила факелом, оглядывая Колин. Она плотно подоткнула одеяла, затем распрягла Грейстоуна, давая коню остыть и отдохнуть. При этом Пони не переставая пыталась найти ответ на главный вопрос: как побыстрее добраться до Палмариса? Как ей спасти Колин?

Камень души казался ей сейчас единственным ответом. Возможно, Пони смогла бы поискать помощи где-нибудь в близлежащих деревнях. Если все честно рассказать местным жителям, они наверняка чем-нибудь помогли бы. Возможно, одолжили бы свою лошадь, хотя Пони и думать не хотела, чтобы расстаться со своим великолепным Грейстоуном.

Пони вернулась к телеге, решив, что камень души — единственное ее спасение. Она достала гематит и немедленно вошла в камень, освободившись с его помощью от оков тела. На мгновение Пони вспомнила о маленьких демонах розовой чумы, обитавших в теле Колин, и мысль об этом заметно убавила ее силы. Перестав думать о чуме, Пони продолжала сосредоточенно искать ответ.

И нашла. Удивительный ответ. В своем полете Пони увидела дух другого существа — сильного и неутомимого. Она увидела Дара, стремительно несущегося ей навстречу. Она не могла ошибаться — это действительно был Дар, спешащий к ней на помощь. Наверное, камень души каким-то неведомым, чудесным образом соединился с бирюзой на груди коня!

Пони вернулась в тело и побежала к телеге. Потом зажгла факел, наклонилась над Колин, вновь подоткнула одеяла, поцеловала подругу в лоб, сказав ей, что все будет хорошо.

И вот появился Дар — отфыркиваясь и ударяя копытами по заснеженной земле. Пони задумалась над тем, удастся ли ей запрячь обоих коней, но быстро отказалась от этой мысли. Она ощущала нетерпение Дара. Понимая, что от него требуется, конь словно успокаивал ее. Он справится и один.

Пони запрягла Дара, а Грейстоуна привязала сзади. Снегопад не только не прекратился, но стал еще сильнее. И все же телега тронулась с места и поехала куда быстрее, чем прежде. Казалось, Дар не бежит, а плывет, легко преодолевая снежную тьму.

Наступило хмурое утро, а они все неслись вперед. Вскоре под копытами и колесами зачавкала глина. Снег перестал, пошел холодный дождь, но они упорно продолжали путь.

Дар бежал, не выказывая признаков усталости, добрую половину дня. Пони заметила, что крестьянских домиков на холмах становится все больше. Возможно, остался еще один подъем. А там — Палмарис!

Телега стремительно покатилась с холма и подъехала к городским воротам. Стража у северных ворот велела им остановиться, но Пони крикнула солдатам, чтобы их пропустили.

— Не задерживайте меня! — из последних сил кричала она. — Вы меня знаете. Я — Джилсепони Виндон. Я везу в Сент-Прешес свою больную подругу. Ее вы тоже должны знать. Это Колин Килрони, соратница многих из вас!

Солдаты толпились вокруг телеги в нерешительности, пока один из них не обратил внимание на черного коня с белыми манжетами на ногах.

— Дар! — воскликнул солдат.

Теперь они не сомневались, что это действительно Пони, и широко распахнули ворота. Несколько солдат вскочили на коней, чтобы ничто не помешало Пони проехать по узким улочкам Палмариса и поскорее добраться до Сент-Прешес.

Монахи, встретившие этот странный караван, не мешкая позвали настоятеля Браумина, а также братьев Виссенти, Талюмуса и Кастинагиса.

Взгляд Пони упал на какой-то необычный цветник, устроенный перед монастырскими воротами. Он был густо покрыт мокрым снегом. Большинство цветов погибло от холода. Качая головой, Пони слезла с телеги и упала в руки Браумина.

— Помоги Колин, — умоляюще произнесла она.

Чудовищная усталость навалилась на нее, и Пони потеряла сознание.

Она очнулась на простой, но удобной койке, одетая лишь в длинную белую рубашку, зато укрытая несколькими плотными теплыми одеялами. Увидев узкий прямоугольник окна и грубую кладку серых стен, Пони догадалась, что находится в монастыре. В окно пробивался солнечный свет. Значит, буря прошла.

Пони выбралась из постели и подошла к окну, откуда открывался вид на широкий залив Мазур-Делавал и на восходящее солнце. Только сейчас она сообразила, что проспала весь вчерашний день. И только сейчас она вспомнила, как неслась в Палмарис сквозь снег и тьму.

Не обнаружив в келье своей одежды, Пони завернулась в одеяло и вышла в коридор. Она хорошо помнила расположение монастыря — ведь после битвы в Чейзвинд Мэнор она провела здесь немало времени. Сейчас Пони направилась прямо в покои настоятеля Браумина.

Он находился у себя и вместе с братьями Виссенти и Талюмусом вел богословский спор, касавшийся происхождения человека и разделения человечества на четыре расы: их собственную, альпинадорцев, бехранцев и тогайранцев.

Услышав, как хлопнула дверь, все разом умолкли.

— Джилсепони, — улыбнулся ей настоятель Браумин. — Мое сердце радуется, когда я вижу тебя выспавшейся и отдохнувшей. Ах да, твоя одежда...

— Где она? — спросила Пони, имея в виду отнюдь не одежду.

Настоятель Браумин удивленно поглядел на нее, затем его лицо помрачнело. Он кивнул собратям, прося их покинуть помещение.

Оба вышли, не задавая никаких вопросов. Только брат Виссенти немного задержался, чтобы ободряюще похлопать ее по плечу.

Едва за монахами закрылась дверь, как Пони буквально подпрыгнула на месте. Хватая ртом воздух, она вновь спросила, уже более мрачно и требовательно:

— Где она?

— Она очень больна, — ответил Браумин, выходя из-за стола.

Он подошел к Пони, но та сжалась, и потому Браумин сел на краешек стола.

— Очень больна, — повторила Пони. — Значит, она жива?

Настоятель Браумин кивнул.

— Боюсь, что долго она не протянет.

До Пони не сразу дошел смысл ответа настоятеля, и теперь она буквально задохнулась от страшных слов.

— Твоя подруга больна розовой чумой, — тихо произнес Браумин. — Розовые пятна, лихорадка... сомнений здесь быть не может.

Пони кивала в такт каждому его слову.

— Мне уже это говорили, — сказала она.

— Наверное, ты не совсем понимаешь, что означают эти слова, — ответил Браумин. — Иначе ты не решилась бы на такое отчаянное путешествие и не повезла бы ее сюда.

— А куда же еще? — недоуменно спросила Пони. — Куда еще я могла ее привезти, если не в обитель Сент-Прешес? К кому еще я могла обратиться за помощью, если не к своему другу, настоятелю Браумину?

Браумин поднял руку, будто загоразживаясь от ее слов — слов несомненно тяжелых для его ушей.

— Розовая чума, — повторил он. — Ты знаешь древнюю песню о ней?

Пони покачала головой, и Браумин спел ей эту незамысловатую песню:

Розовое пятнышко, беленький кружочек.
Смерть присядет рядышком
И сплетет веночек.
Велит все сжечь, в гробы нам лечь.
Ты их зарой, чтоб с глаз долой.

Один спасен, а двадцать мрут —
И так везде:
И там, и тут.
Святой отец, что к Богу вхож,
Чего ж себя ты не спасешь?

Пусть молятся уныло —
Их тоже ждет могила.
Песенки их спеты —
Хватай их самоцветы,
А трупы зарой, чтоб с глаз долой!

Пони слушала, и слова этой древней песни болью отзывались в ее сердце. Колин обречена!

— И что же теперь? — упавшим голосом спросила Пони.

Браумин подошел и крепко обнял ее.

— Постарайся, чем только можешь, облегчить ее последние дни или часы. А потом простись с ней, — прошептал он.

Пони не сразу высвободилась из его объятий. Она сейчас очень нуждалась в поддержке. Потом она отстранила Браумина и посмотрела ему в глаза, полные искреннего сочувствия.

— Где она? — тихо спросила Пони.

— В одном доме... неподалеку... там есть еще больные, — стал объяснять Браумин.

— Так она не в монастыре? — вскрикнула Пони.

— Ей нельзя здесь находиться, — ответил Браумин. — По правде говоря, я не должен был бы пускать и тебя, зная, что ты много времени провела рядом с ней.

У Пони округлились глаза.

— Однако я не мог тебе отказать, — продолжал Браумин. — Ни в коем случае! Не

сердись, но, пока ты спала, я был вынужден послать нескольких братьев с камнями души, чтобы они проверили, нет ли и у тебя признаков розовой чумы. Пойми, что по приказу ордена Абея я не имел права допускать тебя в монастырь.

Пони продолжала смотреть на него широко раскрытыми глазами.

— Неужели ты не поняла, о чем поется в песне? — спросил он, отворачиваясь от ее обжигающего взгляда. — Мы в состоянии помочь лишь одному из двадцати заболевших, но при этом каждый седьмой монах, оказывающий помощь, заболевает сам. Песня не лжет. Даже при том, что наш орден имеет дар Бога — магические самоцветы, — мы бессильны перед розовой чумой.

— Говоришь, один из двадцати, — срывающимся голосом произнесла Пони. — Так почему бы не попытаться? Ради Колин? Ради меня?

— Не могу. И никто из братьев — тоже. И тебе не советую.

— Ты же друг Колин!

— Не могу.

— Вспомни, ты же бился вместе с нами против Маркворта!

— Не могу.

— Неужели ты забыл, как Колин удалось вырваться от Де'Уннеро и передать известие обо мне и о походе на север?

— Не могу.

— Ты забыл, что Колин стойко вынесла все муки заключения и не отреклась ни от нас, ни от Эвелина, ни от священных для нас принципов?

С каждой фразой Пони все ближе подходила к столу и наконец со всей силой облокотилась на столешницу, почти вплотную приблизив свое лицо к лицу Браумина.

— Не могу, — вновь ответил Брамин, возвысив голос. — Таков наш закон, и он касается всех без исключения.

— Отвратительный закон, — огрызнулась Пони.

— Возможно, — сказал Брамин. — Но он не допускает исключений. Если король Хонсе-Бира заболеет чумой, церковь Абея будет только молиться за него, и не более. Если бы чума поразила отца-настоятеля Агронгерра, он был бы обязан покинуть пределы Санта-Мир-Абель, — тихо и печально произнес настоятель, отодвигаясь от нее. — Я готов сделать лишь одно исключение. Если ты, Джилсепони, заболеешь чумой, я откажусь от своего поста и монашеского обета, возьму камень души и буду всеми силами стараться тебе помочь.

Пони оцепенело глядела на него. Она не верила своим ушам.

— Но даже если мне повезет и ты окажешься одной из двадцати, меня все равно осудят и не позволят вернуться в монастырь даже после того, как угроза чумы минует, — объяснил Брамин. — Возможно, запрет продлится целых десять лет. За это время я, скорее всего, и сам умру от чумы. А если нет, меня заклеймят как еретика. И здесь дело не в тебе и не во мне. Вопрос куда шире и серьезнее, ибо он касается выживания самой церкви.

— Я пойду к Колин, — объявила Пони.

— Не ходи туда, — попросил Брамин.

— Какие камни я могу применить в сочетании с гематитом, чтобы защититься, когда буду сражаться с чумой?

— Таких камней нет, — резко ответил Брамин, повысив голос. — Гематит способен привести тебя к очагу болезни. Тебе может повезти, если очаг окажется небольшим. Если болезнь успела укорениться, твои попытки кончатся ничем. Но если болезнь целиком захватила тело человека, ты не только никого не вылечишь, но и заболеешь сама.

Пони внимательно слушала. Именно так и случилось, когда, войдя в изможденное тело Колин Килрони, она попыталась сражаться с чумой.

— Я понимаю, что не имею права поместить Колин в монастыре, — тихо сказала Пони.

Лицо настоятеля Браумина перечеркнула болезненная гримаса, но он покачал головой.

— И вместе со мной, как я понимаю, ты не покинешь монастырь.

Брамин вздрогнул, однако вновь отрицательно покачал головой.

— А что ты и твои собраты намерены делать в течение всех лет, пока свирепствует чума? — сердито спросил Пони, — Будете сидеть за плотно закрытыми дверями и обсуждать происхождение человеческих рас?

— Да, а также другие богословские и философские вопросы, — объяснил настоятель. — В церкви существует давняя традиция. Во времена чумы и вынужденного затворничества братья обращаются к основным вопросам бытия.

— Пока люди вокруг них страдают.

Браумин горестно вздохнул.

— Что, по-твоему, я должен был бы сделать?

— Я знаю, что *мне* делать, — ответила Пони.

— И именно поэтому я настоятельно прошу тебя не ходить к Колин, — сказал Браумин. — Пытаясь ей помочь, ты, скорее всего, погибнешь сама.

— Я уже пробовала лечить ее с помощью камня души, — призналась Пони. — Безуспешно.

— Тогда зачем идти?

За все годы, что она знала Браумина, впервые слова этого человека обидели ее. *Тогда зачем идти?* — да просто затем, чтобы поддержать руку Колин в своей, чтобы поговорить с ней, утешить, насколько возможно, и... проститься. Неужели великодушный Браумин не понимает столь очевидных вещей? Как он может ставить церковные законы выше сострадания?

— Я возьму одежду, — сказала Пони.

Браумин кивнул, потом, немного помолчав, выдвинул ящик стола, достав оттуда мешочек.

— Здесь собрано по одному самоцвету из тех, которыми располагает Сент-Прешес; в том числе и обруч с кошачьим глазом, который ты когда-то надевала, — сказал настоятель. — Во времена чумы люди нередко становятся безумными. Тебе это может пригодиться.

Пони взяла камни, все еще недоверчиво глядя на Браумина.

— Поскольку я хорошо знаю тебя и твой талант врачевательницы, я от всей души надеюсь, что ты вновь окажешься нашей спасительницей и действительно найдешь сочетания камней, которые сумеют победить розовую чуму. Да поможет тебе Бог, Джилсепони.

Браумин обнял ее, поцеловал в щеку, а затем проводил туда, где сушилась ее одежда.

Они простились у ворот Сент-Прешес.

Колин по-прежнему металась в лихорадке, бредила и звала своего двоюродного брата Шамуса. Увидев Пони, хозяйка дома, сама больная чумой, только покачала головой.

— Твое милосердие тебя погубит, — сказала женщина.

Пони вздохнула и молча прошла к постели Колин. Она отерла пот с ее лба и прошептала ей на ухо несколько ласковых слов.

Но конечно же, не слова о том, чтобы смиренно проститься с жизнью и перейти по ту сторону завесы. Рано пока сдаваться, — думала Пони. Правда, здесь ей придется труднее, чем в Кертинелле, поскольку в одной комнате с Колин лежали еще трое больных, находившихся при смерти. Больные были и в других комнатах. У кого-то из них чума только началась, а у кого-то уже успела забрать все силы.

Пони развязала мешочек и осторожно разложила на полу камни. Она трогала их пальцами, размышляя, с чего начать. Первым она взяла серпентин, зная, что этот камень способен давать защиту от огня. Может, он защитит ее и от маленьких демонов чумы? Пони искренне считала, что если ей удастся сдержать эту орду демонов и не допустить их вторжения в свою душу и тело, то она сможет сосредоточиться на битве с болезнью внутри тела Колин и действовать гораздо успешнее.

Она держала на ладони серпентин и камень души. Сочетание этих камней не показалось ей окончательным решением. У огня другая природа, и вряд ли серпентин

способен остановить что-то еще, кроме огня. Так и солнечный камень: он отвращает магические нападения, и только.

Лоб Колин блестел от капелек пота, полуоткрытые, покрасневшие глаза были устремлены в одну точку, изо рта высывался распухший язык. Хватит раздумывать, — решила Пони. Пора действовать.

С помощью серпентина Пони выстроила защиту, затем взяла гематит. После этого, выйдя из своего, как ей казалось, защищенного тела, она направила духовный двойник на битву с зеленой слизью чумы внутри несчастной Колин.

Спустя несколько минут Пони в полном измождении повалилась на пол, отчаянно ударя себя по рукам и надеясь, что ни один из маленьких демонов не вторгся в ее тело.

Серпентин не дал ей никакой защиты.

Пони снова помолилась о том, чтобы ей удалось найти решение задачи. Она вновь взяла гематит, на этот раз не для битвы внутри тела Колин. Пони стремилась достичь большей сосредоточенности. Она жаждала найти дух Эвелина, дабы получить его наставление.

В мозгу вспыхнуло видение — простертая рука Эвелина на Аиде. На какое-то мгновение Пони решила, что дух Эвелина пришел к ней и теперь подскажет сочетание камней, позволяющее сокрушить розовую чуму...

Она понуро опустила плечи: ответов не было. И надежд тоже.

Пони вновь разложила на полу самоцветы, пытаясь представить такое сочетание магических свойств, которое все же могло бы победить чуму. Она еще раз попробовала серпентин вместе с камнем души, добавив к ним рубин — камень огня. Только вот сумеет ли духовный огонь рубина дотла выжечь зеленую слизь?

И снова она рухнула на пол, ничего не добившись. Эта попытка стоила Пони еще большего напряжения сил.

Колин угасала у нее на глазах.

Спустя час Пони предприняла третью попытку, на этот раз соединив гематит с ярким и теплым алмазом.

Безуспешно.

Колин Килрони умерла у Пони на руках, так и не выйдя из беспамятства. Незадолго до кончины все ее мучения прекратились и наступило умиротворение. Наблюдая ее страдания, Пони была вынуждена согласиться с Браумином. Магических сочетаний камней, способных победить розовую чуму, не существовало.

Но Пони знала, что она не станет скрываться за цветочным ограждением и запертыми воротами, как сделали Браумин Херд и вся церковь Абеля.

Она просидела возле Колин до самого утра, пока на улице не появилась телега и не раздался колокольчик возницы, призывающий выносить из домов очередные жертвы чумы.

Теперь ворота Сент-Прешес не распахнулись перед нею. Настоятель Браумин сам спустился вниз. Вопреки строгим правилам ему все же было тягостно говорить с Пони через дверь, и он предложил ей войти.

Пони отказалась. Она понимала положение Браумина и не хотела ради дружбы с нею толкать монаха на нарушение правил его церкви, какими бы нелепыми ни казались ей эти правила.

— Прощай, мой друг, — тепло сказала она Браумину. — Быть может, мы еще встретимся в этой жизни в более счастливые времена и сможем обсудить способы борьбы с чумой.

Браумин через силу улыбнулся. На бледном лице Пони были написаны грусть и отчаяние.

— Мы обязательно встретимся, если не здесь, то на небесах, где рядом с нами будут Эвелин, Джоджонах и Элбрайн. Мои любовь и благословение с тобой, Джилсепони.

Пони кивнула и побрела прочь, не представляя, куда теперь идти. Ей хотелось

вернуться в Дундалис, но путь туда сейчас, скорее всего, труднопроходим даже для могучего Дара.

Пони шла по знакомым местам, которые помнила еще с детства и по которым ходила потом, вторично вернувшись в Палмарис. Улицы показались ей непривычно тихими. Пони догадалась: жители города заперлись в домах, боясь розовой чумы. Но вот она с удивлением обнаружила, что на месте сгоревшего трактира ее приемных родителей выстроили другой — «Кости великана». Опасаясь, что на нее могут нахлынуть горькие воспоминания, Пони все же вошла внутрь. В зале, как и на улицах города, никого не было, за исключением двух знакомых и таких желанных лиц!

Бросившись к ней, Роджер и Дейнси едва не сбили Пони с ног. Дейнси без конца повторяла ее имя, не выпуская Пони из своих сильных объятий.

— Значит, ты все-таки решила поехать вслед за мной, — смеясь проговорил Роджер. — А теперь из-за зимы ты наверняка застрянешь в Палмарисе на несколько месяцев.

Дейнси возбужденно заулыбалась, но ответ Пони быстро согнал улыбки с лиц ее друзей.

— Я привезла Колин, потому что была не в силах ей помочь, — рассказала им Пони. — Сегодня утром она умерла.

— Розовая чума, — вздохнула Дейнси.

— Весь город пахнет смертью, — покачив головой, добавил Роджер.

Он подошел к Пони, желая вновь ее обнять, но она отстранилась и глубоко вздохнула, сясь не заплакать.

— Поехали назад, — предложила она Роджеру. — Домой. Я сяду на Дара, ты — на Грейстоуна.

Пони замолчала, увидев, что Роджер внимательно смотрит на Дейнси. Значит... значит, Роджер и Дейнси теперь больше, нежели просто друзья.

— Давно? — спросила она.

Потом опять замолчала и, подойдя к Роджеру, крепко обняла парня, радуясь, что он нашел себе такую замечательную и достойную спутницу, как Дейнси Окоум.

Но радость за Роджера растаяла, стоило Пони снова подумать о том, что именно привело ее на пустые улицы Палмариса.

ГЛАВА 28 НИЧТОЖНА СМЕРТНЫХ ЖИЗНЬ

В Хонсе-Бир пришла весна. Природа оживала. Люди продолжали умирать.

Фрэнсис прислонился к каменной монастырской стене. Ему было тяжело. Сквозь узкий прямоугольник оконца, там, на поле, под самыми стенами Санта-Мир-Абель, Фрэнсис видел людей — таких же, как он сам.

Их были десятки, может сотни. Но, в отличие от Фрэнсиса, люди эти были живыми призраками, медленно бредущими в утреннем тумане, который висел над полем у западной стены монастыря. Многие кутались в одеяла, стремясь хоть как-то уберечься от холода и сырости. Изможденные и истерзанные чумой, они скорее походили на живые скелеты, на странное скопище движущихся покойников. Такой виделась из монастырского окна эта тягостная картина.

Монахи Санта-Мир-Абель были бессильны им помочь. Братья бросали со стены монеты, одежду, одеяла и провизию, но преимущественно в плату за труд этих несчастных. По предложению магистра Бурэа магистр Мачузо нанял чумных больных для устройства цветочного кордона. Покуда жертвы чумы могли копать землю, протяженность этого охранительного цветника увеличивалась. Он растянулся на целую милю, окаймляя западную стену.

Фрэнсис смотрел, как те из больных, у кого еще оставались силы, голыми руками рыли землю. Ему хотелось биться головой о стену. Фрэнсис действительно несколько раз ударился

лбом о ее шершавый камень, словно хотел убить охватившее его отчаяние и сознание собственного бессилия.

— Ничтожна смертных жизнь, — мрачно произнес он.

Это была строчка из стихотворения поэта, жившего в пятом веке и объявленного еретиком.

— Кальвин из Брионнэра, — раздался у него за спиной голос Фио Бурэй.

Фрэнсис вздрогнул и обернулся.

— Дерзкие слова, брат, — добавил Бурэй.

Рядом с одноруким магистром стоял отец-настоятель Агронгерр.

— Слова под стать нынешнему времени, — ответил Фрэнсис. — Кто сейчас не задумывается о смерти?

— Успокойся, брат, — сказал ему Агронгерр.

— Тот, кто верит в Бога, не боится смерти, — резким голосом отчеканил Бурэй, — Слова Кальвина из Брионнэра были написаны под диктовку страха. Кальвин знал, кто он. Грешник, которому грозило отлучение от церкви. Отсюда его страх перед смертью и сарказм по отношению ко всему, что имеет отношение к церкви Абея. Все это подтверждено письменными свидетельствами.

Магистр Фрэнсис, усмехнувшись, покачал головой. Потом он закрыл глаза и печальным, взволнованным голосом стал декламировать стихотворение Кальвина «Юдоль смертных», за которое поэта сожгли у позорного столба.

Ничтожна смертных жизнь.
Что может быть глупей
Жилищ уютных наших средь полей,
Надежд, где все известно наперед,
И грез о том, что нас за гробом ждет?

Ничтожны души смертных; каждая несет
В себе фальшивых озарений взлет
И ложный свет, смущающий умы,
Сулящий уберечь их от крошечной тьмы.
Мы отрицаем правды беспощадный глас,
Что черви ночи вечной разъедают нас
И что вольготно жить личинкам их
Под кожей у нас — безгрешных и святых.

Светлы надежды смертных, словно детский вздор:
Воздушных замков шпиль, призрачный простор,
И песни ангелов, и тысячи чудес
Нас ждут на вечном празднике небес!

Нас сумрак ночи вечной лишь смешит —
Что тьма? Ее молитва наша сокрушит.
И раем сделает она тотчас
Реальный, страшный мир, что окружает нас.

Довольно сказок! Я не так уж глуп,
Чтоб верить, будто, мой покинув труп,
Душа уйдет навеки в мир иной...
Нет, сгинет все, что прежде было мной.

— Я знаю об этих письменных свидетельствах, брат, — тихо сказал Фрэнсис, закончив

чтение и открыв глаза. — Я знаю, что, когда во время чумы Кальвин прочитал «Юдоль смертных» братьям Сент-Хонса, его стихи восприняли как редкостное по своей глубине самонаблюдение.

— Как пища для размышлений, — поправил Фрэнсиса Бурэй.

— И только потом, когда Кальвин начал читать свои мрачные стихи на улицах, церковь забеспокоилась, — заметил Фрэнсис.

— Потому что о некоторых вещах нельзя говорить открыто, — сказал Бурэй.

Фрэнсис горько усмехнулся.

— Брат, ты должен признать, что мы являемся хранителями душ тех, кто населяет берега залива Короны, — вмешался настоятель Агронгерр.

— Пока тела гниют и умирают люди, — язвительно бросил Фрэнсис.

Магистр Бурэй вздрогнул, явно готовый разразиться какой-нибудь гневной тирадой, но отец-настоятель поднял руку, удерживая его.

— Мы делаем то, что в наших силах, — произнес Агронгерр.

По лицу старика было видно, как его мучает и терзает мысль о том, что тьма снова сгустилась над миром.

— Кальвина из Брионнэра осудили за подстрекательство народа против церкви, за то, что он играл на чувствах простых людей, боящихся смерти. Ведь даже в эти тяжкие дни мы должны сохранять в народе веру.

Слушая его слова, Фрэнсис не мог удержаться от улыбки. Агронгерру и невдомек, подумал он, сколько в них иронии.

— В чумном лагере есть женщина, — сказал Фрэнсис. — Одноглазая, с искалеченным лицом и отметинами чумы на руках и шее. Говорят, она без устали ухаживает за больными. Я слышал, что, умирая, многие просили причислить ее к лику святых.

— Я тоже слышал об этой женщине, — ответил Агронгерр. — Мы обязательно подробно разузнаем о ней, когда придет черед заниматься подобными делами.

— Даже канонизация брата Эвелина приостановлена, — поспешил добавить Бурэй.

Фрэнсис не посчитал нужным напомнить однорукому магистру, что тот вряд ли может причислить себя к сторонникам Эвелина Десбриса!

— Но это еще не все, — продолжал Фрэнсис. — Ходят слухи, что эта женщина враждебно настроена по отношению к церкви Абея. Она утверждает, что мы бросили жертв розовой чумы на произвол судьбы. А покалечил эту женщину у стен Сент-Гвендолин монах, рука которого странным образом напоминала тигриную лапу. Догадываетесь, кто это был?

Язвительность Фрэнсиса на этот раз пришлась к месту, ибо Маркало Де'Уннеро не вызывал восхищения ни у Бурэя, ни у Агронгерра. По доходившим до монастыря сведениям, Де'Уннеро и его братья Покаяния бесчинствовали на юге Хонсе-Бира, затеявая стычки и даже убивая своих противников. Но самое печальное было другое. Отец-настоятель Агронгерр отправил своего посланника в Энтел, чтобы предупредить настоятеля Олина о братьях Покаяния и предложить ему полную поддержку церкви, если он открыто выступит против них. Олин ответил как-то странно; получалось, настоятель скорее сочувствовал Брату Истины, чем осуждал его. Второй монастырь, также расположенный в Энтеле — сравнительно небольшой Сент-Ротельмор, — полностью внял предостережению Агронгерра, тогда как позицию Олина можно было в лучшем случае назвать двойственной.

— Мы не можем избавить их от страданий, — суровым тоном произнес Бурэй, вставая напротив Фрэнсиса. — А если попытаемся, то лишь разрушим последние крепости, способные выстоять в разгар эпидемии розовой чумы. Сейчас один Бог решает, кому жить, а кому умирать. Наш долг, брат, — позаботиться, чтобы в умирающих не погасла надежда. Мы должны сделать так, чтобы эти несчастные верили в истинность жизни иной, которая ждет их, когда умрет разъеденное чумой тело. Только веря и надеясь, они смогут примириться со своей участью.

— Я не так уж глуп, чтобы верить, будто, мой покинув труп, душа уйдет навеки в мир иной, — ответил Фрэнсис строчкой из стихотворения Кальвина.

— Магистр Фрэнсис, — возвысил голос Агронгерр, уставший от споров.

Он тоже подошел почти вплотную к Фрэнсису, оттеснив Бурэй.

— При всем моем искреннем и великодушном отношении к тебе, я требую: поставь стража возле уст своих. Магистр Бурэй видит реальное положение вещей. Он правильно сказал о том, как и чем мы можем бороться против розовой чумы. Мы в большей степени охранители душ, нежели тел.

— И охранители надежд, так? — спросил Фрэнсис.

— Да.

— А когда мы перестанем задаваться вопросами о том, во что верит народ, и спросим себя, во что же верим мы сами?

Агронгерр и Бурэй с недовольством посмотрели на него.

— Я знаю когда, и вы тоже знаете, — продолжал Фрэнсис. — Возможно, такой момент настанет, когда каждый из нас заболеет чумой и мы почувствуем, что наш конец близок. Только тогда каждый из нас действительно окажется лицом к лицу с величайшей из тайн. И только тогда мы поймем слова Кальвина из Брионнэра.

— Ты, похоже, уже вплотную столкнулся с «величайшей из тайн», — заметил Бурэй.

— Да, потому что я все время смотрю на них, — ответил Фрэнсис, вновь поворачиваясь к окошку. — И думаю о том, каково мое место во всем, что происходит. Насколько нравственно мы поступаем, прячась за стенами и отгораживаясь цветочным кордоном? Мы, обладающие священными самоцветами и в первую очередь гематитом, способным исцелять? Здесь, брат, кроется какое-то несоответствие, и мне его никак не уразуметь.

Настоятель Агронгерр ободряюще потрепал Фрэнсиса по плечу, но Фио Бурэй недовольно поморщился и, презрительно хмыкнув, поспешно ушел.

Пони, Роджер и Дейнси приехали в Кертинеллу поздней весной, когда все уже было в цвету, а в воздухе стоял терпкий аромат горного лавра, перемешанный с ароматом других растений. Как странно, — подумала Пони. В Палмарисе и во всех местах южнее его чума с каждым днем завоевывала новые позиции. Там буйство весенних красок меркло под черной поступью смерти, а смрад гниения подавлял все остальные запахи.

Зиму все трое провели в Сент-Прешес. Пони более других смогла понять и оценить великодушие, проявленное настоятелем Браумином. Монастырь превратился в неприступную крепость, внутрь которой никого не пускали. Исключения не было сделано даже для нового палмарисского барона, этого надменного герцога Тетрафеля, когда он явился для беседы с настоятелем Браумином. Но своих друзей Браумин не забыл.

Пони верила, что ее друзья по достоинству оценят смысл шага, на который отважился настоятель. И правда, Дейнси искренне обрадовалась, когда увидела Браумина по другую сторону опускной решетки, которая теперь появилась позади главных монастырских ворот. Пони надеялась, что ее друзья поймут, что за стенами Сент-Прешес они будут защищены от мрачного и жестокого мира. Но в ней самой эта защищенность рождала двойственные чувства. Какая-то часть ее отказывалась прятаться в монастыре, когда за его стенами столько людей страдало и умирало.

Но она ничем не могла им помочь. Ее мучило сознание собственного бессилия, однако в течение нескольких месяцев, проведенных в Палмарисе, Пони терпела в битве с розовой чумой одно поражение за другим. Вначале Колин, а после еще несколько человек, скончавшихся у нее на руках. Ей самой каким-то чудом удавалось оставаться здоровой. Теперь у Пони осталось лишь единственное желание — вернуться домой, в Дундалис.

Ее взволновало и обрадовало решение Роджера и Дейнси покинуть Сент-Прешес и поехать на север, но не в Дундалис, а в Кертинеллу.

В Кертинелле пока было спокойно. Во всем городе от чумы умер только один человек. Обнаружив у себя розовые пятна, он, не желая подвергать риску близких и соседей, ушел в лесную глушь и умер в одиночестве.

Дом Колин пустовал, и Роджер с Дейнси, получив разрешение Джанины, заняли его.

— Вы действительно решили остаться здесь? — спросила у них Пони, которой не терпелось вернуться в Дундалис.

— У нас здесь друзья, — ответил Роджер, крепко обнимая ее. — Я, как и ты, тоже хочу жить там, где я родился.

Пони высвободилась из его объятий и сказала:

— Но обещаю, что ты приедешь повидаться со мной и Смотрителем.

Роджер улыбнулся.

— Обязательно приедем. Возможно, еще до конца лета, а уж осенью — точно.

Они с Роджером вновь обнялись, и Пони поцеловала его в щеку. В тот же вечер, едва стемнело, она выехала из Картинеллы верхом на Грейстоуне. Дар бежал рядом.

Через пять дней Пони достигла Дундалиса. Дар покинул ее несколько раньше и вернулся в свой табун. Она вспомнила, при каких обстоятельствах этот удивительный конь прискакал к ней тогда, снежной зимней ночью. Что привело его? Как он сумел услышать и понять ее отчаянный призыв?

Возможно, ему помогла бирюза, которой Дара наградила Эвелин. По сути, это был его подарок сразу двоим — коню и Элбрайну. Быть может, Дар и до этого обладал какими-то удивительными особенностями, а камень лишь усилил их. Во всяком случае, Пони отлично понимала: не появись тогда Дар, они погибли бы той ночью, и, возможно, с ними погиб бы и Грейстоун.

Вести о розовой чуме достигли и Дундалиса. Пони убедилась в этом, едва въехав в город. Жители бросились к ней с расспросами и окружили плотным кольцом.

— Да, в Палмарисе свирепствует чума, — сказала она, отвечая сразу всем.

Люди боязливо попятились в сторону, а Пони, лишь пожав плечами, направилась к трактиру «У доброго друга». Ей очень хотелось вновь увидеть Белстера О'Комели. Пони обнаружила, что, если не считать слухов и страхов, связанных с чумой, в Дундалисе ничего не изменилось. Белстер деловито протирал стойку. Увидев Пони, он просиял и широко улыбнулся.

Выйдя из-за стойки, Белстер сжал Пони в своих объятиях и потребовал немедленно рассказать обо всем. Улыбка исчезла с его лица, когда он узнал о смерти Колин, но услышав про Роджера и Дейнси, Белстер заулыбался снова.

— А я, девонька, уж боялся, что тебя нет в живых, — признался он. — Гляжу, зима наступила, а ты все не возвращаешься.

Он тряхнул головой, и Пони заметила у него в глазах слезы.

— Думал, вдруг погода тебя сгубила. Или чума.

— Чума умеет губить, — согласилась Пони. — Она все ползет и ползет, и даже здесь, в Тимберленде, от нее не спастись. А если заболеешь...

Пони бессильно опустила голову.

— Я ничем не смогла помочь Колин. Она умирала, а я держала ее в своих руках и... и все.

Белстер принес из-за стойки бутылку самой крепкой выпивки, какая водилась в его трактире, и налил Пони довольно приличную порцию. Пони, которая никогда не пила ничего крепче легкого вина, взяла бокал и залпом проглотила его содержимое.

В Дундалисе также наступали мрачные и тягостные времена.

Вечером Пони поскакала в заветную рощу, чтобы побыть рядом с Элбрайном. Интересно, придет ли он к ней, когда смерть ее позовет? После того как она лицом к лицу встретилась с розовой чумой, Пони остро почувствовала свою незащищенность и откровенно сомневалась, сумеет ли остаться в живых.

Эти мрачные раздумья будоражили ее до тех пор, пока легкий вечерний ветерок не принес знакомые звуки волынки Смотрителя.

Пони прекрасно знала окрестные места и ориентировалась в лесу, как дома. Она уверенно двинулась навстречу Смотрителю, рассчитывая вскоре увидеть кентавра, но тут музыка внезапно оборвалась.

— Смотритель! — позвала Пони, чувствуя, что он где-то рядом.

Ответа не было. Тогда она достала подаренный Браунином мешочек с самоцветами и нащупала там алмаз безупречной огранки. Пони вновь окликнула Смотрителя и ярким лучом осветила все вокруг.

— Эй! — прокричал кентавр откуда-то сбоку, из-за кустов. — Ну зачем так слепить мне глаза?

Пони внимательно посмотрела туда, откуда донесся его голос, и вскоре ей удалось заметить силуэт кентавра, почти сливающийся с тенью кустов.

Пони улыбнулась, ослабила свет и направилась к Смотрителю. Но с каждым ее шагом кентавр отходил назад. Прежде с ним такого никогда не бывало. Почему он так странно ведет себя?

— Что случилось? — спросила Пони, поворачиваясь, чтобы получше разглядеть своего друга.

— Держаться в двадцати шагах, таково правило, — ответил кентавр. — Я говорю про наши двадцать шагов, а не про ваши детские шажки.

Ответ ошеломил Пони. Она все поняла.

— Чума, — бесстрастно произнесла она.

— Я слышал, на юге она бушует всюду, — поддакнул Смотритель.

— Палмарис она захлестнула полностью, — согласно кивнула Пони. — Да и Урсал, судя по всему, тоже.

— Мрачные денечки, — отозвался кентавр. — И нет такой горы Аида, где можно было бы взорвать чуму.

Пони вновь усилила свет. Ей хотелось получше рассмотреть своего друга: вдруг чума коснулась и его?

— Меня чума пока не поцеловала, — уверил ее догадавшийся Смотритель.

— А она вообще опасна для кентавров? — спросила Пони.

— Еще как опасна! — ответил Смотритель. — В позапрошлый свой набег она скосила почти всех кентавров. Тогда и установили правило: двадцать шагов и ни на дюйм ближе.

— От того, кто болен, так надо понимать?

— От всех, — твердым голосом возразил кентавр. — Кроме, само собой, лошадей. Они не болеют чумой и не передают ее другим.

— Но если кто-то вполне здоров... — начала Пони.

— А ты можешь ручаться? — усмехнулся кентавр. — Пока чума в тебе не проклюнулась, никогда не знаешь наверняка.

Пони замолчала, обдумывая услышанное. Потом спросила:

— Говоришь, по вашему правилу, нужно держаться на расстоянии двадцати ваших шагов от всех? И от меня тоже?

— Как установлено, так и должно быть, — ответил кентавр.

— Ты, никак, стал членом церкви Абея? — язвительно спросила Пони. — Они позакрывали свои ворота и попрятались в монастырях, спокойно наблюдая, как вокруг умирают люди.

— И если кто-то из них заболит сам, его тоже вышвырнут за ворота, — добавил кентавр.

— Непременно, — согласилась Пони. — Трусы они все!

— Ошибаешься!

Смотритель и раньше отличался прямоотой суждений, но сейчас его ответ буквально поразил Пони, настолько жестко и безапелляционно было произнесено это слово.

— Ты называешь их трусами, а я так думаю, мудро они поступают, — продолжал Смотритель. — Подумай, чем они помогут? Выйдут за ворота и перемрут сами? Будут оплакивать больных, пока чума не проест им кишки?

— Они могли бы попытаться сделать хоть что-то, — упиралась Пони. — Хоть что-то! Кто дал им право прятаться?

— По-моему, это не право, это понимание ответственности, — ответил кентавр. — Ты, девонька, не все знаешь. У вас, людей, короткая память. Мало им страданий от самой чумы. Люди безумеют, поднимают бунты и идут убивать друг друга.

Пони смотрела на него, не зная, что сказать.

— Ну, откроют твои приятели ворота монастырей. Половина монахов перемрут от чумы и другим не помогут, — рассуждал Смотритель. — А другую половину, скорее всего, угробят сами люди. Им не впервой во всем винить монахов! Так уже бывало и снова будет! Скажут, что монахи — первые из виноватых. Сожгут их монастыри, и самих сожгут или перевешают, можешь быть уверена. Люди знают: раз пришла чума, значит, Бог отвернулся от них. А монахи-то, по их разумению, умеют говорить с Богом. Значит, виноваты: плохо говорили.

Пони даже пошатнулась. Только сейчас она поняла, что никогда не задумывалась о подобных вещах. Она ненавидела путь, избранный Браумином и его церковью. Получается, что их кажущаяся трусость продиктована житейской логикой и необходимостью?

Пони вдруг стало очень одиноко в этом большом и опасном мире. В мире, который стал неподвластен ни ее действиям, ни ее пониманию. Она горестно посмотрела на Смотрителя, держащегося от нее теперь на расстоянии двадцати больших шагов.

— Сыграй мне, — едва слышно попросила она.

— Вот это я могу, — согласился кентавр и заиграл.

В его негромкой проникновенной мелодии Пони слышался плач.

Браумин услышал раскаты грома и удивился. За окошком синело небо, светило солнце. Потом он начал догадываться, откуда этот звук, и как раз в это время из коридора послышались взволнованные крики кого-то из братьев.

Браумин выбежал навстречу, едва не столкнувшись с кричавшим.

— Беспорядки на улицах! — кричал молодой монах. — Жители напали на неизвестных монахов! Все они движутся сюда! Готовьтесь к обороне!

Браумин оттолкнул перепуганного монаха и побежал по монастырским коридорам, спустился вниз, пересек внутренний двор и добрался до фасадной стены. На ней уже находились Талюмус и Кастинагис, держа в руках самоцветы. По обе стороны от них стояли монахи с арбалетами.

Браумин поднялся на стену. Еще не успев одолеть последних ступенек лестницы, он услышал новый удар грома, а потом крики. Вопли жертв удара перемешивались со злобными выкриками толпы.

— Там! — подсказал брат Талюмус, махнув рукой в направлении одной из улиц. По ней, размахивая самоцветами, бежало около двух десятков монахов, преследуемых толпой. С боковых улиц к ним тоже спешили возбужденные горожане. Преследовали явно намеревались заключить братьев в кольцо и преградить им дорогу к Сент-Прешес.

— Неужели посланцы из Санта-Мир-Абель? — удивился брат Кастинагис, поскольку никто из местных братьев не покидал монастырь.

— Арбалеты к бою! — крикнул Талюмус, когда монахи и погоня подошли достаточно близко к монастырской стене.

— Нет! — возразил настоятель Браумин, и глаза всех защитников обратились в его сторону. — Мы не станем убивать жителей Палмариса, — заявил он.

— Они растерзают наших собратьев, — возразил Талюмус.

Однако Браумин оставался непреклонным. Заметив, что тот держит в руках графит, настоятель забрал у него камень.

— Подними решетку и скажи братьям, чтобы приготовились распахнуть ворота, — велел Браумин Талюмусу.

К этому времени на стене появился магистр Виссенти, неся с собой несколько самоцветов, среди которых был и графит.

— Нам надо остановить толпу, что движется сбоку, — объяснил Браумин, указав на

улицу, подходящую к монастырю с левой стороны. — Никого не убивать. Мы должны остановить их, поэтому все удары ты будешь наносить по камням мостовой, у самых их ног.

— Скорее, братья! — крикнул Кастинагис приближающимся монахам.

Браумин и Виссенти сосредоточились на камнях, готовясь высвободить их магическую энергию. Преследователи двигались к монастырю тремя потоками. Основная часть бежала вслед за монахами, а два других потока все ближе подходили к ним с боков. Намерение толпы оставалось прежним: не дать братьям достичь монастырских ворот. Сейчас все три потока были готовы вот-вот выплеснуться на площадь перед воротами.

Настоятель Браумин ударил вправо. Вслед за ним Виссенти ударил влево, но его удар был менее сильным. Рукотворная молния Браумина попала в кузнечную лавку. Зазвенели стекла витрины, откуда снесло полдюжины лошадиных подков. Удар Виссенти раздробил камни мостовой. Несколько человек, бежавших впереди, упали, закрывая руками пораненные лица. Виссенти молился о том, чтобы никто из горожан не получил тяжелых ранений.

— Ворота! Открывайте ворота! — закричал Кастинагис.

Главные ворота Сент-Прешес широко распахнулись. Брат Талюмус вместе с десятком других монахов устремились туда, чтобы помочь неожиданным гостям поскорее попасть в монастырь.

Это оказалось не так-то просто. Талюмусу и другим пришлось руками и ногами отбиваться от разъяренных горожан, оттесняя их от прохода. В суматохе нескольких нападавших ранили и сбили с ног. Seriously пострадали и двое братьев. Наконец прибывшие оказались во внутреннем дворе, и массивные монастырские ворота вновь закрылись.

Настоятелю Браумину, который все еще находился на стене, оставалось лишь смотреть и беспомощно качать головой. Справа, в отдалении, он заметил королевских солдат. Они наблюдали за происходящим, явно не собираясь вмешиваться.

Ничего удивительного, — подумал Браумин.

Он спустился вниз, чтобы приветствовать неожиданных гостей. Прибывшие монахи расстегнули сутаны и откинули капюшоны. К счастью, полученные раны были незначительными, и местные братья тут же занялись врачеванием. Часть монахов просто запыхались после быстрого бега и сейчас хватали ртом воздух, успокаивая дыхание.

Браумин всмотрелся в их лица. Многие из братьев явно не первый год находились в монастыре, но знакомых среди них он не увидел. Кроме одного.

— Магистр Гленденхук? — удивился Браумин.

— Приветствую тебя, настоятель Браумин, — ответил тот.

— Как вы решились в такие времена покинуть Санта-Мир-Абель? — спросил он. — Что привело вас сюда?

— Мы — братья-расследователи, — ответил другой монах, судя по выговору уроженец юго-восточной части Хонсе-Бира. — Мы должны как можно подробнее разузнать о чуде, которое, как утверждают, Эвелин Десбрис совершил на Аиде.

Настоятель Браумин даже покачнулся, словно легкий ветерок грозил опрокинуть его на землю.

— Но ведь по приказу отца-настоятеля Агронгерра строительство часовни Эвелина приостановлено, — сказал он.

— Было бы неразумно сейчас подвергать жизни людей опасности при строительстве новой часовни, — ответил магистр Гленденхук. — Однако дело канонизации брата Эвелина должно продолжаться. Нам предписано провести полное расследование.

Настоятель Браумин услышал одобрительные возгласы Талюмуса, Виссенти и нескольких других братьев, но сам лишь удивленно поглядел на Гленденхука.

— Разве ты не понимаешь, что людям в нынешние мрачные времена необходим герой? — спросил у него Гленденхук. — Возможно, брат Эвелин и станет таким героем.

Его слова никак не воодушевили Браумина. Настоятель знал, что Гленденхук тесно связан с магистром Бурзем, который явно не чтит память об Эвелине Десбрисе. На прошлой

Коллегии аббатов, где Маркворт обвинил магистра Джоджонаха в распространении еретических воззрений Эвелина, Бурэй горячо поддержал решение о казни Джоджонаха.

— Пусть имя Эвелина ведет нас, и пусть оно поможет вернуть в мир радость, — вроде бы искренне добавил магистр Гленденхук.

Однако, взглянув на улыбку Гленденхука, настоятель Браумин почему-то усомнился в искренности магистра.

Что-то здесь было не так.

ГЛАВА 29 ВТОРОЙ ДАР

— Ваше величество, настоятель Хингас просит об аудиенции, — обратился к королю Данубу гвардеец из охраны замка.

Сидевший рядом с королем герцог Калас презрительно хмыкнул. Он не питал никаких симпатий к Хингасу — временному настоятелю Сент-Хонса, считая того круглым дураком. Калас вообще не жаловал служителей церкви Абея, но в том, что касалось настоятеля Хингаса, кое-кто из королевского окружения, в том числе и Констанция Пемблбери, были вынуждены согласиться с мнением герцога.

— Вне всякого сомнения, он опять намерен жаловаться на факт разбитых окон, — произнесла Констанция.

Она сидела, повернувшись к мужчинам спиной, и кормила своего второго сына Торренса, которому исполнилось уже полгода. Подросший Мервик шумно бегал возле ее кресла. Мальчик строил из деревянных кирпичиков пирамидки, а затем сшибал их, поддавая ногами.

— Либо начнет болтать о том, сколько весит душа, — добавил Калас. — Как же, сыты по горло всеми этими сказками, что душа легче воздуха, благодаря чему она воспаряет прямо к небесам.

— Ваше величество? — повторил гвардеец, до сих пор не получивший вразумительного ответа.

Король Дануб закатил глаза.

— Нет! — вскричал Калас, обращаясь к гвардейцу. — Пусть убирается вон! Вон! Скажи ему, чтобы шел назад в Сент-Хонс. Пусть им там бьют окна и осыпают проклятиями, а эти монахи пусть страдают. Когда у них настоятелем будет кто-то другой, назначенный по всем правилам, тогда он и придет сюда просить аудиенции у короля.

Разумеется, гневные тирады неистового Каласа никого не удивили, но в его последних словах было столько ярости, что Дануб и Констанция невольно переглянулись.

— По мне, уж лучше Джеховит, — сухо заметила Констанция.

Даже король, обычно ведущий себя дипломатично, усмехнулся.

— Теперь он в могиле и обрел примирение с герцогом Каласом, — сказал Дануб.

— А вы бы желали говорить с этим идиотом? — спросил Калас, прижимая руки к сердцу, будто их слова ранили его.

— Возможно, ты и в самом деле оказал мне услугу, — ответил король Дануб, поднимаясь со стула и подходя к окну.

Внизу лежал Урсал: безмолвный, ждущий наступления зимы. В городе не было семьи, которую чума обошла бы стороной. Многие дома словно умерли вместе с их обитателями, и туда никто не заходил, чтобы вынести покойников.

Такой была любимая столица короля Дануба поздней осенью восьмьсот двадцать девятого года Господня. А ведь эта осень могла бы стать лучшим временем в жизни короля. С демоном покончено, прихвостни Бестесбулзибара тоже разбиты. Церковь — его вечная соперница в борьбе за власть — утратила былую силу и пребывает в смятении. Констанция подарила ему двоих сыновей, о которых он все чаще думал в последнее время как о наследниках престола. Разумеется, по этому поводу еще придется долго объясняться с

младшим братом.

Могла бы... Вместо этого они наглухо заперты в тюрьме, в какую теперь превратился Урсальский замок. Точнее — в крепости, способной выдержать натиск чумы. Впрочем, коварный враг пробрался и сквозь ее стены. Чума обнаружилась у двоих слуг и одного солдата, и их всех пришлось изгнать из замка.

К счастью, ближайшие друзья короля оставались здоровыми, и Дануб пробормотал краткую благодарственную молитву, стоя у высокого окна и глядя на свое истерзанное королевство.

Если вспомнить, скольких унесла и ежедневно уносила чума, королевское окружение — капля в море. Но в этот сумрачный осенний день даже маленький лучик света уже был добрым знаком.

В северных землях снег в этом году долго не выпадал. Зато когда зима пришла в Дундалис, она с лихвой наверстала упущенное, завалив снегом дома едва ли не по крыши и полностью скрыв под сугробами изгороди загонов.

Излив всю свою ярость, погода успокоилась. До наступления восьмьсот тридцатого года Господня оставалось еще несколько недель. Как только ветер стих и метель улеглась, Пони решила выбраться из дома. Ее очень тянуло в рощу, к могиле Элбрайна; туда, где хоть на время она могла укрыться от мира с его тяготами и тревогами.

Пони оседлала Грейстоуна и поскакала по знакомой дороге. Поднялась на склон холма, что лежал к северу от Дундалиса. За холмом, с другой его стороны, находилась долина, где росли сосны, а землю устилал белый олений мох. Снег до неузнаваемости изменил все очертания этой долины. Впрочем, ехать по лесу оказалось легче, чем она думала, хотя ноги Грейстоуна уходили в снег почти наполовину. Несколько раз Пони пришлось спешиваться и вести коня под уздцы.

Пони не жалела, что выехала ранним утром, ибо только к полудню она добралась до заветной рощи. Окрестные лощины утопали в снегу. Снег лежал и на окрестных холмах. Опасаясь, как бы Грейстоун не поскользнулся или не провалился в овраг, Пони вновь спешила. Привязав коня на полянке, на которой снега почти не было, оставшиеся четверть мили она прошла пешком.

К роще примыкала большая поляна. По всей ее длине тянулись две цепочки конских следов. Они вели в рощу. Пони насторожилась. Сперва она подумала, что следы, должно быть, оставили Смотритель и Дар — кто еще отважится ехать сюда в такой день. Но вскоре она заметила третью цепочку следов. Они принадлежали всаднику, шедшему рядом с лошадьёю.

Прячась в тени леса, Пони обошла вокруг. Она заметила одинокого всадника в толстой меховой одежде. Он спокойно восседал на своей лошади у самой кромки деревьев.

Достав гематит, Пони вошла в камень, чтобы освободиться от телесной оболочки. Ее двойник полетел прямо к всаднику. По пути Пони обнаружила, что его спутник находился сейчас в роще. В ее роще! При мысли об этом Пони охватила ярость.

Всадник был примерно одного с ней возраста, суровый на вид, с темной двухнедельной бородой и живыми, лучистыми глазами. Что-то в его облике показалось Пони знакомым, но что именно — она не знала.

Опасаясь, как бы всадник не почуял ее присутствия, Пони направила своего двойника прямо в рощу.

Второй незнакомец стоял перед могилами. Он уже успел смахнуть снег с надгробных плит. Это был настоящий великан с длинными, соломенного цвета волосами, которые кое-где начинали редеть. Глаза его напоминали чистое северное небо. На спине наискось висел меч.

Такого огромного меча Пони еще не видела! Этот меч был способен без труда пробить любой щит, снести дерево и надвое разрубить противника!

Незнакомец вдруг насторожился. Он явно почувствовал ее присутствие. Пони

мгновенно вернулась в свое тело.

Она затаилась. Из рощи не доносилось никаких звуков. Великан тоже не появлялся. Пони избрала путь, позволяющий ей оставаться незамеченной для всадника, и стала пробираться через поляну. Одна ее рука сжимала меч, другая находилась в мешочке с самоцветами, где она пальцами сжимала графит и магнетит.

Пони двигалась так, как ее учил Элбрайн, перемещаясь от тени к тени. До великана оставалось не более десяти шагов, как неожиданно раздался его голос:

— Не надо подкрадываться ко мне, добрая женщина. Меня это раздражает.

Он медленно повернулся. На его бородатом лице светилась улыбка. Руки упирались в бока. Судя по всему, он не собирался хвататься за меч.

— А не далековато ли от города ты забралась в такое время? — спросил незнакомец.

— О чем ты?

— Я знаю, что ближайший к этому месту город — Дундалис, откуда тебе пришлось целое утро добираться сюда по глубокому снегу, — ответил он. — Знаю я и то, что милях в двадцати отсюда есть еще один город — Сорный Луг.

Пони с любопытством глядела на незнакомца. Откуда он столько знает, хотя сам он явно не из здешних мест? И что же тогда Смотритель? Кентавр знал или, по крайней мере, утверждал, что знает все, происходящее в лесу. Впрочем, Пони давно не встречалась с ним и лишь изредка слышала звуки его волынки, доносимые вечерним ветром.

— Что ты здесь делаешь? — твердо спросила Пони, подходя к нему ближе.

Если он схватится за меч, она ударит рукотворной молнией.

Великан пожал плечами.

— Отдаю дань уважения, — ответил он.

— Кому?

Вопреки ее желанию голос Пони звучал резко. Кто этот человек, если он дерзнул появиться у могилы Элбрайна, не желая ничего объяснять?

— Своим собратьям-рейнджерам, — ответил альпинадорец, и Пони от удивления раскрыла рот.

— Полуночнику и Мазеру, погибшему прежде него, — продолжал рейнджер. — Я узнал о гибели Полуночника и не мог не приехать сюда, хотя путь был длинным и трудным.

— Кто ты?

— Тот же вопрос я хотел бы задать тебе.

— Кто ты, стоящий незванным и неизвестным перед могилой моего мужа? — спросила Пони, и ее вопрос сказал незнакомцу многое.

Великан кивнул и улыбнулся.

— Стало быть, ты — Джилсепони Виндон, — сказал он. — Для своих друзей — просто Пони. Спутница Полуночника, прошедшая с ним до конца.

Он уважительно поклонился.

— Я — Андаканавар из Альпинадора, обучавшийся, как и твой муж, у эльфов. О трагедии в Палмарисе мне подробно рассказал брат Холан Делман из церкви Абея, который теперь служит в вангардском монастыре Сент-Бельфур.

Если поначалу Пони могла сомневаться в истинности его слов, упоминание имени ее друга, брата Делмана, рассеяло сомнения. Вскоре позади нее послышался и другой голос:

— А я — Лиам О'Блайт, — представился второй незнакомец, тот самый всадник, которого она только что видела.

Сейчас этот человек легко мог бы наброситься на нее, прежде чем она сумеет схватиться за меч или прибегнуть к помощи самоцветов. Пони очень не нравилось дурацкое положение, в котором она оказалась.

Однако и второй незнакомец вежливо и уважительно поклонился, не делая попыток приблизиться к ней.

— Мы не знали, что ты вернулась в здешние края, — продолжал Андаканавар. — Иначе мы встретились бы с тобой где-нибудь в другом месте.

— Хотя за пределами Вангарда мы намерены, насколько возможно, не показываться людям на глаза, — сказал Лиам.

Пони удивленно посмотрела на него, потом на его могучего спутника.

— И вы бы легко убедились, что жители Тимберленда без предвзятости относятся к альпинадорцам, — ответила ему Пони.

— Дело не в этом, — объяснил Андаканавар. — До нас дошли сведения о розовой чуме.

— Это правда, — сказала Пони.

— А потому нам не хотелось бы занести чуму в Вангард или Альпинадор, — сказал Лиам. — Но довольно мне вам мешать, — спохватился он.

Пони догадалась, что рейнджер у нее за спиной подал Лиаму знак оставить их вдвоем. Лиам снова поклонился и ушел, двигаясь ладной, уравновешенной походкой воина. Пони повернулась к рейнджеру.

Более двух часов они проговорили легко и непринужденно, как давние друзья. В основном говорила Пони, отвечая на многочисленные вопросы Андаканавара об Элбрайне. Каждую историю он непременно желал выслушать со всеми подробностями. Он просил Пони изобразить, как Элбрайн смеялся, и воспроизвести его сдержанную улыбку. Андаканавар слушал с явным наслаждением, часто улыбаясь и смеясь.

Время пролетело незаметно. Пони прикинула: если она хочет засветло добраться до Дундалиса, пора возвращаться.

— Судя по приметам, завтрашний денек будет погожим, — сказал ей рейнджер. — Ты приедешь, чтобы продолжить наш разговор?

Пони колебалась.

— Я расскажу тебе об эльфах и о том, как они сделали из Полуночника человека, которого ты любила, — пообещал Андаканавар.

— Тогда я приеду, — с улыбкой ответила Пони.

Ночью, лежа в своей комнатке над трактиром, Пони живо и ярко увидела во сне Элбрайна. Сон этот был намного ярче, чем все ее сны о любимом, которые она видела после его гибели. Те сны по большей части возвращали ее к последней трагической битве и были полны ужасов. Но сон, приснившийся ей в эту ночь, был полон приятных и теплых воспоминаний. Наутро Пони проснулась с улыбкой.

Она встала рано, быстро справилась со своими ежедневными обязанностями, приготовив трактир к открытию. Белстеру она сказала, что вернется к вечеру. Затем Пони вскочила на коня и отправилась в рощу. Андаканавар и его спутник были уже там. И опять человек, назвавшийся Лиамом, быстро ушел, оставив ее наедине с рейнджером.

Вопреки своему обещанию Андаканавар вновь заставил ее рассказывать о Полуночнике. Пони охотно подчинилась. Ей было просто необходимо облегчить душу. Она рассказала о том, как после нападения гоблинов на Дундалис жизнь разбросала их с Элбрайном в разные стороны. Она поведала о своей жизни в Палмарисе и о том, как очутилась в королевской армии. Затем настал черед рассказа о походе в Барбакан и битве с демоном-драконом (эта часть понравилась Андаканавару больше всего!), а потом — об их возвращении на юг и многочисленных сражениях с приспешниками демона. Пони рассказала, как они совершили дерзкое вторжение в Санта-Мир-Абель, чтобы спасти Смотрителя. Самые высокие слова Пони приберегла для рассказа о последнем сражении против Маркворта, в котором Элбрайн отдал жизнь ради ее спасения и ради избавления мира от Бестесбулзибара. По ее щекам катились слезы, но Пони их не замечала.

А потом солнце начало клониться к горизонту, и Пони спохватилась, что пора возвращаться.

— Завтра? — спросил у нее Андаканавар.

— Ты хочешь сказать, что завтра ты, наконец, расскажешь мне об эльфах? — насмешливо спросила Пони.

И действительно, сегодня рейнджер только и делал, что задавал один вопрос за другим.

— Обязательно расскажу, — пообещал Андаканавар. — Я расскажу тебе о многих испытаниях, через которые должен пройти рейнджер. Удивительный народ эти эльфы. Гибкие и...

Пони громко рассмеялась.

— Я бы выбрала другое слово, — сказала она.

— Нет, они действительно гибкие! — возразил Андаканавар. — Сама посуди. Им пришлось придумать совершенно новый стиль боя, который бы подходил и моему росту, и моей силе.

— Иной, нежели би'нелле дасада? — спросила Пони.

От неожиданности рейнджер даже попятился назад.

— Что тебе известно о нем?

Боковым зрением Пони увидела, что к ним приближается спутник Андаканавара.

— Я владею танцем меча, — шепнула Пони. — И достаточно хорошо.

Лицо Андаканавара выразило удивление и тревогу.

— И где же ты ему научилась? — спросил он.

— Полуночник... Элбрайн меня научил, — объяснила Пони. — Все танцу меча целиком. Мы сражались вместе, и движения каждого из нас дополняли движения другого.

Брови Андаканавара удивленно поднялись. Он кивал и что-то бормотал себе под нос.

— Госпоже Дасслеронд это не понравилось, — со смехом прибавила Пони, — Совсем не понравилось!

— Тогда я подозреваю, что госпожа эльфов пошла на крайние меры, чтобы удержать тебя. Поверь мне, я вовсе не шучу, — сказал Андаканавар.

— Какие уж тут шутки, — серьезным тоном ответила Пони. — Мне думается, за меня вступился Белли'мар Джуравиль, и благодаря ему госпожа Дасслеронд поверила, что я буду надежно хранить секрет эльфов.

— Неслыханное доверие! — воскликнул Андаканавар. — И что же, теперь ты — новый рейнджер Тимберленда? — шутливо спросил он.

Лицо Пони оставалось серьезным.

— Белли'мар разъяснил мне, что подобное невозможно. По возрасту я не подхожу для обучения, — сказала она.

— Но эльфы позволили тебе жить и владеть их секретом, а это, поверь мне, щедрый подарок! — с громким смехом произнес Андаканавар, и Пони тоже засмеялась. — Значит, меч у твоего пояса — не просто украшение? — На лице рейнджера мелькнула хитрая улыбка. — Лиам воображает себя искусным фехтовальщиком. Не согласишься ли ты продемонстрировать свое умение?

Пони ненадолго задумалась. Памятуя обещание, данное ею Белли'мару Джуравиллю, она должна была бы отказаться. Как-никак, она пообещала, что не раскроет секрет танца. Но сейчас просьба исходила от рейнджера, который наверняка сам владел танцем меча.

— О чем это вы? — спросил подошедший спутник Андаканавара. Он бросил на снег подстреленную им дику индюшку.

— Прямо здесь? — спросила у Андаканавара Пони. — Здесь полно деревьев.

— А разве у танца есть ограничения, связанные с полем битвы? — спросил рейнджер.

— О каком поле битвы ты говоришь? — снова не понял его спутник.

— О твоём, — ответил Андаканавар, вставая и отряхивая снег со своих шаровар, сшитых из лосиной кожи. — Точнее, о нашем с нею. Наша новая подруга рассказала мне интересные вещи о своей боевой выучке. Мне просто не терпится проверить ее слова прямо сейчас.

— Тогда речь идет о твоём поле битвы, — возразил его спутник.

Андаканавар засмеялся.

— Мой стиль боя слишком отличается от того, которым, как утверждает Пони, она владеет. Не мешкай, Лиам. Вынимай из ножен меч, бери кинжал, и пусть эта женщина покажет, на что она способна.

Лиам удивленно посмотрел на Пони и увидел, что она тоже отряхнула свои шаровары от снега, затем достала из ножен удивительно красивый меч с узким лезвием.

Спутник Андаканавара кивнул.

— Рассчитываю на твое великодушие, — улыбнувшись, сказал он Пони.

— Об этом можешь и не мечтать, — ответила она.

Пони повернулась, приготовившись к обороне. Левую ногу она отставила в сторону, а правую чуть согнула в колене, стараясь найти точку равновесия.

— А если я, сам того не желая, задену ее, ты тут же уложишь меня своим мечом? — спросил у Андаканавара его спутник.

Рейнджер усмехнулся. Глядя на боевую стойку Пони, он сразу понял, что опасения Лиам беспочвенны.

— Я постараюсь не поранить тебя и того же ожидаю от тебя, — сказал противник Пони. — Сражаемся до первой крови, если у нас дойдет до этого. Если нет — до первого перевеса.

Пони не ответила. Подаваясь корпусом вперед и назад в поисках равновесия, она вспоминала многочисленные уроки с Элбрайном, когда они обнаженными танцевали на утренней заре, и многочисленные сражения, которые вела рядом со своим любимым. Тогда их движения были единым целым — гармоничным, синхронным и грозным для любого врага.

Пони ощутила, как *би'нелле дасада* вновь разливается по ее телу — впервые с того трагического дня. Но вместо горечи и боли Пони почувствовала, будто она вновь находится рядом с любимым. Какое удивительное, чудесное ощущение!

— Ты готова? — услышала она голос противника.

По его тону она догадалась, что спрашивал он уже не в первый раз.

Она улыбнулась и кивнула, и Лиам неожиданно устремился в атаку, нанеся боковой удар мечом, за которым последовал быстрый и короткий удар кинжалом.

Недаром меч Пони назывался «Победителем». Она легко отразила удар Лиамова меча, затем, изменив угол, преградила путь кинжалу.

Удивленный Лиам улынулся. Но теперь Пони совершила неожиданный выпад, ударила, чуть сместилась в сторону, потом сделала круговое движение мечом, за которым последовал новый выпад. Лезвие «Победителя» блеснуло на уровне груди и тут же как бы упало вниз, не дав Лиаму ударить кинжалом.

Но противник не растерялся. Он вновь взмахнул мечом и бросился вперед.

К этому времени танец меча почти целиком овладел Пони, даря ей забытую радость, которую она уже и не надеялась когда-либо испытать. Лиам угрожал ей одновременно мечом и кинжалом, однако Пони стремительно отступила назад. При этом тело ее сохраняло безупречное равновесие.

Лиам осмелел. Он увидел, что Пони отступает к березам, находившимся за ее спиной. И действительно, Пони стремительно двигалась в том направлении. Но когда ее противник приблизился, она нанесла удар. Пони точно рассчитала его.левой рукой она схватилась за березу и, оттолкнувшись, повернулась вокруг дерева, слегка наклонив его тонкий ствол.

— Ловкий маневр, — похвалил ее противник.

Но, не успев договорить и в знак приветствия поднеся свой меч ко лбу, он вдруг оказался в отчаянном положении. Выпрыгнув из-за берез, Пони атаковала его, нанеся три стремительных удара.

Лиам с трудом смог защититься. Он обнаружил, что отступает и ему далеко до совершенного равновесия, какое неизменно сохраняла Пони.

Тем временем Пони продолжала атаковать. Удары ее меча направлялись Лиаму в живот, в грудь, в лицо, снова в живот. Противнику, вооруженному мечом и кинжалом, едва удавалось их отражать.

Пони чувствовала: сила броска иссякает. Ей надо отступить и снова занять оборонительную позицию. Но вместо этого она с еще большим упорством двинулась вперед.

Противнику показалось, что она допустила ошибку, и он, явно не новичок в бою, воспользовался преимуществом. Лиам легко отразил ее неуверенный удар, затем, поменяв положение ног, метнулся вперед. Первый удар он нанес мечом, второй кинжалом, которые оба угодили... в пустоту.

Ошеломленный Лиам остановился. Он так увлекся атакой, что загородил себе обзор и теперь даже не видел своей противницы!

В следующее мгновение он почувствовал, как в его шею, почти у самого затылка, упирается острие меча, и застыл на месте.

— Отмечаю перевес! — загремел Андаканавар.

Лиам бросил на снег свое оружие и пожал плечами.

— Надеюсь, ты не поранила меня, — сказал он, пристально глядя в голубые глаза Пони.

— Если я замечу кровь, то легко остановлю ее, — пообещала она, убирая свой меч в ножны и подходя к рейнджеру.

Андаканавар одобрительно кивнул.

— Полуночник наградил тебя великим даром, — заметил он.

Пони молча согласилась. Она до сих пор ощущала удивительно приятное покалывание во всем теле, вызванное силой танца меча. Проведя бой с Лиамом, она еще раз оценила дар, оставленный ей Элбрайном.

— А больше он ничему тебя не научил? — спросил Андаканавар.

Вопрос этот удивил Пони. Разве упомнишь все, чему они с Элбрайном учили друг друга или постигали вместе?

— Твое недоумение служит мне ответом, — сказал рейнджер. — Значит, не научил, и вместо него это придется сделать мне. Завтра.

Пони недоверчиво глядела на него.

— Верь моим словам, женщина, — настоятельно попросил Андаканавар. — Обещаю тебе, ты получишь больше, чем ожидаешь.

Он умолк и долго следил за лицом Пони, на котором недоверие и даже тревога постепенно сменились надеждой.

— Завтра? — вновь спросил Андаканавар.

— С утра, — пообещала Пони.

Она взяла Грейстоуна под уздцы и двинулась в обратный путь.

— Удивительная женщина, — восхищенно произнес спутник Андаканавара, глядя вслед удалявшейся Пони.

Лиам О'Блайта будто подменили.

— Умелая, решительная и настоящий праздник для мужских глаз, — ответил рейнджер, глядя на своего менее рослого друга. — Я же говорил тебе вчера вечером, что она с легкостью тебя победит.

— Брат Делман называл ее прекрасной, — сказал его спутник. — Думаю, наш друг Делман редко восторгается женщинами.

— Теперь ты видишь: его слова — лишь слабая попытка рассказать о ней, — ответил Андаканавар и хитро посмотрел на своего спутника. — Она настолько прекрасна, что сведет с ума любого мужчину.

— А разве ты сам не мужчина?

— Я слишком стар для нее. Думаю, вы с нею примерно одного возраста.

Потерпевший поражение от Пони только пожал плечами и улыбнулся.

— Ну как, мы исполнили все, о чем ты просил? — спросил Андаканавар у появившегося Смотрителя.

Кентавр, соблюдая правило, держался от них на расстоянии двадцати больших шагов.

— Она уехала с улыбкой, — согласился Смотритель. — Давно не видел ее такой радостной.

— Рейнджеры умеют развеселить женщин, — подмигнув, сказал Андаканавар.

— Но боль ее глубока, — серьезным тоном произнес кентавр.

— И завтра, быть может, мне придется снова причинить ей боль, — заметил Андаканавар, — ибо завтра ей предстоит вновь встретиться со своим любимым. Да, ей будет очень тяжело, но это ей необходимо.

— Если бы я не верил, что ты поможешь, то не стал бы и просить тебя, — сказал Смотритель.

— Мы очень рады, что ты все-таки попросил, — сказал спутник рейнджера.

Голос его был каким-то мечтательным и даже отрешенным. Андаканавар со Смотрителем переглянулись и понимающе мигнули друг другу.

— Я это сразу понял, — негромко бросил рейнджеру Смотритель.

И вновь сны Пони были полны приятных воспоминаний о ее любимом. Вместе с Элбрайном они снова танцевали танец меча, соединялись в нежных объятиях, бродили по лесу, а потом сидели на холме и тихо разговаривали под песни Смотрителя.

Пони проснулась в радостном настроении. Как и вчера, она быстро управилась с необходимыми делами и выехала из Дундалиса. Она торопила Грейстоуна, заставляя его скакать как можно быстрее — насколько это позволяла заснеженная дорога.

Андаканавар дожидался ее один. Где-то неподалеку находился и Смотритель. Звуки его волынки теплыми волнами плыли в бодрящем зимнем воздухе.

— Когда я слышу песни кентавра, мне кажется, что Элбрайн по-прежнему со мной, — с тоской сказала Пони. — В детстве мы часто с ним слушали волынку Смотрителя. Давно это было, когда мы еще жили в *том* Дундалисе.

— А он действительно с тобой! — громогласно произнес Андаканавар. — И сомнений здесь быть не может!

Он оглянулся по сторонам, словно ожидал, что откуда-то вот-вот появится призрак Элбрайна. Затем удивленно посмотрел на Пони.

— Разве он не передал тебе второй дар? Наиболее ценный дар тол'алфар?

Пони недоумевающе глядела на него.

— Оракул, — подсказал Андаканавар.

Странно, как она сама не догадалась вчера.

— Однажды Элбрайн захотел помочь мне в общении с духом нашего погибшего друга, — рассказала она. — Тогда он и предложил использовать Оракул. Но я и так постоянно чувствовала присутствие Эвелина и Оракул мне не понадобился.

— Но теперь тебе без него не обойтись.

Пони опять удивленно и недоверчиво поглядела на рейнджера.

— Ты не веришь, что Полуночник, твой Элбрайн, по-прежнему с тобой, — объяснил ей Андаканавар. — Ты даже не знаешь, обрел ли он другую жизнь и существует ли такая жизнь вообще. Ты сказала, что ощущала присутствие Эвелина. Но действительно ли это был его дух? Или это были твои о нем воспоминания?

Пони вдруг стало не по себе, словно Андаканавар коснулся того, что принадлежало только ей.

— Тебя удерживает страх, — заявил рейнджер. — Из-за него в тебе не утихает скорбь.

— Ты слишком много на себя берешь.

— Я умею читать по лицу, — возразил Андаканавар. — И едва ты заговариваешь об Элбрайне, на лице отражаются все твои чувства.

Рейнджер отряхнул снег с шаровар и встал, протянув руку Пони.

— Идем, — сказал он. — Я хочу показать тебе второй дар эльфов. Он тебя освободит.

— Но госпожа Дасслеронд...

— Ее здесь нет, — усмехнулся рейнджер. — Если она позволяет тебе жить, владея секретом *би'нелле дасада*, знай, что она уже вынесла суждение о тебе. Благосклонное суждение. Пойдем. Вскоре погода испортится, а у меня впереди долгая дорога.

Продолжая сомневаться, Пони, однако, взяла протянутую руку альпинадорского

великана. Андаканавар, как пушинку, поднял ее на ноги.

Он заранее приготовил пещеру у основания громадного вяза. Рейнджер и сам провел немало времени в этой пещере, общаясь с духами Элбрайна и Эвелина. Он подробно рассказал Пони, как ей надо действовать, затем подвел ее к входу.

У одной стены лежало короткое бревно, предназначенное для сидения. Напротив него, на другой стене, помещалось зеркало. Пони не успела толком оглядеться, как Андаканавар задержал над входом покрывало.

Теперь она едва различала очертания стен пещеры. Но иначе было нельзя — Оракул требовал темноты. Следуя наставлениям Андаканавара, Пони уселась на бревно и стала пристально вглядываться в зеркало, думая об Элбрайне. Она вспоминала мгновения, проведенные вместе с ним. Мысли приобретали все большую глубину, пока Пони не слилась с зеркалом. Во многом это состояние напоминало вхождение в танец меча или в магию самоцветов.

Она увидела своего любимого: тень его появилась в зеркале.

— Элбрайн, — прошептала она, и по щекам обильно полились слезы. — Ты меня слышишь?

Она не услышала никаких ответных слов. Тень в зеркале не пошевелилась. Зато Пони вдруг ощутила тепло. Ее любимый находился с нею.

Увы, Элбрайн был не настолько близко, как ей хотелось бы. Пони подалась вперед. Она даже привстала с бревна, однако эти движения нарушили ее сосредоточенность. Образ в зеркале стал бледнеть. А может, его там и не было? Может, то была странная шутка, которую сердце сыграло с ее воображением?

Нет, не шутка. Пони сознавала это. Он был там, в духовном обличье. Ее настоящий Элбрайн.

Пони вновь села, намереваясь еще раз вызвать Элбрайна. И только сейчас она сообразила, как много времени пролетело. Пора возвращаться в Дундалис.

Пони подошла к выходу и отдернула покрывало. Она зажмурилась, привыкая к яркому послеполюденному свету.

— Так ты нашла его? — спросил рейнджер, удобно устроившийся поблизости.

Рядом стоял его черноволосый спутник.

Пони кивнула.

— Я думаю...

— Не надо много думать, милая, — сказал Андаканавар. — Чувствуй.

Он нагнулся и помог ей выбраться из пещеры.

— Тебе пора возвращаться в Дундалис, — сказал рейнджер. — К вечеру обязательно начнется буря.

— А куда теперь направитесь вы оба?

— К себе, на восток, — ответил рейнджер.

— Не боитесь бурана?

— Для альпинадорца это просто снежок с ветерком, — засмеявшись, ответил рейнджер. — Разумеется, путь у нас нелегкий, но нам он вполне по силам.

Пони долго глядела на синеглазого великана. Они были знакомы всего несколько дней, но она чувствовала, что будет очень скучать по нему.

— Ты обещал учить меня, — с упреком возразила Пони.

— Что я и сделал, — ответил рейнджер. — Ты же сказала, что видела своего погибшего любимого, а это огромный успех для первого общения с Оракулом. Зеркало я оставляю здесь, и ты можешь часто приходить в эту пещеру. С каждым разом у тебя будет получаться все лучше. Ты начнешь учиться самостоятельно. И однажды наступит день, когда ты поймешь. Поймешь, что ты не одинока, что есть место удивительного покоя, ожидающее нас после земной жизни. И когда ты будешь знать это наверняка, а не просто надеяться, ты станешь свободной.

Пони с любопытством глядела на рейнджера, не зная, верить ли его словам и его

обещанию.

Упрямая и недоверчивая часть ее личности протестовала — неужели Оракул способен дать ей это совершенно новое знание? Но где-то глубоко, в самом потаенном уголке своего сердца, Пони молила о том, чтобы слова рейнджера оказались правдой.

— Это окно, брат, необходимо плотно занавесить, — сказал вошедший в келью магистр Фио Бурэй.

Фрэнсис, как обычно, стоял у окошка и глядел на поля с западной стороны монастыря. Он повернул к вошедшему свое лицо — на нем застыла гримаса боли.

— Чтобы не проникал холод? — спросил он Бурэя, — Или чтобы не слышать криков тех несчастных?

— По обеим причинам, — мрачно ответил Бурэй.

Потом он несколько смягчился и вздохнул.

— Разве ты не идешь на торжественную службу по случаю наступления нового года? — спросил он.

— О чем нам молиться? — искренне спросил Фрэнсис. — Чтобы чума не проникла за наши стены?

— У меня нет ни времени, ни желания выслушивать твои нескончаемые колкости, брат, — ответил Бурэй. — Отец-настоятель Агронгерр просил передать, что мы скоро начинаем. Ты присоединишься к нам?

Фрэнсис снова повернулся к окну. На поле дрожали тоненькие огоньки костров — дров у чумных больных было очень мало. В месиве из снега и грязи стояли сооруженные из чего придется хлипкие навесы, под которыми лежали больные. Силуэты других больных медленно передвигались между навесами, почти неразличимые во тьме.

— Нет, — ответил Фрэнсис.

— Это обязательная служба, — напомнил ему магистр Бурэй. — Я еще раз спрашиваю: ты пойдешь?

— Нет, — без колебаний повторил Фрэнсис, даже не потрудившись повернуться к Бурэю.

— Тогда утром тебе придется объясняться с отцом-настоятелем Агронгерром, — заявил тот и покинул келью.

— Нет, — еще раз сказал Фрэнсис.

Итак, наступил последний вечер восьмьсот двадцать девятого года Господня. Фрэнсис знал, что смена года — не более чем символическая веха, попытка ограничить человеческим календарем безостановочный ход Божьего времени. Вместе с тем он понимал потребность в подобных символах. Они давали человеку определенное вдохновение. Из них человек мог почерпнуть силу и решимость для того, чтобы действовать дальше.

В ту ночь, в самый разгар торжественной новогодней службы, на которой присутствовали все монахи Санта-Мир-Абель, магистр ордена Абея Фрэнсис Деллакорт покинул монастырь. Рядом с магистром трусил ослик, тяжело нагруженный одеялами.

Магистр миновал замерзший цветочный кордон с давно поникшими мертвыми цветами и вышел прямо в поле. Туда, где дул холодный ветер, налетавший с залива Всех Святых.

Фрэнсиса встретили удивленными и недоверчивыми взглядами. Затем из темноты перед ним выросла женщина. Половина ее лица была чудовищно обезображена шрамами. Женщина наклонила голову, глядя на Фрэнсиса единственным глазом.

— Решил отведать чумного смрада? — спросила Мери Каузенфед.

Брат Фрэнсис шагнул к ней, опустил на колени и поцеловал Мери руку.

Он нашел свою церковь.

Она без труда говорила с Элбрайном обо всем. Делилась своими замыслами, выплескивала страхи. И пусть образ в зеркале не отвечал, Пони ничуть не сомневалась: ее Элбрайн рядом. Рядом с ней находился живой, понимающий дух Элбрайна, всегда готовый

помочь разобраться в ее чувствах и страхах.

Это не было игрой воображения. Пони не ошибалась. Там, в зеркале, был Элбрайн, ее Элбрайн. Они видели и понимали друг друга.

В пещере под старым вязом она обрела силу, хотя над окружающим миром продолжали сгущаться сумерки. В пещере под старым вязом, возле зеркала, Джилсепони Виндон нашла свою церковь.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Долгий путь

Как, оказывается, легко человеку войти в состояние ступора, сосредоточив все свое внимание на собственной персоне. Я столько месяцев подряд провела в унынии. Я боялась стать своекорыстной и в то же время испытывала страх и растерянность перед миром, на который, очевидно, не может повлиять ни мое, ни чье-либо иное вмешательство.

Зачем же тогда сражаться, если заранее знаешь, что не сможешь победить?

Находясь в замешательстве, охваченная неподдельным горем, я превратилась в некое существо без цели, жаждущее лишь одного — покоя. И я нашла покой, помогая Белстеру в его трактире «У доброго друга», слушая волюнку Смотрителя и глядя тихими ночами на звездное небо.

Но теперь я начинаю понимать, что эти мгновения покоя — не более чем островки среди бурь и хаоса. Мир не замрет, зачарованный красотой звезд; нет, человечество и дальше будет совершать ошибки, равно как никогда не исчезнут опасности природы. Мир пребывает в нескончаемой суматохе, но помимо его ужасов я научилась видеть в этой суматохе (или в этом изменении) то, что придает смысл существованию мира.

Я сетовала, что человеческое общество не способно быть совершенным, и я по-прежнему не отказываюсь от этой точки зрения. Для столь сложных существ, как люди, рай невозможен. Нет и не может быть совершенного мира, населенного людьми, где отсутствовали бы в тех или иных обликах страдания и боль. Мне пока что не раскрылась какая-то иная правда, отличная от этой. В мире, полном хаоса, я не нашла никакого магического средства исцеления, никаких честных надежд на построение рая.

Или, возможно, нашла.

Принимая во внимание лишь желаемые для меня цели и направления, я словно надевала шоры на глаза, не желая видеть ничего, кроме избранной дороги. Я верила, что только там существуют истина, надежда, смысл. А поскольку цель казалась недостижимой, я считала напрасным и само путешествие. Здесь-то и скрывалась моя ошибка, которую я долго прощала себе, оправдываясь горем, затуманившим для меня все остальное.

Никто не в состоянии сделать мир безупречным. Это не по плечу ни Полуночнику, ни королю Данубу, ни отцу-настоятелю Агронгерру, ни отцу-настоятелю Маркворту. Я уверена, что Маркворт, ведомый своей чудовищной ошибкой, тоже старался сделать мир лучше. Такое не по плечу ни отдельному человеку, ни сообществу людей, будь оно церковным или светским. Возможно, некий мудрый король смог бы сделать раем свое королевство, но лишь на краткий миг по сравнению с бесконечным временем. Даже такие великие герои, как Терранен Диноньел, Эвелин Десбрис и мой любимый Элбрайн-Полуночник растворятся во мгле веков, и память о них будет искажена и извращена сообразно вкусам и потребностям летописцев далекого будущего. В общем ходе истории их наследие явится яркой, но недолгой вспышкой, ибо люди — существа слабые, обреченные забывать и ошибаться.

И, тем не менее, в существовании людей есть какой-то смысл. Есть радость и надежда. Пусть совершенство недостижимо, но на пути к недостижимой цели мы

находим славу и удовлетворенность своими деяниями.

Теперь я знаю (и возможно, это знание победит отчаяние): путь стоит того, чтобы по нему идти. Если все, что мне удастся совершить, сделает жизнь лишь одного человека лучше только на какой-то один день, значит, мои усилия не напрасны. Попытаться сделать действительно необходимое — а такие попытки приближают меня и окружающих людей к лучшей жизни — это уже стоит принесенных жертв, сколь бы велики они ни были.

Да, я утратила простодушие. Я потеряла слишком много. Каждый день я смотрю на могилу Элбрайна. Он был рейнджером. С широко открытыми глазами, с сердцем, полным радости и надежд, он служил людям. Он отдал все, включая и свою жизнь, пытаясь сделать мир лучше.

Неужели он сделал это напрасно?

А люди, которых он спас? Согласятся ли они, что это было напрасно? А те родители, дети которых благодаря ему живы и благополучны? Что скажут они? А жители Кертинеллы, которые, если бы не Полуночник, погибли бы от набегов гоблинов и поври? И, конечно же, если бы Эвелин не пожертвовал жизнью, уничтожая телесное воплощение Бестесбулзибара, мир превратился бы в мрачную пустыню.

Возможно, моему отчаянию пришел конец, ибо сейчас, глядя на могилу Элбрайна, я испытываю лишь спокойствие. Он со мной, и каждую минуту жизни я живу с этим ощущением.

Я знаю, что мне нужно покинуть Дундалис. Я должна быть там, где я больше всего нужна, какую бы цену мне самой ни пришлось заплатить за это.

Да, я по-прежнему не питаю никаких иллюзий и не могу забыть могилы, в которых погребены герои.

Но еще остается работа, которую необходимо сделать.

Джилсепони Виндон

ГЛАВА 30 БИТВА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

— Там чума гуляет под руку со смертью! — резко воскликнул Белстер О'Комели, потрясая в воздухе тряпкой, которой он обычно вытирал стойку.

Вид у него был впечатляющий, но сцена предназначалась исключительно для Пони. Посетителей в столь ранний час в трактире еще не было.

— Что тебе взбрело в голову? — недоумевал Белстер.

Лицо Пони оставалось спокойным.

— Сейчас мое место там, — ответила она.

— Твое место? — переспросил трактирщик. — А не ты ли прожужжала мне все уши, уговаривая переехать сюда?

— Тогда мне действительно нужно было попасть в Дундалис, — пыталась объяснить ему Пони.

Нет, ее друг привык руководствоваться житейскими понятиями, и то, что она задумала, лежало за пределами его понимания.

— Мы неплохо устроились здесь, — согласилась Пони.

— Тогда зачем уезжать? — простодушно спросил Белстер.

— На юге нуждаются в моей помощи, — наверное, в десятый раз за утро ответила Пони.

Белстер погрузился в размышления. Вся его поза свидетельствовала о том, что трактирщик напряженно думает.

— И все-таки никак я в толк не возьму, чего тебя мотает туда-сюда. Когда на юге все было спокойно и прекрасно, тебя тянуло на север, в Дундалис. Теперь, когда на юге чумное пекло, тебе непременно нужно туда ехать.

Грузный Белстер покачал головой и громко фыркнул.

— Уж никак ты вздумала тягаться с тьмой, девонька?

Пони хотела ответить, но передумала. С его точки зрения замыслы Пони действительно казались безумством. И не только с точки зрения Белстера. Любой человек, не переживший того, что пережила она в пещере под старым вязом, видел в ее решении не что иное, как погоню за страданиями.

— Кончится тем, что ты сама подцепишь чуму и умрешь, — с этими словами Белстер начал остервенело вытирать поверхность стойки.

Схватив его за руку, Пони заставила трактирщика глядеть ей прямо в глаза.

— Я могла бы успокоиться, — без всякой улыбки сказала Пони. — Я могла бы и дальше оставаться в Дундалисе и не делать попыток кому-либо помочь. Но неужели ты не понимаешь? Я должна попытаться. Мне подвластна сила самоцветов. Монахи называют этот дар Божьим призванием. Неужели он мне дан впустую? Что же, прятаться здесь и позволять камням лежать бесполезным грузом, когда вокруг меня люди страдают и умирают?

— А разве не так поступают сами монахи? — напомнил ей Белстер.

— Они поступают неправильно, — упрямо сказала Пони.

— Самоцветы бессильны перед розовой чумой, — сказал Белстер. — Ты сама убедилась в этом, когда еще там, в Палмарисе, пыталась спасти Колин и других. Никак уже все позабыла?

— Этого я никогда не забуду, — мрачно ответила Пони.

— Так зачем же воображать, будто ты умнее монахов? — сердито спросил трактирщик. — Ну, билась ты с чумой, а она тебя победила. Ты снова взялась за свое, и опять она по тебе ударила. И до тебя пытались воевать с чумой. Монахи не дураки. Они признали, что бессильны, и потому прячутся в монастырях.

— Нет! — закричала Пони. — Они прячутся, потому что трусят.

— Потому что соображают.

— Трусят, — жестко повторила Пони. — Они скрываются за стенами, поскольку не знают, что делать, а пытаться снова бороться с чумой боятся. Если бы Эвелин рассуждал, как они, неужели бы он отправился на Аиду воевать против демона-дракона? Если бы Полночник рассуждал, как они, стал бы он вместе со мной биться против Маркворта?

Пони прекрасно знала, какой ответ она сейчас услышит от Белстера, и потому опередила его.

— Ты, конечно, скажешь, что оба они погибли. Но подумай, что стало бы со всеми нами, если бы они трусили и не поверили, что смогут одолеть, казалось бы, непобедимых врагов?

Белстер беспомощно вздохнул. Ему нечего было ей возразить.

Неожиданно дверь трактира с шумом распахнулась и на пороге появился молодой парень по имени Харли Олман. Вид у него был встревоженный.

— Дождались! Она уже здесь! — выкрикнул он. — Розовая чума пришла и к нам!

Пони взглянула на Белстера.

— Джонно Дринкс, — сообщил Харли. — У него розовые пятна!

— Тебе хотелось повоевать, — тихо произнес Белстер. — Похоже, чума приняла твой вызов.

Пони полезла в мешочек и достала гематит, называемый также камнем души. Она помахала камнем перед Белстером.

— Я готова сражаться, — решительно сказала она.

Пони направилась к двери, махнув Харли Олману, чтобы он шел за ней.

— Его надо выгнать из города, — пробормотал парень, обращаясь к Белстеру за поддержкой.

Трактирщик был уверен, что у Пони иное мнение на этот счет.

Пони почти не знала Джонно Дринкса. Но даже если бы она не знала его совсем, то без труда смогла бы разыскать его жилище. У лачуги этого бедняги уже собралась целая толпа.

Многие выкрикивали проклятия и требовали, чтобы Джонно покинул дом и вообще убрался из Дундалиса.

Увидев Пони, собравшиеся присмирели. Пони сурово оглядела их, встретившись глазами с каждым.

— Спасение — в сострадании, — напомнила она горожанам. — Тяжела участь тех, кто заболел и умрет от чумы. Но ваша участь будет еще тяжелее, если вы, поступив жестоко с больными и изгнав их из города, потом все же заболите сами.

Пони в Дундалисе считали великой героиней, и никто не рискнул спорить с нею. Собравшиеся еще больше изумились, когда она подошла к двери лачуги Джонно Дринкса. Резко постучав в дверь и дав знать больному, что она идет, Пони скрылась внутри.

Она слышала ропот толпы, доносившийся снаружи. Кто-то вполголоса говорил, что и ее тоже надо выгнать из города.

Пони не отреагировала. Она не собиралась воевать со своими растерянными и перепуганными соседями. Враги не они, враг — розовая чума.

Джонно Дринкс лежал в постели, все тело его пылало от лихорадки. Он посмотрел на Пони тем же горестным, умоляющим взглядом, какой ей уже не раз приходилось видеть в Палмарисе. Судя по всем признакам, чума у него началась не вчера. Наверное, какое-то время этот человек скрывал, что болен. Возможно, боялся, что его прогонят из города. Если это так, то скольких он успел заразить?

— Не разбрасываться, — напомнила себе Пони.

Сейчас не время. Пони крепко зажала в руке камень души, торопясь выйти из тела. Вскоре ее духовный двойник устремился к больному.

Через час, безмерно уставшая и измученная, Пони сидела на полу у постели Джонно Дринкса и то и дело ударяла себя по рукам, словно сбрасывая с них маленьких демонов чумы. Ни ее сила, ни решимость ничем не помогли больному, а ей самой вновь едва удалось уберечься от чумы.

Хуже всего, что поначалу, погрузив светящиеся руки своего двойника в зеленое месиво чумы, она поверила, будто болезнь отступает. Но это было обманным ощущением. Только искусное владение магией самоцветов помогло Пони удержать маленьких демонов. Окажись на ее месте кто-либо послабее, одной жертвой чумы стало бы больше.

Итак, сама она осталась здоровой, но едва ли это можно было считать победой.

Пони заснула прямо на полу возле постели Джонно Дринкса.

Она проснулась уже под вечер, когда солнце клонилось к западу. Сон отчасти восстановил силы Пони. Взяв камень души, она повернулась к Джонно, собираясь дать чуме очередной бой.

Больной спокойно спал, и Пони решила не тревожить его. Пусть спит, а она тем временем окончательно восстановит силы для нового сражения. Пони задумалась: если новое сражение окажется простым повторением прежнего, она ничего не добьется. Нужно подготовиться. Прежде чем начинать битву, она должна хоть что-то придумать.

Пони раскрыла мешочек с самоцветами и представила, что в нем собраны тысячи и тысячи камней. Она стала перебирать их сочетания, но ответа так и не получила.

Тогда Пони подумала об Элбрайне, Эвелине и других героях, живших до них. Теперь она знала, что ей делать.

Она спешно вышла из дома, намереваясь оказаться перед Оракулом еще до наступления темноты. Толпа к этому времени стала многочисленнее. Наверное, теперь здесь собрались едва ли не все жители Дундалиса. Люди ждали молча и сосредоточенно. Пони подумала, что так, наверное, ждет и сама смерть.

— Он мертв? — спросил у нее кто-то.

Пони решительно покачала головой.

— Мы продолжаем бороться, — ответила она, заметив, как при ее появлении толпа начала пятиться назад.

— Выгнать его из города, и дело с концом, — выкрикнул какой-то человек из толпы.

Пони остановилась и обожгла его гневным взглядом.

— Запомни мои слова, — ледяным тоном обратилась она к нему. — Если ты или кто другой задумаете причинить вред Джонно Дринксу либо изгнать его из города, пощады от меня не ждите.

— Полегче, девонька, — сказал Белстер, протискиваясь сквозь толпу.

Он подошел к Пони и попытался взять ее за руку. Но она резко вырвалась.

— Я не шучу, — предупредила она. — Джонно должен остаться здесь. Можете окружить его жилище цветами, если так вам будет спокойнее. Но еще раз повторяю: не вздумайте причинить ему хоть малейший вред.

Эти слова, произнесенные спокойным и решительным тоном, а также мешочек с самоцветами и грозный меч, прицепленный к поясу, заставили побледнеть многие лица. Жители Дундалиса хорошо знали Джилсепони и боялись ее гнева.

Страх толпы усилило неожиданное появление Дара.

Пони с благоговением глядела на могучего коня. Неужели он снова прочел ее мысли и примчался ей на помощь? Ей оставалось только гадать, как осуществлялась их связь с Даром. Может, все дело в удивительной магии бирюзы, укрепленной на груди коня?

Но сейчас не время искать ответы на эти вопросы. Пони ухватила за конскую гриву и взобралась Дару на спину.

Они поскакали. Пони даже не нужно было направлять коня, ибо он, похоже, отлично знал, куда ее везти. Солнце еще не село, а Пони уже была в заветной роще, в пещере под старым вязом. Она задвинула полог, готовая к беседе с духами.

Она воззвала к Элбрайну, потом к Эвелину. Однако в ее мозгу или в каком-то ином пространстве, которое, как считала Пони, существовало с обратной стороны зеркала, не возникли знакомые образы. Вместо них Пони увидела картину мира, каким он был задолго до появления стран и королей. То был древний мир, полный диких зверей и удивительных растений, и люди в том мире жили маленькими, разрозненными племенами, прячась в пещерах или под ветвями громадных деревьев. В том мире еще не существовало церкви Абеля, да и сами люди мало чем отличались от животных.

Потом она увидела мир, когда в нем и вовсе не было людей, однако были другие расы, намного древнее человеческой.

К мелькавшим образам примешивалось еще что-то, и Пони не сразу разобрала, что именно. Розовая чума! Она была древнее королевств, церкви и самого человечества.

Возможно, ответ на мучивший Пони вопрос надо было искать в прошлом, у тех, чья память длиннее человеческих летописей.

Пони увидела и другую картину, но теперь уже из ее собственных воспоминаний. Однажды они с Элбрайном оказались на склоне удивительной горы. Внизу, скрытая плотной завесой белесого тумана, лежала долина Эндур'Блоу Иннинес — место, где обитали эльфы народа тол'алфар.

К вечеру Пони вернулась в Дундалис, а ночью, у себя в комнатке над трактиром, она снова направила все свои силы в камень души. Нет, она не собиралась начать новую битву за исцеление Джонно. Покинув тело, она полетела на запад. Туда, где за сотни миль от Дундалиса, жили эльфы.

В считанные минуты она очутилась в горах, по которым когда-то поднималась вместе с Элбрайном. Если бы ей сейчас пришлось наяву искать путь, ведущий в долину эльфов, она ни за что не нашла бы надежно скрытой тропы. Но ее духовный двойник легко взлетел на вершину одной из гор, откуда открывался величественный вид на горные цепи. И все равно Пони понадобилось немало времени, чтобы в этом лабиринте гор отыскать обширную долину со знакомым куполом плотного тумана.

Пони спустилась по склону горы и подошла к самой границе тумана. Она знала, что это место заколдовано эльфами, дабы защитить их край от непрошенных гостей. Непрошеным гостем считался каждый, кто не принадлежал к народу тол'алфар. Пони не знала только одного — распространяются ли магические чары на ее духовного двойника. Она долго

разглядывала завесу, чувствуя исходящую от нее опасность. Возможно, эльфы закрыли свою долину и от непрошенных духовных гостей!

Пони размышляла, можно ли найти способ проникнуть сквозь завесу ядовитого тумана. Например, попытаться войти в расщелины окрестных скал и выйти уже внизу, в долине. Она стала внимательно разглядывать близлежащую скалу. В этот момент что-то отвлекло ее внимание. Она подняла голову и увидела, как из тумана появляется удивительно прекрасное существо. То была женщина-эльф, золотоволосая и золотоглазая, с острыми и в то же время нежными чертами лица, обладающего безупречной симметрией. На ней были ниспадающие одеяния бледно-зеленого цвета, граничащего с белым, которые заканчивались золотыми кружевами. Чело ее украшала корона из шипов. Пони мгновенно догадалась, что перед нею госпожа Дасслеронд.

Госпожа Дасслеронд простерла руку, и Пони увидела сияние зеленого самоцвета. Потом она ощутила волны магической энергии, окутавшие ее духовного двойника и почему-то — ее тело, находившееся далеко отсюда. На мгновение Пони показалось, что не ее двойник, а она сама стоит сейчас перед госпожой Дасслеронд.

Пони знала, что она может противостоять магии эльфов. Чутье воина подсказывало ей это. Но она сдержалась, ибо доверяла предводительнице тол'алфар.

Пони вновь почудилось, что ее тело каким-то образом переместилось сюда из Дундалиса и она в своем привычном облике находится на склоне горы, возле кромки тумана.

— Я была бы недовольна, если бы ты не сумела нас найти, — заметила госпожа Дасслеронд. — И в прошлом я была недовольна тобой, Джилсепони Виндон.

Пони опешила.

— Мне известно все, что произошло в Палмарисе, — продолжала госпожа Дасслеронд. — Знай, что я не одобряю убийство.

Пони догадалась, что госпожа Дасслеронд имеет в виду ее попытку уничтожить Маркворта ударом магнетита.

— Всем было бы только лучше, если бы моя попытка оказалась успешной, — без колебаний ответила Пони.

— А самой Джилсепони?

— Тоже, поскольку сейчас Полночник был бы жив! — ответила Пони так резко, что предводительница эльфов даже отпрыгнула.

Госпожа Дасслеронд нехотя кивнула.

— Я многого ожидаю от той, которая обучилась искусству *би'нелле дасада*, — сказала она.

— Я понимаю свою ответственность и никому не раскрою искусство танца меча, — ответила Пони.

— Так сказал мне Белли'мар Джуравиль, и я этому верю, — сказала госпожа Дасслеронд.

— Но я пришла к тебе не для того, чтобы говорить о танце меча, — продолжала Пони, опасаясь, что воздействие магии эльфов и ее собственная усталость отбросят ее назад, в Дундалис.

Впрочем, она и сейчас толком не знала, где же находится ее тело: в Дундалисе или здесь, на границе долины эльфов.

— Наши земли охвачены страшной болезнью — розовой чумой.

— Мне это известно, — объявила госпожа Дасслеронд.

— Народу эльфов уже приходилось сражаться с этой болезнью, или вы хотя бы знаете, как с нею сражались люди, — высказала свое предположение Пони.

Госпожа Дасслеронд кивнула.

— Тогда расскажи мне, как сражаться с чумой, — умоляющим, полным надежды голосом попросила Пони. — Раскрой мне мудрость веков, чтобы я смогла хоть чем-то помочь в борьбе с эпидемией, которая уносит все больше человеческих жизней!

Лицо госпожи Дасслеронд стало непроницаемым, и надежда Пони угасла.

— Эта мудрость давно известна абеликанским братьям и вашему королю, — отчеканила предводительница эльфов.

— Прятаться от чумы?

— Именно так.

— Как прячешься ты сама и твой народ?

— Да, — подтвердила предводительница эльфов. — Чума — это людская забота, и мы не намерены вмешиваться в ваши дела.

Пони презрительно усмехнулась, однако госпожа Дасслеронд, не обратив на это внимания, продолжала:

— Наш народ немногочислен, и мы не размножаемся с такой быстротой, как люди. Если бы чума проникла в нашу долину, она уничтожила бы народ тол'алфар. И как бы ни свирепствовала чума, я не могу рисковать судьбой эльфов.

Пони закусила губу. Ощущение было таким, словно она действительно кусала свои губы.

— А потому я дам тебе только это, — продолжала госпожа Дасслеронд.

Ее рука скрылась в складках одежды и извлекла оттуда свиток пергамента. Предводительница эльфов выпустила пергамент из рук, и тот, несомый магическим ветром, поплыл по воздуху. Руки Пони быстро подхватили свиток.

— Там содержится рецепт припарки и сиропа, — пояснила госпожа Дасслеронд. — Они не излечивают чуму. Насколько мне известно, ничто в мире не способно ее излечить. Но эти средства облегчают страдания больных и немного продлевают им жизнь.

Пони пробежала глазами по строчкам, узнав названия нескольких трав и растений.

— Почему же эти рецепты никто не знал? — спросила она.

— Знал, — ответила предводительница эльфов. — Их использовали во время прошлого нашествия чумы. Просто у людей короткая память.

Пони снова взглянула на пергамент. Не зная, вернется ли рецепт вместе с нею в Дундалис, она старалась запомнить состав припарки и сиропа.

— Это все, что я могу сделать, — сказала госпожа Дасслеронд. — А теперь ты должна покинуть это место. Возможно, нам удастся пережить чуму, и, если так оно и будет, мы, вероятно, встретимся снова. Прощай, Джилсепони Виндон.

Госпожа Дасслеронд подняла руку, и в ней опять блеснул искрящийся изумруд.

Пони тоже подняла руку, давая понять, что хочет задержаться еще ненадолго и точно запомнить состав снадобий. Но волны магической энергии подхватили ее, и она полетела быстрее ветра, в считанные секунды переместившись из защищенных владений госпожи Дасслеронд в Дундалис, в свою комнатку над трактиром.

Пони на мгновение ощутила, что снова находится в теле. Ей вдруг подумалось, что госпоже Дасслеронд зачем-то понадобилась ее магическая сила. Но зачем именно — об этом Пони подумать не успела. Силы полностью оставили ее, и она потеряла сознание.

Белли'мар Джуравиль ожидал госпожу Дасслеронд внизу, в нескольких шагах от туманной завесы. Когда встреча закончилась, он облегченно вздохнул и мысленно поблагодарил свою госпожу. Трудно было заранее предугадать, как суровая Дасслеронд обойдется с незваной гостьей.

— Наверное, ты хотела рассказать ей, — осторожно намекнул Джуравиль.

Госпожа Дасслеронд недоумевающе поглядела на него.

— О ее ребенке, — с надеждой произнес эльф.

Под огненным взглядом госпожи Дасслеронд его улыбка мгновенно исчезла.

— Ни в коем случае, — решительно произнесла предводительница эльфов. — У нее нет ребенка. — Госпожа Дасслеронд прошла мимо Джуравиль и величественно отправилась назад, в мир народа тол'алфар.

Белли'мар Джуравиль еще долго стоял на склоне горы, глубоко задетый холодностью своей госпожи. Он-то думал, что ему удалось отыскать хоть небольшую лазейку, слабое

звено в ее доспехах, выкованных из долга и ответственности. Увы, он ошибся.

Джуравиль подумал о маленьком Эйдриане, будущем рейнджере. Узнает ли когда-нибудь этот мальчик правду о своей матери, узнает ли когда-нибудь то, что она жива?

— Эйдриан, — вслух произнес Джуравиль.

На языке эльфов это слово означало «повелитель небес» или «орел». Наконец-то госпожа Дасслеронд позволила Джуравилью дать малышу имя. Этот факт служил еще одним подтверждением тому, сколько чаяний вкладывала госпожа Дасслеронд в этого ребенка. Она надеялась, что он достигнет высочайшей вершины воинского искусства и станет совершеннейшим из рейнджеров. За всю историю воспитания рейнджеров в долине Эндур'Блоу Иннинес только один из них носил имя Эйдриан. Тот рейнджер давно уже перешел в иную жизнь, долгую и начисто лишенную земных опасностей и битв. С тех пор никто даже и думать не отваживался, чтобы дать это имя кому-либо еще.

Но с ребенком Пони все было по-другому. Его судьба отличалась от судьбы едва ли не всех детей, попадавших к эльфам на воспитание.

Жаль, очень жаль, думал Джуравиль, что госпожа Дасслеронд не рассказала Джилсепони о ребенке. Это было бы крайне необходимо для Джилсепони и еще более необходимо для самого ребенка.

Проснувшись, Пони, к своей радости, поняла, что произошедшее с ней накануне не было сном. В ее руке по-прежнему лежал пергамент, полученный от госпожи Дасслеронд. Пони не знала, какую магию применила предводительница эльфов, но одно было несомненно: у кромки тумана находился не только ее духовный двойник. Госпоже Дасслеронд удалось перенести ее туда либо целиком, либо частично, а затем отправить вместе с ней пергамент.

Но эти загадки обождают до лучших времен, когда с чумой будет покончено. Пока Пони так и не удалось найти ни решения, ни лекарства. Ей дали оружие, силу которого еще предстоит испытать. Она взглянула на пергамент и с облегчением заметила, что для сиропа и припарки не требуется каких-либо редких растений. Более того, в состав обоих снадобий входят цветы, в изобилии растущие на монашеских цветочных кордонах. Значит, в древности с чумой боролись не только ароматом цветов.

Схватив пергамент, Пони стремительно бросилась вниз. Только сейчас она сообразила, что на дворе снова утро, и уже довольно позднее.

— А я думал, ты проспишь целый день, — сказал ей Белстер.

По тону его голоса Пони поняла, чего на самом деле опасался трактирщик. Он боялся, что в этот раз заболела она сама.

Пони перегнулась через стойку и подала удивленному Белстеру пергамент.

— Зови друзей. Нужно собрать все растения, что здесь указаны, и как можно быстрее.

— Откуда это у тебя?

— От надежного друга, который навестил меня ночью, — ответила Пони.

Белстер взглянул на строчки пергамента. Сам он читал лишь по складам, но по изящным, каллиграфически написанным словам догадался, кем мог быть этот ночной гость.

— И это его вылечит? — спросил Белстер, имея в виду Джонно.

— Это ему поможет, — ответила Пони. — А теперь иди и не теряй времени. И найди того, кто умеет писать, чтобы можно было послать рецепты на юг.

Через несколько часов Пони стояла на коленях у постели Джонно Дринкса. Она обложила припарками его измученное болезнью, исхудавшее тело и влила ему в рот несколько больших ложек сиропа. Теперь, когда у нее появились новые средства, Пони взяла камень души, готовая дать еще один бой розовой чуме.

Она увидела, что чума, словно притаившийся демон, уже поджидает ее. Снадобья эльфов ранили этого демона. Но раны лишь подстегнули маленьких злобных демонов, из которых состоял демон чумы, и они с удвоенным остервенением набросились на Пони. Вскоре она, совершенно обессиленная, рухнула на пол.

Сон Джонно Дринкса был спокойнее, чем вчера, однако Пони сознавала, что ей удалось сделать очень немного. Снадобья эльфов лишь облегчили страдания Джонно и чуть-чуть продлили ему жизнь. Но не больше.

И все же на завтра Пони продолжила битву с чумой. И на следующий день тоже. Она отдавала битве все свои силы и снова пробовала различные сочетания камней.

Менее чем через неделю Джонно Дринкс умер. Пони была в отчаянии, ощущая себя совершенно бессильной.

ГЛАВА 31 СПАСАЯ БУДУЩИХ СВЯТЫХ

Глаза настоятеля Браумина широко раскрылись от удивления, когда дверь распахнулась настежь и в его кабинет ворвался Тимиан Тетрафель, герцог Вайлдерлендса и нынешний палмарисский барон. Следом за ним вбежал взволнованный брат Талюмус.

— Я пытался его удержать, — начал оправдываться Талюмус.

— Это неслыханно! — гремел Тетрафель. — Он еще пытался мне помешать! Если кто-нибудь из ваших монахов еще раз посмеет закрыть передо мной двери, я разнесу ваш монастырь.

— Монастырь действительно закрыт, — ответил Браумин, стараясь говорить как можно спокойнее и всем своим видом показывая, что хозяин положения здесь он.

— А на улицах полно умирающих людей! — крикнул ему Тетрафель.

— Именно поэтому монастырь и закрыт, — пояснил Браумин. — Полагаю, что точно так же закрыт и Чейзвинд Мэнор. Никого не впускать и никого не выпускать — таково правило.

— Вы говорите о правилах, а я смотрю, как вокруг меня умирает город, — горячился герцог. — За последние три недели я был вынужден удалить из дворца нескольких слуг и солдат. Чума пробирается и в наши укрытия. Слышите?

— Положение было бы еще хуже, если бы мы вышли из этих укрытий или допустили туда других, — заметил настоятель Браумин.

— Вы что, не слышите, что я вам говорю? — заорал герцог Тетрафель. — Розовая чума проникла в мой дом!

Настоятель Браумин внимательно поглядел на герцога, пытаясь выказать ему сочувствие и одновременно не отступить от жестких, но необходимых правил.

— Вам не следовало сюда приходить, — сказал он Тетрафелю. — А тебе, брат Талюмус, не следовало допускать его светлость в монастырь.

— За его спиной была целая армия, — возразил монах. — Они пригрозили...

— Разнести ваши ворота в щепки, — сердито договорил за него Тетрафель. — И мы бы это сделали. Мы бы открыли Сент-Прешес для всех.

Тетрафель подошел к единственному в кабинете окну и сорвал штору.

— Видите людей, что собрались под вашими стенами, настоятель Браумин? — спросил он. — До вас долетают их крики и стоны?

— Каждый крик и каждый стон, — совершенно серьезно, без малейшей тени сарказма ответил Браумин.

— Люди испуганы, — немного успокоившись, сказал Тетрафель. — Те, кто пока здоров, боятся заболеть, а те, кто болен... им уже нечего терять.

Браумин кивнул.

— По всему городу происходят стычки, — продолжал герцог. — Некому разгружать корабли, которые еще отваживаются заходить в нашу гавань. Крестьян, везущих в город провизию, грабят прямо у городских ворот толпы голодных. У больных чумой больше нет денег, чтобы заплатить за еду.

Настоятель Браумин внимательно слушал. Ему были понятны, почему герцог Тетрафель столь неожиданно и стремительно прорвался в Сент-Прешес. Чума продолжала

бушевать в Палмарисе, опустошая город. Тетрафель вполне справедливо опасался, что рано или поздно дело кончится всеобщим бунтом и поголовной резней. До Браумина доходили слухи, что палмарисский гарнизон не жалуется нового барона. Управление Палмарисом давалось Тетрафелю нелегко. Браумин понимал: яростно ворвавшись в монастырь, герцог сделал это от отчаяния. В городе необходимо навести порядок, иначе положение станет еще хуже. Тетрафель опасается, что не сможет рассчитывать на повиновение солдат.

— Все, о чем вы говорите, мне известно, — сказал Браумин, когда Тетрафель окончил свой длинный, гневный монолог.

— И как вы намерены действовать? — спросил герцог.

Браумин бросил на него удивленный взгляд.

— Я? — переспросил он.

— А разве не вы настоятель Сент-Прешес?

— И именно поэтому не я должен подавлять столкновения на улицах Палмариса, — ответил Браумин. — Такой властью и таким правом обладаете вы, герцог Тетрафель. Я могу лишь посоветовать, чтобы вы побыстрее отдали своим солдатам необходимые распоряжения. Что же касается меня и моих братьев, мы будем подчиняться тому, что велит нам в таких случаях церковь. В частности, наши службы, проводимые со стен, будут продолжаться.

— А сами будете прятаться за стенами, — язвительно пробормотал Тетрафель.

Браумин пропустил его колкость мимо ушей.

— Мы — стражи душ, но не тел, — продолжал настоятель. — Мы не в силах победить розовую чуму. В лучшем случае мы можем предложить жертвам чумы слова утешения, облегчить им уход из этой жизни. Но от самих жертв мы вынуждены держаться на безопасном расстоянии.

Тетрафель искал слова для ответа. Не придумав ничего, он лишь поморщился и взмахнул руками.

— Врачеватели мира! — презрительно бросил герцог и шумно удалился.

Настоятель Браумин кивнул Талюмусу, чтобы тот закрыл за Тетрафелем дверь.

— Прости меня, настоятель, — повинился Талюмус. — Я не должен был его пускать, но я боялся, что его солдаты сломают ворота.

Браумин кивнул и понимающе махнул рукой, прося монаха успокоиться.

— Разыщи Виссенти и Кастинагиса, — велел он Талюмусу. — Утройте число караульных возле главных ворот. Если герцог Тетрафель вернется, ни в коем случае не пускайте его.

— А солдаты?

— Сдерживайте, как только можете, — мрачным тоном ответил настоятель Браумин. — Применяйте все: удары молний, огненные шары, арбалеты, кипящее масло. Не пускайте их. Никто не должен проникнуть на территорию Сент-Прешес, чего бы нам это ни стоило.

Талюмус стоял как вкопанный и ошумело глядел на Браумина. Настоятель понимал: его слова и тон, каким они были произнесены, застали молодого монаха врасплох. Однако Браумин понимал и другое: сейчас не время для щепетильности и мягкотелости. Когда вокруг свирепствует розовая чума, их главный долг — выжить, сохранить вероучение церкви и все их знания, ибо когда-нибудь чума все-таки отступит.

Внизу, за цветочным кордоном, виднелись съежившиеся фигурки людей. Даже в теплый день этим несчастным было холодно до дрожи. Разум настоятеля Браумина мог все понять и все объяснить. Но от зрелища за окном у него сжималось и болело сердце.

Из ворот Санта-Мир-Абель медленно вышел молодой монах. Ему некуда было торопиться: он вступал на тропу смерти. Он тащил увесистый мешок, набитый провизией и вещами, — прощальный дар его братьев, который вряд ли мог обрадовать заболевшего розовой чумой.

Монах миновал цветочный кордон. Оборвалась последняя ниточка, связывавшая его с

монастырем. Теперь он стал одним из тех, кто жил и умирал на прилегающем к Санта-Мир-Абель поле. Жертвы чумы немедленно окружили новичка. Одних интересовало содержимое его мешка, другие как умели выражали ему сочувствие.

От этих слов молодому монаху стало совсем невыносимо, и он с криком начал отталкивать окруживших его людей.

Тогда к нему подошла одноглазая женщина, половина лица которой была сильно изуродована. Женщина улыбнулась ему настолько тепло и искренне, что монах успокоился. Она ласково взяла его руку, погладила и поцеловала ее. Затем странная женщина повела его вглубь лагеря.

Им встретился бородатый человек с длинными, грязными волосами. На нем тоже была сутана. Монах с трудом узнал в этом человеке магистра Фрэнсиса. Зато тот сразу узнал новичка и ободряюще потрепал его по плечу.

— Я обязательно приду к тебе вечером, — пообещал он, показывая молодому собрату камень души. — Возможно, общими усилиями нам удастся изгнать чуму из твоего тела.

Обрадовавшись, что смог хоть немного успокоить собрата, Фрэнсис еще раз коснулся его плеча, затем оставил его заботам Мери Каузенфед.

Фрэнсиса ожидали другие дела, однако, бросив взгляд на монастырь, он увидел картину, которая надолго приковала его внимание. Сразу за массивными монастырскими воротами, в нише, находящейся с внутренней стороны цветочного кордона, стоял однорукий монах. Его сутана была густо обвита цветочными гирляндами.

— Уходи прочь, попрошайка, — произнес Фио Бурэй, когда Фрэнсис приблизился к цветочному ограждению.

— Сколь низко пали всесильные, — ответил Фрэнсис.

При звуке знакомого голоса на лице Бурэя что-то изменилось. Однорукий магистр стал пристально вглядываться в сгорбленную фигуру в одежде монаха церкви Абея. Правда, сутана Фрэнсиса, как и он сам, с трудом пережила зиму и весну.

— До сих пор жив? — с усмешкой спросил Бурэй.

— Может, так, а может, это призрак смерти явился вам уроком вашей трусости, — язвительно ответил Фрэнсис.

— Я был уверен: чума уже прибрала тебя, — продолжал Бурэй. Казалось, на него совершенно не подействовал неприкрытый сарказм Фрэнсиса. — И что же, магистр Фрэнсис, на твоём теле нет розовых пятен?

— Ни одного, — с вызовом ответил Фрэнсис. — Но если я заражусь, то буду знать, что такова Божья воля.

— Или следствие глупости, — перебил его Бурэй.

Фрэнсис помолчал, затем кивнул, соглашаясь с мнением однорукого магистра.

— Я уже спас одного человека, — сказал он. — Так что я умру не напрасно.

— Жизнь магистра ордена Абея, отданная за жизнь какого-то крестьянина, — равнодушно ответил ему Бурэй.

— Быть может, мне удастся спасти кого-нибудь еще, — продолжал Фрэнсис, поднимая в руке камень души.

— Ты уже исчерпал свои шансы, — возразил Бурэй. — Не забывай, брат, удастся спасти одного из двадцати, а один из семи, которых ты лечишь, заразит тебя самого.

— Я пробовал лечить десятки человек, — сказал Фрэнсис.

— А спас только одного?

— У большинства тех, кто приходит сюда, чума успевает пустить слишком глубокие корни, — попытался было объяснить Фрэнсис.

Потом он спохватился: стоит ли тратить силы, чтобы хоть как-то повлиять на этого упрямого Бурэя?

— А как насчет брата Геллиса? — спросил Бурэй, имея в виду монаха, которого они только что изгнали за пределы монастыря. — У него болезнь только начинается. Сможет ли герой Фрэнсис его спасти?

Фрэнсис пожал плечами.

— И что ты скажешь о тех троих братьях, которые до него покинули Санта-Мир-Абель? — хитро спросил Бурэй, ибо прекрасно знал об их судьбе.

Ответов у Фрэнсиса не было. Все три монаха умерли в течение двух недель после изгнания из монастыря. Фрэнсис пытался их спасти. Он даже соединял их дух с магией гематита, но безуспешно.

— Похоже, тебе удастся оставаться здоровым дольше, чем то описано в старых летописях и поэтических произведениях, — признал Бурэй. — Однако те же произведения называют большее число исцеленных. Возможно, брат, ты не отдаешь этому все свое сердце.

Фрэнсис молча сверкнул на него глазами.

— Отец-настоятель Агронгерр мог бы позволить тебе вернуться к нам, — вдруг сказал Бурэй, совершенно ошелобив Фрэнсиса. — Разумеется, тебе пришлось бы провести неделю в сторожевом домике в полном одиночестве. И несколько братьев должны были бы обследовать тебя с помощью камней души. Если бы тебя нашли совершенно здоровым, ты смог бы вернуться в лоно нашей обители, сохранить свой статус магистра, и никто не припомнил бы тебе твоего неблагодарного поступка.

Фрэнсис недоверчиво глядел на Бурэя. Что подвигло его на столь щедрое предложение? Казалось бы, Бурэй должен испытывать досаду, что Фрэнсис все еще жив!

Продолжая раздумывать над словами Бурэя, Фрэнсис вдруг понял, почему этот увенчанный цветами магистр с таким жаром заговорил о возвращении. Скорее всего, Бурэй сам внушил Агронгерру мысль о возвращении Фрэнсиса. Ведь если он, Фрэнсис, откажется от выполняемой миссии и вернется в монастырь, он тем самым подкрепит позицию церкви. Своим примером он подтвердит, что, даже имея могущественные самоцветы, монахи не в силах бороться с чумой.

Не ту ли тактику применял и покойный отец-настоятель Далеберт Маркворт против своих врагов? Против Джоджонаха и его последователей? Разве после того, как Фрэнсис непреднамеренно убил Греди Чиличанка на обратном пути из Палмариса, Маркворт не предложил ему ту же сладкую приманку — прощение и даже избавление от греха, чтобы только удержать его на своей стороне?

— Видишь ту женщину? — спросил Фрэнсис, махнув туда, где, прихрамывая, шла женщина, согнувшись под тяжестью двух ведер с водой. — Ее зовут Мери Каузенфед. Она родом из Фалида — это городок к югу отсюда. Прежде чем очутиться здесь, она, заболев чумой, пришла в Сент-Гвендолин. И настоятельница Деления сумела ее вылечить.

— Настоятельница Делении уже давно нет в живых, — напомнил ему Бурэй. — А Сент-Гвендолин — угасающий монастырь, в котором осталась горстка молодых сестер.

— Но они пытались бороться с чумой! — взволнованно произнес Фрэнсис. — Настоятельница Деления не побоялась вступить в бой, и потому Мери Каузенфед осталась жить. Ты, конечно, начнешь спорить и скажешь, что жизнь какой-то крестьянки не стоит жизни сестры ордена Абея, не говоря уже о жизни настоятельницы. Но посмотри на эту женщину! Понаблюдай за каждым ее движением! Эта крестьянка, которую ты наверняка бы обрек умирать под стенами монастыря, по своим делам достойна канонизации. Возможно, через сотню лет ее назовут святой Мери. Эта женщина умерла бы безвестной, если бы не настоятельница Деления. Нельзя, брат, оценивать людей по тому временному положению, которое они занимают в земной жизни. В этом твоя ошибка. Надменность и высокомерие подсказывают тебе, что ты поступаешь правильно, решив отсиживаться за толстыми каменными стенами.

Магистр Фио Бурэй долго и внимательно следил за Мери Каузенфед, совершавшей свой неспешный путь по полю. Потом он снова повернулся к Фрэнсису, и тому на какую-то долю секунды показалось, будто он сумел убедить упряма. Однако Бурэй презрительно фыркнул и махнул рукой, поправляя цветочные гирлянды на своей сутане.

Фрэнсис склонил голову и побрел назад, к своим подопечным. Вечером он навестил брата Геллиса, чтобы вступить в яростное сражение с розовой чумой в теле молодого

монаха.

Всего лишь во второй раз за все месяцы, проведенные среди больных, Фрэнсис поверил, что он успешно теснит чуму. Однако прошло несколько дней, и как-то утром Геллис проснулся и закричал от ужаса. Его трясло в лихорадке.

В тот же день брат Геллис умер.

Безжизненное тело молодого монаха несли к погребальному костру. Фрэнсис шел рядом. Он заметил, как его бывшие собраты наблюдали со стены Санта-Мир-Абель за этой процессией. Среди них стоял и ухмыляющийся Фио Бурэй в увитой гирляндами сутане.

На какое-то мгновение взгляды Фрэнсиса и Бурэя пересеклись, но теперь между двумя магистрами лежала пропасть.

ГЛАВА 32 САМОЗАЩИТА

Как здорово было вновь подставить лицо ветру! И не тем жалким струйкам, что просачивались сквозь окна Урсальского замка, а настоящему, сильному ветру, который дул с полей, гнул ветви деревьев и волнами пробегал по траве, принося аромат летних цветов.

Констанция Пемблбери прищипорила лошадь, потом еще и, наконец, понеслась галопом. Дануб и Калас пытались ее удержать, но она не слушала их. Констанции безумно хотелось хоть на короткий миг вырваться из мрачной реальности и позабыть о розовой чуме. Король Дануб заранее распорядился поставить по обе стороны дороги доблестных рыцарей из Бригады Непобедимых. Он сделал все, чтобы вместе со своими ближайшими друзьями насладиться этим утром, не видя больных чумой и не слыша их тяжких стонов. Король хотел взять на прогулку и Мервика с Торренсом. Он даже приказал, чтобы на лошадь Констанции надели дополнительное седло для Торренса. Однако Констанция наотрез отказалась подвергать риску детей.

Она неслась по дороге. Ветер развеивал ее волосы. Она летела вперед, забыв и чуму, и даже придворные проблемы. Но сладостное ощущение быстро исчезло, и ей пришлось умерить бег лошади. Она приближалась к дальнему концу прямоугольного сада. Но вдруг гвардейцы из Бригады Непобедимых наперебой что-то закричали. Сзади послышались голоса Дануба и Каласа.

Констанция осадил лошадь. Король и герцог спешили вдогонку. Констанция обернулась, чтобы посмотреть, как они приближаются. На лице ее сияла озорная улыбка.

— А почему бы нам не проехаться вот так еще раз? — крикнула она, подзадоривая мужчин.

Прежде чем спутники Констанции сумели ей ответить, ветер донес шум и крики совсем с другой стороны. В сад пыталась прорваться толпа горожан, и гвардейцы делали все, чтобы сдерживать их натиск. Люди хотели видеть своего короля и говорить с ним.

Вначале были слышны мольбы:

— Ты должен спасти нас! — кричали одни.

— Где наш Бог? Ответь, король, почему Он нас не слышит? — вторили им другие.

Крики усиливались. Послышались вопросы, а затем, как и следовало ожидать, гневные возгласы:

— Ты бросил нас! Тебе наплевать, что мы гнием и умираем!

Конные гвардейцы старались изо всех сил, пытаясь осадить и удержать обезумевших людей. В прежние времена они легко рассеяли бы эту разношерстную и крикливую толпу. Но времена изменились. Жителям королевской столицы было нечего терять, и отчаяние превратило их в настоящих дикарей. Многие из них предпочли бы смерть от гвардейской шпаги медленной и мучительной смерти от чумы. Гвардейцы тоже действовали без привычной прыти. Они понимали, что окружены ходячей смертью. Любой удар шпагой, любое пролитие крови таили в себе угрозу заражения. И тогда каждый благородный и бесстрашный, но заболевший рыцарь неминуемо пополнит ряды этой толпы.

— Быстро увозим короля отсюда! — крикнул Констанции герцог Калас.

Зрелище беснующейся толпы привело короля в оцепенелое состояние. Поэтому сообразительный Калас подхватил поводья королевской лошади и развернул ее вместе со своей. Затем, подъехав ближе, он резко ударил лошадь по крупу.

Все трое стремительно понеслись к южным воротам Урсальского замка. Толпа пыталась их догнать. Дануб поморщился, увидев впереди цепь лучников, готовых послать стрелы в жителей Урсала.

— Стрелять только короткими! — скомандовал король, имея в виду стрелы без головок, которые использовали лучники, упражняясь на просторном внутреннем дворе Урсальского замка.

— Но, ваше величество... — попытался возразить командир стрелков.

Дануб так сверкнул на него глазами, что он замолчал.

Убедившись, что его приказ будет исполнен в точности, король продолжил путь к южным воротам. Он намеренно пустил лошадь вприпрыжку, чтобы цокот копыт по булыжникам заглушил крики, доносившиеся сзади.

После всего случившегося расстроенный и подавленный Дануб сидел на троне, закрыв лицо руками. Руки его дрожали.

— Из всей толпы серьезно пострадали только несколько человек, — заметил сидящий рядом герцог Калас. — И всего один убит.

— Твои гвардейцы, как всегда, действовали блестяще, — признал Дануб, но от такого признания ему не стало легче. — Последствия случившегося мы узнаем только через несколько недель, — добавил он.

Калас и Констанция поняли его с полуслова. Гвардейцы из Бригады Непобедимых, разгонявшие толпу, вполне могли оказаться новыми жертвами розовой чумы. И все это плата за короткое развлечение, за желание хоть на час вырваться из склепа, в который теперь превратился Урсальский замок!

— Давайте лучше порадуемся, что все кончилось благополучно, — сказала стоявшая неподалеку Констанция.

Позади нее играли Мервик и Торренс, пребывавшие в блаженном младенческом неведении. Игрушками им служили реликвии королевского дома. Малыши мяли и комкали бесценные шпалеры. Королевские сыновья то громко смеялись, а то, упав или ударившись, столь же громко плакали.

— Если бы мы не поспешили, то оказались бы в окружении чумных больных, — добавила Констанция.

— Им бы все равно не удалось стащить нас с лошадей, — суровым и решительным тоном заявил герцог Калас.

— Только этого еще не хватало! — взвилась Констанция. — Им что же, хочется, чтобы король Хонсе-Бира умер от чумы?

Констанция была права: заболевшим удалось близко подойти к королю.

— Больше этого не повторится, — заявил Дануб.

Калас, настроение которого с каждым днем становилось все мрачнее и подавленнее, нахмурился.

— Мы поступили глупо, выехав на эту прогулку.

— Никогда еще на улицах Урсала не было столько больных, — мрачно согласился с королем Калас.

— Мы можем рисковать или сидеть взаперти, чума все равно найдет лазейку и проберется к нам, — сказала Констанция.

Калас и Дануб удивленно посмотрели на нее. Судя по тону Констанции, это была не просто фраза.

— Время сейчас опасное, — продолжала она, подходя ближе и все время оглядываясь на детей. — Можете со мной спорить, но я считаю это время более опасным для королевской власти, чем время войны с драконом и его сторонниками.

Король Дануб неуверенно кивнул. Разумеется, он никому не раскрывал своей маленькой тайны и не рассказывал о нескольких визитах, которые мстительный дух отца-настоятеля Маркворта совершил в его опочивальню. В остальном доводы Констанции были вполне логичными. При всех своих зверствах и ужасах война с драконом затрагивала лишь северные земли королевства и никогда не угрожала Урсалу.

Чума же охватила все королевство и подошла к самым стенам Урсальского замка.

— Я почти уверен, что нынешнее чумное поветрие — дело рук кого-нибудь из злобных приспешников демона-дракона, — возразил король.

— Мы можем принимать любые меры предосторожности, — продолжала Констанция. — Мы можем расставить солдат для охраны. Но даже за этими стенами, казалось бы такими толстыми и надежными, каждый из нас является вероятной жертвой чумы, и у нас нет уверенности в обратном. И если это случится... даже если это случится с вами, мой король, монахи всего мира окажутся бессильны чем-нибудь вам помочь.

Последние слова вызвали усмешку герцога Каласа. Он давным-давно пришел к выводу, что монахи — никуда не годные врачеватели. Разве не монахи погубили молодую королеву Вивиану, хотя ее болезнь была куда менее опасной, чем розовая чума? И разве настоятель Джеховит, на глазах которого умерла королева, не показал тем самым свое полное бессилие?

— Благодарю тебя за столь утешительное предостережение, — сухо произнес Дануб. — Но, по правде говоря, дорогая Констанция, все мы об этом знали с самого начала.

— Тогда почему вы не предприняли никаких шагов по укреплению королевской власти в нынешних опасных условиях? — без обиняков спросила придворная дама.

Ошеломленный Дануб во все глаза глядел на Констанцию.

— Мервик и Торренс, — подсказал догадавшийся Калас и, не давая королю вымолвить ни слова, продолжал: — Линия наследования уже существует. Разве вы забыли о существовании принца Мидалиса, правителя Вангарда?

— Мы даже не знаем, жив ли мой брат, — ответил король Дануб. — Вот уже много месяцев мы не получаем из Вангарда никаких вестей.

— Если бы с принцем что-нибудь случилось, мы бы наверняка получили известие оттуда, — возразил Калас.

Дануб кивнул.

— Возможно, — согласился он. — Но у нас нет уверенности. Кто знает, возможно, мой брат уже болен чумой и сейчас лежит в лихорадке.

Калас вздохнул.

— Как ни тяжело, такое вполне может быть, — добавил Дануб, затем обернулся в сторону Констанции.

— Какое решение видится тебе? — спросил он, хотя ему и Каласу было вполне очевидно, на что она намекает.

Констанция, встретив взгляд короля, обернулась в тот угол зала, где возились ее... их дети.

Герцог Калас рассмеялся.

— Как удачно, — пробормотал он.

Однако король Дануб все воспринял по-другому.

— Действительно, как удачно, — повторил он, вкладывая в эти слова совсем иной смысл. — Приключившееся с нами сегодня напомнило мне о том, насколько непрочное наше существование.

Он встал с трона и медленно подошел к Констанции.

— Будь моим свидетелем, герцог Калас, — торжественно произнес король.

— Да, ваше величество, — послушно ответил герцог.

Упрямец Калас отлично знал, в каких случаях нельзя переступать границы дружбы с королем.

— В случае моей смерти трон переходит к моему брату, принцу Мидалису, который ныне правит Вангардом, — официальным тоном начал Дануб. — Если же принц Мидалис по

какой-либо причине не сможет занять трон, тогда Мервик, сын Констанции и сын короля Дануба Брока Урсальского, будет провозглашен королем Хонсе-Бира и ему будет назначен регент из герцогов для управления королевством до тех пор, пока Мервик не войдет в надлежащий возраст и не будет надлежащим образом обучен, чтобы воссесть на троне и править самостоятельно. Помимо Мервика, в случае невозможности короновать его, тем же правом наделяется мой второй сын Торренс, которому также будет назначен регент. И этим регентом я желал бы видеть тебя, мой друг Калас, если у тебя нет возражений.

Сияющая Констанция молчала. Молчал и герцог Калас, лицо которого выражало нечто среднее между удовольствием и отвращением.

— Разыщи и приведи сюда королевского писца, — велел Констанции Дануб. — Пошли за настоятелем Сент-Хонса и созови всю придворную знать, какую застанешь в замке. Мы провозгласим свою волю снова, при свидетелях и с соблюдением всех формальностей, которые требуются для этого торжественного случая.

Констанция радостно выпорхнула из зала.

— Надеюсь, что в момент зачатия детей она доставила вам столько же наслаждения, сколько вы доставили ей сейчас, — проговорил герцог Калас.

Суровый и угрожающий взгляд Дануба подсказал герцогу, что он вновь пересекает почти невидимую границу, отделявшую слова друга, обращенные к другу, от слов одного из герцогов, обращенных к его королю.

— Дорога совсем измотала меня, — посетовал принц Мидалис Андаканавару, когда они уже ехали по знакомым местам Вангарда. — Не понимаю, как вы можете вести кочевую жизнь.

— Мы привыкли кочевать, — ответил ему Андаканавар. — Мы движемся вслед за стадами лосей и оленей, стремясь уберечься от нестерпимого зимнего холода на севере и от летнего безумия насекомых на юге.

Мидалис с улыбкой кивнул, но слова друга не убедили его в преимуществах кочевой жизни.

— На этот раз дорога была совершенно пустынной, — продолжал рейнджер. — Редкие встречи, и те лишь по необходимости. Поверь мне, друг, когда-нибудь ты с радостью повторишь это путешествие. Вот уйдет чума, тогда все будет по-другому. Можно будет заехать в какой-нибудь крестьянский дом на обед. Или посидеть в трактире с дюжими лесорубами из Тимберленда.

— Наверное, так оно и будет, — согласился Мидалис. — А пока я рад, что мы почти дома.

Вскоре оба всадника были на подступах к Сент-Бельфуру. Им оставалось лишь пересечь поле, отделяющее их от монастыря.

У монастырских стен сгрудились чумные больные. Многие из них были при смерти.

Розовая чума, которую принц Мидалис всячески старался избежать во время своего путешествия, поджидала его у дома.

— Жаль, что я не родился с утробой и прочими женскими прелестями, — усмехнувшись, сказал герцог Калас, повстречав Констанцию поздним вечером того же дня в одном из коридоров замка, освещенном колеблющимся светом факелов. — А еще — с чарами, чтобы завлечь особ высокой крови.

Констанция зло посмотрела на него, но герцог громким смехом загладил напряжение.

— Поверь мне, я тебя ни в чем не виню, — сказал он.

— А мне не нравится твой сарказм, — холодно ответила Констанция. — Станешь ли ты отрицать, что мое решение продиктовано чувством долга? Ты что же, хочешь, чтобы в случае смерти короля Дануба Хонсе-Бир остался без престолонаследников?

Калас снова засмеялся.

— Что движет тобой? Забота о судьбе королевства? Или личная выгода? — спросил он.

— А разве одно не может сочетаться с другим?

— Поверь, дорогая Констанция, я на тебя не сержусь, — ответил герцог. — Наверное, я просто завидую и одновременно восхищаюсь тобой. Я уверен, что ты оба раза забеременела от короля Дануба преднамеренно. Мервика ты зачала на корабле, когда вы возвращались из Палмариса и когда ты неоднократно видела, что взгляд короля прикован к другой женщине.

Он заметил, что при упоминании о Джилсепони Констанция слегка вздрогнула.

— И тогда ты предприняла удачный любовный ход, и он тебе с блеском удался. После этого ты терпеливо дожидалась сегодняшнего провозглашения, столь желанного твоему сердцу.

Констанция стояла, плотно сжав зубы, и немигающими глазами глядела на герцога.

— Что ж, ты использовала все доступные средства, чтобы дополнить королевскую династию, — резко заявил ей Калас.

Он поклонился, сделав церемонный жест рукой. При этом он едва не споткнулся, и только сейчас до Констанции дошло, что герцог, должно быть, несколько переусердствовал с выпивкой.

Констанция уже собралась было засмеяться, но смолчала. Можно ли упрекать Каласа, решившего немного забыться после того, что они все пережили утром? Честно говоря, Констанция сама не отказалась бы скоротать вечер с бутылкой хорошего старого вина!

— Можешь думать обо мне, что хочешь, — спокойно сказала она, — но я действительно его люблю.

— Ты всегда его любила, — ответил герцог Калас. — Не пойми меня превратно: я ничего не стану говорить королю Данубу. Я не стану просить его передумать или что-либо изменить. К тому же я считаю, что он поступает благоразумно.

— Ты осуждаешь меня, — с упреком произнесла Констанция, — но я люблю его всем сердцем.

— А он?

Констанция отвела глаза, потом покачала головой.

— Он меня не любит, — призналась она. — Он даже не хочет теперь делить со мной ложе, хотя утверждает, что мы остаемся друзьями. Мне грех жаловаться, он прекрасно ко мне относится.

— Иначе он не пригласил бы тебя сегодня на прогулку верхом, — сказал герцог Калас уже без всякого сарказма, но с сочувствием.

— Дануб всегда испытывал ко мне дружеские чувства, — ответила Констанция. — Но он меня не любит. И никогда не любил. Он любит память о Вивиане. Он любит...

— Ту женщину, — тихим голосом закончил фразу герцог. — Героиню.

Констанция удивилась, с какой враждебностью Калас произнес это слово. Естественно, сама она тоже не питала дружеских чувств к Джилсепони Виндон. Однако, судя по тону герцога, он просто терпеть не может эту женщину. «Уязвленная гордость», — подумала Констанция. Запомнил, как тогда, в Палмарисе, Джилсепони отвергла его ухаживания!

Новая фраза герцога еще больше удивила Констанцию.

— Если король Дануб найдет свою любовь, тем хуже для королевства.

Констанция с недоумением посмотрела на него.

— Брак между церковью и государством будет знаменовать собой конец света, — сухо произнес Калас.

Придворная дама задумалась.

— Если у тебя на душе такие чувства, хорошо, что тебе хватает ума быть со мной заодно, — сказала она и, коротко рассмеявшись, повернулась, чтобы уйти.

— Жаль, что у тебя нет связей в Вангарде, — прозвучал ей вслед голос Каласа.

Констанция обернулась, заподозрив подвох.

— Тогда бы ты смогла устранить последнюю преграду на пути к достижению цели, — добавил герцог.

Калас поклонился и, усмехнувшись, поспешил удалиться.

Констанция надеялась, что последние слова герцог произнес не всерьез. Тем не менее она не смогла еще раз не вспомнить все то, что предшествовало ее сегодняшней победе. Да, она испытывала некоторое чувство вины, но по сравнению с тем, чего она смогла добиться, это пустяк. Ее усилия служат на благо всему королевству. Итак, через своих детей Констанция добавила в королевскую династию кровь своего рода. Даже если никто из ее сыновей и не взойдет на трон, их дети сохранят право престолонаследия, и это право распространится и на грядущие поколения.

Недалек тот день, когда о Констанции Пемблбери будут вспоминать как о королеве-матери.

ГЛАВА 33 ПОКИНУТОЕ СТАДО

Он смотрел на свою любимую и корил себя. Ну зачем он согласился? Чума и так уже прочно обосновалась в Кертинелле. Так нет, Дейнси захотелось съездить в Палмарис навестить друзей. Роджер противился этой поездке как мог.

Впрочем, не совсем так. Он не смог отказать Дейнси, и они отправились в Палмарис... С тех пор не прошло и месяца. Его Дейнси стояла рядом на подкашивающихся ногах. Глаза ее погасли и запали. Весь лоб был покрыт капельками пота, а на теле розовели пятна, окаймленные белыми кружочками. Прежде чем повести ее в Сент-Прешес, Роджер постарался как можно надежнее скрыть эти зримые признаки чумы.

Вместе с тем он понимал, что от монахов ничего не скроешь. Его и Дейнси беспрепятственно пропустили через цветочный кордон, ибо они пришли по приглашению настоятеля Браумина. Но в сторожевом домике Дейнси и Роджера ожидала вторая проверка. Монахи, искусные в использовании камней, отправляли своих духовных двойников и проверяли тело каждого, кто намеревался войти в монастырь.

Они прошли проверку, и теперь им оставалось только ждать.

Минуты тянулись еле-еле. Если бы монахи не распознали, что Дейнси больна, их обоих давно пустили бы внутрь. Нет, братья все знают, и теперь они у настоятеля.

В двери на другом конце узкого коридора распахнулось окошко. В нем появилось мрачное лицо одного из монахов. Роджер знал, что он сейчас услышит.

— Ты можешь войти, а женщине вход воспрещен, — раздался знакомый голос.

— Но эта женщина для меня всё. Понимаешь, брат Кастинагис? — попытался спорить Роджер.

— Она серьезно больна чумой, — послышался ответ, хотя в словах брата Кастинагиса и сквозило сочувствие. — Прости меня, друг, но ей нельзя входить в Сент-Прешес.

— Я хочу поговорить с настоятелем Браумином.

— Тогда проходи.

Роджер взглянул на Дейнси.

— А как же она? — спросил он у монаха.

— Ей нельзя, — вновь повторил Кастинагис. — И в сторожевом домике она тоже не может оставаться. Пусть отойдет за цветочный кордон.

Роджер задумался. Он видел, что творится за цветочным кордоном. Площадь полна больных, а поскольку городская стража попряталась, всем правит беззаконие. Нет, он должен отвести Дейнси в комнатку, которую они наняли в «Костях великана».

— Передай настоятелю Браумину, что я скоро вернусь, — сказал Кастинагису Роджер, понизив голос и не скрывая гнева. — Один.

— Если ты выйдешь за пределы цветочного кордона, тебе придется заново подвергнуться проверке, — отчеканил Кастинагис.

— Но я уйду всего на несколько минут, — упрямылся Роджер.

— Для чумы хватит и нескольких секунд, — ответил монах, и окошечко с шумом захлопнулось.

От этого звука у Роджера в сердце что-то оборвалось. Считая себя близким другом настоятеля Браумина, он отчаянно хотел встретить сочувствие, в котором монастырь отказывал другим больным. Он надеялся, что его дружеские отношения с настоятелем помогут спасти Дейнси.

Однако сейчас, еще не повидав Браумина, Роджер уже столкнулся с горькой и жестокой правдой. Он понял: ни Браумин, ни Виссенти и вообще никто из монахов и пальцем не пошевелят, чтобы помочь Дейнси. Болезнь приведет ее туда же, куда приводила и приводит всех остальных.

Роджеру понадобилось немало времени, чтобы увести Дейнси прочь от монастырских стен. За свою жизнь Роджер не раз попадал в безвыходные ситуации. Но даже тогда, когда он, пойманный поври, оказался в руках их главаря — жестокого Коз-козио Бегулне, Роджер не чувствовал себя таким беспомощным, как сейчас.

Паром приближался к палмарисской гавани.

— Теперь редко кто отваживается плыть в Палмарис, — сказал паромщик предводителю довольно странного сообщества людей. Их сутаны по виду напоминали сутаны монахов ордена Абея, но были черными, с красными капюшонами. — Логово болезни, так нынче зовут Палмарис, — невесело добавил он и закашлялся.

— А ты думаешь, тебе удастся избежать чумы? — зловеще прошептал ему Маркало Де'Уннеро. — Розовая чума — это наказание Господне, а Бог все видит. Если ты грешник, друг мой, чума настигнет тебя, в какую бы нору ты ни пытался скрыться.

Паромщик в ужасе замотал головой и замахал руками.

— Никакой я не грешник! — воскликнул он. — Не хочу тебя слушать!

— Придется! — сказал Де'Уннеро.

Магистр схватил его за фалды грязной одежды и приподнял так, что тот оказался на цыпочках.

— Тебе нигде не спрятаться, друг. Спасение только в покаянии! — громким голосом добавил Де'Уннеро.

При этих словах сотня людей в сутанах с красными капюшонами неистово закричали. То были братья Покаяния. В каждом городе и селении, где Де'Уннеро и его последователи чинили суд и расправу над грешниками, появлялись желающие влиться в ряды братьев Покаяния. Ведь Де'Уннеро, по его словам, владел тайной победы над чумой!

— Кайся! — заорал Де'Уннеро, бросая паромщика на колени.

— Я... я обязательно буду каяться, — забормотал перепуганный паромщик.

Де'Уннеро поднял руку, давно превратившуюся в лапу тигра.

— Присягай на верность церкви! — потребовал магистр. — Истинной церкви, церкви братьев Покаяния.

Глядя округлившимися от страха глазами на ужасную лапу, которая одним ударом могла его убить, паромщик затрясся, заплакал и даже поцеловал руку Де'Уннеро.

Братья Покаяния выли, требуя крови. Они начали столь яростно подпрыгивать, что паром закачался на волнах, грозя опрокинуться. Братья били друг друга. Некоторые из них сбросили сутаны и подставили спины под кулаки собратьев, принимая удар за ударом, пока на коже не показались струйки крови.

— Твое спасение в нас, — возвестил Де'Уннеро дрожащему паромщику.

— Да, святой отец.

— Тем не менее ты взял с нас деньги за перевоз, — с упреком продолжал Де'Уннеро.

— Убей его, брат Истины! — слышались крики.

— Возьми их назад! — взмолился паромщик, сняв с пояса мешочек с деньгами и бросив его в руку Де'Уннеро. — Клянусь тебе, брат Истины, если бы я знал, то не взял бы с вас ни гроша. Клянусь душой своей матери.

Поймав мешочек, Де'Уннеро некоторое время злобно глядел на паромщика, словно решая, как с ним поступить. Потом он презрительно отпихнул его от себя.

— Давай причаливай, и поживей, — потребовал Де'Уннеро, подходя к перилам.

Перед ним из утреннего тумана проступали очертания зданий Палмариса.

На самом деле гнев Де'Уннеро был лишь розыгрышем, ибо бывший епископ Палмариса пребывал в превосходном настроении. Вместе со своими беспощадными последователями он прошел через всю южную провинцию Йорки, убивая в городах и селениях грешников и тщательно обходя стороной монастыри. Единственным исключением явился монастырь Сент-Бондабрис, возглавляемый настоятелем Олином. И хотя настоятель не решился открыто признать братьев Покаяния и даже не пустил их в монастырь, он в то же время ничем не препятствовал их действиям. Олин тайно встретился с Де'Уннеро. И встреча оказалась на редкость успешной. Де'Уннеро заинтриговал Олина, намекнув, что знает путь к далекому острову Пиманиникуит, берега которого усыпаны самоцветами. Там находятся сокровища, каких не сыщешь и у тысячи королей.

Впрочем, это потом. Сейчас Де'Уннеро приближался к другому «самоцвету», не менее желанному, — Палмарису. Городу его величайшего триумфа и величайшего позора. Да, впереди лежал Палмарис, могущественный Палмарис, охваченный чумой и вполне созревший для слов братьев Покаяния.

Маркало Де'Уннеро не забыл ни того, как жители Палмариса обошлись с ним, ни суровых слов настоятеля Браумина, когда этот глупец прогнал его из города.

Нет, Маркало Де'Уннеро не забыл ничего. И ведь именно Палмарис, по сути, повинен в появлении и распространении чумы. Именно здесь отвергли путь Маркворта и давние традиции церкви. Палмарис с распростертыми объятиями принял Браумина, а с ним всю ересь Джоджонаха и Эвелина, все их безумные идеи о том, что церковь должна быть врачевательницей черни.

Подумав об этом, Де'Уннеро сплюнул. Где же теперь эти врачеватели черни? Где их добренькая и сострадательная церковь? Попрытались за толстыми стенами монастырей, вокруг которых понаделали цветочных заграждений. А зловоние чумы все равно ударяет им в ноздри.

Ничего, трусость их же и погубит. Де'Уннеро в этом не сомневался. Брошенные на произвол судьбы и отчаявшиеся жители Палмариса пойдут за ним, за Де'Уннеро, чтобы узнать, наконец, как им достичь спасения.

Вот тогда настоятель Браумин вместе со своими глупыми друзьями наконец-то поймут, к чему привели их бредовые представления.

Да, день обещал быть на редкость удачным.

Роджер вторично прошел проверку в сторожевом домике. Наконец, получив разрешение пройти, он бросился во внутренний двор.

— Где настоятель Браумин? — резко спросил он у брата Кастинагиса, охранявшего внутренние ворота.

Кастинагис покачал головой и потрепал бедного парня по плечу, пытаясь успокоить его.

— Настоятель встретится с тобой, — уверил он Роджера.

Роджер отпихнул монаха.

— Он не только встретится со мной. Ему придется выслушать меня! — зло ответил Роджер. — Горе тем, кто не допустил сюда Дейнси!

Роджер повернулся и топнул ногой, затем направился к главному зданию, где находился кабинет настоятеля.

— Настоятель Браумин уже все знает, — негромко сказал ему вслед брат Кастинагис.

Эти слова заставили Роджера остановиться.

— Он знал уже тогда, когда мы осматривали тебя и твою подругу, выполняя его распоряжение. Ему уже тогда было ясно, что для нее доступ в Сент-Прешес закрыт. Почему ты так удивленно глядишь на меня, Роджер? Разве ты забыл, что так же мы поступили с Колин Килрони, когда Джилсепони привезла ее к нашим воротам?

— Н-но... — заикаясь пробормотал Роджер, в голове которого перепутались все мысли. — Я ваш друг.

— Несомненно, — без тени сарказма ответил Кастинагис. — Друг, которого мы ценим и уважаем. Поверь, и мне, и настоятелю Браумину очень больно, что мы не можем помочь твоей подруге. Разве ты не понимаешь? У нас нет оружия для борьбы с розовой чумой.

— И что мне теперь делать? — спросил Роджер. — Сидеть рядом с Дейнси и смотреть, как она умирает?

— Для тебя было бы куда благоразумнее остаться с нами, — послышался у него за спиной тихий голос.

Роджер обернулся и увидел своего старого друга Браумина Херда, выходящего из здания. За последний год настоятель заметно постарел. В его курчавых черных волосах появились седые прядки. Вокруг глаз пролегли глубокие морщины.

— В городе есть специальные чумные приюты. Там твоей Дейнси будет хорошо. Я могу это устроить. Тебе незачем возвращаться к ней.

Роджер глядел на него во все глаза. Неужели он не ослышался и это говорит его друг Браумин?

— Ты ничем не сможешь ей помочь, — добавил настоятель.

Он подошел ближе и коснулся рукой плеча Роджера, но тот отскочил в сторону.

— Продолжая находиться рядом с ней, ты очень рискуешь, — попытался убедить его Браумин.

— Должен же быть хоть какой-то выход... — попытался возразить Роджер.

— Никакого, — сурово произнес настоятель Браумин. — От чумы можно только укрыться, и ты должен сделать именно это.

— Я нужен Дейнси, — сказал Роджер.

— Ты сможешь лишь наблюдать, как она умирает, — напомнил ему Кастинагис.

Роджер повернулся к нему. Лицо парня было мрачным и решительным.

— Тогда именно это я и сделаю, — объявил он. — Я должен быть с Дейнси до конца. Я должен держать ее руку, когда буду говорить ей слова прощания.

— Ты рассуждаешь, как глупец! — закричал Кастинагис.

Роджер тоже хотел что-то крикнуть, но сил у парня не было. Он бормотал какие-то бессвязные слова, потом вдруг вскинул вверх руки и застонал. Ноги у Роджера подкосились, и он с рыданиями упал на колени. Оба монаха бросились к нему.

— Я позабочусь о том, чтобы ей там было хорошо, — пообещал настоятель Браумин.

— Ты останешься с нами. Со своими друзьями, — добавил Кастинагис.

Роджер задумался. Перед ним встало лицо его любимой. Дейнси, его дорогая Дейнси, женщина, которую он искренне любил, сейчас лежала, дрожа в лихорадке, и звала его.

Роджер Не-Запрешь ни за что не оставит ее одну.

— Нет! — прорычал Роджер и стал упрямо подыматься на ноги. — Если вы не можете мне помочь, я найду тех, кто сможет.

— Таких нет, — тихо и печально возразил Браумин. — Никого.

— Тогда я останусь рядом с ней, — резко выкрикнул Роджер. — До самого конца.

Кастинагис хотел было что-то сказать, но жест настоятеля Браумина остановил монаха. Им не впервой видеть такое. Точно так же вела себя тогда Джилсепони. Ничего удивительного: тот, кто не принадлежит к церкви, не способен преодолеть сиюминутную боль.

Роджер зашагал к сторожевому домику, но внезапно остановился и снова повернулся к монахам.

— Я хочу жениться на ней. Так, как положено, перед лицом Бога, — сказал он.

По всему было видно, что эта мысль появилась в голове Роджера прямо сейчас.

— Нам нельзя пускать ее в монастырь, — сказал брат Кастинагис.

— Ты можешь совершить церемонию, не выходя за цветочный кордон? — спросил у Браумина Роджер.

Роджер пристально смотрел на своего друга.

Кастинагис тоже смотрел на Браумина.

— Я бы предпочел, чтобы ты не возвращался к ней, — сказал настоятель Сент-Прешес. — Ты просишь меня освятить союз, который не просуществует и до конца лета.

— Я прошу тебя подтвердить нашу любовь перед лицом Бога как священную любовь, потому что она такая и есть, — поправил его Роджер. — Можешь ты хоть этим мне помочь?

Настоятель Браумин ответил не сразу.

— Если бы я верил, что существует хотя бы ничтожный шанс отговорить тебя от всего этого! — воскликнул он. — Но раз ты столь решительно настроен оставаться возле своей подруги, тогда пусть лучше ваш союз будет освящен Богом. Иди и приведи ее к цветочному кордону. Но торопись, пока я не передумал.

Не успел Браумин договорить, как Роджера уже след простыл.

ГЛАВА 34 РАССЕРЖЕННЫЕ ОВЦЫ

— Остановись! — предостерегающе крикнул Фрэнсис разгневанному человеку с обезумевшими, налитыми кровью глазами и заметными розовыми пятнами на руках. Монах встал, загораживая ему дорогу к цветочному кордону и воротам Санта-Мир-Абель. Фрэнсис прекрасно понимал, что монахи, стоявшие на стене и державшие в руках арбалеты и камни, убьют этого несчастного, едва он пересечет границу. — Даже не надейся... — Фрэнсис попытался остановить его, но тот ничего не хотел слушать.

Он явился сюда прямо от погребального костра. У него на глазах только что сожгли тело его единственного сына. Словно разъяренный бык, человек двинулся вперед и замахнулся своей здоровенной ручищей.

Удар, естественно, предназначался Фрэнсису, но монах, хорошо владевший воинским искусством, пригнул голову и, схватив занесенную над ним руку, с силой дернул ее вниз. Потом, сделав всего лишь шаг и повернувшись, он оказался за спиной нападавшего. Прежде чем ослепленный яростью крестьянин сообразил, что к чему, Фрэнсис заломил ему правую руку за спину, а своей левой рукой обхватил его шею. Невзирая на свою силу и бурлящий гнев великан был не в состоянии что-либо сделать.

Он все-таки попытался вырваться. Тогда Фрэнсис подставил ему подножку, и они оба тяжело повалились на землю. Крестьянин упал лицом вниз, а Фрэнсис оказался на нем.

— Убью вас всех! — рычал отец умершего ребенка. — Всех поубиваю! Я вам... Я...

Внезапно его голос дрогнул, и он зарыдал.

— Я понимаю, — сочувственно прошептал Фрэнсис. — Твой сын... Мне понятно твое горе.

— Откуда тебе знать, что такое горе? — слышалось сзади.

— Да что вообще ты и твои вонючие дружки знают? — раздался другой сердитый голос.

Кто-то сильно ударил Фрэнсиса ногой в поясницу.

Потом они навалились на него. Их было только двое, но вокруг стояла целая толпа, подбадривавшая их криками. Эти двое оторвали Фрэнсиса от рыдающего великана и грубо поставили на ноги. И хотя монах попытался отбиться, ударив одного кулаком, а другого — ногой в голень, он понимал, что ему не вырваться. В толпе найдется немало пособников.

— Убейте его! — слышалось из толпы. — Смерть им всем!

Жертвы чумы угрожающе окружили Фрэнсиса и... расступились. К нему, плюясь и ругаясь, пробилась Мери Каузенфед. Когда кто-то выкрикнул еще одну угрозу в адрес Фрэнсиса, женщина с размаха ударила его по лицу.

— Вы никак все с ума посходили? — гневно воскликнула она. — Он пришел к нам добровольно, совсем здоровым! Он каждый день помогает нам! А вы бы, каждый из нас, стали добровольно помогать больным, если бы чума вас не пометила? С кем я связалась? С

толпой идиотов? Додумались, напасть на бедного брата Фрэнсиса!

Толпа затихла. Люди переглядывались, не зная, как вести себя дальше.

Фрэнсиса отпустили.

— Эй, а Мери-то права, — сказал один из тех, кто схватил Фрэнсиса.

— Этого монаха и впрямь не за что бить, — отозвался другой и с угрожающим видом повернулся в сторону Санта-Мир-Абель.

— А вот тех... — прорычал он, и в толпе вновь вспыхнула ярость.

Отец умершего ребенка поднялся на ноги, потрясая кулаками в сторону стены, где стояли монахи.

Фрэнсис снова вырвался вперед.

— У них арбалеты и магические камни! — умоляюще взывал он. — Монахи убьют вас прежде, чем вы доберетесь до стены. Вы только посмотрите! Как вы рассчитываете забраться на стену? Или вы думаете, что ее можно разрушить голыми руками? Уверяю вас, даже целый табун тогайранских пони не сможет протаранить монастырские ворота!

Его доводов вполне хватило бы, чтобы любой рассудительный человек отказался от невыполнимой затеи проникнуть в монастырь. Но едва ли слушавшие Фрэнсиса сохранили способность рассуждать. Они потеряли все. Ими двигали лишь боль и отчаяние, и потому слова Фрэнсиса они пропускали мимо ушей.

Толпа медленно двинулась к монастырской стене. То же сделал и брат Фрэнсис. Он зажал в руке камень души, соединился с магией камня и высвободил свой дух из тела. Теперь он направил своего духовного двойника к главному подстрекателю. Это был один из тех людей, что оттаскивали Фрэнсиса от отца умершего ребенка.

Фрэнсису не хотелось опускаться до одержания. Вместо этого он завладел разумом главаря. Монах начал показывать ему картины массовой бойни: бегущих и кричащих людей, которых косили монашеские арбалеты и удары рукотворных молний. Он показал ему жуткое зрелище мертвых тел, лежащих вдоль цветочного кордона. Он показал...

Связь оборвалась, и дух Фрэнсиса вернулся в его тело. Фрэнсис моргал глазами, приходя в себя. Он боялся, что бойня уже началась.

Однако толпа замерла. Все недоуменно уставились на главаря, а тот, раскрыв рот, тупо глядел на высокую монастырскую стену и вооруженных монахов, стоявших наверху. Рядом с ним находилась Мери, отчаянно тянувшая его за руку и уговаривавшая одуматься.

Главарь в явном замешательстве взглянул на Фрэнсиса.

— Они убьют вас. Каждого, кто приблизится к стене, — снова сказал Фрэнсис.

Главарь закрыл глаза и стиснул кулаки. Но какая бы ярость ни бушевала в нем, этот человек все же понимал, что у них нет никаких шансов приблизиться к своим врагам. У них вообще нет никаких шансов.

Главарь свирепо зарычал, потрясая кулаками в воздухе. Потом пошел прочь. Он уходил все дальше от стены, грубо пробивая себе путь сквозь толпу.

Фрэнсис облегченно вздохнул. Однако многие вокруг него были явно раздосадованы. Люди выкрикивали проклятья, грозили кулаками. И все же толпа расходилась. С гневными возгласами и глухим ворчанием, но расходилась.

Фрэнсис понял, что ему удалось предотвратить крупное кровопролитие, а может, и полное истребление отчаявшихся людей. Он снова вздохнул и кивнул Мери. Чувствуя сзади чей-то взгляд, Фрэнсис обернулся и увидел старуху, лицо которой было густо испещрено морщинами. Старуха недовольно сверлила его глазами.

— Усыпляешь нас сладкими песенками? — спросила она. — Тебя за этим послали сюда, брат Фрэнсис из Санта-Мир-Абель? Набивать нам мозги красивыми словами, чтобы живые мертвецы знали свое место и не бунтовали?

Фрэнсис не знал, что ей ответить.

— Да кому ты нужен, брат Фрэнсис? Еще один святой, — с искренним презрением бросила ему старуха. — Ничего, скоро сам словишь розовые пятна, если уже не словил, и пойдешь прямо в земельку.

Фрэнсис не стал спорить. Действительно, пророчество этой сгорбленной и морщинистой старухи попало в цель. Чума проникла и в его тело. Помогая очередной жертве, он не сумел должным образом защититься. И теперь чума начнет разрастаться в нем.

Фрэнсис знал правду о себе.

— Кажется, наш дорогой брат Фрэнсис приносит хоть какую-то пользу, — сказал Фио Бурэй, обращаясь к отцу-настоятелю Агронгерру.

Они оба находились на стене и все видели.

— Я имею в виду пользу для его нынешних подопечных, — с усмешкой пояснил Бурэй. — Этот бунт им мог бы дорого стоить.

— Ты так говоришь, будто сожалеешь, что штурм не состоялся, — заметил отец-настоятель.

Фио Бурэй беспокойно переминался с ноги на ногу. Он постоянно предпринимал отчаянные усилия, чтобы произвести впечатление на Агронгерра. Увы, мысленно напомнил он себе, они с отцом-настоятелем часто расходились во мнениях.

— Вовсе нет, — поспешил ответить Бурэй. — Простите меня, отец-настоятель. Эти слова вырвались у меня лишь потому, что в подобных обстоятельствах я чувствую беспомощность. Сейчас тяжкое время, и я начинаю думать, что Бог от нас отвернулся.

— Вот как? — удивленно вскинул брови Агронгерр, явно не поверивший однорукому магистру. — Следи за своими словами, а то они начинают напоминать слова нашего заблудшего брата Де'Унnero.

— Я лишь имел в виду...

— Я знаю, что ты имеешь в виду сейчас и что ты имел в виду, говоря о Фрэнсисе, — перебил его Агронгерр.

Воцарилось долгое и тягостное молчание.

— Как обстоят дела у братьев, занятых приготовлением припарок и сиропов? — наконец спросил Агронгерр. — Я говорю о рецептах, которые мы получили из Тимберленда, надо думать, от Джилсепони?

— Они собрали все необходимые растения, — ответил Бурэй. — Полагаю, приготовление скоро будет завершено.

— Если нужно, направь для этой работы дополнительное число братьев, — велел отец-настоятель. — Столько, сколько понадобится, чтобы мы смогли как можно скорее передать припарки и сироп этим несчастным на поле.

— По словам настоятеля Браумина, полученным нами непосредственно из Сент-Прешес, эти снадобья не излечивают от чумы. То же написано и в рецептах, пришедших от Джилсепони.

— Зато они помогают, — резко возразил Агронгерр. — Кроме облегчения страданий они помогут чумным больным понять: мы делаем для них все, что в наших силах. На этот раз брат Фрэнсис удержал их от бунта. Боюсь, в следующий раз нам придется действовать самим и более жесткими мерами, а мне бы очень этого не хотелось.

— И насчет брата Фрэнсиса ты совершенно прав, — продолжал Агронгерр. — Он действительно играет важную роль. Посмотри и порадуйся за него. Его поступок стал благословением и для церкви Абея, и для тех несчастных, кому он так самоотверженно служит.

— Уверен, что вы не разделяете его воззрений, — немедленно возразил Бурэй.

Не ответив, отец-настоятель Агронгерр отвернулся от магистра и вновь стал глядеть туда, где располагался лагерь чумных больных. Эта картина явно вызывала в нем тяжелые чувства.

— Отец-настоятель? — забеспокоился Бурэй.

— Не бойся, я не собираюсь открывать ворота Санта-Мир-Абель для жертв чумы, — тихим и печальным голосом ответил Агронгерр. — И у меня нет никакого желания покинуть монастырь и присоединиться к нашему дорогому Фрэнсису. Но я не порицаю этого человека

за сделанный им выбор. Нет, я восхищаюсь им. Я не могу присоединиться к нему по одной лишь причине. Потому что...

Здесь Агронгерр умолк и, повернувшись к Бурэй, поглядел ему прямо в глаза.

— Потому что я боюсь, брат. Я стар, и мне осталось жить не так уж много. И я боюсь не смерти. Нет, не ее. Я боюсь розовой чумы.

На это Фио Бурэй хотел резко возразить и назвать Фрэнсиса глупцом. Он хотел заявить, что если церковь одобрит поступок своевольного магистра, то для нее это обернется катастрофой. Однако он счел за благо промолчать. Бурэй не боялся, что Агронгерр заставит других монахов последовать примеру Фрэнсиса или что ему придется отправиться на поле. Фио Бурэй понимал, что долго это не продлится. Брат Фрэнсис все равно умрет, и, наверное, довольно скоро. И тогда, как считал Бурэй, для всех станет очевидно, чем кончаются дурацкие попытки сражаться с розовой чумой.

— Обыкновенный здравый смысл — вот что удерживает вас, отец-настоятель, — спокойно сказал Бурэй.

— Ты так думаешь? — презрительно усмехнулся Агронгерр и покинул стену.

Раздосадованный Фио Бурэй снова повернулся в сторону поля и облокотился на массивный парапет стены. Он увидел Фрэнсиса. Тот, держа в руке камень души, пытался помочь очередной жертве чумы. Бурэй с отвращением покачал головой. Здесь он был полностью не согласен с отцом-настоятелем Агронгерром. Нет, для церкви Фрэнсис служил дурным примером. Он разжигал в простых и невежественных людях уверенность, что в нынешние тяжелые времена церковь должна больше заботиться о них.

Фио Бурэй стукнул кулаком по парапету. Припарки и сироп скоро будут готовы. Только бы не сегодня и не завтра, иначе эта толпа вновь хлынет к воротам монастыря. Нет, Бурэй вовсе не хотел убивать кого-нибудь из больных, хотя, наверное, для них это было бы избавлением от мучений. Но если бунт повторится, Фио Бурэй точно знал, куда будет нацелен его первый удар, будь то рукотворная молния или стрела из арбалета. Он не станет стрелять в этих жалких людишек. Его первый выстрел будет направлен в того, кто внушает им ложные надежды.

— Выполняй! — резким тоном приказал король Дануб.

Герцог Калас не помнил, чтобы король когда-нибудь так обращался к нему.

— Вы рискуете безопасностью трона ради... — все же попытался возразить Калас.

— Выполняй приказ, и немедленно! — перебил его король Дануб. — Не мешкай.

Калас оглянулся на Констанцию Пемблбери.

— Действуй быстро и добросовестно, — сказал король Дануб.

Отношения между двумя друзьями редко принимали столь официальный характер. Калас ударил себя в грудь, показывая, что подчиняется приказу. Затем резко повернулся на каблуках и поспешно вышел. Подковы его сапог гулко ударили по полу.

Король Дануб взглянул на Констанцию и вздохнул.

— Калас всегда крайне неохотно делает что-либо для церкви Абея, — сказала она, пытаясь успокоить короля.

Дануб закрыл глаза. Он прекрасно знал причину такого отношения герцога к церкви. Калас не мог простить церковникам смерть королевы Вивианы. Король почувствовал, как начинает погружаться в воспоминания далекого прошлого, и открыл глаза, решительно потрянув головой. Сейчас не время для воспоминаний. Сейчас королевский долг требует от него защищать Сент-Хонс столь же самоотверженно, как он защищал бы Урсальский замок. Возможно, монахи смогли бы и сами сдержать толпу, готовую пойти на штурм монастырских ворот. Однако государство обязано поддерживать в трудную минуту церковь.

Любые споры сейчас неуместны.

Несколько минут они с Констанцией сидели молча, обдумывая внезапный поворот событий, который вовсе не был таким уж неожиданным.

Снаружи послышался гул взбуждаемой толпы, сопровождаемый ударом грома.

— Наверное, они пытаются влезть на стены, — предположила Констанция.

Вскоре крики потонули в грохоте копыт, а еще через какое-то время яростные возгласы сменились стонами и воплями.

Дануб и Констанция поняли, что Бригада Непобедимых, как всегда, действовала в своей обычной жестокой манере и ее натиск оказался успешным. Угроза для Сент-Хонса устранена.

Король Дануб обернулся к Констанции. Лицо ее было усталым. Им всем выпала тяжелая участь: затворничество в замке и бездействие, которое время от времени сменялось необходимой, но приносящей столько боли демонстрацией силы.

— Ты бы лучше пошла к детям, — предложил Дануб.

— Скоро вернется герцог Калас, и я не хочу, чтобы он обрушил на вас свое дурное настроение, — ответила Констанция.

Дануб кивнул, понимая справедливость ее слов.

— И все же пойдя поиграй с Мервиком и Торренсом, — повторил Дануб. — Герцог Калас состоит у меня при дворе. Он командир Бригады Непобедимых. Калас будет делать то, что я приказываю, и делать добросовестно, иначе лишится своего поста.

Констанция недоверчиво вскинула брови. Она не верила в возможность смещения Каласа. Король и сам понимал, что его последняя фраза — не более чем слова, сказанные в запальчивости. Замена Каласа сейчас, в нынешнее тревожное и тяжелое время, внесла бы разброд в ряды Бригады Непобедимых. Гвардейцы искренне любили своего командира. Впрочем, Дануб знал, что до крайности не дойдет. Да, Калас упрям и лютой ненавистью ненавидит церковь Абея. Все это нельзя сбрасывать со счетов. Однако герцог был и остается человеком Дануба. Несомненно, гвардейцы надолго отбили у толпы охоту соваться в Сент-Хонс, и теперь герцог и Дануб должны как можно быстрее забыть об этом.

Вероятно, к такому же выводу пришла и Констанция. Она подошла к Данубу, поцеловала его в щеку и покинула тронный зал.

Через несколько минут возвратился герцог Калас.

— Около полусотни убитых, — мрачным тоном сообщил он. — В основном затоптаны копытами.

— А со стороны твоих рыцарей? — спросил Дануб.

Калас презрительно хмыкнул. Разве эта чернь способна хотя бы ранить его доблестных гвардейцев?

— Значит, мы сделали то, что должны были сделать, — сказал король. — Мы защитили Сент-Хонс, как того и требует наше соглашение с церковью Абея. Одновременно мы напомнили народу, что законы не перестают действовать даже во время чумы.

«Ах, если бы все было так просто!» — мысленно добавил Дануб. И хотя внешне он оставался суровым и непреклонным, веря в справедливость только что произнесенных слов, короля глубоко потрясло известие о пятидесяти его подданных, затоптанных лошадьми его доблестных рыцарей.

Дануб видел, что Калас не менее его потрясен случившимся. Герцог опустил на стул, где недавно сидела Констанция, подпер ладонью подбородок и бессмысленным взглядом уставился в стену.

На улицах еще слышались отдельные крики, и они больно отдавались в ушах короля Дануба и герцога Каласа.

Нараставшие крики мгновенно прекратились, как только Маркало Де'Уннеро — он же брат Истины, — пройдя через ряды братьев Покаяния и толпу собравшихся жителей Палмариса, двинулся по улочке навстречу беженцам.

Эти смуглокожие люди хотели только одного — чтобы их самих и их жилища близ палмарисской гавани оставили в покое. Но напрасно. Брат Истины уже успел бросить искры в толпу, провозгласив язычников-беженцев причиной Божьего гнева, а районы их проживания в Палмарисе — рассадником розовой чумы.

Первый из оказавшихся на его пути бехранцев поднял свое оружие — острогу, целя ею в Де'Унnero, однако монах внезапно остановился и резко ударил ногой по древку, отчего острога отлетела в сторону. Той же ногой Де'Унnero ударил по колену другого бехранца и, не опуская ногу на землю, нанес первому сильный удар в живот, заставив его согнуться пополам.

Де'Унnero резко развернулся. Другой ногой он ударил бехранца в подбородок, едва не свернув тому шею, и отбросил свою жертву лицом вниз на булыжники мостовой.

Де'Унnero чувствовал, как внутри него зарычал тигр, норовя вырваться на свободу, чтобы разорвать и покалечить всех, кто находится рядом. Монах едва не поддался и чуть не выпустил тигра. Но буквально в последнюю секунду в его сознании пронеслась мысль: если жители Палмариса увидят тигра, они мгновенно вспомнят о гибели их любимого барона Бильдборо! И тогда — конец всему. Де'Унnero собрал всю свою волю, загоня бешеного зверя внутрь. Борьба с тигром всецело поглотила его, и кто-то из бехранцев, воспользовавшись моментом, нанес ему удар.

Де'Унnero прыгнул вперед и приземлился перед смуглокожим человеком, занесшим над его головой тяжелый топор. Неужели этот дурак думает, что сможет уничтожить Брата Истины? Де'Унnero нанес бехранцу несколько ударов по лицу. Топор выпал из рук оглушенного язычника. Бехранец попытался увернуться, но не тут-то было. На него снова посыпался град ударов, от которого он упал на колени. Де'Унnero подпрыгнул и обеими ногами ударил поверженного бехранца в грудь.

Магистр услышал, как у его жертвы хрустнул позвоночник.

Де'Унnero вскинул вверх руки со стиснутыми кулаками и испустил победный клич, более походивший на звериный рев. Это был сигнал к расправе. Сотня братьев Покаяния и в два раза больше жителей Палмариса набросились на малочисленных бехранцев. Насмерть забивали всех, кто попадался под руки и под ноги.

Но приятнее всего для брата Истины было наблюдать поведение городской стражи. Они преспокойно восседали на конях, сгрудившись в конце улочки. Много раз они могли бы вмешаться, однако никто из них не двинулся с места. И потому братья Покаяния продолжали громить бехранское поселение. Они перебили всех, кого смогли поймать, после чего дотла сожгли все жилища бехранцев.

ГЛАВА 35 НА КРЫЛЬЯХ ОТЧАЯНИЯ

— Да это Роджер! — радостно сообщила Белстеру Пони, увидев, как с южной стороны в Дундалис въехала повозка.

Улыбка погасла на ее лице, когда Пони увидела, что позади Роджера в повозке сидит Дейнси, сгорбленная и закутанная с головы до ног в одеяла, хотя день стоял довольно теплый.

Пони без труда поняла, в чем дело.

— Чума и до нее добралась, — произнес Белстер. — Зачем только этот дурень привез ее сюда?

Пони задела не свойственная Белстеру черствость. Она нахмурилась, не собираясь скрывать от трактирщика, что ей неприятны его слова.

Он мотал головой, словно сам удивлялся вырвавшимся у него словам. Впрочем, Пони понимала, чем они вызваны. До сих пор чума обходила Дундалис стороной, но один больной человек мог разом изменить положение. Не успеешь оглянуться, как чума, словно пожар, охватит весь город. Те, кто знали устные предания о чуме, рассказывали, что она опустошала целые города, размерами и населением намного превосходившие Дундалис.

Пони и без объяснений Роджера было ясно, почему он привез Дейнси сюда. Чем ближе подъезжала повозка, тем заметнее были грусть и отчаяние на его лице. И еще — безнадежная мольба.

Несколько горожан подошли, чтобы поздороваться с Роджером, но он решительно замахал руками.

— Держитесь на расстоянии! — крикнул он.

Поначалу эти слова вызвали удивление, затем неизбежно повергли в ужас.

Слова, известные во всех уголках королевства.

Потом Роджер увидел свою последнюю надежду на спасение Дейнси — его любимой Дейнси.

— Пони, — слабым голосом произнес он.

Пони бросилась к повозке и, ухватив поводья, остановила лошадь.

— Берегись, — предупредил ее Роджер. — У Дейнси чума.

Пони невесело кивнула и пробралась к сиденью. Она осторожно откинула капюшон и дотронулась до лба Дейнси.

Несмотря на жар, у Дейнси стучали зубы.

Пони вздохнула.

— Ты старался как мог, но надо было не так, — объяснила она.

С этими словами Пони откинула капюшон Дейнси, развязала тесемки плаща, затем сняла его с плеч Дейнси, которые вдруг показались ей такими хрупкими.

— Я пытался ей помочь, — запинаясь говорил Роджер. — Я пошел в Палмарисе к Браумину, но...

— Вас двоих он не пустил, — мрачным тоном dokonчила Пони.

Роджер кивнул.

— Отсюда вас никто не прогонит, — пообещала Пони, осторожно поднимая Дейнси на руки.

До чего же легкой стала эта некогда крепкая, плотно сбитая девушка!

— Идем со мной в трактир, — велела Пони Роджеру.

— Ты сможешь ее вылечить? — спросил он.

В голосе парня зазвучала надежда, лицо преобразилось. Как Пони хотелось сказать ему «да», пообещать, что все будет в порядке. Но она знала: ложная надежда ломает человека сильнее, чем отсутствие всякой надежды. Нет, она не могла солгать Роджеру.

— Я попытаюсь, — пообещала Пони, скрываясь за повозкой.

Роджер подбежал, схватил ее за руку. Казалось, все его существо отчаянно молило о помощи.

— Пойми, Роджер, это розовая чума, — стараясь говорить как можно мягче, сказала Пони. — До сих пор мне ни разу не удалось победить ее. Я не вылечила никого. Все, кому я пыталась помочь, уже мертвы. Но я постараюсь.

Роджер перестал дышать и зашатался. Потом он взял себя в руки и кивнул.

Верная своему обещанию, Пони перенесла Дейнси в комнатку над трактиром, взяла гематит и, собрав всю силу и решимость, пошла в атаку на чуму. Едва ее духовный двойник проник в измученное тело Дейнси, Пони сразу убедилась, что положение крайне тяжелое. Чума успела распространиться по всему телу Дейнси. Все, кому Пони пыталась помочь до сих пор, находились в лучшем положении. Но внутри Дейнси чума представляла собой обширное, плотное и густое зеленое месиво.

Пони сделала одну попытку, затем вторую. Они кончились тем, чем кончались всегда: последние силы тратились на то, чтобы не допустить чуму в собственное тело. Потом наступало полное измождение. И никакой ощутимой помощи Дейнси.

После последней попытки ноги уже не держали Пони. Она привалилась к стене, затем сползла на пол. Роджер несколько раз звал ее, потом не выдержал и сам зашел в комнату.

— Ну как? — без конца спрашивал он. — Ты победила чуму?

Лицо Пони говорило красноречивее слов. Роджер тяжело опустился на пол, стараясь не дать воли слезам.

Пони, собрав последние силы, положила руку ему на плечи.

— Не сдавайся, — твердым голосом произнесла она. — Мы сделаем ей припарки,

дадим сиропа. А потом я снова возьмусь за гематит. Обещаю тебе, я это обязательно сделаю.

Роджер пристально взглянул на нее.

— Тебе ее не спасти, — сказал он.

Пони чувствовала, что он прав.

Они собрались на поле перед Сент-Бельфуром. Такую картину можно было видеть возле каждого монастыря Хонсе-Бира. Жертвы чумы умоляли о помощи, которую никто не мог им оказать. Розовой чуме были безразличны крики и стоны ее жертв. Она неумолимо шествовала по всему королевству. Теперь она предъявила свои права на Вангард.

Внутри самого монастыря царило почти такое же отчаяние, как и за его пределами. Пока никто из монахов не заболел. Однако для кроткого брата Делмана и других братьев, которых настоятель Агронгерр воспитывал в духе сострадания и милосердия, было невыносимо наблюдать, как мучаются их ближние. Когда в монастырь начали поступать первые вести о чуме в Вангарде, настоятель Хейни и брат Делман заперлись в кабинете настоятеля, чтобы обсудить, что надлежит делать в сложившихся обстоятельствах. Между ними не было серьезных разногласий, но не было и единодушия. Каждый сомневался и колебался, пытаясь найти ответ на главный вопрос: помогать или не помогать жертвам чумы за стенами монастыря. Они знали предписания церкви — они содержались в книге наставлений каждого монастыря. Однако и Хейни, и Делман не были готовы слепо подчиниться тому, что написано в книгах, и отвернуться от попавших в беду. И потому они спорили, кричали друг на друга, ударяли в отчаянии кулаками по массивному столу Хейни и даже бились о стены головой.

И все же они сделали то, что требовала церковь, — заперли монастырские ворота. Они попытались проявить милосердие к жертвам чумы, уговаривая тех вернуться домой. Потерпев неудачу, братья старались, насколько возможно, делиться с ними провизией и всеми необходимыми вещами. Больные с благодарностью отнеслись к щедрости и милосердию монахов. В Вангарде отношения между народом и монахами отличались от тех, что существовали во многих других местах. Люди прислушались к просьбам настоятеля Хейни. Лагерь больных разделился на две половины, между которыми пролегал достаточно широкий коридор. Это позволяло монахам беспрепятственно выполнять свои ежедневные обязанности — в основном собирать пропитание, которое почти целиком раздавалось затем больным.

Однако при всем понимании и сотрудничестве по обе стороны высоких стен Сент-Бельфура, Хейни и Делман чувствовали себя жалкими узниками, которых чужое страдание и собственная беспомощность обрекли на заточение в монастыре.

Каждый день и каждую ночь они слышали стоны больных.

— Я больше этого не вынесу, — признался как-то утром Делман.

Он только что пришел со стены. За ночь умерли еще несколько человек, в том числе двое детей.

Настоятель Хейни беспомощно поднял руки. У него не было ответов. Он знал лишь, что пока их монастырь оставался наиболее защищенным от чумы местом.

— Я пойду к ним, — заявил брат Делман.

— С какой целью?

Делман пожал плечами.

— Прошу тебя, дай мне один камень души, чтобы я смог попытаться облегчить хоть чьи-то страдания.

— Думаю, ты помнишь древние песни, — ответил настоятель Хейни, но в голосе его не было упрека. — И знаешь, какую позицию занимает церковь.

— Конечно, знаю, — ответил Делман. — Знаю, что у меня гораздо больше шансов заболеть самому, чем по-настоящему кого-то вылечить. Нам предписывается запереть ворота, заткнуть уши и сидеть за стенами монастыря, пока чума не найдет нас и там. А пока этого не случилось — обсуждать вопросы веры и смысла жизни. — Он язвительно

усмехнулся. — Нам предписано обсуждать, сколько коленопреклоненных ангелов способны уместиться на каждом нашем ноге во время общих молитв. Есть и другие, столь же существенные вопросы.

— Брат Делман, — сурово произнес настоятель Хейни, не давая ему войти в раж.

Делман спохватился и кивнул, понимая, что его собрат испытывает не меньшую боль и отчаяние, чем он сам.

Потом они довольно долго стояли лицом к лицу и молчали.

— Я покидаю монастырь, — объявил брат Делман. — Больше не могу равнодушно смотреть на страдания других. Ты дашь мне камень души?

Настоятель Хейни улыбнулся и повернулся в сторону единственного окна его кабинета. С того места, где он стоял, виднелось только небо. Окошко было узким, а кирпичные стены — толстыми. Но даже если бы Хейни и подошел к нему вплотную, то все равно увидел бы лишь деревья да холмы за Сент-Бельфуром. Впрочем, настоятелю и не нужно было видеть горестную картину — она четко запечатлелась у него в сознании.

— Не покидай монастырь, — мягко сказал он.

— Я должен быть с ними, — медленно и решительно качая головой, сказал Делман.

— Тебе больно видеть страдания невинных людей. И мне тоже больно их видеть, — признался Хейни. — Не уходи из монастыря. Я принял решение открыть ворота и впустить всех больных в монастырь.

Делман вздрогнул, пораженный услышанным. Он еще сильнее замотал головой.

— Это м-мой личный в-выбор, — заикаясь пробормотал Делман, совершенно не желавший принуждать кого-либо из братьев последовать его примеру. — Я совсем не имел в виду...

— Думаешь, я не слышу их криков? — спросил Хейни.

— Но другие братья...

— Они все решат сами, — объяснил Хейни. — Я объявлю им о своем решении и скажу, что те, кто с ним не согласен, не подвергнутся ни малейшему осуждению. Я договорюсь, чтобы этих братьев на корабле доставили на юг, под надежные стены Санта-Мир-Абель. Пусть все, кто пожелает, отправятся туда. Думаю, отец-настоятель Агронгерр примет их с радостью. А с теми, кто останется, мы превратим Сент-Бельфур в дом исцеления. Или хотя бы попытаемся это сделать.

Хейни встал и вышел из-за стола. Делман недоверчиво качал головой, но Хейни был непреклонен. Когда он поравнялся с Делманом, тот радостно и с огромным облегчением обнял его. Смелое решение Хейни дало Холану Делману силы, в которых он так отчаянно нуждался.

— Не надо было тебе приезжать сюда, друг мой, — сказал принц Мидалис, когда Андаканавар неожиданно появился в Пирет Вангарде. — Наши опасения, увы, оправдались, и Вангард охвачен чумой. Возвращайся в Альпинадор, куда чума еще не добралась.

— Это не совсем так, — печально ответил Андаканавар, и Мидалис все понял.

— Мы не знаем, как бороться с чумой, — сказал ему принц. — У нас есть рецепты нескольких снадобий из трав, но, насколько мне известно, они лишь облегчают страдания. Чуму они не излечивают.

— Остается надеяться на зиму, — столь же невесело проговорил рейнджер. — Может, зимняя стужа прогонит чуму из наших земель.

Принц Мидалис, желая поддержать друга, ободряюще кивнул. Однако ему была известна горькая правда о розовой чуме. Он знал, что суровая альпинадорская зима сделает страдания больных еще невыносимей.

Она вновь пошла в атаку на чуму и вновь потерпела поражение. Пони пробовала различные сочетания камней, в том числе многие из тех, что уже применяла, пытаясь помочь другим больным. Все оканчивалось неизменным поражением. Вместе с Роджером они

ставили Дейнси припарки, поили ее сиропом, молились. Если это и приносило облегчение, то совсем ненадолго, но чаще их усилия оказывались безрезультатными. Пони едва ли не с первого дня поняла: ей не спасти Дейнси. Более того, на этот раз она обязательно заболеет сама. Каждая новая попытка приближала Пони к опасной черте. Но она не могла, не имела права оставить эти попытки. Каждый раз, видя на лице Роджера молчаливое отчаяние, Пони неизменно собиралась с силами для новой битвы.

В один из вечеров, потерпев очередную неудачу, изможденная Пони оседлала Грейстоуна и поскакала к заветной пещере под старым вязом. Ей было нужно побеседовать с Элбрайном. Возможно, скоро она навсегда придет в его мир. А сейчас ей было необходимо ощутить близость его духа, сердцем почувствовать, что ее Элбрайн — рядом.

К этому времени совсем стемнело, и Пони пришлось зажечь с внешней стороны входа свечу. Ее слабого света хватало, чтобы увидеть в зеркале туманные образы, приходящие из иного мира. Пони уселась на бревно, прикрыла глаза, сосредоточившись на зеркале. Все ее сердце рвалось наружу, горестно призывая Элбрайна.

Ей вдруг стало удивительно спокойно: Элбрайн был здесь, в этой пещере, рядом с ней.

Потом образ Элбрайна потускнел и пропал. Пони встревожилась. Вместо силуэта ее любимого в зеркале возник другой силуэт, который она узнала далеко не сразу.

Наконец она догадалась, соединив изображение в зеркале с одним давним воспоминанием. С другой картиной, виденной ею за много миль отсюда.

Рука Эвелина.

— У ручья ей будет лучше. Там и устраивайтесь на ночлег, — сказал Пони Смотритель.

— Ты посторожишь нас вечером, пока я займусь с Дейнси? — спросила она.

Кентавр хмуро поглядел на Пони.

— Лучше бы ты выспалась, — сердито сказал он. — Целых пять дней, как только выехали из Дундалиса, вы только скачете и скачете. Ты уже загнала Дара. Таким я его раньше никогда не видел.

Пони лишь кивнула. К чему возражать, когда Смотритель прав?

Из пещеры под вязом Пони сразу же вернулась в Дундалис, разбудила Роджера и Дейнси, и после недолгих сборов они втроем покинули город. Пони непрерывно звала Дара, посылая ему свои мысли. Только Дар, удивительный Дар, обладал необходимой силой и выносливостью, чтобы домчать ее и Дейнси до Барбакана и дальше, на гору Аида. Это было последней надеждой на спасение обреченной Дейнси.

Дар почти сразу же откликнулся на ее зов, словно ждал этого момента; словно догадывался, что ему предстоит путешествие в Барбакан. Пони не знала, можно ли сравнивать сообразительность Дара с человеческим разумом. Но она много раз убеждалась, что это качество, как бы оно ни называлось, в чем-то превосходит человеческий разум.

Пони тайне подозревала, что благодаря магической бирюзе Дар некими странными нитями связан с Элбрайном и Эвелином. Возможно, их духи, показавшие ей в Оракуле силуэт руки Эвелина, одновременно сумели что-то передать и коню.

Пони не оставалось ничего иного, как поверить в это. Ради Дейнси. Ради себя. И ради людей.

В ту же ночь они с Дейнси пустились в путь. Конечно же, Роджер хотел ехать вместе с ними. Но Пони спокойным и не допускающим возражений тоном объяснила ему, что Грейстоун, каким бы сильным и выносливым он ни был, не сможет долго бежать вровень с Даром. Через два дня пути к ним неожиданно присоединился Смотритель. Кентавр, удивительно сочетававший в себе силу и выносливость лошади с разумом человека, согласился двигаться впереди, чтобы обследовать дорогу и окрестности. Каждую ночь он отправлялся на разведку, а под утро возвращался и предлагал Пони самую короткую и удобную на этот день дорогу.

А как быстро скакал потом Дар по этой дороге, ничуть не тяготясь двумя всадницами! Пони помогала коню. Малахит облегчал его ношу, а гематит передавал силу, почерпнутую у

других зверей, в основном оленей. Пони брала только часть их силы и передавала ее могучему коню. За пять дней они проехали несколько сот миль. Вдали уже показалась горная цепь Барбакана.

Это зрелище искренне обрадовало Пони. Времени у нее оставалось все меньше. Каждый вечер она брала камень души и пыталась хоть немного замедлить зловещую поступь чумы в теле Дейнси. Она постоянно делала больной припарки. Но, несмотря на все усилия Пони, Дейнси неизбежно приближалась к печальному концу. Она перестала отвечать на вопросы и большую часть суток находилась в беспамятстве. Глаза Дейнси были закрыты, а когда она их открывала, то едва ли понимала, что происходит вокруг. Слова, которые изредка она пыталась произнести, оказывались бессвязным бормотанием. Дейнси могла умереть в любую минуту. Пони молила лишь о том, чтобы любимая Роджера дожила до подъема на Аиду и чтобы не получилось так, что сама она ошиблась в истолковании видения в зеркале Оракула.

Одна мысль о возвращении к Роджеру с умершей Дейнси на руках буквально рывала Пони сердце.

Они добрались до ручья и устроились на ночлег. Некоторое время Смотритель находился подле них, затем скрылся в лесу, отправившись осматривать дорогу. К удивлению Пони, кентавр вернулся довольно быстро. Вид у него был озабоченный.

— Гоблины, — сообщил он. — Ты знала, что здесь мы натолкнемся на эту дрянь.

— Много? — спросила Пони, прицепляя к поясу меч и берясь за мешочек с самоцветами.

— Не очень, — ответил Смотритель. — Я мог бы поискать обходной путь.

Пони покачала головой.

— Время дорого, — сказала она.

— Что ты задумала? — спросил встревоженный кентавр. — Начнешь бросаться в них огненными шарами — этих тварей соберется еще больше. Лучше я поищу другую дорогу.

— Время дорого, — угрюмо повторила Пони.

Пони набросила на коня попону, надела седло, подтянула подпругу и уселась верхом.

— Гоблины убили Мазера, дядю Элбрайна, — вдруг напомнил ей Смотритель. — А он был отважный рейнджер.

— У него не было этого, — возразила Пони, взмахнув мешочком с самоцветами.

Она прищипорила Дара, и могучий конь рванулся с места.

Пони надела на лоб обруч с кошачьим глазом, а потому без труда видела в темноте. Она поехала по единственной тропе, проложенной в этих местах, и вскоре заметила несколько фигур, спрятавшихся на деревьях. Их было по меньшей мере двое — гоблинских дозорных, поставленных стеречь лагерь, находившийся совсем рядом, на лужайке.

Пони ударила по дереву рукотворной молнией. Вспышка и грохот ослепили и оглушили гоблинов, и те повалились на землю.

Пони направила коня прямо к лагерю.

— Убирайтесь отсюда! — крикнула она.

Дар взвился на дыбы. Пони выхватила меч, хотя на самом деле она намеревалась пустить в ход другое оружие — серпентин и рубин.

— Убирайтесь! Убирайтесь прочь! — снова предостерегающе крикнула она.

Гоблины взвыли, закричали и стали сбегаться к ней, изрытая проклятия. К этому времени серпентин помог Пони окружить себя и Дара голубым сияющим куполом.

Один гoblin, выскочив откуда-то сбоку, метнул в нее копьё. Пони пригнулась, взмахнула мечом и отбросила копьё вверх. Однако пример сородича придал другим гоблинам уверенности, и они с воем устремились к Пони.

Она метнула им под ноги шипящий огненный шар. Несколько гоблинов мгновенно превратились в обугленные трупы. На других вспыхнула одежда, и они бросились на землю, катаясь и крича от боли и ужаса. Часть гоблинов в панике со всех ног бросились прочь. Были и такие, которые застыли на месте, объятые неподдельным ужасом. Но около десятка

низкорослых тварей упрямо двинулось в новое наступление.

Гнев Пони только усилил магическую энергию рубина. Она подняла руку и теперь вместо шара пустила огненную цепочку, окружив ею ближайшего гоблина. Пони снова взмахнула рукой, и еще один гоблин превратился в живой факел. За ним вспыхнул третий. Больше желающих сгореть заживо не нашлось. С дикими криками оставшиеся гоблины скрылись в ночном лесу.

Когда Пони вернулась к месту стоянки, Смотритель по-прежнему находился там, оберегая несчастную Дейнси.

— Тонкая работа, — заметил кентавр.

Пони не сомневалась, что вспышки и гром были видны и слышны даже здесь.

— Зримая, — быстро поправила она. — Во всяком случае, теперь ты можешь проверить наш путь на завтра.

На следующий день ничто не мешало им ехать. Гоблинов и след простыл. Еще до наступления темноты Пони решила остановиться у подножия холма, под естественным навесом из валунов.

Вскоре их догнал Смотритель, который, как всегда, держался на безопасном расстоянии.

— Ты осмотришь дорогу на завтра? — спросила у него Пони.

Кентавр с сомнением взглянул на тропу, уходящую по крутому склону вверх.

— Слишком уж много скал, холмов и расселин, — ответил он. — Это тебе не лес. Тут стадо гоблинов подкрадется, а ты и не заметишь. Да и не больно я умею лазать по горам, — добавил Смотритель. — И Дара не тащи наверх. Там от него скорости не жди. Только время потеряешь.

— Тогда оба дожидайтесь нас здесь, — ответила Пони. — Завтра я понесу Дейнси на себе.

— Долго придется нести, — заметил Смотритель.

Пони кивнула. Если долго, значит, долго.

Они двинулись в путь, не дожидаясь рассвета. Пришлось выйти раньше намеченного времени, ибо ночью Дейнси стало совсем плохо. Сейчас Дейнси никак не могла успокоиться; она разрывала на себе одежду, словно пытаясь убежать от того, что на нее надвигалось. И, как чувствовала Пони, надвигалось с пугающей скоростью.

Пони видела, как умирали люди. Она была свидетельницей слишком многих смертей. Где-то после полуночи она вдруг поняла, что смерть уже позвала Дейнси. Не мешкая, Пони схватила больную, и они двинулись дальше, к Аиде. Пока Дар еще мог идти, ехали на нем. Затем Пони отпустила коня и взвалила Дейнси себе на спину. Путь продолжался, шаг за шагом, и каждая минута казалась часом.

Пони упрямо карабкалась вверх, делая лишь короткие передышки. Во время одной из таких передышек она осторожно опустила Дейнси, думая, что та спит.

Неожиданно глаза Дейнси широко раскрылись.

— Дейнси! — позвала Пони, придвигаясь к ней.

Дейнси не слышала и не видела ее. Пони провела рукой перед ее глазами — безжизненными глазами!

Дейнси уже не видела ее.

Потом Дейнси заметалась, ударяя руками в воздухе.

— Нет, — твердила Пони. — Нет, проклятая смерть, тебе не взять ее! Не сейчас! Только не сейчас, когда мы почти у цели!

Конец Дейнси был совсем близок. Пони беспомощно огляделась по сторонам. Сквозь ее сжатые зубы прорывались звуки, похожие на звериное рычание. Какая-то сотня футов отделяла ее от того места, где горная тропа обрывалась. За обрывом виднелась гора Аида. Там их ждала рука Эвелина. Неужели смерть, неужели Бог окажутся к ним столь жестоки, когда до цели осталось не более мили?

— Нет, нет, — твердила Пони, запуская руку в мешочек с самоцветами.

Мешочек был плотно завязан. Пони даже не заметила, что рвет его. Самоцветы с глухим стуком упали вниз, но ее пальцы успели подхватить один, нужный. Камень души.

Пони вошла в камень. Затем, оставив свое тело, вошла в истерзанное болезнью тело Дейнси... Чума окружала ее со всех сторон. Чудовищное зловоние и гниение — тоже.

Гнев заставил Пони начисто забыть о всякой осторожности. Она яростно набросилась на зеленую жижу и стала соскребать ее с легких Дейнси. Маленькие демоны хотят лишить ее дыхания? Нет, не выйдет! Пони, не жалея сил, отдирала их снова и снова.

Чудовищно усталая, она села рядом с Дейнси и заплакала.

Дейнси была еще жива. Пони сумела вырвать для нее немного времени. Но сколько? И как она вообще надеется добраться до Аиды, если у нее не хватает сил даже встать?

И все-таки Пони встала, наклонилась над Дейнси, подхватила ее на руки и с каким-то нечеловеческим рычанием поволокла вверх. Выше, еще выше. До самой вершины перевала, пролегающего сквозь горную цепь Барбакана. Почти рядом, в какой-то миле, возвышалась гора Аида. Всего одна миля до руки Эвелина! Они уже проделали несколько сотен миль. И вот осталась одна, последняя.

Но у Пони не было никаких надежд добраться туда. Смерть до сих пор щадила Дейнси, но теперь, похоже, истекали последние минуты данной ей отсрочки.

— Малахит, — прошептала Пони.

Она оглянулась. Должно быть, камень остался внизу, выпав из разорванного мешочка. Пони вновь опустила Дейнси на землю и решила разыскать упавший малахит. Ноги не держали ее. Пони споткнулась и упала, больно ударившись о скалу. Она тут же упрямо попыталась встать и вдруг поняла, что все кончено. Даже если ей и удастся найти камень, у нее не хватит сил им воспользоваться.

Все кончено.

ГЛАВА 36

ПРИЗРАК РОМЕО МУЛЛАХИ

Эти предрассветные походы в палмарисскую гавань за провизией приходилось совершать каждый день. Монахи всегда старались двигаться, словно тени, и как можно реже попадаться кому-либо на глаза. Сегодня, едва придя в гавань, они узнали о погроме, учиненном в бехранском поселении странным сообществом, называющим себя братьями Покаяния. Им рассказали об искалеченных и убитых бехранцах и о сожженных жилищах.

Пятерым монахам пришлось задержаться в гавани дольше обычного, и теперь они с тревогой думали о том, что вряд ли сумеют вернуться в Сент-Прешес до восхода солнца. Они старались идти как можно быстрее. Их сутаны были обвиты гирляндами цветов, отчего монахи напоминали ходячие цветочные заграждения. Братья с особой осторожностью двигались по кривым улочкам города, постоянно озираясь и стремясь удостовериться, что за поворотом их не ждет столкновение с толпой больных чумой. Нынче церковь Абея не вызывала у жителей Палмариса ничего, кроме раздражения и злости.

Сегодня группу возглавлял Андерс Кастинагис. Он облегченно вздохнул, когда впереди наконец-то показалась монастырская стена с потайной дверью. Он мог бы повести братьев в обход, тогда бы их не увидели чумные больные, устроившие свой лагерь перед главными воротами монастыря. Однако Кастинагису подумалось, что сегодня обходной путь может оказаться опаснее, чем прямое столкновение с горсткой больных. И потому он повел собратьев через лужайки прямо к боковой стороне площади.

Позади раздались крики, но они не остановили Кастинагиса. Преодолеть последний отрезок пути незамеченными было невозможно. Монах знал: он и четверо его собратьев все равно окажутся возле потайной двери раньше, чем сюда доберется кто-либо из разъяренных больных.

Монахи побежали вдоль стены, приближаясь к двери и самоуверенно оглядываясь назад.

Они считали, что уже находятся в безопасности, и в этом была их ошибка.

Навстречу им из-за угла вывернула толпа бегущих куда-то людей в черных монашеских сутанах с красными капюшонами.

Кастинагис резко остановился, заметив едва видимые очертания потайной двери. Любой, кто не знал о ее существовании, прошел бы мимо, считая, что никакой двери здесь нет. Монах быстро прикинул скорость бегущих и расстояние до двери, которое оставалось преодолеть им самим.

Он бросил мешок с провизией и велел собратьям сделать то же самое. Потом он устремился к двери, крикнув, чтобы ее открыли.

Дверь чуть приоткрылась. Сам Кастинагис успел бы скрыться за ней перед самым носом братьев Покаяния, но другие монахи оказались менее расторопными. Увидев это, Кастинагис промчался мимо двери, крикнув собратьям:

— Немедленно внутрь!

Сам он решил сразиться с братом Покаяния, очевидно их предводителем.

Рослый и сильный Андерс Кастинагис был отличным бойцом с крепкими, словно литыми, кулаками и мощной челюстью, способной выдержать сильный удар. Обучаясь в Санта-Мир-Абель воинскому искусству, он был едва ли не самым лучшим среди ровесников.

Он никак не предполагал, что сейчас ему предстоит схватка со своим бывшим наставником.

Кастинагис резко устремился вперед, намереваясь отбросить противника, нанеся ему несколько быстрых ударов, а затем вернуться к двери и скрыться внутри.

К его полному удивлению, когда он нанес лобовой удар, противник перехватил его запястье и легко вывернул Кастинагису руку. Тот попытался было ударить нападавшего левой рукой, однако, человек в красном капюшоне совершенно неожиданно ударил Кастинагиса по согнутому локтю, раздробив ему кость. Кастинагиса обожгло болью, он понял, что падает. Потом Кастинагис почувствовал, как чья-то сильная ладонь закрыла ему глаза, и дальше он уже ничего не помнил.

Увидев, что возле потайного входа в Сент-Прешес началась схватка, Де'Уннеро решил не добывать свою добычу. Мимо него пробежали братья Покаяния. Из двери на улицу высыпали монахи, намеревавшиеся отбить попавшего в беду собрата.

С другой стороны быстро приближалась разъяренная толпа, сыпавшая проклятиями и швырявшая в монахов камни. За их спинами, в некотором отдалении, слышалось цоканье копыт. Всадники городской стражи, безошибочно понял Де'Уннеро.

Все складывалось как нельзя лучше.

Де'Уннеро подхватил полуживого монаха и поволок в боковую улочку. За ним последовали и братья Покаяния.

Суд над Андерсом Кастинагисом обещал быть скорым и, естественно, правым, ибо его проводил сам брат Истины. Вот он, еще один пример заблуждений, распространившихся повсеместно. Этот монах, как и все его собратья в коричневых сутанах, свернул с пути, указуемого Господом, а значит, и он тоже повинен в распространении розовой чумы.

Больным чумой не менее самого Де'Уннеро нужен был кто-то, на кого можно свалить вину. Им очень хотелось верить Де'Уннеро. И действовать. Поэтому они плотным кольцом окружили несчастного Кастинагиса, и каждый старался плюнуть ему в лицо и побольнее ударить.

На монастырской стене вспыхнула молния. Схватка между монахами и братьями Покаяния разгоралась.

Этот день вполне мог стать последним в жизни Андерса Кастинагиса, но в это время на улочку въехал отряд всадников городской стражи и направился прямо в сторону Де'Уннеро.

Что ж, подумал Де'Уннеро, сейчас он им покажет! Он решил ринуться в бой. Но передумал. Сам он ничего не боялся. Однако, нападая на солдат палмарисского гарнизона, он бросал вызов герцогу — нынешнему правителю города. А это уже ни к чему. До сих пор

солдаты не мешали братьям Покаяния проповедовать на улицах и расправляться с бехренцами. Хитрый и расчетливый Де'Унnero понял, что лучше не ссориться с ними и не превращать во врагов.

Он подскочил к первому приблизившемуся солдату и крикнул, что он и его люди отходят. Солдатам тоже не хотелось вступать в столкновение с Де'Унnero и его бесноватыми братьями. Это не входило в их прямые обязанности. Они действовали так, как велел закон, — они должны были защитить Кастинагиса.

Отойдя в конец улочки, свирепый Де'Унnero наблюдал, как солдаты подхватили избитого Андерса Кастинагиса и понесли в Сент-Прешес, окружив его плотным кольцом и отгоняя пришедших в ярость больных чумой.

Глядя на это зрелище, Де'Унnero довольно улыбался. Да, чума ежедневно собирает свой урожай. Но число разочарованных, отчаявшихся, испуганных, у которых не осталось ничего, кроме лютой ненависти, продолжает расти. Де'Унnero знал, что у него найдется немало союзников в войне против церкви Абея. Нет, не против церкви Абея, ибо задачей Брата Истины было защитить ее. Это война против *нынешней* церкви и тех, кто отдал на поругание ее традиционные ценности.

Он исцелит церковь.

Постепенно, каждый раз по одному монастырю.

По одному *сожженному* монастырю.

— Это был Де'Унnero, — утверждал Кастинагис.

У него вспухла губа, он едва мог говорить, и каждое слово давалось ему с трудом.

— Никто не бьет так точно и быстро, — добавил пострадавший.

— По слухам, именно он возглавляет братьев Покаяния, — со вздохом ответил настоятель Браумин.

— В таком случае, мы отдадим его на суд жителям Палмариса, — зазвенел возбужденный голос Виссенти.

Громко хлопнула дверь приемной, и туда влетел чрезвычайно рассерженный герцог Тетрафель.

— Как вы осмелились... — начал было настоятель Браумин.

— Солдаты герцога сражаются храбро, — раздался за спиной Тетрафеля взволнованный голос монаха, который нес караульную службу у ворот.

Настоятель Браумин сразу все понял. Герцог призвал на помощь своих солдат, чтобы проникнуть в монастырь. Не выгонять же его теперь! Браумин махнул рукой, отпустив встревоженного караульного.

— Полагаю, вас обследовали с помощью камней, — сказал Браумин, хотя он прекрасно знал, что это не так.

Тетрафель лишь презрительно фыркнул.

— Если бы ваши монахи решились подойти ко мне со своими камнями одержания, мои солдаты снесли бы монастырь с лица земли, — дерзко заявил он.

— Здесь — наша обитель, и нам позволено устанавливать свои правила, — заметил ему Браумин.

— А не с помощью ли моих солдат совсем недавно несколько монахов благополучно вернулись в свою обитель? — спросил герцог Тетрафель. — И не мои ли солдаты спасли брата Кастинагиса? Если бы не они, его бездыханное тело валялось бы сейчас в сточной канаве. И после этого вы так встречаете меня?

Браумин ответил не сразу.

— Простите меня, герцог, — наконец сказал он и, выйдя из-за стола, вежливо поклонился. — Конечно же, мы перед вами в долгу. Но поймите и нас. Мы превратили Сент-Прешес в крепость, закрывшись от розовой чумы, и мы вынуждены проверять каждого, кто сюда приходит. Если кто-то из братьев, включая и меня, выходит за пределы цветочного кордона, он тоже подвергается проверке.

— А если окажется, что вы заразились чумой? — недоверчиво спросил Тетрафель.

— Тогда я немедленно покину Сент-Прешес, — ответил Брамин.

Тетрафель усмехнулся и все так же недоверчиво поглядел на настоятеля.

— В таком случае, вы просто глупец.

Настоятель лишь пожал плечами.

— А если я вдруг заболею? — лукаво спросил герцог. — Тогда и меня тоже не пустят в Сент-Прешес? И если это так, то выйдете ли вы со своими братьями за стены монастыря, чтобы помочь мне?

— На первый вопрос отвечаю «да». На второй отвечаю «нет».

Тетрафель умолк, размышляя, затем нахмурился.

— Значит, вы позволите мне умереть?

Солдаты, стоявшие за спиной герцога, беспокойно зашевелились.

— Если вы заболеете чумой, мы ничем не сможем вам помочь.

— Но в древних песнях говорится, что монах может помочь одному из двадцати, — возразил Тетрафель. — Если собрать двадцать монахов, разве они не смогут наверняка спасти их барона?

— Смогут, — вновь кратко ответил настоятель Брамин.

— Но вы их не пошлете, — заключил герцог Тетрафель.

— Нет, — ответил настоятель.

— Несмотря на то, что я рисковал жизнью своих солдат ради вашего спасения! — резко бросил Тетрафель, которому стоило немалых усилий сдерживать нараставший в нем гнев.

— Мы не делаем исключений, — ответил Брамин, — ни для барона, ни для настоятеля, ни даже для самого отца-настоятеля. Если, не дай бог, отец-настоятель Агронгерр заболеет, он будет вынужден покинуть пределы Санта-Мир-Абель.

— Да вы хоть слышите слова, которые произносите? — загремел герцог Тетрафель. — Неужели вы и впрямь считаете, что жизнь двадцати обыкновенных монахов дороже спасения жизни герцога или вашего отца-настоятеля? Молитесь, чтобы чума не коснулась короля Дануба, ибо, если такое случится и ваша церковь не будет готова пожертвовать всеми своими монахами ради спасения короля, светская власть объявит вашей церкви войну!

Настоятель Брамин сомневался, что подобное может случиться. За всю историю Хонсе-Бира церковь и государство никогда открыто не воевали друг с другом. И хотя добросердечному Брамину было тяжело видеть страдания невинных людей, он совершенно не понимал логики рассуждений Тетрафеля. По представлениям настоятеля Брамина, жизнь любого монаха, даже послушника, только что вступившего в орден Абея, имела такую же ценность, как жизнь герцога, короля или отца-настоятеля. И столь же ценной была жизнь каждого из тех, кто нынче страдал и мучился под стенами Сент-Прешес. Да, Брамин Херд тяжело переносил свою беспомощность, но его радовало хотя бы то, что он не одержим высокомерием, свойственным очень и очень многим светским правителям.

— С меня довольно! — пыхтел герцог Тетрафель. — Теперь мне понятно, какой план действий, точнее бездействия, вы избрали, настоятель Брамин. В таком случае, прошу принять к сведению, что я снимаю с себя всякую ответственность за безопасность ваших монахов за пределами Сент-Прешес!

Герцог повернулся и покинул приемную, уводя с собой солдат.

— Хорошо поговорили, — язвительно прошепелявил Кастинагис.

И как подтверждение его словам, по оконному стеклу чиркнул брошенный снаружи камень. Не причинив вреда, он упал где-то во внутреннем дворе.

Начиная со стычки у потайного входа, на протяжении всего дня разгневанные жители Палмариса выкрикивали проклятия и швыряли в сторону монастыря камни.

— Мы потеряли город, — произнес настоятель Брамин.

— Можно попросить помощи у Санта-Мир-Абель, — предложил Виссенти.

Брамин резко покачал головой.

— Отцу-настоятелю Агронгерру хватает проблем, — ответил он. — Жители Палмариса

отвернулись от нас. И мы не сможем вернуть их доверие, даже если возьмем самоцветы и выйдем за стены, чтобы попытаться оказать им помощь.

— Но мы и так ежедневно раздаем припарки, сироп, делимся с ними провизией и теплыми вещами, — вмешался Кастинагис.

— Этого недостаточно, когда люди умирают, — возразил Браумин.

— Нам нельзя покидать монастырь, — сказал Виссенти.

— Тогда и дальше будем прятаться, как делали до сих пор, — подытожил Браумин. — Мы будем по-прежнему посылать больным снадобья и делиться с ними, чем можем. Не сомневаюсь, братья Покаяния подстрекают жителей напасть на монастырь. И если такое случится, мы твердо встанем на защиту Сент-Прешес.

— А если мы потерпим поражение? — мрачно спросил Кастинагис.

— Придется бежать из Палмариса, — ответил Браумин. — Может, в Кертинеллу. Мы могли бы построить там часовню в честь Эвелина.

— Как ты помнишь, ее строительство решено отложить, — заметил Виссенти.

Браумин отмахнулся, словно запрет мало его волновал.

— Быть может, настало время подумать о создании церкви Эвелина. Либо вместе с церковью Абея, если она согласится нам помогать, либо без нее.

Смелые слова настоятеля необычайно удивили Виссенти и Кастинагиса. Да и сам Браумин понимал всю безнадежность подобного замысла. Церковь ни за что не смиритесь с расколом и, скорее всего, вторично объявит Браумина еретиком и проклянет его сторонников. Но пока свирепствует чума, церковь Абея вряд ли решится на это. И за это время Браумин своим милосердным отношением к отчаявшимся и испуганным простым людям сумеет завоевать такой авторитет, что церковь Абея будет вынуждена признать существующее положение вещей.

Виссенти и Кастинагис давно уже ушли, но дерзкие фантазии продолжали роиться в голове Браумина. Потом он разом отбросил их, признав, что ведет себя как впавший в отчаяние глупец. Незачем создавать новую церковь, когда ему и его сторонникам удалось достичь таких значительных успехов внутри существующей церкви. Его главным противником была чума. Даже если ему и удастся построить столь дорогую его сердцу часовню или если он отколется от церкви Абея и создаст собственную религию, что это ему даст? Розовая чума все равно будет убивать людей, а он, Браумин, не сможет этого изменить.

По стене чиркнул очередной камень.

Браумин повернулся к окну, вслушиваясь в крики, доносившиеся с площади. Нет, он не сбежит отсюда. Вместе с собратьями он будет защищать Сент-Прешес. И если весь город ополчится против них, значит, они уничтожат весь город.

Браумину были ненавистны такие мысли. Однако он понимал, что в них есть своя правда и справедливость.

Пони стояла на коленях перед Дейнси, держа ее руку и говоря утешительные слова. Жизнь Дейнси подходила к концу. Так пусть эта несчастная уйдет из жизни с сознанием, что она не одинока и ее любят. Пони было горестно сознавать, что они совсем немного не дошли до цели. Но даже если бы сейчас они каким-то чудом оказались там, возле руки Эвелина, вряд ли это помогло бы Дейнси. Чума в ней успела стать почти полновластной хозяйкой.

— Не бойся, Дейнси, — шептала Пони, пытаясь хоть как-то скрасить последние минуты ее страданий. — Значит, для тебя настало время.

Пони не знала, слышит ли ее больная, но все равно продолжала говорить, продолжала надеяться, что ее слова небесполезны.

Неожиданно чья-то сильная рука схватила Пони за плечо. Она вскочила и увидела рядом Смотрителя, держащего мешочек с самоцветами, которые она рассыпала по дороге сюда.

— Зачем ты... — начала она.

— Забирайся вместе с ней ко мне на спину, — сказал кентавр. — Я повезу вас на

вершину Аиды.

— Н-но, С-смотритель, чума... — заикаясь пробормотала Пони.

— Пусть лезет в постель к дракону и обнимается с ним! — загремел кентавр. — Уж лучше мне умереть от чумы, чем созерцать, как страдают мои друзья!

Пони попыталась возражать; ведь незащищенный кентавр подвергается опасности. Затем ей в голову пришла другая мысль: кто она, чтобы решать за Смотрителя, как ему распоряжаться своей жизнью? Если она рисковала собственной жизнью, пытаясь помочь не только Дейнси, но и совершенно незнакомым людям, то как теперь она может отговаривать Смотрителя?

К тому же она была вполне согласна с ним. Есть вещи и пострашнее смерти.

Она помогла Смотрителю усадить Дейнси ему на спину, потом села позади нее.

— Слушай, все это время ты помогал нам, держась на безопасном расстоянии. Почему ты решился нарушить ваше строгое правило? — спросила Пони.

— Потому что я верю тебе, девонька, — признался кентавр. — Если ты веришь, что рука Эвелина может исцелить, и если ты слышала это от самого Эвелина и от Полуночника, как же я могу сомневаться?

В ответ Пони лишь пожала плечами.

— Постараюсь, чтобы ее не трясло, — пообещал кентавр.

— Она ничего не чувствует, — ответила Пони. — Скорость сейчас важнее. Летим!

Смотритель так и поступил, двигаясь по хорошо знакомой ему тропе. Он добрался до склона Барбаканского горного хребта и свернул в узкую долину, ведущую к Аиде. За время, прошедшее после опустошительного сражения Эвелина с Бестесбулзибаром, земля ожила, и теперь здесь вновь росла густая трава. Все дальше и выше продвигался Смотритель по знакомым тропам.

— Я поднимусь по южному склону, — объяснил он. — Здесь самый короткий путь к площадке. Но подступ к ней очень крутой. С вами на спине я уже не пройду.

— Мне там может понадобится твоя помощь, — сказала Пони.

— Я прискачу сразу, как поднимусь, — пообещал Смотритель.

Они неслись дальше. Иногда Пони приходилось слезать и бежать рядом. На одной скале ей удалось собраться с силами и при помощи малахита перенести Смотрителя и их обоих вверх, сократив тем самым на несколько сот ярдов путь по извилистой тропе.

— Теперь слезай, — сказал кентавр.

Пони прыгнула на землю, затем помогла слезть Дейнси. Смотритель взял ее, не подававшую никаких признаков жизни, на руки и пронес еще немного. Затем помог Пони.

— Давай я подниму тебя малахитом, — предложила она, но Смотритель замахал рукой.

— Я скоро буду с вами, — пообещал он. — А ты побереги силы для Дейнси.

С этими словами он поскакал к другому краю плато, откуда путь к вершине был более пологим.

Пони смотрела на иссохшую руку Эвелина Десбриса, простертую из скалы. Тогда, в момент последнего взрыва, разрушившего гору и уничтожившего телесное воплощение Бестесбулзибара, Эвелин успел оставить на поверхности обломков горы руку, сжимавшую «Ураган» — меч Элбрайна — и мешочек с самоцветами. Он знал, что его друзья обязательно ее заметят. Неизвестно почему — причину Пони так и не могла понять — рука Эвелина сохранилась под натиском непрестанно дувших здесь ветров. Она и поныне была такой же, как в минуту гибели Эвелина, только без меча и самоцветов. От одного вида этой руки Пони вдруг стало спокойно.

Она подхватила Дейнси и вскарабкалась на площадку. Там Пони осторожно опустила Дейнси на камни.

И что теперь?

Пони опустилась на колени перед рукой Эвелина и начала молиться, обращаясь к Эвелину, Элбрайну — ко всем, кто мог дать ей ответ. Лежащая позади Дейнси заматалась, из последних сил сопротивляясь приближающейся смерти.

Пони стала молиться еще горячее. Она взяла камень души и вновь отправилась в то гниющее, зловонное месиво, каким сейчас было тело Дейнси Окоум изнутри. Может быть, здесь, на этом священном месте, она добьется успеха?

Пони сражалась. И снова безуспешно.

— Нет! — закричала Пони, оставив свои попытки и беспомощно рухнув на землю.

Дейнси били судороги. Предсмертные судороги.

— Нет! Указание должно свершиться!

— Это мой завет вам, — раздался позади нее чей-то голос.

Пони обернулась. Перед ней стоял молодой монах. Ромео Муллахи?

Но он же мертв! Он погиб здесь, бросившись вниз. Он посчитал, что лучше разбиться насмерть, чем оказаться в плену у Маркворта.

Пони пробормотала что-то маловразумительное.

— Всякий, вкушивший крови с моей ладони, да не убоится впредь розовой чумы, — произнес Муллахи.

Пони протянула к нему руку — рука прошла сквозь него! Перед ней стоял бесплотный призрак Ромео Муллахи.

Дрожащим от отчаяния голосом Пони повторила его слова.

— Но ты же мертвый! — слышался издали голос поднимавшегося на площадку Смотрителя.

— Я говорю от имени Эвелина, — ответил монах. — Я передаю вам завет Эвелина.

Пони быстро перевела взгляд на высохшую руку и, к несказанной радости, увидела на ладони красноватую жидкость.

Дейнси дико вскрикнула: смерть уже занесла над ней свою безжалостную руку. Но Пони оказалась быстрее. Она рывком подняла Дейнси, поднесла ее лицо к руке Эвелина и прижала ее губы к ладони.

Действие оказалось мгновенным и ошеломляющим. Тело Дейнси внезапно обмякло, но она не умерла. Она заснула! Заснула ровным и спокойным сном, какого не знала уже много дней подряд!

Пони осторожно опустила Дейнси на камни, затем наклонилась и сама поцеловала кровоточащую ладонь. При этом крови ничуть не стало меньше.

Пони почувствовала, как у нее по всему телу разлилось тепло. Значит, чума все-таки прорвалась к ней и начала набирать силу.

Торжество чумы оказалось недолгим. Жар исчез так же внезапно, как и появился.

Всякий, вкушивший крови с моей ладони, да не убоится впредь розовой чумы.

Пони взглянула на Дейнси. Та спокойно спала, ровно дыша во сне. Потом Пони обернулась туда, где стоял Ромео Муллахи, но призрак, передав слова завета, исчез.

К Пони подошел Смотритель.

— У тебя кровь на губах, — сказал он.

— Это кровь Эвелина, — попыталась объяснить Пони, с трудом выговаривая слова. — Вкушение его крови дарует исцеление от розовой чумы. Так сказал...

— Призрак Муллахи, — закончил за нее Смотритель. — Я видел, как он тогда прыгнул. Маркворт и король Дануб уже подбирались к нам. Тогда на них посыпались камни.

— Как это возможно? — спросила Пони.

Смотритель громко расхохотался.

— Я теперь не удивляюсь ничему, что происходит возле этой руки.

Успокоившись, он немного помолчал, потом спросил:

— Уж не думаешь ли ты взять немного крови с собой?

Пони снова взглянула на руку Эвелина.

— Этого делать нельзя, — сказала она. — Вкушать кровь нужно здесь, прикасаясь к его ладони.

— Откуда ты это знаешь? — недоверчиво спросил Смотритель. — Сама придумала?

Пони сурово поглядела на него.

— Наверное, призрак Муллахи подсказал тебе это, — догадался кентавр.

— Нет, — с совершенным спокойствием произнесла Пони. — Это мне только что сказал дух Эвелина.

Смотритель и Пони поглядели друг на друга, потом кентавр подошел к руке Эвелина, наклонился и поцеловал кровоточащую ладонь.

ГЛАВА 37 ВИДЕНИЕ

Никогда прежде Дар не бежал с такой скоростью, как теперь, неся Пони на юг, в Дундалис. Дейнси, к которой с каждой минутой возвращалось бывшее здоровье, ехала на Смотрителе. Кентавру было не поспеть за Даром. Даже по пути в Барбакан, когда Дар вез обеих женщин, Смотрителю приходилось его догонять.

Но Пони было некогда дожидаться своих друзей. Дейнси теперь вне опасности, а кентавр смышлен и ловок, и никакие гоблины ему не страшны. Теперь мысли Пони занимала судьба всего мира, всех жертв чумы, которые должны узнать правду о чуде Эвелина. В ее мозгу роились замыслы. Ей самой чума больше не страшна. Может, теперь ее сражения за исцеление других станут успешнее? Но она не сможет дать людям то, что происходит у могилы Эвелина. Значит, начнутся паломничества в Барбакан. Но как во время странствий уберечь людей от диких зверей и гоблинов, а потом и от холода, когда наступит зима? И как быть с пропитанием? Поманить людей надеждой на исцеление и обречь в пути на голодную смерть?

Слишком много вопросов теснилось в голове Пони, рисуя ей далеко не радужные картины. Однако она твердила себе, что встававшие перед ней трудности — пустяк в сравнении со страданиями больных в любом уголке королевства. Все ее нынешние опасения — пустяк, когда каждый день умирают люди.

Они умирают каждую минуту, — повторяла себе Пони, и потому она неслась в Дундалис почти без остановок. Малахит помогал Дару. Камень души брал часть жизненных сил от оленей, которые встречались им по пути, и передавал их коню. Кошачий глаз позволял Пони видеть в темноте, и она показывала Дару дорогу, чтобы он мог продолжать путь до самой ночи.

В один из вечеров в ярком свете Шейлы Пони увидела вдалеке одинокую фигурку, стоящую на гребне холма к северу от Дундалиса. Пони не удивилась, но на сердце у нее потеплело.

— Эй, Роджер! — крикнула она, направив Дара в его сторону.

Роджер чуть ли не кубарем скатился вниз, бросившись ей навстречу.

— А Дейнси? — кричал он. — Где Дейнси?

— Едет на Смотрителе. Кентавры, сам понимаешь, так быстро скакать не могут.

— Так вы... добрались... до Б-барбакана? — стуча зубами, еле выговорил свой вопрос Роджер. — И Эвелин...

Пони соскочила с Дара. Лицо ее светилось улыбкой, и улыбка эта была красноречивее всяких слов. Роджер Не-Запрещь подбежал к Пони, крепко обнял ее и, несколько не стесняясь, громко заплакал от радости.

Вскоре они были уже в Дундалисе. Кровь Эвелина дала Пони новую силу, и она сразу же начала лечить больных чумой.

Духовный двойник Пони вошел в тело заболевшего мужчины. Теперь зеленое месиво ее ничуть не страшило. Оно больше не прилипало к рукам ее двойника, и Пони усердно сдирала зеленую пленку со всех костей и внутренностей больного.

Уставшая, но довольная, Пони возвратилась в свое тело. Сидя с закрытыми глазами, она, как всегда, заново осваивалась с ним.

— Я исцелен! — услышала она крик больного, вслед за которым раздались многочисленные радостные возгласы.

Пони открыла глаза и увидела в комнате Роджера, Белстера и Томаса Джинджерворта, а также многих других жителей Дундалиса. Те, кому не хватило места, стояли под окном. И все радостно поздравляли ее с исцелением больного.

Но Пони твердо решила с самого начала не давать никаких ложных надежд.

— Нет, ты не исцелен, — довольно жестко возразила она.

Возгласы разом стихли, а у больного вид был такой, словно его сбросили на пол.

— Я дала тебе временную передышку. И для тебя, и для всех остальных существует лишь единственный способ настоящего исцеления.

Пони умолкла и оглядела собравшихся. Все глаза были устремлены на нее, уши ловили каждое ее слово.

— Ты же говорила, что Дейнси вылечилась, — осмелился вставить Роджер.

— Потому что побывала в Барбакане. Вы все должны отправиться в Барбакан и подняться на плоскую вершину горы Аида, где из скалы простерта рука Эвелина Десбриса, — объяснила Пони. — На ладони руки Эвелина вы увидите кровь. Поцелуйте руку и вкусите кровь, и тогда розовая чума будет вам больше не страшна.

— Барбакан? — повторил больной, лицо которого вмиг побледнело.

Собравшиеся тревожно зашептались, повторяя это слово.

Пони вполне понимала их страхи. Само это место, служившее пристанищем демону-дракону, а также длинный и опасный путь на север, пролегающий по диким и глухим краям, мгновенно охладили недавнюю радость. И вновь разум Пони забурлил от множества простых житейских вопросов, связанных с путешествием в Барбакан. Там должны побывать все: и больные, и те, кого чума пока не коснулась.

Но как это сделать?

Пони поднялась в свою комнатку над трактиром. Сейчас ей действительно требовался отдых. Жители Дундалиса просили ее возглавить их паломничество в Барбакан. Пони сказала, что ответит им завтра, хотя уже сейчас знала, каков будет этот ответ. Ее путь лежит не на север, а на юг, в Кертинеллу, в Палмарис и, может быть, дальше. Все должны узнать о том, что возможность исцеления найдена.

Пока у Пони была лишь единственная надежда поведать миру о чуде — заручиться помощью солдат королевской армии и абеликанских братьев. Всех без исключения.

Но даже если это ей и удастся, как обезопасить путь на север, чтобы паломничество туда началось незамедлительно?

Каждая минута приносила людям боль и страдания, и с каждой минутой в могилы и погребальные костры опускали новых умерших.

Пони легла в постель, продолжая обдумывать, какие слова она скажет Браумину, герцогу Каласу, королю Данубу. Она пыталась представить, как Смотритель и Белстер поведут первых паломников. Здесь требовалось быстрое и действенное решение. С этими мыслями Пони заснула.

Она проснулась среди ночи. Она нашла ответ!

Пони высвободила свой дух из тела и понеслась за многие сотни миль на запад.

Вскоре ее духовный двойник очутился в знакомом месте, где ее отнюдь не ждали и где ей вообще не следовало показываться. И все же Пони стала звать властительницу этих мест.

Прошло несколько минут. Пони начала подумывать, а не нырнуть ли ей под завесу, скрывавшую долину Эндур'Блоу Иннинес. Но затем она вдруг почувствовала, что ее куда-то тянет. Это госпожа Дасслеронд с помощью магии своего изумруда пыталась перенести сюда какую-то часть телесного облика Пони, чтобы им было легче беседовать.

Предводительница народа эльфов стояла перед ней, и глаза госпожи Дасслеронд угрожающе сверкали. На этот раз она была не одна. Чуть поодаль Пони увидела других эльфов, многие из которых держали в руках маленькие, но бьющие без промаха луки. Пони инстинктивно опустила глаза и обнаружила, что почти целиком находится в своем теле. Значит, лучники госпожи Дасслеронд вполне могли подстрелить ее.

— Насколько я помню, мы с тобой все уже обсудили в прошлый раз, — сурово

произнесла предводительница эльфов. — Наши границы закрыты и для тебя, Джилсепони, и для всех остальных людей.

— Положение изменилось, — попыталась объяснить Пони.

— Оно ничуть не изменилось! — настойчиво возразила госпожа Дасслеронд, сощуривая свои золотистые глаза. — Чума — это забота людей. Мы не позволим ни ей, ни тебе проникнуть в пределы Эндур'Блоу Иннинес. А теперь уходи отсюда. Сейчас я освобожу твоё тело и надеюсь, что твой дух последует за ним. Твой дух должен это сделать, иначе, Джилсепони, тебе грозит смерть.

— Я нашла лекарство от чумы! — крикнула ей Пони, отчего глаза предводительницы эльфов широко раскрылись.

— Рука Эвелина. Там, в Барбакане, на горе Аида, — поспешила объяснить Пони. — Та самая рука, которая однажды явила чудо и истребила гоблинов. Ладонь руки кровоточит, и эта кровь, госпожа Дасслеронд, — кровь Эвелина — приносит излечение больным и даёт защиту здоровым.

— Чума не коснулась нашего народа, — сухо ответила госпожа Дасслеронд. — Зачем тебе понадобилось прийти к нам с этой вестью?

— Чтобы вы знали об этом и, если чума вдруг проникнет к вам в долину, могли исцелиться, — ответила Пони.

Госпожа Дасслеронд задумалась, затем кивнула.

— Полагаю, мы напрасно осудили твоё появление здесь, — призналась она. — Прими нашу благодарность за принесённое тобой известие. Если понадобится, мы вспомним твои слова.

— Но я нуждаюсь в вашей помощи, — без обиняков продолжала Пони. — Уже в ближайшие дни в Барбакан устремятся люди. Они отправятся туда десятками, сотнями. Пока поступит помощь от короля Дануба и абеликанских монахов, путь паломников будет сопряжён со многими опасностями. В первую очередь с угрозой нападения гоблинов и угрозой голода.

— И что ты ожидаешь от народа тол'алфар? — спросила Дасслеронд, голос которой вновь зазвучал жестко.

— Я ничего не ожидаю, — ответила Пони. — Я прошу, чтобы вы на некоторое время предоставили нам помощь. Эльфы могли бы значительно помочь людям в пути. Ваш народ мог бы отгонять гоблинов и оставлять на дороге пропитание. При этом эльфам вовсе не нужно соприкасаться с людьми. Вы могли бы...

— Довольно! — прервала её госпожа Дасслеронд. — Мне понятен ход твоих мыслей.

— Моя просьба будет услышана?

Госпожа Дасслеронд не пошевелилась.

— Уходи отсюда, Джилсепони, — велела она.

Пони хотела было возразить, но внезапно ощутила знакомое состояние: её тело вновь разъединялось с духом, возвращаясь в комнатку над трактиром. Духовные глаза Пони видели, что госпожа Дасслеронд скрылась за завесой тумана. Пони хотелось броситься следом и потребовать ответа. Но она знала: если она это сделает, изумруд госпожи Дасслеронд снова вернет её телесную оболочку, и тогда эльфы её убьют.

На следующее утро, когда Смотритель и Дейнси прибыли в Дундалис, они увидели, что весь город готовится к путешествию на север. Дейнси встретили громкими, радостными возгласами.

— Тебе придется вновь отправиться в Барбакан, чтобы отвести туда людей, — сказала Пони, подойдя к Смотрителю.

У Дейнси от радости засияли глаза.

— Конечно. Смотритель и мы с Роджером.

Пони отрицательно покачала головой.

— Мне без тебя никак, — сказала она. — Мы должны отправиться в Палмарис, а

может, и дальше, чтобы рассказать людям о чуде исцеления и убедить их совершить паломничество в Барбакан.

— Что ж, поедем на юг, — сказал Роджер.

— Нет, Роджер, ты отправишься на север.

Парень попытался возразить, но был сражен простым доводом Пони.

— Ты ведь еще не вошел в завет с Эвелином, — напомнила она.

— Я не хочу расставаться с Дейнси, — заявил он, бросая нежные взгляды на жену.

— Вы обязательно будете вместе, — пообещала Пони, — но не сейчас.

Она взяла Дейнси за руку и буквально силой оттащила от Роджера.

— Ты поедешь на Грейстоуне, а я — на Даре.

— Вы уезжаете? — взвился Роджер. — Прямо сейчас? Она только вернулась, надо хотя бы отдохнуть с дороги. Мы еще даже...

— Пока мы ждем, каждую минуту кто-то умирает от чумы, — сказала Пони. — Разве ты сам не знаешь? И, зная это, ты по-прежнему будешь настаивать, чтобы мы задержались в Дундалисе?

Роджер умоляюще взглянул на Пони, затем — нежно и с любовью — на Дейнси, после чего вздохнул и поцеловал жену.

— Тогда счастливой и быстрой вам с Пони дороги на юг, — сказал он.

— Не с Пони, — воскликнула Джилсепони.

Слова вырвались у нее неожиданно. Роджер и Дейнси удивленно переглянулись. Может, Пони передумала и Дейнси придется ехать на юг одной, а она сама вновь отправится в Барбакан? Пони посмотрела на них твердым и решительным взглядом.

— С Джилсепони, — объявила она. — Пони — это женщина, тихо жившая в Дундалисе. На юг я отправляюсь как Джилсепони.

Роджер задумался над ее словами, потом утвердительно кивнул.

— Тогда легкой вам дороги, Дейнси и Джилсепони, и быстрых коней, — сказал он. — Отправляйтесь не мешкая.

Через несколько минут они обе покинули Дундалис.

— Говорил я тебе, что она найдет свое сердце, — напомнил Роджеру Смотритель, когда они смотрели вслед быстро удалявшимся всадникам.

— Опять спасает мир, — довольно язвительно заметил раздосадованный Роджер.

— В ней снова горит огонь, — засмеялся кентавр. — Теперь она готова идти и сражаться рядом с Браунином против чумы. И против герцога, если не захочет слушать, а то и против самого короля. Помнишь, как она ехала по Палмарису, когда этот дурень Маркворт совсем встал ей поперек горла? — все так же смеясь, спросил Смотритель.

Роджеру, вспоминая об этом, совершенно не хотелось смеяться. Он прекрасно помнил то страшное шествие Джилсепони через весь город. Наверное, все, кто видел яростную мощь разгневанной женщины, запомнили это зрелище очень и очень надолго.

— Ну, чего грустил? — спросил Смотритель, ощутимо хлопнув Роджера по плечу. — Не ты ли ныл, когда она вернулась сюда, отказавшись править и городом, и церковью? А теперь, парень, чего хотел, то и получил!

— Может, она и впрямь сумеет что-то изменить, — согласился Роджер.

— Хотя бы для себя, — сказал кентавр, и его слова вызвали удивленный взгляд парня. — Смотри, приятель: тебе в жизни нужна цель, так? Без цели ты пустое место. Она сейчас ощущает в себе силу и понимает ответственность, какую эта сила несет с собой. Если она прохлопает эту силу, даже не попытавшись ею воспользоваться, жизнь для нее снова лишится цели. А такую рану уже ничем не исцелишь.

— Думаешь, она их всех одолеет? — спросил Роджер.

— Ты же в свое время не знал, что одолеешь, так и Пони не знает, — ответил Смотритель. — Но ты сумел провести свои жизненные битвы, одну за другой, вложив туда все силы. Можешь не сомневаться: Пони поможет королевству и простым людям, у которых сейчас нет никакой надежды. Сотни и тысячи их заживут лучше, а если и нет, то уж, во

всяком случае, останутся в живых. Так как может Пони отмахнуться от своего призвания?
— Джилсепони, — поправил его Роджер.

Они надвигались и надвигались на него. Он чувствовал, как от них пахнет торфом. Их безжизненные глаза смотрели на него, завидуя его теплой плоти. Он попытался бежать. Прежде ему всегда удавалось скрыться от них. Но в этот раз живых мертвецов было намного больше, а их движение приобрело некий согласованный характер. Куда бы он ни поворачивался, отовсюду к его горлу тянулись их руки.

Он ударил ногой одного из них, потом развернулся и ударил в лицо другого. Тот даже не вздрогнул.

Тогда он, шатаясь от страха, попытался найти хоть какую брешь между мертвецами и вырваться. Но они окружили его плотной стеной — грязные, смердящие, гниющие мертвецы. Бежать было некуда.

Он крикнул, зовя своих спутников, и вскоре понял, что он здесь совершенно один.

Он попытался сражаться, но сражение было коротким. Его повалили на спину. Живые мертвецы наседали на него, придавливая собой, и он куда-то погружался... все глубже и глубже!

Герцог Тетрафель с криком проснулся. Его пальцы остервенело цеплялись за простыни и одеяла. Он вел отчаянный бой с простынями, пока не своротил постель и не оказался на полу. Какое-то время герцог продолжал кричать, потом завеса сна рассеялась. За крепкими стенами Чейзвинд Мэнор было утро.

Он не сразу поднялся. Сон этот был для Тетрафеля отнюдь не новым. Он преследовал герцога с того самого момента, когда живые мертвецы, направляемые маленькими человечками, уничтожили почти весь его отряд, а сам он спасся бегством. Этот сон преследовал его и в Урсале, и здесь, в Палмарисе.

Однако сегодня ему впервые не получилось вырваться от живых мертвецов. Они его поймали. Что бы могла означать такая перемена? Размышления герцога Тетрафеля были прерваны появлением встревоженного слуги.

— Ваша светлость! На вас напали? — испуганно закричал слуга.

Тетрафель негромко рассмеялся и махнул рукой, сдерживая этого заботливого дурня. Тот действительно остановился, но его лицо почему-то сделалось еще более испуганным. Слуга отодвинулся на несколько шагов, не переставая таращить на герцога глаза. Потом он замотал головой и стал пятиться назад.

— Что случилось? — спросил герцог.

Слуга молчал, словно утратил дар речи. К этому времени он почти достиг двери спальни.

— Да говори же, дурак! — потребовал Тетрафель. — Что...

Не дослушав вопрос герцога, слуга опрометью бросился прочь из спальни.

Тетрафель, продолжая все так же сидеть на полу среди нагромождения простыней и одеял, долго глядел на раскрытую дверь, не понимая, что произошло.

И вдруг он понял! Так вот почему сегодня во сне ему не удалось спастись от мертвецов!

Герцог очень медленно поднес к глазам руку и так же медленно повернул ее.

Розовые пятна.

Тетрафель не закричал. Он завопил на весь дворец.

Настоятель Браумин шел по тихим коридорам Сент-Прешес, беспокойно потирая руки. Сегодняшний день не предвещал ничего хорошего. Палмарис стал неуправляемым городом, и по его улицам катились тревожные и страшные слухи. А тут еще какой-то странный посетитель, которого Виссенти посчитал возможным допустить в монастырь. Разумеется, после проверки.

Настоятель подошел к двери и остановился, переводя дыхание и пытаясь успокоить

бешено колотившееся сердце. Потом он распахнул дверь и увидел ожидавшего его Шамуса Килрони.

— Брат Виссенти сообщил мне о том, что человек, желающий меня видеть, одет в дорожное платье, — сказал настоятель, стремясь говорить как можно непринужденнее.

— Да, мой друг, и чем длиннее будет дорога, тем лучше, — ответил Шамус, подходя к нему и обмениваясь рукопожатием. — С меня довольно. Больше мне здесь делать нечего.

— Твой отъезд — ощутимая потеря, — заметил Браумин.

— Палмарису грозит катастрофа, и она неминуемо разразится вне зависимости от того, останусь я здесь или уеду, — возразил Шамус. — До тебя уже дошли слухи?

— До меня ежедневно доходит множество слухов, — признался Браумин. — Трудно отличить правду от вымысла.

Шамус, усмехнувшись, кивнул. Он понял, почему настоятель ответил так уклончиво. Да, Браумин слышал о том, на что намекал Шамус Килрони. Настоятельно трудно было что-либо скрыть.

— Это не слухи, — мрачно сказал Шамус. — Герцог Тетрафель действительно заболел чумой и даже сейчас продолжает метаться в панике по Чейзвинд Мэнор.

— Его вполне можно понять, — с сочувствием произнес Браумин.

— Теперь, когда его дворец перестал быть надежной крепостью, он обратится за помощью в Сент-Прешес, — сказал Шамус.

— Мы с ним уже говорили об этом...

— Ему сейчас плевать на те разговоры, — резко перебил Браумина Шамус. — Можешь не сомневаться: отчаяние приведет его к вашим воротам.

Шамус вскинул руку, зная, что сейчас скажет Браумин.

— А вы не пустите его на порог. Поэтому я и уезжаю, друг мой. По сути, катастрофа уже началась, и я не хочу дожидаться конца.

Последние слова Шамуса, а также его утверждение, что Тетрафель обратится к монахам за помощью, объяснили Браумину все. Под катастрофой этот гвардеец подразумевал вовсе не дальнейший разгул чумы. Он говорил о грядущей буре, которая непременно разразится, когда Сент-Прешес откажет герцогу Тетрафелю в помощи. Шамус (и это показалось Браумину вполне логичным) предвидел назревающие в Палмарисе события. В городе вспыхнет грандиозный бунт. Нет, даже не бунт, а настоящая война между Тетрафелем и монастырем. Браумин считал, что они уже потеряли город. Появление в Палмарисе Де'Унnero и его братьев Покаяния делало положение еще более опасным. Если герцог Тетрафель, до сих пор сохранявший определенный нейтралитет, поддержит Де'Унnero и начнет будоражить население, монастырю придется ой как туго!

— И куда же ты поедешь? — спросил своего друга Браумин.

— Думаю, на север, — ответил Шамус. — В Кертинеллу или даже дальше. Возможно, заберусь в Тимберленд.

— Неужели ты ничем не можешь нам помочь? — печально спросил Браумин.

— Неужели вы ничем не можете помочь герцогу Тетрафелю? — вопросом на вопрос ответил Шамус.

Настоятель Браумин обвел взглядом помещение, потом поднял глаза к небу и беспомощно покачал головой.

— Тогда молись за нас, друг, — сказал настоятель.

Шамус Килрони кивнул, потрепал Браумина по плечу и ушел.

Настоятель Браумин ничуть не осуждал этого человека. Честно говоря, он очень сожалел, что не может бежать из Палмариса вместе с Шамусом.

ГЛАВА 38 ЧУДО ДЛЯ ФРЭНСИСА

Фрэнсис безуспешно молотил по зеленому месиву чумы, которое булькало и

пузырилось под его руками. Он знал, что жить этой женщине осталось совсем недолго. Но он не мог просто смотреть, как умирает еще один человек. Третий за последние три дня.

И Фрэнсис продолжал бороться. Он не только стремился хоть немного продлить жизнь этой несчастной; он боролся с чумой, чтобы не потерять смысл своего существования.

Он даже не заметил, что сегодня чума в теле больной почему-то не набросилась на его духовный двойник с прежней яростью, а потому и не задумался об этой странной перемене и ее последствиях.

Вскоре он вышел из тела больной, сумев лишь немного облегчить ей страдания. Он пристально взглянул на обреченную женщину, затем повернулся, чтобы уйти. И вдруг окружающий его мир бешено завертелся.

Фрэнсис упал лицом вниз.

Задыхаясь, отец-настоятель Агронгерр бежал к главным воротам, где на воротной башне уже находились Бурэй, Мачузо, Гленденхук и множество других монахов. Он протиснулся сквозь толпу братьев и, оказавшись у стены, устремил свой пристальный взор за цветочный кордон. Туда же, куда внимательно смотрели и остальные.

На земле лежал брат Фрэнсис, и его голову бережно поддерживала та самая одноглазая женщина, которую многие больные требовали причислить к лику святых.

— Чума поразила и брата Фрэнсиса, — негромко пояснил магистр Мачузо.

— Розовое пятнышко, беленький кружочек, — сухо произнес магистр Бурэй. — Древние песни не лгут.

Многие вполголоса соглашались с его мнением и творили знамение вечнозеленой ветви.

Картина, которую развернуло перед отцом-настоятелем Агронгерром это туманное утро, подавляла его. Он, живший на свете дольше, чем Фрэнсис, понимал, что переживет этого молодого монаха. Агронгерр восхищался мужеством Фрэнсиса, радовался несколькими победам, которые тот одержал над чумой. Но более всего отец-настоятель восхищался главной, величайшей победой Фрэнсиса. Покинув монастырь, все эти месяцы Фрэнсис неустанно трудился, помогая больным, и до сих пор чума чудесным образом щадила его.

И вот в одно мгновение все рассыпалось в прах. Даже отсюда было видно, что Фрэнсис серьезно болен. Обычное утомление не свалило бы его с ног.

— Потому мы и должны внимательно относиться к словам старых песен, — продолжал Фио Бурэй.

Казалось, он говорил так, будто произносил перед собравшимися речь.

— Братья, жившие прежде нас, оставили нам в дар свою мудрость. И какими же глупцами мы окажемся, если не прислушаемся к их словам!

И вновь собратья поддержали Бурэя, отчего отца-настоятеля Агронгерра внутри даже передернуло. С точки зрения здравого смысла однорукий магистр, разумеется, был прав, и он сам вовсе не намеревался броситься и настежь распахнуть монастырские ворота. То, что задевало Агронгерра, относилось к области духа. Старику претил сам тон Бурэя, весь его праведный пафос; ему были невыносимы эти явные вздохи облегчения, вырывавшиеся у тех, кто сейчас пребывал в относительной безопасности, защищенный толстыми каменными стенами и густыми ароматами цветочного кордона.

— Вам доставляет удовольствие видеть брата Фрэнсиса поверженным? — вдруг спросил Агронгерр.

У Бурэя округлились глаза. Гленденхук глотнул воздух, почти не веря, что отец-настоятель может сказать такое. Даже Мачузо стал беспокойно переминаться с ноги на ногу.

Однако Агронгерр не ограничился только вопросом.

— Пусть каждый из вас запомнит брата Фрэнсиса и принесенную им жертву, — жестко произнес он, попеременно глядя на собравшихся. — Если вы, видя брата Фрэнсиса сраженным болезнью, где-то в глубине души испытываете облегчение и убеждаетесь в правильности избранного нами пути, если кто-то из вас считает этого человека глупцом,

заслуживающим подобной участи, тогда я жду вас сегодня же на таинстве Покаяния. Мы прячемся за стенами, потому что этого от нас требует учение церкви. Но каждый из нас должен был бы испытывать сожаление, что мы не обладаем таким мужеством, как брат Фрэнсис, таким состраданием и милосердием. Сейчас, когда конец его близок, можно, глядя на брата Фрэнсиса, сознать правыми самих себя, но не его. А можно скорбеть, ибо мы теряем настоящего героя.

Агронгерр глубоко вздохнул и, бросив взгляд на Фио Бурэй, быстро пошел прочь. Ему необходимо было побыть одному в тишине своих покоев.

Братья, оставшиеся на воротной башне, перешептывались и качали головами.

— Ты пойдешь на таинство Покаяния? — спросил Бурэй магистр Гленденхук.

Однорукий магистр пренебрежительно усмехнулся.

— Не могу отрицать: жизнь брата Фрэнсиса направляли возвышенные чувства, но ход его мыслей был ошибочным, — довольно громко, чтобы привлечь внимание остальных, произнес Бурэй.

Слова эти явно противоречили недавно сказанным словам отца-настоятеля, что вызвало удивленный шепот и даже возгласы.

— Не надо доверять моим словам, ибо они — не более как мое личное мнение, — продолжал Бурэй.

Он повернулся в сторону поля и драматично махнул рукой туда, где лежал Фрэнсис.

— Доверяйте тому, что вы видите собственными глазами. Брат Фрэнсис забыл об учении, поскольку его сердце было слабым, ибо ему было невыносимо слушать стенания умирающих. Что же, мы верим в искренность его чувств. По мы должны понимать, чем на деле обернулся его поступок. Возможно, его сострадание и милосердие, являющиеся великим даром, в какой-то мере оправдали его своеволие в глазах Бога, с которым он вскоре встретится. Но хватит ли ему этой малой толики оправдания теперь, когда нужно отвечать за отказ принять на себя большую ответственность? Я говорю об ответственности, возложенной на всех нас, — служить преемниками традиций церкви и защищать от грозящей опасности розовой чумы отнюдь не наши бранные тела, а саму церковь. Так допустимо ли нам по примеру Фрэнсиса выйти на поле, чтобы вскоре лечь в могилы? — с пафосом продолжал Бурэй. — Мы знаем, чем это чревато. Наша сиюминутная жалость толкает все земли королевства в полную и беспросветную тьму!

Его уход с башни был не менее впечатляющим, чем уход Агронгерра.

Магистр Гленденхук вместе с собратьями глядел, как Бурэй удаляется стремительными шагами. Гленденхук был убежден, что присутствовал при начале жестокого противостояния. Теперь его друг Фио Бурэй не отступит. Если зрелище смертельно больного Фрэнсиса хоть как-то повлияет на решимость отца-настоятеля и тот допустит малейшие послабления относительно всей этой толпы больных, однорукий магистр будет бороться с Агронгерром до конца.

Перед мысленным взором Гленденхука встала картина: там, на поле, лежит уже не Фрэнсис, а Агронгерр, и новый отец-настоятель Фио Бурэй взирает на него с воротной башни Санта-Мир-Абель.

В эту самую минуту подобный ход событий казался вполне вероятным.

Брата Фрэнсиса разбудили звуки, которые он принял за пение ангелов, — стройный хор радостных голосов, звучащих с небес. Открыв глаза, он увидел, что так оно и есть.

Его окружали десятки больных. Взявшись за руки, они пели молитву. Он помнил, что некоторые из поющих еще вчера были настолько слабы, что даже не могли стоять на ногах. Но сейчас, при поддержке соседей, они стояли и, невзирая на боль, улыбались.

Фрэнсис повернулся на бок и с огромным трудом встал. Он медленно обвел глазами поющих, принимая их любовь и отдавая им любовь своего сердца.

Сунув руку в карман, Фрэнсис ужаснулся, не обнаружив столь драгоценного для него камня души. Его глаза скользнули по земле. Только бы никто из Санта-Мир-Абель не выкрал

у него камень!

Словно в ответ на страдальческое выражение его лица, к нему подошла хрупкая, изуродованная, одноглазая женщина и протянула руку. На ладони лежал серый камень.

— Спасибо, Мери, — прошептал Фрэнсис, беря камень. — Моя работа еще не кончена.

— Они молятся за тебя, брат Фрэнсис, — ответила Мери. — Каждый из них отдает тебе свое сердце. А теперь бери камень и лечись.

Фрэнсис улыбнулся. Увы, такое было невозможно, даже если бы он и захотел. Но он не хотел. Он знал, что болен и что чума пожирает его, как хищник. Тем не менее брат Фрэнсис не боялся своей участи.

— Мы все будем петь для тебя, брат Фрэнсис, — продолжала Мери Каузенфед.

Присмотревшись, он увидел, как из ее единственного глаза струятся слезы.

Слезы по нему! У Фрэнсиса перехватило дыхание. Неужели он настолько глубоко затронул сердца этих людей, что они так заботятся о нем? Он взглянул на умирающих. На тех, кого не мог спасти и кто знал, что он не может их спасти. И все же они плакали о нем! Они молились за него!

— Мы не позволим розовой чуме забрать тебя, брат Фрэнсис, — решительно заявила Мери Каузенфед. — Мы будем молиться Богу! Мы будем кричать Богу! Он не возьмет тебя от нас! Не бойся, мы сотворим для тебя чудо!

Фрэнсис взглянул на нее и улыбнулся самой искренней и нежной улыбкой, какая никогда еще не появлялась на его обычно хмуром лице. Он обречен. Фрэнсис не питал иллюзий на этот счет. Он чувствовал, как чума пожирает его тело. Нет, даже камень души здесь не поможет. Как не помогут ему и эти люди. Чума одолеет и отнесет к стопам Бога для последнего суда.

Впервые за многие годы брат Фрэнсис Деллакорт чувствовал, что не боится этого суда.

— Мы сотворим для тебя чудо! — громко повторила Мери Каузенфед, и множество людей подхватили ее слова.

«Они не поняли», — подумал Фрэнсис. Они уже сотворили для него чудо, хотя и совсем не то, о котором сейчас молились.

Они сотворили для него чудо. Настоящее чудо.

ГЛАВА 39 ЗВЕРИНАЯ ЯРОСТЬ

Он слышал громкие, сердитые крики, и их звук лишь подхлестнул его. Недалеко от монастыря слышались также цокот лошадиных копыт и звон доспехов.

Маркало Де'Унnero замедлил шаг, и идущие за ним братья Покаяния тоже. Кто знает, может, солдаты герцога Тетрафеля вновь решили навести порядок. Это не остановило Де'Унnero, и он продолжал двигаться вперед. Ничего, он найдет возможность хоть немного испортить жизнь Браумину и другим еретикам, засевшим в Сент-Прешес.

Вывернув на площадь, Де'Унnero просиял. Там собрался чуть ли не весь гарнизон Палмариса, однако солдаты не делали никаких попыток сдержать толпу. Наоборот, многие из них даже подбадривали этих оборванцев.

«Похоже, злость у черни нарастает, и теперь они не оставят в покое монастырь», — удовлетворенно подумал Де'Унnero.

Он повернулся к едущим сзади собратьям.

— Наш призыв наконец-то услышан, — возбужденно произнес Де'Унnero. — Настает час нашей славы. Идемте к ним, покинутым овцам нашего стада, и поведем их на бой против еретиков!

Братья Покаяния пронзительно закричали, потрясая в воздухе сжатыми кулаками. Они устремились к той части площади, что непосредственно примыкала к монастырю. Красные капюшоны были надвинуты на глаза. Фалды черных сутан развевались от быстрой ходьбы.

Де'Унnero знал, что рискует, но он не чувствовал страха. На этот раз солдаты не станут

препятствовать ни ему, ни его последователям. Наступали иные времена.

— На площади — братья Покаяния, — прорычал Андерс Кастинагис. — И с ними — Маркало Де'Уннеро.

Браумин Херд наблюдал, как толпу охватывает все большее безумие, а вместе с ним зреет бунт.

— Герцог Тетрафель тоже здесь, — сказал Браумин, махнув рукой в дальний конец площади.

Там, за цепью угрюмого вида солдат, стояла богато украшенная карета.

— Все это — с его ведома, — добавил Браумин.

— Он зол и испуган, — сказал брат Талюмус.

— И вдобавок глуп, — вставил Кастинагис.

— Разве мы не можем объявить людям, кто он на самом деле? — беспокойным голосом спросил брат Виссенти. — Я говорю про Де'Уннеро. Здешние жители его ненавидят. Они наверняка не пошли бы за ним, если бы знали...

— Страх перед розовой чумой сильнее ненависти к Де'Уннеро, — перебил его настоятель Браумин. — Да, мы можем объявить им, кто он на самом деле. На кого-то это подействует, но нам мало чем поможет. Поймите, основной зачинщик мятежа — герцог Тетрафель. Братья Покаяния лишь пришли им на подмогу.

Довод настоятеля был вполне логичен, и именно эта логика еще больше встревожила монахов.

— Я уже говорил вам, что город мы потеряли, — продолжал Браумин. — Доказательства налицо.

— Им не прорваться через стены, — решительно заявил брат Кастинагис. — Даже если солдаты герцога вздумают атаковать ворота.

— Мы отбросим их назад, — согласился Виссенти.

— Нет, — возразил Браумин Херд. — Я не допущу, чтобы стены Сент-Прешес оказались запятнаны кровью испуганных и отчаявшихся жителей Палмариса.

— Что же тогда делать? — спросил брат Кастинагис, поскольку странное заявление настоятеля повергло их всех в замешательство.

Братья недоумевали: разве не Браумин совсем недавно требовал, чтобы они защищали Сент-Прешес?

Настоятель Браумин кивнул. По его лицу было видно, что он знает нечто такое, чего не знали остальные. Возможно, у него имелся какой-то ответ.

— Не горячитесь, братья, — сказал Браумин и, оставив их, быстро зашагал по коридору в свои покои.

Изумленно переглянувшись с собратьями, Мальборо Виссенти поспешил вслед за своим старым другом.

Он нагнал настоятеля в небольшой комнате, служившей Браумину передней. Браумин звенел ключами. Ему требовался ключ от одного из ящиков его внушительного письменного стола, где хранился основной запас самоцветов Сент-Прешес.

— А-а, значит, ты решил вооружить братьев, — сделал вывод Виссенти, увидев, как Браумин подошел к заветному ящику. — Но ты же только что сказал...

— Нет, — возразил Браумин. — Я не хочу, чтобы наши стены были политы кровью невинных людей.

— Но тогда... — начал было спрашивать Виссенти и тут же умолк, заметив, что настоятель взял всего лишь один камень.

Камень души.

— Я выйду к ним, — пояснил настоятель Браумин. — Возьму камень исцеления и пойду к герцогу Тетрафелю.

— Зачем? — спросил ужаснувшийся Виссенти.

— Чтобы попытаться, — ответил Браумин. — Если я попытаюсь ему помочь, быть

может, он прекратит бунт.

Браумин повернулся, чтобы выйти, однако Виссенти загородил ему дорогу.

— Они не остановятся! — кричал этот низкорослый и вечно чем-то обеспокоенный человек. — Ты сам знаешь, что не сможешь вылечить Тетрафеля. Если ты потерпишь неудачу, это будет лишь на руку этому дракону Де'Уннеро. Он тут же скажет: если бы Бог был на твоей стороне, ты бы сумел исцелить герцога.

— Но сам-то он лишь разглагольствует о мудрости «истинного Бога», однако никого не исцеляет, — заметил Браумин.

— А он и не утверждает, что способен исцелять, — тут же возразил ему Виссенти. — Он лишь утверждает, что чума будет продолжаться до тех пор, пока церковь не одумается.

Настоятель Браумин тряхнул головой.

— Я пойду к Тетрафелю, — объявил он Виссенти, а также подошедшим Талюмусу и Кастинагису. — Возможно, у меня ничего не получится, но, по крайней мере, я попытаюсь.

— Потому что ты трус, — прозвучал у него за спиной резкий голос Виссенти.

Браумин остановился, пораженный горячностью обычно робкого Виссенти.

Настоятель медленно повернулся. Выражение на лице его друга было суровым и неприязненным.

— Трус, — непривычно низким голосом повторил Виссенти.

Браумин удивленно покачал головой. Ведь он как-никак собирался выйти за пределы монастыря, чтобы бороться с розовой чумой. Имеет ли его друг право называть это трусостью?

— Ты хочешь пойти к герцогу, зная, что этого делать нельзя. Ты боишься, что герцог будет подстрекать народ, когда они толпой бросятся на наши стены.

— Им не прорваться сюда! — в очередной раз заявил брат Кастинагис. — Даже если весь город соберется возле наших ворот!

— Разве ты не видишь, что тобой движет страх? — продолжал Виссенти, возбужденно бегая вокруг Браумина. — Ты боишься, что для защиты монастыря нам действительно придется пойти на те меры, о которых ты сам же говорил. Ты не хочешь нести ответственность за бойню! Вот в чем все дело!

Поведение Виссенти окончательно ошеломило Браумина.

— А когда ты выйдешь и потерпишь неудачу, они все равно пойдут на нас, — бушевал Виссенти. — Если не под командованием умирающего Тетрафеля, то под командованием Де'Уннеро. И тогда уже нам придется бороться в одиночку, без настоятеля. Значит, ты трус, — повторил Виссенти, дрожа всем телом. — Ты знаешь, что нам придется делать, но тебе не хочется пятнать свои руки кровью!

Браумин посмотрел на Кастинагиса и Талюмуса и встретил их холодные взгляды.

— И все это поставит нас в еще худшее положение, — подытожил Виссенти. — Чем тогда мы сможем оправдать наш отказ помогать простым людям, если ты, поправ все принципы, отправишься к герцогу? Чем мы ответим на их проклятия, когда ты ясно дашь понять, что монахи, прячущиеся за стенами монастыря, — просто трусы?

Эти слова проняли Браумина до глубины души. Никто еще не называл ему с такой беспощадной наглядностью истинные причины, определяющие стратегию церкви во время эпидемии чумы. Но еще больше удивило троих друзей поведение настоятеля. Он вдруг рассмеялся, и смех его вовсе не был ироничным. В нем слышалась полная растерянность.

— Спасибо тебе, мой друг Виссенти, что все мне растолковал, — сказал Браумин. — Теперь я понимаю, почему мне нельзя туда идти.

Он растерянно качал головой. Виссенти бросился к нему и крепко обнял.

— Но мы не будем проявлять жестокость к тем, кто пойдет на штурм, — распорядился Браумин. — Разумеется, мы должны обороняться, однако постараемся избежать кровопролития. Пусть наши молнии будут оглушать нападавших, сбивать их с ног, но по возможности никого не убьют.

Кастинагису такое распоряжение вовсе не понравилось, однако он вместе со всеми

кивнул в знак согласия.

Приехав в Кертинеллу, Шамус Килрони понял, что чума добралась и сюда. Это его не удивило. Его удивило другое: жители города были исполнены надежды и решимости. Еще более гвардейца удивило, что в Кертинелле не существовало черты, за которую изгоняли заболевших. Наоборот, к этим людям относились заботливо и внимательно. Столь милосердное отношение к ближним взволновало Шамуса, однако он не мог не задаться вопросом: а не сошли ли жители Кертинеллы с ума?

Вскоре после приезда он встретился с предводительницей Кертинеллы, которую звали Джанина-с-Озера.

— Я тоже заболела, — довольно спокойно сообщила Джанина, закатав рукава и показав ему заметные розовые пятна. — Думала, дни мои сочтены.

— Думала? — недоверчиво повторил Шамус и сам не заметил, как отодвинулся от больной женщины.

— Думала, — твердо произнесла Джанина, наградив Шамуса решительным взглядом. — Но теперь у меня другие мысли. Я знаю, что можно бороться и остаться в живых.

Шамус не отрываясь глядел на нее, и в глазах его читалось недоверие.

Джанина громко расхохоталась.

— Представь себе, думала! — еще раз повторила она. — Но потом Пони... нет, теперь она хочет, чтобы ее называли Джилсепони... она приехала к нам и рассказала о том, как можно исцелиться.

Шамус вздрогнул. Должно быть, его давняя подруга Джилсепони навидалась немало страданий и, подобно братьям Покаяния, тоже выдумала какую-нибудь чушь о причинах розовой чумы.

— Она вылечила Дейнси Окоум. Что смотришь? Да, вылечила, — упрямо проговорила Джанина. — Выгнала из нее чуму.

Шамус не мигая глядел на Джанину. Он знал, что с помощью самоцветов можно излечить чуму, но такие случаи крайне редки. Вместе с тем он был рад услышать, что Джилсепони по-прежнему жива. Но в ее всемогущество он поверить не решался. Шамус знал о судьбе своей двоюродной сестры Колин, которая умерла у Джилсепони на руках.

Он не торопился верить сказкам.

— Так она и тебя вылечила? — спросил Шамус.

Джанина вновь поразила его громким хохотом.

— Она на время загнала чуму в угол, — сказала предводительница Кертинеллы.

— В таком случае, ты по-прежнему больна.

Джанина кивнула.

— Но ты только что говорила об исцелении, — заметил вконец запутавшийся и недоумевающий Шамус.

— Верно. Джилсепони его нашла, — спокойно начала объяснять Джанина. — Но не здесь. Сама она может дать лишь передышку. А чтобы по-настоящему исцелиться, нужно, дружок мой, проделать долгий путь в Барбакан, на гору Аида. Там из камня торчит рука ангела, и с нее капает исцеляющая кровь. Мы как раз готовимся в путь. Весь город. А три города Тимберленда уже отправились к Аиде.

— Что? — вяло спросил Шамус, глядя на Джанину с нескрываемым удивлением.

Все, что сказала Джанина, по-прежнему казалось ему какой-то диковинной выдумкой.

— А где сейчас Джилсепони?

— Отправилась в Ландсдаун помогать им готовиться в путь, — сообщила предводительница.

Через несколько минут Шамус во весь опор скакал в Ландсдаун, до которого был всего час пути.

Прибыв туда, он увидел на центральной площади поспешно сооруженный навес. Перед

ним стояла длинная цепь больных. Другие люди, вероятно здоровые, деловито нагружали повозки провизией и другими необходимыми вещами.

Шамус не испытывал никакого желания приближаться к больным. Тем не менее он подавил страх и пошел вдоль очереди, пока не увидел ту, что искал, которая с самоцветом в руках помогала больным.

Шамус встал рядом с Джилсепони, но сейчас она не видела его, поскольку ее духовный двойник расправлялся с чумой в теле мальчика. Шамус терпеливо ждал. Через несколько минут Джилсепони открыла глаза, а ребенок широко улыбнулся и убежал. Его место заняла женщина.

Джилсепони оглянулась. Увидев старого друга, она просияла. Она махнула больной женщине рукой, попросив немного обождать, потом встала (как заметил Шамус, с большим усилием) и крепко обняла гвардейца.

Шамус весь одеревенел, и Джилсепони, понимающе смеясь, чуть отстранила его от себя.

— Меня ты можешь не бояться, — сказала она. — Теперь я не могу заболеть розовой чумой.

— Никак ты стала великой мировой врачевательницей? — не без солидной доли сарказма спросил Шамус.

Джилсепони покачала головой.

— Не я, — ответила она.

Шамус поглядел на вереницу больных, на мальчика, которому Джилсепони явно помогла, поскольку теперь он усердно трудился наравне со взрослыми, нагружая повозку.

— То, что делаю я, сможет делать любой монах, сведущий в использовании камней, — сказала Джилсепони.

— Видел я плоды их стараний, — возразил Шамус. — Помощи от них — почти никакой или вовсе никакой, а сами они настолько перепуганы, что прячутся за монастырскими стенами.

— Они еще не поцеловали руку Эвелина, — ответила она и махнула терпеливо дожидавшейся женщине.

Оглянувшись на Шамуса, Джилсепони увидела на его лице все то же удивленное и недоверчивое выражение.

— Ты сомневаешься? — спросила она. — Разве не на твоих глазах рука Эвелина сотворила тогда чудо?

— Его рука убила гоблинов, а не чуму.

— Так знай, что я видела такое же чудо: его рука убила чуму, — твердо ответила Джилсепони. — Когда я принесла Дейнси к руке Эвелина, ей до смерти оставалось не более секунды. Я увидела, что ладонь его руки кровоточит. Думаю, эта кровь сочится постоянно. Дейнси успела вкусить его крови, и чума тут же отступила от нее. Потом я поцеловала руку сама, потому что чума добралась и до меня. Но теперь я ее не боюсь.

— И все эти люди готовы двинуться в Барбакан? — спросил Шамус.

— Не только они. Туда двинется весь мир, — убежденно произнесла Джилсепони.

— Но откуда ты знаешь? — не сдавался Шамус. — Ты уверена, что кровь не иссякнет? Что она действительно исцеляет?

Джилсепони одарила его улыбкой знающего и полностью убежденного в своих словах человека.

— Я знаю, — только и сказала она.

Она приложила свою руку к пылающему лбу женщины, потом поднесла к ее губам камень души.

— Нам надо продолжить разговор, — сказал Шамус.

Джилсепони согласно кивнула и начала входить в магию камня.

Потрясенный увиденным и удивленный, Шамус Килрони вышел из-под навеса и направился прямо в трактир, что был через дорогу. В заведении было пусто. Шамус подошел

к стойке и налил себе порцию весьма крепкого напитка.

Через некоторое время туда же пришла Джилсепони. Вид у нее был усталый, но довольный.

— Они должны выдержать это путешествие, — объяснила она Шамусу. — Во всяком случае, того, что я делаю для них, должно хватить, чтобы они успели добраться до Аиды.

Она отвернулась.

— Кроме одного, — тихо добавила она. — Он давно болен. Даже если бы я помогала ему до самой Аиды, чего я никак не могу себе позволить, он все равно вряд ли дожил бы до конца пути.

Шамус глядел на нее, качая головой.

— И все равно все это кажется выдумкой, — признался он.

— Я ничего не выдумывала, — возразила Джилсепони. — Дух Эвелина раскрыл мне эту истину, послав призрак Ромео Муллахи.

Но взгляд Шамуса по-прежнему выражал недоверие, и Джилсепони только пожала плечами. Она слишком устала, чтобы спорить.

— Значит, теперь ты можешь если не исцелить, то серьезно помочь больным? — спросил он. — И все потому, что кровь с руки Эвелина сделала тебя неуязвимой для чумы?

Джилсепони кивнула.

— Да, я могу им помочь, — подтвердила она, принимая из рук Шамуса бокал. — Во всяком случае, некоторым из них. Но то же самое сможет любой монах, который поцелует руку Эвелина. У меня больше нет страха перед чумой, и потому у многих людей мне удастся, что называется, накрепко загнать ее в угол.

— Но только не у тех, кто серьезно болен, — заключил Шамус.

Джилсепони покачала головой и проглотила содержимое бокала.

— Увы, для многих это уже слишком поздно, и каждый день, потраченный мною понапрасну, приводит к новым смертям.

На лице Шамуса застыл ужас.

— Неужели ты взвалила себе на плечи такую ответственность? — спросил он.

— Если не я, тогда кто?

Он все так же молча смотрел на нее.

— Все эти люди, больные и здоровые, отправятся в Барбакан завтра утром, — продолжала Джилсепони. — Я не смогу их сопровождать, но ты бы смог. По правде говоря, ты должен это сделать, чтобы оберегать их в пути и чтобы самому поцеловать руку Эвелина.

Джилсепони смотрела ему прямо в глаза. Ее взгляд просил, даже умолял, напоминая Шамусу, через что довелось пройти им обоим.

— Смотритель уже ведет паломников из трех городов Тимберленда. Шамус должен повести жителей Кертинеллы и Ландсдауна, — добавила Джилсепони. — И это еще не все. Шамусу нужно остаться на севере.

Шамус понял, что планы эти рождаются в ее голове только сейчас, по ходу разговора.

— Из тех сил, которые тебе удастся собрать, нужно создать охрану. Вы должны будете охранять дорогу до Барбакана.

Шамус Килрони, который на собственном опыте знал, насколько длинна эта дорога, недоверчиво усмехнулся.

— Для этого тебе понадобится вся королевская армия!

— А я как раз и намереваюсь привлечь к этому всю королевскую армию, — ответила Джилсепони.

Она сказала это настолько серьезно и решительно, что Шамус даже покачнулся на своем стуле. Потом он с удивлением понял, что уже не сомневается в ее словах. Но они напомнили ему совсем о других, не менее серьезных заботах.

— Дела в Палмарисе совсем скверны, — мрачно сказал Шамус. — Народ бунтует, а герцог Тетрафель всерьез подстрекает бунтовщиков. Он тоже заболел чумой, но настоятель Браумин ничем не может ему помочь.

Джилсепони кивнула. Услышанное не особо удивило и не слишком взволновало ее.

— Помимо герцога нашлись еще охотники баламутить народ, — продолжал Шамус. — В городе появились самозванные братья Покаяния из отколовшихся монахов и тех, кто присоединился к ним. Они кричат на каждом углу, что чума — Божья кара за то, что церковь сбилась с пути Маркворта и свернула на путь Эвелина.

Эти слова заставили Джилсепони насторожиться.

— Как мне говорили, главарем у братьев Покаяния — Маркало Де'Уннеро.

Он налил Джилсепони новую порцию. Увидев ее оцепеневший взгляд и внезапно побелевшее лицо, Шамус сразу догадался, что это будет для нее не лишним.

Камни ударяли в стену или перелетали через нее, заставляя нескольких караульных монахов приседать и пригибать головы.

Внизу, на площади, Де'Уннеро и его молодцы в черно-красных сутанах без устали сновали среди толпы, подбивая людей на неизбежный выплеск ярости.

И он не замедлил себя ждать. Швыряя камни и выкрикивая проклятия, люди, которым было уже нечего терять, устремились на штурм монастыря. К его стенам приставили наспех сооруженные лестницы. Часть нападавших готовилась атаковать монастырские ворота. Они катили стенобитное орудие, налегая на него с обоих боков.

— Настоятель Браумин! — крикнул сверху Кастинагис, указывая ему на приближавшийся таран.

Стихийный бунт перерастал в необъявленную войну, и мягких сдерживающих средств против стенобитного орудия не существовало.

— Защищайте монастырь, — хрипло прошептал Браумин и пошел прочь от стены.

У него за спиной послышался резкий звук пущенной рукотворной молнии. Крики раненых неслись вперемешку с яростными возгласами. Он слышал, как по стенам молотит непрекращающийся град камней. И за всем этим, странным образом перекрывая остальные звуки, раздавался голос Маркало Де'Уннеро, призывавший толпу к новому приступу безумия.

Штурм монастыря продолжался несколько часов. Монахи стойко отражали нападение. Они проворно отбрасывали неуклюжие лестницы вместе с лезущими по ступенькам людьми, наносили удары рукотворными молниями, стреляли из арбалетов. В ход шло даже кипящее масло, которое выливали на головы штурмующих. У стен Сент-Прешес валялись тела десятков убитых. Раненых и искалеченных было еще больше.

Осада продолжалась и на следующий день. Невзирая на потери толпа заметно возросла. Но теперь к разъяренным жителям и братьям Покаяния добавилась еще одна сила. Под громкие звуки фанфар на площади появился герцог Тетрафель и его солдаты, все как один в полном боевом облачении.

Настоятель Браумин уже направлялся к стене, когда ему на пути попался молоденький монах.

— Герцог, — выдохнул испуганный монах, — привел с собой армию и требует, чтобы мы сдали монастырь!

Браумин ничего не сказал в ответ, а лишь поспешил наверх, на парапет воротной башни, где уже находились трое его ближайших союзников.

— Настоятель Браумин! — крикнул стоявший рядом с герцогом глашатай.

— Я здесь, — ответил Браумин, выходя на всеобщее обозрение и прекрасно сознавая, что многие лучники Тетрафеля уже взяли его на прицел.

Глашатай откашлялся и развернул пергамент.

— По приказу герцога Тимияна Тетрафеля, барона Палмариса, вы и ваши собратья, скрывающиеся ныне внутри монастыря, объявляетесь на территории города Палмариса вне закона. Вы должны как можно быстрее покинуть Сент-Прешес. Будучи благородным и щедрым человеком, герцог Тетрафель не станет вас преследовать и подвергать наказаниям, если вы сегодня же уйдете из города и пообещаете не возвращаться в Палмарис!

Пока глашатай зачитывал приказ, настоятель Браумин неотрывно глядел на Тетрафеля, стараясь придать своему лицу бесстрастное выражение.

— Мы ведь говорили о возможности отправиться в Кертинеллу и открыть там часовню Эвелина, — негромко напомнил ему Виссенти.

Браумин обернулся к нему и решительно замотал головой.

— Герцог Тетрафель! — громко прокричал он. — Ваша власть не распространяется на монастырь, а потому вы не имеете права предъявлять нам подобные требования.

Глашатай хотел что-то ему ответить, однако герцог, которого злость заставила на время забыть о болезни, оттолкнул его.

— Весь город ополчился против вас! — крикнул он Браумину. — О каких правах церкви вы заявляете, если у вас нет больше приверженцев?

— Мы не повинны в том, что вы заболели чумой, герцог Тетрафель! — резко ответил ему настоятель.

— Именно вы и повинны! — раздался голос Де'Унnero.

Он выбежал в центр площади, потрясая руками перед толпой.

— Это они! Их вероотступничество обрушило Божий гнев на наши головы! Изгоните этих еретиков во славу Бога! И тогда чума мгновенно уйдет с наших земель и из наших жилищ!

— Герцог Тетрафель! — вновь громко крикнул Браумин. — Мы не в силах ни наслать на вас чуму, ни избавить от нее. Но вспомните, сколько раз братья из Сент-Прешес...

— Вон! — перебил его герцог, выскакивая из кареты и выбегая вперед. — Вон, говорю я вам! Убирайтесь из монастыря и из моего города!

Настоятель Браумин пристально смотрел на него, и его холодный взгляд был наилучшим ответом рассерженному и испуганному герцогу.

— В таком случае мы не снимем осаду, — заявил герцог Тетрафель. — Если до рассвета вы не уберетесь из монастыря и из города, то вам несдобровать. Вы в осаде! И знайте: нашему терпению быстро наступит конец. С каждым днем условия вашей капитуляции будут становиться все жестче и тяжелее!

Браумин повернулся и пошел к спуску.

— Если нападение повторится, защищайте монастырь так, как этого потребуют обстоятельства, — сказал он друзьям. — И пожалуйста, ради всего святого: если представится возможность, нанесите смертельный удар по Маркало Де'Унnero.

Кастинагис и Талюмус угрюмо кивнули. Виссенти, лучше них знавший Де'Унnero, при каждом слове настоятеля все сильнее сжимался и бледнел. Виссенти глядел вслед Браумину. Может, он поступил глупо, отговорив настоятеля от помощи герцогу Тетрафелю? Может, им действительно стоит покинуть монастырь? Всем без исключения?

Виссенти бросил взгляд на площадь. Там Де'Унnero проводил молитвенное служение для сотен... нет, тысяч собравшихся. Люди внимали его словам. Виссенти слышал их одобрительные возгласы. Братья Покаяния, рассеявшись в толпе, вербовали себе новых союзников.

Виссенти знал: осада будет жестокой. Разъяренные жители не успокоятся до тех пор, пока от монастыря не останутся обгоревшие, развороченные стены. Судьбу братьев тоже несложно предугадать. Оставшихся в живых поволокут по улицам, забивая насмерть. Или сожгут у позорного столба, как несчастного магистра Джоджонаха.

Он услышал слова молитв. Но громче молитв звучали другие, гневные слова, обещавшие, что монахи Сент-Прешес дорого заплатят за обрушившуюся на Палмарис чуму.

У брата Виссенти похолодела спина. Ночь он провел без сна.

— Они приближаются, — угрюмо произнес настоятель Браумин, обращаясь к стоящим на парапете стены собратям.

С момента предъявления Тетрафелем ультиматума прошло несколько дней. И Браумин, и его собратья чувствовали: этот день может стать для них последним. Герцог Тетрафель

провозгласил осаду, но она вовсе не означала бездействие нападавших. Сила их атак возрастала с каждым днем. Среди озлобленных жителей, непрерывно подстрекаемых Де'Уннеро, было немало безнадежно больных, и ощущение близкого конца только подстегивало их ярость.

Атака, как всегда, началась с метания камней. Потом нападавшие приставили к стенам лестницы. У многих в руках были длинные мотки веревок с самодельными крючьями. Толпа вновь поставила на колеса перевернутый таран и покатила к монастырским воротам. Удары рукотворных молний уже трижды опрокидывали его. В последний раз, перевернувшись, он раздавил своей тяжестью не менее десятка человек. Однако сейчас стенобитное орудие опять двигалось к воротам под возбужденные крики кативших его людей.

Монахи рассредоточились по внешней стене. Оружие было самым разнообразным: самоцветы, арбалеты, тяжелые палицы, ножи. Гремели рукотворные молнии, со свистом летели арбалетные стрелы. Братья едва успевали отпихивать лестницы нападавших и перерубать их веревки.

Неожиданно на стену обрушился град стрел. Несколько братьев осели на пол. Одни из них стонали от боли, другие лежали тихо.

— Лучники Тетрафеля! — крикнул брат Талюмус, прячась за стену. — Ударьте по ним молниями! Бейте молниями по солдатам герцога!

Настоятель Браумин храбро встал во весь рост, держа в руке графит. Оттуда вырвалась ослепительная белая молния и ударила в цепь лучников, расшвыряв стрелков в стороны. Браумин пригнулся, ожидая ответного удара, но тут он заметил того, кто всецело поглотил его внимание: в толпе появился Де'Уннеро. Он яростно призывал несчастных и обманутых людей бесстрашно броситься навстречу смерти.

Из руки Браумина вырвалась вторая молния, намного слабее первой, однако Де'Уннеро успел заметить ее. Звериные инстинкты не подвели: он отпрыгнул в сторону, и удар лишь пробил ему ногу.

С криком, более напоминавшим тигриное рычание, брат Истины бросился к монастырю.

Браумин поспешно огляделся по сторонам, ища глазами лестницу или веревку, которыми мог бы воспользоваться Де'Уннеро, и на какие-то секунды выпустил того из виду. Настоятель не заметил, что бег Де'Уннеро был больше похож на бег крупного зверя, нежели человека. Не останавливаясь ни на мгновение, брат Истины достиг основания стены и легко подпрыгнул на высоту двадцати пяти футов. Ухватившись за зубчатую стену, Де'Уннеро перемахнул через парапет и мгновенно оказался возле ошеломленного Браумина.

Сильный удар сбил настоятеля с ног. Двое монахов бросились к Де'Уннеро, однако он пригнулся, отставив в сторону одну ногу. Другой ногой он поставил подножку на пути первого из бегущих и, когда тот споткнулся, схватил монаха и швырнул его во внутренний двор. Второй монах с разбега ударил его, но Де'Уннеро мертвой хваткой вцепился ему в плечо, а другой рукой с силой ударил монаха в горло, после чего без каких-либо усилий тоже сбросил вниз.

Несчастный монах был еще жив, когда с глухим стуком ударился о камни площади. Будто стая хищных птиц, толпа тут же налетела на него.

К Де'Уннеро устремился третий монах, держа в руках заряженный арбалет.

Де'Уннеро внимательно следил за каждым движением монаха и в момент, когда тот нажал курок, с силой оттолкнулся от пола мощными задними ногами тигра. Стрела просвистела ниже, не причинив Де'Уннеро никакого вреда.

Опустившись, человек-тигр ринулся на стрелявшего. Удары сыпались один за другим, разрывая тело несчастного и круша его кости. Де'Уннеро скинул вниз и его, но монах умер раньше, чем его тело достигло земли.

Забыв об опасности, к Де'Уннеро побежали другие монахи, стремившиеся всеми силами защитить раненого настоятеля. Де'Уннеро успел подобраться к Браумину. Он перевернул настоятеля, чтобы тот не увидел кулака, занесенного над ним для смертельного

удара.

В это время рукотворная молния ударила человека-тигра в грудь, и он перелетел через парапет. Толпа изумленно ахнула, видя, с какой легкостью он приземлился! Де'Уннеро ничем не выказал обжигавшей его боли. Он быстро растворился в толпе.

Прерванное на короткое время нападение на монастырь возобновилось. Толпа с новой силой полезла на стену и начала ударять по воротам. Монахи отбивались всем, что было в их распоряжении. Но они истощили свою магическую силу. Их ряды тоже становились все меньше. Стрелы градом сыпались на стену, ранив одних и убивая других.

После схватки с Де'Уннеро у настоятеля Браумина сильно кружилась голова и шла кровь из разбитого носа. Но он отказался от помощи, запретив братьям тратить драгоценное время. Он отрешенно глядел на толпу, все так же рвущуюся к стене, на солдат Тетрафеля, чьи стрелы сеяли смерть.

Браумин знал: сегодня Сент-Прешес падет, а он вместе с другими братьями будет казнен.

Подъехав к северным воротам Палмариса, Пони услышала столь хорошо знакомые ей звуки сражения: крики ярости и боли, лязг стали, гром рукотворных молний и густые ухающие удары тарана, бьющего в массивные створки ворот.

Джилсепони пришпорила Дара, одновременно пытаясь понять, из какой части города доносятся эти звуки. Ее удивило отсутствие караульных на городской стене. Ворота были закрыты, но их никто не охранял.

— Откройте! — крикнула она, останавливая коня. — Откройте! Это Джилсепони!

Ответа не было.

Это могло означать только одно: люди штурмуют стены монастыря Сент-Прешес. Отсутствие стражи у городских ворот целиком подтверждало слова Шамуса о том, что войска герцога Тетрафеля готовятся к бунту.

— Тебе придется поискать какой-нибудь другой въезд. Но будь предельно осторожна, — сказала она подъехавшей Дейнси.

Джилсепони опустила руку в мешочек с самоцветами, чтобы достать оттуда несколько камней. Затем она сосредоточилась на Даре и стала передавать коню свои мысли, прося его пуститься галопом.

Она отъехала на некоторое расстояние от городской стены, затем Дар поскакал во весь опор. Это действительно был летящий галоп; приблизившись к стене, конь ничуть не замедлил свой бег, полностью доверяя всаднице. Джилсепони передала свою энергию малахиту, потом сдвинула ногами конские бока, заставив Дара прыгнуть. словно невесомое перышко, он взметнулся вверх и действительно полетел.

Они приземлились с другой стороны стены, но Джилсепони все так же передавала свою энергию магии камня. Это позволяло Дару скакать, не касаясь копытами земли, а самой Джилсепони давало удобный обзор. Она решила, что именно такой — летящей над землей — она и появится на поле сражения.

Но как управлять конем? И как сохранить скорость, если сильные ноги Дара не касаются земли?

Она знала ответ, как и то, что он пришел от Эвелина. Джилсепони достала из мешочка другой камень — магнетит. Теперь она пробуждала магическую энергию этого камня, одновременно пытаясь разглядеть происходящее у стен Сент-Прешес. Она сосредоточила свое внимание на монастыре, точнее — на громадном колоколе, висевшем на центральной башне. Благодаря магнетиту Джилсепони ощущала металл колокола. Если бы она применяла камень привычным образом, то передала бы притяжение колокола самоцвету, наполнила бы камень энергией, которая затем, словно ядро катапульты, только несравненно быстрее, понеслась бы в нужном направлении. Но на этот раз Джилсепони использовала силу притяжения, чтобы соединить камень и колокол незримым мостом. И они с Даром, почти невесомые, неслись по этому мосту прямо к монастырской башне.

От чудовищного зрелища происходящего ей на какой-то миг захотелось развернуть коня и поскакать обратно на север... Возле монастырской стены теснилась обезумевшая, дикая толпа. Люди карабкались по приставным лестницам, чтобы затем рухнуть вместе с ними и разбиться насмерть. Монахов, которых удавалось стащить с парапета, разрывали на куски. Гремели рукотворные молнии, свистели стрелы луков и арбалетов. Число погибших затмевало собой число унесенных розовой чумой!

Джилсепони достала третий камень. Гнев, охвативший ее, только придал ей силы. Сейчас она находилась в состоянии предельной магической сосредоточенности. Малахит позволял ей и Дару лететь над землей, магнетит вел прямо к монастырю. Теперь Джилсепони окружила себя и коня бело-голубым сиянием — защитным покровом, который давал серпентин.

Она оказалась над самым полем сражения и, чтобы замедлить движение, изменила энергию магнетита, резко снизившись на некотором отдалении от толпы. Ее появление прошло почти незаметно, поскольку все вокруг были охвачены азартом штурма.

Но вскоре все и каждый узнали о прибытии Джилсепони! Ее сила перетекла в рубин, и у самых ног наступавших разорвался громадный огненный шар, заставив стены монастыря задрожать так, как не смог бы заставить никакой таран. Вторую молнию Джилсепони направила на колокольню, и над городом гулко ударил колокол.

Лучники герцога Тетрафеля нацелили на нее свои луки, но ни у кого не хватило смелости выстрелить. Монахи Сент-Прешес благоговейно взирали на столь хорошо знакомую им всадницу, понимая, что к ним наконец пришло спасение.

Джилсепони и Дар опустились на площадь. Конь заржал и ударил по земле копытами.

— Что означает все это безумие? — грозно спросила Джилсепони, и вокруг стало так тихо, что ее голос был отчетливо слышен повсюду.

— Разве вам недостаточно чумы, если вы убиваете друг друга? Какая глупость обуяла вас, опустившихся до нравов гоблинов и поври?

Люди спешили скрыться от ее пронизывающего взгляда: одни втягивали головы в плечи, другие в страхе падали на колени.

— Это они повинны! — крикнул какой-то брат Покаяния, махнув рукой в сторону монастырской стены.

— Молчать! — загремела Джилсепони.

Она подняла руку, сжимавшую самоцветы.

Брат Покаяния поспешно ретировался.

Зато другой брат Покаяния ничуть не испугался и медленными шагами направился к Джилсепони. Таким же медленным движением он откинул с лица капюшон.

— Это они повинны, — с ледяным спокойствием произнес он.

Джилсепони пришлось схватиться за поводья, чтобы не вывалиться из седла. Да, она узнала этого человека. Ее обожгло болью воспоминаний, сменившейся величайшей ненавистью. Она узнала этого человека, безошибочно узнала, несмотря на его длинные волосы и бороду. Ей вдруг показалось, что их с Маркало Де'Унnero обоих вновь перенесли в Чейзвинд Мэнор, в тот судьбоносный день.

— Они следуют путем демона, — добавил Де'Унnero, продолжая приближаться.

— Они следуют путем Эвелина, — возразила Джилсепони.

Де'Унnero улыбнулся и пожал плечами, словно она согласилась с его мнением.

Джилсепони оторвала взгляд от Де'Унnero.

— Слушайте меня все! — крикнула она. — Эвелин был вашим спасителем во времена Бестесбулзибара. Сейчас он вновь становится вашим спасителем!

— Деяния Эвелина обернулись для нас чумой, — заявил самозванный брат Истины.

Площадь снова заполнил гул голосов, но Джилсепони не обратила на них внимания. Она следила за приближавшимся Де'Унnero. Нет, люди не станут слушать ее, пока рядом находится этот божок, опровергающий каждое ее слово.

Но сейчас Джилсепони вовсе не волновало внимание толпы. Ее вдруг перестало

занимать происходящее вокруг: и битва, и страдания людей. В эту самую минуту Джилсепони занимал только человек в черной сутане с красным капюшоном, который медленно подходил к ней. Чудовище, повинное в гибели ее дорогого Элбрайна! Она спрыгнула с коня и убрала все самоцветы, кроме одного. Другой рукой она выхватила из ножен меч.

Де'Унnero продолжал улыбаться, но двигаться стал медленнее.

— Эвелин — лжец, — сказал он.

— Это говорит Маркало Де'Унnero, бывший епископ Палмариса, — в тон ему ответила Джилсепони.

В толпе послышались восклицания. Значит, ее догадка была верна: не многие из собравшихся знали, кто скрывается за громким титулом Брата Истины.

— Тот самый Маркало Де'Унnero, который убил барона Рошфора Бильдборо и его племянника Коннора, — объявила Пони.

Теперь голоса в толпе зазвучали громче.

— Ложь все это! — закричал брат Истины, сохраняя внешнее спокойствие. — Как говорят очевидцы и те, кто расследовал эту трагедию, барон Бильдборо был растерзан тигром.

— Не тигром, а человеком, умеющим с помощью магии превращаться в тигра.

— Нет! — завопил Де'Унnero, стараясь не дать словам Джилсепони проникнуть в сознание толпы. — Используя магию самоцвета, можно на время превратить одну руку в лапу тигра. В крайнем случае две, если человек достаточно искусен в магии. Но обстоятельства гибели барона Бильдборо были совершенно иными, и твое утверждение — это чудовищная ложь отъявленного глупца!

Пони обвела глазами толпу, увидев недоверчивые и очень перепуганные лица обманутых Де'Унnero людей. Она вдруг поняла, что ей не удастся разоблачить его. Ей не убедить людей в истинной сущности Брата Истины.

— Пусть они делают выводы сами, — сказала она, обращаясь к Де'Унnero. — А мы с тобой здесь и сейчас сведем наши личные счета.

С этими словами Пони взмахнула мечом, показывая коварному монаху, что так просто он отсюда не уйдет.

Зловеще рассмеявшись, Де'Унnero пожал плечами, скинул сутану и встал в боевую стойку. Он начал описывать круг, намереваясь подобраться к Пони слева.

— Не вступай с ним в бой! — донесся сзади крик настоятеля Браумина. — Ты не знаешь силу...

Джилсепони подняла руку, прося его замолчать. Сейчас ничто не должно отвлекать ее от поединка. Ни в коем случае. Этот человек ранил ее Элбрайна и тем самым предопределил его гибель в последующей битве с Марквортом. Этот человек поднял на бунт толпу и настроил людей против Сент-Прешес. Де'Унnero являлся для Джилсепони символом всего, что она ненавидела. Сегодня ему не уйти от сражения.

С неожиданной для нее скоростью Де'Унnero прыгнул вперед. Его левая рука скользнула под меч, потом резко метнулась вверх и в сторону, отведя меч на безопасное расстояние. Другой рукой Де'Унnero намеревался нанести сильный удар. Джилсепони решила, что он проверяет ее, делая ложные выпады и нанося ложные удары. Это несколько сбilo ее с толку, и ей пришлось отпрыгнуть назад. Кулак Де'Унnero попал в цель, ибо никаких ложных выпадов брат Истины делать не собирался.

На этом их сражение могло бы и закончиться. Де'Унnero надвигался на нее, нанося лобовые удары то правой, то левой.

Но Джилсепони владела искусством *би'нелле дасада*. Она в совершенстве освоила многие приемы танца меча, в особенности тактику чередующихся лобовых ударов и отходов. И потому ей удавалось уворачиваться от ударов Де'Унnero. Наконец она сделала стремительный выпад и, взмахнув мечом, заставила противника отступить.

Пони перешла в наступление: снова выпад, снова удар. Однако Де'Унnero с

удивительным проворством отпрыгнул в сторону, вынудив Джилсепони повернуться. Повернувшись, она вдруг обнаружила, что у нее не остается пространства для маневра, и была вынуждена вновь поспешно отступить.

Но отступление было недолгим. Джилсепони припала на одно колено, резко подалась вправо, переложила меч в другую руку и затем нанесла удар наискось.

Де'Унnero подпрыгнул, поджав под себя ноги. Джилсепони остановилась, потянула меч на себя, затем ударила напрямую.

Де'Унnero повернулся, поднял ногу, а затем резко опустил ее. Защищаясь, Пони выбросила вперед левую руку и отступила. Ее обожгло болью, и Пони прижала руку к бедру.

Она не позволила отвлечь ее внимание и отошла всего на пару шагов, затем снова устремилась вперед, ударив Де'Унnero мечом. Теперь уже он схватился за раненое предплечье.

Но если Джилсепони думала, будто обладает сейчас преимуществом, тогда она просто недооценивала Маркало Де'Унnero. Издав звериное рычание, он двинулся вперед, бешено вращая обеими руками. Джилсепони лишилась всякой возможности наносить удары. Она понимала: стоит промахнуться, и Де'Унnero выбьет меч у нее из рук. Де'Унnero продолжал наступать.

Джилсепони была вынуждена отступать все дальше и дальше. Она пыталась разгадать смысл этого бешеного движения. Потом она воззвала к Элбрайну, прося направить ее.

Но ответа не последовало — Элбрайна не было рядом. Джилсепони приходилось одной сражаться против чудовища, именуемого Де'Унnero. Теперь она отчетливо понимала, что противник значительно превосходит ее. Зачем она так бездумно потратила свою магическую энергию! Если бы она сейчас могла вдохнуть силу в серпентин и рубин и испепелить Де'Унnero до самых костей!

Ей пришлось ударить мечом сплеча, чтобы отвести очередной удар. Сделав это, Джилсепони вдруг поняла, что Де'Унnero ее обманул.

Свирепый монах отвел свою ногу, затем совершил круговой замах и сильно задел лодыжку отступавшей противницы.

Падая, Джилсепони удалось избежать серьезного ранения. Но Де'Унnero вновь стремительно прыгнул и наклонился над ней.

На этот раз меч ничем не мог ей помочь. Потом Джилсепони заметила, как одна из рук Де'Унnero превратилась в тигриную лапу.

Для Маркало Де'Унnero наступил момент высочайшего триумфа, полной победы. Еще несколько минут — и Джилсепони будет мертва, а с ней умрет и всякая угроза со стороны последователей Эвелина.

Он — победитель. Сейчас он вновь поднимет эту жалкую толпу, волеет в нее новую ярость и поведет на штурм против тающих рядов защитников Сент-Прешес.

Он знал это. Он знал, что убьет ее, едва его нога ударила Джилсепони по лодыжке и самоуверенная противница повалилась на камни площади. Де'Унnero чувствовал кровь Джилсепони, и это же чувствовал пробуждавшийся в нем тигр. Она отнюдь не труслива, эта женщина, даже наоборот. Сейчас она вновь попытается схватиться за меч. Прежде чем она это сделает, он нанесет последний удар. И меч не поможет ей против смертельных когтей тигриной лапы.

Он убьет ее одним ударом.

Де'Унnero стал отводить руку, видя незащищенную шею Джилсепони. Меч ей не поможет; ей не избежать смерти.

Де'Унnero мог ожидать чего угодно, только не этого. Джилсепони разжала ладонь левой руки, на которой лежал небольшой камень. В следующее мгновение его энергия ударила по маленькой серьге с символом церкви Абея, висевшей в ухе Де'Унnero.

Удар почти оторвал ему ухо. Вместо того чтобы убить Джилсепони, Де'Унnero закричал и зажал рукой рану.

Джилсепони откатилась в сторону и вскочила на ноги. Де'Уннеро отступил, воя от боли и злобы.

— Обманщица! — крикнул он.

— С такими, как ты, честное сражение невозможно, — быстро ответила Джилсепони.

— Обманщица! — вновь закричал Де'Уннеро.

— Я не применяла магию, пока этого не сделал ты! — крикнула Джилсепони.

Она бросилась в атаку. Де'Уннеро был вынужден отпрыгнуть в сторону.

У него внутри все бурлило. В нем кипела безграничная ярость. Голову обжигало болью. Гнев пронизывал его мозг, его мысли. Только что он был близок к победе! Победа была у него в руках, в когтях его смертоносной тигриной лапы!

Де'Уннеро не заметил, как его кости с хрустом начали менять форму. Тигр вырывался наружу. Он понимал: этого нельзя допустить! Особенно здесь, на глазах толпы, после того как его объявили убийцей барона Бильдборо!

Но он был не в силах загнать гигантского зверя внутрь; этому мешали обжигающая боль и такая же обжигающая ярость.

Чувства Де'Уннеро обострились: он увидел Джилсепони, а позади — ее коня, с громким ржанием вставшего на дыбы.

Только отчаяние позволило ей пробудить силу магнетита, и только удача помогла нанести удар по единственному кусочку металла, оказавшемуся на теле Де'Уннеро. Джилсепони достала другой камень, графит. Нет, понимала она, второго удара не получится, или он будет очень слабым. Ее магические силы истощились настолько, что она сомневалась, сумеет ли вообще такой удар остановить нападение этой громадной и страшной полосатой кошки.

Единственным оружием оставался меч. Ее замечательный меч, так часто выручавший, но... Джилсепони ясно сознавала, в каком бедственном положении сейчас находилась.

Однако Де'Уннеро не набросился на нее, и Джилсепони вдруг почувствовала, что их личное сражение кончено. Луки солдат герцога Тетрафеля повернулись в сторону Де'Уннеро. Толпа кричала, требуя его смерти.

Теперь ни у кого из собравшихся не осталось и тени сомнения, что перед ними — убийца их любимого барона Бильдборо.

Наконец они узнали, кто такой брат Истины на самом деле.

Тигр прыгнул, но не на Джилсепони, а мимо и пустился бежать. Вслед ему полетели стрелы, и часть из них попала в цель. Но Де'Уннеро продолжал бежать, и люди испуганно расступались. Он двигался большими прыжками, направляясь к городской стене. Монахи Сент-Прешес стреляли по нему из арбалетов. Вскоре Де'Уннеро услышал за спиной топот копыт. Всадники герцога пустились за ним в погоню.

Вся эта суматоха не трогала Джилсепони. Ее более не занимал убегающий тигр. Здесь, на площади, у нее остался более важный противник.

Герцог Тетрафель пристально глядел на нее из окна своей богатой кареты.

Боль и ярость, звериная жажда крови и слепая ненависть — все эти чувства бурлили в нем наряду с полным отчаянием и глубоко запрятанной, но ясно осознаваемой мыслью: он проиграл. За какие-то жалкие минуты его победа обернулась полным поражением. Отныне ему нет места среди людей.

Он бежал к стене, слыша звуки погони и изнемогая от боли. Десяток стрел застряли в его полосатой шкуре. Только страх и ярость гнали его дальше.

Впереди он увидел женщину на знакомой лошади. Сейчас он мог бы прыгнуть на нее, вцепиться в горло и насладиться теплой кровью. Но сзади была погоня, и потому он, не останавливаясь, побежал к воротам.

Нет, к воротам нельзя, сообразил вдруг тигр и свернул в боковую улочку. Только не к воротам — тогда всадники погонятся за ним и дальше. А он чувствовал, что устает. Он был

хищником, не способным, в отличие от лошадей, к долгому и быстрому бегу. К тому же он был ранен.

Он вновь устремился к стене, но выбрал место подальше от ворот. Погоня стремительно приближалась. Де'Уннеро собрал последние силы и перепрыгнул через стену.

В воздухе его настигла еще одна стрела.

Он упал на землю. Подавив желание распластаться и замереть, он поднялся и заставил себя двигаться дальше, ища укрытие.

Он чувствовал, как вокруг него сгущается тьма, слышал хриплое дыхание смерти. Ее холодная и безжалостная рука тянулась к нему.

ГЛАВА 40 СОМНЕНИЯ БРАУМИНА

Ошеломленные люди стояли на площади, глядя вслед всадникам, пустившимся в погоню за убегавшим тигром.

Джилсепони не устремилась вслед за королевскими солдатами. Уставшая и измученная стояла она возле Дара. Она глядела на братьев Покаяния и видела, как их теснит толпа. Она глядела на солдат, все так же грозно восседавших на конях. Она видела, как герцог Тетрафель смотрит на нее из окна кареты.

Потом она медленно повернулась. На внешней стене монастыря по-прежнему было полно монахов, готовых к дальнейшей обороне. Одни держали в руках самоцветы, другие — арбалеты. Несколько человек обступили громадный чан с кипящим маслом. Среди братьев находился и ее друг Браумин Херд, глядевший на нее со смешанным чувством уважения, любви, благодарности и страха.

Джилсепони словно оказалась на узком перешейке, окруженном с обеих сторон бушующими потоками. Вопреки всему, что произошло на площади, бушующие потоки были готовы вновь обрушиться друг на друга.

К этому времени герцог Тетрафель выбрался из кареты. Джилсепони бросились в глаза его ссутулившиеся плечи и синяки под глазами. Даже издали было видно, насколько сильно он болен.

— Братья из Сент-Прешес неповинны в вашей болезни, — громко сказала Джилсепони, обращаясь к герцогу Тетрафелю и вновь сосредоточивая на нем свой взгляд. — Чума не является делом человеческих рук, как не является она и наказанием, исходящим от разгневанного Бога.

— Это ты так говоришь! — донесся откуда-то сбоку голос одного из братьев Покаяния. — Тебе не остается ничего другого, потому что вы пошли против Бога!

Он вышел вперед, тыча пальцем в сторону Джилсепони. Ее ответом был совершенно спокойный, уверенный и настолько холодный взгляд, что этот брат Покаяния попятился назад.

— Они ни в чем не повинны, — обратилась к Тетрафелю Джилсепони.

— Они прячутся за стенами, пока люди вокруг страдают и умирают! — гневно ответил герцог.

— Как прятались и вы, ваша светлость, пока не заболели, — ответила Джилсепони. — Я не осуждаю вас, герцог, — поспешно добавила она, видя, что ее резкие слова взбудоражили солдат. — Ни я, ни вы, ни кто-либо другой не вправе осуждать людей за то, что они стремятся укрыться от чумы, кто бы ни были эти люди: монахи или солдаты. Мы не вправе осуждать отцов, которые изгоняют из дома заболевших детей, опасаясь за жизнь остальных членов семьи.

— Но ты-то сама не пряталась от чумы! — послышалось из толпы, и Джилсепони увидела служанку из дома, в котором умерла Колин.

— Это был мой добровольный выбор, — быстро ответила Джилсепони, чтобы у людей не возникло желания сравнивать ее с братьями из Сент-Прешес. — Как и вы, герцог

Тетрафель, сделали свой выбор.

Звук копыт подсказал чуткой Пони, что Дейнси Окоум наконец-то добралась до площади.

— Но не отчаивайтесь! — крикнула Джилсепони. — Наше спасение — в наших руках, и вот вам подтверждение моих слов!

Она указала на Дейнси. Лица людей выражали самые разнообразные чувства; многие из собравшихся пришли в безудержную ярость.

— Герцог Тетрафель, согласны ли вы пойти со мной внутрь монастыря на встречу с настоятелем Браумином и узнать о возможности исцеления?

Герцог не отрываясь глядел на нее.

— Обман! — выкрикнул другой брат Покаяния. — Она хочет обмануть вас, чтобы не дать расправиться с монахами!

Джилсепони даже не взглянула в его сторону.

— Вы серьезно поражены чумой, и вам грозит скорая смерть, — без обиняков продолжала она, обращаясь к герцогу. — Ни я, ни монахи не в состоянии вам помочь. Но выход существует. Существует лекарство от чумы, и я знаю, где оно.

— Так скажи нам! — крикнули ей из толпы, и эту мольбу подхватили сотни голосов.

Джилсепони взмахнула рукой.

— Я не смогу вам помочь до тех пор, пока вы продолжаете враждовать, — крикнула она в ответ. — И прежде всего мне необходимо согласие герцога Тетрафеля.

Джилсепони вновь перевела взгляд на него. Туда же устремились тысячи глаз, тысячи надежд и молитв. На плечи Тетрафеля внезапно легла непосильная ноша.

— Вы согласны пойти со мной? — вновь спросила Джилсепони. — Даю слово, что вам не причинят вреда и не возьмут в плен.

— Твое слово? — недоверчиво переспросил герцог Тетрафель, бросая косые взгляды на монахов.

— И мое тоже, — сказал настоятель Браумин.

Окружавшие его монахи беспокойно задвигались, ошеломленные поведением своего настоятеля. Затем Браумин заявил, что, прежде чем допустить Джилсепони в монастырь, ее должны будут подвергнуть обследованию. Герцога Тетрафеля они не пустят внутрь ни в коем случае, поскольку знают о его болезни.

— Мы встретимся у ворот, — пояснил настоятель, — по обе стороны цветочного кордона, который братья соорудят внутри сторожевого домика.

— Герой во всем и до конца, — пробормотал герцог Тетрафель, постаравшись, чтобы и Джилсепони услышала его слова.

Впрочем, такое место встречи ее очень устраивало.

— Всем оставаться на местах, — приказал Тетрафель, обращаясь к солдатам и жителям.

Герцог шумно втянул в себя воздух и вместе с Джилсепони и Дейнси направился к воротам Сент-Прешес. Спустя некоторое время, когда монахи разместили цветы в коридорчике сторожевого домика, ворота отворились.

Рядом с настоятелем Браумином стояли Виссенти, Талюмус и Кастинагис.

Теперь уже Джилсепони глотнула воздух. Наступал момент, от которого зависит то, как повернутся дальнейшие события.

Джилсепони рассказала им обо всем. О том, как Роджер привез безнадежно больную Дейнси в Дундалис, как затем она вместе с Дейнси и Смотрителем отправились в Барбакан. Джилсепони рассказала о призраке Ромео Муллахи (здесь брат Виссенти даже боязливо вскрикнул) и о втором чуде, произошедшем на Аиде.

— Я тоже поцеловала руку Эвелина, — закончила свой рассказ Джилсепони. — Теперь мне не страшна розовая чума.

Магистр Виссенти воспринял ее слова с радостью, брат Талюмус — с надеждой, брат Кастинагис — с заметной долей скептицизма. Отношение настоятеля Браумина, которое он

скрывал за дружеской улыбкой, на самом деле было более чем скептическим. Зато Тетрафель оживился, воспламененный появившейся надеждой.

— Ты — мой ангел-спаситель, — сказал он Джилсепони, беря ее руку. — Теперь ты изгонишь эту нечисть из моего тела!

Джилсепони попыталась объяснить ему, что сама не может окончательно излечить от чумы ни его, ни кого-либо другого.

— Чума не всегда приводит к смерти, — вмешался настоятель Браумин.

Судя по его тону, он не считал «откровения» Джилсепони чем-то особо выдающимся и чудесным.

— Люди излечивались от чумы, хотя такие случаи редки, — продолжал настоятель.

— Тогда почему же вы прячетесь за стенами? — резко спросил герцог Тетрафель.

— Древние песни не лгут: удастся излечить одного из двадцати заболевших, — спокойно ответил Браумин. — И один из семи монахов, проводящих лечение, непременно заболевает сам. Мы прячемся потому, что эти цифры, известные из трагедии прошлого, вынуждают нас к этому.

Тетрафель дрожал. Казалось, он вот-вот взорвется гневной тирадой.

— Но положение изменилось, — вмешалась Джилсепони. — Сама я так и не смогла помочь Дейнси. Я делала одну попытку за другой и неизменно терпела поражение.

— Возможно, твои действия все же оказались более успешными, чем ты думаешь, — предположил Браумин.

Едва услышав его первые слова, Джилсепони замотала головой.

— Я ничего не добилась, кроме того, что заболела сама. Но сейчас я совершенно здорова, и чума никогда уже не проникнет в мое тело, потому что оно очистилось кровью Эвелина. И это правда, настоятель Браумин. Источник исцеления существует, хотя и находится далеко отсюда, в Барбакане. Там больные, которые сумеют дожить до конца путешествия, получают исцеление, а здоровые — надежный щит против чумы.

Теперь уже Браумин недоверчиво покачивал головой, что заставило Джилсепони говорить с еще большим пылом.

— Ты сомневаешься, как сомневались многие, слушавшие твой рассказ о первом чуде на Аиде, — напомнила она настоятелю. — Я говорю о призраках и о крови, сочащейся с ладони давным-давно высохшей руки. Я говорю о чудесном исцелении Дейнси, которая уже шла по мрачной дороге смерти.

Джилсепони замолчала, глядя исключительно на Браумина. Она шагнула вперед, не замечая, что ступила в цветочный кордон.

— Ты давно знаешь меня, Браумин Херд. Ты знаешь, кто я. Ты знаешь о моих достоинствах и недостатках. Но я никогда не давала кому-либо ложных надежд.

— Колокол! Колокол! — раздался громкий крик, эхом отозвавшийся по всему монастырю. — Колокол! — снова крикнул возбужденный молодой монах, наконец-то разыскавший настоятеля.

— Настоятель Браумин, колокол! — запинаясь, повторял монах, указывая в сторону центральной колокольни.

— Что случилось, брат Диссин? — строго спросил Браумин, опуская руки на его плечи и пытаясь успокоить монаха.

— Колокол! — в очередной раз произнес Диссин, по щекам которого катились слезы. — Ты должен видеть это сам!

Из глубины монастыря донеслись другие крики:

— Знамение! Чудо!

Кастинагис, Талюмус и Виссенти бросились к колокольне. Браумин повернулся и увидел, что Джилсепони и двое ее спутников смело пересекли цветочный кордон. Настоятель попытался их задержать и вдруг обнаружил, что не в состоянии этого сделать. К своему удивлению, он почувствовал: случилось действительно нечто чрезвычайное, чего он не мог и не имел права отрицать.

Вместе со всеми Браумин устремился к монастырю, миновал несколько лестниц и коридоров и, наконец, оказался у лестницы, ведущей на колокольню. На винтовой лестнице было полно монахов, настолько возбужденных и ошеломленных, что они даже не заметили, как вместе с ними бежит больной герцог Тетрафель.

Одолевая один вираж лестницы за другим, Браумин выбрался на площадку, откуда был отчетливо виден главный колокол монастыря Сент-Прешес. В него ударила рукотворная молния, возвещающая о прибытии Джилсепони в Палмарис.

На потемневшей стенке старого колокола, словно вырезанное огненным резцом, запечатлелось изображение поднятой руки, обхватившей лезвие меча.

Браумин раскрыл от изумления рот. Затем повернулся к Джилсепони.

— Как тебе удалось... — начал спрашивать он и вдруг увидел, что Джилсепони ничуть не меньше его поражена увиденным.

Он устал. Он давно не мылся, но на это сейчас не было сил. Если чума еще не проникла в его тело, то, скорее всего, это ненадолго. Но у брата Холана Делмана и в мыслях не было оставить борьбу с чумой. Ни в коем случае, когда видишь, сколько людей умирает под стенами Сент-Бельфура.

Об этом не помышляли ни настоятель Хейни, ни другие монахи, оставшиеся здесь после того, как было решено открыть монастырские ворота. Трое братьев скончались в ужасных мучениях, заразившись во время своих безуспешных попыток помочь заболевшим. До сих пор монахам так и не удалось никого вылечить, хотя их героические попытки помочь продлили жизнь многим людям.

Но даже этот факт не мог остановить Хейни, Делмана и их собратьев. И принц Мидалис, питая неизменные дружеские чувства к простым людям, не желал прятаться в своем небольшом дворце на территории крепости Пирет Вангард. Как и монахам, ему было невыносимо слышать крики умирающих.

Мидалис пока оставался здоровым, зато у Лиамы налицо были все признаки начавшейся чумы.

Холан Делман поспешил в сумрак своей кельи с единственным желанием на какое-то время отгородиться от окружающего мира. О болезни Лиамы он узнал только сегодня утром, едва начав, как обычно, помогать больным у стен Сент-Бельфура, и эта новость сразила его сильнее, чем ежедневный изнурительный труд по уходу за больными чумой. Как ему хотелось броситься к Лиаме и утешить его! Как он хотел направить все свои целительные силы в помощь другу прямо сейчас, когда еще не поздно и чума не успела пустить корни в его теле!

Однако Делман не мог бросить свои обязанности, посчитав тем самым жизнь своего дорогого друга выше жизни остальных. Это противоречило его вере и представлениям о Боге. Да, они успели крепко сдружиться с Лиамом О'Блайтом, однако Холан Делман любил Бога превыше всего.

Но любовь к Богу не могла облегчить его душевную боль, которую причинило ему известие о болезни друга.

Делман свернулся калачиком на своей койке, натянул одеяло и попытался хоть на время забыться.

Вначале он почувствовал ее и вздрогнул. Он откинул одеяло и тогда увидел ее.

В келье стояла Джилсепони.

Холан Делман сел на постели.

— Как ты здесь очутилась? — спросил он. — Неужели корабль...

Он не договорил, ибо вдруг понял, что перед ним находится не настоящая Джилсепони, а ее духовный двойник. Делман глотнул ртом воздух, пытаясь успокоить заколотившееся сердце. Он заерзал на койке, качая головой и дрожа всем телом.

— Брат Делман, мы нашли решение, — наполовину словами, наполовину мысленно сообщила ему Джилсепони.

Холан Делман знал о путешествии в духе, но никогда воочию не видел. Первой мыслью Делмана было, что Джилсепони умерла и теперь к нему явился ее призрак. Затем догадался, что перед ним находится духовный двойник Пони.

— Брат Делман! — уже настойчивее произнесла она.

Он понял, что Джилсепони старается успокоить его, поскольку время дорого и она не сможет долго оставаться в Вангарде.

— Где ты находишься? — спросил он.

— В монастыре Сент-Прешес, — ответила она.

Неожиданно ее голос ослабел, и теперь разговор шел скорее на уровне чувств, нежели на словах. Затем возникла картина места, которое Холан Делман знал очень хорошо. Ее сменила другая картина: плоская гора и высохшая рука, простертая из недр скалы.

— Отправляйтесь туда все, кто болен, и все, кто здоров, — сказала Джилсепони. — Отправляйтесь туда и вы исцелитесь.

Духовный двойник исчез.

Некоторое время брат Делман продолжал сидеть на постели, шумно дыша. Потом вся его усталость куда-то пропала, и он бросился к настоятелю Хейни.

В тот же день в монастыре Сент-Прешес состоялась новая встреча Джилсепони, Тетрафеля и Браумина.

— Туда должны пойти все, — сказала Джилсепони. — И больные, и здоровые. Это должна быть не бредущая толпа, а упорядоченное шествие под защитой ваших солдат.

Герцог Тетрафель, до которого только сейчас начало доходить, скольких хлопот потребует это путешествие, колебался.

— Я готов послать часть солдат, — согласился он.

— Всех! — не терпящим возражений тоном отчеканила Джилсепони. — Повторяю, туда должны отправиться все без исключения. А прежде вы должны будете отправить послание в Урсал и попросить короля Дануба направить на охрану северных дорог всю его армию. Напишите ему, что при этом необходимы согласованные действия, как на настоящей войне. А ты, настоятель Браумин, должен отправить в Барбакан братьев, используя всю доступную тебе магию, чтобы они оказались там как можно быстрее. Как только монахи вкусят крови Эвелина, они, уже не боясь заболеть, смогут помогать паломникам в пути на Аиду.

— Но ты же говорила, что не в состоянии меня вылечить, — возразил герцог Тетрафель.

— Я могу приостановить течение болезни на достаточно длительное время, чтобы вам удалось совершить путешествие на Аиду и исцелиться.

— И ты уверена, что нужно поступать именно таким образом? — довольно мрачно спросил Браумин, и Джилсепони кивнула. Лицо ее было суровым и серьезным.

— Нам потребуется помощь солдат и монахов на всем пути от Палмариса до Барбакана, — объяснила Джилсепони. — Понадобятся склады с провизией и места, где больным паломникам, если надо, помогут силой камней или иными средствами. Понадобятся места, где можно будет переменить лошадей. Солдаты должны будут встречать очередную партию паломников, сопровождать их до следующего такого же места и возвращаться за другими. И так — на всем протяжении пути.

— А ты понимаешь, с какими трудностями это сопряжено? — недоверчиво спросил герцог Тетрафель.

— А вы понимаете, какие последствия нас ожидают, если мы не сделаем этого? — тут же вопросом ответила Джилсепони.

Тетрафель, сразу вспомнив о собственной болезни, замолчал.

— Ты передала весть Делману? — спросил Браумин.

Джилсепони кивнула.

— Вангард предупрежден. Думаю, к этому часу они должны уже принять решение.

— Ты намерена подобным же образом послать сообщение отцу-настоятелю в Санта-Мир-Абель?

Джилсепони задумалась, затем отрицательно покачала головой.

— Я должна отправиться туда вместе с Дейнси. Иначе мне не убедить тамошних братьев.

Браумин, в свою очередь, задумался над тем, что она сказала, потом кивнул.

— Ты права, их не так-то легко убедить, — проговорил он, вспомнив свою последнюю встречу с Гленденхуком и недоверчивого, властного циника Фио Бурэя.

— Нам нужна их помощь, — сказала Джилсепони. — Всех, абсолютно всех братьев вашей церкви. Вначале они должны будут побывать на Аиде и обрести защиту, а затем без усталости трудиться, помогая паломникам.

— Но сначала нужно помочь жителям Палмариса, — потребовал Тетрафель.

Джилсепони кивнула.

— Мы начнем прямо сейчас, на площади.

Взяв камень души, Джилсепони обратилась к больным. Она помогала всем, кто был в состоянии дойти до площади. Солдаты и здоровые жители Палмариса стали подготавливать лошадей и повозки.

Поскольку Браумин и другие монахи пока не могли помогать больным, они направляли в камни души свою силу и затем передавали ее Джилсепони.

Она безостановочно трудилась весь день и всю ночь. Нескольким больным она так и не смогла помочь, ибо было уже слишком поздно. Джилсепони знала: этим людям не добраться до Барбакана, даже если бы она сопровождала их и непрерывно врачевала на всем протяжении дороги. Тем не менее Джилсепони не отказала им в помощи, попытавшись хоть как-то уменьшить их страдания.

Уже под утро, истощенная до предела, но сознающая, что каждая минута ее промедления означает чью-то смерть, Джилсепони и Дейнси Окоум выехали из Палмариса. Вместо медленной паромной переправы их через Мазур-Делавал перенесла «Сауди Хасинта» капитана Альюмета.

В ту же ночь настоятель Браумин вместе со всеми монахами отправились в спешное путешествие на север, используя магические самоцветы для облегчения ноши лошадей, освещения дороги и обследования местности. Помня опыт своей первой поездки в Барбакан, они заимствовали часть сил у диких животных, что позволяло лошадям бежать быстрее и реже делать остановки.

Монахи намеревались как можно быстрее добраться до Барбакана, чтобы затем, растянувшись живой цепью вдоль всего пути, помогать паломникам.

И все же Браумина Херда терзали сомнения. Да, он доверял Джилсепони и хорошо помнил изображение, чудесным образом появившееся на главном колоколе Сент-Прешес. Однако слишком многое в жизни этого мягкого и доброго человека вдруг оказалось поставленным на карту. Он не позволял своим надеждам воспарять высоко, боясь горько разочароваться.

И что тогда? Этот вопрос не давал настоятелю покоя. Что ждет жителей Палмариса, герцога и солдат, если их дальний и тяжелый путь в Барбакан, куда доберутся далеко не все, окажется жестоким разочарованием?

Эта мысль заставляла его вздрагивать, и тогда Браумин начинал думать о Джилсепони. Он вспоминал их предпоследнюю встречу. Тогда, вручив ей мешочек с самоцветами, он молил о том, чтобы ей удалось найти свет, который укажет путь к спасению от свалившегося на людей бедствия. И вот она явилась в Палмарис, утверждая, что этот путь найден. Почему же ее слова вызвали в нем не радость, а бесконечные сомнения?

Мог ли он называть себя другом Джилсепони и не верить ей?

Какой же он служитель Бога, если он не в состоянии поверить в чудо?

ГЛАВА 41

ВОПРЕКИ СЕБЕ

— Отрежем их посередке, и ихний конелюдь им ничем не поможет! — ухмыльнулся маленький гоблин Крискшнак, обнажая кривые зубы. — Отрежем и всех пожрем!

Соплеменники радостно задергали головами. Еще бы! Зрелище было и впрямь захватывающим. Внизу по тропе двигалась длинная вереница людей. То были первые паломники из Дундалиса и двух соседних городов, идущие в Барбакан.

Для орды гоблинов, явившихся сюда с близлежащих гор, люди казались легкой добычей. Гоблины, в отличие от паломников, прекрасно знали здешние места. Теперь они начнут постоянными набегами косить, точно траву, ряды этих беспечных и глупых людишек. А потом по остаткам паломников нанесут и последний удар!

К сидящим в засаде стягивались все новые и новые гоблины, общее число которых вскоре перевалило за три сотни.

Крискшнак, пуская от возбуждения слюни, вместе с другими разведчиками начали спускаться к тропе. На противоположной стороне их с нетерпением ждали соплеменники. Но вдруг один из разведчиков неожиданно вскрикнул от боли.

— Ой! — вопил гоблин. — Паршивая пчела! Такая ужальная!

Крискшнак обернулся и увидел, что кричащий гоблин отчаянно молотит руками воздух и дергается всем телом. Наконец он вскрикнул последний раз. Гоблин безжизненно рухнул на камни.

Крискшнак не успел сообразить, что к чему, как закричал другой гоблин, а за ним — третий.

Среди своих Крискшнак считался смышленным малым, и потому он не стал раздумывать о причинах столь странного поведения его товарищей, а решил поскорее уносить ноги. Он перевалил через уступ, пробежал по плоскому валу, затем спрыгнул с небольшой скалы. До спасительной рощи ему оставалось не более двадцати футов.

Вначале ему обожгло бедро. Крискшнак наклонился и увидел торчащее из ноги древко маленькой стрелы. Хромая, он побежал дальше, но в бедро вонзилась другая стрела. Третья попала ему в живот.

Согнувшись от боли, держась одной рукой за живот, а другой — за бедро, Крискшнак упорно двигался к деревьям.

— Роща, — с надеждой выдохнул гоблин, думая, будто спасся. Он поднял глаза и увидел... маленьких лучников, нацеливших на него свои маленькие луки.

Спустя мгновение Крискшнак навсегда затих под градом маленьких стрел.

Король Дануб недоверчиво глядел на пергамент, пытаясь разобрать строчки, написанные торопливым пером какого-то купца, чей корабль сегодня утром пришел в урсальскую гавань. Это сообщение передавалось вдоль всего Мазур-Делавала: из уст в уста, с корабля на корабль. Оно предвещало официальное сообщение герцога Тетрафеля.

Дануб взглянул на Констанцию и Каласа. Прежде чем передать пергамент королю, они прочли это сообщение сами. Серьезные лица обоих лишь отчасти выдавали их внутреннее смущение.

— Это может явиться нашим спасением, — напомнил им король.

— Тетрафель болен, а потому готов хвататься за соломинку, — возразил герцог Калас.

— Поверить всему, чему угодно, — тут же вставила Констанция.

Она вздрогнула: в ней зашевелился ревнивый страх, что Джилсепони вновь окажется спасительницей мира.

— У нас нет полной уверенности ни в чем, — сказал король. — Особенно сейчас, когда нам еще несколько дней придется дожидаться официального сообщения, написанного Тетрафелем.

— Часто слухи бывают неточными, — осторожно произнес Калас.

По тону герцога чувствовалось, до чего же ему хотелось, чтобы это так и было.

Однако Дануб был иного мнения. Он медленно покачал головой.

— Слишком серьезные слова тут написаны, — заметил он.

— Возможно, многие из тех, кто передавал сообщение, разделяют участь несчастного Тимиана, — возразила Констанция. — Они либо сами являются жертвами чумы, либо кто-то из их близких.

Король Дануб вновь обратился к пергаменту и медленно перечитал сообщение. Там говорилось, что герцог Тетрафель находится на пути в Барбакан вместе со всеми имеющимися у него солдатами и большей частью жителей Палмариса. Неужели все это выдумки больных людей, которым так хотелось поверить в спасение?

— Возможно, какие-то частности и исказились при передаче, но общее содержание представляется вполне достоверным, — вслух заключил король Дануб.

— И вы верите, что Тимиан Тетрафель отважился на такую глупость, как отдать весь палмарисский гарнизон в распоряжение Джилсепони Виндон? — язвительно спросил Калас.

— Если она нашла средство победить чуму, это вполне разумный и правильный шаг.

Констанция презрительно хмыкнула и отвернулась.

— Давайте исходить из того, что это сообщение достоверно, — предложил Дануб.

— То есть признать, что средство исцеления найдено? — спросил герцог Калас, недоверчиво качая головой в такт каждому своему слову. — И что же, прикажете сообщить эту весть тысячам обреченных жителей Урсала? Представляете, какими бунтами это грозит и чем вообще это может обернуться для королевской власти, если сведения окажутся ложными?

— Я не призываю к поспешным действиям, — поправил его король Дануб. — Прежде чем что-либо объявлять народу, мы дождемся официального сообщения от Тетрафеля. Но давайте представим, что солдаты и жители Палмариса действительно двинулись в путь. Что в таком случае должны делать мы?

Калас шумно втягивал легкими воздух, а Констанция все так же глядела в дальний угол зала и недоверчиво качала головой. Если массовый исход из Палмариса — правда, для Дануба это может иметь весьма серьезные последствия. Если Тимиан Тетрафель отдал в распоряжение Джилсепони палмарисский гарнизон и даже послал солдат туда, куда она велела, подобное событие в случае бездействия Дануба грозило политической катастрофой. Надо учитывать, что Тетрафель всегда отличался непредсказуемостью своих поступков. Но если Дануб, следуя его примеру, передаст армию и подданных в руки этой женщины, а ее «лекарство» окажется пустым звуком, размеры катастрофы увеличатся десятикратно.

— Мы могли бы отправить небольшой отряд. Скажем, моряков, герцога Брезерфорда. Пусть поплывут на север и все разузнают, — предложил герцог Калас.

— Пока они вернутся, благоприятное время года будет упущено, и дороги на север станут непроходимы, — возразил король Дануб. — А потом зима унесет жизнь многих, кого можно было бы спасти.

Констанция круто повернулась в его сторону.

— Такое впечатление, будто вы уже целиком поверили этой женщине, — резко произнесла она, после чего они с Данубом обменялись долгим, пристальным взглядом.

— Пока чума не кончилась, мы все находимся в безнадежном положении. — спокойно проговорил Калас, беря на себя несвойственную ему роль посредника.

— Готовь солдат к дороге, — приказал Дануб.

— Но, ваше величество... — в один голос начали возражать герцог и Констанция.

Дануб поднял руку, призывая их успокоиться.

— Я не отдаю тебе приказа начинать поход, — пояснил он. — Я велел подготовить войска на тот случай, если мы решим тронуться в путь. И пошлите за настоятелем Хингасом, чтобы мы знали, каковы намерения церкви на этот счет. Судя по положению Сент-Хонса и других монастырей, их дела намного хуже наших. Простой народ в большинстве своем винит в появлении чумы не королевскую власть, а церковь.

Шел дождь, но настроение жителей Тимберленда было по-прежнему бодрым, ибо на горизонте уже маячила горная цепь Барбакана. Еще день пути, даже меньше, и они будут там. Роджер Не-Запрешь и Смотритель знали все тропы в этих горах. Они знали, как побыстрее добраться до горы Аида и плато Эвелина, а значит — и до спасения.

Утром Роджер вместе со Смотрителем отправились разведать дорогу. На этот раз они были особенно внимательны — кентавр почуял сильный запах гоблинов и опасался, что эти твари могут находиться где-то поблизости.

Их обоих по-настоящему страшило неожиданное столкновение с целым племенем гоблинов, но то, что они увидели, не представляло никакой угрозы.

Тело мертвого гоблина валялось на обочине дороги.

Роджер подошел ближе и, поддев тело ногой, перевернул его. Он заметил множество маленьких ранок на лице, шее и груди. Такие ранки ему доводилось видеть раньше.

Глаза Роджера тут же устремились вверх и начали внимательно оглядывать ветви ближайших деревьев.

— Ты чего глазеешь по веткам? — спросил Смотритель. — И кто убил этого звереныша?

— Стрелы, — ответил Роджер, продолжая смотреть вверх. — Маленькие стрелы...

— Эльфов, — закончил за него мелодичный голос, донесшийся из кроны дерева.

Роджер всего однажды слышал этот голос, но сразу же узнал, кто это. Голос был знаком и Смотрителю.

— Дасслеронд? — удивленно засмеялся кентавр. — Значит, и ты здесь?

— Приветствую тебя, Смотритель, — ответила госпожа Дасслеронд. — Рада вновь тебя увидеть, хотя меня удивляет, что во время чумы ты оказался среди людей.

— Направляюсь вместе с ними к старому другу, — ответил кентавр. — Слыхала про руку Эвелина?

— Джилсепони нам сообщила, — ответила госпожа Дасслеронд.

— Значит, ты уже побывала на плато?

Ответа не последовало, и Смотритель, достаточно хорошо знавший эльфов, решил больше не говорить об этом.

— Можете не волноваться: путь к Аиде совершенно безопасен, — сказала разведчикам госпожа Дасслеронд.

— И много тут гоблинов болталось? — спросил кентавр.

— Не слишком, — послышался другой знакомый голос. — Мой колчан опустел лишь наполовину.

С этими словами Белли'мар Джуравиль прыгнул на нижнюю ветку раскидистого вяза. Роджер хотел подойти ближе, однако эльф предостерегающе поднял руку.

— Мы обезопасили дорогу и останемся здесь ненадолго, — пояснила госпожа Дасслеронд. — Но это дорога для людей, значит, людям ее и охранять. Знайте, что незадолго до конца лета мы возвратимся в Эндур'Блоу Иннинес.

— Мы и так очень вам благодарны, — сказал Смотритель, почтительно склонив свой человеческий торс. — И пусть благословение Эвелина будет с вами.

— До самой Аиды, — ответила госпожа Дасслеронд, обращая свои слова к Роджеру. — Знайте, что и обратный ваш путь также будет безопасным.

— Вслед за нами придут другие, и их будет очень много, — начал объяснять Роджер.

— Они уже движутся сюда, — вмешался Джуравиль. — Жители Кертинеллы, Ландсдауна и даже Палмариса. Джилсепони побывала там. Когда вы тронетесь в обратный путь, сюда доберутся Браумин и его монахи, а еще через какое-то время здесь появится новый барон Палмариса с целым гарнизоном солдат.

При этих словах лица Роджера и Смотрителя буквально просияли.

— А она славная девушка, наша Пони, — заметил кентавр.

— И Дейнси тоже, — поспешил добавить Роджер.

Ему очень захотелось рассказать Джуравиллю о том, как изменилась его жизнь, но эльф

исчез, словно растворившись в густой листве деревьев. Роджер несколько раз позвал его. Ответа не было.

Роджер со Смотрителем вернулись назад и сообщили, что путь свободен.

На ночлег паломники расположились уже среди высоких скал Барбакана, в непосредственной близости от горы Аида. Наутро первые путешественники достигли заветной площадки, поцеловали руку Эвелина и вкусили крови с его ладони.

В числе первых был и Роджер. Едва войдя в завет с Эвелином, он безошибочно почувствовал, что отныне стал защищен от розовой чумы.

— Это дурацкая затея! — недовольно бросила Констанция Пемблбери.

Король Дануб продолжал облачаться в дорожное платье, прикрепляя к поясу меч.

— А если все это чушь? — продолжала Констанция. — Вы представляете, какой опасности вы подвергаете себя? И чем это может обернуться для королевства?

Все эти вопросы Дануб слышал уже не в первый раз. Сетования Констанции не прекращались с того самого момента, как он объявил, что вместе с внушительной армией отправляется из Урсала в Палмарис и, возможно, даже дальше. Он спокойно смотрел в глаза Констанции и улыбался.

— Если это все-таки не чушь, я должен быть одним из первых, кто окажется там, — пытался объяснить он придворной даме. — Какой же я король, если прячусь в Урсальском замке, а в это время на севере совершается спасение мира?

— Все эти месяцы мы прятались в Урсальском замке, — напомнила Констанция. — Торренс еще ни разу не покидал его стен.

— Мы слишком засиделись здесь! — ответил Дануб.

Он собирался покинуть зал, но Констанция бросилась вперед и загородила дверь.

— Я знаю, вы утомлены такой жизнью, как и все мы, — сказала она. — Но мы должны быть стойкими во имя блага королевства.

— Герцог Тетрафель отдал в распоряжении Джилсепони весь свой гарнизон, — напомнил ей Дануб. — Он поверил ей и повел с собой весь город.

— Ему нечего терять.

— Возможно, и так. Но мы с тобой знаем, что мне нельзя оставаться в стороне, когда где-то происходят важные события. Для охраны пути на север понадобится множество солдат. Если все так, как говорят, количество паломников начнет постоянно увеличиваться.

— Братья из Сент-Хонса еще не готовы к отъезду, — возразила Констанция.

Так оно в действительности и было. Настоятель Хингас знал о возможном чуде и даже утверждал, что его посетил духовный двойник Джилсепони и настойчиво убеждал отправиться на север. Тем не менее сам Хингас и его собратья не собирались трогаться в путь прямо сейчас.

Король Дануб, выслушав возражения в очередной раз, глубоко вздохнул, затем крепко схватил Констанцию за плечи.

— Я верю в это, — сказал он. — Я должен в это верить. И если средство избавления Хонсе-Бира от чумы действительно найдено, я непременно должен оказаться в Барбакане. Ради блага народа и королевской власти.

— Вы верите в чудо? — довольно резко спросила Констанция. — Или в нее?

Вопросы несколько удивили Дануба: Констанция впервые открыто приревновала его к Джилсепони. Но ведь то, что узнала Джилсепони, касалось судьбы всех народов!

Король Дануб долго и пристально смотрел на Констанцию.

— Я должен это сделать, — заявил он, осторожно, но решительно отодвигая придворную даму от двери.

Затем он вышел из зала.

Его ожидал герцог Калас, не слишком обрадованный предстоящим путешествием, но уже одетый по-дорожному.

— Корабли герцога Брезерфорда ждут отплытия, — доложил Калас. — Дорога к гавани

надлежащим образом подготовлена.

— Тогда едем немедленно, — ответил Дануб и зашагал по коридору, увлекая за собой герцога.

— Ваше величество! — раздался голос Констанции; король и герцог обернулись.

Констанция стояла, упираясь руками в дверной проем.

— Вас ждет рискованное путешествие, — проговорила она. — Вы должны назвать своего преемника.

Дануб искренне удивился ее словам. Он не раз отправлялся навстречу опасностям, даже и не думая о каком-либо официальном заявлении. Впрочем, до сих пор ему и не требовалось делать подобных заявлений.

— Я вернусь, — сказал он Констанции, не желая говорить об очевидных вещах и доставлять ей боль.

— Я требую этого ради блага королевства, — громко заявила Констанция.

Король Дануб ощущал на себе сверлящий взгляд Каласа, однако не отводил глаз от Констанции.

— В случае моей гибели трон наследует принц Мидалис, ныне правящий Вангардом, — объявил Дануб. — Перед тем как покинуть Урсальский замок, я распоряжусь, чтобы это было официально засвидетельствовано.

Констанция чуть повернула голову, стремясь скрыть под вежливой улыбкой вспышку гнева.

Король Дануб повернулся и ушел.

Герцог Калас какое-то время продолжал смотреть на Констанцию.

— Терпение, — сказал он, когда Дануб отошел на достаточное расстояние и уже не слышал его слов. — Мервик еще слишком мал.

Констанция бросила на него испепеляющий взгляд и с шумом захлопнула дверь.

Калас, которому тоже не хотелось спешно покидать Урсал, но который хорошо знал свое место и не перечил желаниям короля, только усмехнулся и поспешил вслед за Данубом.

ГЛАВА 42

СПАСЕНИЕ ИСТИННОЕ И МНИМОЕ

Зрелище, открывшееся Джилсепони и Дейнси на подъезде к Санта-Мир-Абель, заставило их забыть то, что они увидели в Палмарисе... На унылой, открытой всем ветрам равнине, рядом с величественными стенами монастыря, громоздились десятки шатров и навесов. Джилсепони казалось, что внутри каждого шатра лежало по несколько десятков больных.

Сотни людей — живые покойники — отрешенно бродили по лагерю и вокруг него.

— Сколько их, — в ужасе прошептала Дейнси Окоум.

Джилсепони кивнула. Она понимала, почему здешнее поселение чумных больных столь велико. Вокруг Санта-Мир-Абель не было городов. Ближайшим городом, если не считать маленького Эмвоя, был Палмарис, лежавший в восьмидесяти милях к северо-западу и отделенный широким проливом. Людям из ближних и дальних селений этого обширного края больше некуда было идти, и они стекались сюда, под стены главной крепости церкви Абея. Стекались и умирали на глазах монахов и самого отца-настоятеля.

А сколько больных умерло по дороге? — думала Джилсепони. Наверное, еще столько же.

Джилсепони вдруг охватило такое отчаяние, что ей захотелось повернуть Дара и поскакать назад, скрыться в Дундалисе, в комнатке над трактиром «У доброго друга». Забиться в нору, которую она когда-то вырыла для себя. Невероятным усилием воли Джилсепони прогнала эти мысли, закрыла глаза и представила образ простертой руки Эвелина.

— Да, их слишком много, — прошептала она, отвечая Дейнси.

Она пришпорила Дара, и могучий конь поскакал через поле.

Множество глаз следило за двумя всадниками, осторожно двигающимися между шатрами и навесами, держа путь к главным воротам монастыря. Джилсепони ощущала себя плывущей по бурному морю, а Санта-Мир-Абель представлялся ей далеким островом.

Но не спасительным островом.

Как ей хотелось разнести эти стены!

* * *

Брат Фрэнсис медленно шел вдоль цветочного кордона, чувствуя, как с каждым шагом у него слабеют ноги.

Пусть его бывшие собратья это увидят.

Он был крайне изможден и измотан. В кармане у брата Фрэнсиса лежал камень души, и монаху хотелось, высвободив свой дух, прорваться за стены Санта-Мир-Абель.

Да, ему хотелось, словно призраку, нарушить покой тех, кто прятался за стенами.

Как ему хотелось, чтобы они это увидели!

Катая камень между пальцев, Фрэнсис понимал, что упустил такую возможность. Сейчас у него вряд ли хватит сил высвободить дух из тела.

Он не сумеет даже позвать к стене Бурэя.

Ноги слабели, дыхание тяжелело с каждым шагом.

Нет, они должны это увидеть. Они должны оказаться свидетелями того, что брат Фрэнсис встретил смерть мужественно и с сознанием своей правоты!

Он уже не шел. Фрэнсис даже не заметил, когда его ноги подкосились и он упал. Ему удалось немного откатиться в сторону, так, чтобы иметь в поле зрения стену. Он несколько успокоился, увидев наверху фигуры монахов. Глаза ослабели, и ему было не различить, кто именно стоит на стене. Но Фрэнсис чувствовал: бывшие собратья глядят на него и показывают в его сторону.

Значит, они непременно скажут Бурэю.

Утешившись этой мыслью, Фрэнсис повернулся к цветочному ограждению, погрузившись в волны ароматов и созерцая разноцветные пятна. Умиравшему монаху казалось, что запахи цветов способны дать ему то же, что некогда давал гематит, — отделить душу от тела. И тогда он на благоуханном облаке полетит прямо к Богу и предстанет перед его судом, которого он больше не боялся.

Фрэнсис не услышал, как где-то поблизости раздался и смолк цокот копыт. Ушей его коснулся шум собиравшейся толпы, возглавляемой Мери Каузенфед. Несколько сотен больных двигалось сюда, чтобы проститься с братом Фрэнсисом из Санта-Мир-Абель.

Знай Фрэнсис об этом, он был бы счастлив.

Джилсепони еще издали увидела лежащего и поняла, что он безнадежен. Такие же люди встречались ей и в Палмарисе, и по дороге сюда. Ему уже ничто не поможет. Даже если сейчас она отдаст все силы сражению с чумой в его теле, ей удастся лишь ненадолго продлить ему жизнь. Может, на несколько минут или даже часов, которые он все равно проведет в мучениях.

Глядя на его изможденное и почти бездыханное тело, Джилсепони понимала: чума одержала победу над жизнью этого человека, и теперь его глаза видели не столько окружающий мир, сколько глядели по ту сторону завесы.

Джилсепони ни за что не узнала бы лежащего, если бы вокруг не повторяли его имя. Когда она в последний раз видела Фрэнсиса, это был сильный, крепкий, чуть грузноватый человек с чисто выбритым лицом и коротко подстриженными волосами. Сейчас перед ней лежал настоящий бродяга! Длинные, спутанные волосы, такая же длинная, густая борода и совершенно высохшее тело.

Джилсепони подошла к нему, опустила на колени и взяла его руку в свою.

Фрэнсис долго глядел на нее, но, похоже, так и не узнал.

— Здравствуй, брат Фрэнсис, — прошептала она. — Я слышала о твоём поступке, о твоём мужестве и сострадании к больным.

Фрэнсис продолжал отрешенно смотреть на нее, затем на его лице появилась улыбка.

— Джилсепони? — спросил он.

Она кивнула и потянулась за камнем души, хотя и сомневалась, удастся ли ей войти в тело Фрэнсиса.

Улыбка больного разом погасла.

— Ты можешь меня простить? — спросил он.

При каждом слове из его груди вырывался хрип.

Джилсепони удивленно и непонимающего взглянула на него.

— Твой брат, — произнес Фрэнсис. — Греди Чиличанк... Это я...

Джилсепони наклонилась ближе, стараясь не хмуриться.

— Я убил его, — признался Фрэнсис. — По пути из Палмариса. Это был несчастный случай... Я не хотел...

Джилсепони приложила палец к его губам, не давая ему договорить. Событие было слишком давним, а ненависть — слишком неуместной сейчас.

— Прости меня, — снова произнес Фрэнсис. — Мы все тогда ошибались и делали страшные вещи.

— А теперь ты знаешь истину? — спросила Джилсепони.

Фрэнсис вновь улыбнулся, а потом вздрогнул и закрыл глаза. Джилсепони опять потянулась к камню души, но Фрэнсис, словно прочитав ее мысли, задержал ее руку.

— Я уйду без страха, — прошептал он, и Джилсепони показалось, что эти слова он произнес больше для себя, чем для нее.

— Я не боюсь суда, — добавил он, не открывая глаз.

Это были последние слова брата Фрэнсиса Деллакорта, монаха из Санта-Мир-Абель.

Джилсепони даже и предположить не могла, что смерть Фрэнсиса так больно ударит по ней. Прежде она не испытывала никаких дружеских чувств к этому человеку. Одно время он был в числе ее злейших врагов. И даже потом, когда после падения Маркворта они оба оказались в Сент-Прешес и Фрэнсис объявил, что она должна стать матерью-настоятельницей церкви Абея, Джилсепони относилась к нему довольно неприязненно.

И вот он только что тихо и, как ей показалось, радостно скончался на ее глазах. К своему удивлению, Джилсепони стало очень тяжело, оттого что Фрэнсис умер.

Джилсепони осторожно сняла мертвую руку со своего плеча и переложила ему на грудь. Потом медленно встала и огляделась. Собравшиеся во главе с одноглазой женщиной плакали, глядя на тело брата Фрэнсиса. Джилсепони повернулась в сторону мрачно высившихся стен Санта-Мир-Абель. Ей понадобилось некоторое время, чтобы успокоиться и подавить чувства, захлестнувшие ее при виде монастыря.

Там в цепях держали Смотрителя. Там нашли мучительную смерть ее приемные родители.

Она глубоко вздохнула, напомнив себе, для чего она здесь, потом заставила себя взглянуть туда, где на стене стояло несколько фигур в сутанах. Взяв Дейнси за руку, Джилсепони пошла к монастырю.

— Фрэнсис умер? — спросил сверху чей-то резкий, незнакомый ей голос.

— Да, умер, — ответила Джилсепони.

Она услышала, как спросивший презрительно рассмеялся.

— Они невзлюбили его за то, что он оказался у нас, — послышалось у нее за спиной.

Джилсепони обернулась и увидела одноглазую женщину. Над телом Фрэнсиса уже хлопотали больные, бережно оборачивая его в простыню.

— Фрэнсиса изгнали из монастыря, когда он заболел? — спросила Джилсепони.

Женщина покачала головой.

— Он пришел к нам сам, когда был еще совсем здоров. И как мог помогал им всем, —

ответила она, махнув рукой в сторону толпы больных. — Всем. Прежде чем заболеть, он сумел одного, а может, двоих вылечить от чумы. Да, хороший человек был брат Фрэнсис. Святой, помни мои слова! Этим, что выстроились на стене, даже невдомек.

Женщина с силой плюнула под ноги.

— А-а, что они вообще знают, жалкие трусы? Сами носа не высовывают наружу и грозят убить каждого из нас, если мы только сунемся за их цветочную загородку.

Брат Фрэнсис... святой. Джилсепони смотрела, как уносят его тело. В ее мозгу никак не укладывались слова одноглазой женщины. Но еще сильнее на разум Джилсепони давили последние слова самого Фрэнсиса, его убежденность, что он не боится суда. Может, Фрэнсис действительно нашел свет и истину? Была ли его умиротворенность в минуту смерти настоящей, а не кажущейся? Может, он почувствовал, что уже искупил свой грех, и потому более не страшился Божьего суда?

Джилсепони вновь посмотрела на стену. Монахов стало больше. Несомненно, многим хотелось увидеть последнее путешествие их бывшего собрата.

— Мне необходимо поговорить с отцом-настоятелем, — крикнула им Джилсепони.

— Тебя никто не пустит внутрь, — услышала она тот же резкий и высокомерный голос.

Джилсепони взглянула на массивные монастырские ворота, и ее рука инстинктивно потянулась мешочку с самоцветами, висевшему у нее на поясе.

— Если бы я захотела, обошлась и без ваших разрешений, — пробормотала она сквозь зубы.

Она еще раз посмотрела на высокомерного монаха и только сейчас заметила, что левый рукав его сутаны заткнут за пояс.

— Я готова говорить с ним у ворот, через цветочный кордон, — сказала Джилсепони.

Монах презрительно усмехнулся и повернулся, намереваясь уйти.

— Тебе известно, кто я? — крикнула ему Джилсепони, заставив остановиться. — Я — Джилсепони Виндон из Дундалиса, друг Эвелина Десбриса, друг Браумина Херда и жена Полночника! Это я уничтожила демона, вселившегося в отца-настоятеля Маркворта!

Монах вернулся к краю стены и стал внимательно разглядывать женщину.

— Скажи отцу-настоятелю, что я привезла исключительно важные сведения, — продолжала Джилсепони. — Жизненно важные.

— Можешь передать их мне, — ответил однорукий монах.

— Попроси отца-настоятеля встретиться со мной у цветочного ограждения, — сказала Джилсепони, не обращая внимания на его властные слова. — Если все вы хотите услышать мой рассказ, тогда приходите. У меня нет времени повторять его более одного раза.

Сказав это, Джилсепони повернулась, махнула Дейнси и одноглазой женщине и направилась в сторону больных.

Монах окликал ее несколько раз, веля ей вернуться и объяснить, что к чему. Он даже пригрозил, что не позовет Агронгерра.

Но Джилсепони не собиралась играть в его игры. Особенно сейчас, когда вокруг ее ожидало столько работы.

— Расскажи мне о себе, — попросила она одноглазую женщину, понимая, что той каким-то образом удалось выжить.

К тому же, видя, как спокойно и толково та распоряжается, Джилсепони безошибочно угадала в ней предводительницу лагеря больных.

Вскоре Джилсепони уже занималось привычной работой, помогая больным, которых строго по порядку направляла к ней Мери Каузенфед. В это время створки массивных ворот Санта-Мир-Абель распахнулись. В арочном проеме стояли несколько монахов. С обеих сторон их окружали другие монахи с тяжелыми арбалетами в руках. Джилсепони подозвала Мери.

— Успокой людей и проследи, чтобы они не расходились. Я скоро вернусь, — объяснила она.

— Я уже видела тех, кого ты исцелила, — начала возбужденно тараторить Мери.

— Говорю тебе снова: я никого не исцелила, — поправила ее Джилсепони. — Я дала им необходимую передышку. Как я и рассказывала, исцеление они получают позже, от того, кто значительно сильнее меня.

Она потрепала Мери по плечу, потом кивнула Дейнси, и они вдвоем направились к цветочному заграждению.

— Мы много наслышаны о твоих замечательных делах, Джилсепони Виндон, — приветствовал ее самый грузный из монахов.

Судя по морщинистому лицу, он был и самым старшим среди них. Наверное, так будет выглядеть в старости Белстер О'Комели, только, разумеется, без сутаны.

— Я — отец-настоятель Агронгерр, прежде служивший в Сент-Бельфуре. Великая боль наполняет мое сердце при мысли, что чума не миновала и тебя.

— Уже миновала, — незамедлительно ответила Джилсепони.

— Но ты же пытаешься лечить больных! — возразил отец-настоятель.

— И вскоре непременно разделишь судьбу Фрэнсиса, — закончил фразу стоявший рядом с ним однорукий монах.

— Чума мне больше не страшна, — ответила Джилсепони, — потому что я вошла в завет с Эвелином и вкусила его крови. Теперь я могу с помощью камня души лечить других, не опасаясь, что демоны чумы проникнут в мое тело. И потому мое лечение стало успешнее.

— И что же, ты собираешься вылечить их всех? — спросил однорукий монах.

— Вероятно, я не вылечу никого, — ответила Джилсепони. — Но многих я сделаю достаточно сильными, и они выдержат путешествие, которое обязательно должны совершить.

Она умолкла, видя, как на лицах монахов появляется интерес.

— Они должны совершить паломничество в Барбакан, к плато Эвелина. Там их ждет настоящее исцеление, — объяснила она.

Однорукий монах презрительно хмыкнул и хотел что-то сказать, но Агронгерр поднял руку, не дав ему говорить.

— Это правда, отец-настоятель, — продолжала Джилсепони, пристально глядя на него. — Посмотрите на эту женщину, — она подтолкнула Дейнси вперед. — Вот живое подтверждение моих слов. Она находилась не в лучшем состоянии, чем Фрэнсис. Я думала, что ее смерть неминуема, но затем...

— Но затем я поцеловала кровотокающую ладонь, — перебила ее Дейнси. — И мне показалось, будто ангелы спустились с небес и выжгли чуму из моего тела.

— А Фрэнсис-то мертв, — словно не обращая внимания на Дейнси, бросил однорукий монах. — И ты его не спасла.

— Он не смог бы выдержать путешествие.

Джилсепони оглянулась на длинную очередь больных, дожидавшихся ее возвращения.

— И из них далеко не все дойдут до конца, — призналась она. — Но многие дойдут и обретут исцеление. А те, кого чума пока не коснулась, получают надежную защиту против нее.

Монахи молчали. Взглянув на них, Джилсепони увидела, как отец-настоятель задумчиво пощипывает свой подбородок.

— Ты желала говорить со мной. Следовательно, ты считаешь, что мы можем сыграть в этом какую-то роль, — сказал Агронгерр.

И вновь однорукий монах презрительно усмехнулся.

— Дурацкую роль, — процедил он. — Вне сомнения, ты хочешь, чтобы мы вышли на поле и применили священную магию, пытаясь помочь этой толпе, а потом все бы дружно перемерли.

— Я хотела рассказать вам о чуде, произошедшем на Аиде, — объяснила Джилсепони, обращаясь к Агронгерру и снова изо всех сил стараясь не обращать внимания на неприятного ей однорукого монаха. — Вы и все ваши братья должны как можно скорее совершить паломничество туда и войти в завет с Эвелином. Только тогда вы сможете по-настоящему помогать больным. Пока этого не случилось, я ни в коем случае не хочу, чтобы

вы рисковали жизнью. Нам крайне необходима помощь ваших братьев в той долгой войне, которую мы вынуждены вести с чумой.

Агронгерр ответил не сразу, однако Джилсепони ясно видела, какие чувства им владеют.

— Не надо верить мне на слово, — резко сказала Джилсепони, не обращая внимания на то, что однорукий монах снова пытается вставить очередное язвительное замечание. — Воспользуйтесь камнями души и проверьте сказанное мною. Отправьтесь в Палмарис, и вы увидите, что весь город пуст, а его жители движутся на север. С ними идут солдаты герцога Тетрафеля и ваши собратья из Сент-Прешес. Отправляйтесь дальше, и вы увидите длинные вереницы жителей других городов, идущих к этому самому священному из мест.

Джилсепони замолчала. Ей было любопытно, станут ли монахи возражать. Но по их ошеломленным лицам она увидела, что им нечего сказать.

— Отец-настоятель, пусть камни перенесут вас на гору Аида, — сказала она наконец. — Если требуется, посетите в духе это священное место. Убедитесь сами и тогда пошлите ваших братьев, и, разумеется, в теле, чтобы они вкусили крови завета Эвелина и узнали истину. Ваша помощь жизненно необходима.

— Ты многого просишь от нас, — тихо ответил Агронгерр.

— Я говорю вам правду и прошу, чтобы вы сделали правильный выбор, — сказала Джилсепони.

— Все это чепуха, — заявил однорукий монах. — Твоя подруга пережила чуму, так не она одна! Та уродливая женщина на поле, которая возится с больными, тоже сумела выжить. Но мы же не стали кричать о чуде и требовать, чтобы весь мир устремился туда, где чума выпустила эту одноглазую из своих когтей!

Джилсепони пожала плечами.

— Выбор за вами. Хотите — верьте, не хотите — продолжайте прятаться за стенами, — сказала она и усмехнулась. — Я могу лишь рассказать вам правду и молить о том, чтобы ваша вера оказалась настоящей, а не просто маской, за которой вы прячетесь.

Однорукий монах нахмурился.

— Если вы не верите в возможность таких чудес, тогда вас и впрямь не зря обвиняют в том, что вы прячетесь за стенами.

Она повернулась и пошла прочь. Дейнси, беспомощно усмехнувшись, двинулась следом.

— Эй, а откуда у тебя камни? — крикнул однорукий монах.

Джилсепони резко обернулась.

— Это мои камни, — сказала она.

— Все камни принадлежат церкви, — возразил монах.

Джилсепони сощурилась и обожгла его презрительным взглядом.

— Так подойди и возьми их, — предложила она.

Монах не пошевелился, и она зашагала дальше.

Джилсепони ожидала, что в спину ей полетят арбалетные стрелы. Но этого не случилось, и она вернулась к терпеливо ждущим ее больным и продолжила работу. Мери Каузенфед следила за очередью, выстроившейся к Джилсепони, и, не давая людям передышки, отправляла их готовиться к дороге.

Больные, которые уже очень давно не чувствовали себя так хорошо, незамедлительно отправлялись в путь, объединяясь по несколько десятков человек. Они хотели как можно скорее добраться до Палмариса и оттуда двигаться дальше. Если все пойдет хорошо, объясняла им Джилсепони, к северу от Палмариса они должны будут встретить солдат и монахов, готовых помочь им так же, как она.

— По крайней мере, скоро под нашими стенами стихнут все эти крики и стоны, а в нос перестанет бить зловоние, — сказал Фио Бурэй, обращаясь к Гленденхуку.

Они смотрели, как люди непрерывной цепью уходили с поля. Меж тем работа

Джилсепони продолжалась, и Мери все так же следила за очередью и отдавала распоряжения.

— Джилсепони Виндон сгодились хотя бы на это, — ответил Гленденхук.

— Она сказала правду, — объявил отец-настоятель Агронгерр, подходя к ним.

Бурэй и Гленденхук, все это время обменивавшиеся язвительными замечаниями, почувствовали себя несколько неуютно.

— Похоже, все население Палмариса двинулось на север, — добавил Агронгерр.

Фио Бурэй недовольно отмахнулся.

— А если она права? — спросил отец-настоятель Агронгерр. — Представьте, что миру действительно явлено чудо, но мы даже не хотим на него взглянуть.

— А если она ошибается? — ответил ему Бурэй. — Неужели мы должны по ее прихоти отправить туда братьев лишь затем, чтобы половина умерла в пути, а другая половина вернулась в Санта-Мир-Абель, принесла в наши стены чуму?

— Ее работа с камнями граничит с чудом, — признался Агронгерр.

— Но она же сама утверждает, что не может исцелять больных, — напомнил ему Бурэй.

Агронгерр молча повернулся и ушел, оставив их вдвоем.

Вернувшись к себе, отец-настоятель обдумал все существующие возможности. Что движет им: практический подход или трусость? И какой может оказаться цена неверного предположения?

Все эти размышления напомнили ему картину последних минут брата Фрэнсиса, который умер на поле, рядом с неприступными стенами Санта-Мир-Абель, и который мужеством своим значительно превосходил старого Агронгерра.

— Ах, Фрэнсис, — со вздохом пробормотал старик.

Агронгерр вспомнил ту ночь накануне нового года, когда Фрэнсис покинул монастырь и ушел к больным. Он не только подвергал себя явному риску заболеть чумой. Его поступок вызвал презрение и насмешки со стороны так называемых собратьев.

Эта картина преследовала Агронгерра на всем пути до его покоев. Образ Фрэнсиса не оставлял отца-настоятеля и там. Он словно следовал за ним по пятам и чуть позже, когда Агронгерр по круглой каменной лестнице двинулся вниз.

Он спускался все ниже и ниже, до самого первого этажа. Но и там он не задержался, а продолжил путь в подземелье. Агронгерр шел по коридорам, пока не очутился возле одной необычайно странной двери. Ее сверху донизу покрывали затейливые украшения, среди которых далеко не сразу можно было разглядеть массивную задвижку.

Агронгерр достал связку ключей и стал искать нужный, намереваясь открыть дверь и совершить задуманное раньше, чем кто-либо доберется сюда и станет его отговаривать. Сердце отца-настоятеля было твердо в своем решении; воспоминания о несчастном умершем Фрэнсисе не позволяли ему передумать. Однако разум Агронгерра наполнял страх.

Он открыл замок, поднял задвижку и потянул на себя дверь... но не более чем на дюйм, поскольку другая, более сильная рука вновь захлопнула ее.

Попытившись, отец-настоятель увидел магистра Бурэя, глядевшего на него с холодной яростью. Возможно, они бы еще долго смотрели друг на друга, но в глубине коридора зазвучали шаги. Сюда, спускаясь по лестнице, направлялся кто-то еще.

— Советую хорошенько подумать, старый идеалист, — угрожающе предупредил Бурэй. — Если вы это сделаете, то знайте, что после вашей смерти церковь Абеля будет низринута в такой хаос, какого не знала за всю свою долгую историю.

— Ты уверен, что прав, магистр Бурэй?

— Я просто знаю, что так оно и будет.

— Тебе бы хотелось, чтобы я возглавлял церковь, которая равнодушна к страданиям простого народа? — спросил отец-настоятель.

— Чума пройдет, как проходила раньше, — сказал Бурэй, понизив голос, ибо в коридоре появились магистр Гленденхук вместе с магистром Мачузо.

— Церковь не должна погибнуть, — уже шепотом добавил Бурэй.

Магистр Гленденхук подошел и встал на одинаковом расстоянии от них, удивленно глядя то на одного, то на другого.

— Что вас так встревожило, братья? — спросил он.

Отец-настоятель Агронгерр бросил на него недоверчивый взгляд, потом отошел от Бурэя.

— Ты знаешь точку зрения каждого из нас, — сказал он, обращаясь к Гленденхуку. — Ты слышал рассказ Джилсепони и, следовательно, видел, как между нами пролегла незримая черта. По какую сторону от этой черты стоит магистр Гленденхук?

От заданного в лоб вопроса у Гленденхука даже опустились плечи. Было ясно, что ему очень не хочется участвовать в открытом противостоянии. Он сочувственно взглянул на Агронгерра, затем повернулся к пристально смотревшему на него Бурэю. Казалось, что однорукий магистр требует от Гленденхука немедленного решения.

Гленденхук протянул руку, собираясь было положить ее Агронгерру на плечо, но затем отошел от отца-настоятеля и встал рядом с Бурэем. Он поклонился Агронгерру.

— При всем моем уважении и почтении к вам, отец-настоятель, — сказал он, — я боюсь чумы и внимательно отношусь к тому, что написано в древних хрониках. Эти древние песни — результат горького опыта и страданий тех, кто их написал. Меня страшит отправка братьев за пределы Санта-Мир-Абель, но я еще более боюсь того, что камни души могут оказаться в недостойных руках.

— Эти камни будут в руках наших братьев, — возразил Агронгерр, не понявший последних слов Гленденхука.

— А как насчет тех братьев, которые неизбежно умрут во время пути? — спросил Бурэй. — Камни, находившиеся у них, легко смогут попасть в недостойные руки.

— Джилсепони сумеет научить людей, — резко ответил Агронгерр, ибо его неприятно задела интонация, с какой Бурэй произнес слово «недостойные», и нелепость подобного предположения.

— Именно этого, отец-настоятель, я и боюсь больше всего, — признался магистр Гленденхук.

Агронгерр вздрогнул, как если бы Гленденхук дал ему пощечину. В это мгновение отец-настоятель почувствовал себя настолько старым и уставшим от борьбы, что был готов махнуть рукой и уйти. Но потом он повернулся и увидел перед собой лицо магистра Мачузо, доброго и мягкого человека, который руководил наемными работниками в Санта-Мир-Абель. Время от времени монастырь делился с больными на поле провизией и кое-какими вещами, и Агронгерр неоднократно видел, как Мачузо запихивает в мешки что-нибудь сверх положенной меры.

— Мои молодые братья проводят слишком много дней, уткнувшись в старые книги, — с улыбкой произнес Мачузо, — а также слишком много часов стоят в коленопреклоненных позах с воздетыми руками и глазами, устремленными к небесам.

— Мы — братья ордена Абея! — резким тоном напомнил ему магистр Бурэй.

— Которые больше узнают о мире, если почаще будут смотреть в глаза страдающих людей, — быстро ответил Мачузо. — Братья настолько поглощены своими ритуалами и собственной значимостью и исполнены такой решимости подняться над стадом, которое, по их словам, они призваны пасти, что не в состоянии увидеть удивительную возможность, открывшуюся нам сегодня.

— И кто ее открыл? Невежественная женщина? — бросил Бурэй.

— Лжепророчица, — подхватил Гленденхук.

— Но эта «невежественная женщина» вместе с братом Эвелином уничтожила на Аиде демона-дракона! — парировал Мачузо. — И она же сокрушила дух этого демона, вселившийся в отца-настоятеля Маркворта, в чем сам Маркворт признался на смертном одре магистру Фрэнсису. И теперь, отец-настоятель, она вновь указывает нам путь, — продолжал необычно возбужденный Мачузо, обращаясь непосредственно к Агронгерру. — Путь к

Эвелину в духе и во плоти.

Агронгерр вновь подошел к двери. Бурэй тоже. Однако отец-настоятель так посмотрел на однорукого магистра, что тот попятился назад.

— Не делайте этого, — пытался остановить его Бурэй. — Вы навлекаете проклятие на всех нас.

— Я буду проклят, если не сделаю этого, — твердо ответил Агронгерр. — Магистр Мачузо, оповести всех братьев, — продолжал он. — Я никого не принуждаю силой, а предлагаю каждому сделать свой выбор. Все, кто захочет совершить паломничество, должны в течение часа собраться и быть готовыми к отъезду.

— Часа? — переспросил Гленденхук, которому сама мысль о том, что несколько сотен братьев сумеют за столь короткий срок подготовить и нагрузить повозки, показалась чудовищно нелепой.

— Будет исполнено, — с поклоном ответил Мачузо. — Сомневаюсь, что кто-то решит остаться.

— А если это все-таки ложная надежда? — в последний раз спросил Бурэй.

— Тогда лучше умереть, пытаясь убедиться в этом, чем отсиживаться здесь, — сказал отец-настоятель Агронгерр, почти вплотную приблизив свое лицо к лицу Бурэя.

Агронгерр распахнул дверь в хранилище самоцветов, где лежало более тысячи камней.

ГЛАВА 43 ЗАВЕТ ЭВЕЛИНА

Когда в конце лета Джилсепони вернулась в Барбакан, она убедилась, что в Вангарде слышали ее призыв. Едва ли не все жители этой самой северной провинции Хонсе-Бира, ведомые братом Делманом и настоятелем Хейни, отправились в паломничество.

Увидев сотни вангардцев, поднимающихся по склону, Джилсепони устремилась к ним. Ей не терпелось увидеть Делмана, а также настоятеля Браумина, который стал теперь своеобразным хранителем плато Эвелина и проводником для всех, кто пришел исполниться завета.

Вначале на краю священного склона она разыскала Делмана и крепко обняла его. Затем, с трудом пробираясь между толпой паломников, Джилсепони направилась на самый верх, к руке Эвелина. Неожиданно она заметила в толпе два знакомых лица.

— Андаканавар! — радостно воскликнула она. — Лиам О'Блайт!

Могучий рейнджер обернулся на зов, и лицо его засияло. К удивлению Джилсепони, какой-то веснушчатый рыжеволосый человек тоже заулыбался ей в ответ.

— Разве мы знакомы, прекрасная женщина? — спросил рыжеволосый.

Джилсепони удивленно взглянула на него, подходя к рейнджеру и к человеку, который некогда представился ей как Лиам.

— Думаю, что незнакомы, — учтиво ответила она рыжеволосому.

— Тогда откуда же ты знаешь мое имя? — удивился он.

Джилсепони пристально взглянула на него, затем перевела взгляд на спутника Андаканавара, который покраснел.

— Значит, Лиам О'Блайт — это ты? — спросила она рыжеволосого.

— А разве кто-то говорил тебе, что меня зовут по-иному? — удивился тот.

— Про тебя я ничего не знала, но некто украл твое доброе имя, — сказала Джилсепони, не сводя глаз со спутника Андаканавара.

— Ну, тогда ты попала в нешуточную беду! — громко засмеялся Лиам О'Блайт, тыча пальцем в сторону своего друга.

— Я предпочел путешествовать под чужим именем, — признался разоблаченный лжец. — В противном случае я мог бы навлечь на себя неприятности.

— Уж не являешься ли ты каким-нибудь знаменитым грабителем? — спросила Джилсепони, скрестив на груди руки. — Или ты лишь похищаешь у других людей имена?

— Он принц, — ответил за Мидалиса Лиам. — Брат короля и правитель Вангарда.

От удивления Джилсепони широко раскрыла рот. Она сразу поняла, кого ей напомнил тогда этот человек. Мидалис был почти точной копией Дануба, только моложе и стройнее.

— Я думал, уж ты-то ей скажешь, — произнес Андаканавар, обращаясь к подошедшему Смотрителю.

— Я не думал, что тогда это было нужно, — сухо заметил кентавр. — У нее и так хлопот был полон рот. Не хватало ей еще узнать, что в поединке она наголову разбила наследного принца Хонсе-Бира!

— А ты знал? — спросила Джилсепони.

— Я как-то говорил тебе, девонька: в лесу нет ничего, чего бы я не знал. Ну когда ты мне поверишь?

Джилсепони растерянно покачала головой.

— Мы все перед тобой в долгу, — сказал принц Мидалис, подходя к ней. Потом он низко поклонился и поцеловал ей руку.

— Я так вообще был при смерти, — добавил Лиам. — Уже всерьез думал: вот тебе и конец, Лиам О'Блайт! Если бы не рука Эвелина, так бы оно и было!

— Ты спасла мир, рейнджер-самоучка, — с улыбкой произнес Андаканавар.

— Не я, а Эвелин, — быстро поправила его Джилсепони, кивнув в сторону простертой руки. — Я была лишь вестницей.

— Зато какой замечательной вестницей! — горячо произнес принц Мидалис.

Он сжал ее руку и с восхищением посмотрел ей в глаза.

Джилсепони почувствовала себя неловко и очень обрадовалась, увидев спускавшегося Браумина. Тот заключил ее в такие крепкие объятия, что у Джилсепони перехватило дыхание.

Остаток дня они провели вместе и участвовали в громадном празднестве, которое началось вечером у подножия горы. Джилсепони обратила внимание, что среди паломников совсем мало жителей Альпинадора.

— Они боятся магии самоцветов, а потому боятся и завета с Эвелином, — объяснил Мидалис.

— Не думаю, что альпинадорцам для исцеления нужно непременно обращаться в абеликанскую веру, — ответила Джилсепони и заметила, как у настоятеля Браумина удивленно поднялись брови.

— Для церкви Абеля это место — святое, — отметил Браумин.

Джилсепони кивнула, не собираясь затевать спор.

— Здесь место, как должна понять церковь Абеля, которое предназначено для добрых людей всего мира. И не имеет значения, абеликанцы они или нет, — сказала она. — Если речь идет о том завете Эвелина, который мне известен, он дарует исцеление каждому, кто сюда приходит, вне зависимости от верований.

Теперь ее голос зазвучал резче. Все вопросительно поглядели на настоятеля Браумина.

— Я никогда не отказывал альпинадорцам, — начал он. — У меня и в мыслях не было запретить им приходить на плато Эвелина или обусловить вкушение крови какими-то особыми требованиями. Жителей Альпинадора удерживают их собственные страхи, а вовсе не мои или чьи-то еще слова. Может, они боятся, что все это специально подстроено, чтобы обратить их в нежелательную для них веру.

— А может, они боятся увидеть правду. Им страшно, что их древние верования вдруг окажутся несостоятельными, — добавил Делман.

Джилсепони заметила, как помрачнело лицо Андаканавара.

— Считать так, во-первых, глупо, а во-вторых — высокомерно, — сказала она. — Ни то ни другое не было свойственно Эвелину Десбису.

Она повернулась к рейнджеру. Лицо ее было полно искреннего сочувствия.

— Чума уже вторглась на твою родину?

Он кивнул.

— Не с такой силой, как у вас. Но и у нас многие заболели, и многие уже умерли.

— Приведи их сюда, — сказала Джилсепони. — Убеди их. Скажи им, что исцеление — такой же дар их Бога, как наших. Скажи им любые слова, какие понадобятся, только приведи своих соплеменников сюда.

— Здесь не существует никаких условий, — добавил Браумин Херд, и его слова очень обрадовали Джилсепони.

— Я как раз намереваюсь это сделать, — пообещал ей рейнджер. — Не зря же я сам вкусил крови.

— Если хочешь, братья из Сент-Бельфура пойдут вместе с тобой, чтобы оказывать помощь во время пути, как это делают братья из Сент-Прешес на дороге к югу отсюда, — предложил Делман.

— Посмотрим, — только и ответил Андаканавар.

На следующий день паломники из Вангарда покинули Барбакан. Еще через день, к великой радости Джилсепони, на склонах горы появились монахи из Санта-Мир-Абель. Их прибыло где-то около трех сотен — почти половина населения громадного монастыря. Возглавлял их сам Агронгерр. Они поднялись к руке Эвелина и приняли завет. Тем же вечером они поспешили назад, на юг. Агронгерр отлично понимал, что даже незначительное промедление умножает страдания многих людей. Отец-настоятель пообещал, что остальная часть монахов из Санта-Мир-Абель появится здесь где-то через пару недель.

Джилсепони хорошо спалось в эту ночь. Она знала, что видение, посланное ей через Оракула духами Элбрайна и Эвелина, приносило все более обильные плоды.

Спустя несколько недель Джилсепони и Смотритель наблюдали издали за нескончаемой вереницей паломников. Одни двигались к Аиде. Те, кто уже вкусил крови Эвелина, спешили назад, в свои земли, надеясь до наступления зимы хоть что-то собрать с полей.

Теперь, когда семьсот монахов из Санта-Мир-Абель заняли свое место в цепи и солдаты из Урсала присоединились к палмарисскому гарнизону герцога Тетрафеля, дорога на Барбакан стала быстрой и безопасной.

— Говорят, сюда едет король Дануб, — сказал Смотритель.

Джилсепони кивнула. Ходили слухи, что сегодня к вечеру к отрогам Барбакана должна прибыть вся королевская свита, включая и двух его сыновей.

— Везет сюда весь свой двор, — продолжал кентавр, внимательно глядя на Джилсепони. — Даже двоих малолетних сынишек тащит, как я слышал.

Джилсепони лишь кивнула и не напрасно скрыла улыбку. Она знала: Смотритель ее проверяет, желая узнать, питает ли она какие-либо чувства к королю Хонсе-Бира. По правде говоря, она никогда особо не задумывалась об этом. Не до того ей было.

В тот же вечер они встретились с королем Данубом. Всем собравшимся, в особенности Констанции Пемблбери, было ясно, что годы ничуть не притушили чувств, испытываемых королем к героической Джилсепони Виндон.

— Моя работа — здесь, — объяснила королю Джилсепони, когда он вновь попросил ее стать баронессой Палмариса.

— Мне кажется, работа здесь может успешно продолжаться и без тебя, — возразил Дануб.

Джилсепони отчасти была согласна, но лишь отчасти.

— К северу от Барбакана полно гоблинов и великанов, — сказала она. — Поэтому мне пришлось самой провозгласить себя рейнджером Барбакана. По крайней мере на это время.

— Уж лучше бы ей обойтись без этого звания, — смеясь вставил Смотритель. — А так, в случае чего, придется мне выручать нашего рейнджера из беды!

Его слова вызвали всеобщий смех.

— Палмарис ждет твоего согласия, — без тени шутки произнес Дануб. — Когда бы это ни случилось — сегодня, завтра или через несколько лет, — город будет твой.

Джилсепони ничего не сказала в ответ. Что бы ни было у нее на сердце, она не могла не оценить уважение, оказанное ей королем. Джилсепони почтительно поклонилась и промолчала.

Когда она вновь подняла голову, от нее не ускользнули (да и не могли ускользнуть) завистливый взгляд Констанции Пемблбери и предостерегающий прищур глаз герцога Таргона Брея Каласа.

«Ох, этот странный мир политики!» — подумала Джилсепони.

— Он намерен сделать ее королевой, — заметил герцог Калас, обращаясь к Констанции, когда они возвращались из Барбакана. — Да ты и сама, разумеется, это знаешь.

Констанция не ответила, но ее молчание было красноречивее всяких слов. Конечно же, она знала. Могла ли она не знать? В течение всех пяти дней, едва они выехали из Барбакана, Дануб только и говорил о Джилсепони Виндон. Король пообещал ей Палмарис, и его обещание было искренним. Калас знал: достаточно одного ее слова — и его обещание распространится на Урсальский замок, на столицу и даже на все королевство.

Да, Калас и Констанция это знали. Король Дануб охвачен любовью к Джилсепони Виндон. Ему придется ждать, ибо она не торопилась покидать Барбакан. Однако Дануб был терпеливым человеком и знал, как добиться того, чего он сильно желал.

— Королева Джилсепони, — негромко произнес Калас.

Констанция Пемблбери одарила его взглядом, полным нескрываемой ненависти.

Они двигались на север толпами, больные вперемешку со здоровыми. Паломники приходили из всех уголков Хонсе-Бира: от Вангарда до Лапы Богомола и более южных мест — Йорки, предгорий Пояса-и-Пряжки и далекого Энтела.

Даже из Бехрена в Барбакан приходили немногочисленные кучки испуганных смуглокожих людей, решивших послушаться запретов своих ятолов. Часть пути бехренцы проделывали морем, пробираясь на торговые корабли. Достигнув Палмариса, они продолжали путь по суше, ведомые отчаянным желанием исцелиться.

С наступлением зимы поток паломников превратился в тонкий ручеек, но Джилсепони, Смотритель и Браумин Херд не ушли со своего поста. Магия Эвелина чудесным образом защищала площадку от самых холодных и пронизывающих ветров.

На переломе года паломников стало совсем мало. По доходившим сюда известиям, немало людей умерло в пути от буранов или истощения.

Однако это не поколебало веру Джилсепони и ее друзей. Да, чума продолжала собирать свой зловещий урожай, но сколько тысяч уже никогда не заболеют!

Наступит весна, и в Барбакан вновь хлынут людские потоки. Сюда доходили и другие, радостные известия. Палмарис был наводнен паломниками, которые с нетерпением дожидались возможности тронуться в путь.

В самом начале второго месяца весны все трое были приятно удивлены, увидев знакомую фигуру, закутанную в оленьи шкуры, которая карабкалась вверх по склону.

Улыбка Джилсепони стала еще шире, когда она заметила, что Андаканавар пришел не один. Вслед за ним на гору поднималось немалое число альпинадорцев.

— Ты не верила, что я смогу привести их в такое время года? — с усмешкой спросил Андаканавар. — За кого же тогда ты меня принимаешь, рейнджер-самоучка?

Джилсепони оставалось только смеяться и качать головой.

Андаканавар познакомил их с Брунхельдом. Джилсепони показалось, что этот альпинадорец не испытывал особой радости, оказавшись здесь. Однако он был серьезно болен чумой.

Джилсепони и Андаканавару пришлось пережить несколько тягостных минут, уверяя альпинадорцев, что вхождение в завет с Эвелином и вкушение его крови не означают отступничество от их веры и не требуют от них никаких обещаний.

— Вы сможете вернуться на родину, к вашим обычаям и вашему Богу, но от чумы вы

спасетесь, — сказала Джилсепони.

Говоря, она больше смотрела на Браумина, чем на альпинадорцев.

— Добрый Брунхельд, ты знаешь Агронгерра, который стал теперь отцом-настоятелем нашей церкви, — сказал Брамин, удивив Джилсепони и Смотрителя.

Но в свое время Брамин долго говорил с Агронгерром о возможности встречи с Андаканаваром и был к ней готов.

— Ты знаешь, насколько важен союз, который ты заключил с ним и с принцем Мидалисом. Подумай же о дальнейшем укреплении дружеских уз между нашими народами.

Им пришлось ждать, пока Андаканавар переведет слова настоятеля на альпинадорский язык, чтобы Брунхельд понял не только буквальное значение слов, но и все оттенки речи.

Брунхельд что-то сказал рейнджеру. Андаканавар повернулся к трем друзьям.

— Он говорит, что этот поступок может оскорбить его богов, — объяснил рейнджер.

Джилсепони взглянула на своих друзей, затем на альпинадорцев.

— В таком случае, сделай это один, — предложила она Брунхельду. — Покажи пример своим соплеменникам. Будь первым альпинадорцем, вкусившим крови Эвелина.

Андаканавар кашлянул.

— Точнее, вторым, — поправила себя Джилсепони, поскольку, будучи тогда в Барбакане, рейнджер наверняка вкусил крови Эвелина. — Но первым среди тех, кто рос и воспитывался в Альпинадоре. Пойди к руке и добровольно прими завет. Тогда тебе будет понятнее, как убедить тех, кого ты привел сюда вместе с собой.

Андаканавар начал переводить, но Брунхельд махнул рукой, показав, что понял. Он набрал в легкие воздуха, затем прошел мимо Джилсепони прямо к простертой руке.

Брунхельд опустился на одно колено, внимательно осмотрел высохшую ладонь Эвелина и даже понюхал ее.

Джилсепони осторожно подошла к нему сзади.

— Поцелуй ладонь, и ты все поймешь, — пообещала она.

Брунхельд подозрительно глядел на Джилсепони.

— Как же ты сможешь правильно все объяснить своему народу, если сам не знаешь? — простодушно спросила она.

Альпинадорец долго и пристально глядел на странную женщину, затем низко склонился, глотнул воздуха, опустил голову и вкусил крови Эвелина.

На его лице появилось удивление, сменившееся...

Ликованием.

Брунхельд вновь посмотрел на Джилсепони.

— Видишь, ты остался прежним, и твой Бог остался прежним, — тихо сказала она. — Но чума уже никогда не коснется тебя.

Они шли в течение целого дня, суровые и недоверчивые альпинадорцы, и принимали спасение от руки будущего святого церкви Абея. Они задержались в Барбакане, чтобы отпраздновать свое исцеление. На прощание Брунхельд пообещал Джилсепони послать весть по всему Альпинадору, чтобы убедить своих соплеменников идти сюда.

В ответ Джилсепони пообещала ему, что их встретят как друзей.

Как и предполагалось, с ранней весны паломники вновь хлынули в Барбакан. Они непрерывно прибывали в Палмарис из всех уголков Хонсе-Бира и оттуда шли дальше на север.

Джилсепони и Смотритель издали наблюдали за этой человеческой рекой и радовались, что завет Эвелина продолжает исполняться и розовая чума будет побеждена.

На дальних подступах к Барбакану, там, где дорога проходила среди леса, за паломниками следила еще одна пара глаз, и чувства у следившего были совсем иными.

Для Маркало Де'Унnero этот безостановочный людской поток, направлявшийся к Эвелину Десбрису, был подобен жестокому зеркалу, кричащему о его неудаче.

Теперь он в равной степени был и человеком, и зверем, поработанный силой тигриной

лапы — магического самоцвета, некогда ставшего неотъемлемой частью его жизни. В прошлом он гордился этим как своим исключительным достижением; сейчас это стало его проклятием, ибо он был уже не в состоянии сдерживать в себе инстинкты свирепого, голодного тигра. Де'Унnero стал убийцей. Он питался плотью и кровью людей, а потому не мог не убивать. В тех случаях, когда ему не попадалась человеческая добыча, он охотился на оленей и кроликов.

Он знал, что погружается в бездну, что тигр приобретает безраздельное господство над его разумом и душой.

Но не над телом. Похоже, что кольцо с гематитом, которое однажды он забрал у купца в Палмарисе, каким-то образом укоренилось в его искаленном существе. Ведь он наверняка должен был умереть от ран, полученных в день его несостоявшегося триумфа, сменившегося поспешным бегством из Палмариса. Он много дней вытаскивал из себя наконечники стрел. Несколько раз это заканчивалось сильнейшим кровотечением. Де'Унnero слабел и даже терял сознание.

Однако всякий раз он вновь пробуждался к жизни и обнаруживал, что его очередная рана полностью затянулась. Камень души не позволял ему умереть! Но тогда, в те дни, Маркало Де'Унnero больше всего на свете хотел умереть, чтобы освободиться от хватки тигра, от ужасающей тюрьмы, в какую превратилось его тело.

Он даже хотел отправиться на плато Эвелина. Де'Унnero не боялся чумы. Он почему-то знал, что не заболит. Он постоянно слышал восторженные разговоры о завете Эвелина. Он слышал их от тех, кто направлялся в Барбакан и кто возвращался оттуда. Вдруг рука Эвелина способна исцелять не только от чумы? Вдруг она способна избавить его от проклятия?

И Де'Унnero пустился в путь к Барбакану. Но однажды, тихим, безлунным вечером, он увидел, как женщина из каравана паломников слишком далеко отошла в лес от спасительного пламени костра. На этом его путешествие закончилось.

После кровавого пиршества Де'Унnero понял: ему бесполезно идти в Барбакан. Таким, как он, не получить спасения от святого Эвелина Десбриса.

И он скрылся в лесу, двигаясь все дальше и дальше на запад, в глухие и дикие места, где полно оленей и другой дичи и почти не встречаются люди.

Так прошло несколько лет. Наступила весна восьмьсот тридцать четвертого года Господня. Уже предыдущая весна принесла в Барбакан лишь тоненькие ручейки паломников. Их было настолько мало, что настоятель Браумин вернулся в Сент-Прешес. Многие монахи, которые несли службу вдоль дороги в Барбакан, смогли теперь возвратиться в свои монастыри. По сведениям, поступавшим с юга, паломников этим летом ожидалось очень мало.

Казалось, чуме уже нанесен сокрушительный удар. Испытывая смешанные чувства, Джилсепони и Смотритель покинули пост на горе Аида и вернулись в родные места.

Прежде чем въехать в Дундалис, Джилсепони навестила рощу и долго простояла у могилы Элбрайна. Потом она спустилась в пещеру под вязом, заглянула в Оракул и увидела, что дух Элбрайна находится рядом с нею. Впервые за все эти годы она перестала быть Джилсепони, вновь превратившись в Пони. Она почувствовала себя просто Пони — девочкой, которая когда-то росла в этих краях вместе с Элбрайном и которой слишком долго пришлось странствовать по свету, прежде чем вновь сюда вернуться.

Несколько часов она провела в общении с духом своего погибшего мужа и только поздним вечером выбралась из пещеры. Смотрителя поблизости не было; только легкий ветерок доносил звуки его волынки.

Как все это напоминало те далекие дни!

Дундалис за эти годы разросся. Многие паломники, вместо того чтобы возвращаться на юг, решили остаться здесь. Крупнее стали и два других города Тимберленда, а также все города по дороге к югу, включая и сам Палмарис. Население там выросло, и теперь в

Палмарисе было больше жителей, чем ко времени начала чумы.

Трактир «У доброго друга» сделался весьма шумным и многолюдным заведением. Приветственные крики по случаю возвращения Пони звучали так оглушительно, что напомнили ей трактир с тем же названием, который был в Палмарисе у ее приемных родителей.

Белстер трудился за стойкой вместе с Роджером. Дейнси работала урывками, когда ее малыш, только начинавший ходить, спал. Тогда она спускалась вниз и принималась кружиться между столиков.

— Мы можем немного поговорить? — спросила Пони всех троих, когда закончились приветствия, объятия и слезы.

Белстер кивнул двоим завсегдатаям, которые принялись обслуживать посетителей, а Пони повела своих друзей в заднюю комнатку.

— Хорошо, что ты вернулась, — искренне обрадовался Белстер.

— Но ненадолго, — ответила Пони и поочередно обвела глазами каждого из друзей. — Я намерена отправиться в Палмарис и принять предложение короля Дануба, — объявила она.

— И ты будешь баронессой Пони? — с радостным и веселым смехом спросила Дейнси.

— Баронессой Джилсепони, — поправила она.

— А как насчет твоих абеликанских друзей-монахов? — спросил Белстер. — Они вовсю готовятся провозгласить Эвелина святым, чуть ли не в нынешнем году. Они надеются открыть в Кертинелле новую часовню. Думаю, Брамину хочется, чтобы ты, девонька, стала главной при этой часовне или хотя бы помогала ему в церковном служении.

Слушая слова трактирщика, Пони не переставала качать головой.

— Они должны меня понять, — твердо сказала она. — Я смогу больше сделать для утверждения учения Эвелина, будучи баронессой Палмариса, нежели заняв какое-то место в церкви. Там мне пришлось бы ежедневно сражаться за власть, и прежде всего потому, что я — женщина.

Она посмотрела на Роджера, ища у него поддержки. За исключением Смотрителя, никто не знал ее так хорошо, как он. Роджер, улыбаясь, утвердительно кивал.

Это был единственно правильный выбор.

— В Чейзвинд Мэнор у меня обязательно найдется место для Белстера, — пообещала Пони. — И для Роджера и Дейнси — тоже.

— И для Бриана, — с озорной улыбкой вставила Дейнси.

— Бриана? — переспросила Пони.

Потом, увидев лица Дейнси и Роджера, она догадалась. Снова начались объятия и поздравления. Затем Дейнси повела Пони туда, где мирно спал Бриан, и стала рассказывать ей все подробности его рождения и их с Роджером жизни за эти годы.

Через месяц Джилсепони Виндон уехала из Дундалиса. Она заблаговременно отправила послание в Палмарис, сообщив, что принимает предложение короля Дануба стать баронессой. Задолго до ее прибытия в город герцог Тетрафель с большой радостью покинул Чейзвинд Мэнор.

Бринн Дариель подумала, что одержала победу. После того как она мастерски увернулась, ударила, отступила и вновь нанесла удар, ей казалось, что маленький Эйдриан потерял равновесие.

Но ее отход был перекрыт с обеих сторон, и когда Бринн занесла свой изящный меч для удара снизу, Эйдриан ударил по его лезвию своим мечом, пригнув оружие девочки к земле. Он едва шевельнул рукой, и в следующую секунду острие его меча оказалось напротив горла Бринн.

— Наконец-то, — произнес Эйдриан, ибо это была его первая победа над старшей по возрасту рейнджером-ученицей, которую очень высоко ценили эльфы.

— Замечательный успех, — заметила госпожа Дасслеронд, обращаясь к Белли'мару Джуравиллю.

Они оба стояли неподалеку, в кустах, невидимые для юных воинов.

— Его действия кажутся мне даже более обещающими, чем у нашей Бринн.

Джуравиль кивнул. После сражения, которое они только что видели, у него не было возражений. Он мало знал об Эйдриане и не общался с мальчиком. Однако по рассказам других эльфов ему было известно, что ребенок очень горделив и обладает довольно взрывчатым характером. Но госпожу Дасслеронд, похоже, это не волновало. Каждый раз, когда Джуравиль упоминал о них или о других отрицательных сторонах маленького рейнджера, госпожа Дасслеронд обвиняла его в пристрастности и прекращала разговор.

— Пора заняться и другой стороной его обучения, — сказала предводительница эльфов, и ее слова застigli Джуравилья врасплох.

— Камни? — нерешительно спросил он.

Госпожа Дасслеронд кивнула.

— Приобретя магические способности, он станет самым совершенным воином, каких только знал мир, — сказала она. — Он превзойдет своего отца, превзойдет первого Эйдриана и даже Терранена Диноньела.

— Он еще слишком мал, — решил возразить Джуравиль.

На самом деле он хотел сказать своей госпоже не это. Он хотел буквально крикнуть ей, что этот ребенок нуждается не только в обучении искусству сражения и магии самоцветов. Душа Эйдриана тоже нуждается в обучении. Мальчику надо научиться достигать равновесия в мыслях и — что еще важнее — в своем сердце.

Однако Джуравиль промолчал, ибо знал, что госпожа Дасслеронд не послушает его.

Невдалеке от него Эйдриан дразнил Бринн Дариель, подзадоривая ее на новое сражение, чтобы он смог «побить ее еще раз».

Белли'мара Джуравилья терзали очень недобрые предчувствия.

ЭПИЛОГ

Спускаясь по лестнице в подземелье Чейзвинд Мэнор и направляясь в маленькую, темную комнатку, она переставала быть баронессой Джилсепони. Здесь, в этом уединенном месте, она вновь становилась Пони, просто Пони.

В сумраке ее убежища вся политическая и светская суэта уходила прочь. Пони всматривалась в зеркало и ждала появления тени ее погибшего любимого. Она вновь нашла смысл жизни, и, когда она говорила с Элбрайном, обращаясь к нему не словесно, а в мыслях, она делала это без смятения.

Теперь, мой любимый, я обладаю пониманием, и вместе с ним ко мне приходят покой и истинная удовлетворенность. Прежде мне казалось, что я уже никогда не испытаю их снова.

Когда я потеряла тебя, мне думалось, что принесенная тобой жертва была напрасной, что ею ты ничего не достиг. Я боялась, что такова природа человека и всё, против чего мы боролись, вернется вновь. Мне казалось: не успеет кончиться одна битва, как тут же начинается другая, и так до бесконечности. Я и сейчас не уверена в противоположном и сомневаюсь, что возможен рай, построенный в мире людей.

Однако теперь я понимаю, что мы должны продолжать сражение невзирая на обстоятельства и исход самой битвы. Мы сражаемся потому, что тем самым мы заявляем о том, кем хотим быть и кем должны стать. Мы сражаемся, иначе мы вынуждены капитулировать перед состоянием мышления, которое считаем неверным. Мы сражаемся, чтобы спасти если не мир, то самих себя.

И в результате этого сражения все мы, все человечество, становимся лучше. Мир действительно стал светлее после нашей борьбы с Марквортом и победы над ним, после затраченных нами усилий и принесенной тобой жертвы. Я знаю: тьма не прекратит набегов на мир. Но я также знаю, что найдутся те, кто облачится в

боевые доспехи и произнесет имя Полуночника, как мы сражались с именем Диноньела на устах. Ты, мой любимый, сумел сделать мир лучше. Ты сделал это, устранив зло в управлении церкви. И ты делаешь это незримо, вдохновляя тех, чьи воззрения совпадают с твоими и кто продолжает начатую тобой битву.

Нет, твоя смерть была не напрасна, и хотя мне очень недостает и всегда будет недоставать тебя, хотя мое сердце никогда уже не станет прежним, ныне я принимаю награду за нашу победу. Да, мой любимый, ты не напрасно заплатил за нее такую цену.